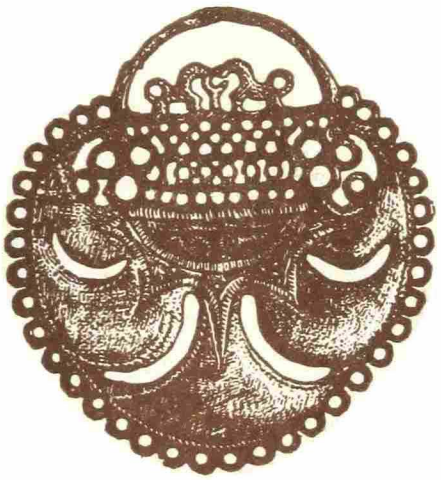
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1982

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1982

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Нгуен Кхак Ши (Ханой). Культура шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии 5
Козенкова В. И. (Москва). Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа 14
Пескова А. А., Раппопорт П. А., Штендер Г. М. (Ленинград, Новгород). К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы 35
Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (Ленинград). Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований) . . 47
Краснов Ю. А. (Москва). Древние и средневековые рала Восточной Европы 63
Чижова Л. В. (Москва). К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья (по сюжетам культового литья) 81
Крамаровский М. Г., Полубояринова М. Д. (Ленинград, Москва). К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды 96

Публикации

Смирнов А. С. (Москва). Неолитические стоянки Жеренских озер 103
Ошибкина С. В. (Москва). Мезолитический могильник «Попово» на р. Кинеме 122
Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С. (Краснодар, Ленинград). Поселение Красногвардейское на Кубани — новый памятник кобяковской культуры 139
Кореняко В. А., Лукьяшко С. И. (Москва, Ростов-на-Дону). Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона . . . 149
Винников А. З. (Воронеж). Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э. 165
Буров В. А. (Москва). Вечевая площадь Неревского конца древнего Новгорода 181
Айбабин А. И. (Севастополь). О производстве поясных наборов в раннесредневековом Херсоне 190
Иванов В. А. (Уфа). Городище Петер-тау (Юлдашевское) 199
Овчинникова Б. Б. (Свердловск). Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве 210

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1982 г.

Заметки

Жилин М. Г. (Москва). О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I 219
Молчанов А. А. (Москва). Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» . . 223
Голубева Л. А. (Москва). Новые скандинавские находки в Белозерье . . . 227
Белый А. В., Манучарян А. А. (Ереван). Печать-перстень с армянской надписью из Крыма 229
Гамзатов Г. Г. (Махачкала). Памятники позднесредневекового времени на территории Терско-Сулакского междуречья 231
Шишкин К. В. (Москва). Аэрометод как источник для исторической топографии Ольвии и ее окрестностей 235

Критика и библиография

Белецкий С. В., Лесман Ю. М. (Москва, Ленинград). Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978 243
Пуцко В. Г. (Калуга). Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978 248
Формозов А. А. (Москва). Новая книга о пещере Ласко (Leroi-Gourhan Arl., Allain J. Lascaux inconnu. XII suppléments à «Gallia Préhistoire», Paris, 1979) 250
Матюхин А. Е. (Ленинград). Girard C. Les industries maustériennes de la grotte de l'Hyène à Arcy-sur-Cure. Paris, 1978 254
Кошеленко Г. А., Сарианиди В. И. (Москва). [Рец.] The archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period. London — New-York — San Francisko, 1978 260
Окладников А. П. | **Худяков Ю. С.** (Новосибирск). Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980 264
Тереножкин А. И. | **Грязнов М. П.** Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980 267
Штейн Е. Э. (Москва). Clavel-Leveque M. Marseille grecque. Marseille, 1977 270

Хроника

Лебедев Ю. С., Самохина Т. М. (Москва). Использование трансформируемых сооружений для защиты и экспозиции археологических памятников . . . 278
Гайдуков П. Г., Завьялов В. И. (Москва). I Всесоюзная методологическая школа молодых археологов 282
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. (Москва). Первый советско-американский симпозиум по археологии 284
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Из истории русской археологии и нумизматики (Х. М. Френ, 1782—1851) 289
Алексей Павлович Окладников 291
Алексей Иванович Тереножкин 297
Марта Хансовна Шмидехельм 299

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1982

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Nguyen Khac Shi (Hanoi). The Sonvi Culture and the Palaeolithic of South-Eastern Asia 5
Kozenkova V. I. (Moscow). Origin of the Cremation Burial Rites of the Koban Tribes in the Caucasus 14
Peskova A. A., Rappoport P. A., Shtender G. M. (Leningrad, Novgorod). The Rise of the Novgorod Architectural School 35
Kirpichnikov A. N., Ryabinin E. A. (Leningrad). Recent Investigations on Finno-Ugric Tribes in the Novgorodan Lands 47
Krasnov Yu. A. (Moscow). Ancient and Mediaeval Ards of Eastern Europe 63
Chizhova L. V. (Moscow). Ideology of the Population of the Kama Basin in the Middle Ages According to the Subjects of Ritual Casts 81
Kramarovsky M. G., Poluboyarinova M. D. (Leningrad, Moscow). The Jeweller's Art in the Golden Horde Towns 96

Publications

Smirnov A. S. (Moscow). Neolithic Sites at the Zhereno Lakes 103
Oshibkina S. V. (Moscow). The Popovo Mesolithic Burial Ground on the Kinema River 122
Anfimov N. V., Sharafutdinova E. S. (Krasnodar, Leningrad). The Krasnogvardeiskoe Settlement on the Kuban River — a New Monument of the Kobyakovo Culture 139
Korenyako V. A., Lukyashko S. I. (Moscow, Rostov on Don). New Materials on Early Scythian Habitat on the Left Bank of the Lower Don 149
Vinnikov A. Z. (Voronezh). Slavic Ceramics from the Don Basin, End of the 1st Millennium A. D. 165
Burov V. A. (Moscow). The Veche Square in Ancient Novgorod 181
Aibabin A. I. (Sevastopol). The Production of Belt Ornaments in Early Middle-Ages Chersone 190
Ivanov V. A. (Ufa). The Piter-Tau (Yuldashevo) Fortified Settlement 199
Ovchinnikova B. B. (Sverdlovsk). Ancient Turkic Warrior's Burial in Central Tuva 210

Notes

Zhilin M. G. (Moscow). On the Date and Cultural Affiliation of Pleshcheevo-I Site 219
Molchanov A. A. (Moscow). Once More on the Taman Bronze Bracteate . . . 223
Golubeva L. A. (Moscow). New Scandinavian Finds from Beloserie 227
Bely A. V., Manucharyan A. A. (Erevan). A Signet-Ring with an Armenian Inscription from the Crimea 229
Gamzatov G. G. (Makhachkala). Late Mediaeval Monuments in the Terek and the Sulak Interfluve 231
Shishkin K. V. (Moscow). Air Photography as a Source for Historical Topography of Olbia and Its Suburbs 235

Book Reviews and Bibliography

Beletsky S. V., Lesman Yu. M. (Moscow, Leningrad). Shtykhov G. V. Towns of the Polotsk Lands (9th-13th Centuries). Minsk, 1978 243
Putsko V. G. (Kaluga). Poluboyarinova M. D. Russians in the Golden Horde. Moscow, 1978 248

Formozov A. A. (Moscow). A New Book on the Lascaux Cave (Leroi-Gourhan Arl., Allain J. Lascaux inconnu. XII Suppléments à «Gallia Préhistoire». Paris, 1979) 250
Matyukhin A. E. (Leningrad). Girard C. Les industries maustériennes de la grotte de l'Hyène à Arcy-sur-Cure. Paris, 1978 254
Koshelenko G. A., Sarianidi V. I. (Moscow). [Rev.] The Archaeology of Afghanistan from the Earliest Times to the Timurid Period. London — New-York — San Francisco, 1978 260
Okladnikov A. P., **Khudyakov Yu. S.** (Novosibirsk). Gryaznov M. P. Arzhan — A Royal Mound of the Early Scythian Times. Leningrad, 1980 . . . 264
Terenozhkin A. I. Gryaznov M. P. Arzhan — A Royal Mound of the Early Scythian Times. Leningrad, 1980 267
Shtein E. E. (Moscow). Clavel-Leveque M. Marseille greque. Marseille, 1977 270

Chronicle

Lebedev Yu. S., Samokhina T. M. (Moscow). Use of Transformable Devices for Protection and Exposition of Archaeological Monuments 278
Gaidukov P. G., Zavyalov V. I. (Moscow). The First All-Union Archaeological School for Young Archaeologists 282
Merpert N. Ya., Munchaev R. M. (Moscow). The First-Soviet-American Archaeological Symposium 284
Fyodorov-Davydov G. A. (Moscow). From the History of Russian Archaeology and Numismatics (Ch. M. Fren, 1782—1851) 289
A. P. Okladnikov 291
A. I. Terenozhkin 297
M. H. Shmidekheim 299

НГУЕН КХАК ШИ

КУЛЬТУРА ШОНВИ И ЕЕ МЕСТО В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

На территории Вьетнама до 1960 г. не было обнаружено ни одного палеолитического памятника. В настоящее время во многих пунктах Северного Вьетнама (гора До, Куануен, Танмай) и Южного Вьетнама (Выонзу, Затан, Нуйдат) обнаружены древнепалеолитические орудия. Наиболее ярким памятником нижнего палеолита является гора До [1; 2; 3, с. 9—49; 4, с. 50—106]. Средний палеолит представлен только одним памятником — гротом Миеньхо [5, с. 183—191]. В некоторых пещерах Вьетнама открыты антропологические остатки (Тхунгланг, Хангхум, Кеоленг и Тхамом), которые датируются средним плейстоценом и началом верхнего плейстоцена [6—9] (рис. 1).

Несмотря на многолетнее изучение каменного века Вьетнама, не удавалось выявить археологические памятники, относящиеся к позднему палеолиту. Между ашельской эпохой (гора До) и мезолитом (хоабиньские пещеры) имелся разрыв. Вообще проблемы позднего палеолита Юго-Восточной Азии были изучены очень слабо. Впервые памятники культуры шонви, относящиеся к позднему палеолиту Вьетнама, были открыты в 1968 г. [10, с. 60—69]. Это было началом изучения позднего палеолита Вьетнама. В настоящее время известно около 120 местонахождений культуры шонви [11, с. 51—58].

Памятники культуры шонви распространены в обширном районе: в провинции Лайчяу (3), Шонла (9), Хоангльеншон (3), Хабак (5), Хашонбинь (2), Тханьхоа (2); большая часть их сосредоточена в провинции Виньфу, где найдено около 100 местонахождений (рис. 1) [12, с. 37—50].

Остатки шонвиской культуры залегают не только в пещерах карстового происхождения, но и на холмах, на аллювиальных речных террасах. Большая часть памятников культуры шонви залегает под открытым небом. Они располагались поблизости от речек и ручьев, вблизи питьевой воды и в местах, особенно богатых материалом для изготовления орудий.

Во многих стоянках, расположенных под открытым небом, отсутствовал культурный слой. Но раскопки на стоянках Банфо, Кумдон (пров. Шонла) выявили, что каменные орудия, фаунистические остатки и угли залегают на глубине до 50—60 см от поверхности.

В пещерах культуры шонви встречаются изделия из камня, кости, остатки очагов, кухонные отбросы, угли и др. Пещера Намтун имеет два культурных горизонта. Верхний горизонт относится к поздненеолитической эпохе, а нижний — к культуре шонви. Каменный инвентарь нижнего слоя включает массивные, грубо обработанные орудия, отщепы, пластинки. В пещере Конмонг представлены три культурных горизонта, разделенные стерильными прослойками и содержащие три различных индустрии (считая снизу) — шонви, хоабинь и бакшон. В самом нижнем культурном горизонте найдены чопперы, орудия на четверти гальки, орудия в форме дольки апельсина, в форме лошадиного копыта и одно орудие с двухсторонней обработкой. Средний горизонт очень богат находками. Кроме орудий, аналогичных находкам нижнего горизонта, здесь найдены топоры типа Суматра, топоры овальной формы, короткие топоры, дисковидные скребла, отщепы, пластинки. В верхнем слое обнаружены топоры с подшлифованным с обеих поверхностей правильным выпуклым лезвием.

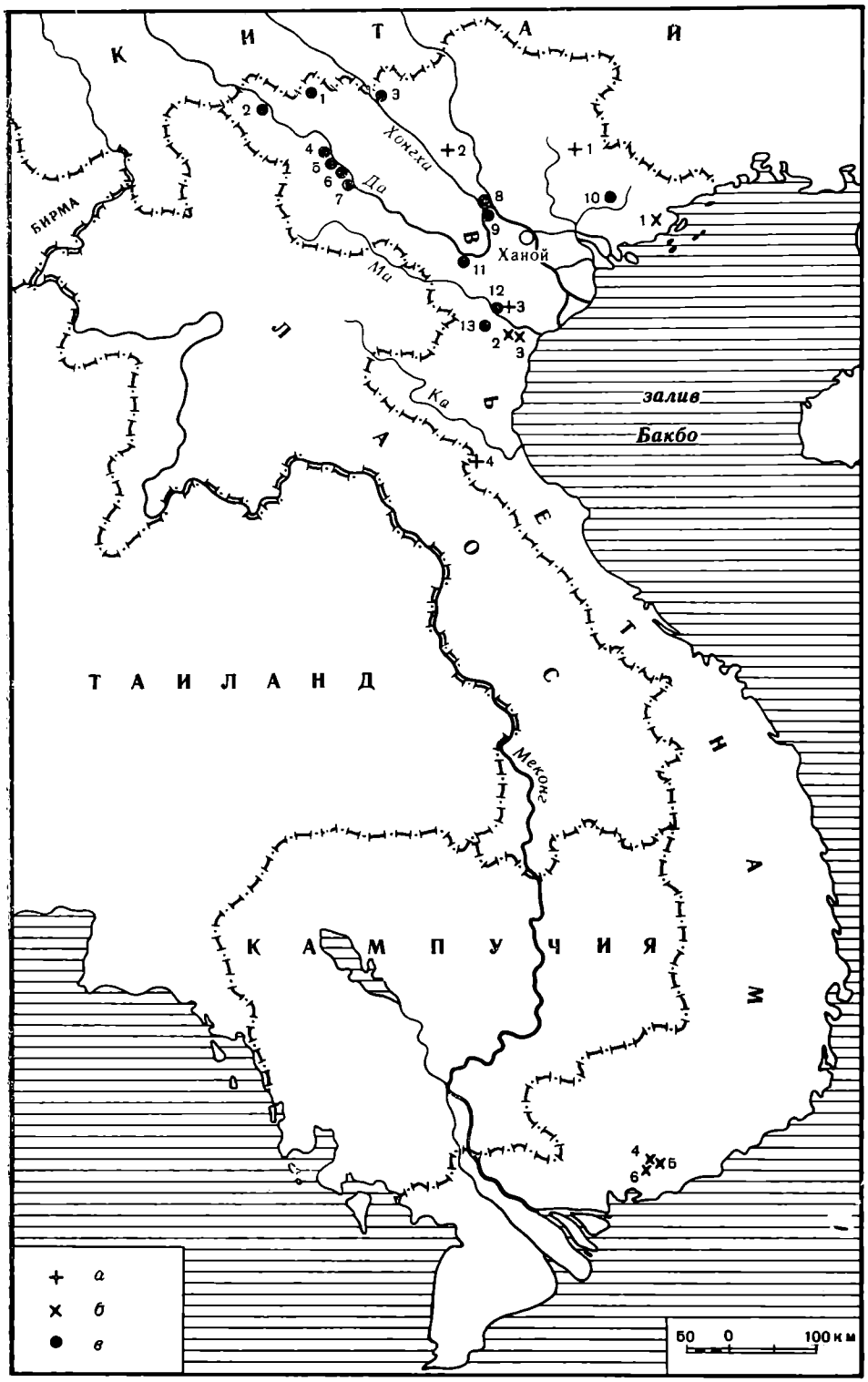


Рис. 1. Распространение памятников палеолита Вьетнама *а* — антропологические находки: *1* — Хангхум, *2* — Кеоленг, *3* — Тхунгланг, *4* — Тхамом; *б* — древнепалеолитические памятники: *1* — Танмай, *2* — Куанцен, *3* — гора До, *4* — Выонзу, *5* — Затан, *6* — Нуйдат; *в* — памятники культуры шонви: *1* — Намтун; *2* — Тхамкхыонг (пров. Лайчау); *3* — Бенден, Кауден, Конгьеп (пров. Хоангльеншон), *4* — Понг I, Понг II, *5* — Похьенг, Банкай, Банчоп, *6* — Паманг, Хангто, *7* — Кумдон, Банфо (пров. Шонла), ***8* — 98 местонахождений в провинции Виньфу**, *9* — Вантханг, *10* — Нончюк, Каукат, Миньхай, Кхетау, Анию (пров. Хабак), *11* — Фынгкуен (пров. Хашонбинь), *12* — Конмонг, *13* — Нуймот (пров. Тханхоа)

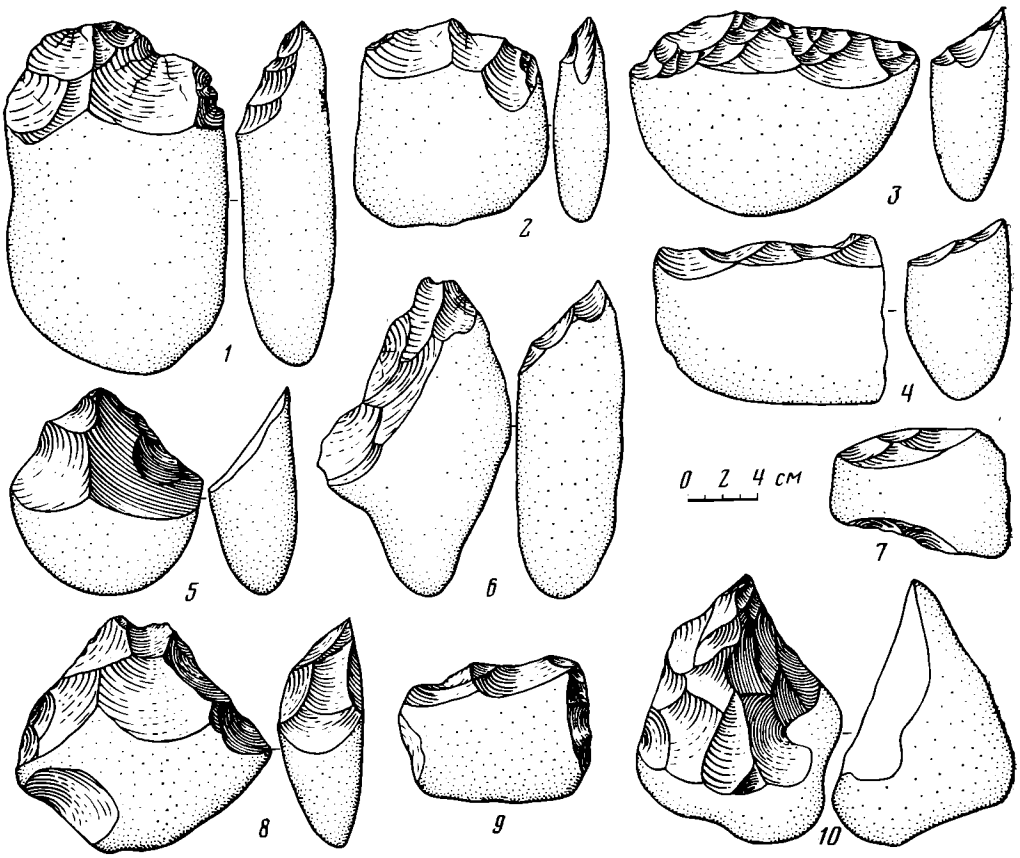


Рис. 2. Шонвиские каменные орудия (этап А) из Банфо (*1*, *2*, *6*), Конгнгеп (*3*, *5*), Чью (*4*, *7*, *9*, *10*) и Вантханг (*8*)

Среди памятников каменного века Вьетнама есть многослойные, в которых материалы культуры шонви залегают внизу, под остатками более поздних культур. До сих пор не обнаружены памятники, где слой культуры шонви подстилался бы более древними культурными остатками.

Материалом для изготовления орудий служили крупные речные гальки, в основном кварцевые и кварцитовые. Чаще всего они овально-продолговатые по форме и округло-эллипсовидные в сечении. Иногда орудия делали из костей и из раковин.

Основной техникой обработки каменных орудий культуры шонви является оббивка. Очень редко встречается техника ретуширования. Шлифовка отсутствует. Часть галечной корки удаляли, чтобы создать рабочий край. Лезвие образовывалось одним или несколькими сколами. Особенно характерны для культуры шонви односторонне обработанные гальки. Таким путем было получено своеобразное скребло или чоппер с массивным крутым лезвием. Отсутствуют призматические нуклеусы или микронуклеусы. Отщепы и пластинки очень редки. Они получались в процессе изготовления чопперов или скребел, и только немногие из них были отколоты от нуклеусов. Очевидно галечная техника шонви развивалась по направлению к макролитизации.

В культуре шонви отсутствуют топоры типа Суматра и короткие топоры, характерные для хоабиньской культуры, топоры с подшлифованным лезвием бакшонского типа, а также керамика. Вместе с тем по типологии орудия культуры шонви разнообразны.

Шонвиские галечные орудия разделяются на следующие группы.

1. Орудия на односторонне обработанных гальках. Среди них есть орудия с одним поперечным лезвием, сделанные из целой гальки,— длинные чопперы (рис. 2, *1*; 3, *17*); с одним поперечным лезвием, сделанные из половины гальки,— короткие чопперы (рис. 2, *2*; 3, *18*); с одним продольным лезвием, сделанные из целой гальки,— скребла в форме долек апельсина (рис. 2, *3*, 3,*22*); с одним продольным лезвием,

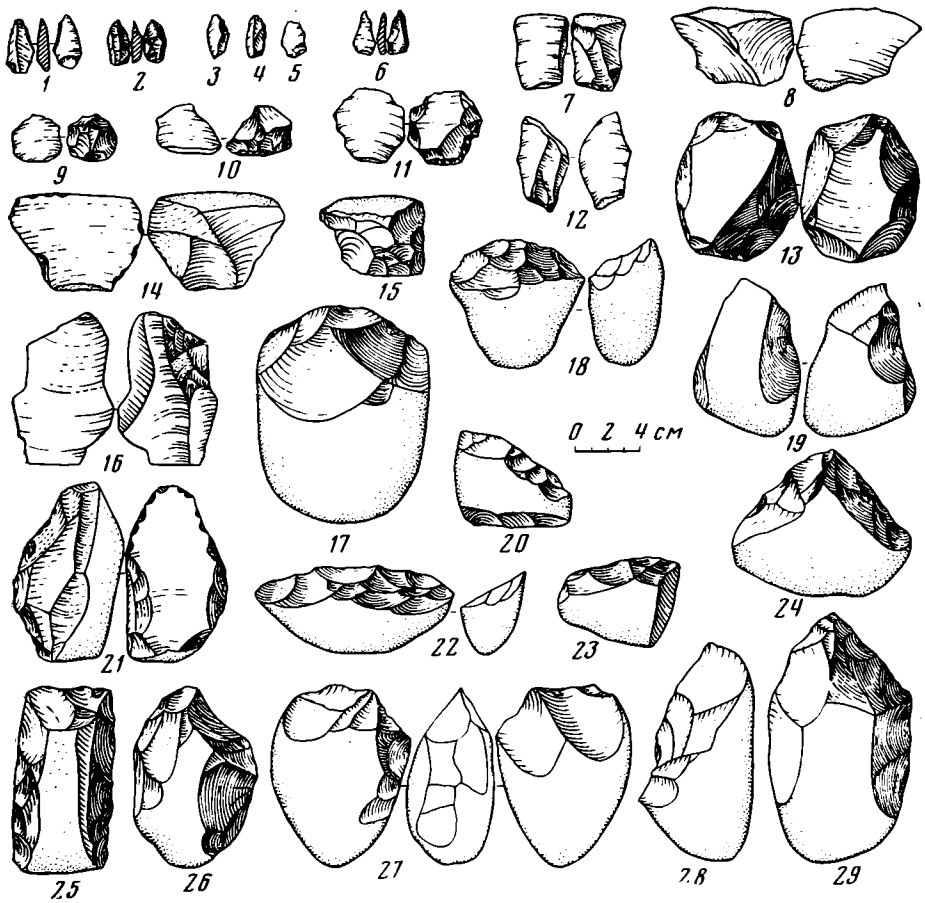


Рис. 3. Шонвиские каменные орудия (этап Б) из Конмонг (*1—6*), коллекция провинции Виньфу (*7—29*)

сделанные из половины гальки (рис. 2, *4*; 3, *23*); с одним скошенным лезвием — чоппер-скребло (рис. 2, *6*; 3, *28*); с двумя сходящимися под углом в 90° или больше лезвиями (рис. 2, *5*, 3, *24*); с двумя сходящимися под углом <90° — острия (рис. 2, *10*; 3, *29*); с двумя лезвиями на противоположных краях — ножевидные орудия (рис. 2, *7*; 3, *20*); с двумя противолежащими лезвиями — ножи-скребла (рис. 3, *19*) с несколькими лезвиями, сходящимися под прямым углом,— топоры типа шонви (рис. 3, *25*); с несколькими лезвиями, сходящимися под углом >90° — топоры типа «лошадиное копыто» (рис. 2, *8*; 3, *26*).

2. Орудия на двусторонне обработанных гальках. В этой группе имеются орудия с поперечным лезвием— длинные чоппинги (рис. 3, *27*) и с продольным лезвием— короткие чоппинги.

3. Орудия на гальках, обработанные по периметру, а также овальные дисковидные топоры хоабиньского типа (рис. 3, *13*).

В культуре шонви встречаются также орудия на пластинках, на отщепах (рис. 3, *1—12*, *14—16*, *21*), песты, жернова, костяные наконечники, скребла из раковин.

Основными категориями инвентаря культуры шонви являются чопперы, скребла в форме долек апельсина и скребла на четверти гальки (рис. 2, *1—4*; 3, *17*, *18*, *22*, *23*). Скребла, как правило, сделаны из целых галек, и только незначительная их часть сделана из обломков галек.

В нижнем слое пещеры Конмонг встречены остатки погребений с сохранившимися человеческими костями, принадлежащими представителям негро-австралоидной расы. Большой интерес представляют фаунистические остатки. Самый нижний культурный слой Конмонг содержит кости современных видов животных: Arctonyx collaris F. Cuvier, Paradoxurus hermaphroditus Pallas, Rhinoceros sp., Sus scrofa L., Cervus sp., Rusa unicolor Kerr, Muntiacus muntjac Zimmermann, Phasianidae sp., Tryonyx sp. Ископаемые фаунистические остатки обнаружены в пещере Нуймот:

Pongo sp., Sus scrofa, Rusa sp., Muntiacus muntjac, Bovidae-gen et sp. indet, Rhinoceros sp. Hystrix sp., Rattus sp.; в пещере Фынгкуен: Macaca cf. mulatta Zimmermann, Macaca cf., Panthera pardus?, Arctonyx collaris F. cuvier, Paradoxurus hermaphroditus Pallas, Ailuropoda melanolenca fovealis M u Gr, Rusa unicolor Kerr, Muntiacus muntjac Zimmerman, Cervus sp. Bibos sp., Sus scrofa L., Elephantidae gen sp. indet, Palaeloxodon sp.

Остатки Pongo, найденные в Нуймот, близко напоминают остатки Pongo из грота Кеоленг (Каоланг). Также отмечается большое сходство остатков Ailuropoda melanolenca fovealis Фынгкуен с остатками Ailuropoda из пещеры Тхамкхуен (Каоланг).

В шонвиских пещерах большие скопления образованы раковинами съедобных моллюсков. Встречаются их морские виды (Meretrix meretrix), но особенно характерны брюхоногие: Melani, Cyclophorus fulguratus, Camaena Vayssierei, Hybocystis Crossei, Antimelania.

В пещере Намтун представлены споры (spores) пыльцы следующих видов: Cyathea sp. Pteris sp., Polypodiaceae gen sp., Adiantum sp., Oneclea sp. Ginkgoaceae gen sp., Hymephyllum sp., Taxaceae gen sp., Leguminosae gen sp.; в пещере Конмонг (нижний слой): Polypodiaceae, Cyatheaceae.

Вьетнамские геологи-четвертичники отмечают, что геологический возраст поверхности холмов провинций Хабак и Хоангльеншон, где собраны орудия культуры шонви, можно датировать как Q_3^1 или Q_3^2. Советский исследователь К. М. Мирзоев тоже отметил, что памятники Выоншау и Мазе (пров. Виньфу) находятся между нижне-среднечетвертичной террасой высотой 25—35 м и верхнечетвертичной террасой высотой 5—8 м. На этом основании возраст поверхности останцов можно датировать как Q_3^1. Споры в пещерах Намтун и Конмонг имеют датировку Q_3^3. Таким образом, распространение стоянок культуры шонви связано, по всей вероятности, с поздним плейстоценом.

В настоящее время мы располагаем некоторыми радиоуглеродными датами (все даты получены в Берлинской лаборатории в ГДР).

Пещера Хангпонг I: 11330±180 (Bln 1301); 11915±120 (Bln 1352).

Пещера Конмонг (нижний слой): 11755±75 (Bln 1713/I); 11840±75 (Bln 1713/II).

Пещера Нуймот: 13080±150 (Bln 1844/II); 14665±150 (Bln 1844/I).

Пещера Фынгкуен: 18180±125 (Bln 1735/II); 18390±125 (Bln 1735/I).

Тхамкхыонг (нижний слой): 28130±2000 (Bln 1408); 33150±2300 (Bln 1412).

Две последние даты являются самыми древними для шонвиских памятников. Как мы знаем, все даты хоабиньской культуры по C^{14} были не очень древними, не более чем 11365±80 (Bln 1541/I) и 10770±75 (1541/II) Шунгшам (Хашонбинь). Можно предполагать, что промежуток времени от 33 до 11 тыс. лет назад является временем существования культуры шонви во Вьетнаме. Он соответствует позднему палеолиту стран Юго-Восточной Азии, который представлен стратиграфически хорошо изученной пещерой Ниа [13, с. 136—138; 14, с. 549—553].

В развитии культуры шонви можно выделить два этапа: ранний — Шонви А и поздний — Шонви Б.

Почти все орудия этапа Шонви А имеют больше 10 см в длину. Основными категориями являются острия, чопперы и архаические массивные отщепы. Чопперы примитивные, имеют выпуклое или прямое рабочее лезвие, обработанное несколькими грубыми сколами с одной стороны поверхности (рис. 2). Чопперы и острия преобладают над другими орудиями. Кроме того, налицо скребла в форме долек апельсина, на четверти гальки и с лезвием формы лошадиного копыта, орудия на пластинках, отбойники, песты, жернова. Костяные орудия и скребла из раковин на этом этапе отсутствуют.

Этап Шонви Б включает те же основные типы орудий, что и этап Шонви А, но техника обработки и ретуширования является несколько более тщательной и правильной, а размеры орудий — несколько мень-

шими. Гораздо меньше острий и грубых чопперов, но налицо чоппинги, костяные наконечники, а также скребла из раковин, которые почти отсутствуют на этапе Шонви А. Орудия в форме долек апельсина и из четверти гальки преобладают среди других орудий (рис. 3).

На этапе Шонви Б представлена только современная фауна, а на этапе Шонви А обнаружены и кости ископаемых животных.

Пещеры хоабиньской культуры были впервые открыты в 1926 г. в провинции Хоабинь [15]. Хоабиньская культура была широко распространена на территории Индокитайского полуострова, на Суматре, на юге Китая. К западу от Бирмы ее следы отсутствуют, в то время как на

Этапы	Пещерные стоянки	Открытые стоянки
Шонви Б	Хангто, Хангпонг I, Хангпонг II, Конмонг (нижний слой)	Большинство стоянок на холмах пров. Виньфу, Кумдон, Паманг
Шонви А	Нуймот Фынгкуен, Тхамкхыонг (нижний слой), Намтун (нижний слой)	Ванфо, Чью, Вантханг, Кауден, Конгньен, Гочет

Яве, Сулавеси и Филиппинских островах и далее на Юго-Востоке, вплоть до Новой Гвинеи и Австралии, представлены отдельные ее элементы.

Доминирующим материалом в хоабиньской технике являются речные гальки, подвергавшиеся оббивке. Из них изготовляли следующие основные категории орудий: топоры типа Суматра, топоры овальной и овальнозаостренной формы, короткие топоры, округлые топоры, округлые или овальные дисковидные скребла.

М. Колани предприняла попытку выделить в развитии хоабиньской культуры три этапа: Хоабинь I (древний период), Хоабинь II (средний), и Хоабинь III (поздний). Она датировала Хоабинь I палеолитом [15]. Но эта периодизация не была подкреплена стратиграфией.

Спустя 40 лет, в 1970 г., В. Сольхейм отметил, что культура хоабинь возникает прямо из «традиции чопперов-чоппингов», древнего и среднего палеолита Юго-Восточной Азии. Он тоже предпринял попытку выделить в развитии хоабиньской культуры три этапа. Ранний Хоабинь датируется от 50 000 или 40 000 до 20 000 лет до н. э.; Средний Хоабинь — 20 000—15 000 лет до н. э.; Поздний Хоабинь — 15 000—2500 лет до н. э. [16, с. 149]. Таким образом, по мнению В. Сольхейма, культура хоабинь существует целиком в течение трех эпох: позднего палеолита, мезолита и неолита.

Результаты новых раскопок хоабиньских и шонвиских пещер, проведенных вьетнамскими археологами, равно как и абсолютные даты, позволяют считать взгляды М. Колани и В. Сольхейма ошибочными.

Во время раскопок пещеры Конмонг нам удалось наблюдать залегание слоев культуры шонви под хоабиньским слоем. Хоабиньский слой имеет датировку по C^{14} 9905±150 (Z К 380) лет назад. В нем совершенно отсутствуют ископаемая фауна и виды спор; представлены только современные виды животных и виды пыльцы: Chenopediaceae, Fagaceae, Rubiaceae, Meliaceae, Myricaceae, характерные для голоцена. Шонвиский слой датируется 11840±75 (Bln 1713/II), там представлены только виды спор, которые соответствуют позднему плейстоцену. Интересно, что если здесь, в хоабиньском слое, сохраняются пережитки индустрии шонви, которые проявляются в формах орудий «дольки апельсина», четверти гальки и чопперов, то в шонвиском слое тоже начали появляться некоторые черты хоабиньской культуры — топоровидные орудия.

Исследователи индокитайских пещер Э. Сорен и Ж. Фромаже давно отмечали, что в хоабиньских слоях совершенно отсутствует ископаемая фауна. Там представлены только современные виды животных [17; 18]. В настоящее время в некоторых пещерах Шонви обнаружены остатки ископаемых видов животных, датируемые поздним плейстоценом.

Самым ранним памятником хоабиньской культуры является пещера Шунгшам (Хашонбинь), которая имеет радиоуглеродные даты 11365±80

(Bln 1541/II) и 10770±75 (Bln 1541/II). Как мы знаем, самым поздним памятником шонвиской культуры является пещера Хангпонг I: 11330±180 (Bln 1301) и 11915±120 (Bln 1352).

Таким образом, 11 тыс. лет назад — время перехода от культуры шонви к хоабиньской, от палеолита к мезолиту.

В работах вьетнамских археологов отмечено, что бакшонская культура возникает прямо из хоабиньской [19, с. 137—219]. Накопленных материалов в настоящее время вполне достаточно для того, чтобы утверждать также происхождение культуры хоабинь из культуры шонви. Можно представить этапы развития галечной традиции во Вьетнаме следующей линией: шонви — хоабинь — бакшон. Галечная традиция во Вьетнаме устойчиво и преемственно сохранялась начиная с позднего палеолита и вплоть до конца неолита. Во Вьетнаме существовала и другая линия развития культуры каменного века, не галечная традиция: до — куиньван.

Можно указать на наличие двух больших локальных групп хоабиньской культуры: 1 — памятники на материке; 2 — памятники на морских островах. Развитие культуры хоабинь на материке произошло на основе культуры шонви. Не исключено, что культура хоабинь на морских островах и культура шонви на материке имели общее происхождение на основе развития галечной культуры Юго-Восточной Азии.

В период, следующий за поздним палеолитом, существовала одна культура хоабинь (или комплекс хоабинь). Она, как показано выше, произошла непосредственно из культуры шонви. Это, с нашей точки зрения, подкрепляет мнение о существовании одного технического комплекса, общего для части Юго-Восточной Азии,— комплекса шонви.

Возникает вопрос: существовала ли в Юго-Восточной Азии единая культура шонви и происходит ли она из древне-среднепалеолитических галечных индустрий?

Палеолит южных областей Китая тесно связывается с палеолитом Юго-Восточной Азии и в то же время существенно отличается от палеолита других областей Китая. На юге Китая открыт и раскопан ряд пещер, где палеолитические галечные изделия залегали вместе с остатками плейстоценовой фауны и в некоторых пещерах даже с остатками человека.

В пещерах провинции Гуанси Чжуанского автономного района КНР вместе с остатками человека найдены орудия, оббитые на конце или по одному длинному краю (в форме дольки апельсина), и скребла [20, с. 16—20; 21, с. 64—68]. Весь каменный инвентарь здесь близко напоминает поздний палеолит шонви.

Недавно в районе Бакшак (Гуанси-Чжуанский авт. район) открыто позднепалеолитическое местонахождение в слое верхнего плейстоцена. Комплекс его орудий состоит из чопперов, орудий в форме дольки апельсина, орудий на четверти гальки, скребел [22]. Китайские археологи, ознакомившиеся с орудиями культуры шонви, отмечают, что комплекс бакшак имеет сходство с комплексами культуры шонви.

Не исключено, что культуры шонви и позднепалеолитическая культура южного Китая имели общее происхождение на основе развития нижнепалеолитической галечной культуры Юго-Восточной Азии.

В западном Таиланде, в Банкао, найдены галечные орудия, оббитые с одной поверхности. Гекерен сопоставил их с соанскими и аньятскими чопперами и отнес к напоминающей ранний соан и ранний аньят древнепалеолитической культуре Таиланда [23]. Однако Тейяр де Шарден усомнился в их древнепалеолитическом возрасте [24]. В 1960 г. в этом районе обнаружены 100 каменных орудий и 4 отщепа. Среди изделий, по Хайдеру, имеются чопперы, острия разных форм, скребловидные орудия, топоры типа Суматра. Возраст собранной коллекции Хайдер определяет как хоабиньский [25]. П. И. Борисковский считает, что эта коллекция близко напоминает раннюю стадию хоабиньской культуры Вьетнама [26, с. 133].

Судя по изданиям банкаоских каменных оруций, можно отметить, что здесь существовали орудия, оббитые вдоль одного длинного края (в фор-

ме дольки апельсина), орудия в форме острий, чопперов. Эти орудия близко напоминают материалы культуры шонви. Здесь тоже встречены дисковидные скребла, типичные для хоабиньской культуры. Не исключено, что на территории Таиланда представлены остатки культуры шонви позднего этапа.

Материалы позднего аньята Бирмы близко напоминают ранний аньят, а поздний палеолит о. Калимантан, ряда островов Малайского архипелага, Филиппин, Новой Гвинеи и Австралии отдельными чертами напоминает древний палеолит этих территорий. Мы очень мало знаем об отношении между этими памятниками и культурой шонви. Все же позднепалеолитические памятники этого района имеют некоторые общие черты техники обработки камня, напоминающие комплекс шонви.

Можно предполагать, что культура шонви была распространена на севере Вьетнама, на юге Китая и на территории Таиланда.

Ранее мы указали, что галечная традиция шонви — хоабинь — бакшон является самой развитой, самой четко представленной, если не сказать превосходящей все другие традиции в каменном веке Юго-Восточной Азии. Аньятскую и тампанскую культуры можно рассматривать как начальный этап галечной традиции (или галечной индустрии) Юго-Восточной Азии. Эта традиция имеет тенденцию развития к макролитизму. Галечные орудия, сохраняющие эту традицию, сильно отличаются от позднепалеолитических и мезолитических, найденных в разных районах Японии, Северного Китая, Сибири, Средней Азии, Индии и Бирмы, где существовала галечная техника в рамках микролитического пути развития.

Мы полагаем, что отсутствие на территории Вьетнама памятников древнего палеолита с галечной индустрией является временным. Не исключено, что при дальнейших исследованиях такие памятники будут найдены.

При продолжении изучения каменного века Вьетнама перед вьетнамскими археологами стоят следующие проблемы.

Культура шонви датируется поздним палеолитом, ее каменные орудия очень грубы и примитивны. Что представляли собой орудия более ранней эпохи?

Каким было хозяйство поселений галечной традиции и какие отношения сложились между галечной и негалечной традициями Юго-Восточной Азии в процессе их развития?

Решение этих проблем связывается с проблемой вхождения Юго-Восточной Азии в прародину человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.— Л.: Наука, 1966.
2. *Борисковский П. И.* Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1966.
3. *Pham Huy Thong.* Our Stone Age: from the Mount Do Industry to the Hoa Binh Industry.— In: Vietnamese Studies. Hanoi, 1976, № 46.
4. *Pham Van Kinh and Luu Tran Tieu.* The Lower Paleolithic Site of Nui Do.— In: Vietnamese Studies. Hanoi, 1976, № 46.
5. *Борисковский П. И.* Археология во Вьетнаме в наши дни.— СА, 1977, № 4.
6. *Saurin E.* Études géologiques et préhistoriques.— BSEI, Paris, 1951, t. XXVI, № 4.
7. *Fromaget J.* Aperçu de nos connaissances sur la géologie de L'Indochine en 1948.— In: International Geological Congress. Report of the 18 session, Proceedings of section M. London, 1952.
8. *Kahlke H. D.* Neue Funde von Urmensche Resten in Ostasien.— Natur und Museum. Frankfurt, 1965, t. 93(3).
9. *Le Trung Kha.* Premieres remarques sur la faune fossile quaternaire du Nord Vietnam.— In: Etudes Vietnamiennes. Hanoi, 1976, № 46.
10. *Ха Ван Тан.* Культура шонви (на вьетнам. языке).— Khao co hoc. Hanoi, 1971, № 11—12.
11. *Нгуен Кхак Ши.* Список местонахождений культуры шонви во Вьетнаме (на вьетнам. языке).— Khao co hoc. Hanoi, 1978, № 4.
12. *Ха Ван Тан — Нгуен Кхак Ши.* Культура шонви через десять лет после ее открытия (на вьетнам. языке).— Khao co hoc, 1978, № 4.
13. *Harrisson T.* Radio Carbon C14 Dating BC from Niah: a note.— SMJ, 1959, vol. IX, № 13—14.

14. *Harrisson T.* The Caves of Niah: A History of Prehistory.— SMJ, 1958, vol. VIII, № 12.
15. *Colani M.* L'Age de la pierre dans la province de Hoa Binh. Memoires du service Geologique de L'Indochine. Hanoi, 1927, t. XIV, № 1.
16. *Solheim II. W. G.* Northern Thailand, Southeast Asia and World Prehistory.— AP, Honolulu, 1970, vol. XIII.
17. *Fromaget F.* Les récentes découvertes anthropologiques dans les formations préhistoriques de la Chaine Annamitique.— In: Proceedings of the Third Congress of Prehistorians of the Far East. Singapore, 1940.
18. *Saurin E.* Études Géologiques et préhistoriques.— BSEI. Paris, 1951, t. XXVI, № 4.
19. *Ha Van Tan.* Le Hoabinhien dans le contexte du Vietnam.— In: Etudes Vietnamiennes. Hanoi, 1976, № 46.
20. *Chia Lan-po, Woo Ju-kang.* Fossil human skull base of late paleolithic stage from Chilinshan, Laipin District, Kwangsi, Ghina.— In: Palaeovertebrata et Paleoanthropologia, vol. III, 1959, № 1.
21. *Chia Lan-po, Chiu Chung-lang.* On the age of the chipped stone artifacts in Kwangai caves.— In: Palaeovertebrata et Paleoanthropologia, Peking, 1960, vol. IV, № 1.
22. *Li Jar-Xian, Jou Juzhu.* Discovery of Paleolithic artifacts in Bose. Guangxu (на кит. языке).— In: Vertebrata Palasiatica, 1975, vol. 13, № 4.
23. *Heekeren H. R. van.* Préhistoric discoveries in Siam 1943—1944.— PPS for 1948, vol. XIV.
24. *Teilhard de Chardin P.* La Paleolithique du Siam.— L'Anthropologie, 1950, t. 54.
25. *Heider Karl G.* A pebble-tool complex in Thailand.— AP, 1960, vol. 2, № 2.
26. *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.

Nguyen Khac Su

THE SONVI CULTURE AND THE PALAEOLITHIC OF SOUTH-EASTERN ASIA

Summary

By the end of 1975, about 120 sites of the Upper Palaeolithic Sonvi culture had been discovered in caves, mounds and on alluvial terraces in Vietnam. Labour implements were made of large quartz and quartzite pebbles; cores, blades and bladelets are rarely met with, more frequent are flakes and chipped blades, or blades with traces of utilisation. The Sonvi culture was predominantly a culture using crude pebble tools. It spanned the period from 33,000 to 11,000 years B. P. during which time it underwent considerable changes. The transition from the Palaeolithic to the Mesolithic, from the Pleistocene to the Holocene, marked the transformation of the Sonvi into the Hoabinh culture, just as the latter subsequently turned into the Bacson culture. In general, two lines of cultural development of the Palaeolithic population are observed in Vietnam: Do-Quynhvan and Sonvi-Hoabinh-Bacson. The latter occupied northern Vietnam, the south of China and Thailand. The origins of the Sonvi culture can be traced to the chopper-chopping tools traditions of the Lower Palaeolithic of South — Eastern Asia.

КОЗЕНКОВА В. И.

ОБРЯД КРЕМАЦИИ В КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ КАВКАЗА

Появление трупосожжений в погребальном обряде кобанских племен объясняется отдельными исследователями прямым влиянием скифской культуры [2, с. 253—261; 3, с. 58; 4, с. 27]. Между тем факты свидетельствуют о более раннем, а главное — более сложном явлении [1].

Впервые обряд кремации отмечен в кобанских древностях В. И. Долбежевым в 1889 г. при исследовании каменных гробниц близ сел. Кумбулта в местностях Рутха и Хор-гон в верховьях р. Урух (Северная Осетия). «Угля древесного найдено обильно,— писал исследователь в своем дневнике,— а в некоторых ящиках так много, что, найдя тут же обгоревшие и обожженные кости и обломки быта и орудия из бронзы и глины, подвергшиеся действию сильного огня, можно заключить о сожжении трупов при погребении — хотя и не повсеместно» [2].

Для уточнения хронологии погребений с кремацией особенно важны две могилы в Рутхе из раскопок В. И. Долбежева [5, с. 57—75]. В них лучше, чем в других, сохранились детали ритуала и порядок размещения погребального инвентаря. Это каменный ящик 2 («склеп на восточном склоне») с тремя разновременными захоронениями и каменный ящик 1 (также на восточном склоне горы) с индивидуальным (судя по небольшим размерам могилы) захоронением.

В гробнице 2 самым древним из трех было погребение со следами частичной кремации около южной стенки «склепа». Покойник лежал в слабо скорченной позе, на левом боку, головой на запад (рис. 2, *1*). Захоронение оказалось относительно непотревоженным, и основные украшения (ножные и ручные браслеты, гривна, булавки, зооморфные подвески, поясная пряжка) и оружие (четыре кинжала и трубчатообушной топорик), согласно дневнику В. И. Долбежева, находились in situ на костях покойника [3]. Особое своеобразие комплекса (рис. 1), его уникальность заключались в сочетании предметов, характерных для материальной культуры Северного Кавказа еще докобанского периода (черешковые кинжалы, булавка с лопатовидным навершием, трубчатообушный топорик), с предметами, очевидно, кобанского облика (литой кинжал с рукоятью, пластинчатые браслеты с завитками на концах, гривна, зооморфные привески и т. п.). Черешковые кинжалы отсюда (рис. 1, *3—4*) были аналогичны найденным Е. И. Крупновым в могиле № 10 в Верхней Рутхе [6, с. 51, рис. 14, *5—7*). Близкие соответствия им известны среди ножей и кинжалов Квасательского могильника [7, с. 25, рис. 2] в Юго-Осетии и в погребениях ранней группы каякентско-хорочоевской культуры в Дагестане [8, с. 254, 255, рис. 14, *4*; 9, с. 69, рис. 2, *6*]. По мнению многих исследователей, датируются они в пределах XIV—XII вв. до н. э. [6, с. 43—48; 10, с. 81, 82]. Трубчатообушный топор с шишечкой (рис. 1, *5*), массивная булавка с прямоугольным лопатовидным навершием и витым стержнем (рис. 1, *7*) имеют аналогии в памятниках второй половины II тысячелетия до н. э., ближе к его концу (примерно XIII — XII вв. до н. э.) в Дигории (Кумбулта, Фаскау) [6, с. 49—62, рис. 9, *11*; 20; 27, *35*). Короткий литой кинжал (рис. 1, *8*) по оформлению рукоятки близок к кинжалам из могильника Беахни-куп. Материалы

[1] Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на IX Крупновских чтениях в апреле 1979 г. [1, с. 21].

[2] Архив ЛОИА, дела АК, № 16 за 1889 г., л. 51.

[3] Архив ЛОИА, дела АК, № 16 за 1889 г., л. 60, 61.

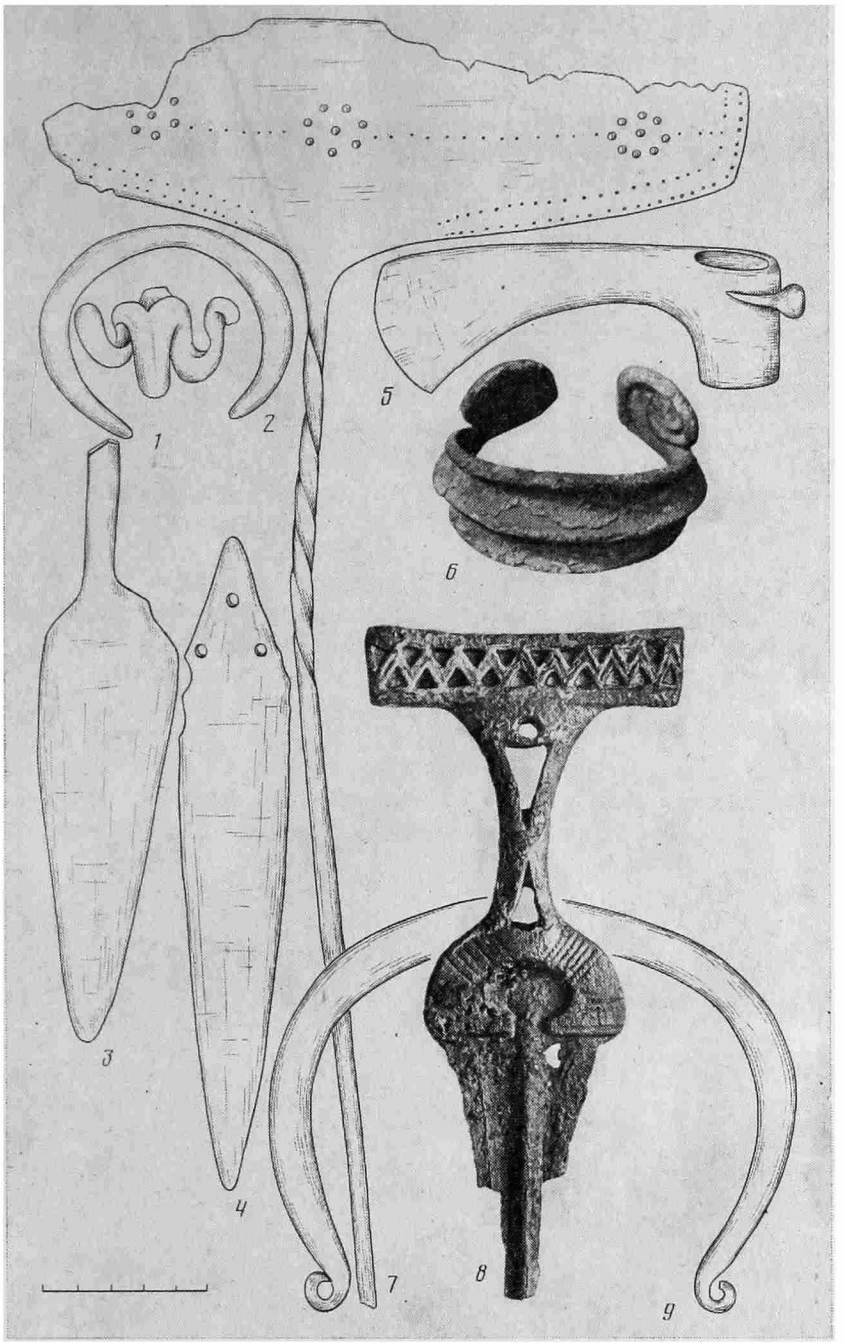


Рис. 1. Рутха. Каменный ящик, 2, погр. 1 (раскопки В. И. Долбежева 1889 г.). *1* — зооморфная привеска; *2* — браслет; *3*, *4* — кинжальные клинки; *5* — топор; *6* — браслет; *7* — булавка; *8* — литой кинжал; *9* — гривна (*1—9* — бронза)

из могильника датируются по длинночерешковым костяным наконечникам стрел, предметами культуры Ноа в пределах XIII—XII вв. до н. э. [6, с. 61, рис. 21, *1*, *11*, табл. LX, *6*, *7*; 12, с. 40, рис. 12; 13, с. 135, 136, рис. 13, *1*]. Очень близок кинжал из Рутхи кинжалу из Кобанского могильника [14 с. 11]. Напоминает он также листовидные кинжалы XIII—XI вв. до н. э. типа Грма-геле и Навтлуги в Закавказье [15, с. 137, 138, табл. I, *215*; 16, с. 100—105, табл. I, *142*]. Большинство украшений погр. 1 в гробнице 2 аналогично украшениям кобанской культуры раннего периода (рис. 1, *1*, *2*, *6*, *9*). Все сказанное выше позволяет отнести погр. 1 из гробницы 2 к самым архаичным в кобанской культуре и датировать в пределах XIII—первой половины XII в. до н. э. Переходный характер вещевого комплекса заставляет если не утверждать,

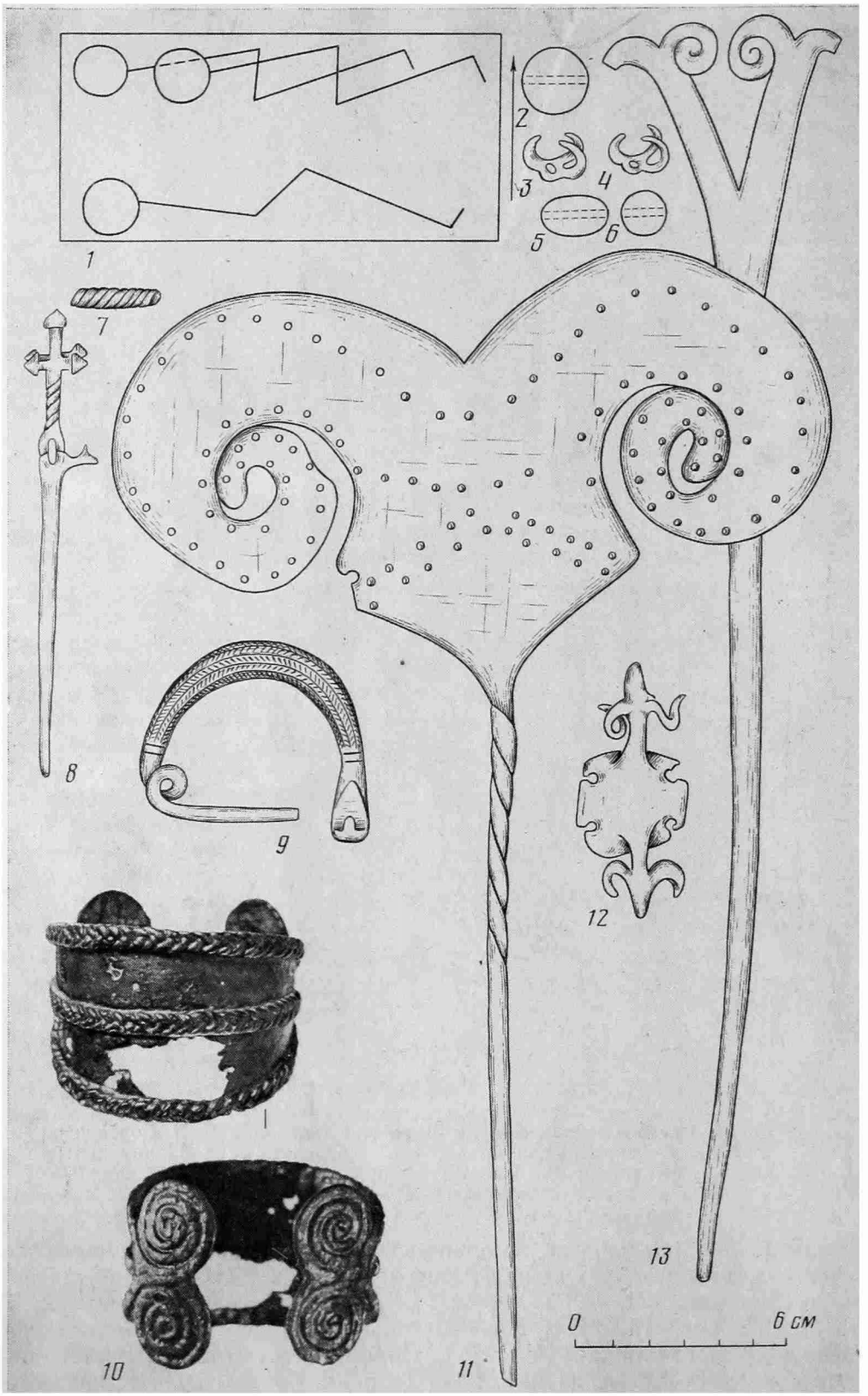


Рис. 2. Рутха. Каменный ящик 2, погр. 2 (раскопки В. И. Долбежева 1889 г.). *1* — схема расположения погребений в каменном ящике; *2*, *5—6* — бусы, *3*, *4* — пуговицы; *7* — спиралька; *8*, *11*, *13* — булавки; *9* — фибула; *10* — браслет; *12* — бляшка (*2*, *5—6* — сердолик; *3*, *4*, *7—13* — бронза)

то хотя бы поставить вопрос о более раннем активном оформлении ведущих типов «классического Кобана», чем вторая половина XII в. до н. э. (А. С. Уваров, Р. Вирхов, Б. А. Куфтин, Е. И. Крупнов и др.).

Погребение 2 в гробнице 2 находилось у северной стенки гробницы и, по мнению В. И. Долбежева, принадлежало женщине. Скелет со следами частичной кремации лежал скорченно, на правом боку, головой на запад (рис. 2, *1*). Погребение сопровождалось богатым набором вещей. В целом комплекс был еще близок к комплексу погр. 1 и также имел черты переходности двух эпох. Здесь еще более ярко наблюдалось сочетание предметов, характерных для докобанского и кобанского периодов Северного Кавказа. Особенно примечательно в комплексе сочетание таких предметов, как бронзовые булавки с рогообразными навершиями (рис. 2, *11*, *13*), булавки с навершием из пяти выпуклых шишечек (рис. 2, *8*), и типично раннекобанской дуговидной фибулы с узким приемником (рис. 2, *9*). Тем самым подтверждается справедливость наблюдения Е. И. Крупнова о развитии поздних форм предметов так называемой дигорской культуры «в окружении новых форм, присущих уже кобанской культуре» [17, с. 89]. Для заключений о дате комплекса погр. 2 немаловажен бронзовый литой массивный пластинчатый браслет («манжетовидный»), украшенный на лицевой стороне рельефным шнуром и с завитками на концах (рис. 2, *10*). Тип этот уникален для кобанских древностей; по морфологическим особенностям он напоминает браслеты эпохи бронзы культур Карпато-Дунайского бассейна, особенно золотые браслеты группы Опай ступени BIV (XIII — первая половина XII в. до н. э.) на территории Венгрии [18, с. 112—115, табл. 82, 84]. Большинство остальных предметов погр. 2 гробницы 2 — типично кобанские (рис. 2). Пуговицы, бляха с головками животных, зооморфные привески и особенно дуговидная фибула находят ближайшие параллели в Кобанском и Тлийском могильниках. Дата погребения на основании фибулы (рис. 2, *9*) может быть определена не ранее середины XII в. до н. э., скорее его концом.

Погребение 3 в каменном ящике 2 самое позднее. Погребенный лежал поверх второго скелета таким образом, что голова находилась на уровне груди последнего, а ноги упирались в восточную стенку гробницы. Поза и ориентация такая же, как и у более ранних (рис. 2, *1*). Несмотря на смешанность вещей в той части, где кости обоих захороненных соприкасались, комплексы в целом хорошо различались. Большинство предметов погр. 3 гробницы 3 типично кобанские (рис. 3). Близкие соответствия поясной пряжке с цепочками (рис. 3, *8*) можно указать в материалах VIII—VII вв. до н. э. (Тли, Голиат, Кобань) [19, с. 88, рис. 44; 20, с. 32, рис. 2, *227*]. Привески в виде кинжальчика (рис. 3, *2*) характерны для памятников центрального и западного вариантов кобанской культуры IX—VIII вв. до н. э. (Верхняя Рутха, Мукулан, могильники Кисловодска [17, с. 223—225, 236, 237]. Важно для уточнения даты погр. 3 совместное нахождение в одном комплексе бронзовой ажурной выпуклой бляхи, украшенной прорезными треугольниками[4] и выступающей «пуговицей» в центре (рис. 3, *5*), и массивного бронзового колокольчика с рельефным «елочным» орнаментом (рис. 3, *4*). Оба предмета — остатки конского убора, характерного для Ассирии и Урарту конца IX — начала VII в. до н. э. Аналогичная прорезная бляха с выпуклой пуговицей в центре имелась в составе конского убора с посвятительными надписями, упоминающими урартского царя Сардури II (середина VIII в. до н. э.) из слоя Кармирблура [22, рис. 56]. Колокольчик типологически близок колокольчику из конского убора царя Менуа (конца IX — начала VIII в. до н. э.) [23, с. 43—46, рис. 35], но особенно они характерны для VII—VI вв. до н. э. (Красномаяцкий, Гуадихский могильники, погребения в Ихтвиси и Верхний Яштхуа в Колхиде, слой Ванского городища и др.) [24, с. 90, табл. XXII, *5*, с. 183, 185, 205;

---

[4] По мнению М. Н. Погребовой, узор в виде прорезных треугольников характерен в Закавказье для конца II — начала I тысячелетия до н. э. [21, с. 142].

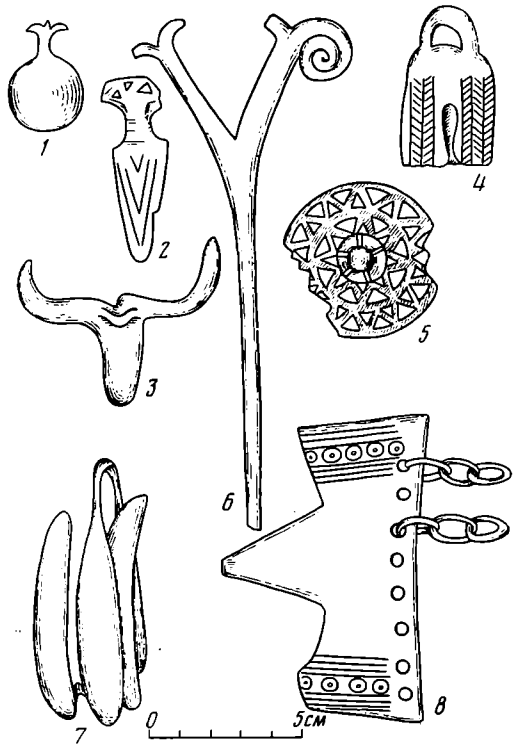


Рис. 3. Рутха. Каменный ящик 2, погр. 3 (раскопки В. И. Долбежева 1889 г.). *1* — пуговица; *2* — кинжальчик-привеска; *3* — зооморфная привеска; *4* — колокольчик; *5* — бляха; *6* — булавка; *7* — височная подвеска; *8* — пряжка (*1—8* — бронза; *1, 5* — рисунки из дневника В. И. Долбежева)

25, с. 48, табл. XVII, *5*; 26, с. 13]. Все вышесказанное позволяет отнести погр. 3 в гробнице 2 ко времени не позднее начала VII в. до н. э.

Таким образом, все три разновременных погребения каменного ящика («склепа») 2 генетически связаны единством погребального обряда и большинством типов погребального инвентаря. В погребальном ритуале на протяжении более чем 500 лет важная роль принадлежала огню и обычаю неполного сожжения покойников.

Во второй могиле из раскопок В. И. Долбежева в Рутхе (каменный ящик 1 на восточном склоне) обычай кремации более очевиден. В гробнице, ориентированной длинными сторонами с запада на восток, под слоем древесного угля толщиной 35 см лежали сильно обгоревшие кости одного покойника, перемешанные с предметами, «частью сильно поврежденными огнем» [5]. Состав бронзовых предметов погребального инвентаря близок предметам погр. 2 каменного ящика 2 (браслеты, гривны, булавки с навершиями в виде пяти шишечек, зооморфные привески) [5, с. 61]. Из оружия — два плоских черешковых кинжала или ножа и цельнолитой кинжал с серповидным навершием рукоятки (рис. 4, *1*). В настоящее время от него сохранилась лишь верхняя часть (рис. 4, *2*) [6]. В комплексе вещей также наблюдалось сочетание предметов, характерных для докобанского периода и развитой кобанской культуры. Для даты могилы важен цельнолитой кинжал, аналогичный кинжалам конца XII — начала XI в. до н. э. из Кобанского и Тлийского (погр. 176) могильников [11, табл. X, *1*; 27, с. 103, 106, рис. 89, *2*), а также негативам литейных форм для близкого типа кинжалов (Урусбиево, Кобань), отнесенных А. А. Иессеном «к эпохе основного Кобанского могильника», т. е. к концу II — началу I тысячелетия до н. э. по его схеме [28, с. 107, 111, 116, 133, 134, рис. 13].

Погребение в каменном ящике 1, таким образом, имеет некоторые основания быть синхронизированным с погребениями 1 и 2 из каменного ящика («склепа») 2. Скорее всего оно по времени может быть поставлено где-то между ними, но в отличие от них особенности ритуала кремации здесь более отчетливы.

Захоронения вышеуказанного типа не являлись исключением в могильниках Рутха и Хоргон [7]. В подавляющем большинстве они имели сходный обряд погребения и состав погребального инвентаря, отличаясь лишь общим количеством покойников (от 6 до 17—20 человек) в одной и той же погребальной камере [5, с. 58]. Последнее обстоятельство оказалось одной из причин, по которой не давалось убедительное хронологическое расчленение этих материалов, что привело к неоправданному омолаживанию (в пределах VI—IV вв. до н. э.) большинства из них,

[5] Архив ЛОИА, дела АК, № 16 за 1889 г., л. 54, табл. XCIX, *15*.
[6] ГИМ, коллекция № 25278.
[7] Архив ЛОИА, дела АК, № 16 за 1889 г., л. 50.

в том числе и тех, о которых идет речь [29, с. 233 и сл., табл. XI, *26—27*].

Долгое время особенности погребального обряда, открытого В. И. Долбежевым в Рутхе, рассматривались как проявление локальной специфики культуры (Е. П. Алексеева, Е. И. Крупнов). Не случайный характер обряда кремации и его раннее появление здесь со всей очевидностью подтвердили раскопки 1974—1976 гг. Л. Г. Нечаевой, Н. Л. Членовой и В. В. Кривицкого [30, с. 131; 31, с. 76—78; 32, с. 20, 21; 33, с. 125]. Близ старых раскопок Е. И. Крупнова в Верхней Рутхе (1938—1940 гг.) были собраны обломки человеческих костей и остатки вещей со следами сильного обжига, а рядом на горе раскопана каменная постройка (так называемый «крематорий»). По мнению исследователей, «кремационное сооружение было своеобразной коллективной могилой», где подверглось сожжению не менее 50 человек [31, с. 77]. Состав погребального инвентаря типичен для памятников центрального и западного вариантов кобанской культуры начала I тысячелетия до н. э. На основе анализа всех данных Л. Г. Нечаева, Н. Л. Членова и В. В. Кривицкий предполагают, что «трупосожжение было основным обрядом на могильнике Верхняя Рутха в кобанское время» [31, с. 78]. Отсутствие железных предметов, ранние типы бронзовых кинжалов, стилистические особенности зооморфных привесок и орнаментация керамики позволяют уточнить хронологию «крематория» в Верхней Рутхе в пределах X—VIII вв. до н. э.

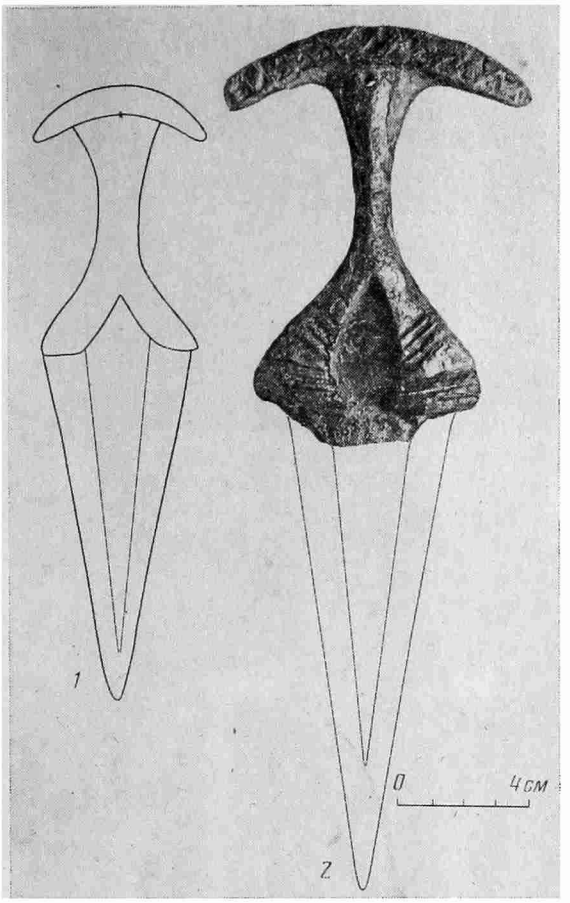


Рис. 4. Рутха. Каменный ящик 1 (раскопки В. И. Долбежева 1889 г.). *1* — рисунок кинжала из дневника В. И. Долбежева, *2* — обломок этого бронзового кинжала (ГИМ, инв. № 25278) и его реконструкция

Второй район, где зафиксированы трупосожжения с раннекобанскими материалами,—бассейн верхнего течения р. Подкумок. В 1953 г. в верховьях р. Эшкакон, правого притока Подкумка, Н. М. Егоровым и М. И. Рыбенко была доследована каменная гробница, сложенная из речных валунов. Многие предметы из гробницы были деформированы и оплавлены, а «большая часть костей имела явные следы пребывания в огне» [34, с. 135]. Н. М. Егоров относил Эшкаконский могильник к «более ранней поре, чем классическая Кобань, т. е. примерно к VIII в. до н. э.» [34, с. 140]. В. А. Сафронов в дальнейшем выделил в материалах Эшкакона типологически раннюю группу (топор, тесло, серп) и «путем перекрестной датировки по аналогиям из Самтавро и памятников сабатиновского этапа» датировал их XII—XI вв. до н. э. (IV этап его схемы) [35, с. 34—36, 114, табл. I, рис. 4].

В 1977—1978 гг. автором настоящей статьи были исследованы погребения по обряду кремации южнее сел. Терезе на правом берегу р. Подкумок [36, с. 123; 37, с. 129, 130]. Захоронения совершались в каменных гробницах размером примерно 6×6 м (рис. 5, *1—7*), сложенных из плоских камней. Углами гробницы были ориентированы по странам света.

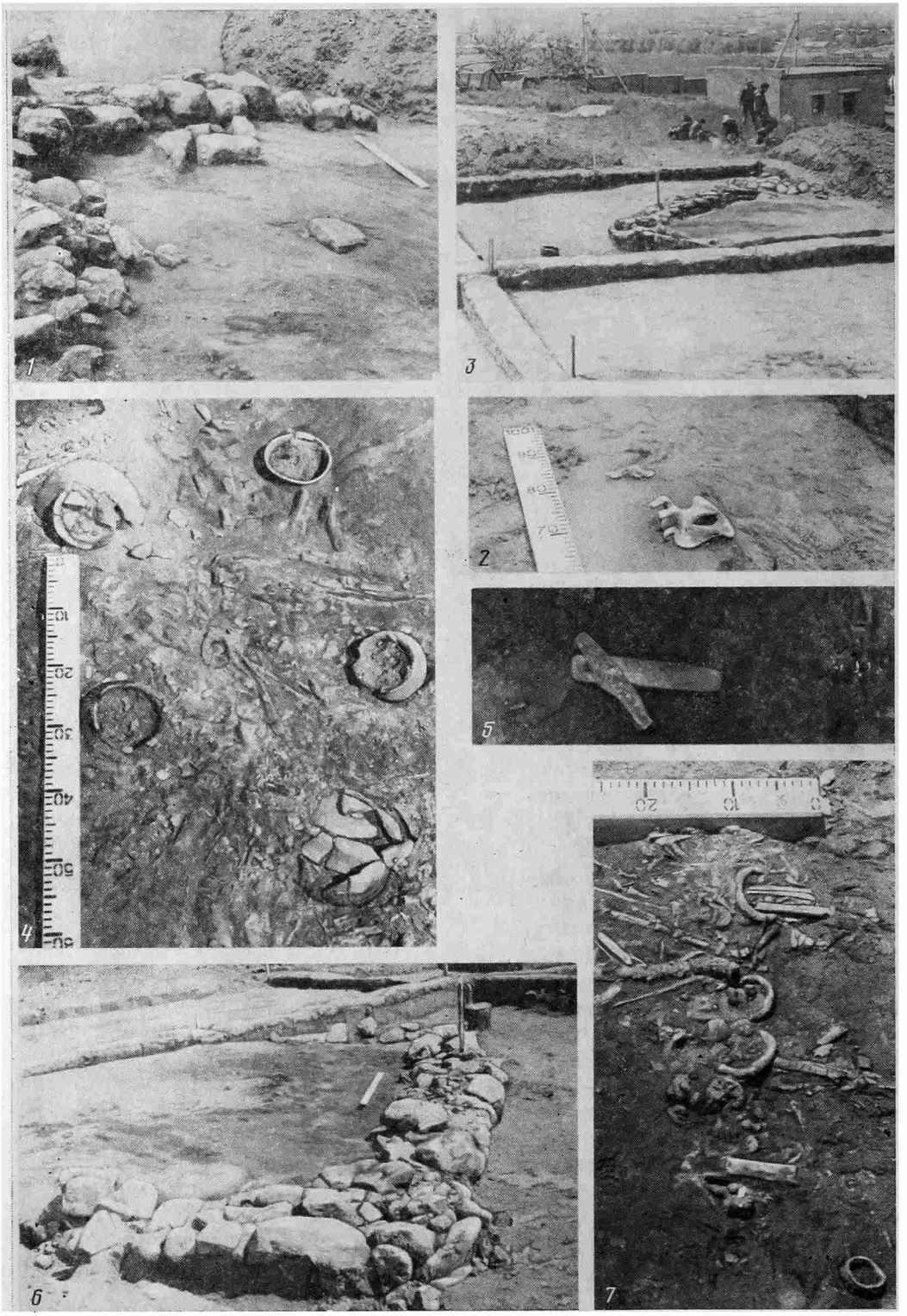


Рис. 5. Терезе. Каменные гробницы с кремациями. *1*, *2* — гробница 1; *3*—*6* — гробница 2

Внутри одной из гробниц (№ 2) на прокаленном докрасна дне сохранился слой обожженных человеческих костей толщиной до 0,3 м (рис. 5, *4*, *7*). Остатки черепов и костей рук находились около юго-западной стены, а кости ног — ближе к центру. В кострище скоплениями размещались предметы погребального инвентаря. Вокруг двух-трех круглодонных орнаментированных кубков (рис. 8) лежали украшения (рис. 5, *7*), орудия труда (рис. 5, *5*) и изредка предметы вооружения. Все предметы имели следы пребывания в сильном огне. Мощный спрессованный слой

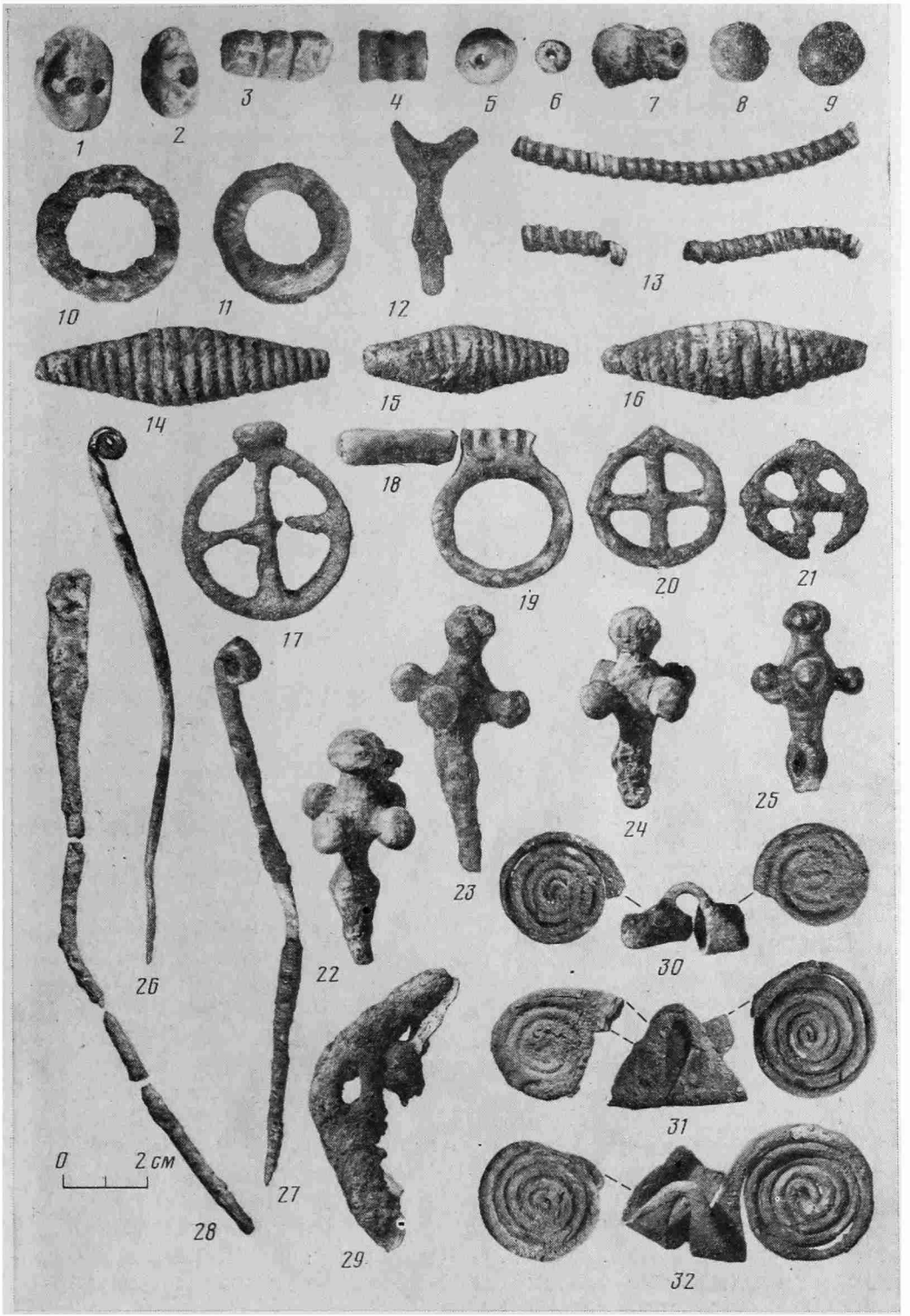


Рис. 6. Терезе. Часть погребального инвентаря из гробницы 2. *1—3*, *8*, *9* — пуговицы; *4—6*, *18* — бусы; *10*, *11* — височные кольца; *12*, *22—28* — булавки; *13—16* — спиральные пронизи; *17*, *19—21*, *29* — привески; *30—32* — височные подвески (*1—4* — кость; *5*, *6* — камень; *7—32* — бронза)

костей и типы вещей свидетельствовали о долгом использовании погребального сооружения. Самые ранние предметы — бронзовые булавки с дисковидными навершиями, с навершиями в виде трубочек, а также украшенными пятью шишечками (рис. 6, *12*, *22—28*), височные кольца (рис. 6, *10*, *11*), навершие булавы с выступами (рис. 7, *6*) близки таким же предметам из кромлехов XIV—XIII вв. до н. э. Стырфазского могильника и одновременных им ранних погребений в Тли [27, с. 18, рис. 16,

Рис. 7. Терезе. Часть погребального инвентаря из гробницы 2. *1*, *2*, *10*, *11*, *13*, *14* — браслеты; *3* — височное кольцо; *4* — кинжаловидная привеска; *5* — рукоятка кинжала; *6* — навершие булавы; *7*, *8* — ножи; *9* — спираль; *12*, *15* — оселки (*1—4*, *6—11*, *13*, *14* — бронза; *5* — бронза и железо; *12*, *15* — камень)

39, 40, *45*; 38, рис. 29; 33, *1*, *4*; 34, 35]. Имелись близкие соответствия этим вещам и в гробницах Рутхи, например булавки с навершием в виде пяти шишечек. Массово представлены в гробнице 2 предметы развитой кобанской культуры (X—VIII вв. до н. э.) [17, с. 136 таблица— ранний этап]. Это височные подвески с волютами (рис. 6, *30—32*), бронзовые пластинчатые браслеты с завитками (рис. 7, *1*, *2*), массивные круглые в сечении браслеты с обрубленными концами (рис. 7, 10, 11, *13*, *14*),

Рис. 8. Терезе. Типы сосудов из гробницы 2

кинжаловидные привески (рис. 7, *4*), спирали-накосники и биконические спиральные пронизи (рис. 6, *14—16*; 7, *9*), бронзовая подвеска в виде клыка (рис. 6, *29*), кольцевидная подвеска, рукоятка биметаллического кинжала с грибовидным навершием (рис. 7, *5*), бронзовые ножи и точильные камни (рис. 7, *7*, *8*, *12*, *15*). Выделяются предметы, свидетельствующие о контактах со степным миром Северного Причерноморья в период IX — рубеж VIII—VII вв. до н. э. [39, с. 192—195, рис. 97 (I—II)]. Таковы костяные овальные пуговицы (рис. 6, *1*, *2*) и кольцевидные привески с крестом в центре (рис. 6, *17*, *20*, *21*).

Вторая гробница (№ 1) в Терезе по конструкции стен и ориентировке углов похожа на гробницу 2, но по назначению отличалась от последней. В гробнице 2 кремация покойников производилась внутри камеры, в гробнице 1 прослежено сожжение только покойника, без вещей. Здесь внутри камеры не было слоя костей. На чистом, хорошо заглаженном полу, прокаленном на глубину до 10 см, в центре лежал плоский квадратный камень, напоминавший примитивный жертвенник (рис. 5, *1*). Остатки кальцинированных человеческих костей вместе с вещами, в основном без

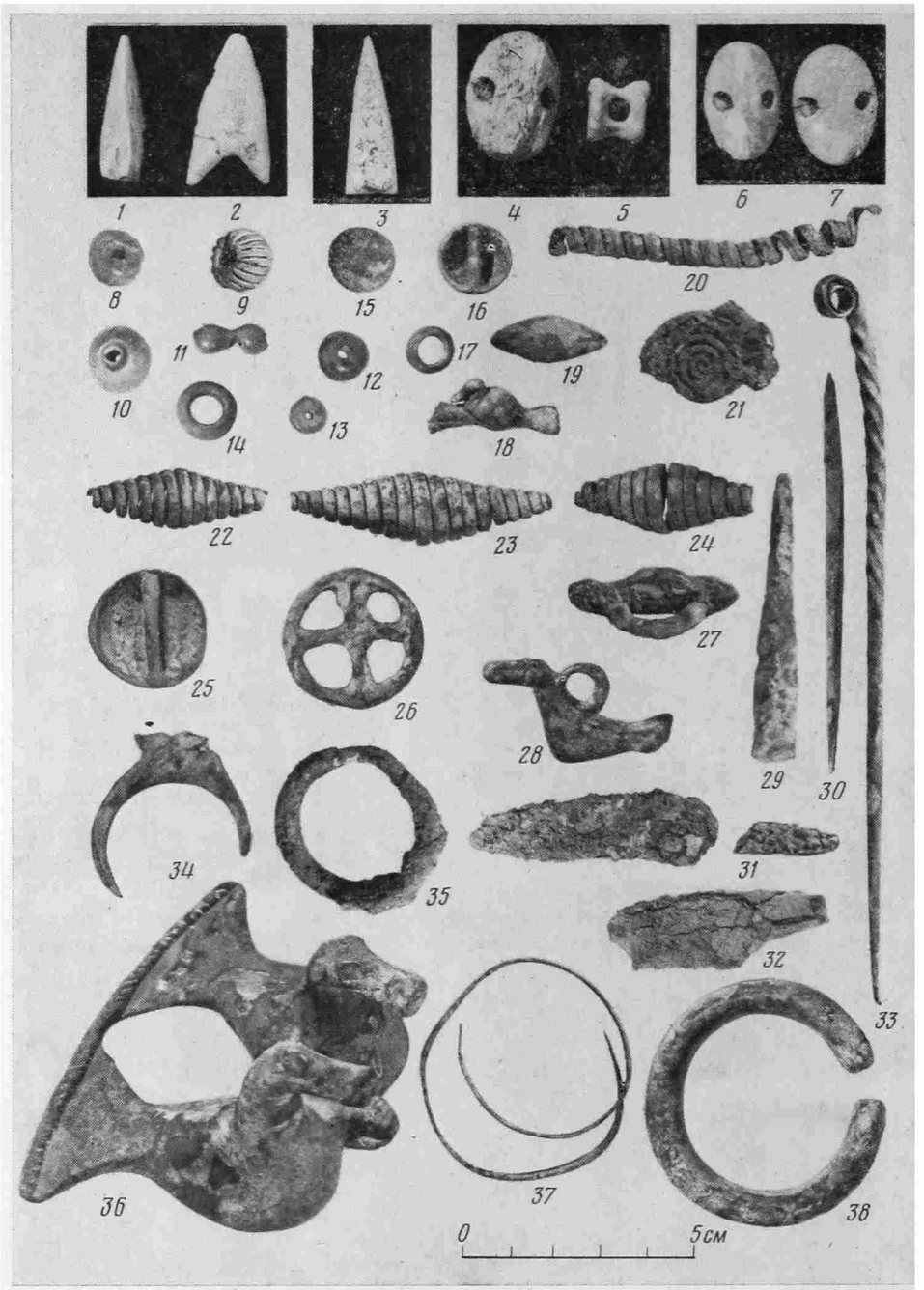


Рис. 9. Терезе. Часть погребального инвентаря из гробницы 1. *1—3* — наконечники стрел; *4, 6, 7, 15, 16, 19* — пуговицы; *5, 8—14, 17* — бусы; *18, 28, 36* — птички-привески; *20, 21* — спирали-накосники; *22—24* — спиральные пронизки; *25—27* — бляшки; *26, 34* — привески; *29* — долотовидное орудие; *30* — шило; *31, 32* — ножи; *33* — булавки; *35, 37* — височные кольца; *38* — браслет (*1—7* — кость; *8, 10, 12, 13* — сердолик; *9, 11, 14, 17* — стекло; *15, 16, 18—30, 33—38* — бронза; *31—32* — железо)

следов пребывания в огне, были захоронены за стенами кремационной камеры в небольших ямках, при зачистке напоминавших круглые «очажки» диаметром 15—20 см. Между ними иногда попадались и остатки погребений по обряду ингумации. Например, расчищено детское погребение, от которого сохранились кости рук с бронзовыми браслетами. Рядом лежала привеска-птичка (рис. 5, *2*; 9, *28*) и великолепная бронзовая массивная привеска в виде двух птиц (рис. 5, *2*; 9, *36*). Близ гробницы 1 и при зачистке стен внутри ее обнаружено много высокохудожественных бронзовых украшений кобанского типа (рис. 9, *18*, *34*, *38*), особенно великолепно ожерелье из бронзовых биконических пронизок и фигурок

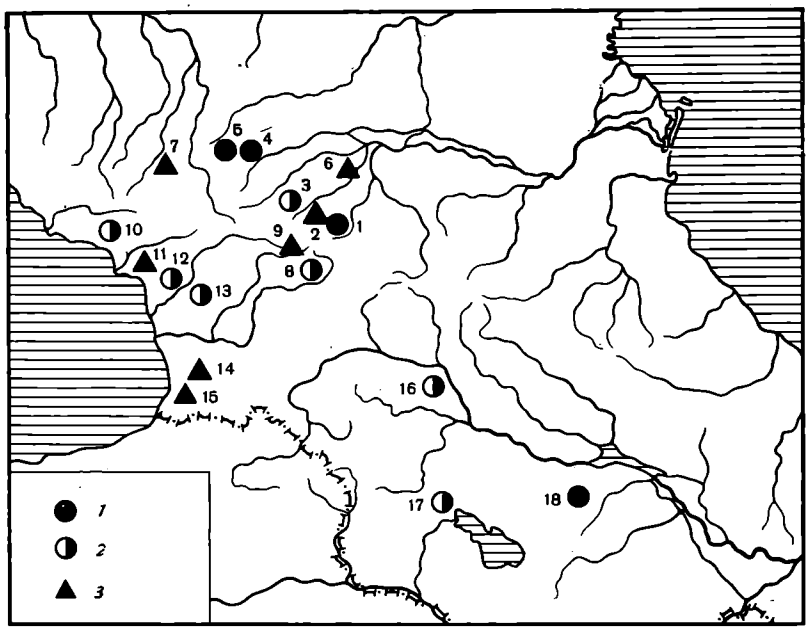


Рис. 10. Распространение погребений с кремациями на Кавказе (конец II — начало I тысячелетия до н. э.).
Условные обозначения: *1* — погребения XIII—VIII вв. до н. э.; *2* — погребения VIII—VI вв. до н. э.; *3* — погребения VI—IV вв. до н. э.
Пункты: *1* — Рутха, *2* — Булунгу, *3* — Мукулан, *4* — Эшкакон, *5* — Терезе, *6* — Нартан, *7* — Карабашево, *8* — Брили, *9* — Ларилари, *10* — Гуадиху, *11* — Мерхеули, *12* — Палури, *13* — Мухурча, *14* — Нигвзиани, *15* — Хуцубуни, *16* — Дигоми, *17* — Малаклю, *18* — Ханлар

птиц, баранов, оленя и черепахи [40, с. 231, рис. 3]. Многие предметы близки тем, что обнаружены в гробнице 2, но имелись и существенные отличия. В самой гробнице 1 и в «очажках» не найдено предметов архаичных форм. Наряду с бронзовыми вещами попадались эпизодически железные (два черешковых ножа). Бронзовые наконечники стрел-площиков местного типа находились вместе с ранними типами костяных и бронзовых втульчатых стрел VIII—VII вв. до н. э. степной кочевнической культуры [39, с. 133, 134, 195, рис. 18, *9*; 24, *7*) (рис. 9, *1—3*). Наибольшую близость в погребальном ритуале, в специфике и составе погребального инвентаря гробницы из Терезе обнаруживают с Эшкаконским могильником, что скорее всего отражает этнокультурную близость населения, оставившего оба памятника.

В регионе между верховьями Уруха и бассейном Подкумка трупосожжения зафиксированы у аула Булунгу в верхнем течении Чегема и в Баксанском ущелье (Мукулан) [8]. Полных сведений об обряде не сохранилось: известно лишь, что отсюда происходят пережженные кости людей и оплавленные предметы VIII—IV вв. до н. э. [41, с. 38, № 91].

Западнее сел. Терезе обряд кремации отмечен в верховьях Кубани. В 1956 г. В. П. Любиным в местности Карабашево на правом берегу Марухи [2, с. 253—261; 3, табл. 14б, *19—27*] была исследована подкурганная каменная гробница с трупосожжением. Погребальный инвентарь составляли предметы вооружения скифского типа, украшения и посуда, характерные для кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. [17, с. 136, таблица, поздний этап].

Таким образом, появление обряда кремации в погребальном ритуале «кобанцев» никак не может быть связано с влиянием скифов. Частичная кремация и активное использование огневого ритуала в местной культуре относится еще к периоду «оформления первого этапа» [17, с. 214] кобанской культуры. Этот обычай действительно доживает до скифского периода, но, что весьма существенно, фиксируется непрерывность его бытования с конца II и до середины I тысячелетия до н. э.

[8] ОИПК Гос. Эрмитажа № 1320. Коллекция из Мукулана.

Локализация всех перечисленных памятников территориально совпадает с западной частью Центрального Кавказа (рис. 10), занимая как горные (Рутха, Булунгу, Мукулан, Эшкакон, Карабашево), так и предгорные (Терезе) его районы. Общим для всей группы (по крайней мере там, где это устанавливается) было сооружение больших каменных гробниц, стенки которых сложены в виде кладки из плоских камней. На раннем этапе отмечено применение деревянных конструкций, возможно, деревянных накатов (Рутха) [17, с. 225]. Кремации преимущественно коллективные, совершались внутри погребальной камеры, реже — на стороне, большей частью с сопровождающими бытовыми предметами. Сожжение могло быть полным (Карабашево), но чаще зафиксировано лишь частичное сожжение покойников и камеры. В Рутхе и Терезе благодаря частичному кремированию удалось определить ориентировку погребенных: западная, юго-восточная и северо-западная. Все памятники с обрядом кремации отличает исключительная близость в типах погребального инвентаря, особенно заметная при сопоставлении синхронных объектов, таких, как Эшкаконский и Терезинский могильники. В то же время для большинства типов украшений всей группы в целом находятся ближайшие соответствия в Кобанском и Тлийском могильниках центрального варианта кобанской культуры.

Хронологически выделяются две группы памятников: ранняя — вторая половина XIII — первая половина XII в. до н. э. и до VIII в. до н. э. (Рутха, Эшкакон, Терезе, Мукулан) и поздняя — VII—VI вв. до н. э. (Булунгу, Карабашево) [9]. В вещевом комплексе ранней группы еще видны черты «времени угасания» [42, с. 146] северокавказской культуры и преобладание признаков, свойственных кобанской культуре поздней бронзы — раннего железного века. Для памятников VII—VI вв. до н. э. характерна общая черта этого периода — органическое переплетение признаков исконно местной культуры (погребальные сооружения, украшения, орудия труда, керамика) и пришлой культуры северных кочевников, скифов и савроматов (оружие, конский убор, единичные предметы скифо-сибирского звериного стиля). Могильники с кремацией не обособлены от могильников с типичным для культуры обычаем ингумации, а как бы вкраплены среди них. Они сосуществуют территориально, не отличаясь, кроме способа захоронения, ни керамикой, ни металлическими предметами. Удовлетворительного объяснения этому явлению пока не находится. Не могут быть приняты полностью и имеющиеся на этот счет предположения.

Сосуществование разных способов захоронения в Верхнерутхинском могильнике Л. Г. Нечаева, Н. Л. Членова и В. В. Кривицкий объясняют разнородным составом населения центральной части Северного Кавказа. По их мнению, обрядом трупосожжения отличалась «некобанская часть жителей... закавказского происхождения, где трупосожжение практиковалось широко» [32, с. 20]. Не говоря уже о том, что невозможно согласиться с мнением о «широкой практике» кремаций в Закавказье в эпоху, синхронную и более раннюю, чем эпоха Верхнерутхинского могильника, нет конкретных данных и о связи культуры населения, оставившего этот могильник, с закавказскими материальными комплексами. В ведущих формах погребального инвентаря из гробниц Верхней Рутхи нет ярко выраженных закавказских черт. Но в одном мы полностью разделяем точку зрения Л. Г. Нечаевой, Н. Л. Членовой и В. В. Кривицкого — обряд трупосожжения действительно не свойствен более ранним культурам Северного Кавказа [10] и был занесен сюда извне.

Обращаясь к вопросу об истоках появления обряда кремации в кобанской культуре, необходимо рассмотреть ситуацию в двух возможных

---

[9] К поздней группе близки по ряду признаков подкурганные погребения с кремациями VI—V вв. до н. э., обнаруженные близ сел. Нартан в Кабардино-Балкарии [4, с. 27].

[10] Единичные случаи кремаций отмечены в дольменах середины II тысячелетия до н. э. и в детских погребениях в курганах начала II тысячелетия до н. э. в Прикубанье [43, с. 227, 318, примечание 92; 44, с. 62, 64].

регионах, откуда идея такого обряда могла быть заимствована населением Центрального Кавказа. Это Закавказье или степная территория к северу и северо-западу от Кавказа.

В Закавказье самые ранние случаи кремаций известны в памятниках второй половины III тысячелетия до н. э. и встречаются как редчайшее исключение [45, с. 39 рис. 12, *5*; 46, с. 3, 14—17; 47, с. 104; 48, с. 171]. В эпоху средней бронзы, в основном первой половины II тысячелетия до н. э., трупосожжения эпизодически встречены среди погребений по обряду ингумации [49, с. 47; 50, с. 66; 51, с. 101; 52, с. 81; 53, с. 14—28]. Более заметен обряд трупосожжения в памятниках эпохи поздней бронзы, причем в основном конца II — начала I тысячелетия до н. э. на территории Восточного Закавказья в курганах с вещевыми комплексами так называемого ходжалы-кедабекского типа [54, с. 148—157]. По мнению М. Н. Погребовой, курганы отличались «сложным и необычным» погребальным ритуалом, для которого характерны бревенчатые деревянные конструкции внутри могилы, конские захоронения и обычай сжигания камеры, в результате чего происходила и частичная кремация покойников [55, с. 115]. Согласно гипотезе М. Н. Погребовой, все эти особенности могут свидетельствовать «о возможности проникновения одной из групп населения в конце II тысячелетия из Нижнего Поволжья в Восточное Закавказье, где она, очевидно, осела, прочно смешавшись с местным населением, и в основном восприняла его материальную культуру» [55, с. 133]. Ситуация, по ее мнению, отражала процесс расселения иранских племен и медленного, поэтапного движения индоевропейцев в районы Передней Азии [55, с. 135, 140]. Наиболее ранние курганы датированы концом XIII—XII в. до н. э., но основная группа—XI—VIII вв. до н. э. [55, с. 123—126].

В VIII—VII вв. до н. э. в восточном и центральных районах Закавказья обряд кремации отмечен лишь спорадически [56, с. 87—92; 57, с. 69, 70; 58, с. 371]. Наиболее близки верхнерутхинским могильники близ сел. Брили (Рача), где открыты каменный склеп и кремационная площадка начала I тысячелетия до н. э. — VII—IV вв. до н. э. [59, с. 99 и сл.; 60, с. 268, 273; 61].

Кремационные площадки [25, с. 41, 59; 62; 63, с. 454; 64, с. 76—80; 65, с. 33—39; 24, с. 27, 45, 54—56] со рвами, заполненными человеческими костями вместе с обгоревшими предметами VIII—V вв. до н. э., а также могилы с трупосожжениями этого периода довольно многочисленны в ареале колхидской культуры (рис. 10)[11]. По мнению М. М. Трапша, в западном Закавказье обряд кремации появился в VIII в. до н. э., но «поиски на месте зарождения этого обряда захоронения пока не дали положительного результата» [24, с. 48 и сл.].

Итак, для ранних эпох обряд кремации в Закавказье не имел системного характера. Материалы конца II тысячелетия до н. э., но в основном начала I тысячелетия до н. э. из восточного Закавказья синхронны и в большинстве своем позднее центральнокавказских. Могильники с кремацией колхидской культуры близки кобанским, но все без исключения соответствуют лишь поздней группе VII—VI вв. до н. э. Все это не позволяет рассматривать Закавказье в качестве исходной территории распространения обряда трупосожжения в кобанской культуре. Не исключен как раз обратный процесс. Из района Рутхи он мог распространиться в соседнюю Рачу, а оттуда позднее в низменные районы Колхиды[12].

К северу от Кавказского хребта обряд трупосожжения занимал с XVI—XIV вв. до н. э. заметное место в ареале срубной историко-культурной общности [67, с. 187]. Тем не менее в специальной литературе прочно бытует мнение, что обряд этот необычен для «срубников» По-

---

[11] Пользуюсь случаем поблагодарить Ш. Г. Чартолания за любезно предоставленную возможность познакомиться с материалами Лариларского могильника [66, с. 300—315].

[12] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность М. В. Барамидзе за консультации и перевод с грузинского языка необходимых публикаций по интересующему вопросу.

волжья — центра формирования культуры — и занесен сюда извне из области расселения федоровской группы андроновской культуры [67, с. 185; 68, с. 209, 218; 69, с. 175]. В свете новейших исследований проблемы формирования евразийских степных культур эпохи бронзы, в первую очередь срубной и андроновской, появляются сомнения в факте заимствования «срубниками» этого обряда от «федоровцев». Срубные комплексы с обрядом кремации, в том числе и северопричерноморские, значительно старше тех западных федоровских комплексов, которые могли бы претендовать на роль посредников в передаче нового обряда [70, с. 193—198; 71, с. 41, 42; 72, с. 284, 285; 73, с. 70; 74, с 73, 74; 75, с. 52, 53). Может быть, появятся новые факты, но пока что очевиден локальный, изолированный характер обряда «федоровцев» и его чрезвычайно слабое воздействие на обряд непосредственно соседних с ним однокультурных групп [76, с. 165—173]. Новые данные свидетельствуют о нетипичности обряда трупосожжения и для племен, населявших степную часть Южного Приуралья [77, с. 60, 61] в конце II тысячелетия до н. э. Поэтому нам не представляется возможным связать истоки обряда кремации в кобанской культуре с андроновским, восточным, импульсом. Нет ощутимости влияния андроновской культуры конца II тысячелетия до н. э. и в предметах импорта, найденных на Северном Кавказе [78, с. 45, 46].

Более перспективны для решения поставленной темы западные связи населения срубной историко-культурной общности. Общеизвестно, что на западе, в зоне контакта с культурами Ноа и восточнотшинецкой, племена срубников сабатиновского этапа испытывали «определенное влияние северных и западных соседей на обряд кремации» [67, с. 184]. Справедливо указывалось на «западную линию связей» и в искусстве срубных племен Северного Причерноморья [79, с. 80]. Неоднократно подчеркивались взаимосвязи в области металлообработки [80, с. 133—142]. Действительно, только для западноевропейских культур прослеживается с очень раннего времени, с V—IV тысячелетий до н. э. [81, с. 33—35], непрерывный и постоянный характер обряда кремации. В эпоху средней бронзы он полностью вытесняет обряд трупоположения в Повисленье и Подунавье [82, с. 86, 87; 83, с. 68—86]. В первой четверти II тысячелетия до н. э. он зафиксирован в могильниках среднеднепровской культуры [84, с. 88, 95]. В эпоху поздней бронзы, примерно с 1200 г. до н. э., обряд трупосожжения стал господствующим и «единственным на большей части Европы от Карпат на востоке и до Англии на западе» [83, с. 103]. К рубежу II—I тысячелетий до н. э. наиболее восточные районы его распространения — среднее правобережное Поднепровье [85, с. 43—46].

Глубокая традиционность и постоянство многосторонних связей носителей северокавказских культур со степным Причерноморьем [86, с. 17; 87] позволяют предполагать возможность заимствования «кобанцами» обряда кремации из областей Средней Европы, скорее всего из Подунавья, но не прямо, а через посредство сабатиновской группы срубной культуры. Некоторым основанием для этого служит сходство отдельных черт ритуала кремации в Западной Европе и на Северном Кавказе. Например, в культуре Гырла-Маре (конец II тысячелетия до н. э.) отмечены одиночные, двойные и тройные погребения. Умерших клали на погребальный костер вместе с оружием, украшениями и орудиями труда [83, с. 84, 85]. Воинственные племена культуры Отомани (северо-западная Румыния) сочетали в погребальном обряде кремацию и ингумацию [83, с. 79]. Трупосожжения под бревенчатыми помостами в ямах известны в лужицкой культуре [88, с. 10]. Обычай окружать погребения каменными конструкциями, разжигать погребальные костры внутри камеры, перекрывать могилы накатом из бревен известен в могильниках комаровской культуры [89, с. 102]. Все эти разрозненные факты сходства ритуала не имели бы решающего значения сами по себе, если бы не было других доказательств существования особых глубинных контактов между Карпато-Дунайским бассейном и областью распространения кобанской

культуры. Констатация и интерпретация этих связей, не укладывающихся в рамки просто эпизодического обмена, имеют свою историографию [17, с. 344, 345; 90; 91; 92]. В свете поставленной темы особое звучание приобретает в кобанских древностях заметная группа предметов, представляющая или прямой импорт конца II тысячелетия до н. э., или позднюю модификацию западных типов вещей XIII—XII вв. до н. э. В. А. Сафронов и вслед за ним С. Л. Дударев выделили бронзовые кинжальные клинки с необычным для кобанского оружия способом крепления рукоятки на пяти-шести заклепках [93, с. 29, рис. 8, 16; 94, с. 8—9]. Западные по происхождению типы кобанских украшений, оружия и керамики выделены и мною [95, с. 53—58]. Большинство точных прототипов для этих вещей находится в древностях Венгрии и Румынии ступени BIV, особенно группы Опай (вторая половина XIII — первая половина XII в. до н. э.). Напомним, что это бронзовые пластинчатые («манжетовидные») браслеты с обрубленными или закругленными концами (Кобань, Рутха, Заюково, Сержень-Юрт, Аллерой, Ахкинчу-барзой, Майртуп), браслеты с концами в виде двух плоских завитков (Рухта, Былым, Ачикулак), пластинчатые браслеты украшенные тремя рядами выпуклых шишечек на лицевой стороне (Сержень-Юрт, Зандак, Майртуп), овальные, височные подвески (рис. 11, *1*) с концами, закрученными в плоскую спираль (Кобань, Тли, Эшкакон, Терезе), привески в виде двух волют, закрученных внутрь (Рутха), бронзовые наконечники копий с короткой конусовидной втулкой и небольшим пером, иногда с двумя выпуклыми ребрышками вдоль него (Сержень-Юрт), желобчатые долота (Сержань-Юрт), биконические глиняные корчаги (Сержень-Юрт, Зандак, Ахкинчу-барзой).

Еще более показательны две бронзовые крестовидные («антропоморфные») привески культуры Ноа из Беахни-куп (рис. 11, *2*, *3*), широкий пластинчатый браслет с гравированным орнаментом на лицевой стороне и заостренными концами (рис. 11, *7*) из Фаскау и десяток узких браслетов с тремя острыми ребрами на лицевой стороне (рис. 11, *4*, *5*) из Рутхи («Хоргон») и Верхнерутхинского могильника, также имеющие близкие соответствия в материалах Венгрии [18, с. 334, табл. 82, с. 353, табл. 101, *1—2* с. д.]. Конечно, как писал в свое время М. Гёрнес, «нельзя всякое замеченное культурное сходство тотчас объяснять занесением из одной культурной области в другую, в особенности если дело идет о формах жилых строений и могил» [96, с. 80]. Но в данном случае, как мы видим, обряд трупосожжения в кобанской культуре выступает как слагаемое конгломерата явлений, трудно объяснимых лишь случайными, опосредственными связями между двумя областями. В то же время мы далеки от возрождения старых гипотез о широкой и массовой миграции «народа металлургов» из Средней Европы и о том, что Кавказ был «своего рода фокус, в котором скрещивались и соединялись разнородные, извне приливавшиеся течения» [96, с. 122]. Скорее речь может идти о сравнительно кратком по времени импульсе в один из периодов активного взаимопроникновения западных и восточных элементов, в эпоху, совпавшую с формированием культуры Ноа, или может быть, несколько позже этого. Проникновение восточного «срубного» элемента в районы Трансильвании, Венгерской долины и южных областей Польши достаточно отчетливо фиксируется в кладах, в вещевых комплексах могил и по отдельным предметам в слоях поселений [97, с. 53, 56, 80—82; 98, рис. 2]. И в свою очередь сравнительное изучение Е. Н. Черныхом в металлургическом аспекте кладов из степной части Причерноморья и Подунавья показало довольно глубокое проникновение карпато-трансильванской группы металла на восток до Приазовья (Райковецкий клад), т. е. в район, непосредственно примыкавший к Кавказскому хребту. Механизм обмена культурными элементами остается во многом неизвестен. Возможно, как предполагает Е. Н. Черных, распространение их было связано с деятельностью групп (кланов) мастеров-металлургов, которые «нередко были культурно-обособленными от окружающего их населения» [99, с. 149] и даже «этнически чужеродными», особенно в среде степных племен [100, с. 282]. От ориентации и направления их

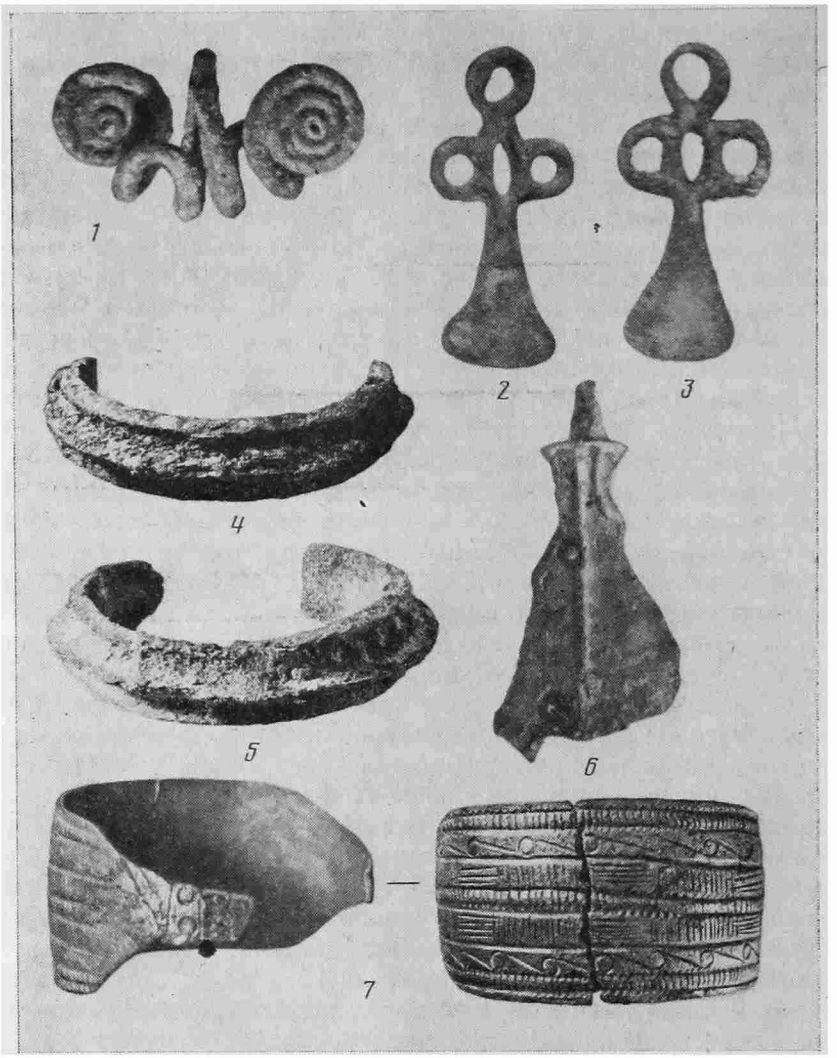


Рис. 11. *1—3* — бронзовые украшения из Беахни-куп; *4*, *5* — браслеты из Рутхи; *6* — кинжал срубного типа из Рутхи; *7* — браслет из Фаскау

многосторонних контактов могло зависеть распространение тех или иных типов вещей и, вероятно, культурных явлений. Пути связей культур Подунавья и Северного Кавказа в конце II тысячелетия до н. э. именно по Нижнему Поднепровью и Приазовью, а также активную посредническую роль очагов металлообработки на территории срубной культуры в поддержании этих связей подтверждает состав импортов бронзовых предметов и подражания им из памятников Северного Кавказа (Удобная, Уруп, Теберда, Рутха, Ново-Ивановское, Чегемский мост, Нижний Курп, Беахни-куп) и даже Закавказья (Тхмори, Опшквити, Цоиси, Ахмата). Все категории вещей отсюда (ножи, кинжалы, двуушковые кельты, серпы разряда С-2 и С-4, подвески ноасского типа [99, с. 81—83, 89, 108—110, 119, 121, 129, 244, рис. XL, 26, 27, 33, 36] относятся к вариантам и типам, характерным преимущественно для зоны распространения карпато-трансильванской и поднепровской металлургических групп в ареале культур Ноа и Сабатиновка.

Следовательно, процесс проникновения обряда трупосожжения на Северный Кавказ может быть моделирован как диффузия одного из компонентов в едином комплексе культурных элементов из области Подунавья на восток в рамках передвижений западносрубных групп населения в общем процессе расселения индоевропейцев во второй половине II тысячелетия до н. э. Проникнув на северные склоны Центрального Кавказа непосредственно в предкобанский период, обряд кремации вкупе с нижнедунайскими типами оружия и урашений первоначально механически

наслоился на обряд местной культуры самого конца II тысячелетия до н. э., представленной комплексами типа Беахни-куп, Рутха и Терезе. Не получив дальнейшего развития в чуждой среде, где глубоко традиционным был обряд ингумации, трупосожжение длительное время сохранялось как локальная особенность дигорской и близкородственных ей групп населения кобанской культуры. На раннем этапе, который условно можно именовать протокобанским, обряд кремации скорее всего отражал присутствие чужеродного этноса, позднее растворившегося в среде аборигенов. В начальный период он выступает как одно из слагаемых новой, кобанской культуры эпохи раннего железа. Позднее, после формирования и стабилизации основных черт этой культуры, в погребальном обряде которой исконный обычай ингумации оказался победителем, обряд трупоссожжения продолжал оставаться специфической особенностью лишь определенной группы северокавказского населения и в VIII—VII вв. до н. э. даже распространился в Закавказье в ареал колхидской культуры. В устойчиво повторяющемся сочетании с другими признаками, свойственными кобанской культуре (посуда, украшения, орудия труда, оружие), обряд частичной и полной кремации не только выступал этническим показателем этой группы, но и отражал направление и пути ее миграций в течение более чем 600 лет по обе стороны Большого Кавказского хребта.

Итак, ко времени появления скифов в Предкавказье обряд кремации представлял в культуре Северного Кавказа глубоко местное явление. Появление его связано с передвижениями с запада на восток волны индоевропейцев во второй половине II тысячелетия до н. э. Обряд кремации в кобанской культуре — это отзвук сложного процесса формирования и кристаллизации ее основных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козенкова В. И.* Об обряде трупосожжения в кобанской культуре.— Тез. докл. IX Крупновских чтений. Элиста, 1979.
2. *Любин В. П.* Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии.— Тр. КЧНИИ. Сер. истор. Черкесск, 1964, вып. IV.
3. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.
4. *Батчаев В. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы скифского времени у с. Нартан.— Тез. докл. IX Крупновских чтений. Элиста, 1979.
5. ОАК за 1889. СПб., 1892.
6. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северного Кавказа докобанского периода.— МИА, 1951, № 23.
7. *Джапаридзе О. М.* Квасательский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии.— КСИИМК, 1955, № 60.
8. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, 1951, № 23.
9. *Котович В. Г.* К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
10. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М.: Наука, 1969.
11. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, VIII.
12. *Чубинишвили Т. Н.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси: Мецниереба, 1957.
13. *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана. Махачкала, 1969.
14. *Доманский Я. В.* Кобанская культура Кавказа. Краткий путеводитель по Гос. Эрмитажу. Л.: Изд-во ГЭ, 1975.
15. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— ВГМГ, т. XIX-А и XXI-В. Тбилиси, 1957.
16. *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен восточной Грузии (XV—VII вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1972.
17. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
18. *Mozsolics A.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1973.
19. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период.— СА, 1950, XIV.
20. *Техов Б. В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.— СА, 1972, № 3.
21. *Погребова М. Н.* Урартские мечи из Закавказья.— СА, 1967, № 2.
22. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Альбом. Л.: Искусство, 1970.

23. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Результаты раскопок 1951—1953 годов. Т. III. Ереван; 1955.
24. *Трапш М. М.* Древний Сухуми. Т. 2. Сухуми; 1969.
25. *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978.
26. *Воронов Ю. Н.* Северная Колхида VIII—V вв. до н. э.— Тез. докл. II Всес. симпоз. по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979.
27. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977.
28. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, № 120 (коллекция В. Е. Грум-Гржимайло).
29. *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа.— Уч. зап. ЛГУ, 1949, сер. истор. наук, вып. 13.
30. *Кривцкий В. В., Нечаева Л. Г., Членова Н. Л.* Исследование крематория эпохи поздней бронзы в Северной Осетии.— АО-1975. М., 1976.
31. *Кривцкий В. В., Нечаева Л. Г., Членова Н. Л.* Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии.— Тез. докл. VIII Крупновских чтений. Нальчик, 1978.
32. *Кривцкий В. В., Нечаева Л. Г., Членова Н. Л.* Этнические и социальные черты населения, оставившего могильник Верхняя Рутха (Северная Осетия).— В кн.: Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978.
33. *Нечаева Л. Г., Кривцкий В. В., Членова Н. Л.* Кремационная печь кобанского времени на могильнике Верхняя Рутха в Северной Осетии.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1974—1976 годов. Л., 1977.
34. *Егоров Н. М.* Могильник у реки Эшкакон.— КСИИМК, 1956, № 64.
35. *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
36. *Козенкова В. И.* О работах Чечено-Ингушского отряда.— АО — 1977, М., 1978.
37. *Козенкова В. И.* О работах Учкекенского отряда.— АО — 1978, М., 1979.
38. *Техов Б. В.* Стырфазские кромлехи. Цхинвали: 1974.
39. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
40. *Биджиев Х. Х., Козенкова В. И.* Предметы кобанской культуры из селения Терезе (Карачаево-Черкесия).— СА, 1980, № 4.
41. *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
42. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93.
43. *Марковин В. И.* Дольмены западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
44. *Козенкова В. И.* Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье.— КСИА АН СССР, 1973, № 134.
45. *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
46. *Дедабришвили Ш. Ш.* Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. канд. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1970.
47. *Ханзадян Э. В.* Культура армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван; 1967.
48. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
49. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949.
50. *Ханзадян Э. В.* Лчашенский курган № 6.— КСИА АН СССР, 1962, № 91.
51. *Есаян С. А.* Древняя культура племен северо-восточной Армении. Ереван; 1976.
52. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Т. I. М.: Изд-во АН ГССР, 1941.
53. *Жоржикашвили Л., Гогадзе Э.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
54. *Ивановский А. А.* По Закавказью.— МАК, 1911, VI.
55. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977.
56. *Гуммель Я. И.* Археологические очерки. Баку: 1940.
57. *Куфтин Б. А.* Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит.— ВГМГ, т. XIII-B. Тбилиси, 1943.
58. *Абрамишвили Р. М., Бохочадзе А. В., Квижинадзе К. Д., Мирцхулава Г. И., Николашвили В. В., Рамишвили А. Т.* Археологические раскопки в Дигомском ущелье.— АО — 1970. М., 1971.
59. *Гобеджишвили Г. Ф.* Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
60. Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1970.
61. *Барамидзе М. В.* Брильский склеп.— В кн.: Аннотация докладов научной сессии института истории. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
62. *Окроперидзе Н. И., Барамидзе М. В.* Палурское «Садзвле».— В кн.: Матер. по археологии Грузии и Кавказа. Т. VI. Тбилиси: Мецниереба, 1975.
63. *Гогадзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанашвили М. В.* Раскопки Носирской экспедиции.— АО — 1974. М., 1975.
64. *Барамидзе М. В.* Мерхеульский могильник. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
65. *Микеладзе Т. К., Барамидзе М. В.* Колхидский могильник VI—IV вв. до н. э. в с. Нигвзиани.— КСИА АН СССР, 1977, № 151.
66. *Чартолания Ш. Г.* Лариларский могильник.— В кн.: Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
67. *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Ниж-

него Поволжья.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
68. *Смирнов К. Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье.— СА, 1957, XXVII.
69. *Мамонтов В. И.* О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье.— СА, 1980, № 1.
70. *Стоколос В. С.* О стратиграфии поселения Кинель.— СА, 1970, № 3.
71. *Матющенко В. И.* Андроновская культура на Верхней Оби.— В кн.: Из истории Сибири. Вып. II. Ч. 3. Томск, 1973.
72. *Членова Н. Л.* СА, 1975, № 2. Рец. на кн.: *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
73. *Аванесова Н. А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
74. *Жигулина Л. Н.* Новые памятники срубной культуры в Куйбышевской области.— В кн.: Проблемы археолгии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: 1976.
75. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
76. *Федорова-Давыдова Э. А.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья.— В кн.: Проблемы археолгии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
77. *Морозов Ю. А.* К вопросу о заселении южного Урала срубными племенами.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
78. *Дударев С. Л.* К характеристике находок сибирско-казахстанского облика из древностей Пятигорья и бассейна Терека (конец II — первая половина I тысячелетия до н. э.).— В кн.: V Крупновские чтения по археологии Кавказа (тез. докл.). Махачкала, 1975.
79. *Отрощенко В. В.* Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры.— СА, 1974, № 4.
80. *Сымонович Э. А.* Ингульский клад.— СА, 1966, № 1.
81. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М.: Наука, 1969.
82. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Т. II. М.: Наука, 1974.
83. *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М.: Наука, 1973.
84. *Артеменко И. И.* Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
85. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев: Наукова думка, 1961.
86. *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. М.: 1947.
87. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
88. *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.— В кн.: Погребальный обряд племен северной и средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1974.
89. *Свешников И. К.* Проблема происхождения комаровской культуры.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
90. *Gallus S., Horvath T.* Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Budapest, 1939.
91. *Hančar F.* Hallstatt und der Ostraum (Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems).— В кн.: Гавриил Кацаров. Т. I. София, 1950.
92. *Gazdapustai D.* Beziehungen zwischen den prähistorischen Kulturen des Karpatenbeckens und Nord-Kaukasus (Beiträge zum sogenannten Kimmerierproblems).— In: Acta Universitatis de Attilla Jozsef nominatae. Vol. V. Szeged, 1963.
93. *Сафронов В. А.* О датировке Рутхинского погребального комплекса.— КСИА АН СССР, 1966, № 108.
94. *Дударев С. Л.* О разновидностях бронзовых кинжальных клинков с территории Чечено-Ингушетии.— Тез. докл. и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973.
95. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели).— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
96. *Гёрнес М.* Культура доисторического прошлого. Бронзовый век. Ч. II. М., 1914.
97. *Petrescu-Dimbovita M.* Depositele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977.
98. *Comon G., Buzdugan C.* Un nou tip pumnal descoperit in Moldova.— SCIV, 1978, t. 29, N 1.
99. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976.
100. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София; 1978.

V. I. Kozenkova

ORIGIN OF THE CREMATION BURIAL RITES OF THE KOBAN TRIBES IN THE CAUCASUS

Summary

The author's analysis of material from the North Caucasus suggests that the cremation ritual among the Koban tribes began early in their development. The earliest complete or partial cremation burials were registered by V. I. Dolbezhnev in 1889 in the upper reaches of the Urukh river (in the Rutkha area, Northern Ossetia). The burials were dated to mid-13th-8th centuries B. C. (Figs. 1-4). Early cremation burials were discovered in Verkhnyaya Rutkha (diggings by E. I. Krupnov, L. G. Necheva, N. L. Chlenova and V. V. Krivitsky), Eshkakon (diggings by N. M. Egorov), and Tereze (diggings by V. I. Kozenkova) (Figs. 5-9) burial grounds. The cremation ritual, the author believes, was commom in the central and western parts of the Caucasus and was a result of interpenetration and interaction of western Timber-Grave tribes and the Noa culture tribes with the Caucasian culture in the pre-Koban period. The author publishes for the first time rare artifacts, typical of the Noa culture, found in the Caucasus (Fig. 11). An analysis of a number of metal ornaments (Fig. 1, *10*) testifies to stable ties between the Caucasian cultures and middle Europe in the late 2nd millennium B. C. Kozenkova suggests that the cremation burial was not characteristic of the Koban culture and was relatively widespread only in the period of its formation. She disagrees with the view that the appearence of the cremation ritual was due to Scythian influences, for the facts point to its local origins.

ПЕСКОВА А. А., РАППОПОРТ П. А., ШТЕНДЕР Г. М.

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ НОВГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ

Изучению древнего новгородского зодчества всегда способствовало то обстоятельство, что здесь уцелело большее количество памятников, чем в других русских землях. Естественно поэтому, что развитие древней новгородской архитектуры исследователи, как правило, прослеживали по сохранившимся памятникам, не прибегая к археологическим раскопкам. Однако и в истории новгородского зодчества есть периоды, которые невозможно понять и изучить без раскопок. Прежде всего это сложение в первой половине — середине XII в. самостоятельной новгородской архитектурной школы.

Известно, что после постройки Софийского собора монументальное строительство в Новгороде временно прекратилось и возобновилось лишь в начале XII в. В 1103 г. была заложена церковь Благовещения на Городище, в 1113 г. Никольский собор на Ярославовом дворище, в 1117 г. собор Антониева монастыря и в 1119 г. собор Юрьева монастыря. В этих зданиях еще очень сильны традиции киевской архитектуры конца XI в., хотя в них можно видеть уже и некоторые своеобразные черты, обязанные своим появлением влиянию форм новгородской Софии, а также социальным, техническим и эстетическим особенностям новгородской жизни. Простота объемов, лапидарность форм, очень стройные пропорции уже в это время являются характерными для памятников новгородского зодчества. Особенно полное воплощение поиски нового нашли в соборе Антониева монастыря [1, с. 350, 351; 2, с. 59—62]. Последующее развитие способствовало еще более яркому проявлению самобытных черт архитектуры, отлившихся в формы самостоятельной архитектурной школы. Процесс этот, по-видимому, завершился только к 60-м годам XII в., когда были возведены Успенская и Георгиевская церкви в Старой Ладоге.

Промежуток времени от строительства собора Юрьева монастыря до возведения староладожских церквей, т. е. весь период сложения новгородской архитектурной школы, не представлен сохранившимися памятниками. Исключением является только собор Мирожского монастыря во Пскове, возведенный, видимо, в 40-х годах XII в., однако чрезвычайно своеобразная объемная композиция этого здания свидетельствует, что оно выпадает из основной линии развития новгородской архитектуры, хотя, как увидим ниже, имеет непосредственное отношение к ее сложению [3, с. 22]. В последние годы количество исследованных памятников данного периода несколько возросло. Так, в 1979—1980 гг. были полностью раскопаны остатки церкви Климента в Старой Ладоге, заложенной в 1153 г. [4, с. 28]. Удалось обнаружить и раскопать фундаменты церкви Дмитрия Солунского в Пскове, построенной в 30—40-е годы XII в [5, с. 13]. Детальное изучение собора псковского Иоанновского монастыря позволило архитектору С. П. Михайлову отнести его строительство к первой половине XII в., вероятно, к 30—40-м годам[1]. М. К. Каргер попытался использовать для решения вопроса о путях сложения новгородской архитектурной школы церкви Ивана на Опоках и Успения на Торгу, исходя из предположения, что планы этих церквей были полностью сохранены при их перестройке в XV в. [60, с. 17]; однако без исследо-

[1] Доклад С. П. Михайлова на Секторе славяно-финской археологии ЛОИА 25.01.79.

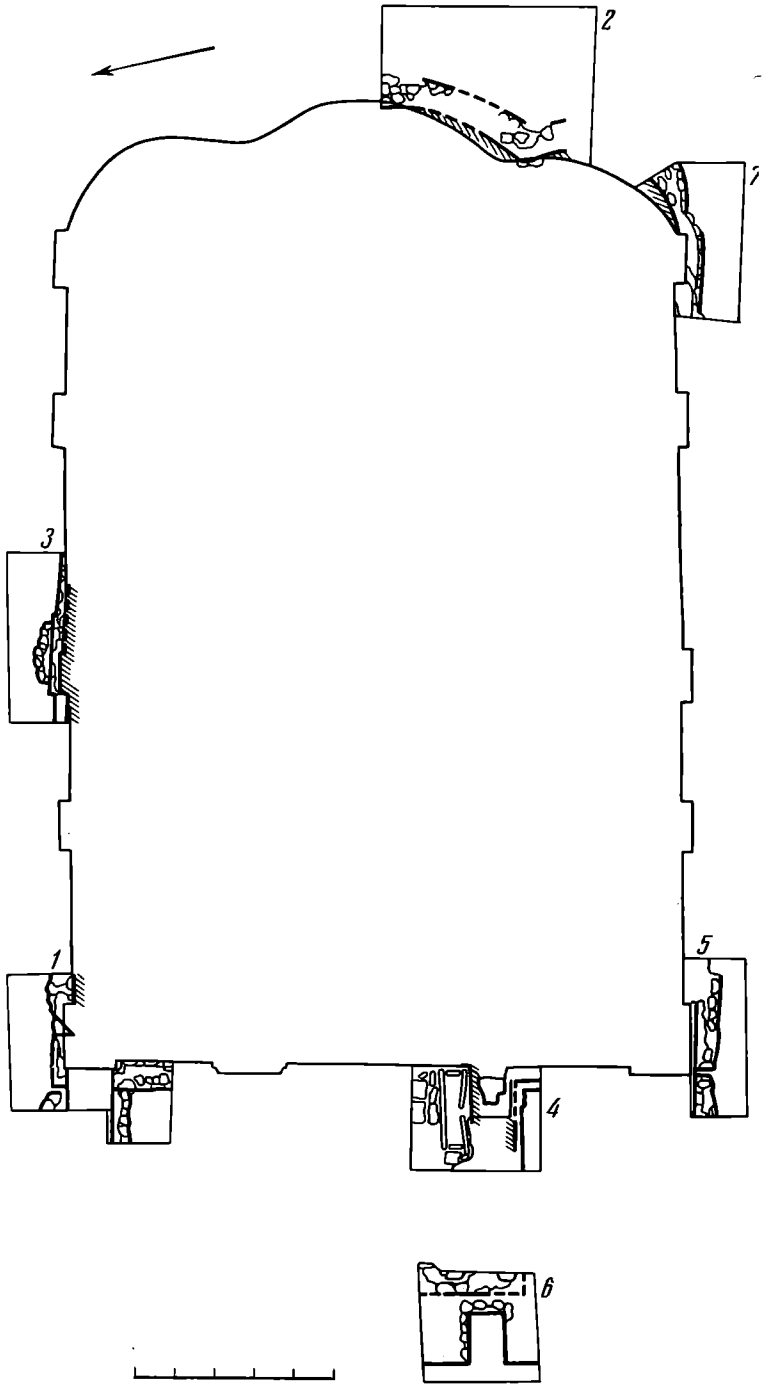


Рис. 1. Церковь Ивана на Опоках. План раскопанных участков здания: *1—7* — расположение шурфов

вания памятников такое предположение ничем не было доказано. Задача археологического изучения новгородских памятников зодчества, возведенных между 20-ми и 60-ми годами XII в., по-прежнему оставалась актуальной.

В 1979—1980 гг. архитектурно-археологическая экспедиция ЛОИА провела раскопки вокруг новгородских церквей Ивана на Опоках и Успения на Торгу. Итоги раскопок позволили уточнить данные о процессе сложения новгородской архитектурной школы.

Церковь Ивана на Опоках в Новгороде была заложена в 1127 г.: «...заложи церковь камяну святого Иоанна Всеволод Новегороде на Петрятине дворе, въ имя сына своего» [7, с. 21]. Строительство было завершено в 1130 г.: «коньця церковь святого Иоанна» [7, с. 22]. Участок

для строительства был выбран на возвышенном берегу Волхова рядом с новгородским торгом. Возведение храма должно было стать значительным событием в общественной жизни Новгорода, так как происходило в напряженной политической обстановке межфеодальной борьбы. Передачей церкви в руки влиятельной купеческой организации «Иванское сто» князь Всеволод рассчитывал укрепить свой авторитет и положение в Новгороде [8, с. 160]. В притворе церкви (возможно, в нартексе) хранились эталоны веса и мер. Церковь была богато снабжена иконами и богослужебными книгами, на хорах ее был устроен придел Захарии [8, с. 161, 163].

В середине XV в. церковь была полностью перестроена: «В лето 6961 (1453) повелением архиепископа Евфимия разрушена бысть церковь каменная святаго Иоанна Предтечи... того же лета и совершиша святаго Иоанна Предтечи на Петрятине дворе, а ныне зовется на Опоках, и священа бысть 6962 сентября в 23 день... а подписаша сию церковь святаго Иоанна Предтечи 6963» [9, с. 240].

Существующее здание церкви в основном относится к середине XV в., хотя в нем имеются переделки XVII в. и более поздние, относящиеся к первой половине XIX в. [10, с. 297]. Зондажи, сделанные в стенках здания, показывали, что наряду с известняковой плитой и брусковым кирпичом XV в. в кладке использованы и плинфы, очевидно происходящие от разобранного более древнего памятника. Исследователи неоднократно отмечали, что архитектурные формы церкви, безусловно, в какой-то мере повторяют облик первоначального храма XII в., т. е. имеют «реставрационный» характер, что связано с отразившимися в идеологии и искусстве консервативными политическими тенденциями новгородского боярства середины XV в. [11, с. 122; 12, с. 29]. Было принято считать, что храм 1453 г. стоит на остатках стен церкви 1127—1130 гг., полностью повторяя ее план. Для проверки этого предложения у стен церкви были проведены раскопки. Было заложено семь шурфов: у северо-западного, юго-западного и юго-восточного углов, несколько южнее западного портала и на стыке центральной и южной апсид (рис. 1). Общая площадь шурфов около 64 м^2. Раскопки выявили сложную историю памятника.

Как оказалось, кладка храма XV в. опускается вниз от современного уровня земли примерно на 1,0—1,3 м. Под нею обнаружен фундамент, состоящий всего из одного ряда валунов на известковом растворе. Фундамент этот опирается на остатки стен XII в., сложенных из плитняка и плинфы на растворе с цемянкой. Стены XII в. сохранились на очень небольшую высоту, около 20—40 см и лишь местами до 1,2 м. Впрочем, как выяснилось при более детальном доследовании, кое-где стены эти сохранились и значительно выше, но снаружи они залицованы кладкой XV в. Под стенами XII в. лежит фундамент, сложенный из валунов на растворе. В верхней своей части этот фундамент опускается вниз почти вертикально, а начиная с 1 м — с сильным скосом внутрь. Примерно на глубине 2,2—2,5 м от современной поверхности проходит в настоящее время уровень грунтовой воды. Фундамент залегает значительно глубже: его подошва находится на уровне около 3,6 м от поверхности и на 1,7 м от основания стен XII в. Значительный подпор грунтовых вод не позволил исследовать основания фундаментов, и поэтому неизвестно, имел ли храм деревянные субструкции. Фундамент прорезает культурный слой XI—XII вв. и врезается на 1,1—1,3 м в материковый песок-плывун.

Таким образом, по первому впечатлению как будто бы подтвердилось предположение, что храм 1453 г. стоит на остатках стен церкви 1127—1130 гг., хотя остатки эти и лежат значительно глубже в земле, чем предполагали. Однако изучение раскопанных кладок показало, что в действительности картина гораздо сложнее.

На верхней поверхности фундамента под кладкой стены XII в. обнаружены многочисленные мелкие кусочки стенной обмазки от какой-то более ранней постройки. В этом же уровне от стены наружу отходит на

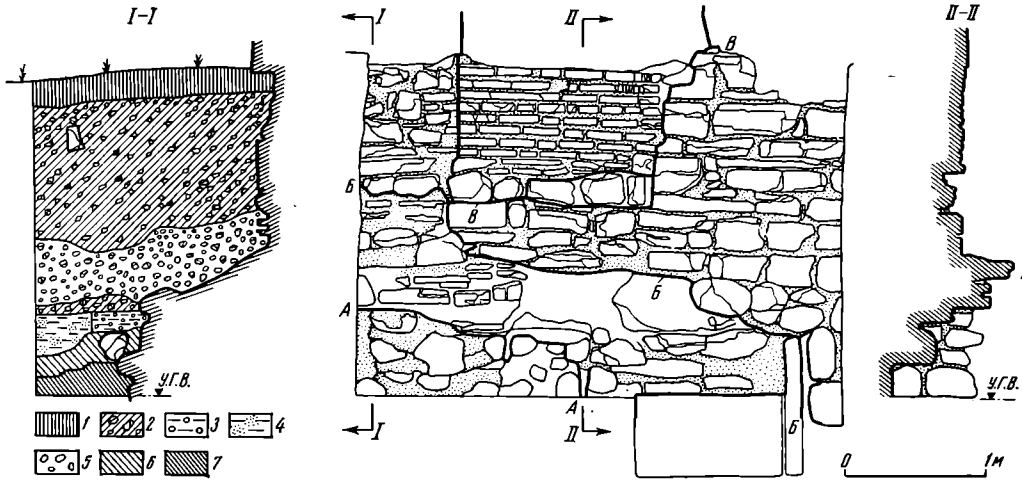


Рис. 2. Церковь Ивана на Опоках. Шурф у северо-западного угла. *А* — верхняя граница кладки 1127 г.; *Б* — то же конца XII в.; *В* — то же XIV в.; УГВ — уровень грунтовой воды; *1* — дерн; *2* — земля со строительным мусором; *3* — древний строительный раствор с фресками и штукатуркой; *4* — древний строительный раствор с землей; *5* — строительный мусор; *6* — коричневый культурный слой; *7* — черная земля

ширину примерно 10 см прослойка, состоящая из аналогичных обломков стенной обмазки, крошки светло-розового раствора с цемянкой и кусочков штукатурки с фресковой росписью. Сверху эта прослойка прикрыта тонким слоем раствора, имеющего более интенсивно-розовый, даже несколько рыжеватый цвет и совпадающего с раствором стены. Очевидно, фундамент и стена не одновременны: фундамент относится к первому этапу строительства, тогда как стены этого времени полностью отсутствуют и заменены новой постройкой, возведенной в пределах того же XII в. Это подтверждается и тем обстоятельством, что плинфы, обнаруженные в кладке стены, относятся к двум различным типам. Один тип плинф хорошей, четкой формовки, размером 5,0—5,5×22—24×35—36 см, хотя встречаются и узкие плинфы шириной около 15—18 см. Такие плинфы вполне соответствуют плинфам новгородского зодчества 20—30-х годов XII в. Однако значительно большее их количество в кладке относится к другому типу: это плинфы более грубой формовки, с отпечатками травы на одной из постелистых сторон, размером 4,0—4,5×18—19×27—28 см. Такие плинфы употреблялись в новгородском зодчестве не в первой половине, а в конце XII в. Два типа плинф свидетельствуют не только об их разновременности, но и о времени построек, от которых они происходят, так как находят свое точное место в хронологической шкале новгородских плинф [13, с. 443, табл.; 14, с. 86, табл.]. По-видимому, и часть камней в кладке стены также происходит из ранней постройки. Применявшийся шире тип плит из красного ракушечника, очевидно, относится к кладке конца XII в., но в кладке встречаются и плиты из серого известняка; на некоторых из них сохранился не темный, а светло-розовый раствор. Очень вероятно, что серые плиты также происходят из разобранного первоначального здания. Это тем более вероятно, что стены всех без исключения известных новгородских храмов 20-х годов XII в. сложены из серого известняка, тогда как во всех храмах конца XII в. преобладает красновато-бурый ракушечник. В процессе исследования удалось обнаружить и небольшой подлинный участок стены первого этапа строительства в южной части южной апсиды, т. е. в юго-восточном углу храма.

Таким образом, выяснилось, что церковь, построенная в 1127—1130 гг., просуществовала относительно недолго и уже в конце XII в. была полностью разобрана, а на ее фундаментах возведена новая церковь. Есть все основания связывать это событие с упоминанием летописи о постройке в 1184 г. в Новгороде церкви Иоанна «на Търговищи» [7, с. 37]. В некоторых списках летописи при описании перестройки 1453 г. оба

названия объединены и церковь названа «святого Ивана на Петрятине дворе в Торгу» [15, стлб. 193].

По плану наружные стены церквей 1127 и 1184 гг. в основном совпадали, но западная стена храма при перестройке была передвинута на 1,4 м к западу. Шов между фундаментами первого и второго этапов строительства хорошо прослеживается у северо-западного угла здания (рис. 2). Новый фундамент западной стены был сложен не из булыжников, а из плит. Перед западным порталом был возведен притвор.

Церковь, построенная в 1127—1130 гг., снаружи имела длину 24,6 м и ширину 16 м. Ее ориентация по азимуту 104—105°. В интерьере храма не удалось провести раскопок, но, судя по пропорциям плана, можно утверждать, что храм был шестистолпным. Нетронутый культурный слой XI—XII вв., лежащий к северу и югу от западных углов храма, свидетельствует, что церковь не имела лестничной башни, выступавшей из основного объема. Вопрос о том, как поднимались на хоры, может быть решен двояко. Можно предположить, что лестница была расположена в толще западной стены; это был бы самый ранний для Новгорода пример подобного устройства лестницы. Однако гораздо более вероятно, что лестница размещалась в башне, занимавшей одно из угловых западных членений здания, подобно тому, как это было, например, сделано в церкви Бориса и Глеба в Вышгороде и в соборе киевского Михайловского монастыря. Во второй половине XII в. такая же лестница была встроена в юго-западное членение новгородского Николо-Дворищенского собора. Но если при перестройке церкви Иоанна Предтечи в конце XII в. строители отказались от лестничной башни, то следовало сделать другой вход на хоры — в толще западной стены, а для этого нужно было увеличить толщину этой стены. Перемещение западной стены церкви к западу, видимо, и было связано с необходимостью увеличить толщину стены, не уменьшая при этом вместимости нартекса.

Церковь конца XII в. была на 1,4 м длиннее первоначальной, но в остальном совпадала с ней по плану. Обнаруженная в шурфе лопатка этой церкви (третья с запада лопатка северной стены) оказалась совпадающей своим восточным краем с лежащей выше лопаткой храма XV в., но более узкой: лопатка XV в. имела ширину 1,5 м, а лопатка конца XII в.— 1,2 м. Очевидно, сохранение на старых местах лопаток и в то же время перенос западной стены и вызвали расширение западного членения храма, которое получила церковь конца XII в., а вслед за ней и ныне существующая постройка XV в. Судя по тому, что все найденные кусочки фресковой росписи имели совершенно единообразный характер штукатурки, очень вероятно, что все они относились к первоначальному зданию, а церковь 1184 г., возможно, не была расписана. В притворе церкви стоял саркофаг из крупных каменных плит. Древнее захоронение в этом саркофаге не сохранилось; позднее в него сложили кости нескольких скелетов.

К западным углам храма примыкают стенки, отходящие в западном направлении,— очевидно, паперть, пристроенная во всю ширину здания; в длину она имела 8,8 м. Стенки паперти сохранились на высоту до 1,3 м; они сложены из камня-ракушечника на светлом, почти белом известковом растворе с песком. Изнутри паперти, примыкая к северной стене, сохранился синхронный ей участок пола из брусковых кирпичей, лежащих на песчаной подсыпке. Кирпичи имеют шероховатую, с песком, поверхность; размер их 5,5—6,0×14×28—29 см. Фундамент стен паперти сложен из булыжников насухо, но сверху пролит раствором. Судя по новгородским аналогиям размеров кирпича и характера камня, эти кладки и пол относятся ко второй половине XIV в. При строительстве паперти в западной части храма были, очевидно, произведены существенные перестройки, поскольку кладка XIV в. довольно далеко заходит на древний фундамент и даже местами на участки стен XII в. Притвор конца XII в. был при этом сломан, а сохранившийся участок его южной стены, примыкающий к лопатке церкви, облицован кирпичом, как пристенный пилон. При перестройке церкви в 1453 г. здание конца XII в. и часть

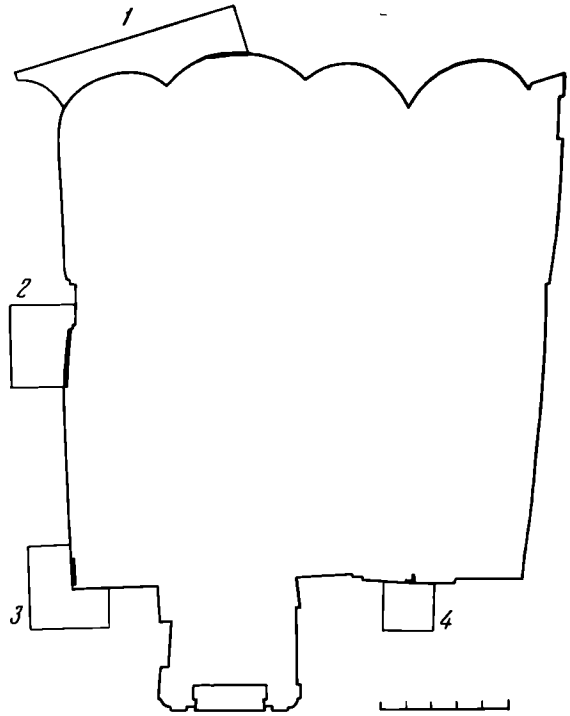


Рис. 3. Церковь Успения на Торгу. *1—4* — расположение шурфов

постройки XIV в. были снесены и на остатках их стен положен фундамент из одного ряда булыжников, а над ним — новая кладка стен.

Перед западным фасадом храма, в его средней части, обнаружены остатки нескольких полов. Внизу был пол из каменных плит, над ним деревянный пол, а еще выше — кирпичный. Кирпичи этого верхнего пола имели размер 6×14—15×26—29 см, поверхность их гладкая. Они датируются второй половиной XV в. Выше кирпичного пола лежал еще один пол из каменных плит; судя по найденным на нем фрагментам керамики, он относится к XVI в. Несколько ниже уровня кирпичного пола перед западным порталом лежала почти полностью сохранившаяся железная чешуйчатая дверь, а под ней, над деревянным полом, найдены небольшой костяной резной крест, кучка жемчужин, кусочки обработанного янтаря, халцедона, стекла, вероятно, от расшитого одеяния священника. Судя по этим находкам, деревянный пол, по-видимому, относится к первой половине — середине XV в. Наличие полов перед западным фасадом храма и неоднократная облицовка кирпичом пристенного пилона (остатки стены притвора XII в.) свидетельствуют, что паперть продолжала существовать до самого конца XIX в. Во всяком случае в описании Макария, опубликованном в 1860 г., эта паперть еще фигурирует [10, с. 298]. У апсид храма обнаружены остатки кирпичных построек XVI—XVII вв., вероятно, лавок, известных по упоминаниям в письменных источниках. Такой сложной и многоступенчатой оказалась история церкви Ивана на Опоках.

Церковь Успения на Торгу была основана через 8 лет после церкви Ивана на Опоках — в 1135 г.: «заложи церковь камяну святыя Богородиця на Търговищи Всеволод Новегороде с архиепископом Нифонтомь» [9, с. 23]. Строительство было завершено только в 1144 г.: «съвершиша церковь камяну святеи Богородици на Търговищи Новегороде» [9, с. 27]. Церковь неоднократно горела и после этого восстанавливалась и перестраивалась. В 1458 г. она была сломана и на ее основании построена новая, ныне существующая церковь: «поставиша церковь каменну святую Богородицю в Торгу, на старой основе, а старую церковь каменну же порушив» [16, с. 127; 10, с. 363].

У стен церкви были заложены четыре шурфа общей площадью 30 м^2. Шурфы размещались у апсид, перед северным порталом, у северо-запад-

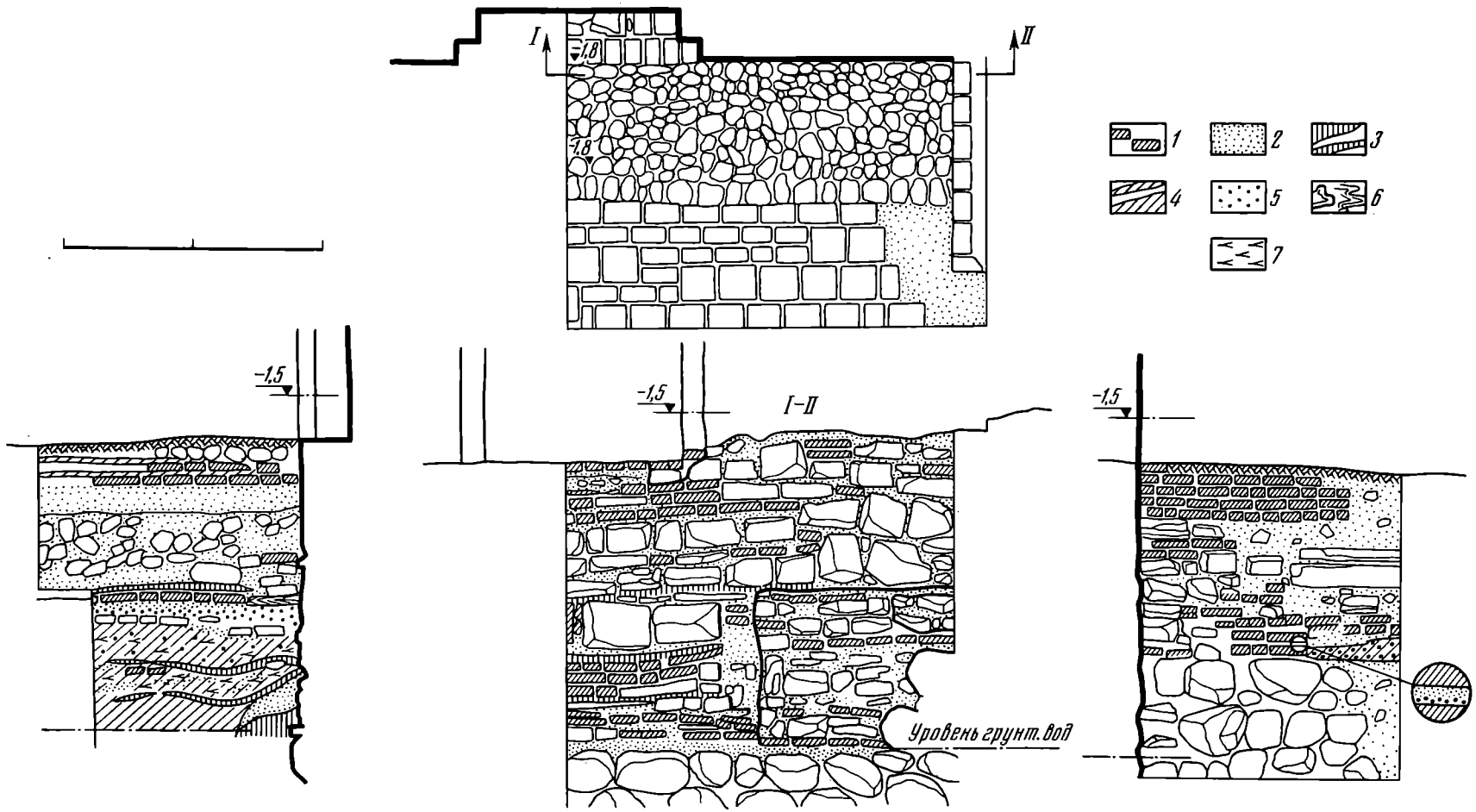


Рис. 4. Церковь Успения на Торгу. Шурф у северного портала. *1* — кирпичи; *2* — строительный раствор; *3* — гумусная прослойка; *4* — черная земля; *5* — песок; *6* — дерево; *7* — строительный мусор

ного и юго-западного углов (рис. 3). Внутри церкви провести исследования не удалось.

Раскопки показали, что от церкви XII в. сохранились нижние части стен на высоту от 0,2 м у юго-западного угла до 1,2 м у северного портала и на центральной апсиде (рис. 4). Там, где древняя кладка сохранилась достаточно прочной, стены XV в. поставлены прямо на стены XII в., а там, где древняя кладка была более слабой (например, в западной стене), на нее, под стену XV в., подведен ряд валунов, как бы своеобразный фундамент. Судя по тому, что в центральной апсиде древняя кладка уходит вверх, будучи снаружи облицована поздней кладкой, можно думать, что стены XII в. местами сохранились на довольно значительную высоту в глубине более поздних стен.

Около середины XIV в. в церкви были проведены работы ремонтного характера, а в конце XIV в. облик памятника существенно изменился благодаря появлению пристроек с северной, южной и западной сторон (может быть, галереи?). В это же время были исполнены многочисленные вычинки в нижней части стен: северо-западный угол храма облицован кирпичом, со стороны апсид сделано мощное укрепление из валунов на высоту примерно 1 м, второй раз подпят порог северного портала и пр.

Когда в XV в. было возведено ныне существующее здание, перестройка производилась с учетом уже существующих пристроек XIV в. В кладке XV в. в большом количестве использованы плинфы, а местами даже целые блоки кладки первоначальной постройки. В последующие века здание снова претерпело значительные изменения, о чем свидетельствуют четырехскатная кровля и барабан XVII в., колокольня XIX в. и другие детали. В настоящее время северная и западная пристройки, а также колокольня снесены.

Церковь XII в. представляла собой шестистолпный храм, имевший длину 17,5 м и ширину 13,5 м. Ориентация его продольной оси 108—110°. Здание не имело башни ни у северо-западного, ни у юго-западного углов. Стены сложены из чередующихся рядов плинфы и серой известняковой плиты на известково-цемяночном растворе. Кладка не вполне регулярная, с преобладанием плиты. Лицевая поверхность стен сильно повреждена и сохранилась лишь на уровне самых нижних рядов кладки. Плинфа имеет размер 4,5—5,0×21—22×32—34,5 см. Фундамент из валунов пролит известково-цемяночным раствором. В верхней части фундамент прорезает тонкую гумусную прослойку, а ниже впущен в материковый песок. Высокий уровень грунтовых вод не позволил установить глубину заложения фундамента.

Интересной особенностью оказалось необычайное устройство северного портала (другие порталы не исследовались). Его боковые грани начинаются непосредственно от кладки фундамента, тогда как обычно в новгородских храмах между фундаментом и порогом портала имеется стенка высотой 40—90 см. Возможно, что в церкви Успения такую стенку заменял деревянный порог.

При раскопках найдено незначительное количество мелких фрагментов штукатурки с фресковой росписью. У восточной стены северной пристройки сохранился участок непотревоженного культурного слоя конца XIV в., насыщенного щепой и берестой. Здесь найден отрывок берестяной грамоты, начинавшейся словами «поклон от...». Итак, раскопки снаружи храма показали, что ныне существующее здание в основном совпадает по плану с церковью Успения XII в.

Археологическое изучение церквей Ивана на Опоках и Успения на Торгу дает новые, весьма существенные данные для уточнения путей развития новгородской архитектуры в 20—50-х годах XII в. Конечно, данные эти все еще очень неполные. Так, прежде всего, в упомянутых памятниках не удалось провести раскопки внутри храмов. Поэтому многие вопросы плановой структуры остались невыясненными. Об отсутствии лестницы в толще западной стены церкви Ивана на Опоках (1127—1130 гг.) мы можем судить лишь по косвенному признаку — переносу этой стены к западу при перестройке в конце XII в., а по отношению к

церкви Успения данный вопрос вообще не удалось разрешить. Кроме того, в обоих памятниках были раскрыты лишь фундаменты и частично нижние части стен, что, естественно, не дает необходимых сведений о верхних частях зданий и особенно об их декоративном убранстве. Тем не менее полученные новые данные, а также привлечение всех имеющихся материалов по остальным памятникам этого времени позволяют сделать попытку выяснить, как шел процесс сложения самостоятельной новгородской школы.

Хронологически последний из группы сохранившихся до наших дней больших новогородских соборов — Георгиевский собор Юрьева монастыря, несомненно, несет еще типологические черты киевской архитектурной традиции. Построенная непосредственно после этого собора церковь Ивана на Опоках, видимо, также не имела еще ярко выраженных типологических новгородских черт. Шестистолпная схема и отсутствие лестницы в толще западной стены дают основания сближать данную церковь с Николо-Дворищенским собором, построенным на 14 лет раньше. Строительство в Новгороде в этот период велось непрерывно. За 17 лет было возведено пять зданий: Никольский собор, собор Антониева монастыря, собор Юрьева монастыря, трапезная в Антониевом монастыре и церковь Ивана на Опоках. Таким образом, на каждую постройку приходится около 3 лет. Такие сроки строительства подтверждает и летопись, отмечающая, что строительство церкви Ивана продолжалось 3 года, а собор Антониева монастыря 2 или 3 года. После завершения постройки церкви Ивана на Опоках наступает небольшой перерыв, и через 5 лет начинают строить церковь Успения на Торгу, причем строительство ее растягивается на 9 лет, а после этого в течение 22 лет в Новогороде вообще не строят каменных храмов. Видимо, условия строительства существенно изменились. Наиболее вероятно, что новгородская строительная артель переехала в Псков.

Очень возможно, что именно в это время по заказу новгородского князя Всеволода в Пскове был заложен Троицкий собор, позднее полностью перестроенный в конце XII в. [17, с. 371]. Изучение сохранившегося здания собора псковского Ивановского монастыря позволило архитектору С. П. Михайлову высказать обоснованное предположение, что и этот собор был возведен по распоряжению того же Всеволода вскоре после строительства церкви Ивана на Опоках в Новгороде[2]. Можно добавить, что в пользу такого предположения кроме архитектурных форм свидетельствует также почти полное совпадение формата кирпичей обеих этих церквей: в церкви Ивана — 5—5,5×22—24×35—36 см, а в псковском соборе — 4,5—5,5×22—25×34,5—36 см.

К сожалению, нам неизвестно, были ли внесены какие-либо существенные новшества при строительстве церкви Успения на Торгу, но в псковском соборе Ивановского монастыря таких новшеств уже довольно много. Сохраняя по традиции шестистолпную схему и трехглавие, зодчий интерпретирует эти черты совершенно по-новому. Боковые главы размещены здесь симметрично; они не имеют функционального обоснования, поскольку хоры занимали только западное членение храма и не получали света через барабаны боковых глав. Возникает впечатление, что трехглавие Ивановского собора лишь дань традиции, утерявшей функциональный смысл. Расположение входа на хоры в толще западной стены — совершенно новое явление в новгородском зодчестве. К этому можно добавить, что двухуступчатые ниши, которые были основным элементом декора в предшествующих памятниках, здесь были сохранены только на западном фасаде. Эта черта, как и замена крестчатых столбов шестигранными, явно продолжает разработку идей, заложенных еще в соборе Антониева монастыря. Но в соборе псковского Ивановского монастыря зодчие идут дальше — они вводят круглые столбы и ликвидируют лопатки на внутренних стенах храма. Наконец, совершенно уникальное явление в русском зодчестве — круглые окна псковского собора. Не менее удивительны и

[2] См. прим. 1.

пропорции храма, относительная высота которого почти вдвое меньше предыдущих новгородских построек.

О церкви Дмитрия Солунского мы имеем значительно меньше сведений, поскольку от нее сохранился лишь фундамент [18, с. 272]. Но сам факт перехода к сокращенному четырехстолпному варианту плана, безусловно, свидетельствует об отходе от старых традиций. Очень вероятно, что зодчие учитывали при этом опыт строительства собора Антониева монастыря, который был первоначально возведен как четырехстолпное здание [19, прим. 52]. Очевидно, что новгородские мастера, работавшие в Пскове в 30—40-х годах XII в., сделали существенный шаг в выработке новых архитектурных форм и приемов. При этом общая линия типологической эволюции вполне совпадала с развитием архитектуры в других русских землях, где в первой половине XII в. также можно отметить переход к четырехстолпному варианту храмов.

От остальных псковских памятников этой поры заметно отличается собор Мирожского монастыря, построенный после 1137 г. [3, с. 3], а по новым данным — около 1148 г.[3] Композиция этого собора, имеющая отчетливо выраженную снаружи крестообразную схему, несомненно, внесена каким-то не новгородским, а греческим зодчим, построившим здание по заказу новгородского архиепископа Нифонта. Однако выполнено здание руками новгородских строителей, о чем недвусмысленно свидетельствует сама техника кладки. Непривычная для русского зодчества композиция вскоре была изменена: пониженные западные угловые членения были надстроены[4]. Идентичность строительной техники основного объема и надстроенных частей позволила исследователям псковской архитектуры заключить, что надстройка была исполнена немногим позже завершения строительства, быть может, даже в его процессе. Теперь есть основания уточнить эту дату: надстройка, несомненно, была сделана еще до 1153 г., поскольку заложенная в этом году по заказу того же Нифонта церковь Климента в Старой Ладоге повторяла формы Мирожского собора, но в уже надстроенном варианте.

Строительство церкви Климента в Ладоге, очевидно, вела артель, переехавшая сюда из Пскова. После церкви Климента в Ладоге были возведены еще четыре храма. Этот этап ладожского строительства занял 50-е и частично 60-е годы XII в.; ни в Пскове, ни в Новгороде в это время монументальное стоительство не велось.

Церковь Климента является важным звеном в развитии новгородского зодчества. Повторив схему Мирожского собора, зодчие сделали в этом памятнике существенный шаг в разработке самостоятельных новгородских архитектурных форм, внеся те новые элементы, которые были уже использованы при строительстве Ивановского собора. Так, подъем на хоры здесь осуществлялся по лестнице в толще западной стены, отсутствовали лопатки на внутренней поверхности стен. Западной паре столбов придали квадратную в плане форму. Теперь оставалось только возвратиться от крестообразной объемной композиции восточной части церкви Климента к привычной для русского зодчества схеме вписанного креста, и сложение типа новгородского храма будет завершено. Это и было осуществлено в построенных после церкви Климента ладожских церквах. Таким образом, одна из особенностей процесса сложения новгородской архитектурной школы состоит в том, что разработка архитектурных форм этой школы производилась новгородскими мастерами в период, когда они работали не в самом Новгороде, а в Пскове и Ладоге. При этом непрерывность развития архитектурных форм и строительной техники не оставляет сомнения в том, что это деятельность одной строительной артели.

Хронологическое соотношение ладожских памятников еще не вполне

---

[3] Вторая дата дается по новым исследованиям М. И. Мильчика и Г. М. Штендера.

[4] Заключение Г. Ф. Алферовой о первоначальной посводной (округлой) форме покрытия пониженных западных угловых членений не подтвердилось исследованиями М. И. Мильчика и Г. М. Штендера. Покрытия эти с самого начала были скатными.

ясно: если судить по изменению формата кирпича, то первой после церкви Климента была построена Успенская церковь, после нее Спасская и еще позже Георгиевская церковь в крепости. Последняя достаточно убедительно датируется 60-ми годами XII в. [20, с. 101]. Несомненно, что ладожские храмы сохраняют некоторые особенности, не характерные для памятников других строительных центров Руси, заимствованные из собора Мирожского монастыря, а также церкви Климента. Таковы, например, замкнутые угловые членения хор, восходящие к надстроенным угловым палаткам Мирожского собора[5]. Подобно церкви Климента ладожские храмы имеют стенки, отделяющие боковые апсиды от трансепта. Правда, в церкви Климента это сплошные стенки с довольно узкими проходами, а в остальных храмах стенки имеют широкие арочные проемы, но все же это обстоятельство вызвало появление двух лопаток на внутренних стенках, а восточные столбы приобрели поэтому Г-образную форму. Отметивший данные особенности М. И. Мильчик считал, что это может указывать на почерк ладожских строителей [20, с. 116]. Нам кажется, что точнее считать это хронологическими особенностями, характерными для ладожского этапа в истории новгородского зодчества. После того как строительство в Ладоге прекратилось и было вновь перенесено в Новгород, плановые и пространственные особенности, отмеченные в ладожских постройках, еще можно видеть в некоторых новгородских памятниках — в церкви Благовещения на Мячине (1179 г.) и в несколько менее явной форме в церквах Петра и Павла на Синичьей горе (1185 г.) и Воскресения на Мячине (1195 г.). Однако уже в церкви Успения в Аркажах (1188 г.) боковые апсиды полностью открыты в трансепт, восточные столбы квадратные и отвечающих им лопаток на внутренних стенах нет.

Единственный памятник, нарушающий картину развития новгородской архитектуры второй половины XII в.,— церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце. Построенная, судя по ясным указаниям летописи, сразу же после возобновления строительства в Новгороде (1167—1173 гг.), она по своей плановой структуре полностью соответствует памятникам гораздо более ранней поры. Здесь могут быть два объяснения: либо это пример нарочитой архаизации типа храма, вызванный какими-то определенными требованиями заказа, либо церковь была в эти годы только достроена, а закладка ее относится к 1146 г., когда летопись также упоминает об этом строительстве: «Томь же лете съделаша 4 церкви: святую мученику Бориса и Глеба в граде...» [7, с. 27]. Ответ, вероятно, можно будет получить только после детального археологического исследования памятника.

Какие причины обусловили сложение специфических форм новгородского зодчества и способствовали сложению самостоятельной архитектурной школы? Здесь следует, по-видимому, отметить четыре наиболее существенных фактора. Во-первых, в Новгородской земле постепенно изменился состав заказчиков. Если вначале заказчиками были князь и иногда епископ, то с 60-х годов XII в., со временем возобновления строительства в Новгороде, заказчиками являются бояре, купцы, уличане. Эта демократизация монументального строительства вызывала требования более дешевого и быстрого возведения построек. Очевидно, что тенденция эта слагалась постепенно и должна была проявиться даже тогда, когда заказчиком храма был еще князь Во-вторых, следует учитывать широкое использование местного строительного материала — известняковой плиты. Применение плиты усложнило выполнение декоративных элементов, лишило здание строгой геометрической четкости. Новгородские зодчие воспринимали эти качества не как недостатки, а как определенный элемент художественной выразительности. Третий фактор — технический прогресс и развитие городского ремесла. Ведь именно в это время в Новгородской земле слагается новый этап в развитии ремесла, характеризующийся рационализацией производства, массовостью продукции и специализацией

[5] Эту особенность новгородских, а позднее и псковских памятников отметила Г. Ф. Алферова [3, с. 31].

внутри отраслей производства [21, с. 28]. Одновременно в новгородском ремесле происходит процесс упрощения технологических операций, что отчетливо проявляется также и в строительной технике. И наконец, последний фактор, который нам труднее всего учесть,— эстетические представления заказчиков. Несомненно, что суровая простота и строгость новгородских храмов сложились не только как следствие применения известняковой плиты, ускорения и удешевления строительства, но отражали также художественные вкусы новгородцев. Все эти факторы были тесно связаны и взаимно влияли друг на друга, в результате вызвав к жизни яркую и своеобразную новгородскую архитектурную школу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Штендер Г. М.* Новгородское зодчество.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968.
2. *Комеч А. И.* Два направления в новгородской архитектуре XII в.— В кн.: Средневековое искусство. Русь, Грузия. М.: Наука, 1979.
3. *Алферова Г. Ф.* Собор Спасо-Мирожского монастыря.— Архитектурное наследство, 1958, № 10.
4. *Раппопорт П. А.* Раскопки церквей в Новгороде и Старой Ладоге.— АО — 1979. М., 1980.
5. *Белецкий В. Д.* Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского: Тез. докл. научн. сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1965 год. Л., 1966.
6. *Каргер М. К.* Новгород. Л.: Искусство, 1970.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича.— В кн.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М.: Наука, 1976.
9. Новгородская третья летопись. ПСРЛ, т. 3. СПб., 1841.
10. *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860.
11. *Дмитриев Ю. Н.* К истории новгородской архитектуры. Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л., 1937.
12. *Алешковский М. Х.* Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории.— В кн.: Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. I. М.: Стройиздат, 1975.
13. *Штендер Г. М.* О ранних Феодоровских храмах древнего Новгорода.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М.: Наука, 1977.
14. *Штендер Г. М.* Деисус Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.— В кн.: Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М.: Наука, 1980.
15. Летопись Авраамки. ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889.
16. Новгородская 4 летопись. ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848.
17. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII—XIII вв. Л.: Наука, 1979.
18. *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове.— СА, 1971, № 2.
19. *Штендер Г. М.* Примечания в кн.: *Каргер М. К.* Новгород. Л.: Искусство, 1980.
20. *Мильчик М. И.* Церковь Георгия в Старой Ладоге.— СА, 1979, № 2.
21. *Янин В .Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.

A. A. Peskova, P. A. Rappoport, G. M. Shtender

THE RISE OF THE NOVGOROD ARCHITECTURAL SCHOOL

Summary

Foundations and lower parts of the walls of two Novgorod churches, Ivan-na-Opokakh (built in 1127—1130) and the Assumption-on-Torg (1135-1144) were investigated for the first time in 1979-1980. The churches were destroyed in the 15th century and new churches were built on their foundations. Seven test holes at the walls of the first church covering an area of 64 sq. m. and four test holes at the walls of the second, 30 sq. m., permitted archaeologists to study their general plan and the structure of their foundations and lower parts of the walls. The results of these investigations, supplemented by new data on a number of ancient architectural monuments in Novgorod, Pskov and Ladoga, permitted the authors to trace the rise of the Novgorod archiectural school, which took place in the early and middle 12th century.

КИРПИЧНИКОВ А. Н., РЯБИНИН Е. А.

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА В СОСТАВЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(некоторые итоги новых исследований)

О значительном усилении научного интереса к сложной и многогранной проблеме, связанной с историческими судьбами финно-угорских и славянских племен Восточной Европы, свидетельствуют такие важные факты, как образование в 1974 г. в составе ЛОИА АН СССР сектора славяно-финской археологии, организация в последние годы в Таллине, Ленинграде, Петрозаводске, Сыктывкаре общесоюзных симпозиумов и конференций, осуществление крупномасштабных и систематических исследований, развернувшихся на Северо-Западе РСФСР, в зоне средневекового славяно-финского расселения. Укрепление международного сотрудничества в области археологии нашло яркое выражение в проведении Советско-Финляндских симпозиумов и рабочих встреч, состоявшихся в Ленинграде в 1976, 1981 гг. и в Хельсинки в 1978 г. [1, с. 187—189; 2 с. 187, 188; 3, с. 99—102] [1].

Исследования П. Н. Третьякова и В. В. Седова подготовили археологов к более углубленному и более четкому определению культурного взаимодействия славян и финнов в лесной полосе Восточной Европы. Следует прежде всего отметить, что расселение славянских племен в лесной зоне протекало, по-видимому, мирно. Поселенческий ландшафт, открывшийся новым пришельцам, представлял прибегая к летописной терминологии, «станы и островы, урочища» [6, с. 425] [2]. По мнению А. Н. Насонова, речь шла в данном случае о местах рыболовных ватаг, сухих возвышенностях, наконец, урочищах-займках [7, с. 111].

Уточним понятие «стан», «становище». Этим термином первоначально обозначалось, очевидно, место остановки, временного или постоянного проживания неземледельческого населения. В дальнейшем станом называлась местность, относящаяся к какому-либо пункту, где происходила уплата дани и оброков. Взаимосвязь станов и «островов» иллюстрируется примером одного из мерских станов у Костромы. Его территория в половодье заливалась водой Волги и Костромы, и поселения, расположенные на песчаных всхолмлениях, уподоблялись изолированным островам. Вплоть до недавнего времени население этого района занималось главным образом скотоводством и рыбной ловлей [8, с. 136]. Станы в смысле территориальных округов могут быть сопоставленными с такими же единицами у других народностей — кихельхондами эстонцев, кихлакунтами карел [9, с. 34 и след.]. Как правило, эти станы разделялись незаселенными полосами, а порой выглядели и вовсе затерянными среди необитаемых и редко посещаемых лесных пространств. Сам хозяйственный уклад славян и финнов, заключавшийся в различии земледельческой и охотничье-скотоводческой деятельности первых и вторых, предопределял ландшафтно несхожие зоны обитания и обусловил особую, нередко мозаичную в пределах одного и того же региона этноструктуру заселенности. Зоны и острова славянского и финского заселения могли не совпадать, помещаясь порознь, или наслаиваясь, но располагались порой чересполосно. Конкретизирует это наблюдение карта памятников северных

[1] Доклады I и II Советско-Финляндских симпозиумов опубликованы в виде отдельных книг [4, 5].

[2] Известие относится, правда, к местам обитания югры.

областей Руси, содержащих финно-угорские элементы культуры и погребальной обрядности [10, с. 99, рис. 3]. Такое картирование, обнаруживающее «островной» характер финской культуры XII—XIII вв., ретроспективно может быть использовано для реконструкции этногеографии более раннего времени.

Исторически процесс славяно-финского симбиоза можно представить следующим образом. Первый этап славяно-финно-угорских этнических контактов относится еще к догосударственному периоду русской истории. Во второй половине I тысячелетия начинается освоение славянскими племенами лесной зоны Восточной Европы. Сравнительно рано — в VI—VIII вв.— славяне занимают южные территории будущей Новгородско-Псковской земли. О наличии здесь аборигенного чудского[3] населения свидетельствует мощный пласт древней финно-угорской гидронимики [12, с. 30; 13, с. 103—113], городища и селища с текстильной керамикой [12, с. 30, 31] и пока единичные погребальные памятники прибалтийско-финского типа, относящиеся к III—IV — VI—VII вв. [14, с. 100—108]. Процесс начальной ассимиляции чудских племен в зоне раннего славянского расселения фиксируется на материалах погребальных памятников VI—X вв., представленных сопками и длинными курганами [12; 15]. Очевидно, ко времени образования Древнерусского государства этот процесс уже в основном завершился: летопись не упоминает «иных языцей» в ареале первоначального расселения словен новгородских, почти не встречаются субстратные чудские элементы и в памятниках XI—XIII вв.

Новый этап в истории славяно-финских взаимодействий относится к эпохе создания Киевской державы. Он характерен многосторонним вовлечением в дела молодого государства финских племен, в том числе и находящихся на окраинах славянского расселения. Еще накануне образования государства восточных славян в лесной зоне Восточной Европы летописью зафиксирована крупная «предгосударственная» федерация северных славянских (кривичи, словене) и финно-угорских (чудь, весь, меря) племен. Племена-федераты принимали активное участие во всех начальных событиях русской истории. Согласно летописным сказаниям, в середине IX в. они совместно изгоняют «находников»-варягов за море, а затем объединяются под властью первых местных князей. Военные отряды чуди, мери и веси входят в состав княжеских ратей второй половины IX—X вв. Укрепляя южные границы молодого Киевского государства, Владимир Святославич заселяет в конце X в. города «по Десне, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне» «лучшими мужами» с севера, в том числе и «от чюди». Феодализирующаяся верхушка финских племен нередко превращается в бояр и слуг великого князя, оседает в Новгороде и Киеве. Бурные события первых веков русской истории ускоряли изменения в социальной и общественной структуре северных чудских племен, нарушали их прежнюю этнокультурную замкнутость. В местах близкого соседства с русскими наладилось внутрирегионное контактирование. Возникли смешанные русско-финские поселения (и соответствующие им двухобщинные кладбища).

Финские племена, включенные в орбиту Киевской державы, испытали мощное и прогрессивное культурное влияние со стороны восточного славянства. В обмен на меха чудь получала оружие и украшения, втягивалась в сферу товарно-рыночных отношений, приобщалась к международной торговле, землепашеству, грамотности.

Отношения финнов со славянами и русскими в период раннего средневековья представляют своеобразный исторический феномен. В условиях формирующейся «империи Рюриковичей», с ее еще не укрепившимися

[3] Под собирательным термином «чудь» («чудское» население) здесь и далее подразумеваются все племена финно-угорской языковой группы независимо от их племенной принадлежности. Этот термин широко использовался в русской историографии, но потом был неправомерно исключен. О желательности и правомерности его применения к финно-угорскому населению летописной поры см. [11, с. 31]. В отдельных случаях этноним «чудь» приобретает и более узкое содержание, обозначая конкретные финские объединения (чудь эстонская, чудь заволоцкая, чудь приладожская).

межобластными связями и сохранившимися пережитками родового строя, чудские объединения лишь номинально входили в политико-административную систему государства. Зависимость ряда финских племен выражалась лишь в выплате дани и военной службе. Обитавшие на северо-западе и севере Новгородской земли финские племена и группировки, длительное время сохраняли полную политическую и территориальную автономию, обусловившую сохранение местных обычаев, нравов и верований. Русские крепости, войска, администрация (например, в Финляндии, в землях води, ижоры, большей части Карелии и Эстонии) отсутствовали [16, с. 16 и сл.]. Установились свобода торговли, веротерпимость, «расовое» равноправие, выполнялись союзные обязательства.

Самостоятельность финских племен сохранилась и позже. Характерно, что в XII—XIV вв., когда водь и карела территориально уже входили в состав Новгорода, у финских племен имелись свои городки и укрепленные убежища, достигла расцвета богатая, во многом самобытная культура и получил законченное оформление местный убор костюма, главным образом женского. Беспрепятственно распространялись местные украшения и языческие обереги. Еще в XVI в. на громадной территории от Наровы до Белого моря стояли кумиры, священные камни и рощи, насыпались курганные кладбища, жрецы устраивали «бесовские игрища».

Разумеется, нельзя идеализировать отношения, сложившиеся между северными финнами и Русью. Не всегда они были мирными, особенно в периоды обострения военной обстановки на границах. Уже в X в. начинают прослеживаться явления, знаменующие переход к более прочным, чем даннические, политическим и экономическим связям. Их реализация имела длительную и сложную историю, занявшую много столетий.

Новые археологические исследования позволяют конкретизировать сложные этнокультурные процессы, по-разному протекавшие в различных районах Северной Руси. В X—XI вв. зоны яркой финской культуры, уже испытавшей определенное славянское воздействие, выявляются в юго-восточном Приладожье и на восточном побережье Чудского озера.

В северо-восточном Причудье, заключенном в треугольнике между восточным берегом Чудского озера (в его северной половине), р. Наровой с западной стороны и р. Плюссой с восточной, выявлена богатая культура финского населения XI в. [17]. Ее специфику определяет целый ряд характерных местных типов древностей (например, своеобразные крупные загнутоконечные височные кольца, шейные гривны с «рыльцами») и значительное распространение в курганной культуре элементов прибалтийско-финского и общеприбалтийского происхождения. По сравнению с могильниками Ижорского плато в погребальных памятниках северо-восточного Причудья почти не представлены орудия труда [18, с. 23—26], фактически отутствуют и захоронения в сидячем положении. Культура восточного побережья Чудского озера традиционно сопоставлялась с древностями Ижорской возвышенности, на которой, по летописным данным, и обитала водь. Однако сближение двух регионов наблюдается лишь в XII—XIII вв., и обусловлено оно в первую очередь возросшим влиянием со стороны Новгорода. В более же раннее время на смежных территориях фиксируется два этнически неоднородных финно-угорских образования. В литературе уже делалась попытка объяснить эти различия локализацией в Причудье особой группы «южной» води [19, с. 72—85], которую, однако, не знают средневековые письменные источники. Вместе с тем в летописях упоминается во многом загадочное племя норова (нерова), которое как раз и может быть сопоставлено с финским населением, обитавшим в северо-восточном Причудье, а также и в Понаровье.

Определение местонахождения этого, по-видимому, родственного води и эстам племени [8, с. 142—143] затруднено вследствие того, что оно упоминается в летописи лишь один раз при перечислении «языцей иже дань дают Руси» [20, с. 11]. Наименование рассматриваемой группировки отождествляют с северо-эстонской еревой, мерей, а также жмудью (последняя названа в одной летописи неромой [21, с. 2]. Первые два этнонима

к нашему сюжету отношения не имеют [ср.: 22, с. 223, прим. 135]. Что касается неромы, то, как показал А. И. Попов, это название, обозначающее жмудь, является финской калькой литовского термина [23, с. 70, 97].

Еще А. М. Шегрен справедливо связал этноним «норова» с наименованием р. Наровы (Нарвы). Именно в этом районе и следует искать первоначальную племенную территорию одноименного племени, которая простиралась, очевидно, по обе стороны реки, захватывая и восточное побережье Чудского озера. Характерно, что в XIII в. Понаровье было административно ничейным, располагаясь между землями, захваченными датчанами в северной Эстонии, и новгородско-псковскими владениями [24, с. 285]. Попытки захватить район наталкивались на противодействие. Так, в 1269 г. немцы просили новгородцев о мире: «Норовы всей отступаемся» [6, с. 88, 319]. В дальнейшем Нарова становится пограничной между Орденом и Русью. В XIV—XV вв. обитатели Псковской стороны реки назывались неровляне (норовляне, норовцы), что намекает на былую экстерриториальность этого этнически особого района. Значение принарвской чуди видно из того, что с ее именем связывают название Неревского конца Новгорода [25, с. 45]. Относительно раннее исчезновение наровы объясняется, с одной стороны, русификацией области (археологически здесь прослеживается замена в течение XII—XIII вв. местных культурных элементов общерусскими), с другой — пограничным положением района — с XIII в. арены частых военных столкновений, видимо, вызвавших рассеяние и частичный отлив коренного населения, в том числе на Псковскую сторону недавно «племенной» реки.

Итак, сопоставление данных истории и археологии позволило прояснить вопрос о существовании и границах некогда заметного чудского образования, обладавшего собственной культурой и наделенного сохранившимся летописным самоназванием.

Сходно с северо-восточным Причудьем развивались события и к востоку от Ладоги, на землях юго-восточного Приладожья. Их политико-административное включение в состав Киевской державы начинается со второй половины XI, особенно начала XII в., когда усилилось доминирующее военное положение Ладожской крепости. В предшествующие полтора столетия в южном Приладожье сложилась яркая финно-угорская курганная культура. Осуществленные В. А. Назаренко новые исследования определили динамику формирования, этнический и социальный облик приладожского общества X—XI вв. Своеобразие этой культуры обусловлено как ее внутренним развитием, так и связью с древнерусской Ладогой. Местное население, видимо, активно участвовало в экономической жизни этого центра, сохраняя, однако, определенную самостоятельность. В состав этого чудского племенного объединения вошли отдельные группы скандинавов, осевших в южном Приладожье в качестве посредников в меховой торговле. Выделение богатых семей, рост имущественных различий, участие в общерусских походах способствовали феодализации ладожского общества. На этой основе в X — начале XI в. здесь ускоряется процесс формирования этнокультурной общности, условное имя которой не весь (как обычно считали), а «приладожская чудь» [26, с. 39—45]. Образование малой финно-угорской народности в этом районе, по мнению В. А. Назаренко, не завершилось в связи с ранним и прочным вхождением Приладожья в состав Новгородской земли. Характерно, что ко времени образования подвластного Новгороду Обонежского ряда приладожская курганная культура прекратила свое существование.

Приладожская чудь, обладавшая, судя по курганным древностям, достаточно своеобразной и богатой культурой (по данным В. И. Равдоникаса, в Приладожье насчитывается 1113 курганов, входящих в 172 группы), не упоминается летописью. Это, возможно, объясняется удаленным от границ положением чудского образования, в отличие от ряда других финских племен, не участвовавшего в военных делах северной Руси и поэтому обойденного вниманием летописца.

В связи с историей приладожской чуди рассмотрим вопрос о другом

местном образовании — приладожской лопи. В литературе этому племени, о котором также молчат летописи, не повезло. О нем писали вскользь или не замечали вовсе. Между тем речь идет о довольно заметном автохтонном образовании, занимавшем в раннее средневековье значительные территории южного и, может быть, юго-восточного Приладожья,— частице большого массива саамских племен Фенно-Скандинавии. Для обоснования высказанного предположения приведем сообщения письменных источников.

Впервые лопь названа в папских буллах 1171 и 1239 гг. в ряду крупнейших языческих племен, населявших окраины Северной Руси («pagani carelie, ingrie, lappie et watlandie») [27, с. 66, 76]. Нельзя, конечно, исключить, что сведения булл относились вообще к северным лапландцам. Однако судя по тому, что в папских посланиях отмечено вероломство крещеных на территории южной Финляндии [16, с. 53—14] финнов, отказывавшихся от христианства при первом удобном случае, а также и то, что запрещалось ввозить к язычникам оружие, железо, медь, свинец и лошадей [28, с. 104], речь скорее всего шла не о северных кочевых лопарях (продвигавшихся, кстати сказать, не на лошадях, а на оленях), а о их более южных приладожских собратьях, граничивших с Карелой и Ижорой.

Свидетельства отечественных письменных источников позволяют более конкретно судить о племени, названном в далеком Риме. В уставе князя Ярослава «о мостех», обоснованно датированном В. Л. Яниным 60-ми годами XIII в. [29, с. 116], названа Лопская сотня в составе девяти особо поименованных основных районов Новгородской земли [30, с. 152]. Эта сотня, несомненно, занимала немалый район, находившийся в составе государственной территории. Лопь Заонежья и Кольского полуострова — «дикая», «лешая», Терская — платила Новгороду дань (Терская дань стала поступать в Новгород не позже последней трети XII в.), но непосредственно в границы его земли, во всяком случае в XIII в., не входила [7, с. 114, 116; 31, с. 33, 34].

Еще одно упоминание новгородской лопи содержится в проекте договорной грамоты Новгорода с Казимиром IV, подготовленном в 1470—1471 гг. В нем отмечено, что лопца (как она в данном случае названа) по денежной повинности стояла на пятом месте после г. Русы, Водской земли, г. Ладоги и Ижоры [32, с. 249][4].

Конкретные географические сведения о новгородской лопи, хотя и относительно поздние, позволяют определить район ее обитания. В писцовой книге Водской пятины около 1500 г. обозначен Лопский погост Ореховского уезда, который занимал территорию южного побережья Ладожского озера по течению рек Назии, Шельдихи, Лавы, размером примерно 30×30 км [34]. Западная граница погоста доходила до Орешка — его южное предместье называлось Лопской стороной. Кроме того, на р. Лаве и восточном берегу юго-западного залива Ладожского озера отмечена волостка Малая Лоппа [35, с. 59]. Последняя указывает, что западные границы лопи не ограничивались Лавой, а некогда пролегали ближе к Ладоге. Происхождение населения и погоста и волостки не вызывает сомнений. Десятки перечисленных московскими писцами деревень носили финские, а точнее, саамские наименования [36, с. 86—91, 257—286][5]. В неизменном виде лопские владения описывались и писцовой книгой 1581—1583 гг.

На шведских картах конца XVII в. рядом с находившейся в центре лопской области дер. Путилой (ныне Путилово Ленинградской обл.) значится поселок Loppus — Лопский — несомненно, центр одноименного погоста [37, табл. 11*б*]. В этих местах еще в XIX в., по сведениям П. И. Кеппена, находилось Loppi-kolka (Лопский край), состоящее из пяти деревень [38, с. 82].

[4] В Новгороде найдена грамота около 1400 г. с упоминанием лопаря («лопинь») [33, с. 75, 76].

[5] Приведем типичные по суффиксам лопские наименования: Тавикала, Видгола, Кандила, Лонгула, Лавуя.

В XII в. лопская область занимала, очевидно, территорию более значительную, чем та, что описана в писцовых книгах XVI в. Существовавшие в XVI в. Лопский погост и волостка Малая Лопца отражали один из этапов далеко зашедшего размывания некогда большого племенного региона. Мы судим об этом по тому, что пограничные с Лопским погостом Городенский, Песоцкий и Теребужский погосты Ладожского уезда и Ярвосольский Ореховского включали множество селений с финскими названиями сходного фонетического звучания (некоторые из них сохранились и поныне). Характерно в этом отношении плотное скопление финских топонимов в бассейнах рек Сары и Кабоны. Все они находятся восточнее Лопского погоста, но несомненно были объединены с ним общей лингвоэтнической основой. Условно западноволховскую область лопского обитания можно поместить между реками Мгой и Волховом (где в окрестностях Старой Ладоги, кстати сказать, существует дер. Лопино). На западе лопь где-то в районе к югу от Орешка граничила с ижорой [6]. Последней обычно приписывали,— как теперь думается, несправедливо,— все лопские владения.

Здесь мы подошли к вопросу о том, простирались ли первоначально лопские места к востоку от Волхова. Не исключено, что неизвестная финская народность, обитавшая по течению рек Сяси, Паши, Ояти, Свири, также предоставляла отчасти ответвление «лопского корня». Это предположение требует выходящих за рамки статьи специальных доказательств. Пока в качестве косвенного «за» отметим удивительное сходство некоторых, в большинстве относящихся к XI—XII вв., находок, происходящих из лопарских жертвенных мест северной Швеции и курганов юго-восточного Приладожья. В обоих регионах открыты совершенно тождественные уточки, коньки, двуконьковые и лапчатые подвески [39, с. 2, 6 и сл.] [7]. Совпадение наборов украшений обычно объясняют торговлей. Не кроются ли здесь, однако, более глубокие связи религиозного и этнического порядка, обусловившие общение и дальние поездки родственных групп людей. Если последнее справедливо, то приладожская чудь могла включать островки древнего саамского населения.

В цепочке культурных связей между северной Швецией и южным Приладожьем новгородская лопь пока не находит надлежащего места, быть может, потому, что ее древности не изучались и известны крайне недостаточно. Отметим отдельные находки. Старейшие из них связаны с временем какой-то военной напряженности на рубеже XI—XII вв. Таков клад серебряных вещей, найденный у дер. Путилово Ленинградской обл. Он зарыт тогда же, когда в прибрежных и приозерных местах от р. Луги до Свири жители прятали свои сокровища [42, с. 39—40, табл. XXVIII]. Один такой клад найден и в окрестностях Ладоги, чьи укрепления, видимо, в результате нападения сгорели в начале XII в. Как известно, в первые два десятилетия того же столетия князем Мстиславом Владимировичем предпринимаются походы против чуди. Первый из них состоялся в 1105 г.: «...идоша (новгородцы.— *Авт.*) в Ладогу на войну» [6, с. 19]. Не связано ли зарытие северных кладов с русско-чудскими столкновениями, развернувшимися в тот период на широком фронте от Ладоги до Отепя.

Возможно, что в этот неспокойный период было основано пока единственное зафиксированное в Лопской земле городище мысового типа, находящееся у дер. Городище на р. Лаве, в 10 км к востоку от Путилова. Обследовавший это городище в 1978 г. В. П. Петренко обнаружил, что оно существовало в XI—XIV вв., а в XVII в. было приспособлено для пограничной заставы на русско-шведской границе. На площадке городи-

---

[6] Определение этого рубежа подсказывается границей Ярвосольского и Ижорского погостов около 1500 г., проходившей к востоку от р. Тосна.

[7] Отметим, что на территории юго-восточного Приладожья в массе прибалтийско-финских фиксируются и отдельные, по-видимому, саамского происхождения топонимы типа Сондола, Вертея [40, с. 42, 54 и сл.] (ср. [41, карта 1]). Это подтверждает гипотезу о «мозаичном» присутствии саамов к востоку от Волхова, возможно, в глубокой древности единственных обитателей этого края.

ща размером 70×100 м с напольной стороны окруженного мощным, высотой до 4 м полукольцевым валом, почти не встречено находок[8]. Очевидно, оно использовалось в качестве убежища окрестного населения. По своему местоположению данный памятник точно совпадает с Лопским погостом, зафиксированным в писцовых книгах и на шведских картах, и может рассматриваться центральным укреплением края.

Единственный могильник, который может считаться лопским, это открытый при случайных работах у станции Пупышево Ленинградской обл. грунтовой могильник. Здесь при 30 разрушенных земляными работами костяках найдены вещи примерно XIII в. карельских и в основном русских типов: черепаховидные фибулы, решетчатые подвески, ромбощитковые височные кольца, крестовозамкнутые лунницы, браслеты, серебряные полые бусы с напаянными колечками [43, рис. 21]. Эти металлические находки, насколько об этом можно судить, имеют заимствованный характер, как и приношения, которые находят в жертвенных местах скандинавской Лапландии. Пупышево находится в зоне предполагаемого обитания лопи, расположенной к востоку от р. Лавы. Если лопь хоронила в грунтовых могильниках, то понятно, как трудно искать ее погребения и почему, за исключением описанного случая, они остаются еще невыявленными.

Обнаруженные до сих пор на территории лопи древности (насколько сейчас можно об этом говорить в связи с практической неизученностью пространства между Петрокрепостью и Старой Ладогой) в основном русского облика (украшения, посуда) и отличаются в основном от того, что найдено в юго-восточном Приладожье. Эти различия объясняются исторически. Монолитность Лопского края впервые была нарушена возникновением в середине VIII в. в низовьях р. Волхова Ладожской волости. Прибрежная область была как бы разрезана на две получившие самостоятельное развитие части. На востоке в юго-восточном Приладожье в 40-е годы XI в. оформился судебно-податной округ — Обонежский ряд. Ассимиляция финского населения завершилась здесь в XII—XIII вв. Западная же часть южного Приладожья этнически оказалась более стойкой к переменам. Одна из причин длительного самобытного существования лопи объясняется природной труднодоступностью ее области, насыщенной непроходимыми многокилометровыми болотами, лесами и поэтому не привлекавшей новгородских земледельцев.

С течением времени сама лопь под влиянием Новгорода приспособилась к новому образу жизни. Становища беломорских саамов, как известно, имели сезонный характер. «Пища у них,— писал один путешественник в 1588 г.,— весьма скудная и простая, хлеба нет, и едят они рыбу и живность. Обыкновенно летом отправляются они большими партиями к морю... где ловят треску и семгу, которую продают потом» [44, с. 87, 88]. В отличие от своих северных собратьев приладожская лопь осела на землю. Писцовые книги застают в этом районе одно- и малодворные деревни с христианизированным населением. Именно лопь, а не другие пришельцы (здесь исключительно компактная и монолитная саамская топонимика вполне надежный источник), около 1500 г. сеяла рожь, овес, косила сено. Так произошла оседлоземледельческая аккультурация лопи, вошедшей в состав Руси и длительное время сохранявшей свой этнос.

Каким бы предварительным ни показалось выяснение вопроса о приладожской лопи, она, так же как и наровa, вправе считаться тем финским образованием, которое закрывает собой еще одно белое пятно на этнической карте средневековой Восточной Европы.

На примере наровы и лопи устанавливается, что их полное или частичное поглощение древнерусской народностью уже в XII в. зашло так далеко, что в источниках уже редко употреблялось их собственное имя. Историческая судьба финских племен, однако, была различной, что, видимо, объяснялось неравномерностью их социально-экономического и куль-

[8] Любезное сообщение В. П. Петренко, который произвел на городище пробные раскопки и обнаружил, в частности, обломки средневековой керамики.

турного развития, а также темпами крестьянской колонизации территории этих объединений. Наиболее благоприятные условия для сохранения этнической самобытности имели племена, оказавшиеся вроде приладожской лопи в стороне от основных путей широкого славянского расселения.

Как установлено, оформление и расцвет культур води, карелы и, очевидно, ижоры относятся к XII—XIV вв., т. е. времени когда эти племена все более прочно входили в состав Новгородской земли. С другой стороны, соседство и многообразные связи «иноплеменников» с русскими городами привело к усилению влияния на них древнерусской ремесленной культуры. Коснемся в связи с этим древностей XI—XIII вв. Ижорского плато — плодородной житницы Великого Новгорода. Преобладающее большинство раскопанных курганов этого района Новгородской земли кажется древнерусским. Действительно, они заполнены заупокойными дарами общерусских форм. Видимо, широкое проникновение продукции городских мастеров в финскую сельскую округу и производство изделий на месте по городским образцам и способствовали этому. Так, по единодушному мнению исследователей, культура коренных обитателей Ижорской возвышенности — води формировалась под сильным воздействием Новгорода, где изготовляли на вывоз даже модные детали финского костюма [45, с. 56—61]. Встает, однако, вопрос: где проживало упомянутое выше финское племя и как выделить принадлежавшие ей памятники?

Многочисленные водские поселения в прошлом столетии были отмечены исследователями в северо-западном углу б. С.-Петербургской губернии (б. Ямбургский и Ораниенбаумский уезды) на окраине Ижорского плато и далее на запад вплоть до низовья р. Луги. Прошлое этой территории поддается некоторой исторической расшифровке.

В новгородской писцовой книге около 1500 г. содержатся подробные сведения о погостах Водской пятины — «Николском Толдожском» и «Воздвиженском Ополском» (или «Опоретцком»), расположенных, как пояснено в том же источнике, «в чюди». Оба погоста вместе с частью Егорьевского Радчинского погоста образовывали Ямской уезд Водской пятины. Толдожский погост, получивший свое название по небольшой речке Толдоге, включал поселения, расположенные к западу от среднего течения Сумы вплоть до низовья Луги. С юга к нему примыкал Воздвиженский Ополский, а с востока — Егорьевский Радчинский погосты. Наконец, на Сойкинском полуострове, в нижнем (и частично среднем) течении р. Сумы, на побережье Финского залива и в окрестностях Копорья располагались населенные пункты Каргальского погоста, относящегося, как и часть Егорьевского Радчинского погоста, уже к Копорскому уезду.

В названиях погостов Толдожского и Ополского «в чюди» со всей определенностью получил отражение особый этнический адрес их обитателей. Более того, этническая номенклатура этих районов как бы противопоставляет «чудь» обоих погостов остальному населению Водской пятины. Такое противопоставление сложилось, видимо, задолго до момента составления московскими писцами своей переписи. Исследователи обращали внимание на особое этнотерриториальное положение северной окраины Новгородской земли. Почвенные условия этой территории с ее низменным рельефом и многочисленными болотами явились, очевидно, основным препятствием для славянского земледельческого заселения. В то же время о давнем существовании здесь финских по происхождению жителей свидетельствует перечень их имен, содержащихся в новгородских писцовых книгах. Наряду со славянскими для этих мест постоянно упоминаются такие имена, как Тойвас, Игамас, Тошуй, Лембит, Лембей, Няппуй, Тимуй, Тялуй, Вичас и т. д.

Обращение к карте распространения курганных могильников XI—XIV вв., большинство из которых можно считать славянскими или смешанными славяно-финскими, показывает, что зона плотного древнерусского расселения заканчивается на западе как раз на границе с упомянутыми выше погостами «в чюди». Курганные древности к западу от этой границы почти не известны. Единичные курганные группы у деревень

Мануйлово и Войносолово, оказавшиеся в пределах Толдожского и Ополского погостов и справедливо рассматриваемые А. А. Спицыным в качестве достоверно водских или эстонских, не меняют общей картины «бескурганности» рассматриваемой чудской окраины Новгородской земли. Отсутствие в данном регионе курганных могильников может быть объяснено лишь одним: у местного населения господствовал какой-то иной обряд погребения, до сих пор фактически неизвестный. Были ли это каменные могилы вроде исследованных Н. К. Рерихом у дер. Извары (их связь с погребальными памятниками представляется спорной), или же у води практиковался поверхностный обряд захоронения (наличие которого у некоторых финно-угорских народов признается П. Н. Третьяковым, В. В. Седовым), утверждать не беремся.

Водские поселения, зафиксированные в первой половине XIX в. П. И. Кеппеном, оказываются в основном в зоне чудских погостов, очерченных по данным XV—XVI вв. Наиболее плотно был заселен водью район средневекового Толдожского погоста «в чюди». Водские деревни располагались также в пределах Ополского и Радчинского погостов, частично захватывая и южную половину Каргальского погоста (в северной половине сконцентрированы поселения ижорцев). Вне указанных территорий не известно ни одного населенного пункта с водским этническим элементом.

Таким образом, зона средневековых чудских погостов (частично включая сюда Радчинский и Каргальский) оказывается прямым образом связанной с этнографическим ареалом води. Несомненно, именно водью и было чудское население, обитавшее в этих же районах в древнерусскую эпоху. Чудские погосты являются, следовательно, основной территорией, на которой происходило формирование на основе западнофинского племенного образования современной народности водь. Что касается первоначальной области обитания води, то в пору, предшествующую зрелому средневековью, она была значительно большей, охватывая и район Ижорской возвышенности. Эта территория с течением времени подверглась плотному славяно-русскому заселению и води здесь не удалось сохранить свою этническую «чистоту» и самобытность.

О коренных жителях края напоминают отдельные находки, финские по своему облику. В. В. Седову удалось выделить их в общей массе заупокойных приношений, обнаруженных в курганах Ленинградской области. Речь идет о многобусенных височных кольцах и полых зооморфных «коньках» или «барашках» [46, с. 190—229; 47, с. 72—83]. Эти вещи распространились не ранее конца XII в., и вопрос опознания води на более ранних этапах ее истории оставался открытым. В результате исследований, проведенных в последние годы Ижорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР, этот вопрос проясняется. Примером может служить интересный погребальный памятник, исследованный в самое последнее время близ дер. Бегуницы Ленинградской обл. в территориальной близости от центра Водской земли — крепости Копорья [48, с. 28—34]. В XI в. здесь появляются первые курганные насыпи, под которыми погребены умершие с необычной для славян восточной ориентировкой, а в инвентаре захоронений отчетливо проявляются элементы культуры прибалтийско-финского происхождения. Несомненна принадлежность умерших к чудскому этническому массиву. Примерно на рубеже XI—XII вв. рядом с финнами поселяются славянские колонисты, захоронения которых образуют в составе могильника компактную группу. В этой группе встречены только погребения с западной ориентировкой и с вещами древнерусских типов. На материалах последующего времени (XII—XIII вв.) наблюдается постепенное сближение двух разноэтнических коллективов, проявляющееся в полном исчезновении финно-угорских элементов материальной культуры и распространении единых древнерусских типов изделий. Но местное чудское (вероятно, водское) население не растворилось при этом в славянско-русской среде. Оно продолжает сохранять свои племенные традиции в характере погребальной обрядности, что нашло выражение в восточной ориентировке умерших, специфических деталях

ритуала захоронений. На фоне постепенной нивелировки и «оновгорожи-вания» местной материальной культуры более стойкими и консервативными выступают элементы, отражающие представления культового порядка. Это, на наш взгляд, наглядный пример аккультурации чудского населения в конкретных условиях совместного проживания разноэтничных коллективов и сильном культурном влиянии со стороны русских, ставшим особенно интенсивным благодаря территориальной близости крупнейшего торгово-ремесленного центра Северо-Западной Руси — Новгорода Великого.

Полученные данные позволяют по-новому подойти и к проблеме выделения памятников води на раннем этапе ее письменной истории. До настоящего времени фактически остаются неизвестными могильники с чудской этнической подосновой, относящиеся к XI — первой половине XII в. Вместе с тем существующая источниковедческая база огромна и насчитывает свыше 6000 раскопанных курганных захоронений Водской земли. Следует подчеркнуть, однако, что сведения об основном пласте погребений ограничены лишь перечнем находок из курганов и не дают представления о характере погребального обряда. Последний же, как теперь выясняется, и содержит в себе основную этническую информацию для памятников XI—XII вв. И лишь с конца XII в., в эпоху сложения областной водской культуры, вещевой материал вновь приобретает свое этнокультурное значение для выделения местных финно-угорских памятников, что и нашло свое отражение в упоминавшихся выше работах В. В. Седова.

Обратимся теперь к главному поселению Водской области, кстати, сохранившему, по-видимому, финно-язычное название — Копорье. На основании археологических раскопок, проведенных здесь под руководством О. В. Овсянникова в 1970—1973 гг., можно предположить, что среди жителей поселка, основанного не позже XIII в., находились как финны, так и русские. В нижнем слое городища найдены двуспиральная и двурогая булавка, привеска в форме конуса [49]. Эти находки позволяют предположить присутствие в Копорье и его ближайших окрестностях кроме води эстонской чуди, что также засвидетельствовано летописью и курганными древностями [6, с. 450; 10, с. 100, прим. 17]. В этом же нижнем слое оказались и изделия обычного новгородского облика, такие, как ромбощитковое височное кольцо, одежная бронзовая булавка, бронзовые браслеты и перстни, костяные гребни, шиферные пряслица, посуда.

О русском и финском населении Копорья и округи косвенно можно судить по отрывочным сведениям письменных источников, связанным с его владетелями. Летопись, начиная с 1333 г., упоминает о пожаловании Новгородом наемным литовским князьям «пол-Копорья». Судя по данным писцовой книги около 1500 г., копорское население, состоящее из 18 дворов, было слишком незначительным, чтобы делить его на две половины [50, столб. 494]. Речь, очевидно, идет о разделе не только Копорья, но и его округи на податные части. С первой доли «кормились» служилые князья. Что касается другой, то, по мнению В. Н. Бернадского, она могла принадлежать водским вождям, по заключению же В. Л. Янина,— белозерским князьям [51, с. 121, 122; 52, с. 14—24]. Существование копорской знати явно не литовского происхождения сомнению не подлежит.

Раздел Копорья на два, адресованных двум военачальникам и управителям, кормления не случаен и, по-видимому, отражал две разграниченные системы обложения местного русского и водского населения. Новые археологические поиски как будто позволяют судить о поселениях «водской» половины копорской округи. Одной из резиденций племенной знати, местом укрытия окрестного населения и созыва войска могло быть находившееся в 20 км юго-западнее Копорья укрепленное поселение у с. Кайболово[9]. Городище размером 150×120 м располагалось в изгибе р. Сумы. С напольной стороны оно ограждено валом высотой 2—3 м и

[9] Под названием Кайбала существовало в Копорском уезде около 1500 г.

рвом. Поверхность вала покрыта выкладкой из плитняка [53, с. 35; рис. 22]. Культурный слой крайне невыразителен и, судя по шурфовкам памятника, произведенных разными исследователями в 1956, 1960, 1971 и 1974 гг., на значительной части городища вообще отсутствует. Лишь в 1980 г. Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР удалось выявить остатки древнейших жилых и хозяйственных построек, датируемых по вещевому материалу XII — первой половиной XIII в. [54, с. 27]. Очевидно, само городище использовалось в качестве убежища окрестного населения. Если признать Кайболовское городище водским племенным острожком, возникшим в первой половине XIII в., то его запустение, вероятно, связано с ликвидацией в середине XV в. автономии туземной знати, равно как и с отмиранием двух систем кормления [10].

В 1977 г. к востоку от Копорья близ дер. Воронино Ижорская экспедиция зафиксировала еще одно городище мысового типа, типологически связанное с Кайболовским [56, с. 32]. Оно занимало площадку 150×90 м и с напольной стороны было отделено валом высотой 2—2,5 м и рвом. Шурфы заложенной внутри огражденной валами территории, культурного слоя не выявили. Характерно, что оба рассматриваемых водских городища тяготеют к Копорью, как бы отмечая определенный поселенческий район, где в XVI в. существует Каргальский погост [11]. Не исключено, что на территории Водской земли в ходе дальнейших изысканий будут обнаружены и другие укрепленные поселения, игравшие роль территориальных центров и военных убежищ.

Образование системы водских городков обусловлено, очевидно, военно-политической обстановкой, сложившейся на новгородском порубежье. Именно в XIII в. участились вражеские нападения на край и постепенно была осознана необходимость его укрепления. Известия о военных нападениях на Вотландию и Ингрию — Водскую и Ижорскую земли — рисуют многолюдную область, полную зажиточных поселений и скота [57, с. 222]. В 1240, 1256, 1294 гг. предпринимались зафиксированные летописью первые попытки сооружения немцами, датчанами, а также сумью и емью укрепленных острожков (Копорье, «город» на Нарове [6, с. 81 и сл.]. Местные поселенцы, не имевшие ранее укреплений, могли прибегнуть к ответным оборонительным мерам и начать строить собственные защитные сооружения. В условиях нарастающей борьбы с агрессией извне новгородцы этому, вероятно, только способствовали.

Итак, на примере Копорья и округи можно предположить параллельное существование русского и водского податных секторов и относящихся к ним разных территорий и соответственно «городов». С этим явлением можно связать и созывы отрядов вожан, упоминаемых на протяжении XI—XIV вв. самостоятельно и в составе новгородской рати.

Крайне слабо изученными остаются памятники ижоры, заселявшей в эпоху средневековья южное побережье Финского залива, бассейны рек Невы и Ижоры. На этой территории известны лишь отдельные пункты с находками вещей карельских типов. Кроме того, в бассейне Невы было исследовано грунтовое захоронение, случайно открытое у дер. Мишкино на р. Тосна в 3 км к югу от ее устья [58, с. 109, 110, рис. 200, 202] [12]. Указанные памятники относятся к XIII—XIV вв.

В отличие от Водской земли Ижорская (так же как и Лопская) оказывается в основном вне ареала древнерусской курганной культуры. Это свидетельствует о несколько ином характере славяно-ижорских взаимодействий, не сопровождавшихся широкой земледельческой колонизацией

---

[10] В последний раз о «пол-Копорье» упомянуто под 1459 г. [55, с. 198].

[11] Близки к описанным городища мысового типа, находящиеся на Гдовщине у дер. Городище в 6 км от Гдова и у дер. Сторожинец на берегу Речицкого оз. [ср.: 53, с. 35, рис. 20]. Возможно, что гдовские укрепленные поселения приблизительно одновременны копорским.

[12] К памятникам ижорского населения относят обычно и бескурганный могильник XIII—XIV вв., исследованный В. И. Равдоникасом в Гатчине. Однако инвентарь этого могильника имеет обычный древнерусский облик, и предложенная этническая атрибуция его не бесспорна [59, с. 24—31].

земель ижоры. Культурное влияние со стороны славян в данном случае проявлялось в форме внешних связей, в частности в распространении среди местного населения вещей древнерусских типов.

Летописное известие 1240 г. о Пелгусии — старейшине Ижорской земли, живущем «посреде роду своего погана суща», рисует картину патриархального быта небольшой обособленной языческой народности. По государственному предписанию ижора выполняла сторожевую морскую службу на Неве [6, с. 292], кроме того, подобно води и карелам выставляла отряд самостоятельно, в составе новгородской рати участвовавший в военных делах [13].

Оказавшись в стороне от магистральных путей славянской колонизации, ижора сохранила свой бескурганный (возможно, близкий лопскому) обряд погребения. Лишь в пограничной зоне, на восточной окраине Ижорской возвышенности, можно выделить несколько курганных захоронений, которые предположительно сопоставляются с памятниками «обрусевшей» ижоры. Вместе с тем существуют некоторые данные, позволяющие предполагать, что славяно-русское влияние отразилось и на погребальной обрядности этого населения.

В 1866 г. А. М. Раевской был исследован интересный грунтовый могильник в бассейне Коваши, на южном побережье Финского залива [60, с. 31—33]. Южная ориентировка умерших и находка бронзовых спиралек в одном из захоронений свидетельствуют в пользу неславянской принадлежности этого памятника, вполне справедливо связываемого с ижорой. По находке монеты, чеканенной при Иване III, время функционирования кладбища определяется в рамках второй половины XV—XVI в. Таким образом, рассматриваемый памятник отражает более поздний этап в истории ижорской группировки, чем немногочисленные грунтовые погребения XIII—XIV вв. Захоронения умерших на этом могильнике совершались в пределах естественного всхолмления, ограниченного с одной стороны глубоким оврагом.

В процессе археологического обследования южного побережья Финского залива и нижнего течения Луги в 1960—1970-х годах (Э. Ю. Тыниссон [61], Е. А. Рябинин) был зафиксирован еще целый ряд грунтовых могильников в этнографической зоне ижорского расселения (по данным XVIII—XIX вв.). Кладбища располагались на высоких песчаных всхолмлениях размерами 10—20 м (Лужица, Остров, Краколье), Хронология этих памятников не определена, однако есть основание провести их сопоставление с могильником, исследованным А. М. Раевской. В этом случае можно констатировать наличие своеобразной традиции, свойственной ижоре в эпоху развитого и позднего средневековья и проявляющееся в обычае совершать грунтовые захоронения на небольших естественных всхолмлениях. Можно предположить, что подобная традиция сложилась и развивалась в условиях длительных этнокультурных контактов славян и местных финно-угров: ижора, сохранив грунтовый обряд погребения, тем не менее включила в него и усвоенный от соседей курганный элемент (проявившийся, правда, не в сооружении искусственных земляных насыпей, а в использовании для этой цели естественных возвышенностей).

Перейдем теперь к некоторым вопросам историко-археологического изучения Карельской земли. Подобно другим финским племенам карелы длительное время находились лишь в даннических отношениях с Новгородом. Вопрос о времени территориального вхождения их в состав Новгородского государства не решен однозначно. Одни исследователи считают, что это произошло в XII в., другие склоняются к XIII в. [16, с. 20 и сл]. Полагаем, что при решении этого вопроса, имеющего отношение к выяснению северных границ Новгорода, следует учитывать внешнеполитические факторы, а именно шведскую экспансию, прямо нацеленную после покорения в 1249 г. центральной Финляндии на районы Приладожья и Невы.

---

[13] Такого рода случаи отмечены под 1228, 1241, 1270, 1292, 1314, 1316 и 1444 гг. [6, с. 65 и сл.].

Карельская земля как особая территория Новгородской земли начинает упоминаться в 1270-х годах. Из сообщений о том, что в 1227 г. карелы были крещены князем Ярославом Всеволодовичем, а около 1251 г. были данниками Новгорода[14], можно заключить, что это племя находилось тогда в номинальной зависимости от своего южного соседа [20, с. 449; 62, с. 325, 326]. Вероятно, еще раньше, в XII в., между новгородцами и карелами существовал и военный союз. Участие последних в боевых действиях русского войска отмечено летописью, начиная с 1149 г.[15] Экстерриториальность Карелии по отношению к Руси подчеркивается в «Слове о погибели русской земли» — произведении 1238—1246 гг. [63, с. 326][16] — и исландских географических сочинениях, написанных в XIV в., но по своим сведениям восходящих к XII в. [64, с. 152][17].

Тревожная военная обстановка, сложившаяся в последней четверти XIII в., нарушила этот распорядок и вызвала прямое выступление русской военной силы и укрепление северо-западной границы. В 1278 г. новгородцы и суздальцы во время похода на карел «взя землю их на щит», а в 1284 г. в устье Невы разгромили шведов, которые «хотяще на кореле дань взяти» [6, с. 323, 325]. Эти действия и то, что в 1270 г. карелы впервые названы в составе всей Новгородской волости [6, с. 89], свидетельствуют о территориальном включении Карелии в тот период в земли Новгородской Руси. В дальнейшем события в этом районе, однако, продолжали ухудшаться. После захвата западных карельских погостов и основания в 1293 г. Выборга новгородским руководителям стало ясно, что шведский противник преследует стратегические цели отторжения Карельской земли. В 1295 г. шведский отряд проник к устью Вуоксы и «поставиша свейские немцы город в кореле» [66, с. 202]. Ответная реакция новгородцев была быстрой. В тот же год шведский острожок был взят и «город разгребоша».

В 1310 г. город с племенным названием Карела был отстроен новгородцами уже не в устье Вуоксы, а вверх по реке, на месте порогов. Можно предположить, что быстрая постройка укрепления состоялась с помощью местного населения. Более того, сообщения летописи о жизни Корельского городка в первые десятилетия его существования отчетливо свидетельствуют о том, что в составе его жителей находились и русские и карелы [67, с. 57 и сл.]. Иными словами, перед нами своеобразнейшее городское поселение, состоящее из двух разноязычных федеративных общин — редкий в средневековье пример сотрудничества более сильного народа со своим соседом. Правда, отношения этих общин не всегда были мирными. В 1314 и 1337 гг. горожане карелы держали «перевет» к шведам. В этих событиях отмечен влиятельный руководитель оппозиционных новгородцам кругов воевода Валит-Карелянин. Вероятно, 1310—1330 гг. были периодом наивысшего карельского сепаратизма. Не результатом ли племенных претензий явилась передача и новгородцами власти в Корельском городке представителю местной знати? Во второй половине XIV в. карельские представители в событиях, связанных с крепостью на Вуоксе, не упоминаются, их, видимо, заменила новгородская администрация.

Период, когда город был центром своеобразного русско-карельского симбиоза, а финны, по свидетельству одного источника XVII в., «с русскими были настолько соединены, что трудно сказать, на чьей стороне была высшая знать», распознается и археологически. Характерно, что к 1300—1350 гг. относятся наиболее выразительные и богатые, содержащие много новгородских вещей карельские погребения, обнаруженные в конце XIX в. Г. Швиндтом в окрестностях Корелы-Кексгольма. Раскопки, проведенные в 1972, 1973, 1975—1976 гг., обнаружили в толще культурного слоя древнего города на Вуоксе, датированного XIV в., наряду с изде-

---

[14] В тот период эта земля включала северное Приладожье и Карельский перешеек.

[15] Карелы, по сообщению летописи и иностранных источников, действовали в составе русского войска в 1171, 1187, 1198, 1316, 1395 гг.

[16] На это сообщение наше внимание обратил А. В. Куза.

[17] Еще в 1260 г. Карелия в торговом отношении для немцев, готландцев и русских отмечена как самостоятельная «нейтральная» область [65, с. 57, 59].

лиями общерусских типов (посуда, инструменты, шиферные пряслица, бронзовые и янтарные крестики, шпора со звездочкой, пика, обрывок кольчужного плетения) и карело-финские. К ним, как можно установить, относятся скорлупообразные бронзовые фибулы, орнаментированные ленточным и деградировавшим звериным узорами, бронзовая пронизка с Ф-образными ушками, круглая медная выпуклая бляха, напоминавшая упомянутую в Калевале нашивную деталь чудского костюма, обломок недоделанной серебряной подковообразной застежки. Последняя находка свидетельствует, видимо, о существовании местного ювелирного ремесла. Бронзовые украшения типа найденных в Кореле встречены также в окрестных могильниках. Находящийся в центре данного района Корельский городок можно рассматривать в качестве естественного и наиболее вероятного центра, производившего популярные у карельских женщин изделия. Гипотеза о существовании городского ювелирного ремесла подкрепляется находками в слое XIV в. тиглей для плавки бронзы, их обломками, бронзовой заготовкой, отлитой в тигельной форме.

Такие изделия, обнаруженные на территории Корельского городка, как обломок костяной пластинки и бронзовые рукоятки ножей, скорлупообразная фибула — все с линейно-ленточным орнаментом, позволяют поставить вопрос о корнях этого отделочного искусства. После археологических открытий в Новгороде оказалось, что приписываемый далеким странам орнаментальный стиль процветал в северорусском искусстве зрелого средневековья, что, разумеется, не исключает всякого рода местных, в том числе карельских, подражаний. Вещи с плетеным орнаментом, найденные в Кексгольмских могильниках (ножи, берестяные туеса, фибулы), нуждаются в тщательном изучении, и не исключено, что, по крайней мере частью, они окажутся новгородскими. Изучение карельских древностей, исполненных яркого своеобразия и оригинальности, однако, нельзя ограничить только территорией летописной Корелы. В этой связи следует заново оценить активность торговли карел с близлежащими странами Балтийского бассейна, Западной Финляндией, а также русскими городами. Представители этого племени, имевшие прочный контакт с самим Новгородом, судя по всему, широко пользовались предметами его ювелирной индустрии.

В данной работе приведены лишь некоторые итоги изучения сложной проблемы славяно-финских взаимоотношений в северо-западных областях Руси. Существующий в настоящее время круг источников далеко не всегда достаточен для окончательного решения спорных этнокультурных вопросов. Широкие археологические работы, продолжающиеся в зоне древних славяно-чудских контактов, несомненно позволят в последующем конкретизировать целый ряд положений, выдвинутых в нашей статье, и заполнить «белые пятна» на этнической карте средневекового Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичников А. Н., Носов Е. Н.* Первый советско-финляндский симпозиум по археологии.— ВИ, 1977, № 7.
2. *Кирпичников А. Н., Носов Е. Н.* Симпозиум советских и финских археологов.— ВИ, 1978, № 10.
3. *Кирпичников А. Н., Носов Е. Н.* Советско-финляндский симпозиум по археологии.— Вестн. АН СССР, 1981, № 11.
4. Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л.: Наука, 1979.
5. Fenno-ugri et slavi 1978. Helsinki, 1980.
6. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.— Л., 1950.
7. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Наука, 1951.
8. *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности.— МИА, 1970, № 179.
9. *Моора Х., Лиги Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллин, 1969.
10. *Рябинин Е. А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
11. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Наука, 1961.
12. *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1—8. М., 1970.
13. *Попов А. И.* Топонимическое изучение Восточной Европы.— Уч. зап. ЛГУ, 1947, № 105. Сер. востоковед. наук, вып. 2.

14. *Alexandrov V. V., Tallgren A. M.* Funde aus römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod.— ESA, 1930, t. V.
15. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1—8. М., 1974.
16. *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л.: Наука, 1978.
17. *Хвощинская Н. В.* Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н. э.: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1978.
18. *Рябинин Е. А.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли.— КСИА АН СССР, 1974, № 139.
19. *Моора Х. А., Моора А. Х.* Из этнической истории води и ижоры.— В кн.: Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965.
20. Лаврентьевская летопись.— ПСРЛ. Т. I. М., 1962.
21. Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.
22. *Хабургаев Г. А.* Этнонимия «Повести временных лет». М.: Наука, 1979.
23. *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973.
24. *Моора А.* Очерки этнической истории Причудья (на эстонск. яз.). Таллин, 1964.
25. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
26. *Назаренко В. А.* О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами.— КСИА АН СССР, 1974, № 140.
27. *Sjörgen A. J.* Über die finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernement und ueber den Ursprung des Namens Ingermanland. S. Pb., 1833.
28. *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства.— Исторические записки, 1940, № 6.
29. *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М.: Высшая школа, 1977.
30. Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв. М.: Наука, 1976.
31. *Харузин Н.* Русские лопари. М., 1899.
32. *Зимин А. А.* Памятники русского права. Т. 2. М.: Наука, 1953.
33. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1963.
34. *Архим. Сергий.* Карты Водской пятины и ее погостов. СПб., 1905.
35. *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке.— ЗИРГО, 1853, кн. VIII.
36. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года.— Временник МОИДР, кн. 11. М., 1851.
37. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 1913.
38. *Кеппен П. И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.
39. *Serning I.* Lapska offerplätsfund från järnälder och medeltid i de Svenska Lappmarkerna. Uppsala, 1956.
40. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
41. *Матвеев А. К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимики русского севера.— ВЯ, 1969, № 5.
42. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
43. *Tallgren A. M.* The Prehistory of Ingria.— ESA, 1938, t. XII.
44. *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1906.
45. *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурное взаимодействие по археологическим данным).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
46. *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— СА, 1953, т. XVIII.
47. *Седов В. В.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода.— КСИЭ АН СССР, 1952, т. XV.
48. *Рябинин Е. А.* Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции).— КСИА АН СССР, 1981, № 166.
49. *Кирпичников А. Н., Овсянников О. В.* Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований.— СА, 1979, № 3.
50. Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868.
51. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л.: Наука, 1961.
52. *Янин В. Л.* Князья Копорские.— Вестн. МГУ, 1978, сер. истор., VIII.
53. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105.
54. *Рябинин Е. А.* Исследования в западных районах Ленинградской области.— АО — 1980. М., 1981.
55. Летопись Авраамки.— ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889.
56. *Рябинин Е. А.* Исследования в Ленинградской области.— АО — 1977. М., 1978.
57. *Латвийский Г.* Хроника Ливонии. М.— Л.: Наука, 1938.
58. ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
59. *Равдоникас В. И.* Ижорский могильник в Красногвардейске.— СГАИМК, 1932, № 11—12.
60. Донесение А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной.— ИОЛЕАЭ, 1875, т. XX.
61. *Тыниссон Э. Ю.* Отчет о разведке ижорских и водских погребальных памятников в северо-западной части Ленинградской области в 1963 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2661.
62. *Рыдзевская Е. А.* Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе.—

В кн.: Исторические связи Скандинавии и России (IX—XX вв.). Л.: Наука, 1970.
63. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). Составление и общая редакция Дмитриева Л. А. и Лихачева Д. С.— Библиотека всемирной литературы, серия первая. М.: Художественная литература, 1969.
64. *Мельникова Е. А.* Древняя Русь в исландских географических сочинениях.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1976.
65. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л.: Наука, 1949.
66. Софийская I летопись.— ПСРЛ. Т. I. СПб., 1851.
67. *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.).— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.

A. N. Kirpichnikov, E. A. Ryabinin

RECENT INVESTIGATIONS ON FINNO UGRIC TRIBES IN THE NOVGORODAN LANDS

Summary

The Old Russian State formed in the 9th century included a number of Finno-Ugric tribal unions whose composition was concretised by recent field studies in North-Eastern Russia. In the 10th-11th centuries two Finno-Ugric cultures exhibiting certain Slavic influences became prominent in the north-eastern region at Lake Peipus and in the south-eastern region at Lake Ladoga. The former bore Baltic-Finnish traits and could have been associated with the mysterious «Norova» tribe mentioned in chronicles. The latter was the Ladoga-Chud culture, blending local Finno-Ugric and neighbouring Russian traits. In the west of Leningrad Region there are 11th-14th-century mound burials left by the Vod population, which experienced considerable Slavic influence. The presence of Finno-Ugric population is confirmed by the remains of fortified settlements and by archaeological materials from Koporye. The Izhora tribe is little studied, much more is known about its affiliate, the Korela tribe. Both the Vod and the Korela culture were strongly influenced by Novgorodan handicrafts.

КРАСНОВ Ю. А.

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РАЛА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ралами называют древнейшую и весьма разнообразную по устройству группу симметрично работающих пахотных орудий, разрывающих и разрыхляющих пласт земли, который раздвигается при движении по обе стороны орудия. В Восточной Европе они на протяжении почти трех тысяч лет были единственной разновидностью пахотных орудий. Здесь сложились типы рал, приспособленные к различным почвенно-климатическим условиям, различной технологии сельскохозяйственного производства, успешно применявшиеся при различных системах земледелия. Рала послужили основой для сложения плугов и сох, более поздних по своему происхождению разновидностей пахотных орудий. Уже эти обстоятельства указывают на большую важность изучения развития восточноевропейских рал как для истории сельского хозяйства, так и в общеисторическом плане.

Различные моменты истории восточноевропейских рал нашли отражение в ряде работ русских, а затем и советских исследователей [1—9]. Характеристике пахотных орудий уделялось внимание при разработке проблем происхождения и ранней истории пашенного земледелия [10—12]. Предпринимались попытки проследить основные моменты развития рал у восточных славян [13, 14], вызывающие, однако, по некоторым вопросам серьезные возражения. Большое значение для рассматриваемой темы имеет изучение железных наконечников пахотных орудий из археологических коллекций [3, 13, 15—17]. Тем не менее остаются нерешенными или спорными многие аспекты проблемы, что объясняется, в частности, как состоянием источников, так и различной методикой их анализа. Цельная и связная картина развития древних и средневековых рал в Восточной Европе еще ждет своей детальной разработки. Настоящая статья является попыткой лишь наметить определенные пути к разрешению этой важной и сложной проблемы.

Важнейшими источниками для изучения истории восточноевропейских рал являются этнографические данные, археологический и древний иконографический материал. Какую же объективную информацию дают эти источники к изучению интересующего нас вопроса?

Рала, известные у народов Восточной Европы по этнографическим данным, следует рассматривать как итог многовекового развития этих орудий, ранние этапы которого нам предстоит выяснить. Их ареал в XVIII—XIX вв. был ограниченным: Украина, Молдавия, отдельные районы Белорусского Полесья и Прибалтики. В этот период рала выступают прежде всего как вспомогательные орудия, предназначенные для вторичной вспашки почвы, уже поднятой плугом или сохой-рогачем, вспашки после уборки картофеля, конопли или овощных культур. Лишь в северо-западных районах Эстонии и кое-где в бедняцких хозяйствах Украины и Молдавии рала еще в XIX в. применялись иногда для первичной обработки почвы [1].

По устройству рабочей части и, следовательно, агротехническим возможностям принято выделять рала бесполозные (ральник в рабочем положении поставлен под значительным углом к почве) и полозные или

[1] Здесь и далее будет идти речь только об однозубых ралах. Многозубые рала, использовавшиеся как культиваторы, появились сравнительно поздно, не ранее конца XVII—XVIII в.

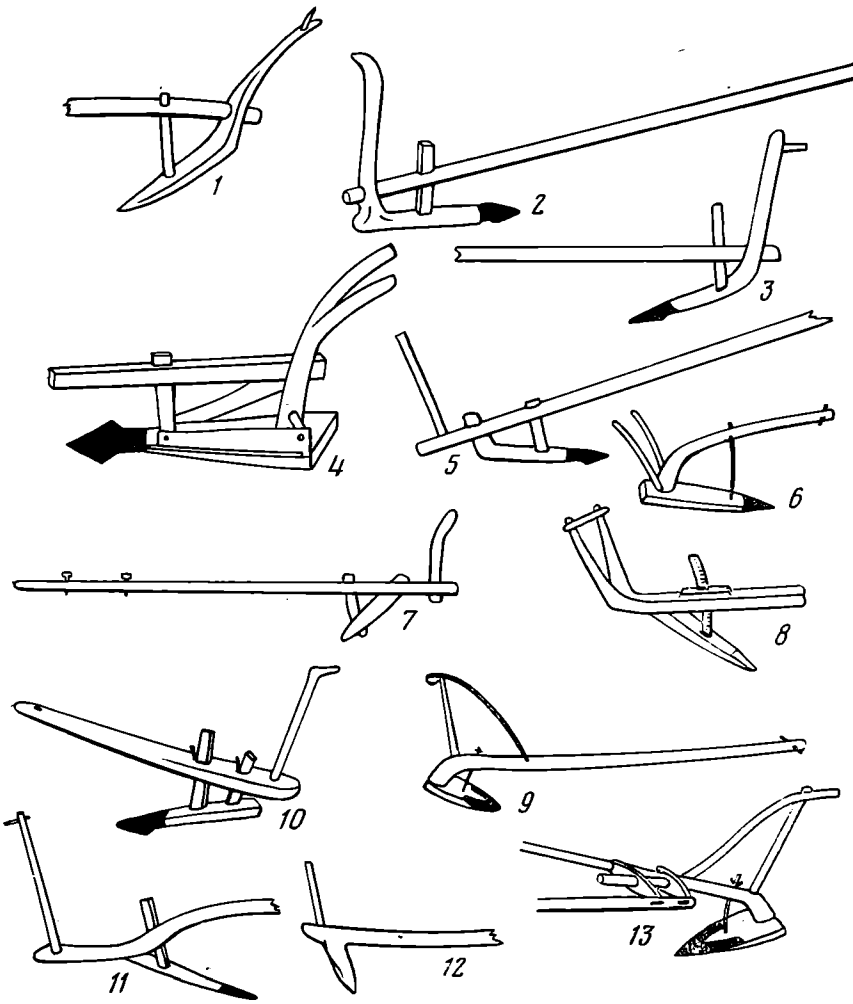


Рис. 1. Рала Восточной Европы по этнографическим данным. *1—3* — тип 1; *4* — тип 2; *5*, *7*, *8* — тип 3; *10* — тип 4; *6* — тип 5; *9*, *13* — тип 6; *11* — тип 7; *12* — тип 8; *1* — Киевщина (по В. С. Мамонову); *2*, *3*, *5* — Подолье (по В. Ф. Горленко, И. Д. Бойко, А. С. Куницкому); *4* — Молдавия (по Н. Демченко); *6* — белорусское Полесье (по К. Мощинскому); *7* — Черниговщина (по А. Гюльденштедту); *8*, *9*, *13* — Эстония (по Л. Х. Феоктистовой); *10* — Днепровское Левобережье (по В. Ф. Горленко, И. Д. Бойко, А. С. Куницкому); *11* — западная Волынь (по К. Мощинскому); *12* — Белоруссия (по описанию П. Парфенова)

подошвенные (ральник при работе находится в горизонтальном или близком к горизонтальному положении), а также орудия, у которых угол наклона рабочей части мог изменяться в значительных пределах. Существовали рала, у которых положение рабочей части было промежуточным между первым и вторым.

По строению остова или скелета, т. е. по особенностям устройства и сочленения основных частей, среди восточноевропейских «этнографических» рал можно выделить несколько устойчивых типов [2].

Тип 1 — однорукояточные прямогрядильные рала со стойкой между грядилем и ральником (рис. 1, *1—3*). Зафиксированы в различных районах Украины и Молдавии, где были наиболее распространенным типом (с полозом и бесполозные), на о. Нухо в Эстонии (бесполозные). Ими работали применяя железные наконечники и без них [18, рис. 78, 90; 2, рис. 7, 21; 19, табл. II, *2—4*; 20, рис. 8].

Тип 2 — однорукояточные прямогрядильные рала четырехэлементной конструкции (рис. 1, *4*). Очень редкий тип, известный кое-где на Украине и в Молдавии. Всегда были полозными, употреблялись с железными

[2] Обоснование номеклатуры большинства выделяемых здесь типов см. [11, с. 22, 23].

наконечниками, а в Молдавии — иногда с симметричными двойными отвалами [18, рис. 89; 20, рис. 9].

Тип 3 — прямогрядильные рала с ральником, вставляющимся в грядиль снизу. Известны в двух разновидностях: с прямым (рис. 1, *7, 8*) и изогнутым (рис. 1, *5*) ральником. Первые, широко распространенные на Украине, в Литве, Латвии и местами в Эстонии [1, с. 18, 153; 21, табл. I, *1*; 22, рис. 108, 129; 23, рис. 36, 108; 24, с. 410, 411], всегда были бесполозными, часто применялись без железных наконечников. Рала с изогнутым ральником, нередко имевшие развитый полоз, зафиксированы только на Украине [2, рис. 8; 18, рис. 83; 22, рис. 132].

Тип 4 — прямогрядильные рала, имевшие ральник, соединенный с грядилем при помощи двух стоек (рис. 1, *10*). Угол наклона рабочей части у таких орудий мог значительно изменяться; они всегда снабжались железными наконечниками. Были известны на Украине [2, рис. 9—11].

Тип 5 — кривогрядильные полозные рала. Зафиксированы только в Белорусском Полесье, где имели небольшие размеры, иногда две рукоятки, маленький узколопастной наральник (рис. 1, *6*). Именовались «сошками» и употреблялись для окучивания картофеля [22, рис. 121].

Тип 6 — кривогрядильные рала, у которых грядиль присоединялся к заднему концу широкого ральника, окованного железом. Рукоять вставлялась в задний конец грядиля. Рабочая часть при движении находилась под углом к почве (рис. 1, *9, 13*). Были известны в Эстонии, главным образом на островах и в береговой зоне [24, рис. 2].

Тип 7 — рала с кривым грядилем и прямым ральником, вставлявшимся в грядиль снизу (рис. 1, *11*). Близки к первой разновидности типа 3, отличаясь изогнутостью грядиля. Зафиксированы только в западной Волыни и прилегающих районах ПНР [22, рис. 124, 125, карта 4].

Тип 8 — прямогрядильные грядильные рала (рис. 1, *12*). Изготовлялись из цельного куска дерева, часть ствола которого служила грядилем, а отходящий в сторону сук — ральником. Иногда один или два противоположно направленных сука служили рукоятками. Под названием «сошка» были известны в Белорусском Полесье и некоторых соседних районах [2, с. 87, 88, рис. 26; 25, с. 640; 26, с. 3].

Анализ устройства восточноевропейских «этнографических» рал позволяет сделать несколько важных для нас выводов. Во-первых, оказывается, что большая часть их типов характерна не только для рассматриваемой территории, но встречается по всей Европе и даже за ее пределами. Таковы типы 1, 2, 5, 8. Близкие аналогии ралам типа 6 известны в Швеции и Финляндии. Лишь типы 3 и 4 характерны преимущественно для востока Европы, а тип 7, как уже указывалось, имеет вообще очень узкий ареал. С точки зрения типологии, рала типов 2, 3 и 4 следует считать генетически связанными с типом 1, следовательно, более поздними [11, с. 83, 84]. Рала типа 7 следует рассматривать как своеобразную «гибридную» форму, в которой сочетаются черты рал типов 5 и 6 (искривленный грядиль) и типа 3 (установка ральника в отверстие в нижней грани грядиля). Это позволяет предполагать, что рала типа 7 не могут быть моложе типа 3. Рабочие качества рассмотренных типов рал были весьма различными. Наиболее приспособленными для пахоты различных по характеру почв, в том числе залежи и даже целины, были рала типа 1 [2, с. 76]. Рала типов 3 (разновидность с прямым ральником), 6, 7 и 8 приспособлены для пахоты на землях с маломощным плодородным слоем, засоренным корнями и камнями, но пашут они неглубоко, на твердой земле лишь «черкают» ее сверху. Рала типов 3 и 7 с успехом применялись также для разрыхления земли после плужной вспашка [2, с. 76; 24, с. 327; 27, с. 5 сл.]. Рала типов 2 и 5 (последние в развитом виде не известны в Восточной Европе по этнографическим данным) эффективны в работе на чистых старопахотных почвах с глубоким пахотным слоем [27, с. 7]. Рала второй разновидности типов 3 и 4 практически не приспособлены для первичной обработки полей; ими удобно обрабатывать уже вспаханную землю [2, с. 77]. Это позволяет предполагать их сравнительно молодой возраст — не ранее ши-

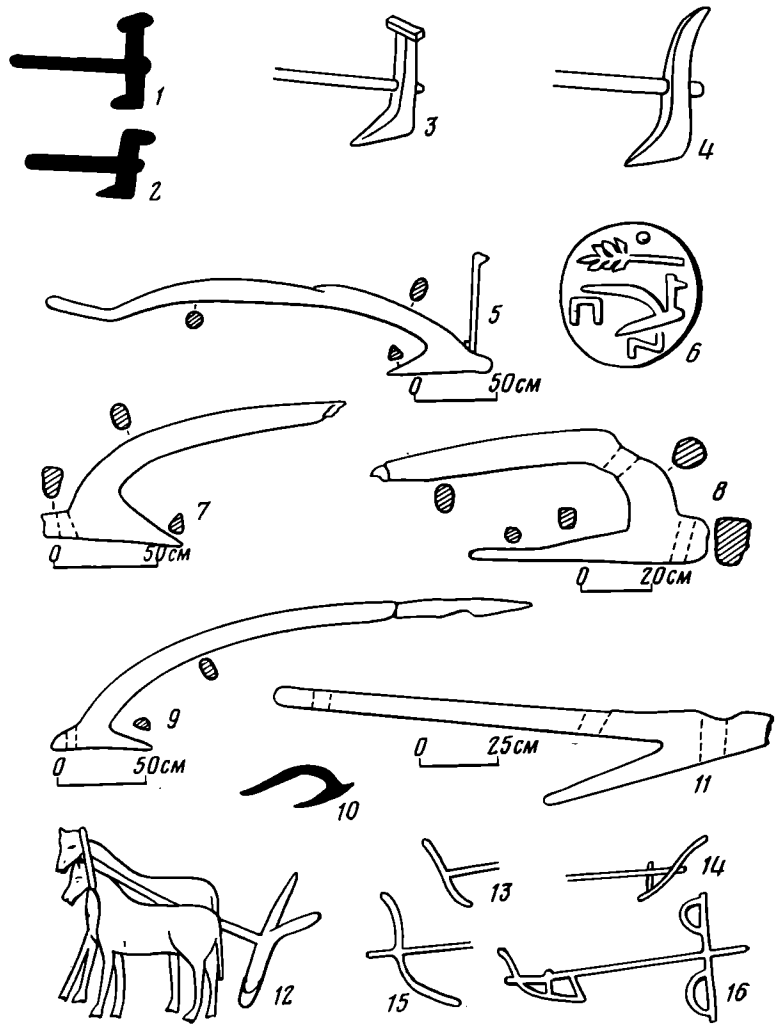


Рис. 2. Рала Восточной Европы и сопредельных районов по подлинным находкам и древним изображениям; *1*, *2* — изображения на Симферопольской стеле; *3*, *4* — реконструкция рал Симферопольской стелы; *5* — рало из торфяника у с. Полесье (Жабчичи); *6* — изображение рала на боспорской монете; *7* — рало из Сергеевского торфяника; *8* — рало из Токаревского торфяника; *9* — рало из торфяника у дер. Капланович; *10* — изображение рала на грузике из Троицкого городища; *11* — рало из Бреста; *12* — изображение рала в росписи часовни св. Екатерины в Зноймо (Чехия); *13*—*16* — изображения рал из Плиски (Болгария)

рокого распространения плуга, тем более что никаких данных об их применении до XVIII в. нет. Этнографический материал показывает, наконец, что наиболее широкое распространение в XVIII—XIX вв. в основной части ареала рассматриваемых орудий имели однорукояточные прямогрядильные рала (тип 1) и генетически связанные с ними типы 3 и 4. Учитывая сравнительную традиционность пахотных орудий, можно предположить, что в древности и в начале средневековья могли бытовать рала по крайней мере некоторых из рассмотренных конструкций. Однако это предположение нуждается в проверке на материалах иных источников.

Подлинные находки археологических рал и древние их изображения в Восточной Европе крайне редки. Наиболее ранними являются изображения однорукояточных прямогрядильных рал без стойки на симферопольской стеле (рис. 2, *1*—*4*) и фрагмент рала того же типа из позднеямного погребения в кургане «Высокая Могила» в Запорожской обл. [8; 11, с. 67, 68; 28, с. 146—152]. Дата их — конец III — первая половина II тысячелетия до н. э. По особенностям конструкции эти рала связываются в генетическом плане с ралами типа 1 из этнографических материалов [11, с. 62 сл.].

К иному типу, в развитом виде не представленному в восточноевро-

пейском этнографическом материале, относятся рала из торфяников у с. Полесье (Жабчичи) в Черниговской обл. (рис. 2, *5*), у с. Сергеевск Брянской обл. (рис. 2, *7*) и у дер. Каплановичи Минской обл. (рис. 2, *9*). Это грядильные кривогрядильные рала, характерной чертой конструкции которых было то, что грядиль и рабочая часть у них составляли одно целое, причем грядиль был изогнутым [5; 11, с. 128, 129; 29, с. 142—146; 30]. Принцип устройства — объединение с одной детали грядиля и рабочей части — сближает их с «этнографическими» ралами типа 8. Полесское рало на основании радиокарбонного анализа органических остатков из слоев, перекрывавших находку, датировано XIV—XIII вв. до н. э. Твердых оснований для датировки сергеевского рала нет. Судя по аналогиям, оно может быть отнесено как к эпохе бронзы, так и к эпохе раннего железа. Каплановичское рало, по-видимому, более позднее. Наиболее вероятная его дата — от первой половины I тысячелетия н. э. до средневековья. Вероятно, рало того же типа изображено на грузике из верхнего слоя Троицкого городища под Москвой (рис. 2, *10*), датированного временем около середины I тысячелетия н. э. (11, с. 129, 31, с. 270, 271, рис. 1, 2]. Кривогрядильное рало с длинным хорошо развитым полозом, относящееся, вероятно, к семейству полозных (рис. 2, *6*), изображалось на боспорских монетах II в. до н. э. [32, с. 132].

К своеобразному подтипу грядильных кривогрядильных рал относится орудие из Токаревского торфяника в Сумской обл. (рис. 2, 8), имевшее дополнительный ральник, поставленный под углом к почве и закреплявшийся в специальном отверстии в месте изгиба грядиля [4, с. 75—83; 33]. По форме, размерам и деталям устройства оно чрезвычайно близко к известному даберготцскому ралу, датированному на основе радиокарбонного анализа концом VII—IX вв. [34, с. 50—55]. По-видимому, к близкому времени следует относить и токаревское рало.

Деревянное рало (рис. 2, *11*), аналогичное типу 8 из этнографических материалов, найденное при раскопках древнего Берестья, датируется XIII в. [35, рис. 1, *1*]. По-видимому, оно было снабжено череслом, хотя рала такого типа в этнографических материалах никогда чересел не имели.

Для характеристики древних восточноевропейских рал с известной долей вероятности могут быть привлечены также изображения пахотных орудий из Плиски (Болгария, IX—X вв.) и в росписи часовни св. Екатерины в Зноймо (Чехия, 1134 г.) [36, рис. 2, 3; 37, рис. 14]. Первые представляют собой изображения однорукояточных прямогрядильных рал без стойки, близких к рисункам симферопольской стелы (рис. 2, *13*, *15*), таких же рал со стойкой, аналогичных типу 1 «этнографических» рал (рис. 2, *14*). Одно из таких орудий, имевших развитый полоз, показано, вероятно, с череслом (рис. 2, *16*). Зноемское рало (рис. 2, *12*) по своему устройству близко к белорусской «сошке» (тип 8 «этнографических» рал) в ее разновидности с двумя рукоятками, образованными корневыми отростками.

При всей своей ограниченности рассмотренный материал чрезвычайно важен для нашей темы. Во-первых, он свидетельствует, что эволюция однорукояточных прямогрядильных рал шла в Восточной Европе непрерывно с конца III — начала II тысячелетия до н. э. и намечает определенные вехи в этой эволюции. Во-вторых, он показывает широкое распространение в древности рал, относящихся к семейству грядильных (криво- и прямогрядильных), по крайней мере в западных районах рассматриваемой территории. Становится ясным, что здесь существовали типы рал, которые не дожили до недавнего прошлого и не нашли отражения в этнографическом материале, примером чего являются рала типа токаревского. Наконец, все типы древних и средневековых рал Восточной Европы, известные по археологическим и иконографическим материалам, находят полные аналогии в Центральной и, в меньшей степени, в Западной Европе. Это показывает, что пути развития древних рал были во многом одинаковыми на всей территории Европы.

Большую информацию по истории восточноевропейских рал могут

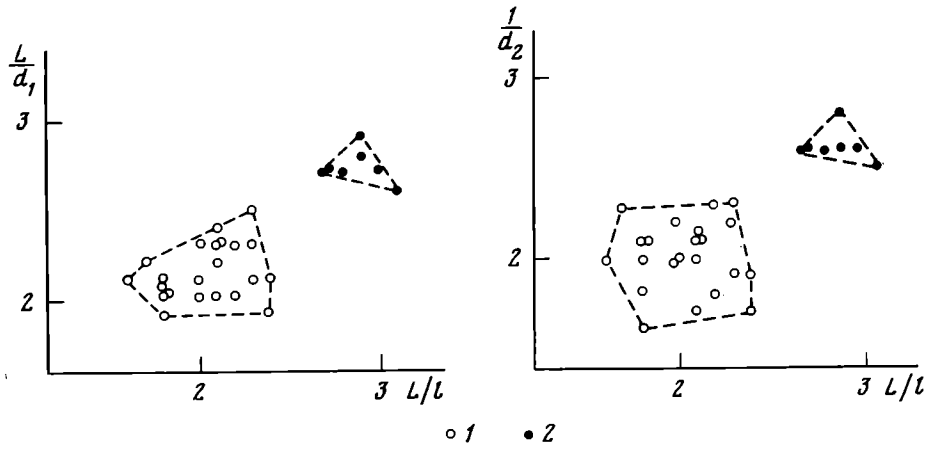


Рис. 3. Выделение типов наконечников групп I, подгруппы Б (со слабо выраженными плечиками). *1* — тип IБ1; *2* — тип IБ2

дать их железные наконечники из археологических находок. Эта категория источников важна своей массовостью и сравнительно хорошо датирована.

В античном мире железные наральники появляются около VI в. до н. э. [38, с. 40—48]. В более северных районах Европы первые наральники копьевидной формы датируются эпохой гальштатта D [39, с. 84—92, рис. 2—5, 10]. Втульчатые наконечники появились в латенскую эпоху и связываются с кельтами. Прямому или опосредованному влиянию последних обязано широкое распространение таких наконечников по всей Европе, в том числе и Восточной [40, с. 170, 172]. Около рубежа нашей эры в южной Европе появляются своеобразные черешковые лопатковидные наральники, по своему происхождению связанные с фракийцами, но распространенные на более широкой территории [41, с. 50—53].

Наиболее ранние находки железных наральников в Восточной Европе сделаны на поселении Галиш-Ловачка в Закарпатье, которое датируется последними веками до нашей эры [42]. К близкому времени относится наральник из поселения Круглик в Черновицкой обл. [43, рис. 18]. В первой половине I тысячелетия н. э. железные наральники были широко известны на памятниках черняховской культуры и в античных поселениях Северного Причерноморья. В более позднее время они встречаются уже практически на всей территории, где можно предполагать наличие пашенного земледелия. Следует иметь в виду, конечно, что первые археологические находки железных наральников лишь приблизительно определяют время появления этих приспособлений упряжных пахотных орудий.

Из всей массы железных наконечников пахотных орудий, обнаруженных при археологических раскопках, к ралам могут быть отнесены наконечники групп I и II по предложенной нами классификации [17], а также все сравнительно редкие черешковые наконечники. Общая характеристика этих групп наконечников, а также характеристика типов подгруппы А (узколопастные) группы I (типы IА1, IА2, IА3 и IА4) уже имеется в литературе [17, с. 103, 104, 109—112, рис. 1, 5, 8]. Обратимся к краткой характеристике других типов наральников из археологических материалов Восточной Европы.

Группа I, подгруппа Б (со слабо выраженными плечиками).

Включает значительную часть наконечников группы I, характеризующихся тем, что наибольшая ширина лопасти у них равна или превышает не более чем на 1 см наибольшую ширину втулки, а переход от втулки к лопасти оформлен в виде слабо заметных плечиков. По основным пропорциям, некоторым деталям формы и абсолютным размерам разделяются на два типа.

Тип IВ1 — умеренно заостренные наконечники со втулкой, расширяющейся к тыльной части. Общая длина (L) от 11 до 26 см, у большинства

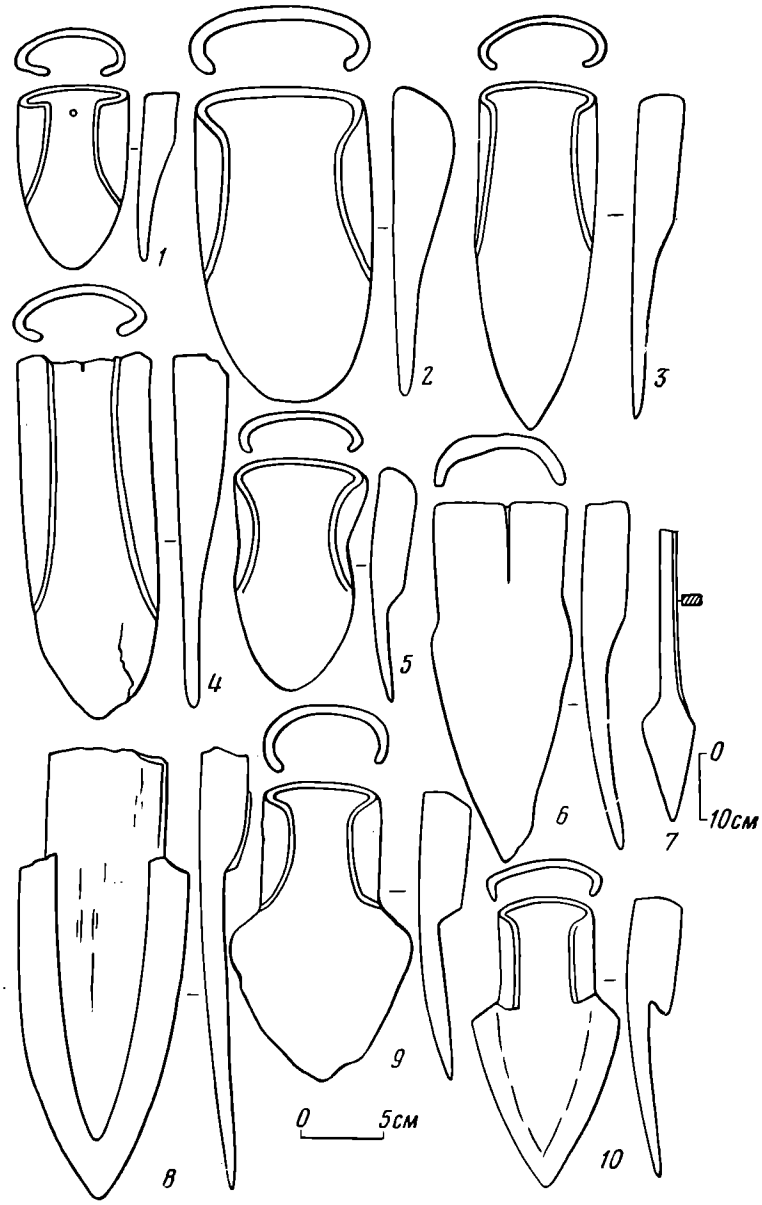


Рис. 4. Наральники из археологических материалов Восточной Европы. *1* — Слободищи (тип IA1); *2* — Новгород (тип IA2); *3* — городище Городское (тип IA3); *4* — Кич-городок (тип IA4); *5* — Кричьки (тип IБ1); *6* — Херсонес (тип IБ2); *7* — Щучинское городище (черешковый группы II); *8* — Правобережное Цимлянское городище (тип IB3); *9* — Галиш-Ловачка (тип. IB1); *10* — Пеньковка (тип IB2)

наконечников — 11—16,7 см. Длина (l) и средняя ширина (d_1) втулки колеблется около $^1/_2$ общей длины наконечника ($L/l=1{,}9-2{,}5$; $L/d_1=1{,}6-2{,}4$). Наибольшая ширина лопасти (d_2) приходится на ее верхнюю часть и незначительно превышает среднюю ширину втулки ($L/d_2=1{,}6-2{,}5$). Лопасть в продольном сечении, как правило, загнута в сторону втулки. Все основные измерения изменяются более или менее пропорционально (рис. 3, *1*; 4, *5*).

Начиная с первой половины I тысячелетия н. э. вплоть до XIII—XIV вв. такие наконечники спорадически встречались на обширной территории Восточной Европы от Молдавии до лесных районов Среднего Поволжья и Прикамья: в черняховских памятниках [44, с. 9, рис. 5; 45, с. 116, рис. 51, *1*; 46, с. 248, рис. 3, *2*], памятниках второй половины I тысячелетия в Поднепровье [13, с. 250, рис. 8, *3*), Среднем Поволжье [47, с. 77, табл. XVIIIA, *1*, *2*] и Прикамье [48, рис. 16, *27*, 53, *4*; 49, с. 289, рис. 4; 50, табл. XXIV, *2*], в древнерусских памятниках

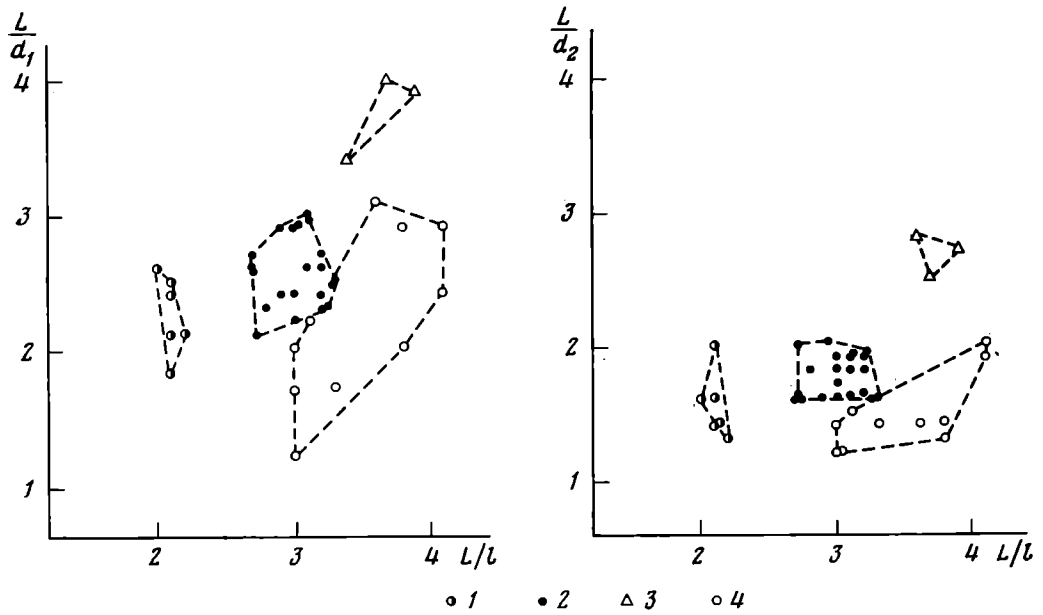


Рис. 5. Выделение типов наконечников группы I, подгруппы В (широколопастные). *1* — тип IВ1; *2* — тип IВ2; *3* — тип IВ3; *4* — тип IВ4

[13, рис. 17, *1*, 21, *1*, *2*], на средневековых памятниках Верхнего Прикамья [51, табл. XXX, *13*]. Ряд таких наконечников найден на территории Волжской Болгарии. Большая часть наконечников относится к I тысячелетию н. э.

Тип IБ2 — крупные наконечники с заостренным рабочим концом длиной 17,5—27 см. Длина втулки обычно около $^1/_3$ общей длины наконечника (L/l=2,7—3,1), ширина — несколько меньше $^1/_3$ общей длины (L/d_1=2,7—2,9). Втулка расширяется к тыльной части, открыта снизу у большинства экземпляров. Наибольшая ширина лопасти находится в верхней ее трети и незначительно превышает ширину втулки (L/d_2=2,5—2,8). Лопасть в продольном сечении загнута в сторону втулки. У некоторых экземпляров видна заточенность боковых граней втулки (рис. 3, *2*; 4, *6*). Большинство таких наконечников найдено на памятниках Северного Причерноморья X—XIV вв. [3, с. 32; 52, рис. 44]. Один экземпляр, своеобразный по некоторым деталям, найден в слоях Друцка XI—XIII вв. [53, с. 114, рис. 20].

Группа I, подгруппа В (широколопастные).

Включает большую часть наконечников группы I, характеризующихся тем, что наибольшая ширина лопасти у них превышает ширину втулки более чем на 1 см, а переход от втулки к лопасти оформлен в виде хорошо выраженных плечиков. По своим пропорциям и некоторым деталям формы, а также основным размерам наконечники этой подгруппы разделяются на четыре типа (рис. 5).

Тип IВ1 — наконечники с умеренно заостренным, в одном случае — округлым рабочим концом длиной 16—19 см. Ширина втулки колеблется между $^1/_2$ и $^1/_3$ общей длины (L/d_1=1,8—2,6), длина — около $^1/_2$ общей длины (L/l=2—2,2). Наибольшая ширина лопасти — в верхней ее части, значительно превышает ширину втулки (L/d_2=1,3—2). Втулка немного расширена к тыльной части. Лопасть в продольном сечении загнута в сторону втулки. У части наконечников имеется наварка по рабочему краю лопасти и вдоль нее. Основное изменение во времени — существенное увеличение ширины лопасти (рис. 5, *1*; 4, *9*). Наконечники этого типа известны на позднелатенских памятниках западных районов УССР (коллекции Ужгородского краеведческого музея), черняховских памятниках первой половины I тысячелетия н. э. В IX—XIII вв. они встречаются на древнерусских памятниках, а также в Калининградской обл. (13, с. 44, рис. 18, *2*; 44, рис. 6, *1*; 54, с. 169; 55, с. 30; 56, рис. 30, *3*; 57, с. 46, рис. 13].

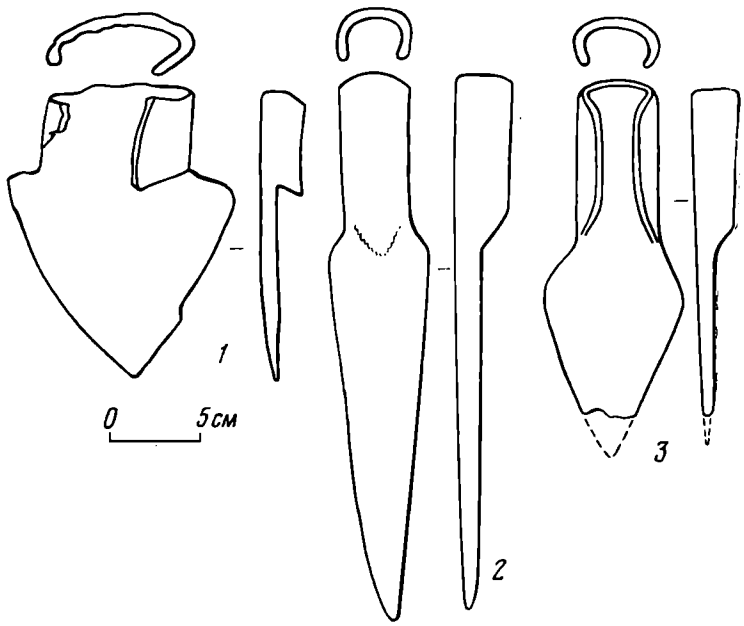


Рис. 6. Наральники из археологических материалов Восточной Европы. *1* — Кыласово городище (тип. IB4); *2* — Кличаново (втульчатый, группа II); *3* — селище Лебедка (втульчатый, группа II)

Тип IB2 — наконечники с заостренным рабочим концом длиной 14,5—21,5 см. Ширина втулки колеблется от $^1/_2$ до $^1/_3$ общей длины ($L/d_1=2{,}1-3$), длина около $^1/_3$ общей длины ($L/l=2{,}7-3{,}3$). Втулка либо незначительно расширена в тыльной части, либо имеет примерно равную ширину по всей длине. Наибольшая ширина лопасти — в верхней ее трети и равна примерно половине длины наконечника ($L/d_2=1{,}6-2$). В продольном сечении лопасть у большинства наконечников загнута в сторону втулки, у отдельных экземпляров — прямая. Большинство наконечников имеет наварку вдоль рабочего края лопасти, который оказывается сравнительно острым. Основное развитие во времени — более или менее равномерное увеличение всех абсолютных размеров.

Эти наконечники представлены на славянских памятниках лесостепной и степной полосы второй половины I тысячелетия и X—XIII вв., а также в салтовской культуре (см., например, [13, рис. 7; 8, *2*; 9, *2*; 14, *1*, *2*; 58, рис. 24, *1*; 59, рис. 22, *1*; 60, с. 94, 95, рис. 25, *4*; 61, рис. 5; 62, табл. LXXXVII, *1—2*; 63, с. 67; 64, с. 381; 65, рис. 38, *8* и др.] [3]).

Тип IB3 — длинные (27—30 см) наконечники с заостренным рабочим концом. Длина и средняя ширина втулки лежат в пределах от $^1/_3$ до $^1/_4$ общей длины наконечников ($L/l=3{,}4-4$, $L/d_1=3{,}4-3{,}9$), наибольшая ширина лопасти приближается к $^1/_3$ общей длины ($L/d_2=2{,}5-2{,}8$), приходится на ее верхнюю часть, вблизи перехода втулки в лопасть. Втулка имеет равную ширину по всей длине. По рабочему краю лопасти, который, по-видимому, затачивался, имеется наварка. Лопасть в продольном сечении прямая (рис. 4, *8*; 5, *3*). Представлены в памятниках салтовской культуры (см., например, [65, рис. 38, *9*]).

Тип IB4 — существенно различающиеся деталями формы наконечники, имеющие длину от 13,3 до 25 см. Отношение $L/d_1=1{,}2-3{,}1$, $L/l=3-4{,}1$. Наибольшая ширина лопасти приходится на верхнюю ее треть, отношение $L/d_2=1{,}2-2$. Форма втулки в поперечном сечении различна, лопасть в продольном сечении обычно прямая. От других типов отличаются прежде всего пропорциями, а также очень большими индивидуальными особенностями отдельных наконечников, отсутствием стандартизации. Последнее обстоятельство делает выделение типа весьма условным (рис. 5, *4*; 6, *1*). Наконечники этого типа происходят из средне-

[3] См. также коллекции ГЭ, КГИМ, БКМ и КГУ.

вековых памятников Верхнего и Среднего Прикамья, наиболее вероятная дата их — XIII—XIV вв. [51, табл. XXX, *17, 18*; 66, с. 69, рис. 2].

Втульчатые наконечники группы II (рис. 6, *2—3*) в Восточной Европе найдены на упоминавшихся поселениях Галиш-Ловачка и Круглик, близ с. Кличаново в Закарпатье, на городище Волынцево в Сумской обл. (VIII—X вв.), селище Лебедка в Орловской обл. (VIII—X вв.), на роменских памятниках, а также в Гомеле в слое XIII в. [33]. Черешковые наконечники известны в античных памятниках Северного Причерноморья, где датируются первыми веками нашей эры, отдельные их находки имеются на памятниках эпохи Киевской Руси [9].

Чересла в Центральной и Западной Европе появляются еще в последние века до н. э., в Восточной — в эпоху черняховской культуры[4] [67]. Обычными находками на памятниках степной и лесостепной полосы они являются во второй половине I тысячелетия и позднее, изредка встречаясь и в более северных районах. Они применялись, таким образом, задолго до появления плуга, у определенных типов рал. Длина чересел в черняховское время составляла 32,5—42 см, во второй половине I тысячелетия — 36—45 см, в эпоху Киевской Руси — 36—55 см. Бóльшая часть чересел XI—XIII вв. относилась уже, очевидно, к плугам. Имеются совместные находки чересел с наральниками типов IB1, IB2 и IB3.

Географическое распространение археологических находок наральников свидетельствует, что рала были известны по всей ойкумене пашенного земледелия в Восточной Европе. Очевидно, их этнографический ареал составляет лишь небольшую часть территории былого распространения. Анализ совокупности признаков, которые могут свидетельствовать о характере работы железных наконечников рал древности и средневековья[5], показывает, что наральники типов IA2, IA3, IA4 и группы II употреблялись при работе в наклонном положении, а наральники типов IБ1, IБ2, IB1, IB2, IB3 и IB4 — в горизонтальном или близком к горизонтальному. Для наконечников типа IA1 этот вопрос не может быть решен однозначно ввиду их нестандартности и различным сочетаниям рассматриваемых признаков у индивидуальных наконечников. По-видимому, часть из них применялась у бесполозных рал, часть — у небольших рал с рабочей частью, поставленной в положение, близкое к горизонтальному.

Важной, но чрезвычайно трудной задачей, которая в ряде случаев не может быть решена однозначно, является «привязка» отдельных типов наральников к тем или иным реально существовавшим разновидностям рал, т. е. реконструкция этих последних на основании изучения их рабочих наконечников. Предлагаемая ниже попытка такой реконструкции на основе предложенной нами классификации наральников по существу предпринимается впервые, а потому не может быть лишена недостатков и требует всестороннего обсуждения, что и является одной из целей настоящей статьи. Наиболее надежным является метод сравнения «археологических» наконечников определенных типов с наральниками из этнографических материалов. Однако лишь небольшая часть древних и средневековых наральников может быть сравнима с «этнографическими». Последние к тому же недостаточно исследованы. Следует иметь в виду, что различия типов наконечников могут свидетельствовать не только о различиях самих орудий, которые оснащались этими наконечниками, но и о локальных особенностях и традициях изготовления самих наконечников [17, с. 106, 113].

---

[4] **Б. А. Шрамко** высказал предположение, что чересла были известны еще в скифскую эпоху [4]. Однако с этим положением нельзя согласиться [11, с. 131; 33].

[5] Ширина и продольное сечение лопасти, продольное и поперечное сечение втулки, заточенность или затупленность рабочего конца и боковых граней лопасти, наличие или отсутствие наварки на лопасти и др. [7; 13, с. 61, 66, 130; 68, с. 347, 348], а также угол наклона регрессии на графике корреляции изменения ширины втулки с увеличением длины наконечников определенных типов. Этот признак выявлен на основе анализа значительной серии наконечников из этнографических материалов.

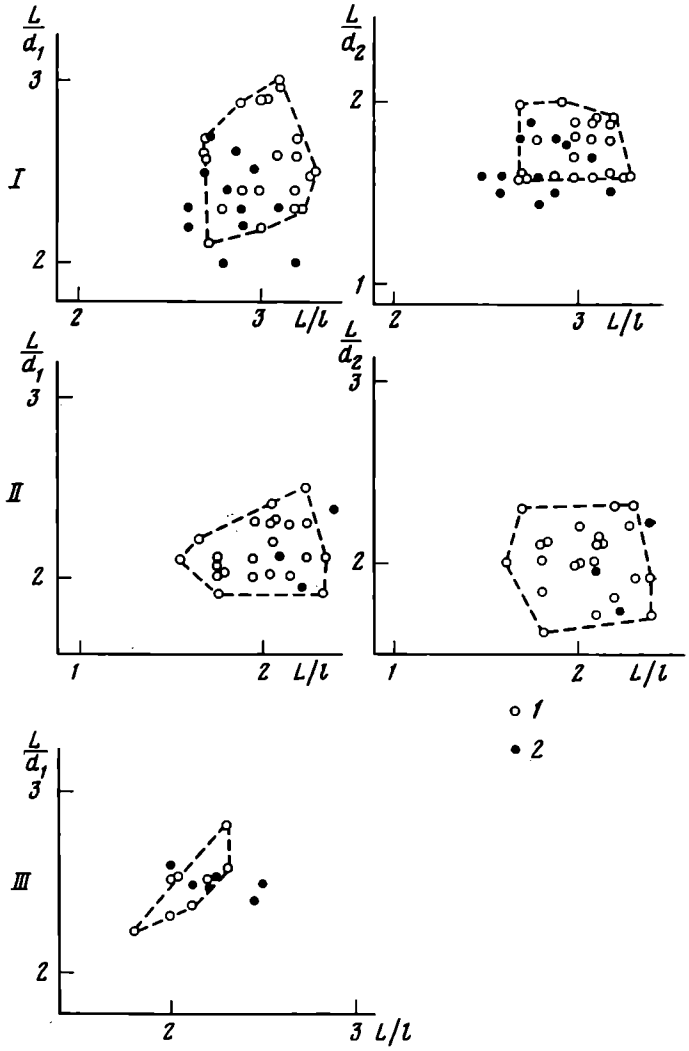


Рис. 7. Соотношение некоторых типов наральников из археологических (*1*) и этнографических (*2*) материалов. I — наконечники типа IВ2 и наральники «этнографических» рал типов 1, 3, 4 с горизонтальным полозом; II — наконечники типа IБ1 и наральники «этнографических» рал типа 1 с рабочей частью, поставленной под небольшим углом к почве; III — наконечники типа IА3 и наральники «этнографических» рал типа 3 с наклонно поставленной рабочей частью

По особенностям формы, размерам и пропорциям можно с большой уверенностью сопоставлять «археологические» наконечники типа IА3 [17, с. 111, рис. 8] с наральниками «этнографических» рал типа 3 в их разновидности с прямым ральником (рис. 7, III). С еще большей вероятностью такое сопоставление может быть сделано между наконечниками типа IВ2 и широколопастными наральниками, которыми оснащались рала типов 1, 3 и 4 из этнографических материалов, имевшие горизонтальное положение рабочей части (рис. 7, I). Высказанное ранее предположение о сравнительно позднем появлении рал типа 3 в их разновидности с изогнутым ральником, а также типа 4 позволяет ограничить возможное применение «археологических» наконечников типа IВ2 только однорукояточными прямогрядильными ралами. Значительное сходство имеется между наконечниками типа IБ1 и «этнографическими» наральниками, которыми оснащались рала типов 1 и 3, имевшие слабо наклонное положение ральника (рис. 7, II).

Этнографические данные с соседних территорий, а также некоторые иконографические материалы и подлинные находки древних пахотных орудий позволяют достаточно уверенно связывать втульчатые наконечники группы II и черешковые наконечники [17, с. 103, 104, рис. 1, *5*] с

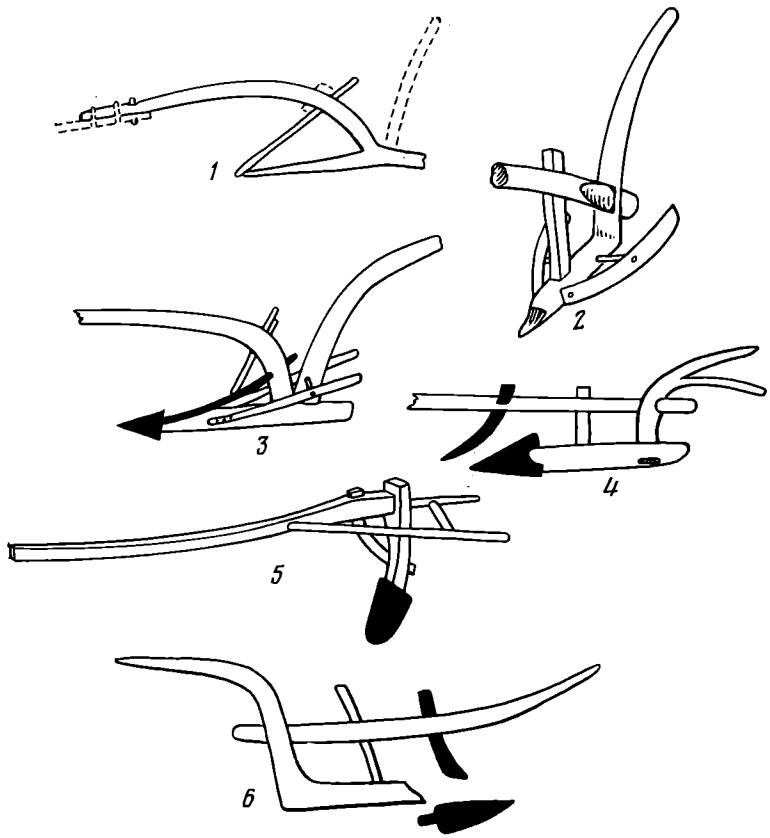


Рис. 8. Некоторые параллели древним и средневековым ралам Восточной Европы. *1* — Даберготцкое рало (по М. Брауновой); *2*, *3* — рала из Болгарии (по Ж. Выжаровой); *4* — изображение рала из рукописи Chronicon Zweifaltense Minor (Германия, ок. 1162 г.; по П. Брандту); *5* — северочешское рало XVII—XVIII в. (по И. Мелеру); *6* — изображение рала на стене церкви в Оксендрупе (Дания, XV в.; по А. Стинсбергу)

кривогрядильными грядильными ралами, имевшими дополнительный ральник, поставленный под большим или меньшим углом к почве (рис. 8, *3*). При этом втульчатые наконечники устанавливались, как правило, под большим углом (рис, 8, *1*), черешковые — под меньшим [9; 33]. Наконечники типа IБ2 по форме, размерам, пропорциям и деталям устройства находят весьма полные аналогии среди наральников кривогрядильных полозных рал из различных районов Европы [69, с. 38—40].

В литературе уже приводились данные в пользу предположения, что средневековые плуги восточных славян и волжских болгар, а также населения Верхнего Прикамья сложились на базе однорукояточных прямогрядильных рал с полозом, причем ранние лемехи их имеют весьма вероятное генетическое сходство соответственно с наральниками типов IВ2, IВ3 и IВ4 [70, с. 69, 70]. Отсюда можно сделать заключение, что наральниками типов IВ3 и IВ4, как и типа IВ2, оснащались именно такие рала, сходные по конструкции с ралами типа 1 из этнографических материалов, имеющими горизонтальный полоз. Особенности указанных наральников, позволяющие выделить их в особые типы, следует, по-видимому, объяснять различными традициями изготовления наральников в разных районах Восточной Европы, а также некоторыми особенностями устройства полоза. Так, прямизна продольного сечения лопасти наральников типов IВ3 и IВ4 может быть объяснена тем, что соответствующие им рала имели высокий клиновидный полоз. Большие размеры наральников типа IВ3 могут свидетельствовать о больших размерах полоза рал, которые ими оснащались, а короткая их втулка — о строго горизонтальном положении полоза.

Наральники типа IВ1 близки по своим пропорциям с наконечниками типа IБ1 (ср. рис. 3, *1* и рис. 5, *1*), что позволяет, с одной стороны,

говорить об одинаковых традициях их изготовления, а с другой — о возможности того, что ими оснащались близкие по устройству орудия. Возможно, что наконечники типа IB1 применялись также у однорукояточных прямогрядильных рал с положением полоза, близким к горизонтальному. Однако нет оснований отрицать, что ими могли снабжаться и другие разновидности рал, прежде всего — рала с четырехэлементной конструкцией.

Наральники типа IA4 весьма близки к наральникам типа IA3, но отличаются большей массивностью, большими абсолютными размерами и длиной втулки [17, с. 111, 112, рис. 8]. По-видимому, ими оснащались довольно крупные рала с наклонно поставленной рабочей частью, близкие по конструкции с типом 3 из этнографических материалов. Судя по длине втулки, массивности и форме рабочего заострения, такие рала работали на тяжелых, засоренных почвах. Их распространение в северных лесных районах делает вероятным предположение, что наральники типа IA4 предназначались для однозубой черкуши, которая, по словам Д. Зеленина, была тождественна ралам типа 3 по нашей классификации не только по назначению, но и по устройству [1, с. 25, 26, 148; 2, с. 87].

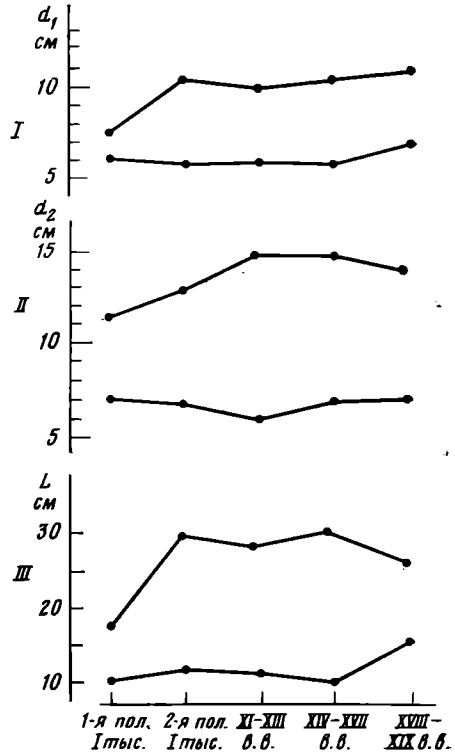


Рис. 9. Графы хронологических изменений минимальных и максимальных размеров восточноевропейских наральников. I — средняя ширина втулки (d_1); II — наибольшая ширина лопасти (d_2); III — общая длина наконечника (L)

Наральники типа IA2 [17, с. 111, рис. 8] также предназначались для работы в наклонном положении на тяжелых почвах, что подтверждается и их ареалом. В этнографическом материале Восточной Европы таких наральников нет. Более или менее близкие параллели можно найти в западнославянских землях, где такими наральниками еще в XVIII—XIX вв. оснащались крупные рала с почти вертикально поставленной рабочей частью и высоким, на уровне рук пахаря, расположением точки соединения грядиля с ральником [71, с. 124; 72, рис. 1, 2; 73, рис. 17—19]. Глядиль у таких орудий был прямым, вставлялся в верхний конец массивного ральника, а сами орудия имели две приставные почти горизонтальные рукоятки (рис. 8, *5*).

Наконечники типа IA1, наиболее ранние из узколопастных [17, с. 109, 110, рис. 8], весьма маловыразительны. Связать их с конкретными типами рал крайне затруднительно. Нельзя не отметить, во-первых, большую близость их к наральникам белорусских «сошек», во-вторых, по пропорциям, к наконечникам типа IБ1 из археологических материалов.

Исследование основных измерений «археологических» и «этнографических» наральников дает определенные сведения о размерах самих рал, для которых эти наконечники предназначались (рис. 9). Представляется, что рала первой половины I тысячелетия были несколько меньше «этнографических». Во второй половине I тысячелетия сложились более или менее стандартные их размеры, которые сопоставимы с размерами наральников из этнографических материалов. Некоторое уменьшение в XVIII—XIX вв. верхних пределов общей длины наральников, ширины их втулки и лопасти могут быть объяснены изменением функционального назначения рал, превращением их во вспомогательные орудия. Однако измерения подлинных находок кривогрядильных рал не дают такой ясной картины. Длина полоза полесского рала составляет 62 см,

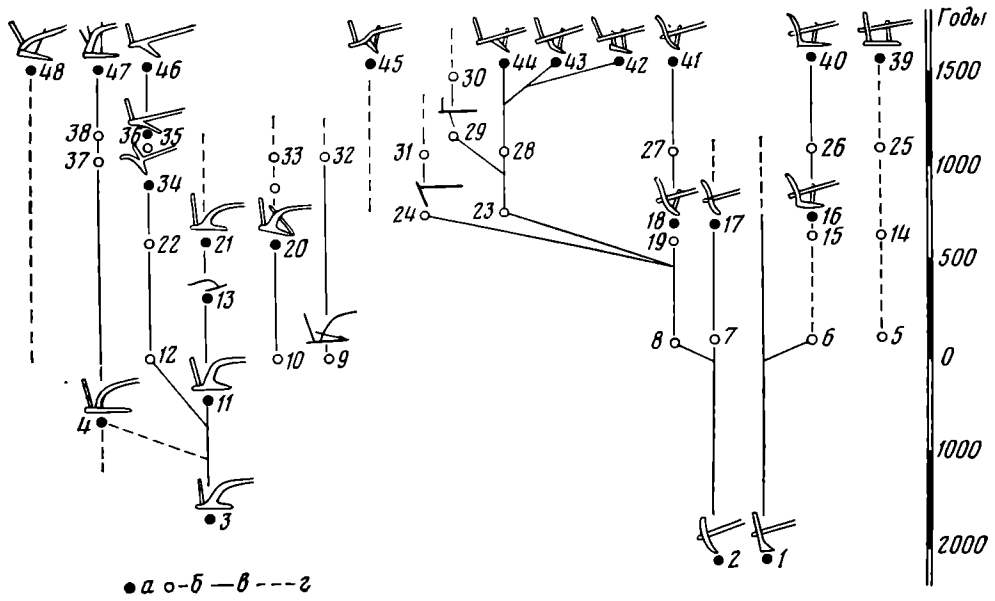


Рис. 10. Хронологические изменения рал в Восточной Европе. *а* — археологические находки рал, древние их изображения и рала по этнографическим материалам; *б* — наральники различных типов; *в* — достоверные линии развития; *г* — вероятные линии развития. Археологические находки рал и их изображения: *1* — Симферопольская стела; *2* — курган Высокая могила; *3* — торфяник у с. Полесье; *4* — Боспорские монеты; *11* — торфяник у с. Сергеевск; *16—18* — Плиска; *20* — Токаревское рало; *21* — Капланович ское рало; *34* — Зноймо; *36* — Брест. Рала по этнографическим данным: *39* — тип 2; *40*, *41* — тип 1; *42* — тип 4; *43*, *44* — тип 3; *45* — тип 7; *46* — тип 8; *47* — тип 5; *48* — тип 6. Наральники: *5*, *6* (?), *14*, *25* — тип IВ1; *15*, *26* — типы IВ2, IВ3, IВ4; *7* (?), *12*, *22*, *35* — тип IА1; *8*, *19*, *27* — тип IБ1; *9*, *32* — черешковые группы II; *10*, *33* — втульчатые группы II; *37*, *38* — тип IБ2; *23*, *28* — тип IА3; *24*, *31* — тип IА2; *29*, *30* — тип IА4

сергеевского — 53,5 см, более поздних капланович ского и токаревского — соответственно 54 и 65 см. Возможно, этот тип пахотных орудий, сложившийся еще в эпоху бронзы, не претерпел в дальнейшем существенных изменений не только в форме и деталях устройства, но и в своих размерах.

Этнографические материалы соседних территорий и данные средневековой иконографии позволяют предполагать, что чересламн оснащались прежде всего однорукояточные прямогрядильные рала с полозом и стойкой (рис. 8, *6*) и рала с четырехэлементной конструкцией (рис. 8, *4*). У этих же типов орудий могли применяться двусторонние отвальные приспособления (рис. 1, *4*; 8, *2*, *3*), которые впоследствии развились в односторонний плужный отвал.

Приведенные данные, несмотря на их отрывочность, а подчас и невозможность однозначной интерпретации, позволяют все же, хотя и схематически, наметить основные черты хронологических изменений рал в Восточной Европе (рис. 10). Для эпохи бронзы, к концу которой пашенное земледелие было известно, вероятно, на значительной части юга и юго-запада рассматриваемой территории [74, с. 42, 43, рис. 21], зафиксированы два типа рал: 1) однорукояточные прямогрядильные без стойки в двух разновидностях: с коротким зачаточным полозом (симферопольская стела; рис. 10, *1*) и бесполозные (Высокая Могила; рис. 10, *2*), 2) грядильные кривогрядильные (Полесье; рис. 10, *3*). Оба этих типа сложились вне пределов Восточной Европы и появились здесь в результате различных культурных влияний [12, с. 20—23].

Не позднее конца I тысячелетия до н. э. в Северном Причерноморье можно предполагать появление полозных кривогрядильных рал (рис. 10, *4*). Возможно, они были принесены сюда греческими колонистами, так как именно этот тип пахотных орудий был характерен для Древней Греции [11, с. 118—122, 124, 125]. Впрочем, кривогрядильные рала семейств

полозных и грядильных со времени их появления во многих районах употреблялись параллельно [11, с. 178, 179]. Наличие в XI—XIII вв. далеко на севере наральников типа IБ2, которые мы связываем с кривогрядильными полозными ралами, а также доживание таких рал в деградированной форме до недавнего времени (рис. 10, *47*) может свидетельствовать и о вполне самостоятельной трансформации грядильных кривогрядильных рал в полозные на территории востока Европы.

Грядильные кривогрядильные рала практически без изменений продолжают бытовать на рассматриваемой территории по крайней мере до раннего средневековья (рис. 10, *11*, *13*, *21*). Столь же долго могли употребляться и ранние разновидности однорукояточных прямогрядильных рал. Во всяком случае такое орудие мы видим на одном изображении из Плиски (рис. 10, *17*). Аналогичные рала известны и в средневековой западноевропейской иконографии.

Значительные изменения бытовавших ранее рал и появление новых их типов следует предполагать в первой половине I тысячелетия н. э. На юге и юго-западе рассматриваемой территории некоторые рала снабжаются уже железными наконечниками, типы которых находят полные аналогии в Центральной и Южной Европе, откуда они и были, вероятно, заимствованы. Анализ наральников показывает, что однорукояточные прямогрядильные рала не позднее этого времени получают стойку между грядилем и ральником (рис. 10, *6*, *8*), укреплявшую конструкцию орудия и позволявшую в определенных пределах регулировать глубину вспашки. Часть таких рал имеет уже развитый полоз. Ясное представление о конструкции таких орудий дают более поздние изображения из Плиски (рис. 10, *16*, *18*). Рала такой конструкции доживают до XVIII—XIX вв. (рис. 10, *40*, *41*). По-видимому, в этот период из грядильных кривогрядильных рал выделяется новый тип — грядильные прямогрядильные (рис. 10, *12*), известный по более поздним изображениям из Чехии (рис. 10, *34*) и находке в Бресте (рис. 10, *36*), а также по данным этнографии (рис. 10, *46*). Появление в этот период втульчатых и черешковых наконечников группы II (рис. 10, *9*, *10*) свидетельствует о наличии разновидностей кривогрядильных рал с дополнительным ральником, одна из форм которых представлена токаревским ралом (рис. 10, *20*). Кривогрядильные рала с дополнительным ральником, проникшие в Восточную Европу, по-видимому, извне [11, с. 131, 132, 13], употреблялись здесь сравнительно недолго. Никаких свидетельств их применения после XI—XIII вв. нет. Если правильно высказанное выше предположение о связи наральников типа IВ1 с ралами, имевшими четырехэлементную конструкцию, то и этот тип рал появляется в Восточной Европе в первой половине I тысячелетия (рис. 4, *9*), спорадически встречаясь и в более позднее время (рис. 10, *5*, *14*, *25*). Уже отмечалось, что рала с четырехэлементной конструкцией характерны прежде всего для Центральной Европы, где их появление может быть отнесено к последним векам до нашей эры. Это обстоятельство позволяет предположить, что и указанный тип рал был заимствован с запада.

Во второй половине I тысячелетия в Восточной Европе применились все типы рал, известные в более ранний период. Нужно отметить более широкое распространение железных наральников, которые встречаются уже во всех районах с пашенным земледелием. Увеличиваются размеры самих рал и их железных наконечников. Складываются новые типы наральников (IА2, IА3, IВ2, IВ3). Однорукояточные рала с полозом и рала с четырехэлементной конструкцией, как и в предшествующее время, нередко снабжались череслами. На некоторых ралах этих типов можно предполагать установку двухсторонних симметричных отвальных приспособлений. Вероятно, в этот период на базе однорукояточных прямогрядильных рал складываются рала с наклонно поставленным ральником, вставлявшимся снизу в грядиль (рис. 10, *23*), широко известные по этнографическим данным (рис. 10, *44*), и рала с высоким соединением грядиля и ральника (рис. 10, *24*). Не позднее IX в. в лесных

районах Восточной Европы появляется соха, которую в генетическом плане следует связывать с этими последними [75]. В последующий период соха в лесной полосе довольно быстрыми темпами вытесняет рало.

В XI—XIII вв. наиболее широко были распространены однорукояточные прямогрядильные рала (рис. 10, *26*, *27*), орудия с прямым ральником, вставлявшимся в грядиль снизу (рис. 10, *28*), и грядильные прямогрядильные (рис. 10, *34—36*). Другие типы употреблялись значительно реже. В северных лесных районах появляются рала, близкие к однозубой черкуше (рис. 10, *29*). В этот период на базе однорукояточных прямогрядильных рал у восточных славян и волжских болгар складывается плуг [70]. Рало постепенно утрачивает свое былое значение, превращается во вспомогательное орудие. Новые разновидности однозубых рал, появившиеся, вероятно, позднее рассматриваемого периода (рис. 10, *42*, *43*), а также многозубые рала оказываются уже не приспособленными для первичной обработки почвы. Вытесняемые плугом и сохой, рала значительно сокращают свой ареал.

Следует сказать несколько слов о возможном происхождении рал, отнесенных к типу 6 (рис. 10, *48*). Археологических находок рал такой конструкции, а также их древних изображений нет. Связать с ними какие-либо типы наральников не представляется возможным. Этнографические данные позволяют связать их через ряд переходных типов со своеобразным типом однорукояточных кривогрядильных рал, бытовавших на севере Европы с конца эпохи бронзы [11, с. 89—105]. В пользу этого предположения могут свидетельствовать и некоторые данные лингвистики: в прибалтийско-финских языках многие термины, связанные с пашенным земледелием, заимствованы из германских языков [76, с. 19]. Датировка этих заимствований временем около рубежа нашей эры с определенной вероятностью позволяет относить к этому времени и появление в северо-восточной Прибалтике рал рассматриваемого типа.

Развитие рал происходило в тесной взаимосвязи с историческим развитием технологии и систем земледелия в различных физико-географических районах и у различных этнических общностей Восточной Европы. Это, однако, особая и сложная тема, разработка которой требует привлечения значительно более широкого круга источников. В данной статье касаться ее мы не можем. Отметим лишь три важных момента. Наиболее существенные изменения пахотных орудий происходят на протяжении I тысячелетия н. э., что свидетельствует о больших и важных изменениях в сельском хозяйстве в этот период сначала в степной и лесостепной зонах, позднее — в лесных районах. Для районов степи и лесостепи, а также запада Восточной Европы, где земледелие имело большую древность и окультуривание земель началось очень рано, наиболее характерны рала с рабочей частью, поставленной в положение, близкое к горизонтальному, для лесных районов — с наклонно поставленным ральником. Наибольшее разнообразие типов и форм рал встречается у славянского населения Восточной Европы, что может свидетельствовать, с одной стороны, о высоком развитии у них земледельческого хозяйства, а с другой — о сложных путях формирования и широких культурных связях славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зеленин Д.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907.
2. *Мамонов В. С.* Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре.— СЭ, 1952, № 4.
3. *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
4. *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе.— СА, 1961, № 1.
5. *Шрамко Б. А.* Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника.— СА, 1964, № 4.
6. *Кочин Г. А.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.— Л.: Наука, 1965.
7. *Краснов Ю. А.* К проблеме эволюции рала.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
8. *Краснов Ю. А.* Рала симферопольской стелы.— СА, 1971, № 2.

9. *Краснов Ю. А.* Об одном типе пахотных орудий эпохи Киевской Руси.— КСИА АН СССР, 1976, № 146.
10. *Шрамко Б. А.* Про час появи орного землеробства на Південи Східної Європи.— Археологія, 1972, № 7.
11. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975.
12. *Краснов Ю. А.* Об истоках пашенного земледелия в Восточной Европе.— СА, 1980, № 3.
13. *Довженок В. Й.* Землеробство древньої Руси. Київ: Видавніцтво АН УРСР, 1961.
14. *Чернецов А. В.* К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий.— СЭ, 1975, № 3.
15. *Чернецов А. В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий.— СА, 1972, № 3.
16. *Чернецов А. В.* Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий.— КСИА АН СССР, 1976, № 146.
17. *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 1978, № 4.
18. *Leser P.* Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Münster, 1931.
19. *Горленко А. Ф., Бойко І. Д., Куницький О. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ: Наукова думка, 1971.
20. *Демченко Н.* Земледельческие орудия молдаван XVIII—XIX вв. Кишинев: Молдгосиздат, 1967.
21. *Гюльденштедт А.* Описание некоторых в Малой России употребляемых плугов.— Технол. ж., 1804, т. I, ч. 2.
22. *Moszynski K.* Kultura ludova slovian. Krakow, 1929, t. I.
23. *Falkowsky J.* Narzedzia rolnicze tipu rilkovego. Lwow, 1931.
24. *Феоктистова Л. Х.* Старинные эстонские почвообрабатывающие орудия.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. I.
25. *Парфенов П.* Письма о сельском хозяйстве в юго-западной России.— Русский вестник, 1873, ч. VIII.
26. *Сержпутовский А. К.* Земледельческие орудия белорусского Полесья.— МЭР, СПб., 1911, т. I.
27. *Новиков Ю. Ф.* Механика почвообрабатывающих орудий, экологические условия и этническая специфика.— VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
28. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э.— СА, 1973, № 3.
29. *Шрамко Б. А.* Найдавнишні орні знаряддя на території України.— В кн.: Питання історії народів СРСР. Харьків, 1969, вип. 6.
30. *Поболь Л. Д.* Деревянное рало из торфяника у д. Капланович.— Acta Baltiko-slavica. Bjalostok, 1967, t. V.
31. *Дубынин А. Ф.* Об орнаменте грузиков Троицкого городища.— СА, 1966, № 1.
32. *Массон В. М., Кругликова И. Т., Кирьянов А. В.* Возникновение и развитие земледелия. М.: Наука, 1966.
33. *Краснов Ю. А.* Рало из Токаревского торфяника.— КСИА АН СССР, 1981, № 164.
34. *Benutzen U.* Der Hacken von Dabergetz.— Tools and Tillage, 1968, т. I, вып. 1.
35. *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1979.
36. *Stančev St.* Un monument de l'agriculture slave a Pliska.— Slavia antiqua, 1954, № 4.
37. *Našin J.* Romanska nastenna malba v Čechach a na Morave. Praha, 1954.
38. *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
39. *Wiershausen D.* Tellae ferrae.— Mannus, 1952, B. 34, № 1—2.
40. *Беранова М. К.* К проблематике латенских традиций, провинциально-римских и германских влияний на древнеславянское земледелие.— Vsnik a počatky slavanu. Praha, 1960, т. III.
41. *Выжарова Ж. Н.* О происхождении болгарских пахотных орудий. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
42. *Бідзіля В. І.* Поселення Галіш-Ловачка (за материалами розкопок Т. Легацького).— Археологія, 1969, т. XVII.
43. *Пачкова С. П.* Господарство східно-словъянських племен на рубежі н. е. Київ: Наукова думка, 1974.
44. *Федоров Г. Б.* Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славянорусской археологии.— КСИИМК, 1954, № 56.
45. *Рикман Э. А.* Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа.— КСИИМК, 1956, № 77.
46. *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры в с. Кринички.— МИА, 1960, № 82.
47. *Степанов П. Д.* Ош-Пандо. Саранск: Мордовское книжное изд., 1967.
48. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.— Тр. КФАН, 1954, вып. 1.
49. *Кирьянов А. В.* К вопросу о раннеболгарском земледелии.— МИА, 1958, № 61.
50. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура.— ВАУ, 1963, вып. 5.
51. *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоухова.— МАР, 1902, № 26.
52. *Якобсон М. Л.* Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 7.

53. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
54. *Махно Е. В.* Поселення культури полів поховань на північно-західном Правобережжи.— АП, Київ, 1949, т. I.
55. *Брайчевський Ю. М.* Біля джерел словъянськой державности. Київ: Видавніцтво АН УРСР, 1964.
56. *Алихова А. Е.* Моисеевское городище эпохи Киевской Руси.— КСИА АН СССР, 1962, № 87.
57. *Гуревич Ф. Д.* К истории древних пруссов в I тысячелетии н. э.— КСИИМК, 1958, № 70.
58. *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, № 72.
59. *Никольская Т. Н.* Шуклинское городище.— КСИИМК, 1958, № 72.
60. *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель.— КСИИМК, 1956, № 68.
61. *Ляпушкин И. И.* Памятники культуры полей погребений 1-й половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Правобережья.— СА, 1950, т. XIII.
62. *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 1959, № 74.
63. *Изюмов С. А.* Раскопки городища у с. Супруты.— АО — 1969. М., 1970.
64. *Хавлюк П. И.* Материалы из городищ уличей на Южном Буге.— АО — 1971. М., 1972.
65. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
66. *Оборин В. А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков.— СЭ, 1956, № 2.
67. *Краснов Ю. А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры.— КСИА АН СССР, 1971, № 128.
68. *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.— МИА, 1959, № 65.
69. *Haudricourt A. G., Delamarre M. J.-B.* L'homme et la charrue a travers le monde. Paris, 1955.
70. *Краснов Ю. А.* Средневековые плуги Восточной Европы.— СА, 1979, № 4.
71. *Mehler J.* Sammlung der böhmischen Ackergeräte. Praha, 1784.
72. *Podalak J.* Prišpevok k studiu oracich nastrojov na slovensku.— Slovenska narodopis. Bratislava, 1956, № 1.
73. *Urbanzova W.* K wyvoju slovenskeho ornego naradia na zaklade musealnich zbirok.— Slovenska narodopis, Bratislava, 1960, № 1.
74. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971.
75. *Чернецов А. В.* К вопросу о происхождении восточноевропейского плуга и русской сохи.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1972, № 2.
76. *Аристэ П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, Эстгосиздат, 1956, т. 1.

Yu. A. Krasnov

ANCIENT AND MEDIAEVAL ARDS OF EASTERN EUROPE

Summary

The ard was the only land-tilling tool in Eastern Europe for more than three thousand years. The main changes in its construction have been traced through investigation and comparison of ethnographic material, archaeological finds, ancient drawings and iron shares that could have been used in ards (Fig. 10). Most ard types found in Eastern Europe from the end of the 3rd-early 2nd millennia B. C. up to the early centuries of the 2nd millennium A. D. evolved from two earliest types which had appeared in the region in the end of the 3rd-2nd millennia B. C. under eastern and western influences. Some types penetrated into this region somewhat later from Central Europe. Their further development in Eastern Europe was closely interconnected with the development of technology and systems of land-tilling in different geographical conditions and among different ethnic communities, the main changes being dated to the first half of the 1st millennium A. D. and then to the second half of the same millennium. A number of ard types inherited from the end of the 1st millennium A. D. has survived up to the recent past. At the end of the 1st millennium A. D. the *sokha* appeared on the basis of certain ard types and in the 11th-13th centuries — the plough, the ard being used as an auxiliary implement and on smaller territories than before.

ЧИЖОВА Л. В.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ

(по сюжетам культового литья)

В археологическом материале Прикамья известна оригинальная категория памятников, которую исследователи пока не связали с определенным обрядом и не нашли ей места в общей системе археологических находок. Речь идет о бронзовых пластинах арочной формы, на которых техникой плоского литья нанесены разнообразные сюжеты. При всем своеобразии сюжеты строятся из ограниченного набора образов, а композиция изображений строго распределена в трех зонах, для каждой из которых характерен только свой образ.

Интерпретация сюжетов бронзовых пластин на основе этнографических данных того района, где они бытовали, оказалась затруднительной. Ранняя христианизация Прикамья уничтожила память о назначении и содержании самих пластин, а находки их в кладах и случайных сборах не дают возможности проследить, с каким обрядом такие пластины были связаны. Немногочисленные находки на жертвенных местах дают лишь основание отнести бронзовое литье к категории культовых вещей и искать разгадку сюжетов и образов в области духовных ценностей древних народов.

Бронзовые пластины Прикамья — интереснейший факт художественного творчества древнего населения, и, обращаясь к нему, мы соприкасаемся с истоками художественного осмысления мира того времени, когда, по замечанию К. Маркса, оно было вплетено в практическую деятельность людей и формировалось на широком фронте ее разнообразных проявлений [1, с. 24]. Древний художник — мастер представлял структуру окружающей жизни как единое целое, пронизанное одним принципом подхода ко всем явлениям окружающего мира и социальной среды. Характер этого представления достаточно сложно был взаимосвязан с мировоззрением, и в соответствии именно с ним художник располагал элементы рисунка в определенные композиции [2, с. 42]. Образы, которыми оперирует мастер в своем творчестве, формируются на основе представлений о мире той эпохи, в которой он живет, а содержанием изображений, как правило, выступает мир действительности, переведенный на язык сознания [3, с. 131]. Очевидно, и в сюжетах культовых пластин Прикамья мы знакомимся со своеобразным миром древности, переданным нам художественным языком символов и образов. В сюжетах бронзовых пластин используется определенный набор образов, каждый из которых имеет свое место в общем композиционном решении.

Построение сюжета трехъярусное, причем ярусы расположены по вертикали. Такое решение композиции связано, очевидно, с представлением о картине мира, лежащем в основе мировоззрения древнего населения Прикамья. Верхний ярус изображения отдан образу лося, причем две головы животного образуют свод-арку над всей сюжетной композицией. Б. А. Рыбаков отметил, что именно эта композиция не нашла отражения в исследованиях, посвященных так или иначе культовому литью Прикамья, а именно она, по мнению автора, является архаической картиной мира [4, с. 12]. Привлекая этнографический материал славянского и сибирского регионов, Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что в архаических представлениях картина мира реконструируется в

Рис. 1. Сюжеты сложных композиций культового литья Прикамья: *1*, *2* — Омелино; *3* — Байбары; *4* — Амбор; *5* — Вилесово; *6*, *8*, *9* — Редикор; *7* — Грудята

образах двух женщин-лосих, которые являются хозяйками мира, матерями зверей и людей. Именно образ лося связан с олицетворением верхнего мира — неба, и потому головы лосих расположены в верхней зоне композиций прикамских бронзовых пластин (рис. 1, *1—4*).

Нижний ярус — основание всей композиции — связан с образом ящера, олицетворяющего в общей системе представлений о мироздании нижний, подземный мир. На эту особенность образа ящера указывал еще Ф. А. Теплоухов [5, с. 70]. Противопоставление нижнего и верхнего миров в сюжетах бронзовых пластин должно было, очевидно, объяснить смену дня и ночи, обозначать время действия сюжета. Образы нижнего яруса пластин могут повторять или стилистически интерпретировать реальные прототипы: крот, ондатра, бобер, а в изображении — ориента-

Рис. 2. *1—4* — Пешково, *5* — Амбор, *6* — Кишерть

ция положения фигуры ящера обычно мордой на запад. Таким образом, по мнению Б. А. Рыбакова, обозначается время действия сюжета — день. Употребление фантастических образов в сюжетах связано с необходимостью затронуть тему ночи [4, с. 26]. Головы ящера в этом случае завершают туловище в противоположных направлениях либо исходят от одной шеи, образуя между собой прямой угол (рис. 2, *6*; рис. 3, *2*). Композиционное решение верхнего и нижнего яруса традиционно — арочный свод вверху и прямое основание внизу.

Основное внимание в сюжетах уделено среднему ярусу. Он представлен образами человека и человекоподобных существ. Образ человека в культовых пластинах достаточно реалистичен, в изображении подчеркивался пол, прическа, овал лица, поза, костюм (рис. 1, *1*; 3, *7*).

Образ человекоподобного существа выполнялся в двух аспектах:

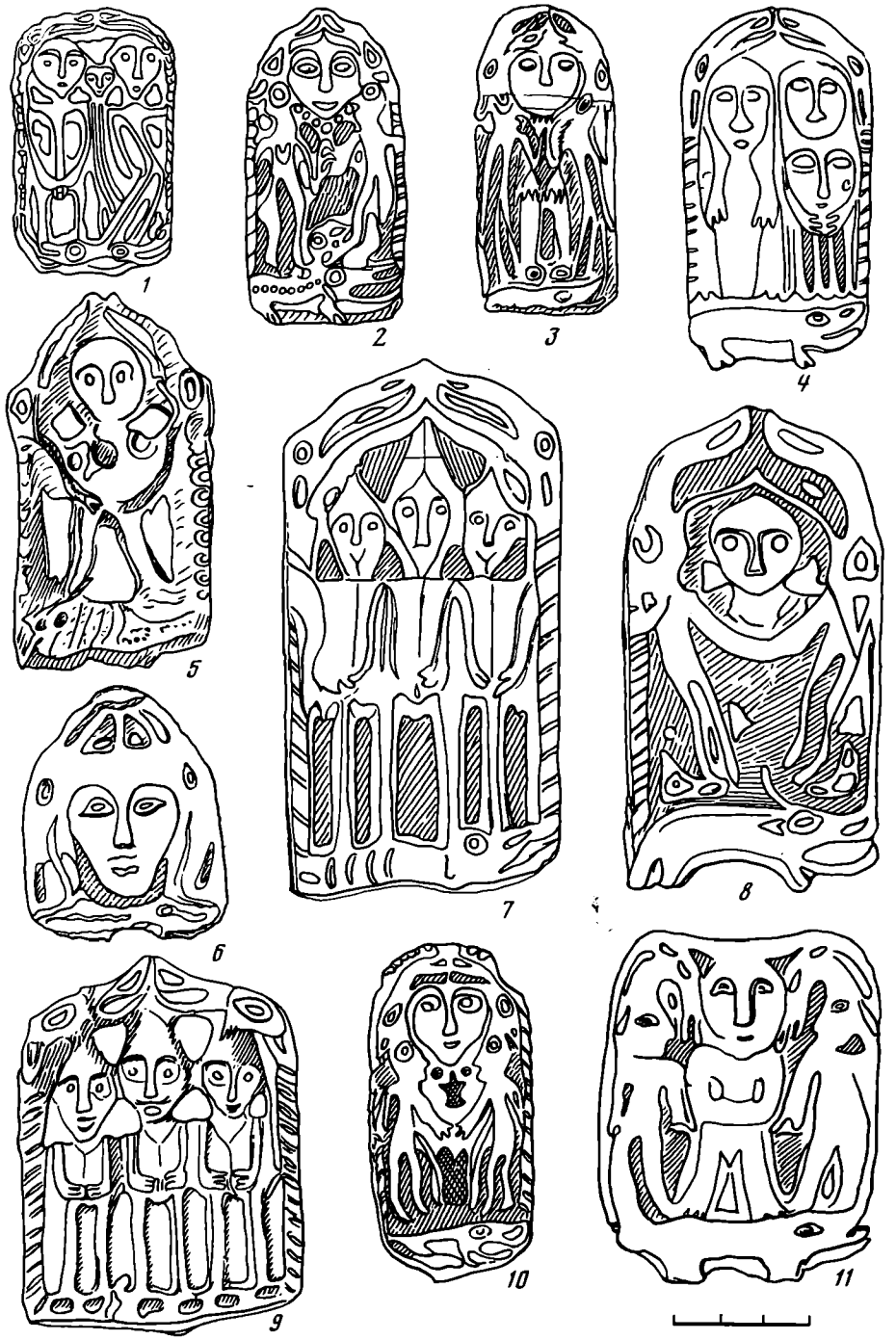


Рис. 3. *1*, *7* — Подбобыка; *3* — Вакино; *2*, *4*, *9*. *10* — Кишерть; *5* — Редикор; *6*. *11* — Гарамиха; *8* — Левино

1 — человек-лось — фигура человека с головой лося; иногда, как разновидность этого образа, руки заменялись крыльями (рис. 1, *6*, *7*); 2 — сулде — фигура человека в головном уборе в виде головы лося, с длинным носом, копытцами вместо ног, иногда с крылом вместо одной руки (рис. 2, *1—6*). В работах, посвященных так или иначе интерпретации содержания сюжетных пластин, эти два образа рассматриваются как разновидности одного изображения, одного понятия. Ввел термин «сулде» А. А. Спицын, считая его изображением помощников гения добра в образе человека [6, с. 169—172], А. Ф. Теплоухов образ человекоподобных существ связывал с образами самого божества [5, с. 73]. В. А. Городцов в образе человека видел божества, связанные с идеями отцовства как хозяина и материнства как прародительницы, а сулде считал их слугами

[7, с. 121]. А. В. Шмидт и А. П. Смирнов образ сулде связывали с образами шамана, а пластины с его изображением считали сюжетами камлания [8; 9, с. 274]. Этого же мнения по отношению к сюжетным композициям, связанным с образом сулде, придерживается и Б. А. Рыбаков. Он отмечает, что изображение сулде не встречается в композициях с реальными людьми, так как шаман живет в другом измерении [4, с. 18]. Интересная попытка связать образ человекоподобного существа с образом Мяндаша, человека-оленя, из саамской легенды была сделана В. В. Чарнолуским. Мяндаш — человек, способный превращаться в оленя, и потому у него три пальца на руке, три волоса на голове, три пера в крыльях и одна рука может быть заменена крылом. Частое повторение священного числа три отмечает Мяндаша метой необычности, но он не шаман и не божество, а человек-труженик, занимающийся охотничьим делом [10, с. 105—117].

Последующие обращения к образу человекоподобных существ, как правило, приводили к тому, что исследователи, присоединялись либо к той, либо к иной точке зрения; объединяли образ человека-лося и сулде, а иногда и человека и наполняли его одним содержанием [11—14]. Однако сюжеты средней зоны трехъярусных композиций культовых пластин Прикамья представляют именно три различных образа, и не столько отличных друг от друга по формальным, иконографическим признакам, сколько, очевидно, по смысловой и функциональной нагрузке, которую этот образ несет, в содержании изображения. Передается оно одиночной фигурой человека, человека-лося и сулде (рис. 1, *2*, *6*; 2, *3*; 3, *3*) или сюжетами, объединяющими эти образы в единую композицию (рис. 1, *5*, *7*, *9*; 3, *2*, *3*, *8*, *10*). Дополнительным элементом в подобных композициях могут быть головы животных, чаще всего лося или медведя. В таких сюжетах ведущим всегда выступает образ человека, а человекоподобные существа предстоят перед центральной фигурой человека. Вот эта особенность культовых пластин — определенная иконографическая завершенность образов и сюжетов — пока не привлекла внимания исследователей, в то время как именно в композициях среднего яруса прослеживается определенная логика построения сюжета и соподчиненность образов в общем идейном содержании изображений.

Коллекция сюжетных изображений Прикамья насчитывает более 150 экз., которые найдены в 35 различных пунктах верховьев Камы (рис. 4). Все поделки индивидуальны, дважды литейная форма использовалась крайне редко. По содержанию все бронзовые пластины делятся на пять больших групп: 1) изображения человека-лося (рис. 1, *6*); 2) изображение сулде (рис. 2, *3*); 3) изображение человека (рис. 1, *2*; рис. 3, *5*); 4) изображение человека с предстоящими по бокам фигурами человека-лося (рис. 1, *5*, *9*); 5) изображение человека с предстоящими по бокам фигурами сулде (рис. 3, *11*, *2*). Внутри этих групп центральный образ может передаваться личиной, фигурой, двумя или тремя фигурами, а также многофигурными композициями.

Разнообразие сюжетов бронзовых пластин не выходит за рамки содержания выделенных пяти групп (см. табл. 1), и время их функционирования укладывается в рамки только V—X вв., т. е. второго этапа ломоватовской и первого этапа родановской культуры Прикамья.

Интересно отметить, что композиционное развитие главного образа средней зоны получили лишь две группы — изображение сулде (рис. 2, *1—6*) и изображение человека (рис. 1, *2—4*, *8*; 3, *1*, *4*, *5*). В остальных же группах однофигурные композиции являются традиционными. Другая особенность сюжетов заключается в том, что образ человека, независимо от того, в каком сюжете он выступает, может быть ограничен лишь изображением личины (рис. 1, *5*; 3, *2*, *6*, *8*), в то время как образ человека-лося и сулде передается только фигурой в композициях культовых бронзовых пластин (см. табл. 1).

Проблеме происхождения пластин и семантики их изображений в свое время уделяли внимание А. А. Спицын, Ф. А. Теплоухов, В. А. Городцов, А. В. Шмидт, считая их атрибутами шаманского культа. М. Г. Ху-

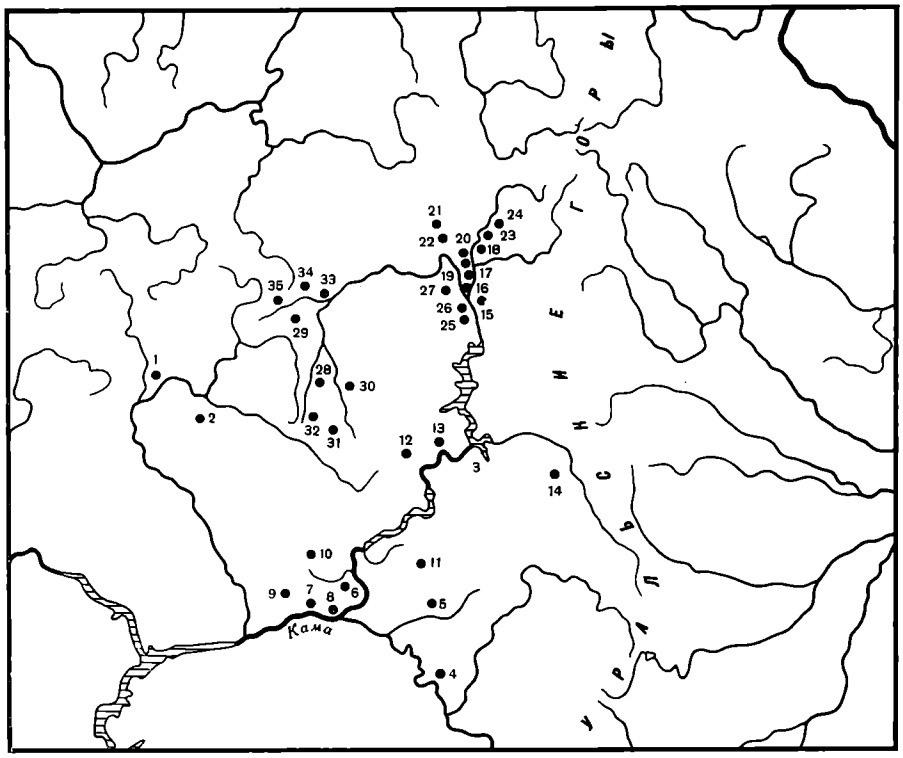


Рис. 4. Карта находок сюжетных композиций культового литья Прикамья
Пункты находок: *1* — Ныргында, *2* — Екатериновка, *3* — Пермская обл., *4* — Усть-Кишерть, *5* — Марково, *6* — Опутята, *7* — Гагамиха, *8* — Грудята, *9* — Семесно, *10* — Онинское, *11* — Тренино, *12* — Вакино, *13* — Пешково, *14* — Чанова, *15* — Левино, *16* — Редикор, *17* — Аниково, *18* — Байбары, *19* — Чердынь, *20* — Сурсяки, *21* — Омелино, *22* — Салтаново, *23* — Подбобыка, *24* — Андюга, *25* — Мелихино, *26* — Вимсово, *27* — Амбор, *28* — Чазево, *29* — Шипицино, *30* — Коса, *31* — Коса, *32* — Москали, *33* — Федорово, *34* — Гайны, *35* — Плесо

дяков связывал появление пластин с переходом к земледелию, а в сюжетах видел отражение космогонических представлений, свойственных эпохе распада родовых отношений [15, с. 76—78]. Трехъярусность композиций автор объяснял представлением древних о многоярусном устройстве Вселенной, а многофигурность — системой счета, характерной для древности. В охотничьем хозяйстве, по мнению М. Г. Худякова, счет дням соответствовал количеству пальцев на руке. При переходе к земледелию происходит смена счета на семидневную неделю. Именно поэтому в сюжетах пластин встречаются пяти- и семикратное повторение одного и того же образа [15, с. 83—85, 91—93]. Специальному анализу подверг сюжеты бронзовых пластин А. С. Сидоров. Рассматривая содержание изображений, автор пришел к выводу, что они отразали верования, связанные с эпохой разложения матриархата и становления патриархата в Приуралье. Сюжетная линия бронзовых пластин отразила, по мнению автора, упадок общественного положения женщины и становление роли мужчины в хозяйственной жизни общества. Именно поэтому изображение мужчины сопровождается изображением женских фигур. Женщина выступает в этом случае в роли предка. Но в это же время сохранялась память и о предке-животном, и в композициях изображение мужчины сопровождается признаками животного [11, с. 13—23]. Сами же пластины, по мнению А. С. Сидорова, использовались при свершении родовых и племенных церемоний и религиозных праздников, поскольку в сюжетах зафиксированы генеалогические мифы древнего населения Приуралья [11, с. 10—13].

Л. С. Грибова фактически развивает точку зрения А. С. Сидорова и доводит ее до логического завершения. Считая пластины родовыми, фратриальными и племенными знаками, имевшими социальный и религиозно-

Таблица 1

Сюжеты культовых пластин Прикамья

Центральный образ передан:	Сюжетные композиции средней зоны				
	Изображение			Изображение человека с предстоящими	
	человек-лось	сулде	человек	человек-лось	сулде
Личиной	–	–	5, 6, 7 8, 13, 16	8, 15, 16 23, 26,	4, 13, 19
Одной фигурой	3, 16, 17 * 23, 26	3, 4, 13, 14, 23, 27	4, 9, 13, 16, 21, 23, 24, 27	3, 11, 16, 20, 21, 35	3, 4, 7, 12, 13
Двумя фигурами	–	4, 13, 27	4, 10, 13 16, 23, 31		
Тремя фигурами	–	2, 7, 13	16, 18, 22 ** 23, 27, 29 30, 32, 34 4, 28, 33 ***		
Многофигурные композиции	–	1, 3, 4, 13			

* Номер пункта находок данного сюжета на карте.
** Сюжет «семейное трио».
*** Сюжет «три старца».

идеологический смысл, она видит в сюжетах отражение социальной структуры общества — древних тотемических родов, каждый из которых включал кроме человеческого рода и фантастических родственников [12, с. 115]. Символом рода служил образ человека с головой лося как первичное отождествление человека и тотемного зверя (Л. С. Грибова объединяет изображение человека-лося и сулде в один образ, называя его то человеколось, то сулде, то Мяндаш). Усложненные сюжеты многофигурных композиций, по мнению автора, являются символами фратрий, объединяющих символы всех родов. Именно фратриальные отношения фиксировались, как считает Л. С. Грибова, в сюжетных пластинах Прикамья. Сюжет двух разнополых существ, стоящих лицом друг к другу, в шапках с головами различных животных, отражал, по ее мнению, экзогамные связи двух фратрий. Пластины с изображением человека в окружении человекоподобных существ служили опознавательными знаками членов определенной фратрии, и по предъявлению пластины они могли быть приняты в любых подразделениях фратрии либо в качестве брата, либо в качестве мужа [12, с. 53—63]. Особая роль отводилась, по мнению Л. С. Грибовой, пластинам при инициациях: в них нашли отражение усложнившиеся связи родовых генеалогий, которые необходимо было знать и помнить [12, с. 66]. Если отдельные замечания и выводы исследователей в приведенном выше кратком историографическом обзоре не вызывают сомнения или требуют уточнения в свете современных археологических и этнографических данных, то концепция А. С. Сидорова — Л. С. Грибовой требует особого рассмотрения.

Л. С. Грибова считает сюжетные композиции культовых пластин Приуралья «сущностью пермского звериного стиля» [12, с. 10], а сам стиль — «частью тотемической социально-идеологической системы» [16, с. 3]. Таким образом, Л. С. Грибова на основе сюжетной линии бронзовых пластин пытается понять сущность идеологических явлений в социальном развитии прикамского населения. Реконструкции в области духовной культуры общества неизбежно приводят нас в область общественного сознания, в котором идеология выступает на различных уровнях и в различных формах.

Для первобытности положение марксизма о том, что «на начальных этапах становления общества сознание непосредственно вплетено в материальное общение людей и не может быть разграничено на отдельные уровни, формы и сферы» [1, с. 24], дает основание рассматривать его как однородный сплав различных элементов духовной деятельности человека, формирующейся на основе общественной психологии. Материальная база общества в психологии отражается непосредственно, формируя чув-

ства, эмоции, мысли соответствующие социальному положению человека данного общества. Именно в этом плане В. И. Ленин обращал внимание на то, что «идеология должна соответствовать психологии народных масс» [17, с. 112].

Сюжетные композиции бронзовых пластин появляются в Прикамье не ранее III в., а исчезают к XI в. н. э. В классическом виде, который мы рассматриваем, они функционировали только лишь в V—IX вв., т. е. только в ломоватовскую эпоху. Сравнительно небольшая территория распространения этих пластин, непродолжительность их существования и своеобразие сюжетов и образов дает основание предполагать, что связаны они были только с идеологией ломоватовского населения и выполняли определенные функции только в системе общественных отношений ломоватовской эпохи, были порождены ею и, выполнив свою задачу, исчерпали себя.

Ломоватовское время в Прикамье достаточно противоречиво. Суровые климатические условия в известной мере обусловили сохранение традиционных форм хозяйственной деятельности, а следовательно, и традиционных экономических и общественных отношений. Однако выделение металлургии в особую отрасль хозяйства, охота на пушного зверя, который становится средством обмена, способствовали значительной имущественной дифференциации общества, а следовательно, и становлению достаточно развитых социальных отношений. Говорить о «тотемистической идеологической системе» для этого периода по меньшей мере странно. Тотемизм как идеология исчерпал себя уже в родовом обществе [18]. Его представления были основаны в большей степени на эмоциональной стороне отражения действительности, а незрелость абстрактного мышления обусловила господство чувственного начала в процессе познания [19, с. 13]. В эпоху распада родовых отношений,— а ломоватовское время исследователи [9, 20, 21] единодушно связывают именно с этим периодом древней истории Прикамья,— выявляется качественно новый комплекс представлений, основанный на мистифицированных формах сознания [22, с. 60—62]. Чувство фатальной зависимости становится основным компонентом сознания, а мистифицированные представления выступают идеологической основой для выражения социально-классовых интересов различных слоев общества. Это происходит, очевидно, в последующее — родановское время, в эпоху раннефеодальных отношений, когда оформляется моногамная форма брака и утверждается частная собственность на средства производства [20, с. 173]. Но зарождается и формируется система взглядов и представлений о мире природы и социальной жизни общества основанная на мистифицированных формах сознания, очевидно именно в ломоватовское время. Совершенно естественно, она вбирала предшествующие верования, обряды, представления, но вслед за общественной практикой находила новые формы своей организации, новые образы и новые идеи, соответствующие новым историческим условиям.

Сюжеты бронзовых пластин действительно могут быть связаны с идеологическим уровнем общественных отношений в Прикамье. Но идеология как система идей и взглядов отличается от мировоззрения, религии и других форм общественного сознания в первую очередь тем, что функционально она связана с необходимостью утвердить развитие или изменение существующих общественных отношений. Какие же общественные отношения попадают в поле зрения идеологии ломоватовской эпохи?

По мнению В. Ф. Генинга, смена археологических культур связана с изменением экономического и социального уклада жизни древних обществ [23, с. 179, 180].

В Прикамье распад единой ананьинской общины на сравнительно обособленные культуры был связан не столько с вторжением пришлых племен, сколько с процессами консолидации родового хозяйства, связанного с переходом от мотыжного земледелия к подсечно-огневому. Как следствие этого процесса происходит формирование патриархальных семей внутри родовой организации, что в плане экономическом связано с разделением хозяйства рода на хозяйства больших семей, деление единого

общего хозяйства на самостоятельные, небольшие. В гляденовское время население Верхнего Прикамья уже жило большими патриархальными семьями, но еще вело коллективное родовое хозяйство. В ломоватовскую эпоху при сохранении той же семейной организации происходит обособление хозяйств: хозяйственные ямы и постройки строятся уже рядом с жилищем, а не выносятся в единый хозяйственный комплекс [23, с. 180]. Таким образом, в ломоватовскую эпоху патриархальная семья становится экономической единицей общества, а внутри нее уже начинает обосабливаться моногамная. Один из сюжетов композиций бронзовых пластин — изображение человека как главного образа среднего яруса, очевидно, связан с процессом становления моногамной формы брака. Одиночная фигура сюжета, как правило, изображала мужчину — главу семьи, парные — мужчину и женщину, причем именно женщину-мать. Этот акцент подчеркивался изображением дополнительной личины на уровне живота женской фигуры (рис. 1, *4*; 3, *4*). Трехфигурные композиции представляют семейные трио — мужчину, женщину и ребенка (рис. 1, *2—4*, *8*; 3, *1*, *4*, *5*). Развитие содержания этого сюжета не выходит за рамки трехфигурных композиций, а общий фон сюжета ограничен лишь изображением центральных фигур, без дополнительного сопровождения человекоподобными существами, головами зверей или птиц. Композиция данного сюжета выстроена таким образом, что основным объектом внимания выступает линия становления и развития именно семьи.

Одним из первых признаков классовых отношений, по определению К. Маркса, являются наличие моногамии и частной собственности. Становление одного идет на фоне формирования другого [24, с. 31]. Следовательно, освящая изменения, происходящие внутри семьи, идеология способствовала четкой социальной дифференциации общества, устанавливая в конечном итоге те отношения внутри коллектива, которые способствовали распаду первобытнообщинных и становлению классовых отношений.

Общественная психология сдерживает влияние идеологии определенной социальной направленности за счет своей консервативности. «Сила привычки миллионов — самая страшная сила»,— писал В. И. Ленин [25, с. 27]. Преодолеть эту консервативность можно двумя путями: за счет выделения определенной социальной группы, специализирующейся на проведении в жизнь и утверждении определенных идей, и за счет старой формы подачи этих идей. Именно в этих двух направлениях и идет преодоление старой системы взглядов в Прикамье: используются традиционная форма воплощения религиозных взглядов — культовое литье, а шаманы превращаются в профессиональных служителей культа.

Культовыми поделками, но более простых форм (фигурки зверей, птиц, человека и несложные сюжеты, соединяющие два-три мотива в одну линейно выстроенную композицию) население Прикамья пользовалось в гляденовскую эпоху, продолжало пользоваться в ломоватовское, а затем и в родановское время (рис. 5). Появившиеся в ломоватовское время сюжетные пластины с новыми образами и трехмерным решением пространства развивали уже новые идеи, но старая форма их передачи давала возможность быстрого восприятия и осмысления.

Мировоззренческой основой идеологии этого периода служит представление о трех сферах, трех мирах. Верхний и нижний из них населены духами, от которых зависит благополучие человека, живущего в среднем мире. В изображении верхней и нижней зоны сюжета используются традиционные образы, связанные с миром природы. Средняя зона представлена новыми образами, в которых по аналогии с предшествующими верованиями олицетворялся уже не мир природы, а мир социальных отношений внутри коллектива. Эти образы были связаны, очевидно, с главными действующими лицами общественной жизни новой эпохи, эпохи окончательного распада родовых отношений. В их лице идеология получает определенное социальное звучание.

Трехъярусное построение сюжета давало возможность оправдать и выделение профессионального жреца (шамана), посредника между миром духов и миром людей. Шаман же в свою очередь выступает проводни-

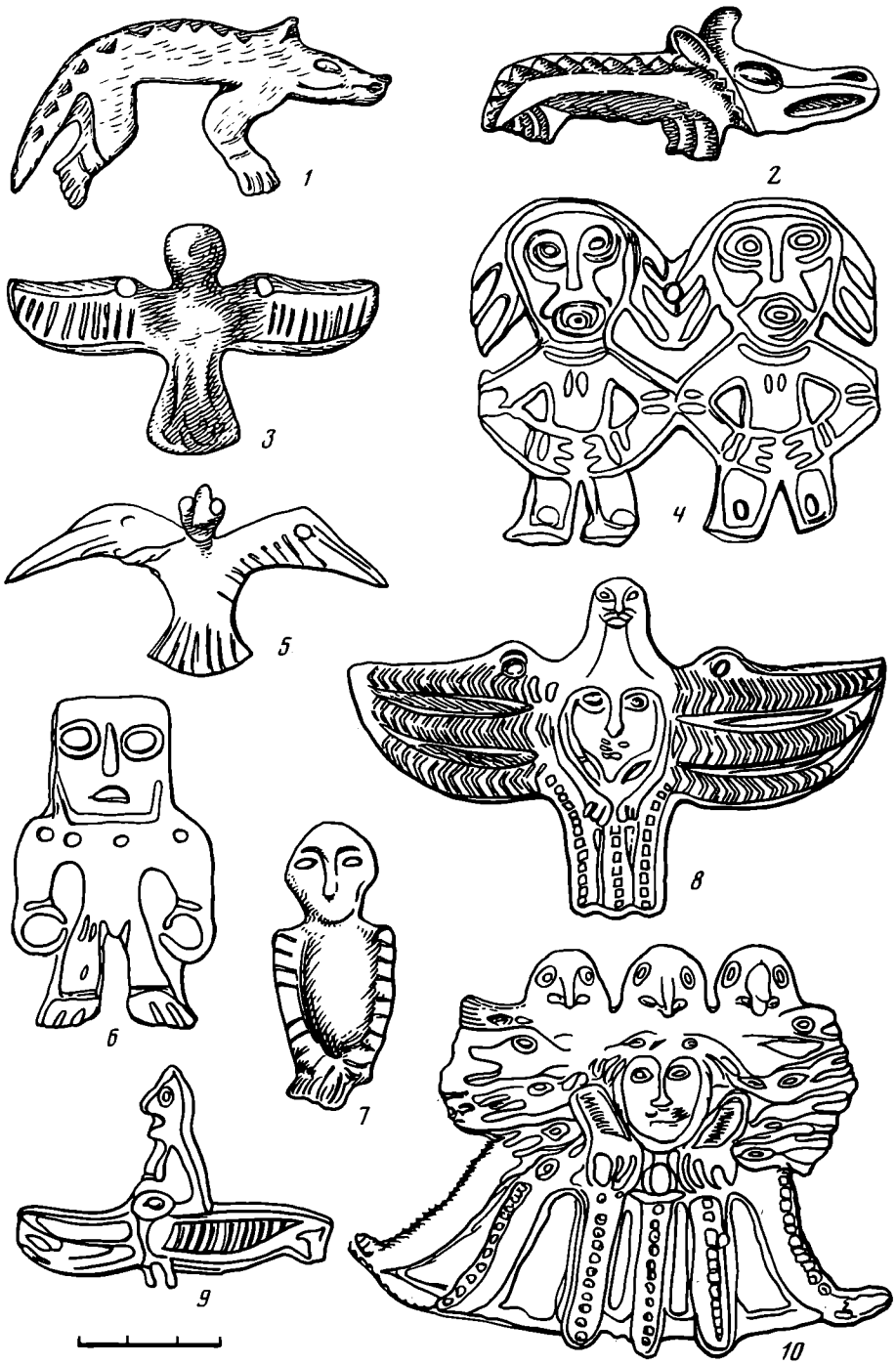


Рис. 5. Сюжеты простых композиций культового литья Прикамья II в. до н. э.— XIV в. н. э.
1, *4*, *6* — гляденовская культура; *2*, *8*—*10* — ломоватовская культура; *3*, *5*, *7* — родановская культура

ком идей определенной социальной направленности. Процесс становления института шаманства как профессиональных служителей культа формировался постепенно. На первоначальном этапе распада родовых отношений роль посредника между миром людей и миром духов брал на себя старейший член коллектива, глава рода, семьи [26, с. 167—173]. Процессы социальной дифференциации требовали ограничить круг людей, участвовавших и в управлении, и в отправлении религиозных культов. В сознании этот процесс выливается в представление об избранности такого человека самими духами. Не просто глава рода, не просто человек, наделенный авторитетом власти, становился профессиональным жрецом, а человек, отмеченный высшей силой, избранный самими духами, которые

становились его помощниками [27, с. 141—143]. Только такой человек мог стать посредником между миром людей и миром духов. С образом шамана, очевидно, связаны изображения человекоподобных существ — сулде и человека-лося. Образы эти строятся так, что подчеркивается исключительность именно человека, а зооморфные признаки усиливают его могущество: голова лося или убор в виде его головы символизирует возможность посещения верхнего мира, крыло вместо руки — способность летать, а копытца вместо ног — ориентироваться в окружающей природе.

Образ шамана, созданный в культовых поделках, очевидно, свидетельствует и о том, что в этот период существует уже особый костюм и необходимые атрибуты камлания. Дошедший до наших дней костюм шамана у всех практически народов предусматривал особый головной убор, рукавицы, нагрудник, обувь, бубен. Но ранее всего, очевидно, появился головной убор; именно с ним до недавнего времени связывалось представление о силе шамана, его возможностях [28, с. 371, 372].

Наиболее древний и близкий по облику культовым поделкам костюм шамана реконструирует Б. А. Рыбаков по материалам Оленеостровского могильника. В этом костюме огромные стержни с изображением головы лося завершали головной убор [4, с. 15]. Если образы человекоподобных существ в культовых пластинах передают облик шамана, то чем вызвано различие иконографических типов, которое существует в сюжетах? С. А. Токарев отмечает, что профессиональное шаманство с тенденцией наследования этой профессии является высшей стадией развития шаманства, вслед за которой наступает период его разложения, соответствующий классовой организации общества [29, с. 305]. Очевидно, одной из форм проявления этого разложения было деление на черное и белое шаманство. Первое предполагало обычный шаманский ритуал камлания с посещением небесного и подземного мира и общения с духами, второе — служение главным духам — божествам небесного верхнего мира. Русская колонизация застала в Верхнем Прикамье становление уже раннефеодальных отношений, а Стефану Пермскому, крестившему коми, приходится свергать «главного идола», которому поклонялись пермяки. «Житие Стефана Пермского» сообщает, что к идолу были приставлены «особые люди — кумирники» и находился он в «главной кумирнице, где находились и все жертвоприношения, к которым община не имела права прикасаться, но были эти жертвоприношения собственностью кумирников» [30, с. 35—37]. Помимо кумирников в «Житии...» упоминаются волхвы и кудесники [30, с. 40], следовательно, существовало несколько категорий лиц, занимающих положение жрецов. Не связан ли образ человека-лося с категорией «белого» шаманства, в данном случае с образом «кумирника» — служителя главного божества? В период функционирования культовых пластин и сам культ будущего верховного божества Ен, и категория особых жрецов, очевидно, только зарождается, но выделение из сонма духов образа главного божества было вызвано тем интенсивным процессом социальной дифференциации прикамского населения, который протекал в ломоватовскую эпоху.

Иконографические различия двух образов культового литья — сулде и человека-лося — могут быть объяснены различным типом головных уборов, которыми пользовались жрецы [31, с. 237—240]. Возможно, черные, обычные, шаманы использовали традиционную шапку, а белые надевали маску, имитирующую голову животного. И в том и в другом случае использовался образ лося как символ неба, так как черные шаманы «посещали» его во время камлания, а белые служили божеству неба.

Если образ человека-лося культовых пластин связан с категорией белого шаманства, то логично, что он не получил композиционного развития в сюжете. Функции белого шамана однозначны — служение высшему небесному божеству. Традиционный шаман (черный) выполнял роль знахаря и прорицателя, судьи и хранителя традиций. В сюжетах бронзовых пластин изображение сулде получает наиболее полное и интересное композиционное оформление. В них используются не только традиционный образ, но и отдельные изображения голов животных и птиц, фантасти-

ческие сочетания отдельных элементов (рис. 2, *6*). Одиночную фигуру сулде Б. А. Рыбаков интерпретирует как образ путешествующего по мирам шамана, а многофигурные композиции (чаще всего семь фигур) — как символ созвездия [4, с. 115]. Очевидно, используя семантику числа, характерную для определенных типов культур, следует заметить, что двучленное изображение (рис. 2, *4*, *5*) выступает как противопоставление, а в традиционном шаманском культе может быть соотнесена с таинством получения шаманского дара; трехчленное изображение (рис. 2, *1*) интерпретируется как символ трех миров, причем последовательно противопоставляемых друг другу: верхний—среднему, а средний—нижнему. Многочастные изображения могут соответствовать системе отсчета [15, с. 91—95], тем более что в культовых изображениях Прикамья встречаются только пяти- (рис. 2, *6*) и семичастные изображения (рис. 2, *2*); но они могут быть и связаны с осмыслением окружающего мира [10, с. 120]. Таким образом, в сюжетных пластинах Прикамья главные образы — человек, человек-лось и сулде — могут быть соотнесены с идеологическим уровнем общественного сознания в эпоху распада родовых отношений. Конечно, эти образы связаны и с религиозными представлениями, и с мировоззрением эпохи, но в данном случае мы этих вопросов не касались.

В сюжетах, в которых образ человека выступает ведущим (человек с предстоящими человеколосями и человек с предстоящими сулде — табл. 1), заманчива мысль связать его с образами вождя и ремесленника — главными персонами общественной жизни ломоватовской эпохи. Ф. Энгельс указывал, что на втором этапе общественного разделения труда, когда ремесло отделяется от земледелия (т. е. выделяется в особую отрасль хозяйства), идет процесс выделения лиц, освобожденных от непосредственного участия в производстве пищи и специализирующихся на организации производства и управлении, а также на выполнении идеологических функций [33, с. 130—136]. Если в сюжетах культовых пластин нашел отражение образ идеолога эпохи — шамана и жреца, и в сюжетах идеологически освящалась моногамная семья как необходимое условие распада родовых отношений, то и закрепление определенных общественных и производственных функций за отдельными лицами должно было также получить идеологическое освещение.

По мнению В. Ф. Генинга, ярким социальным актом уже предшествующей ломоватовской эпохи (гляденово) было создание племенных союзов [23, с. 216]. В гляденовское и в ломоватовское время племя как форма социальной организации общества преобладало над родом, а выделение племенной аристократии знаменовало собой начало процесса классообразования. Для гляденовской эпохи, возможно, и рано говорить о классовых отношениях, но имущественная дифференциация уже хорошо прослеживается в различных памятниках Прикамья этой эпохи [34, с. 125].

Очевидно, в этот период начинается формирование различных социальных групп, интересы которых не могли совпадать как в плане экономических отношений, так и в плане социальных. Интересы рядовых общинников, связанных со своим родом не только кровными узами, но и всей организацией хозяйства, не совпадали с интересами племенной аристократии, прибавочный продукт которых добывался иными средствами — средствами войны. Сам факт создания племенных союзов свидетельствует о том, что «война и организация для войны становятся регулярными функциями общественной жизни» [33, с. 164]. Укрепленные городища, клады богатого привозного оружия, погребения воинов дают основание В. А. Оборину уже для позднеломоватовской и родановской эпох говорить об особой социальной прослойке — военной дружине — в среде прикамского населения [35, с. 17]. Новгородские летописи XI—XII вв. сообщают, что новгородцы, ходившие за Югру, встречали здесь организованное сопротивление, а под 1193 г. упоминается даже «князец югорский» [36, с. 36, 37]. Формировавшиеся на основе межплеменных объединений подобные княжества, как писал Ф. Энгельс, использовали ту же организацию управления, что и родовой строй: народное собрание, совет старейших и вождь [33, с. 143, 144].

Один из типов трехфигурных композиций сюжета «изображение человека» передает образы трех одинаковых взрослых мужских фигур — старцев (рис. 3, *7*, *9*). Возможно, эта композиция связана с существованием совета старейшин при племенных союзах, на которые указывал Ф. Энгельс.

С образом вождя в сюжетах культового литья, на наш взгляд, может быть соотнесен сюжет «человек с предстоящими фигурами человека-лося по бокам» (рис. 1, *1*, *9*). Очевидно, подобное изображение вызвано необходимостью сосредоточить власть в одних руках, идеологически оправдать закрепление функции вождя за определенной категорией лиц. Не случайно письменные источники XIV в. уже сообщают о княжеской династии, «сидящей» на Пермской земле [35, с. 17].

В основе выделения и вождя, и жреца лежит в эпоху распада родовых отношений идея избранности [27, с. 85—97]. Жрец, очевидно, выступает как посредник, через которого передается предначертание неба, вождь — как исполнитель этого предначертания. Логично, что и в композициях культовых пластин эти два образа соединены в одном сюжете. Более того, в Прикамье функции гражданского и религиозного управления в обществе впоследствии сосредоточиваются в одних руках. «Житие Стефана Пермского» сообщает, что верховный жрец коми был одновременно и главой общины: «Его же древле пермяне чтяхоу паче всех прочих чаровников и правителя его нарицающе себя» [30, с. 39].

Переход к ломоватовской культуре в Прикамье связан с вторжением угорских скотоводческих племен из Западной Сибири. На севере Прикамья, в зоне распространения культовых бронзовых пластин, пришлое население было ассимилировано местным [20, с. 153—155; 23, с. 182—184]. Однако традиции скотоводства, которые принесли угорские племена, определили своеобразие хозяйственного комплекса, а технический прогресс в области добывания и разработки металла подготовил формирование нового хозяйственного уклада. Городища становятся центрами металлургического производства, на них селятся кузнецы, появляются литейные мастерские. Металлургия в тот период, очевидно, отделяется от других видов хозяйственной деятельности и становится областью профессионального ремесленного мастерства [35, с. 19].

Сюжет «человек с предстоящими фигурами сулде», очевидно, может быть соотнесен с образом ремесленника. В этом сюжете центральная фигура представлена во всех поделках фигурой мужчины (рис. 3, *10*, *11*). Необычность приемов работы ремесленников-металлургов издревле в сознании связывалась с таинственной силой, которой якобы обладал кузнец. В развитых формах шаманства, на этапе раннеклассовых отношений кузнец почитался так же, как и шаман, и даже мог соперничать с шаманом [26, с. 173]. «Кузнец и шаман — из одного гнезда»,— говорили якуты и буряты. Нет ничего удивительного и в том, что кузнец в сюжетных пластинах культового литья представлен с предстоящими фигурами именно сулде, а не человека-лося.

И сулде — шаман, причем традиционный, черный шаман, и кузнец — это действующие лица общественной жизни еще родового общества, а на этапе его разложения они получают лишь новый социальный статус. Профессиональный вождь (следствие процесса создания племенных союзов) и профессиональный ремесленник (следствие процесса выделения металлургии в особую отрасль хозяйства) становятся в ломоватовскую эпоху основой формирования той социальной прослойки, которая поставила противоречие между индивидуальным и общественным трудом, индивидуальным и общественным сознанием на уровень мистифицированных форм, формирующих мировоззрение древних народов. Наличие социальных групп в коллективе, различие их интересов неизбежно формируют новый идеологический уровень общественного сознания. Если при родовой организации идеология, выступая инструментом социальной организации, регулировала взаимоотношения либо между обществом людей и природой, либо между различными коллективами людей и реализовала интересы всего коллектива в целом, то появление социальных групп внут-

ри общества разбивает этот единый интерес. По мнению В. А. Ядова, определенные социальные группы стихийно влечет к идеологии, отвечающей только их интересам и потребностям [37, с. 56]. Очевидно, именно в ломоватовское и последующее время в Прикамье происходит становление идеологии как средства реализации интересов определенных социальных групп, и в сюжетах культовых пластин нашли отражение поиски форм воплощения этой идеологии в общей системе общественного сознания эпохи распада родовых отношений.

Возвращаясь к теории Л. С. Грибовой «о тотемистической идеологической системе», которая нашла отражение, по ее мнению, в сюжетах культового литья Прикамья, следует заметить, что все выводы автор делает на основе анализа этнографического материала народов коми. Отказавшись практически от привлечения археологического материала, Л. С. Грибова не учитывает ни специфики хозяйственной деятельности, ни глубины социальных отношений той культуры, с которой связывается культовое литье. Вряд ли это правомерно. Реконструкции в области идеологии требуют знания ситуации не только конкретного периода данной культуры, но и пути последующего развития общества. Археологический материал, как правило, дает возможность таких долгосрочных прогнозов и в области материальной культуры, и в области социальной истории. Именно поэтому на основе археологического материала мы и можем в конечном итоге говорить о том, какие общественные явления попадают в поле зрения идеологии на определенном этапе развития общества.

Трудно представить, как пользовались культовыми пластинами. Однако известно, что одной из главных функций шамана в формирующихся раннеклассовых обществах было предсказание судьбы, удачи, будущего. Возможно, именно этим целям и служили пластины, выступая в роли своеобразных гадальных карт. Именно в форме предсказания, определенного самими духами, и было легче всего пропагандировать идеи, направленные на распад старых и оформление новых форм хозяйственной и общественной жизни. Ломоватовское время завершает этап первобытнообщинных отношений в Прикамье, в котором культовое литье было одной из форм идеологии эпохи распада родовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч. Изд. 2-е, т. 3, 1961.
2. *Лотман Ю. М.* Лекции по структурной поэтике.— Уч. зап. ТГУ, 1964, № 160, ТЗС т. I.
3. *Лотман Ю. М.* Искусство в ряду моделирующих систем.— Уч. зап. ТГУ, 1967, № 198. ТЗС, т. III.
4. *Рыбаков Б. А.* Космогоническая символика чудских шаманских бляшек и русских вышивок.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
5. *Теплоухов Ф. А.* Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных.— В кн.: Пермский край. Вып. 2. 1893.
6. *Спицын А. А.* Шаманизм в отношении к русской археологии.— ЗРАО, 1893, т. XI, вып. 1.
7. *Городцов В. А.* Подчереский клад.— СА, 1937, № 2.
8. *Шмидт А. В.* Жертвенные места Камско-Уральского края.— ИГАИМК, 1932, т. XIII, вып. 1—2.
9. *Смирнов А. П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья.— МИА, 1952, № 28.
10. *Чарнолуский В. В.* Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965.
11. *Сидоров А. С.* Идеология древнего населения Коми края.— Тр. ИЯЛИ КФАН СССР, 1972, № 13.
12. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль. М.: Наука, 1975.
13. *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1976.
14. *Окладников А. П.* Олень — золотые рога. М.— Л.: Искусство, 1964.
15. *Худяков М. Г.* Культово-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.— Л.: Изд-во ГАИМК, 1934, № 11—12.
16. *Грибова Л. С.* Пермский звериный стиль как часть тотемистической социально-идеологической системы. Его стадиальный характер. Сер. научные доклады КФ АН СССР, Сыктывкар. 1980, вып. 62.
17. *Ленин В. И.* XI съезд РКП(б).— ПСС, т. 42.
18. *Хайтун Д. Е.* Тотемизм и его сущность.— Зап. Таджик. ун-та, 1954, т. 11.

19. *Кулебякин Е. В.* Философские проблемы антропоморфизма и анимизма: Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1969.
20. *Бадер О. М., Оборин В. А.* На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958.
21. *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье.— ВАУ, 1973, № 12.
22. *Грицких С. В.* Формирование религиозных представлений как форм мистифицированного сознания: Рукопись канд. дис. Хранится в ПГУ (кафедра философии), 1978.
23. *Генинг В. Ф.* Очерк этнической истории Прикамья в эпоху железа.— Тр. КФАН СССР, 1959, вып. 2.
24. *Маркс К.* Конспект книги Л. Моргана «Древнее общество».— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IX. М., 1941.
25. *Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— ПСС, т. 41.
26. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976.
27. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во института народов Севера. ЦИК СССР, 1936.
28. *Прокофьева Е. Д.* Костюм селькупского шамана.— Сб. МАЭ, 1949, т. XI.
29. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Наука, 1964.
30. Житие Стефана Пермского. СПб.; Изд. Археографической комиссии, 1897.
31. *Авдеев А. Д.* Маска.— Сб. МАЭ, 1958, т. XVII.
32. *Иванов В. В.* Числовые характеристики римской мифологии и ритуалов.— Уч. зап. ТГУ. Летняя школа. Тарту, 1968.
33. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности, государства.— Соч. Изд. 2-е, т. 21, 1961.
34. *Генинг В. Ф.* История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.— ВАУ, 1970, № 10.
35. *Оборин В. А.* Коми-пермяки в IX—XV вв.: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1957.
36. *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л.: Изд-во Института народов Севера, ЦИК СССР, 1935.
37. *Ядов В. А.* Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.

L. V. Chizhova

IDEOLOGY OF THE POPULATION OF THE KAMA BASIN IN THE MIDDLE AGES ACCORDING TO THE SUBJECTS OF RITUAL CASTS

Summary

The author takes as her subject the interpretation of ritual casts found in the Kama basin. Their three-dimensional composition and iconographic character of images are intimately connected with their ideological functions in the period of the disintegration of clan relations. Their subjects are mainly the emerging monogamous family as an indispensable condition for the establishment of private property. The principal images of the ritual casts are two main figures in the ideological life of the epoch — the priest and the shaman (represented by the images of a «man-elk» and a *sulde*), the chieftain (appearing in plates with a «man-elk» depicted in front of a man), and the artisan (shown in plates with the *sulde* figures in front of a man).

The composition of the plates is closely associated with the development of new ideology serving definite social strata, which accounts for the relatively short time the plates were in use.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г., ПОЛУБОЯРИНОВА М. Д.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГОРОДСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ДЕЛА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В 1976 г. в центральной части ремесленного района Болгарского городища на раскопе LV был найден золотой наконечник ремня от парадного поясного набора [1] (передан на хранение в Гос. Эрмитаж). Обнаруженный в стенке раскопа, он лежал всего на несколько сантиметров ниже слоя пожара, отмеченного по всей площади городища и связываемого с разгромом Болгар войском русского князя Федора Пестрого в 1431 г. Этот пожар отделяет позднеордынские напластования от слоев русской деревни XVII—XIX вв. (слоя Казанского ханства на этом участке городища нет). Таким образом, по условиям стратиграфии находка может быть датирована не позже первой четверти XV в.

Наконечник (рис. 1, *а*, *б*) подпрямоугольной формы, пустотелый, с прямым верхним и округлым нижним обрезами, спаян из отдельных тонко кованных пластин. Его размеры 11,4×1,8×0,6 см, вес 70 г. Ремень — это могла быть и шелковая лента — впускался внутрь наконечника, где крепился двумя шпеньками. Объемно моделированный с лицевой стороны (и плоский с тыльной) язычок ажурного литья композиционно завершает форму предмета. Обе стороны наконечника орнаментированы: вдоль пластин проходит полоса из пяти полных и двух усеченных (без четвертого лепестка) розеток, чередующихся с узловидными кружками; те и другие оконтурены двойной линией. Внутри розетки заполнены мелким растительным узором, в основе которого лежит подтреугольный лист с миниатюрным завитком (иногда двумя). По краю пластин — узкая трехполосная лента. Все оставшееся пространство лицевой пластины прочеканено тем же узором, что и поля розеток, но еще более мелким. На оборотной пластине фон (т. е. пространство вокруг розеток) вырезан, и в просветах видна гладкая плоскость вставной пластинки. Узкие боковые поверхности орнаментированы той же плетенкой, что и края широких пластин. Углубленный фон орнамента наконечника покрыт черным смоловидным веществом, что создает впечатление черни.

Художественный прием, при котором контраст ажурных просветов и гладкого фона подложенной внутрь пластины требует «трехслойности» в построении предмета, хорошо известен по памятникам торевтики Золотой Орды [2, с. 9, 19]. Наиболее характерные предметы этой техники — серебряный ковш с горизонтальной ручкой с берега Иртыша [3, № 224] [1] и золотой княжеский пояс с тамгой «дома Бату» из Предкавказья [6, табл. VII] [2]. На эту же линию связей указывают форма и орнаментация болгарской находки, аналогии которой мы видим в группе украшений

[1] Ковш найден в составе клада XIV в. Вещи прикамского производства из этого клада датированы предмонгольским временем [4, с. 10, 14]. Кубок из клада — работы золотоордынских торевтов [5, с. 18—21].

[2] Поясной набор найден вместе с золотым ковшом, который А. А. Спицын принял за китайский. Новую атрибуцию сосуда дает в своей статье М. Г. Крамаровский [7, с. 65—70]. Пояс из Предкавказья не уникален: подобный, но из серебра найден в Таласской долине и ошибочно датирован VI—VII вв. [8, с. 83—85]. Комплексы XIII—XIV вв. из Гашун-уста, Таласской долины, неопубликованный набор (пояс и чаша) из Увека (Саратовский музей краеведения) и ряд других свидетельствуют о том, что пояс и поясная чаша у кочевников Золотой Орды выступают атрибутами воинской среды.

поясных наборов из Белореченского могильника на Кубани [8, рис. 40, 41, 43—45, 151, 164, 175, 188, 234, 251]. Курганы у станицы Белореченской, раскопанные Н. И. Веселовским в 1896 г., датированы золотоордынским периодом. Здесь, как показала В. П. Левашова, были похоронены представители разноплеменной верхушки золотоордынского общества, по-видимому, из числа зихов [10, с. 208, 209]. В инвентаре курганов несколько десятков поясных наборов, среди которых встречаются и золотые.

По размеру наконечник из Болгар сопоставим с самыми крупными из белореченских, достигающими 11 см в длину. По форме он близок многим из них, в особенности обладающим литым выступом-язычком. Наибольшее сходство болгарская находка обнаруживает с теми белореченскими наконечниками, которые выполнены в «трехслойной манере», с гладкой или орнаментированной пластиной под литым ажурным декором, нередко сюжетным [9, рис. 40, 41, 44, 45, 251]. В подавляющем большинстве белореченские поясные украшения орнаментированы геометрическими узорами, составленными из ритмически повторенного элемента растительного орнамента, близкого по начертанию к подтреугольному листу с завитком на болгарском наконечнике [9, рис. 41, 87*б*, 88, 110, 112, 188*а*, *б*, 248, 251] [3]; в нескольких случаях это также четырехлепестковая розетка [9, рис. 88*а*, 289]. Разделка фона и полей розеток тонкими растительными побегами на наконечнике из Болгар также сходна с обработкой поверхностей некоторых бляшек белореченских поясных наборов [9, рис. 7, 40, 41, 88, 110—112, 134, 188, 248, 251]. То же можно сказать и о трехполосной плетенке.

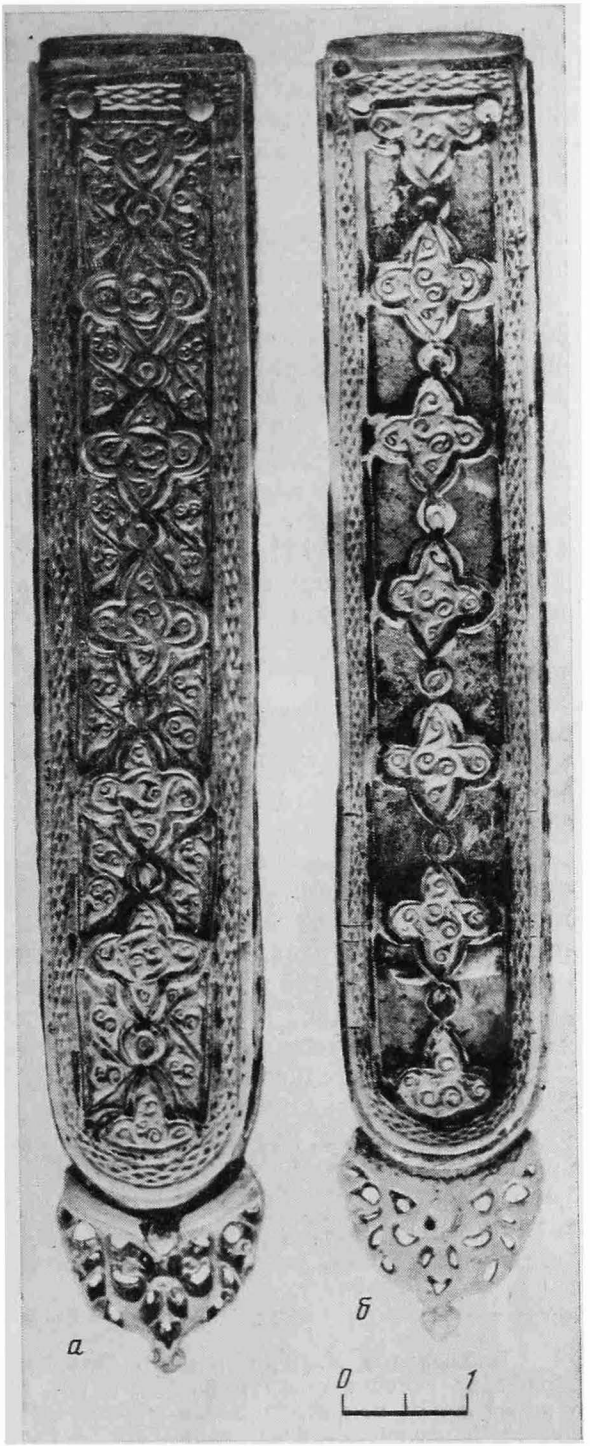


Рис. 1. Золотой наконечник ремня из Болгар. Лицевая и оборотная стороны

В 1940 г. К. А. Ракитина предложила для группы технически наиболее совершенных поясных украшений с мелкоажурным декором гипотезу о малоазийском (киликийском) происхождении [11, с. 209—215]. Эту точку зрения приняли В. П. Левашева, А. Л. Якобсон и все исследовате-

[3] Этот же признак характерен и для вещей из Симферопольского клада (ГИМ, инв. № 99264, оп. 2013, № 121, 122 и др.).

ли, прямо или косвенно работавшие с материалами Белореченского могильника [10, с. 200; 12, с. 236; 13]. Местные элементы белореченского комплекса выделила В. П. Левашова. К ним она отнесла детали поясных наборов, представляющие собой реплики с «дорогих импортных образцов», два наконечника с ажурным литым декором (курганы № 43, 47, раскопки 1896 г.) и группу кованых поясных наконечников [10, с. 201, 202, 209].

Принцип «высокая техника — индикатор импорта, грубая (простая) — показатель местного производства» не оправдал себя в атрибуции белореченского материала. Не случайно до сих пор не удается выявить киликийские аналогии группе литых (с последующей прочеканкой деталей) украшений, нет весомых подтверждений местной основы форм и декора кованых предметов поясных уборов, в том числе и наконечников. По-видимому, следует пересмотреть сложившуюся систему классификации белореченского металла и атрибуции его отдельных групп.

Теперь, после исследования И. Фингерлин о средневековых поясах, нет сомнения, что за частью поясных наборов Белоречья стоят европейские прототипы [14]. Прежде всего это касается группы «кованых наконечников», где форма завершена фигурным выступом, соединенным с корпусом узким перешейком. К их числу относятся наконечники из белореченских курганов № 3, 9, 10, 12, 15, 38 и ряд находок, чья связь с комплексами утрачена. Сопоставление наконечника с изображениями человеческих фигур (среди них одна с пальмовой ветвью — характерный мотив итальянской поздней готики) [9, рис. 48, *а*], а также декора пряжки с крестоцветом, выполненной в нарочито небрежной манере [9, рис. 235, *б*], с находками из Негропонта [15, табл. LXI, *11*] [4] принципиально меняет наше представление о происхождении всей перечисленной выше группы украшений, чью связь с венецианским ремеслом можно считать бесспорной. Есть все основания видеть в них производство итальянских колоний Северного Причерноморья — тема, заслуживающая специального исследования [5]. Однако именно с «латинизированной» группой украшений [6] наша болгарская находка как раз менее всего и связана.

Форма ажурного язычка и орнаментация, где основным мотивом выступает подтреугольный лист с завитком, позволяет сблизить исследуемый наконечник с «малоазийской» группой белореченских находок и тесно примыкающим к ним украшениям из Симферопольского клада [16]. Рассмотрим внимательней, что именно их сближает. Для наглядности сопоставим болгарскую находку с наконечником пояса из кургана 8 (металлический убор этого пояса вобрал в себя все наиболее характерные черты «малоазийской» группы в целом). Анализ показывает, что общим является только силуэтный рисунок наконечников (рис. 2), в том числе и абрис

---

[4] Наблюдение И. Фингерлин о белореченских поясных наборах как крайней периферии венецианского мира [14, с. 96], конечно, верно; дело, однако, не только в определении направления заимствования. Проблема локализации и связи с восточной ремесленной традицией — вот две группы вопросов, правильное решение которых определяет атрибуционный вывод. Эвбейские находки из замка Халкис заметно византинизованы; белореческие и примыкающие к ним находки из Болгар и Симферопольского клада в подавляющем большинстве созданы на другой основе — малоазийской.

[5] На эту тему М. Г. Крамаровским были сделаны доклады на состоявшейся в марте 1979 г. в Эрмитаже научной сессии, посвященной памяти Я. И. Смирнова, и 22 февраля 1979 г. на заседании Отдела Востока, посвященном обсуждению выставки «Художественный металл итальянских колоний Северного Черноморья и Золотой Орды XIII—XV вв.» в экспозиции Особой кладовой Отдела Востока Эрмитажа.

[6] Список вещей этой группы существенно расширяют находки Симферопольского клада (ГИМ, инв. № 99264, оп. 2013, № 232, 233, 243—248, 269—271 — все предметы от одного пояса; № 249—264, № 265—268 и др.). Особое место в этой группе украшений принадлежит золотому поясному набору с изображениями аиста (?) в шестилепестковых розетках и с европейской чернью (ГИМ, инв. № 99264, оп. 2013, № 108—117). Набор этот, несомненно, изготовлен «франком», но, судя по форме бляшек, едва ли в метрополии. Дата всех вещей в пределах XIV.

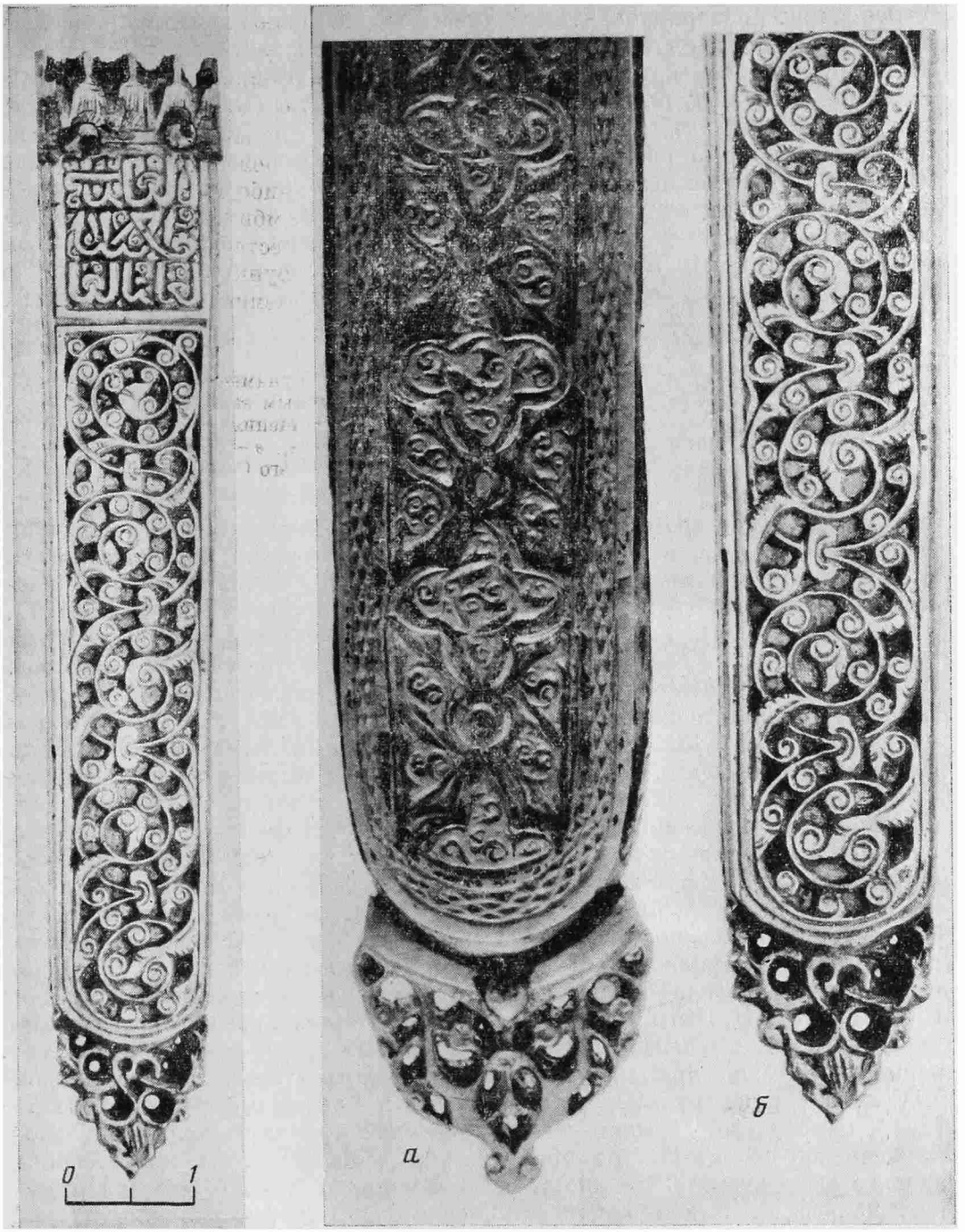


Рис. 2 Рис. 3

Рис. 2. Серебряный наконечник ремня из кургана № 8 Белореченского могильника. Лицевая сторона

Рис. 3. Язычки наконечников: *а* — болгарского; *б* — белореченского

ажурных язычков. Однако состав декора последних различен (рис. 3, *а*, *б*). Промежуточное место в этом ряду занимает золотой поясной наконечник с сердоликовой вставкой из состава Симферопольского клада 1967 г.: в орнаментике язычка здесь использована сложная пальметта, идентичная болгарской, а поле между короткими листами пальметт обработано рифлением, аналогичным по технике и рисунку язычку белореченского наконечника. Есть различия и в оформлении ведущего мотива всей «малоазийской» группы памятников — подтреугольного листа: на белореченских украшениях лист рассечен одной или двумя поперечными нарезками (на симферопольских — одной); на болгарском наконечнике поле листа гладкое (рис. 4, *а*, *б*). Различие именно по этому признаку тем

более важно подчеркнуть, что оно указывает на трансформацию ремесленного приема, принадлежащего, в сущности, одной ремесленной традиции. Наиболее полное соответствие гладкий подтреугольный лист болгарской находки получил в орнаментации латунной пластинки (Эрмитаж, инв. № Сар. 27) из раскопок А. В. Терещенко на Царевском городище (совпадают наборы чеканов; рис. 4, *в*). Поскольку новосарайская находка (рис. 5, *а*, *б*) представляет собой не часть какого-либо изделия, а случайный обрезок металла, где мастером проработаны комбинационные возможности нескольких чеканов, она указывает на существование в волжской столице ювелирной мастерской (скорее всего функционировавшей до 1395 г.), с работой которой и было связано появление парадного пояса,

а *б* *в*

Рис. 4. Основная орнаментальная деталь — лист с миниатюрным завитком: *а* — на белореченских украшениях; *б* — на болгарском наконечнике; *в* — на пластинке из Нового Сарая

наконечник от которого найден в Болгарах. Об этом же говорит и недавняя находка на городище Нового Сарая половины круглой бронзовой бляхи с отверстием, орнаментированной с обеих сторон чеканным узором, элементом которого также является треугольный лист с завитком [17, с. 268, рис. 16, *1*]. Таким образом, болгарский золотой наконечник был изготовлен, по всей вероятности, в столице Золотой Орды — в Новом Сарае.

Уместно отметить «армянские мотивы» болгарской находки. Заглавный лист к Евангелию от Луки (Матенадаран, 2589, л. 158а), датированному 1200 г. [18, с. 214, рис. 499] [7], дает выразительную параллель построения орнамента, составленного из полосы четырехчастных розеток с приостренными лепестками, оконтуренных двойной линией,— мотив, ставший композиционной основой декора болгарского наконечника. Едва ли такое совпадение случайно. За «малоазийской» группой белореченских памятников тоже ощущается армянская ремесленная и декоративная основа. Так, например, широкий лист с фестончатым краем, который вместе с мотивом спирали широко использован в декоре всей «малоазийской» группы,— характерная деталь армянской миниатюры Крыма, унаследованная, как доказала Э. Корхмазян, от мастеров Центральной Армении [20, табл. 1б, 2б]. Поэтому вопрос о том, где и в какой среде работали ювелиры, которым мы обязаны одной из основных групп белореченских украшений и тесно примыкающих к ним золотых браслетов из кладов XIV в. в Джуке-тау 1925 г. [21, с. 24] и близ Симферополя 1967 г. [22] [8], приобретает принципиальное значение для характеристики золотоордынской торевтики. Эта проблема также должна стать темой специального исследования. Однако уже сейчас можно сказать, что для решения вопроса, несомненно, показательна степень взаимосвязанности «латинской» и «малоазийской» групп белореченского металла. Судя по тому, что в ювелирных изделиях с персидскими и арабскими надписями, а также с подражаниями арабским надписям (по этому признаку к белореченским и симферопольским находкам примыкает серебряный сосуд [9] из ризницы Псково-Печерского монастыря) [2, № 324] заметны европейские «цитаты» в декоре: василиск на оборотной стороне бляшки с Давидом (?),

[7] Этот мотив характерен для миниатюры западных областей Армении [19, табл. XLIX *b*, LIII]. По мнению Сирарпи Дер Нерсесян, дата указанных листов, близких эдесскому кругу,— XII в. Благодарим Т. А. Измайлову за указание на источник.

[8] Гипотезу В. А. Мальм о среднеазиатской или иранской родине браслетов [23, с. 274] принять нельзя. Родство всей группы браслетов с персидскими надписями с белореченскими находками позволяет предположить либо их малоазийское происхождение, что сомнительно для XIV в., либо золотоордынское, может быть, крымское — Солхат (?). Типологическое родство этой группы браслетов с пластинчатыми браслетами Золотой Орды уже отмечалось в литературе [24, с. 46—51].

[9] Сосуд принадлежит к одному из наиболее ранних вкладов в ризницу монастыря [25, с. 102, № 12]. Форма сосуда западноевропейская [26 с. 109—134].

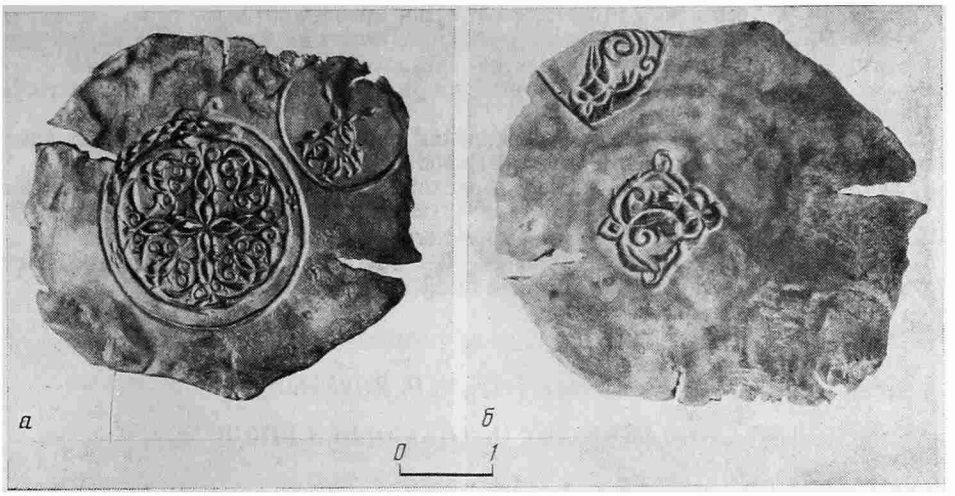


Рис. 5. Пластинка из Нового Сарая с пробой различных чеканов на обеих сторонах

европейская трактовка в передаче листьев в арке с птицей (пояс из кургана № 8), передача шерсти животных пятнами (манера, принятая в Европе и использованная буквально на всех украшениях могильника), ромбическая сетка в заполнении фона и пр.,— можно считать, что обе группы памятников имеют точки соприкосновения не столько по деталям иконографии, сколько по признакам ремесленной традиции. Исходя из сказанного, можно предположить, что весь комплекс поясных наборов Белореченского могильника и примыкающая к нему серия золотых предметов изготовлены в ремесленных городских центрах Северного Причерноморья, среди которых для конца XIV — первой половины XV в. следует выделить Каффу и, быть может, Солхат (Старый Крым).

Возвращаясь к публикуемому памятнику, подчеркнем важность болгарского золотого наконечника для понимания роли итальянских колоний в формировании художественного ремесла столичных городов Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полубояринова М. Д.* Отчет о работе Болгарского отряда ПАЭ в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6415.
2. *Крамаровский М. Г.* Торевтика Золотой Орды XIII—XV вв. (по материалам Государственного Эрмитажа): Автореф. канд. дис. Л.: Гос. Эрмитаж, 1974.
3. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.
4. *Лещенко В. Ю.* Восточные клады на Урале в VII—XIII вв. (по находкам художественной утвари): Автореф. канд. дис. Л.: ИА СССР, 1971.
5. *Генинг В. Ф., Крамаровский М. Г.* Ивдельская находка. Л.: Аврора, 1973.
6. *Спицын А. А.* Из коллекций императорского Эрмитажа.— ЗОРСА, 1906, т. 8, вып. 1.
7. *Крамаровский М. Г.* Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья.— СГЭ, 1973, вып. XXXVI.
8. *Винник Д. Ф.* Тюркские памятники Таласской долины.— В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963.
9. ОАК за 1896 г. СПб., 1898.
10. *Левашова В. П.* Белореченские курганы.— Тр. ГИМ, 1953, вып. XII.
11. *Ракитина К. А.* Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV—XV вв.— ТОВЭ, 1940, т. III.
12. *Якобсон А. Л.* Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в.— В кн.: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971.
13. *Стрельченко М. Д.* Материальная культура адыгейских племен Северо-Западного Кавказа в XIII—XV вв.: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1969.
14. *Fingerlin J.* Gürtel des hohen und späten Mittelalters. München, 1971.
15. *Dalton O. M.* Mediaeval personal ornaments from Chalcis in the British and Ashmolean Museums.— Archaeologia, Oxford, MCMX1, v. LXII, p. 2, pl. LXI, *11*.
16. *Мальм В. А.* Симферопольский клад. Буклет. М., 1979.
17. *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг.— СА, 1964, № 1.
18. *Мнацаканян А. И.* Армянское орнаментальное искусство. Возникновение и идейное содержание основных мотивов. Ереван, 1955 (на арм. языке).
19. *Nersesian S.* Armenian miniature paintings of the monastic library at san Lazzaro. Venice, 1, pl. XLIX, *b*; pl. LIII.

20. *Корхмазян Э.* Армянская миниатюра Крыма. Ереван, 1979.
21. *Смолин В. Ф.* Клад восточных золотых предметов из болгарского городища Джуке-тау.— Вестник научного общества татароведения. Казань, 1925, № 3.
22. *Мальм В. А.* Золотые бляшки в виде цветка лотоса.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
23. *Мальм В. А.* Золотой браслет с персидской надписью.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
24. *Крамаровский М. Г.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация.— СГЭ, 1978, вып. XLIII.
25. Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Остров, 1893.
26. *Kohlhausen H. von.* Der doppelmaserbecher auf der Westen Coburg und seine Verwandten.— In: Jahrbuch der Coburger Landesstiftung, 1959.

M. G. Kramarovsky, M. D. Poluboyarinova

THE JEWELLER'S ART IN THE GOLDEN HORDE TOWNS

Summary

The 1976 diggings in Bolgar, the capital of Volga Bolgaria, revealed a gold belt ornamentation dated, stratigraphically, to the first quarter of the 15th century. It is made of separate plates (Fig. 1, *a*, *b*), its size is 11.4 by 1.8 by 0.6 cm., and it weighs 70 gr. The obverse and the reverse are ornamented with four-petal rosettes. Besides, the obverse is patterned with triangular leaves and tendrils while a smooth plate serves as a background for the open-work reverse. This artistic device was common in the Golden Horde toreutics. Similar ornamentations have been found in the mounds at the Belorechenskaya village on the Kuban River, though their origin has still to be determined.

The Bolgar gold belt ornamentation is similar to the artifacts from Belorechenskaya which have the leaves and tendrils motif but differ in some details. The closest analogy to this pattern was found on two plates from the Tsarev site (Novy Sarai). One of them was a sample which indicates their local production. The same may be said of the Bolgar ornamentation. Its patterns and those on the artifacts from Belorechenskaya point to Armenian influence.

Публикации

СМИРНОВ А. С.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ЖЕРЕНСКИХ ОЗЕР

Группа Жеренских озер расположена на юго-востоке Брянской обл. на первой надпойменной террасе левого берега р. Десны в 5 км от ее русла. Озера карстового происхождения [1, с. 60], наиболее древние на Брянщине [2, с. 101]. Ранее, около 60 лет назад, их было три. К настоящему времени одно полностью заросло и представляет собой сфагновое болото. Существующие озера Малое и Большое Жерено некогда, по всей видимости, составляли один водоем, разделенный ныне заболоченной низиной, через которую прорыт небольшой канал. Озера окружают обширные болота. Лишь на незначительных участках коренной берег подходит к воде. Здесь с 30-х годов известны стоянки Жерено I и II [3, с. 116]. В последние годы обнаружено еще две — Жерено III и Жеренская Протока [4, с. 92]. Все они расположены на более или менее выраженных мысах коренного берега.

Стоянка Жеренская Протока находится на западном берегу канала, соединяющего озера. Превышение площадки памятника над окружающей местностью достигает 1,5 м. Раскоп площадью 80 м^2 был заложен в центре мыса и охватил всю свободную от деревьев часть стоянки. Стратиграфия поселения весьма проста. Под тонким слоем дерна залегал песок, сильно гумусированный лесным перегноем (10—12 см), подстилаемый светлым желтым песком толщиной не свыше 16 см, покоящемся на материке — светлом плотном зернистом песке. Находки концентрировались в гумусированном слое.

В раскопе обнаружено около 1000 фрагментов неолитической керамики, в том числе развал сосуда (рис. 1, *1*). Это горшок закрытой формы с сильно расширенным туловом и слегка выделенным округлым дном. Шейка невысокая, прямая, с плавным переходом к тулову. В качестве примеси использован кровавик. Внешняя поверхность сосуда покрыта слоем чистой глины. Изнутри и снаружи горшок заглажен гребенчатым штампом. Сосуд украшен горизонтальными лентами орнамента, выполненными отступающими наколами. Придонная часть покрыта вертикальными оттисками гребенки. Под венчиком ряд чередующихся ямок и жемчужин.

Всю керамику по приемам орнаментации можно разделить на несколько типов. Фрагменты сосудов, орнаментированные в накольчато-отступающей технике, составляют 29,2%. Чаще всего (79% керамики с накольчато-отступающим орнаментом) они украшены неглубокими ямчатыми сливающимися вдавлениями-наколами, нанесенными в отступающей манере и составляющими горизонтальные ленты (рис. 2, *2*, *3*), реже простейшие геометрические узоры (рис. 2, *8*, *9*), в том числе «уточки» (рис. 2, *12*). Иногда (21% керамики с накольчато-отступающим орнаментом) сосуды орнаментировались методом отступающей палочки, отпечатки которой покрывают всю поверхность, образуя зоны, различающиеся направлением заполняющих их полос (рис. 2, *21*). В ряде случаев наносились редкие глубокие ямки, дополнительно разделяющие орнаментальные зоны. Под венчиком обычен ряд чередующихся ямок и жемчужин (рис. 2, *6*, *7*). Поверхность сосудов может быть либо покрыта гребенчатыми расчесами, либо заглажена. В качестве примеси использован песок и кровавик.

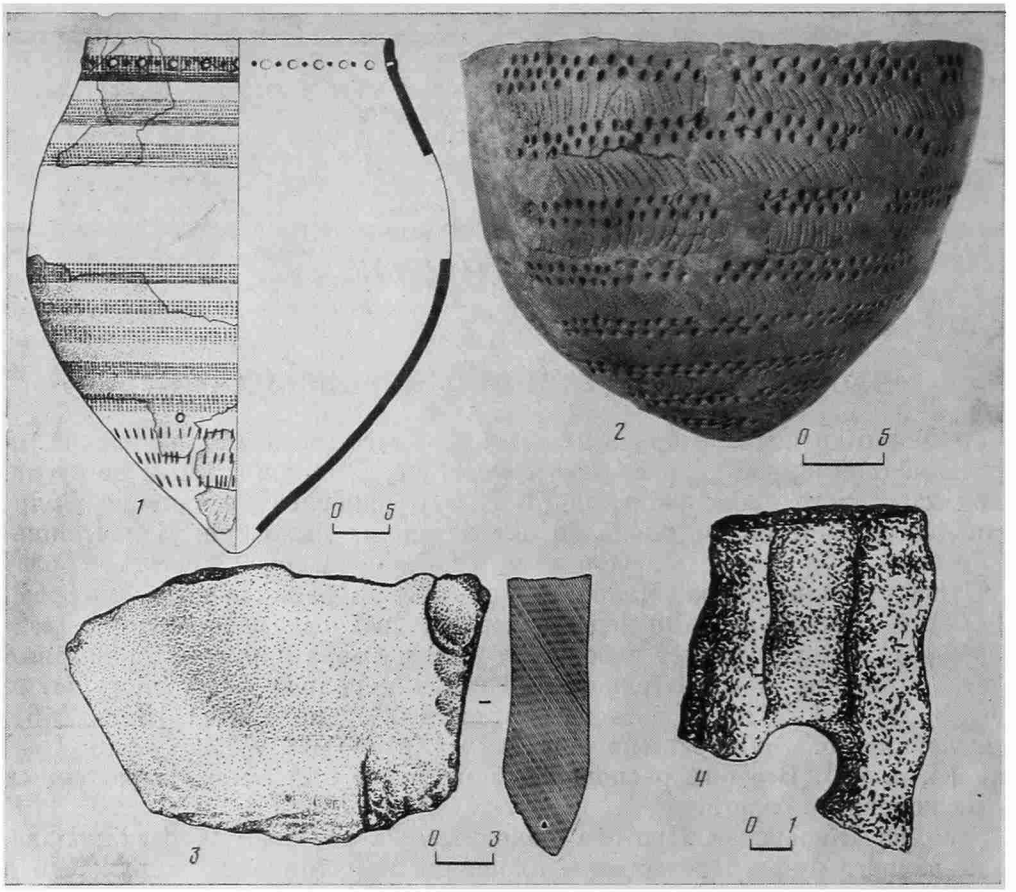


Рис. 1. Сосуды и каменные орудия стоянок Жеренская Протока (*1*) и Жерено III (*2—4*)

К этой группе керамики близки фрагменты сосудов, орнаментированных различными видами насечек (3,5%). Орнамент чаще всего составляет горизонтальные ленты (рис. 2, *10*), реже — простейшие геометрические композиции (рис. 2, *13*, *29*).

Обломки сосудов с ямочной орнаментацией (9,3%) в основном с ромбовидными вдавлениями (рис. 2, *14*, *15*, *20*, *23*), реже украшены редкими ямками и в единичных случаях лапчатыми или вытянутыми отпечатками. В тесте естественная примесь песка, реже растительные добавки.

На стоянке встречены фрагменты (6,7%) с отпечатками мелкозубого чуть серповидного гребенчатого штампа (рис. 2, *16*). Обнаруженные донца сосудов с подобной орнаментацией конические, толстые. Под венчиком горшков обычен ряд ямок или ямок с чередующимися жемчужинами (рис. 2, *4*, *5*). Внутренняя поверхность обычно покрыта гребенчатыми расчесами. В тесте встречаются песок, кровавик.

Наиболее многочисленна на стоянке неорнаментированная керамика (48,7%), по составу ничем не отличающаяся от вышеописанной. Гребенчатые расчесы могут быть как изнутри, так и снаружи. Но есть и заглаженные фрагменты. На некоторых сосудах по всей поверхности разбросаны редкие глубокие ямки, иногда жемчужины (рис. 2, *22*). Донца конической формы.

Всего на площади раскопа обнаружено около 500 экз. кремня, в том числе 38 орудий (8%). Из них наиболее многочисленны скребки (14 шт.), в большинстве случаев концевые (13 шт., рис. 3, *5*, *8—10*), выполненные на отщепах (10 шт.). Рабочий край, как правило, дугообразный (12 шт.), на трех скребках ретушь заходит на боковые грани (рис. 3, *8*). Имеется один концевой скребок с выступом (рис. 3, *10*). Встречен боковой скребок на отщепе (рис. 3, *11*).

Скобелей два, выполнены на пластине (рис. 3, *15*) и отщепе. На рабочих краях орудий имеется несколько выемок, оформленных ретушью.

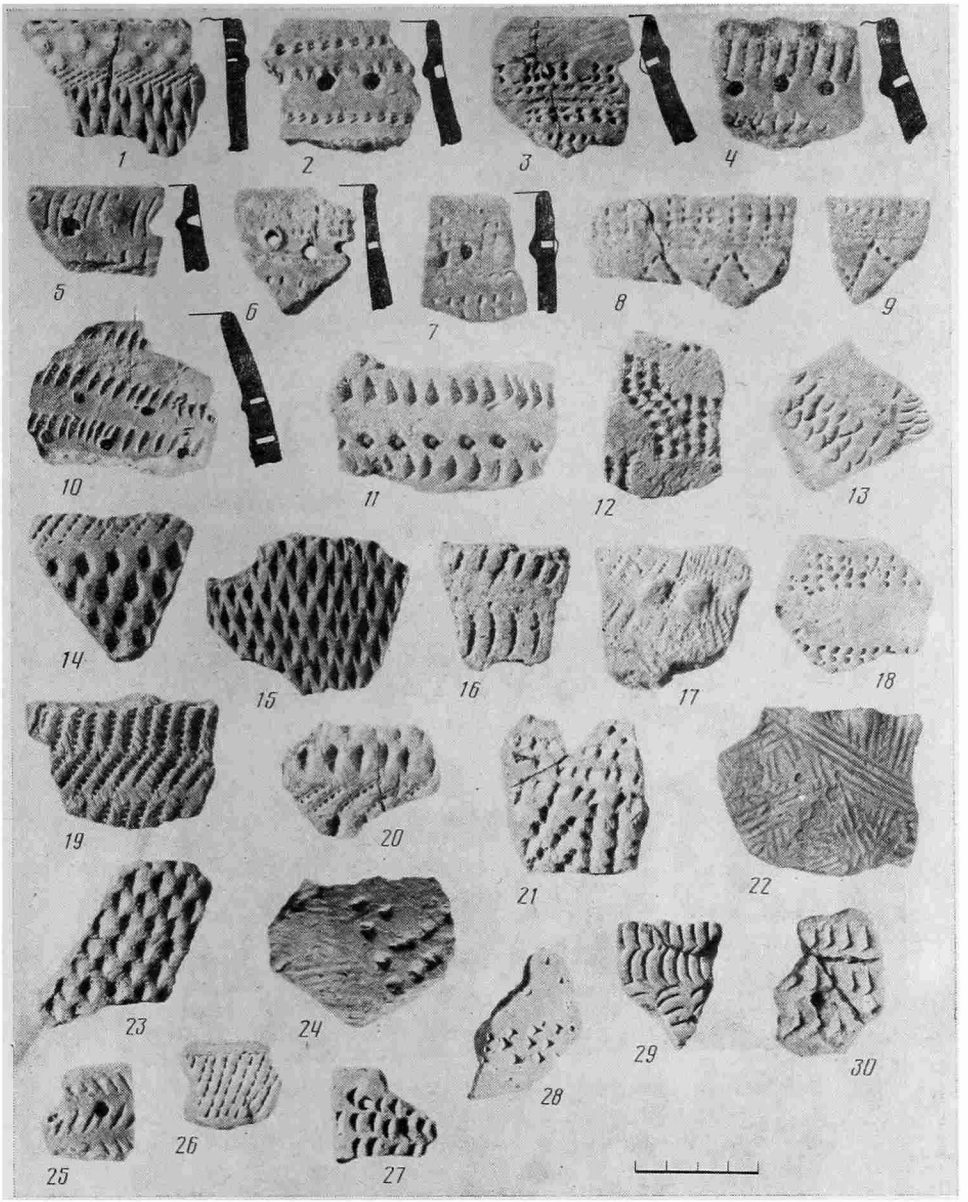


Рис. 2. Неолитическая керамика стоянки Жеренская Протока

Ножей восемь, четыре из них на пластинах (рис. 3, *2*, *3*). Встречено одно тесло, изготовленное на массивном осколке кремня, и два тесловидных изделия на отщепах (рис. 3, *13*). Комбинированные орудия представлены тремя резцами-скребками (рис. 3, *5*). Обнаружен один двусторонне обработанный треугольно-черешковый наконечник дротика (рис. 3, *1*).

Необходимо указать на наличие асимметричного сверла (рис. 3, *14*) и развертки (рис. 3, *16*). Имеется пять резцов с плоским резцовым сколом, все на отщепах с ретушью (рис. 3, *6*, *7*, *12*). Кроме того, встречен отбойник из нуклевидного куска кремня с хаотической забитостью. Все обнаруженные нуклеусы предназначены для получения отщепов.

Привлекает внимание миниатюрное желобчатое теслецо, выполненное из опоки (рис. 3, *17*).

В кремневом материале имеются изделия архаического облика, представленные различного рода микролитами — высокой асимметричной трапецией (рис. 4, *22*), прямоугольником (рис. 4, *25*) и острием на микропластинке (рис. 4, *26*).

Можно сказать, что для описываемого памятника характерны два вида керамики — неорнаментированная и украшенная в накольчато-отступаю-

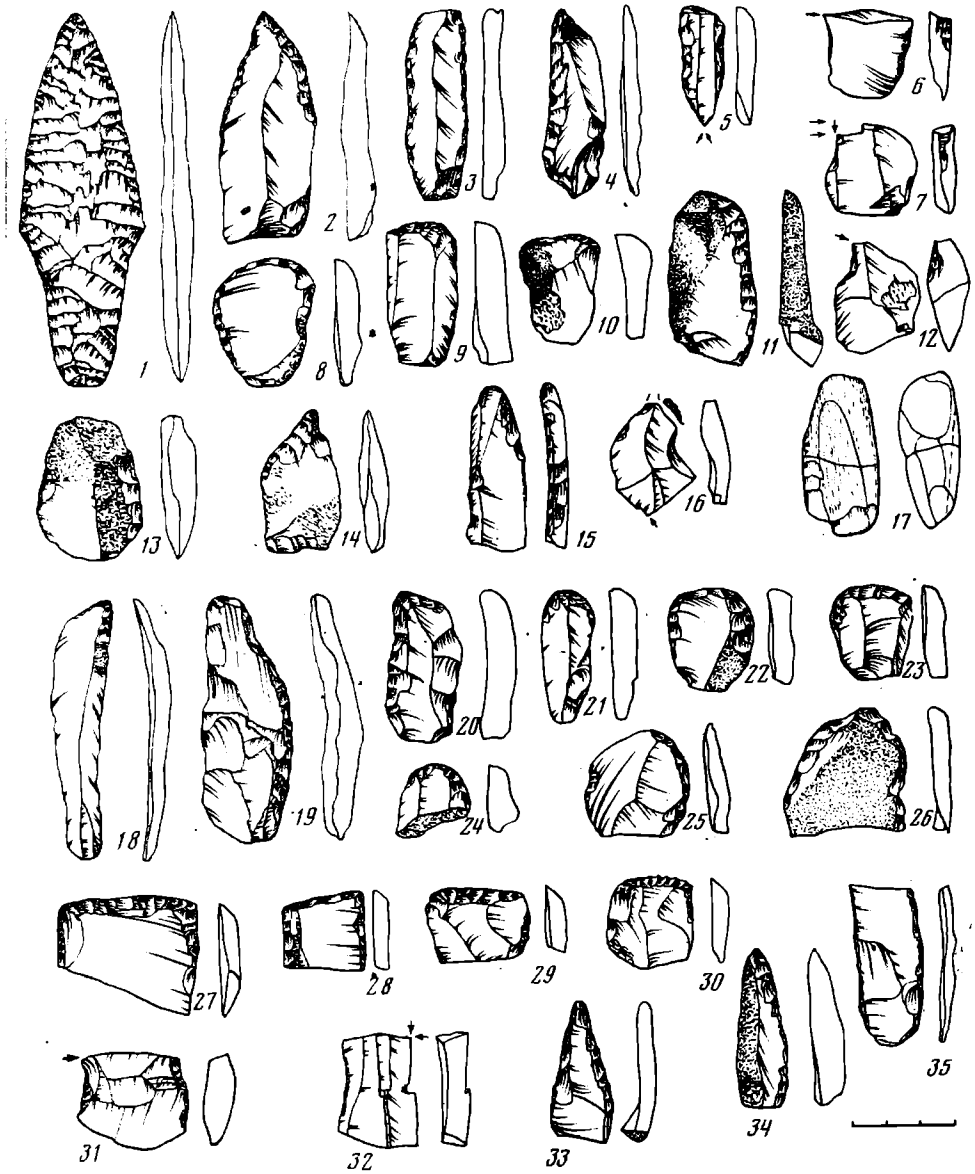


Рис. 3. Кремневые орудия стоянок Жеренская Протока (*1—17*) и Жерено II (*18—35*)

щей технике. Причем в последнем случае это в подавляющем большинстве орнаменты, выполненные неглубокими ямчатыми вдавлениями, нанесенными в скорописной манере.

Характер орнаментации, форма сосудов и ряд других признаков керамики стоянки Жеренская Протока близки материалам восточнополесских поздненеолитических памятников, в частности стоянкам типа Литвин-Юревичи [5, с. 94; 6]. Упомянутый выше орнамент в виде «уточки» напоминает изображение на сосуде с поселения Литвин I, выполненное неглубокими ямками-наколами, нанесенными в скорописной манере [7, рис. 1]. Близка восточнополесским горшкам и форма восстановленного сосуда, напоминающего горшки с торфяника Моства, расположенного на севере Житомирщины [8, табл. II, *1*, *3*]. Часть черепков, украшенных гребенчатым штампом, сходны с керамикой своеобразных неолитических стоянок типа Мнево-Лес [9], Максаково [10], расположенных в междуречье Нижней Десны и Днепра.

Среди кремневого инвентаря аналогии с Восточным Полесьем проявляются менее явно. Но в некоторых типах скребковых орудий (сребки с выступом), ножей на пластинах [11, рис. 6, 7] можно найти известные

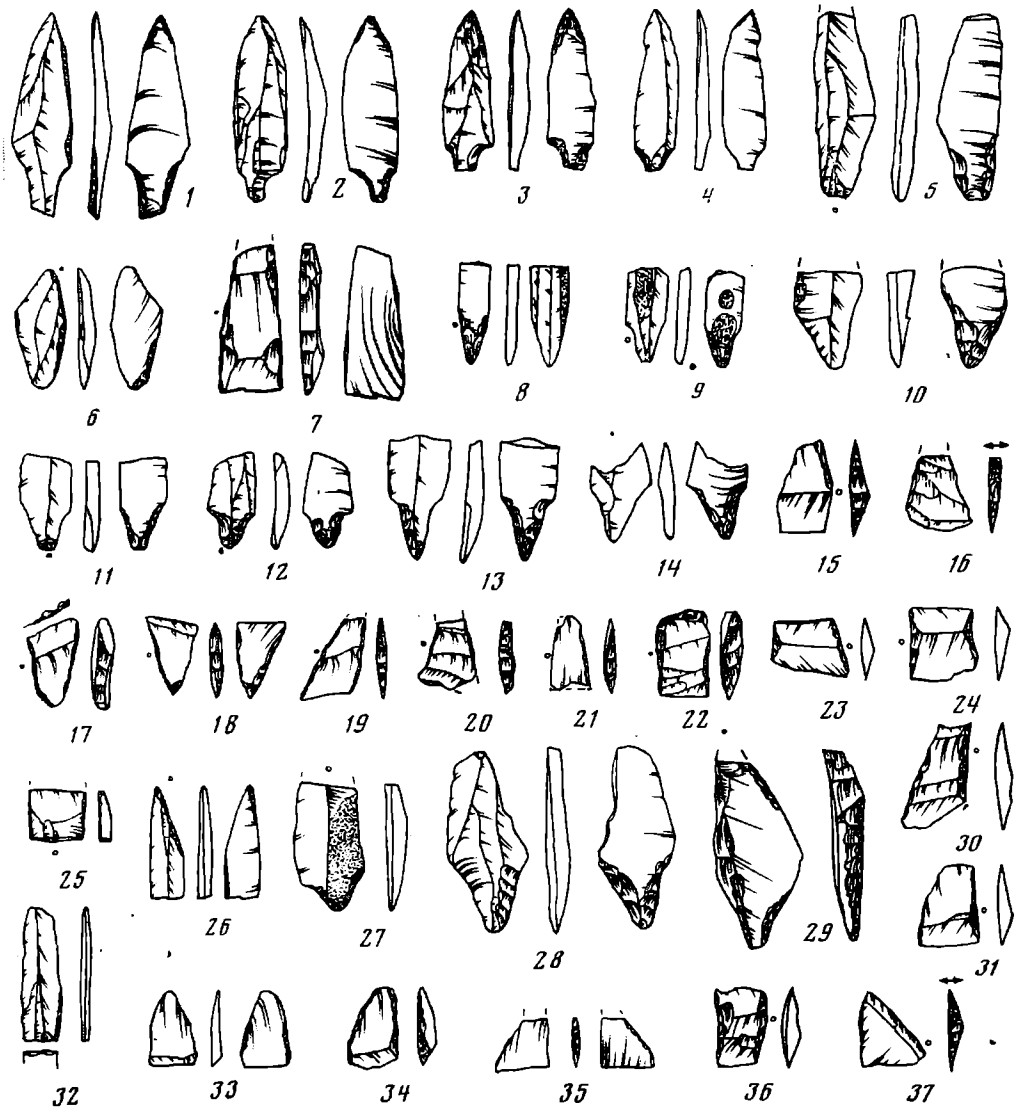


Рис. 4. Мезолитические орудия со стоянок Жеренская Протока (*22*, *25*, *26*), Жерено I (*19—21*), Жерено II (*10*, *16*, *17*, *18*, *27*, *28*, *30—35*), Жерено III (*1—5*, *6—9*, *11—15*, *23*, *24*, *29*, *36*, *37*)

параллели. Однако на памятниках Южной Белоруссии превалируют режущие орудия, скребки составляют 20% [5, с. 94]. Ближе состав кремневых изделий на стоянках типа Мнево-Лес, где ведущая роль принадлежит скребкам [9, с. 73].

В то же время форма имеющегося на памятнике треугольно-черешкового наконечника дротика характерна для лесной полосы. Подобные наконечники имеются на поздненеолитических поселениях Верхней Десны [12, рис. 23, *10*], Оки [13, рис. 14, *14*] и более северных территорий [14, рис. 12, *3*]. Присутствие подобного типа орудий надо связывать с наличием на памятнике ромбоямочной и лапчатой керамики.

В. Ф. Исаенко относит восточнополесские неолитические памятники типа Литвин-Юревичи к периоду позднего неолита, определяемого им 2500—2300 — 1800—1700 гг. до н. э. [5, с. 115]. Однако на Десне верхнюю границу существования неолитических памятников определяет время появления среднеднепровских племен — XXI—XXII вв. до н. э. [15, с. 39]. Наиболее вероятным временем существования стоянки Жеренская Протока представляется вторая половина III тысячелетия до н. э. Этому не противоречат датировки неолитического слоя Максаковского поселения [10, с. 52] и поселения Мнево-Лес [9, с. 77], установленные на основании трипольских импортов.

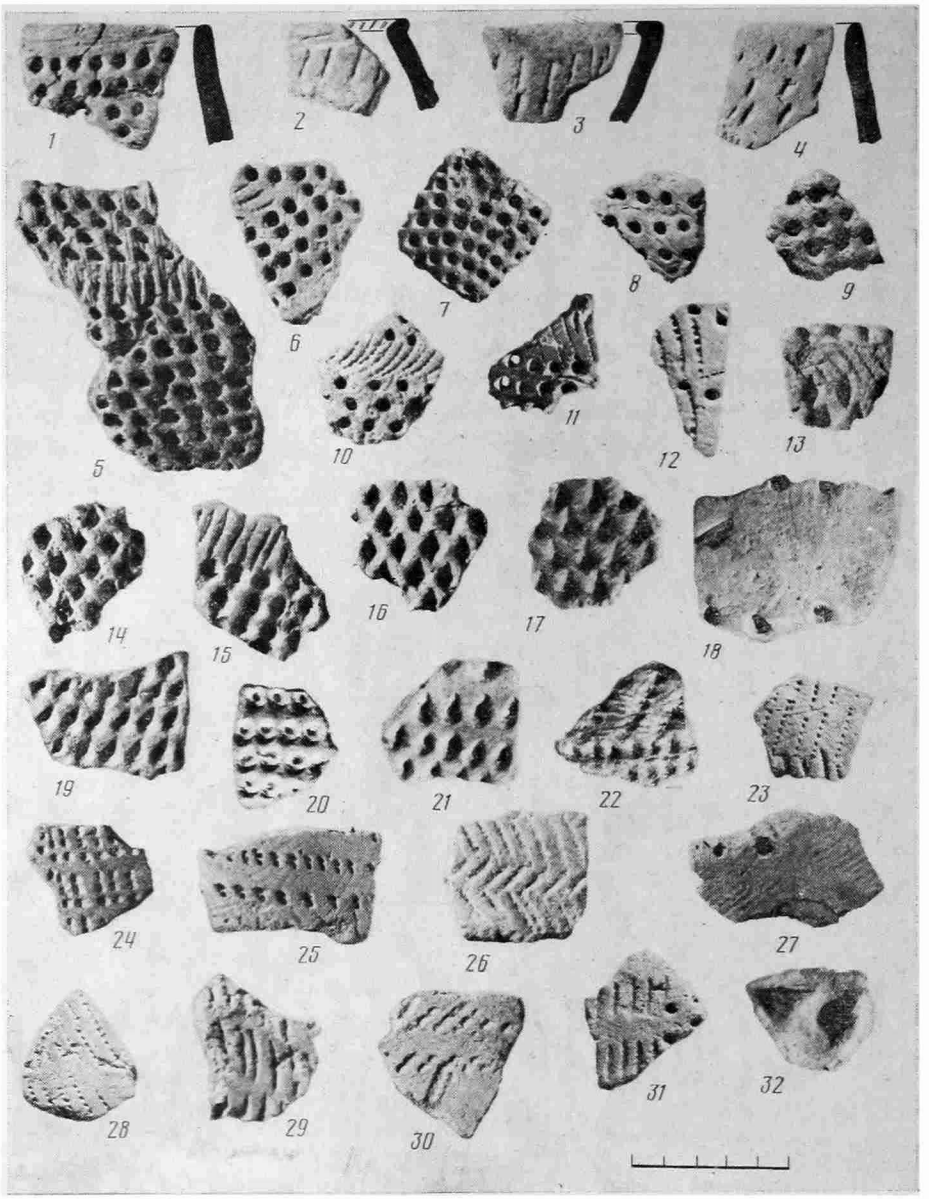


Рис. 5. Неолитическая керамика стоянки Жерено I

На северной оконечности оз. Большое Жерено в заболоченную низину вдается вытянутый мыс коренного берега, южная оконечность которого рассечена в поперечном направлении двумя ложбинами, в результате чего образовалось два небольших останца. На южном, наиболее приближенном к озеру, расположена стоянка Жерено I, на втором — Жерено II. У основания мыса, с восточной стороны, находится стоянка Жерено III.

Останец, занятый стоянкой Жерено I, имеет превышение над уровнем воды 1,5 м. Раскоп общей площадью 68 м² был заложен в восточной, прибрежной части возвышенности. Стратиграфия поселения самая сложная из всей серии описываемых памятников. Это обусловливается берегообразующей деятельностью озера и поздними перекопами[1]. В общих чертах она такова. Под тонким (2—3 см) дерном залегает слой серого песка толщиной в среднем 20 см. Ниже, а в южной части раскопа непосредственно под дерном, находится коричневый песок мощностью 60—80 см. В его толще в ряде случаев имеются линзы белого и желтовато-коричневого песка. В южной части раскопа между описан-

[1] В середине 30-х годов в южной части возвышенности еще были видны остатки построек. Во время раскопок на стоянке вскрыто позднее христианское погребение. Все это указывает на неоднократное использование площади памятника.

ным слоем и нижележащим материком вклинивается прослойка светло-серого песка мощностью до 40 см. Материк представлен голубоватым оглеенным песком.

На поселении обнаружено 1446 находок, из них 446 фрагментов керамики и 1000 ед. кремня. Неолитическая керамика по приемам орнаментации распадается на несколько типов. Основную массу (58%) составляют фрагменты с различной ямочной орнаментацией. Половина черепков этого типа (49,4% ямочной керамики) украшена круглыми ямками (рис. 5, *1*, *5*, *8*, *9*). Сама ямка может быть глубокой или же мелкой, не дающей негативов на обратной стороне. Крупных четких ямок нет, обычны небольшие конические. На ряде черепков ямки сочетаются с отпечатками гребенчатого штампа, реже с гладкими серповидными вдавлениями (рис. 5, *6*, *10—12*). Имеются фрагменты (18,1% ямочной керамики), украшенные ромбическими ямками, как правило мелкими, подквадратными или сильно вытянутыми (рис. 5, *13*, *14*, *16*, *17*). Лапчатыми отпечатками орнаментировано 16,6% ямочной керамики (рис. 5, *15*, *19—21*). Расположение отпечатков, как правило, строчечное, но на одном черепке они составляют геометрическую композицию (рис. 5, *22*). Встречаются сочетания с оттисками гребенчатого штампа. Среди прочих видов ямочных вдавлений можно назвать треугольные, овальные ямки. В качестве примеси использовался песок, реже растительные добавки.

Оттисками гребенчатого штампа украшено 12,6% керамики. Отпечатки составляют горизонтальные ряды (рис. 5, *29*, *30*) или же более или менее систематически покрывают всю поверхность сосуда (рис. 5, *23*, *28*). В одном случае гребенчатые отпечатки составляют горизонтальную елочку (рис. 5, *26*). В тесте добавки песка.

Иные виды орнаментации встречались реже. Среди них накольчатый орнамент (1,6%; рис. 5, *24*), различные виды насечек (2%; рис. 5, *2—4*), отступающая палочка (0,7%), двузубый штамп (3,6%; рис. 5, *25*). Несколько черепков покрыто неглубокими плоскими ямчатыми вдавлениями. В тесте, как правило, примесь песка, в единичных случаях кровавика.

На стоянке имеются черепки неолитической керамики без какого-либо орнамента (21,5%). Они покрыты гребенчатыми расчесами с одной или обеих сторон. На некоторых имеются глубокие круглые ямки, нанесенные на внутренней стороне сосудов и не дающие негативов на внешней стороне. В тесте песок и кровавик.

Среди обнаруженных на памятнике кремневых орудий (11% общего числа кремневых находок) наиболее многочисленны скребки. Среди них на первом месте (20 шт.) стоят концевые скребки с правильным дугообразным рабочим краем (рис. 6, *3*, *4*). Все они, за исключением двух орудий, изготовленных из пластин, выполнены на отщепах. Имеются два подпрямоугольных скребка на отщепах, ретушированные по трем сторонам (рис. 6, *6*, *7*), и два боковых скребка (рис. 6, *5*, *11*).

Скребел пять, на всех ретушью оформлены небольшие дугообразные выемки (рис. 6, *8*, *17*). Два ножа обработаны сравнительно пологой приостряющей ретушью. Единственное сверло, со слабовыраженной рабочей частью, выполнено на отщепе (рис. 6, *9*). Имеется двусторонне обработанный грубой ретушью топорик (рис. 6, *20*) и три тесловидные формы на отщепах (рис. 6, *21*).

Наконечников обнаружено всего три— двусторонне обработанный грубой ретушью с более тщательной подправкой по краю листовидный наконечник дротика (рис. 6, *1*) и два обломка листовидных наконечников стрел.

Весьма многочисленны на памятнике резцы (рис. 6, *10*, *12*, *14*, *15*, *18*, *19*). Среди них резцы ретушированные (5 шт.), резцы угловые (23 шт.), из них нуклевидных 7 шт., и 12 резцов на естественных оконечностях заготовок. Резцов с плоским резцовым сколом шесть, все выполнены на отщепах.

Имеются комбинированные орудия сверло-скобель на отщепе и нож-скребок на пластине.

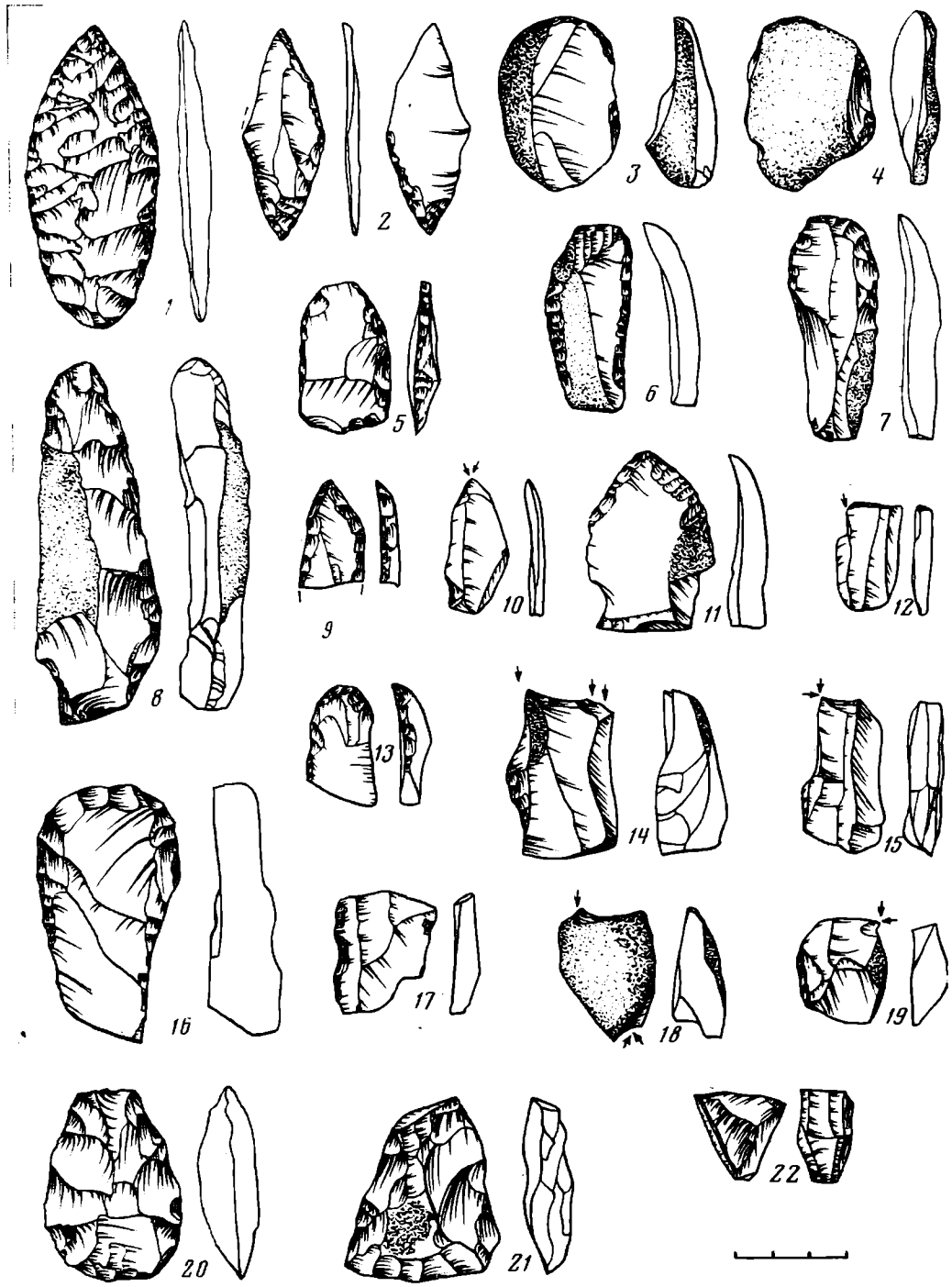


Рис. 6. Кремневые орудия стоянки Жерено I

Встреченные нуклеусы (2 шт.) торцевые, косоплощадочные, приспособленные для получения отщепов (рис. 6, *22*). Нуклевидных кусков кремня 11. Имеются два отбойника с хаотической забитостью.

Интересны три наконечника стрел постсвидерского типа с черешковой частью, обработанной как со стороны спинки, так и со стороны брюшка, и с острием, подправленным ретушью. Встречены три высокие трапеции, обработанные крутой ретушью (рис. 4, *19—21*).

Характер и элементы орнамента сосудов со стоянки Жерено I типичны для неолитических поселений с ямочно-гребенчатой керамикой севера Украины, особенно лесостепного Подесенья. Весьма сходная керамика известна на стоянке Погореловка (урочище Коса, Устье Эсмани)

[16, табл. I. II]. Присутствие керамики с ромбическим и лапчатым орнаментом характерно для памятников, находящихся на границе лесостепных неолитических культур Украины с лесными деснинскими племенами.

Для датировки стоянки интересны фрагменты сосудов с небольшими парными налепами (рис. 5, *32*). Керамика с такими украшениями имеется в материалах трипольского поселения Евминка на Нижней Десне [17, табл. II, *10*]. Причем подобные фрагменты по своему облику и составу теста весьма близки позднеолитическим, имеющимся на указанном поселении, и отличаются от них лишь по характеру орнаментации [17, с. 51]. Евминка относится к позднетрипольским памятникам лукашевского типа [18, с. 78]. Учитывая, что поселения лукашевского и предшествующего ему чапаевского периода существовали в среднем Поднепровье в период 2600—2400 гг. до н. э. [18, с. 149], мы можем отнести время существования стоянки Жерено I к середине III тысячелетия до н. э.

Стоянка Жерено II занимает второй, более северный останец. Раскоп площадью 152 м² заложен в его восточной части. Стратиграфия обычна для поселений этого типа. Под слоем лесного дерна мощностью 5 см лежит гумусированный песок толщиной в среднем 20 см, подстилаемый желтым песком, достигающим максимума в северной части раскопа (50 см) и постепенно утончающимся к югу (до 10 см). В северной части раскопа, ближе к центру возвышенности, эти два слоя разделены прослойкой подзола толщиной не более 10 см. Материк представлен плотным зернистым светлым песком. Основная масса находок залегала в нижней части гумусированного слоя и в верхней части желтого песка.

Подавляющее большинство обнаруженной неолитической керамики (до 80%) орнаментировано различными видами ямочных вдавлений, чаще всего (36% ямочной керамики) ромбической формы. Ромбические ямки довольно однообразны, средних размеров, чаще несколько вытянуты, реже подквадратны (рис. 7, *3*, *9*, *13—21*). Расположение вдавлений как шахматное, так и строчечное. Несколько черепков украшено ромбами в сочетании с гребенкой. Почти такое же количество керамики (34% ямочной керамики) украшено лапчатым штампом. Отпечатки, расположенные в шахматном порядке, покрывают всю поверхность сосудов (рис. 7, *22*). Третье по численности место (26% ямочной керамики) занимает керамика с круглоямочным орнаментом. Ее можно разделить на две группы.

К первой относится керамика с четкими коническими ямками, нанесенными по всей поверхности горшков в строчечном порядке. Внешняя поверхность черепков заглажена, даже слегка подлощена, внутренняя в негативах (рис. 7, *26*, *29*). Керамика второй группы покрыта ямками менее четкими, часто вытянутыми. Поверхность более грубая, нежели в первом случае. Сам черепок рыхлый (рис. 7, *8*, *28*, *30*).

Часть фрагментов украшена глубокими треугольными ямками (4% ямочной керамики; рис. 7, *4*, *24*). В качестве примеси использован, как правило песок, реже органические добавки.

Гребенчатая керамика в коллекции составляет 11,2%. Отпечатки гребенки могут быть как вертикальные, так и наклонные, реже составляют горизонтальную елочку (рис. 7, *27*). Обычно орнамент состоит из горизонтальных лент, покрывающих весь сосуд, но в ряде случаев в сочетании с ямками отпечатки составляют более сложные узоры (рис. 7, *2*, *33*, *34*). В тесте встречается песок, иногда зерна кровавика. Привлекает внимание плоское дно, украшенное небольшими серповидными гребенчатыми отпечатками (рис. 7, *40*). Сходные донца известны на стоянках Мнево [2] и Максаковском поселении на Черниговщине [10, с. 50], а также на ряде других памятников.

Незначительное число фрагментов украшено неглубокими ямчатыми вдавлениями (2,4% рис. 7, *31*, *39*), накольчатым орнаментом (3,7% рис. 7, *38*), отступающей палочкой (1,6% рис. 7, *37*) и др.

---

[2] Раскопки В. И. Неприной в 1964 г. Коллекция хранится в ИА АН УССР, № 555, фрагм. 823.

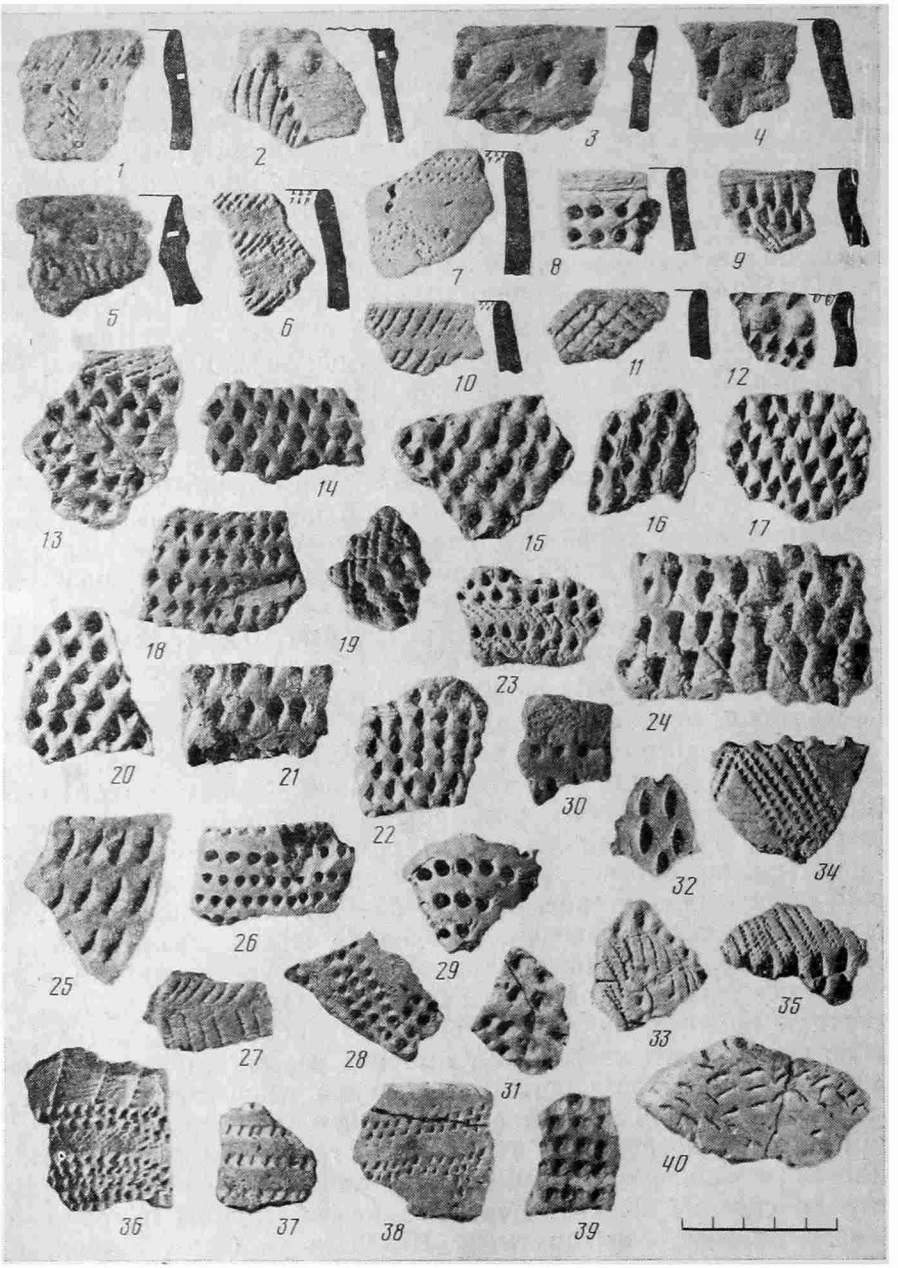


Рис. 7. Неолитическая керамика стоянки Жерено II

В слое обнаружено шесть небольших керамических стерженьков длиной не более 45 при диаметре 6—8 мм, по всей видимости — штампов.

Кремневые орудия представлены следующими типами. Чаще всего это концевые скребки с правильным дугообразным рабочим краем, изготовленные на отщепах (рис. 3, *22*, *23*), лишь два орудия на пластинах (рис. 3, *21*). Три орудия имеют прямой рабочий край, причем ретушь заходит и на боковые части орудия (рис. 3, *27—29*). Боковых скребков шесть (рис. 3, *25*), все они выполнены на отщепах. Один из них представляет из себя комбинированное орудие — двойной скребок-резец (рис. 3, *31*).

Скобелей шесть (рис. 3, *18*, *19*). За исключением одного, все выполнены на пластинах. Встречены два сверла, рабочая часть которых обработана ретушью со стороны спинки (рис. 3, *33*, *34*), и одна развертка, на которой рабочая часть ретуширована как со стороны спинки, так и со стороны брюшка. Найден обломок ножа, изготовленного на пластине, обработанного приостряющей ретушью по боковым граням (рис. 3, *35*).

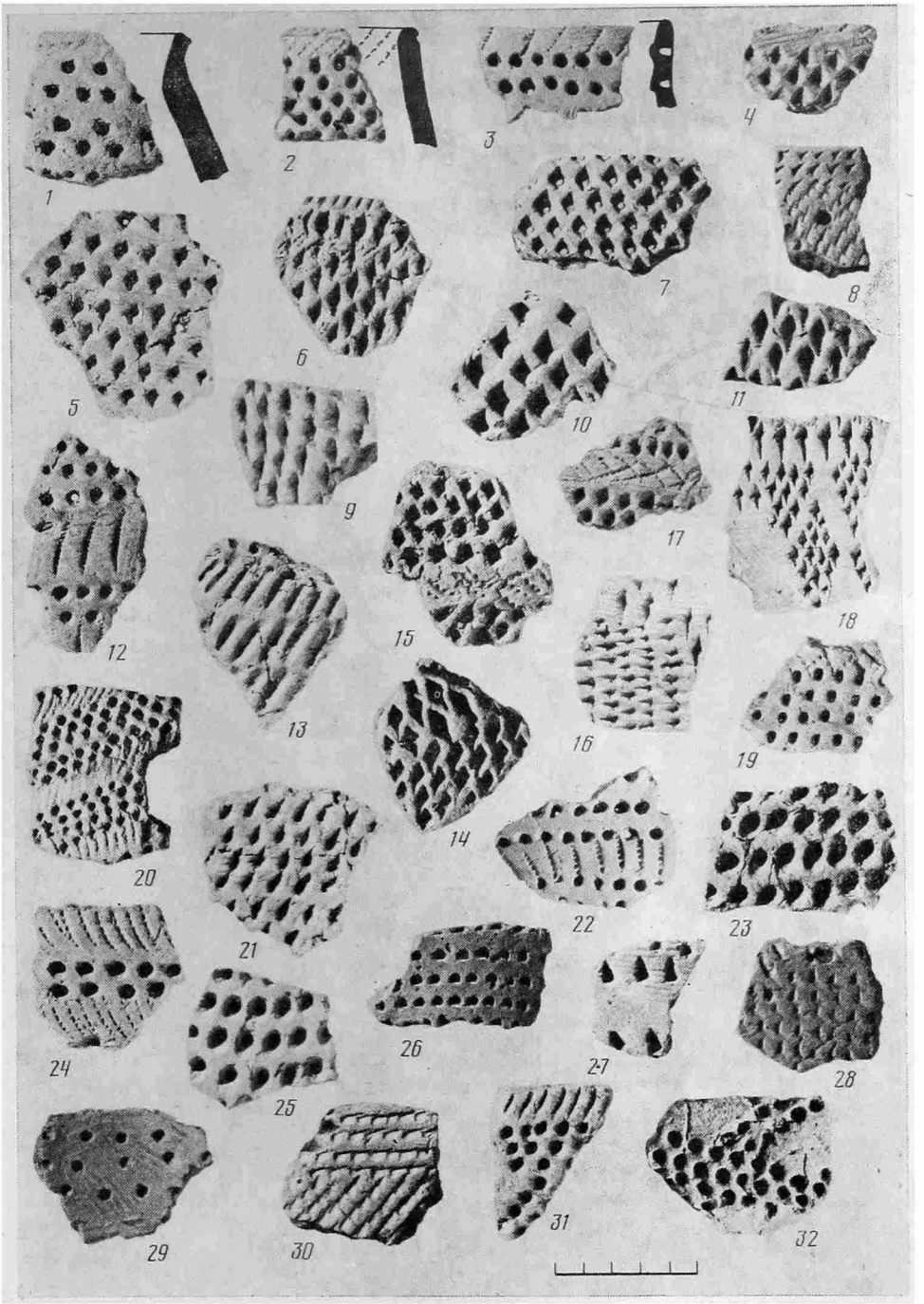


Рис. 8. Неолитическая керамика стоянки Жерено III

Среди резцов встречаются следующие типы: на сколе или естественном окончании заготовки — 23 (из них три на пластине) (рис. 3, *32*), шесть нуклевидных многофасеточных резцов, три резца, выполненных на отщепах с ретушированной площадкой скола (рис. 3, *31*). 20 угловых резцов (три нуклевидных, остальные на отщепах) и два резца с плоским резцовым сколом.

Нуклеусов шесть (подпризматические, клиновидные), все предназначены для получения отщепов. Кроме того, в культурном слое была обнаружена полировальная плитка.

На памятнике встречено несколько микролитов и орудий архаического облика. Это девять высоких асимметричных трапеций (рис. 4, *16*, *17*, *30*, *31*, *33*, *34*, *35*), два треугольника (рис. 4, *18*) и обломки четырех наконечников (рис. 4, *10*, *27*, *28*). Ретушью обрабатывался только сам черешок, обычно с брюшка, а иногда и с брюшка и со спинки.

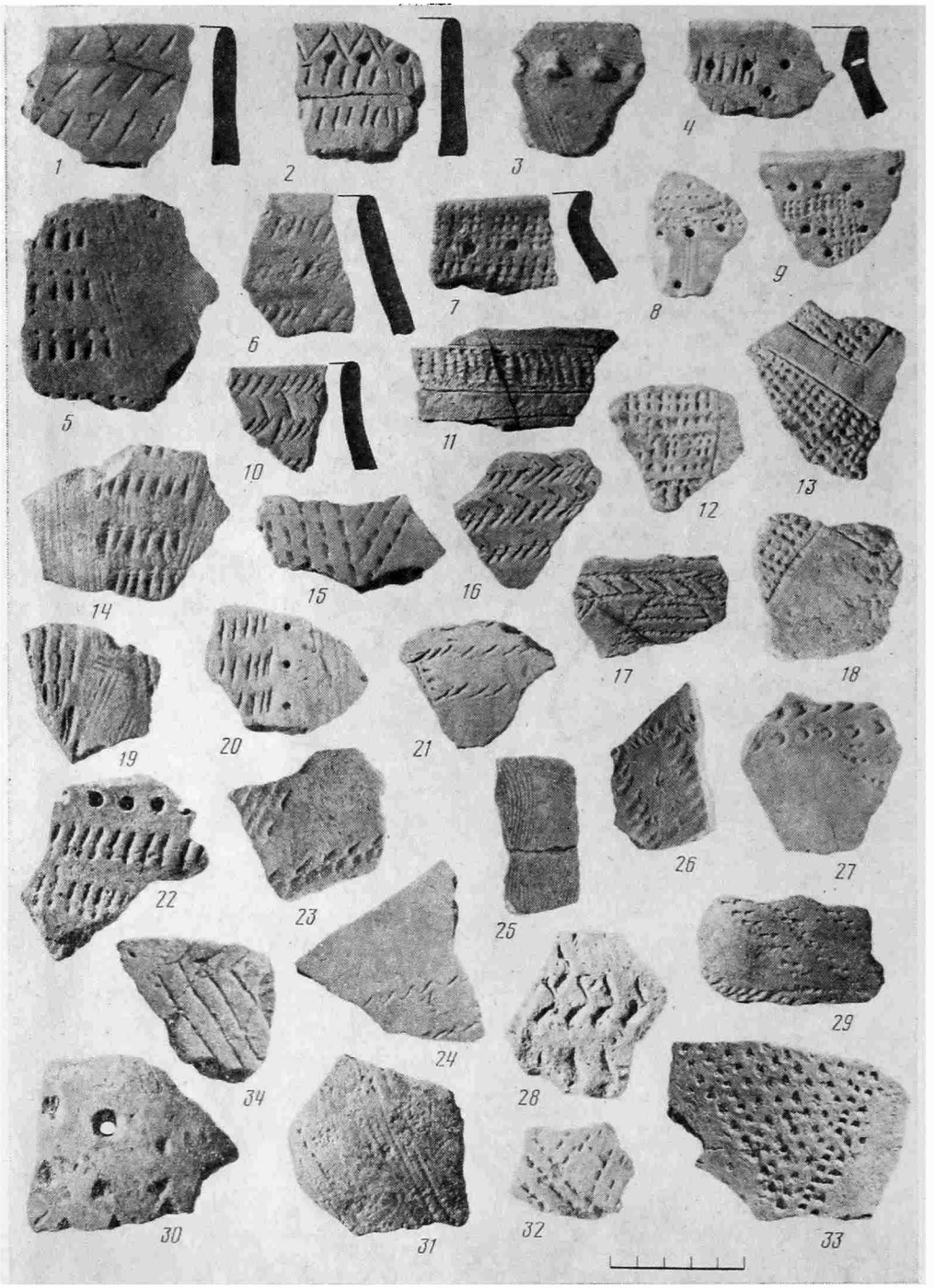


Рис. 9. Неолитическая керамика стоянки Жерено III

Преобладание на поселении керамики с ямочной орнаментацией, в большинстве своем ромбическо-лапчатой, отсутствие неорнаментированных фрагментов позволяют нам отнести стоянку Жерено II к кругу неолитических памятников лесного Подесенья. Широкое употребление лапчатого штампа (керамики с лачатыми отпечатками практически столько же, сколько с ромбическими) не позволяет говорить о древнем возрасте памятника. На это же указывают встреченные на черепках сложные геометрические узоры (треугольные фигуры и т. п.), выполненные ямками, часто в сочетании с гребенчатыми отпечатками, присутствие плоскодонных сосудов с гребенчатой орнаментацией и ряд других признаков.

Стоянка Жерено III расположена в 200 м к северу от Жерено II. Превышение памятника над уровнем озера составляет 1,5—2 м. Раскоп

площадью 182 м² вытянут вдоль обреза берега. Стратиграфия поселения элементарна. Под лесным дерном (5—8 см) лежит темный гумусированный песок (12—15 см). Он подстилается песком (18—20 см), покоящимся на материке — светлом зернистом песке. Находки преимущественно залегают в гумусированном слое и в верхней части желтого песка.

В раскопе на уровне материка выявлены две хозяйственные ямы, в одной из которых находится развал остродонного сосуда (рис. 1, *2*). Поверхность орнаментирована слегка овальными ямками, разделенными поясами мелкозубой гребенки.

Обнаруженная неолитическая керамика (около 3200 фрагм.) чаще всего (38,7%) украшалась различного вида ямками, среди которых преобладают ромбические (45% ямочной керамики), в том числе с рубчатым дном (рис. 8, *4*, *11*). Половина черепков украшена ромбическими ямками, нанесенными в шахматном порядке (рис. 8, *6*, *7*, *10*), но распространено было и строчечное расположение (рис. 8, *5*). Реже ромбический орнамент наносился зонально в сочетании с гребенкой или прочерченными линиями (рис. 8, *15*, *17*) и в единичных случаях составлял различные по очертаниям фигуры (рис. 8, *18*).

Лапчатый штамп употреблялся значительно реже (14% ямочной керамики). Отпечатки нанесены в строку (рис. 8, *21*), хотя на нескольких черепках имеется зональное расположение ямок, либо они образуют несложные фигуры.

Значительная часть керамики с ямочной орнаментацией (28%) украшалась круглыми коническими ямками. На половине фрагментов они нанесены в строгом строчечном порядке (рис. 8, *23*, *25*, *26*), на трети ямки в сочетании с гребенкой или прочерченными линиями составляют горизонтальные ленты орнамента (рис. 8, *12*, *20*, *22*, *24*). Встречается также разреженное нанесение ямок (рис. 8, *1*), в единичных случаях они составляют простейшие геометрические композиции (рис. 8, *31*, *32*).

Среди иных видов ямочных вдавлений (всего 13% ямочной керамики) можно назвать глубокие треугольные ямки (рис. 8, *27*), овальные ямки с острым верхним и нижним концом и прочие отпечатки. В тесте встречаются песок, реже дресва, органические остатки.

В основной своей массе комплекс ямочной керамики выглядит достаточно однородным. Сосуды украшались только различного вида ямками, равномерно нанесенными по поверхности, иногда разделенными горизонтальными поясками гребенки.

Прочие типы орнаментации на памятнике представлены менее многочисленными сериями. Так, ямчатыми вдавлениями украшено всего 3,1% неолитической керамики. Они, как правило, неглубокие, нанесены в отступающей, скорописной манере. Орнамент либо покрывает все тело сосуда, либо составляет треугольные фигуры (рис. 9, *33*). Стенки сосудов с подобной орнаментацией могут быть как обычной толщины (7—8 мм), так и более толстостенными (11 мм). Последние иногда покрывались слоем чистой глины. В качестве примеси использовался песок, причем добавки его часто весьма значительны.

Накольчатая керамика (5%) встречена в основном двух видов. В первом случае она украшена мелкими неглубокими наколами, образующими орнаментальные зоны, ограниченные прочерченными линиями, реже ямками (рис. 9, *8*, *9*, *11—13*, *18*). Второй вид накольчатой керамики украшен различными наколами (треугольными, продолговатыми), обычно сливающимися и покрывающими все тело сосуда (рис. 8, *8*; 9, *32*). В тесте добавки песка, реже кровавика.

Насечками, штампом-качалкой орнаментировано 3% неолитической керамики, в том числе фрагменты сосудов с хорошо заглаженной поверхностью и плотным, хорошо отмученным тестом (рис. 9, *1*, *2*, *6*, *14*, *20*, *24*, *26*). В качестве примеси использован песок.

Прочерченный орнамент встречен всего лишь на 11 черепках (0,3%). Линии составляют либо перекрещивающийся, либо елочкообразный узор, иногда в сочетании с ямками или гребенкой (рис. 9, *34*). Примесь песка, кровавика.

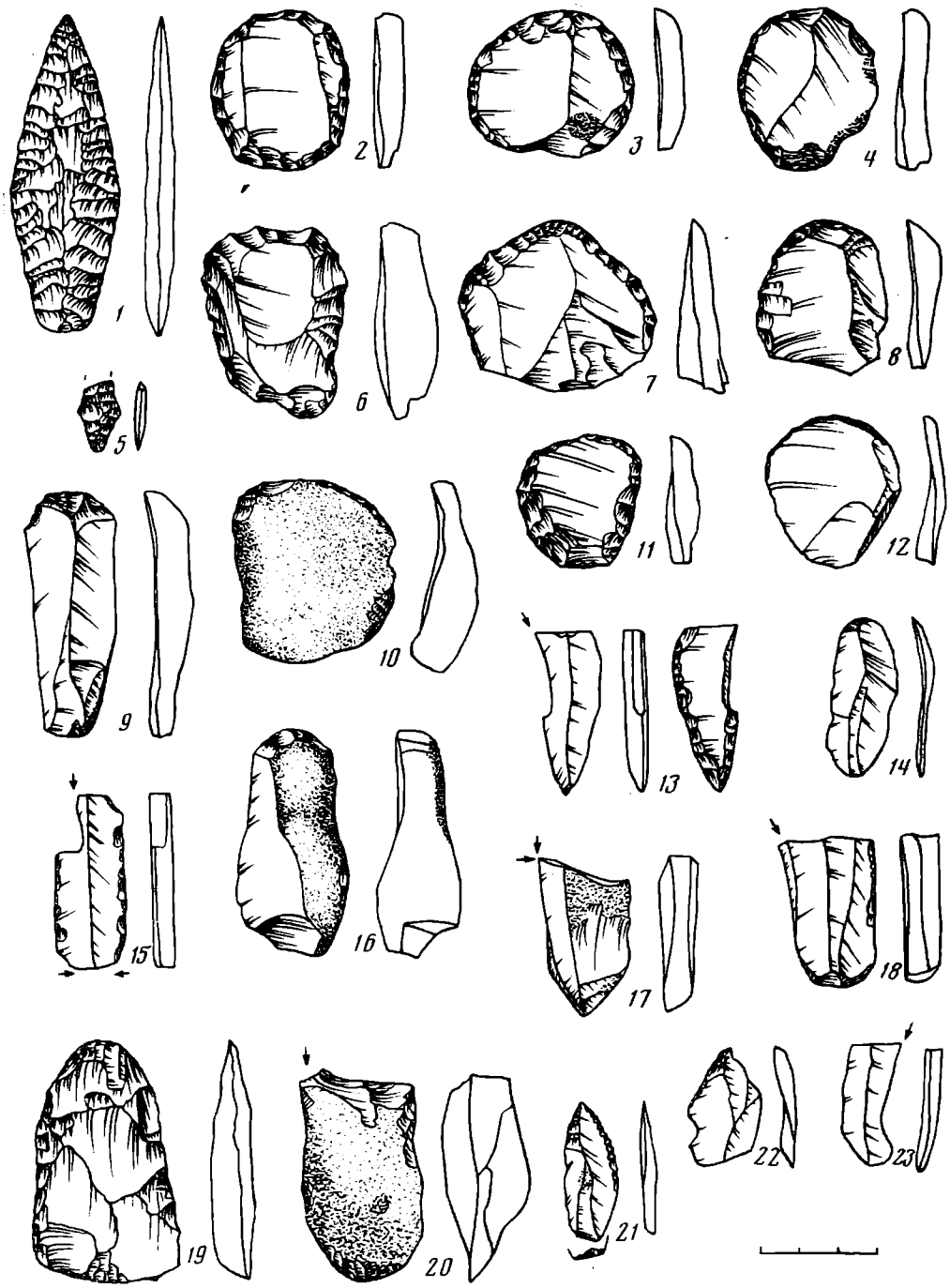


Рис. 10. Кремневые орудия стоянки Жерено III

Керамика, украшенная в технике отступающей палочки (4,4%), как правило, покрыта узором, представляющим собой взаимопроникающие зоны, иногда сочетающиеся с неорнаментированными участками, в ряде случаев ограниченные ямками (рис. 8, *30*).

Всю обнаруженную гребенчатую керамику (8,2%) можно разделить на два вида. В первом случае она орнаментирована отпечатками наклонного гребенчатого штампа «на боку» (рис. 9, *29*). Второй вид — «традиционная» гребенка, нанесенная несколько наклонно либо составляющая горизонтальную елочку (рис. 9, *10*, *16*). В тесте примесь песка и кровавика.

На памятнике много неорнаментированной керамики (37,4%). Поверхность черепков может быть как заглажена, так и покрыта гребенчатыми

расчесами (рис. 9, *31*). В ряде случаев они создают на теле сосуда волнообразный рисунок (рис. 9, *25*). Иногда внутренняя поверхность сосудов покрыта круглыми ямками, дающими негативы на внешней стороне (рис. 8, *29*). Примеси в тесте обычны— песок, кровавик.

Встречен небольшой керамический стерженек, аналогичный найденным на стоянке Жерено II.

Среди кремневых поделок выделяются следующие типы орудий. Весьма многочисленны скребки (152 орудия), выполненные, как правило, на отщепах. Подразделяются на несколько видов: концевые скребки с дугообразным рабочим краем (59 орудий; рис. 10, *16*), из них два на пластинах (рис. 10, *9*, *14*), концевые скребки с прямоскошенным рабочим краем (3 шт., из них 2 на пластинах); концевые скребки с ретушью, заходящей на боковые грани орудий (47 шт.; рис. 10, *6*); боковые скребки (9 шт.); полукруглые скребки (4 шт.; рис. 10, *7*, *8*); подкруглые скребки (11 шт.; рис. 10, *3*, *4*, *11*), округлые скребки (1 шт.; рис. 10, *2*); концевых-боковых 8 шт.; скребков, выполненных на заготовках случайной формы,— 8 шт.) (рис. 10, *10*).

Обнаружено пять скобелей. Все они имеют небольшие ретушированные выемки на рабочем крае.

Имеется один двусторонне обработанный наконечник стрелы иволистной формы с прямым основанием (рис. 10, *1*), заготовка наконечника и шесть обломков (рис. 10, *5*). Встречен двусторонне обработанный ромбовидный наконечник дротика.

В коллекции три желобчатых тесла. Причем одно из них, будучи сломанным, использовалось впоследствии как нуклеус. Обычных, нежелобчатых, тесел два (рис. 10, *19*) и одно долотовидное орудие на отщепе.

Резцы делятся на четыре большие группы. К первой относятся резцы с ретушированной площадкой скола (6 шт.; рис. 10, *20*). Все они, кроме одного, изготовлены на отщепах. Угловых резцов 48 (рис. 10, *17*), из них 16 — многофасеточные резцы, выполненные на нуклевидных кусках кремня, остальные на отщепах. Резцов на сколе или естественном окончании заготовок 50 (рис. 10, *13*, 15, *18*, *23*) (42 на отщепах, остальные на пластинах), из них 1 двойной и 3 многофасеточных. Последний тип — поперечные резцы (33 шт.). Из них 29 с ретушированной и 4 с неретушированной площадкой скола.

Нуклеусов 13. Из них призматических 2 (оба от пластин), торцевых 3, подконических со скошенными площадками 7 и клиновидных 1. Нуклеусы трех последних типов предназначены для получения отщепов.

Среди прочих орудий есть довольно многочисленные (20 шт.) проколки, провертки и сверла (рис. 10, *22*), шесть орудий, которые, скорее всего, являются «ложкарями», и обломок каменного сверленого молота (рис. 1, *4*).

В слое памятника встречено шесть высоких трапеций (рис. 4, *6*, *7*, *15*, *23*, *24*, *36*), один треугольник (рис. 4, *37*) и 11 наконечников стрел на пластинах (рис. 4, *1—5*, *9*, *11—14*). Один из наконечников напоминает черешковый асимметричный наконечник с боковой выемкой (рис. 4, *29*).

При анализе материалов, полученных при раскопках стоянки Жерено III, обращает на себя внимание, что на памятнике достаточно полно представлена керамика, характерная и для лесной полосы— ямочная, в основном с ромбическим, реже с круглоямочным орнаментом, и для более южных территорий — лесостепи и степи. В последнем случае это неорнаментированная керамика, керамика, украшенная узорами, выполненными в накольчато-отступающей технике, различного вида насечками и рядом других орнаментов. Последние фрагменты часто выполнены из более плотного теста, нередко с хорошо заглаженной поверхностью [3].

В поисках аналогий керамике южных типов мы должны обратиться к неолитическим памятникам Нижнего Дона. Близкие параллели можно найти в сборах Г. И. Горецкого, где имеются фрагменты, украшенные

[3] Никаких закономерностей в залегании материалов в культурном слое стоянки Жерено III как и на прочих памятниках Жеренских озер, не прослеживается.

геометрическими узорами, выполненными наколами и ограниченными прочерченными линиями, горизонтальными лентами аналогичных наколов [19, рис. 60, *1*, *2*, *9*, *4*]. Подобная керамика представлена в материалах верхних слоев поселения Ракушечный Яр [20, с. 6]. В нижнем слое Самсоновского поселения имеются обломки сосудов, украшенные штампом-качалкой, фрагменты из плотного теста с тщательно заглаженной поверхностью и украшенные редкими насечками [21, рис. 3, *8—10*]. Керамика, аналогичная самсоновской, также встречена в верхних, позднеолитических слоях Ракушечного Яра [21, с. 125]. Отличительной чертой основной массы нижнедонской керамики является обильная примесь толченой раковины. Однако фрагменты с заглаженной поверхностью, украшенные насечками, близки жеренским и по составу теста.

Многие фрагменты сосудов нижнедонского облика стоянки Жерено III сходны с керамикой так называемого лисогубовского типа, выделенного В. И. Неприной на Северной Украине. Это проявляется в употреблении одинаковых примесей — песка, зерен кровавика, растительных добавок [22, с. 151, 152] и в приемах орнаментации. Сосуды лисогубовского типа украшались редкими цилиндрическими ямками, поясками мелкозубой гребенки в сочетании с ямками, гребенчатыми наколами, ограниченными прочерченными линиями и др. [22, рис. 7]. Подобная керамика встречена на ряде поселений средней и нижней Десны — Погореловка-Эсмань [23, с. 91, рис. 41, *9—12*], Погореловка-Коса [23, с. 94, 95, рис. 42], Погореловка-Вырчище [23, с. 65], Холм [24, рис. 45, *6*, *7*] и др. В лисогубовской керамике пока неизвестна орнаментация штампом-качалкой и не встречаются фрагменты из плотной глины с хорошо заглаженной поверхностью с рядами наклонных насечек.

В. И. Неприна датирует нижний (собственно лисогубовский) слой Лисогубовского поселения концом V — началом IV тысячелетия до н. э. на том основании, что он, по ее мнению, перекрывается отложениями, где имеются материалы раннего этапа неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики Украины (первая половина — середина IV тысячелетия до н. э.) [22, с. 153], а основная масса датируется вторым этапом этой культуры. Однако выводы В. И. Неприной не получили всеобщего признания. Подвергаются сомнению как стратиграфические наблюдения о соотношении лисогубовской и ямочно-гребенчатой керамики, так и возможность их генетического родства [25].

Учитывая сходство части керамики стоянки Жерено III и лисогубовской, нам кажется, что датировка последней несколько удревлена. Накольчатым орнаментом с прочерченными линиями украшались сосуды с воротничковым утолщением на венчике [26, табл. V, 1]. Фрагменты с подобным орнаментом, а также со штампом-качалкой, хорошо заглаженная керамика с насечками в комплексе встречаются лишь в позднеолитических слоях поселений Нижнего Дона. Нижний слой Самсоновского поселения датируется концом IV — второй четвертью III тысячелетия до н. э. [21, с. 131]. Для верхних слоев Ракушечного Яра имеется радиоуглеродная дата — 4360±100 от наших дней [27, с. 54]. Эти данные склоняют нас к мысли датировать данный комплекс керамики стоянки Жерено III и сходную с ним лисогубовскую керамику рубежом IV—III — началом III тысячелетия до н. э. Весьма интересно то обстоятельство, что на Среднем Дону этим же временем (рубежом IV—III тысячелетия до н. э.) датируется появление многочисленных материалов нижнедонского типа, что привело к значительному изменению материальной культуры этого региона [28, с. 188—191, 211].

Подтверждение нашим выводам можно найти и при анализе ямочной керамики поселения. Остродонный горшок, обнаруженный в одной из хозяйственных ям (рис. 1, *2*), близок по форме сосудам нижнего яруса среднего слоя Долговской стоянки на Верхнем Дону [29, рис. 10], а его орнаментация обычная для керамики нижнего слоя стоянки Долгое [29, рис. 3]. Описываемый горшок представляет как бы переходный тип. Если учесть, что нижний слой Долговской стоянки датируется второй половиной IV тысячелетия до н. э., а нижний ярус среднего слоя —

первой половиной III тысячелетия до н. э. [29, с. 247], то мы можем отнести наш сосуд к рубежу IV—III тысячелетий до н. э., что совпадает с предложенной датировкой керамики нижнедонского типа. К этому же времени следует отнести и основную массу ямочной керамики.

Но на памятнике имеются материалы и поздненеолитического времени. Об этом говорит присутствие полировальной плитки (рис. 1, *3*), фрагментов сосудов, орнаментированных гладким штампом (рис. 8, *13*), треугольными, а также ромбическими и «лапчатыми» ямками, составляющими геометрические композиции (рис. 8, *14*, *16*), в том числе фигуры в виде ромба (рис. 8, *18*). Подобный мотив довольно часто встречается на поздненеолитических стоянках Десны [30, рис. 2—11], Верхнего [31, табл. 47, *8*] и Среднего Днепра [23, рис. 46, *6*]. По аналогии с ними мы можем датировать эти материалы серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э.

В этом же районе Брянщины в различные годы было раскопано несколько неолитических памятников, материалы которых близки находкам на жеренских поселениях. Это стоянки Холм и Пименов Бугор в приустьевой части р. Неруссы (левый приток р. Десны) и стоянка Островок I, расположенная выше по реке.

Стоянка Холм имеет много сходных черт с материалами Жерено III. Ямочная керамика, характерная для лесного Подесенья, сочетается на памятнике с многочисленной накольчато-отступающей керамикой [32], в том числе нижнедонского типа [24, рис. 45, *6*, *7*]. В то же время в керамическом инвентаре поселения достаточно хорошо прослеживается связь с неолитическими памятниками Поднепровья. Стоянка Пименов Бугор ближе к поздненеолитическим памятникам Северной Украины. Наряду с явным преобладанием ямочной керамики (ямки круглые, треугольные в сочетании с гребенкой) на ней встречаются и черепки, украшенные отступающей палочкой [33]. Материалы стоянки Островок I характерны для памятников неолита лесного Подесенья. Керамика украшена ямочными узорами, среди которых преобладают ромбические ямки и отпечатки лапчатого штампа [34, с. 100, рис. 32].

Новые данные, полученные при раскопках Жеренских стоянок, и материалы ранее изученных памятников указывают на проникновение в бассейн средней Десны разнокультурных неолитических племен. Появление в лесном Подесенье керамики нижнедонского типа говорит о продвижении с юго-востока на рубеже IV—III тысячелетия до н. э. групп населения, которые, оказав значительное воздействие на неолитические племена Среднего Дона, проникли и далее на северо-запад, вплоть до южных районов лесной зоны. Эта миграция — явление достаточно позднее, синхронное развитому неолиту лесостепной и юга лесной зоны, что не позволяет видеть в так называемой лисогубовской керамике один из источников формирования ямочно-гребенчатой, как это предполагает В. И. Неприна. Позднее, в середине — второй половине III тысячелетия до н. э. здесь появляются группы населения из восточного Полесья и Среднего Днепра. Хорошо прослеживается на материалах жеренских памятников и взаимодействие местного населения с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики Украины.

Все это указывает на достаточно сложные этнокультурные процессы, протекавшие в среде неолитических племен, обитавших в этой части Подесенья, а также в близлежащих районах Поднепровья. Неудивительно, что одни и те же неолитические памятники этого региона относятся различными авторами к разным, соседствующим здесь культурам— днепродонецкой, верхнеднепровской, ямочно-гребенчатой. Вряд ли в этом случае возможно однозначное решение, так как разнокультурные элементы могли создать на одном памятнике весьма своеобразный конгломерат, включающий черты нескольких культур.

В заключение необходимо сказать несколько слов об обнаруженных на жеренских стоянках орудиях архаического облика. Нам кажется неправомерным связывать их с неолитическим временем. В пользу этого предположения говорит то, что сходные по своему облику орудия обна-

ружены на разновременных и разнокультурных памятниках. К тому же имеются орудия, типологически близкие асимметричным черешковым наконечникам, что дает возможность датировать эти материалы позднемезолитическим временем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миллер Н. С.* Типы озерных котловин Брянской области.— В кн.: Озера, их природа и использование. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960.
2. *Антыков А. Я., Гроздов Б. В.* Карстовые озера Брянской области.— Известия Новозыбковского отдела Географического о-ва, Новозыбков, 1958, № 1.
3. *Левенок В. П.* Отчет о работе Деснинского отряда в 1936 г. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 426.
4. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Работы Белгородско-Деснинской экспедиции.— АО — 78. М., 1979.
5. *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976.
6. *Исаенко В. Ф.* Неолитические памятники типа Литвин на Нижней Припяти.— БД, 1967.
7. *Исаенко В. Ф.* Некоторые произведения искусства неолитической эпохи Полесья.— Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
8. *Левицький І. Ф.* Дослідження стоянки на торфовище Моства в 1948 р.— АП, 1952, т. IV.
9. *Митрофанова В. И.* Поздненеолитическое поселение в урочище Лес близ с. Мнево на Черниговщине.— БД, 1966.
10. *Непріна В. І.* Максаківське багатошарове поселення на Чернігвщині.— Археологія, 1974, № 14.
11. *Исаенко В. Ф.* Основные типы кремневых орудий Южной Белоруссии.— В кн.: Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978.
12. *Кропоткин В. В.* Белынецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, 1952, № 47.
13. *Полякова Г. Ф.* Племена белевской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
14. *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
15. *Артеменко И. И.* Среднее и Верхнее Поднепровье в конце неолита и в эпоху бронзы: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
16. *Рудинський М. Я.* Погоріловка.— АП, 1956, т. VI.
17. *Козловська В.* Неолітичні та трипільське знахідки на Чернигівщині. В кн.: Чернигів і північне лівобережжя. Київ: Державне видавництво України, 1928.
18. *Круц В. А.* Позднетрипольские памятники среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка, 1977.
19. *Формозов А. А.* Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИИМК, 1954, № 53.
20. *Белановская Т. Д.* Керамика с накольчатым орнаментом по материалам неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Куйбышевский гос. пединститут, 1976.
21. *Гей А. Н.* Самсоновское многослойное поселение на Дону.— СА, 1979, № 3.
22. *Неприна В. И., Беляев А. С.* Поселение и могильник новой неолитической культуры на Северной Украине.— СА, 1974, № 2.
23. *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев: Наукова Думка, 1976.
24. *Левенок В. П.* Памятники днепро-донецкой культуры в лесной полосе РСФСР.— КСИА АН СССР, 1971, № 126.
25. *Третьяков В. П.* Рец. на кн.: Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине.— СА, 1978, № 3.
26. *Горецкий Г. И.* О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижнего Придонья и Приманычья).— БКИЧП, 1955, № 20.
27. *Белановская Т. Д.* Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону.— КСИА АН СССР, 1978, № 153.
28. *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Канд. дис.: ИА АН СССР. Архив ИА АН СССР, р-2 № 2100.
29. *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону.— МИА, 1965, № 131.
30. *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.— СА, 1978, № 2.
31. *Тюрина И. М.* Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья.— МИА, 1973, № 172.
32. *Левенок В. П.* Неолитическая стоянка Холм на реке Неруссе. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 1116.
33. *Левенок В. П.* Отчет за 1971 год. Архив ИА АН СССР, р-1 № 4958.
34. *Розенфельдт И. Г.* Из неопубликованных материалов разведок Т. С. Пассек и Б. А. Латынина на р. Неруссе.— КСИА АН СССР, 1970, № 123.

A. S. Smirnov

NEOLITHIC SITES AT THE ZHERENO LAKES

Summary

The author presents materials from four Neolithic sites (Zherenskaya Protoka, Zhereno-I, Zhereno-II and Zhereno-III) on the left bank of the Desna River, in the south-east corner of Bryansk Region. An analysis of the materials led the author to conclude that we are dealing with monuments of different periods and different cultural affiliations. While the Zherenskaya Protoka site yelded materials of the Eastern Polesye and the neighbouring regions of the middle reaches of the Dnieper type, the Zhereno-I site is characterised by pit-comb ceramics of the Ukraine. The Zhereno-II site was populated by the forest tribes, and materials from Zhereno-III, on the contrary, testify to the interaction between the forest tribes and allied populations from the lower Don region. The author dates the Lisogubovo culture to the turn of the 3rd millennium B. C.

ОШИБКИНА С. В.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК «ПОПОВО» НА р. КИНЕМЕ

В 1979 г. Северной экспедицией исследован небольшой могильник мезолитического времени, который находится в Каргопольском р-не Архангельской обл., на правом берегу р. Кинемы, впадающей с востока в оз. Лача. В свое время местный краевед, директор Каргопольского музея Г. П. Сергиевский раскопал в местности Попово курган. Были найдены бронзовые вещи, по которым курган датирован XII—XIII вв. Вскоре после этого, в 1929 г., здесь вела небольшие раскопки М. Е. Фосс, которая сообщила, что ей удалось осмотреть курган, раскопанный Г. П. Сергиевским. Расположенное рядом возвышение было принято за курган, но раскопки показали, что это лишь перекоп, позже засыпанный землей [1, с. 229]. По-видимому, этот перекоп сделан местными жителями до раскопок Г. П. Сергиевского, а сейчас он попал в наш раскоп (рис. 1). Этим первым перекопом были разрушены одно или два погребения.

Во время раскопок М. Е. Фосс было найдено сравнительно немного вещественного материала, в основном керамика, меньше каменных орудий и изделий из кости, всего около 460 предметов. По описанию культурный слой оказался смешанным, в нем найдена плоскодонная посуда позднекаргопольской культуры, украшенная воротничком и соответствующим орнаментом, и несколько фрагментов керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, а также ножевидные пластины, обломок костяного орудия с пазом, скребки, теслообразное орудие. Как выяснилось в процессе наших раскопок, такая смешанность культурных напластований могла быть только в центральной части памятника, где культурный слой окраины неолитической стоянки перекрыт слоем позднекаргопольского поселения. В основной части эти памятники занимали разную территорию. К сожалению, не удалось точно установить размеры и расположение старых раскопов. Не известно также, насколько было исследовано сооружение, принятое М. Е. Фосс за землянку позднекаргопольского поселения. Судя по тому, что в публикации указана только глубина сооружения, оно было раскопано лишь частично. Об этом свидетельствует и представленный разрез [1, с. 114]. Никаких следов погребений обнаружено не было.

Местность Попово находится примерно в 4 км от озера. Берега реки на всем протяжении низкие, и это первое заметное возвышение, чем и объясняется его неоднократное заселение в разное время. Самой ранней была кратковременная стоянка эпохи мезолита, которая располагалась вдоль берега реки. На возвышении расположен могильник мезолитического времени. Выше по течению на понижении береговой террасы в более позднее время, в неолите, существовала большая стоянка, культурный слой которой прослежен нашим шурфом 1978 г. Он находится сразу под дерном, имеет мощность 40 см, окрашен в коричневый цвет, содержит большое количество керамики с характерным для неолита ямочно-гребенчатым орнаментом. В этом слое найдены роговое орудие с перехватом и скульптурное изображение медведя, служившее подвеской. Территория неолитической стоянки пока не определена, но на возвышенном участке местности, где проводились раскопки, этого культурного слоя нет. В эпоху раннего металла на возвышении существовало поселение позднекаргопольской культуры, а позже здесь же был размещен средневековый могильник [1].

[1] Материалы средневекового могильника исследованы и подготовлены к публикации Н. А. Макаровым.

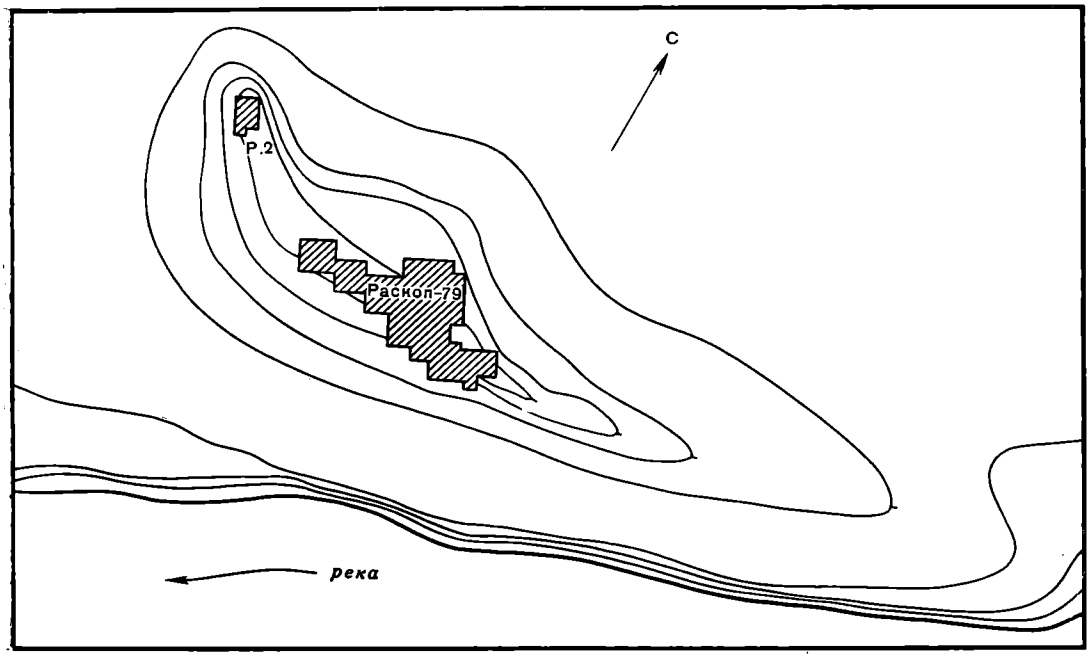


Рис. 1. План местности Попово

На вершине возвышения, представляющего собой ледниковый оз, сделано два раскопа общей площадью 312 м². Сложная конфигурация раскопа связана с тем, что вся местность покрыта густым лесом. Стратиграфия памятника в раскопе 1 оказалась следующей. Под дерном (10—20 см) проходит супесь желтого цвета мощностью 10—30 см; с нею связан культурный слой позднекаргопольского поселения. Ниже находится темная супесь с галькой, ее мощность не превышает 10 см, она расположена пятнами и местами исчезает. Этот культурный слой оставлен в эпоху мезолита, основанием ему служит светлый песок с галечником, нанос ледникового происхождения.

В раскопе 2 на западном окончании оза в слое желтой супеси уже не было находок; очевидно, позднекаргопольское поселение сюда не доходило. Ниже на фоне светлого материкового песка с галькой проступило яркое черное пятно прямоугольной формы с узким коридором в сторону реки (рис. 2). В центре этого пятна расположено углубление с вертикальными стенками, в котором отмечены остатки органики, кости и зубы лося, чешуя и кости рыб. В самом пятне найдены кости, обработанные срезами; рукоять костяного орудия, окрашенного охрой; ножевидные пластины; несколько отщепов. По составу находок и характеру культурного слоя сооружение можно уверенно связать с мезолитической эпохой, но что представляло собою описанное сооружение, окончательно не выяснено (может быть, это сезонное жилище, подобное охотничьему шалашу). Площадь, свободная от очага, здесь слишком мала для того, чтобы оно могло длительное время служить жилищем. Коридор не был выходом, он очень узкий и по всей длине сужается к основанию. Размеры сооружения 3,4×2,5 м, глубина 90 см.

Погребения располагались вдоль оза цепочкой, с общим направлением восток-запад, упомянутое выше сооружение типа шалаша находилось в 14 м к западу от последнего погребения (рис. 1). Всего зафиксировано четыре погребения, сохранившихся хорошо, и часть разрушенного погребения. Но на центральной части оза размещался средневековый могильник, при сооружении которого было разрушено не менее одного мезолитического погребения, так как в этой части найдены обломки черепных костей, окрашенные охрой, и вещи этого времени (рис. 2, кв. Л-О-12). Между погребениями располагались ямы глубиной от 60 до 120 см; в них обнаружены скопления костей животных, мелкие угли, изредка изделия

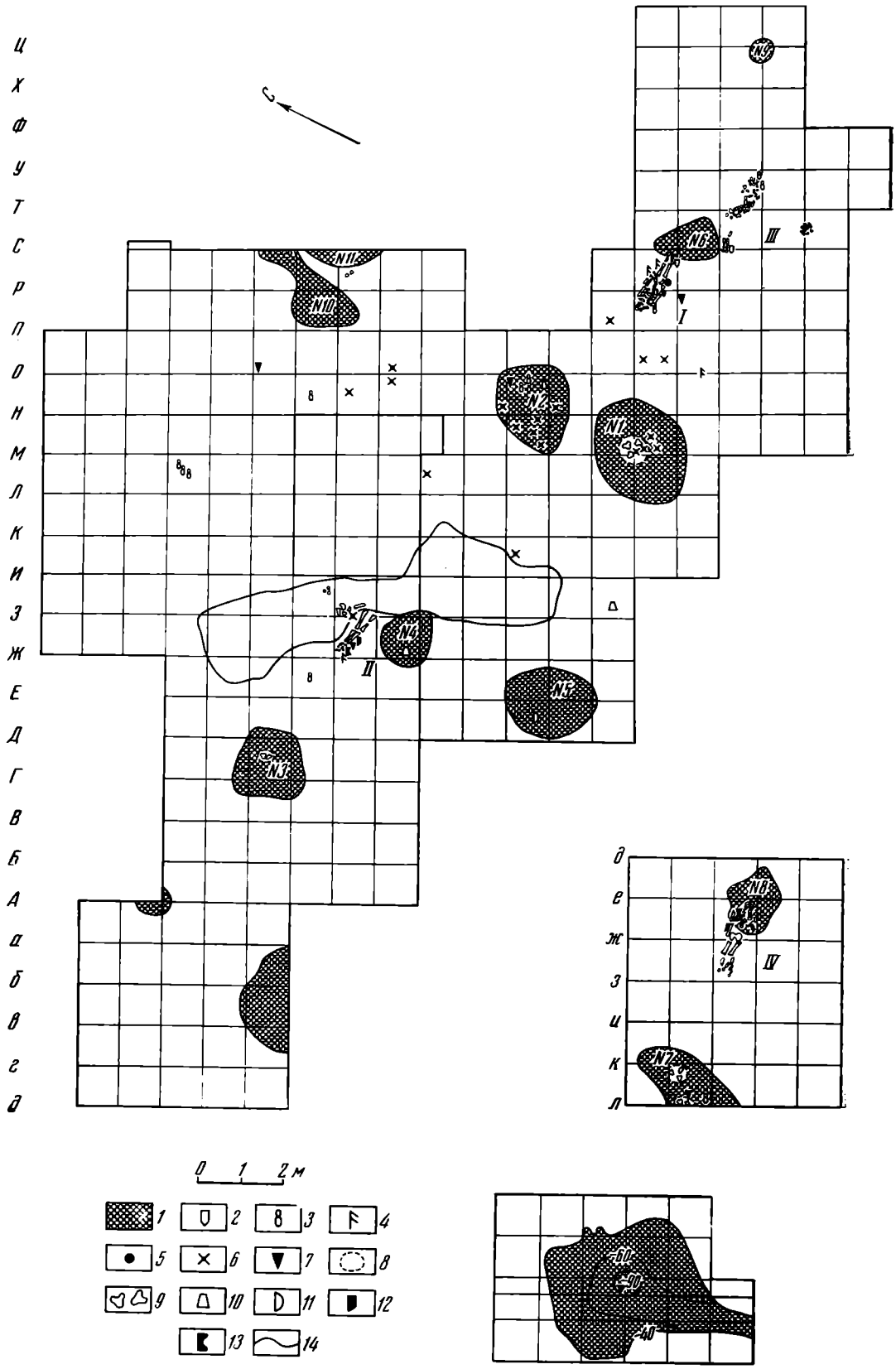


Рис. 2. Могильник Попово. План: *1* — заполнение ям; *2* — топор; *3* — подвеска; *4* — зубчатое острие; *5* — кольцо костяное; *6* — обработанная кость; *7* — острие, *8* — скопление; *9* — кости животных; *10* — тесло кремневое; *11* — скребок; *12* — кинжал; *13* — орудие костяное; *14* — граница перекопа

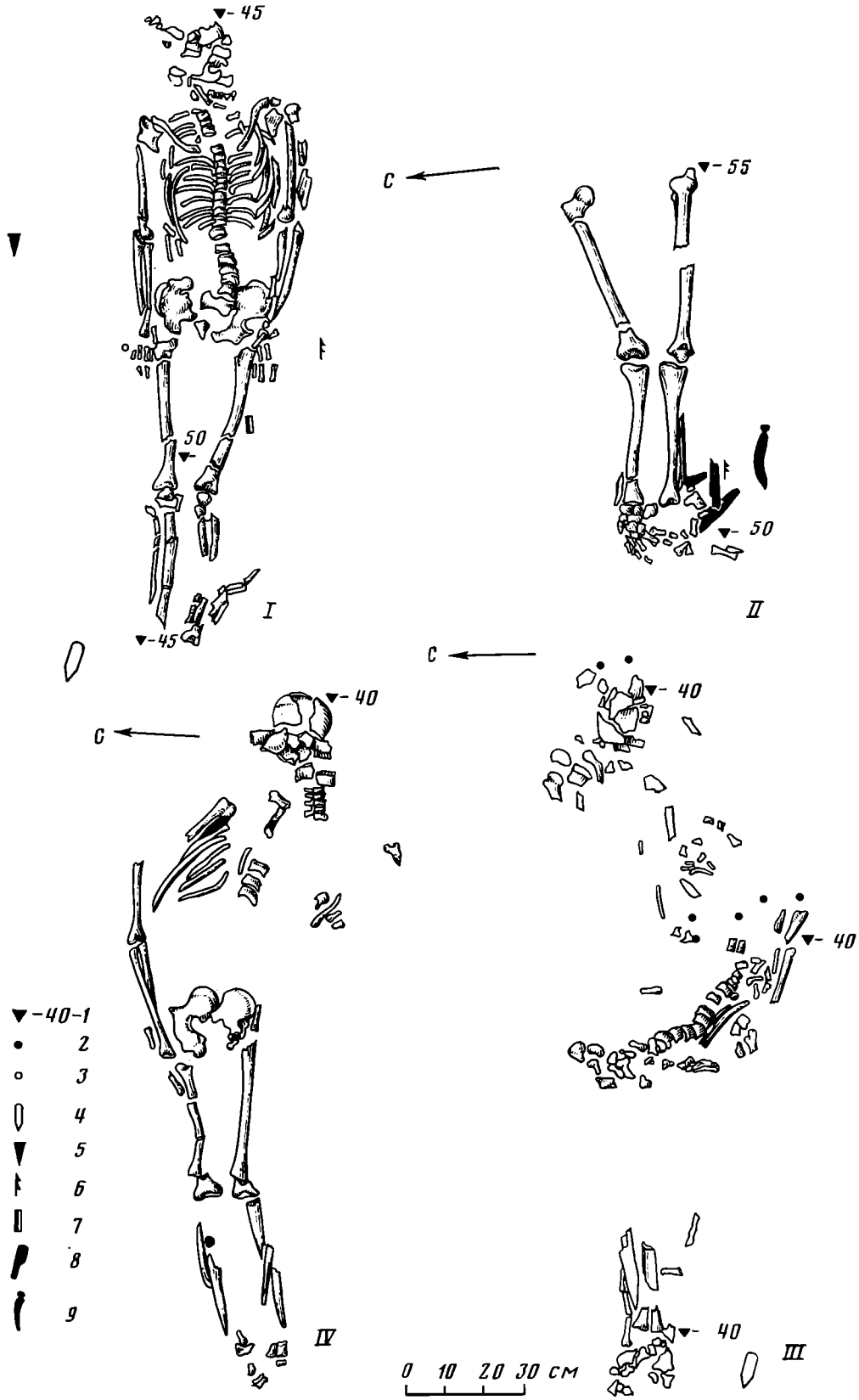


Рис. 3. Планы погребений I—IV: *1* — глубина от современной поверхности; *2* — подвеска; *3* — кольцо; *4* — топор; *5* — костяное острие; *6* — зубчатое острие; *7* — орудие с вкладышами; *8* — нож из лопатки лося; *9* — кинжал из метаподия

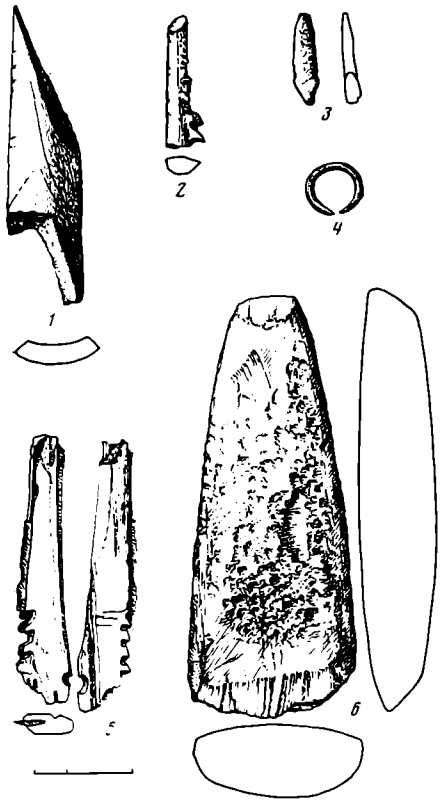


Рис. 4. Вещи из погребения I: *1* — острие; *2* — зубчатое острие, фрагмент; *3* — подвеска; *4* — кольцо; *5* — орудие с вкладышами; *6* — топор

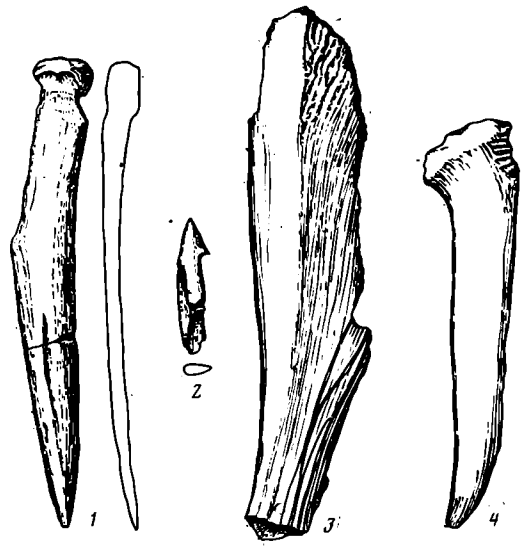


Рис. 5. Вещи из погребения II: *1* — кинжал из метаподия; *2* — зубчатое острие; *3* — нож из лопатки лося; *4* — рог со следами обработки

из камня и кости. Так как следов огня, горевшего непосредственно в ямах, не оказалось, скорее всего они не были очагами, а имели ритуальное назначение.

Погребение I ориентировано на запад, костяк залегал на глубине 45—55 см от современной поверхности. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль туловища. Анатомический порядок скелета не был нарушен, но отсутствовали нижние части берцовых костей и стопы, череп оказался раздавленным (рис. 3, *1*). Обильные следы красного красящего вещества, видимо охры, прослеживались по всему костяку, особенно много ее было в верхней части скелета, включая тазовые кости. Около правой руки найдены кости рыбы, они лежали в анатомическом порядке около кисти. Сохранились вещи, сопровождавшие погребенного. Справа в ногах лежал сланцевый топор небольшого размера, обработанный сколами и точечной ретушью, с узким стесанным обухом и подшлифованным лезвием. (рис. 4, *6*). Справа у плеча находилась подвеска из резца лося, ее верхний конец с нарезкой для подвешивания сломан. Слева у бедра найдены два костяных орудия; острие с зубцами (рис. 4, *2*) и составное орудие с пазом и кремневым вкладышем (рис. 4, *5*). У последнего выделен у основания упор в виде зубцов, при помощи которых орудие могло соединяться с древком. Возможно, это орудие представляло собой костяной нож с лезвием из кремневых вкладышей и имело рукоять.

Около кисти правой руки найдены два согнутых заячьих резца, вместе составлявших небольшое колечко, которое могло быть склеено или связано. Во всяком случае резцы подобраны по величине и искусственно согнуты. Все вещи располагались в погребении таким образом, что могли составлять украшения и личные вещи погребенного: кольцо у кисти, подвеска в грудном отделе вверху, слева у таза и бедра орудия из кости. Исключение составляет топор, который помещен в ногах, и костяное острие, найденное справа от погребения, в 30 см от локтевого сустава. Острие сделано из расколотой трубчатой кости, имеет сглаженный срез, на поверхности изделия декоративные нарезки (рис. 4, *1*).

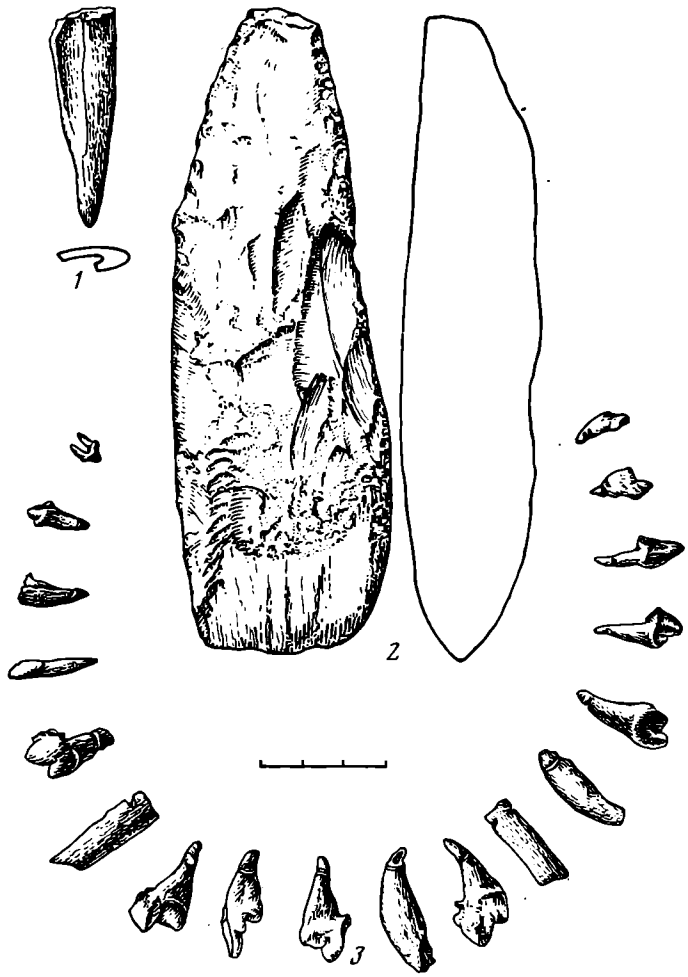


Рис. 6. Вещи из погребений III и IV: *1* — острие из погребения IV, *2* — топор из погребения III; *3* — ожерелье из зубов животных из погребения III

Погребение II было повреждено перекопом, в анатомическом порядке сохранились только кости ног. Судя по расположению сохранившихся костей, погребенный ориентирован головой на восток, лежал на спине в вытянутом положении. Рядом в выбросе из перекопа найден череп, два позвонка, ребра, несколько обломков других костей, окрашенных охрой. Таким образом, большую часть скелета удалось собрать [2].

Из сопровождавших погребенного вещей in situ сохранились те, что лежали у ног слева (рис. 3, *2*). Среди них фрагмент острия или гарпуна (рис. 5, *2*); небольшой кинжал, сделанный из заточенного метаподия (рис. 5, *1*); орудие из расколотой лопатки с выделенной рукоятью и заточенным краем (рис. 5, *3*); расколотая трубчатая кость с нарезками и отросток рога с нарезками у основания. Все кости принадлежат лосю, они сохраняют красноватую окраску, так как были засыпаны охрой. Аналогии орудиям широко представлены в новых материалах из мезолитической стоянки Нижнее Веретье. Там найдено несколько кинжалов из заточенных метаподий лося, много разного рода широких ножей из разрезанных лопаток.

Погребение III сохранилось плохо. В анатомическом порядке находились кости ног, позвоночник и части черепа, который оказался раздавленным. Грудные и коленные кости были перемешаны, тазовые кости сохранились частично, верхние конечности и берцовые кости не сохранились. Кроме того, череп погребенного был далеко отодвинут от груд-

[2] При исследовании антропологического материала череп, найденный рядом с погребением II, не учитывался.

ной клетки, позвоночник перемещен (рис. 3, *3*) [3]. Кости скелета были интенсивно окрашены охрой, особенно череп и остатки плечевой кости. Костяк, вероятнее всего, лежал на спине в вытянутом положении, глубина захоронения от современной поверхности 40 см, общая ориентировка головой на восток.

У ног погребенного слева лежал топор, по форме и обработке идентичный орудию из погребения I, но немного большего размера. Узкий стесанный обух, подшлифованное лезвие с теми же царапинами по шлифовке, сохранение необработанных участков поверхности делают эти орудия почти одинаковыми (рис. 6, *2*).

В погребении III найдено 18 подвесок, сделанных из целых и расколотых зубов животных. Они были рассыпаны в области черепа и в верхней части позвоночника. Две из них найдены над черепом, четыре у обломков нижней челюсти, остальные 12 лежали около верхних позвонков справа. Расположение подвесок показывает, что они, вероятнее всего, составляли ожерелье, которое было частью костюма погребенного. Сделана попытка графически реконструировать ожерелье (рис. 6, *3*). Для привязывания у всех подвесок есть нарезки, часто такое углубление едва намечено с одной или двух сторон, но полных кольцевых нарезок ни одно изделие не имеет. Среди зубов, составляющих ожерелье, больше всего расколотых коренных зубов собаки, есть два резца собаки, две пластины из расколотых резцов бобра, резцы лисицы [4].

Погребение IV обнаружено на западном окончании оза в некотором отдалении от остальных. Оно ориентировано на восток, залегало на глубине 45 см. Костяк сохранился хорошо, хотя, как уже сказано выше, был немного подвинут корнем дерева. Череп раздавлен, но все части черепной коробки собраны, сохранились челюсти и зубы. Утеряны только стопы и кости левой руки (рис. 3, *4*). Весь костяк обильно посыпан красной охрой, особенно много ее оказалось в верхней части скелета. Никаких сопровождающих погребение вещей обнаружено не было, только среди костей правого плеча найдено отломанное острие костяного орудия, тоже сильно окрашенное охрой. Судя по положению этого предмета среди костей, не исключено, что он находился в теле погребенного.

Почти все ямы, обнаруженные на территории могильника, расположены около погребений и образуют с ними вместе единый ряд вдоль вершины оза. Все ямы начинаются в темном слое, который образовался во время сооружения могильника, и углублены в материк, что свидетельствует об их сооружении одновременно с захоронениями и позволяет предположить их ритуальный характер. Несмотря на различия в глубине, ямы сходны по окраске, характеру заполнения и составу находок. Несколько ям, например № 10, 11, пока не доследованы, и поэтому их назначение остается неясным.

В ногах погребения I находилась неглубокая яма, в которой кроме мелких углей и костей других находок не оказалось. Но в 2 м от головы погребенного располагались две самых больших ямы (рис. 2). В одной из них глубиной 65 см от древней поверхности (120 см от современной) обнаружено около 700 костей животных, в том числе от трех особей лося, четырех особей бобра, двух-трех собак, одной птицы и позвонки рыб. Здесь же найдены отщепы, ножевидная пластина и обломки костяных орудий. В заполнении ямы оказалось много мелких углей. Другая яма (№ 2) имела глубину 50 см (100 см от современной поверхности). В ее заполнении обнаружено около 250 костей животных, рыбьи кости, зола, на дне скопление чешуи и костей рыб. В яме найдены несколько изделий из кости и камня, в том числе часть гарпуна, фрагмент наконечника стрелы из ножевидной пластины, сечение со следами сработанности, две подвески из резцов лося. Обе ямы связаны с погребением I.

[3] Нужно полагать, что из первоначального положения кости скелета сдвинуты корнями деревьев. Примерно так же выглядело положение скелета в погребении IV, где корень прошел под погребением и его следы удалось проследить в подстилающем материковом песке.

[4] Определение костных остатков проведено Е. Г. Андреевой.

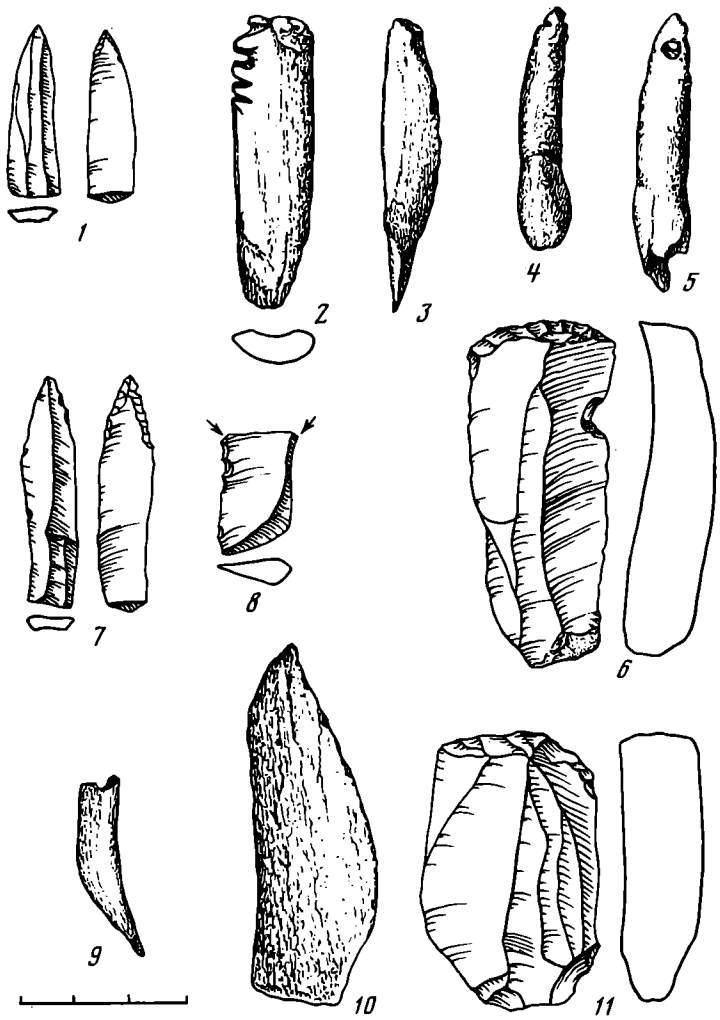


Рис. 7. Вещи из ритуальных ям. *1—6* — яма 2; *7—8* — яма 6; *9—11* — яма 7

У ног погребения II находилась неглубокая яма (№ 4), в темном заполнении которой содержались остатки органики, кости животных и рыб, кремневые отщепы, ножевидная пластина и рубящее орудие из кремня. На расстоянии 2 м от ног погребенного расположена еще одна яма (№ 3), где оказались только кости животных. Несколько в стороне находилась яма № 5, в ее темном заполнении найдены кости животных и кремневый скребок. Две первые ямы связаны с погребением, возможно, это относится и к яме № 5.

В 2,5 м от головы погребения III обнаружена небольшая яма № 9, ее глубина от древней поверхности не более 10 см, в заполнении находок не оказалось.

В отличие от других погребение IV было перекрыто большим темным пятном (120×160 см), в котором обнаружены мелкие угли, кости животных и рыб, т. е. по характеру оно соответствовало остальным ритуальным ямам. При расчистке пятна выяснилось, что оно располагалось над верхней частью костяка и отделялось от него тонким слоем песка с охрой. Темное содержимое пятна в погребение не попало, а вокруг были отмечены темные затеки. Очевидно, после того, как умершего засыпали охрой и песком, сверху поместили остатки погребальной тризны, точнее говоря, остатки очага и приготовленной на нем пищи.

У ног погребения IV находилась обычная ритуальная яма (№ 7) несколько вытянутой формы, глубиной 50 см от древней поверхности (90 см от современной). Ее заполнение имело яркую темную окраску. В яме обнаружено скопление костей животных, позвонки и чешуя рыб. Среди костей животных представлены лось и бобр. Найдены также ору-

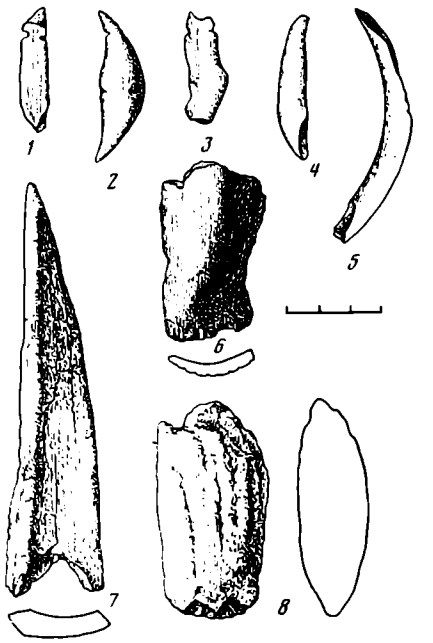


Рис. 8. Вещи из разрушенных погребений и культурного слоя: *1—5* — подвески из кости и зубов лося, медведя и бобра; *6* — скребок костяной; *7* — острие; *8* — роговое тесло

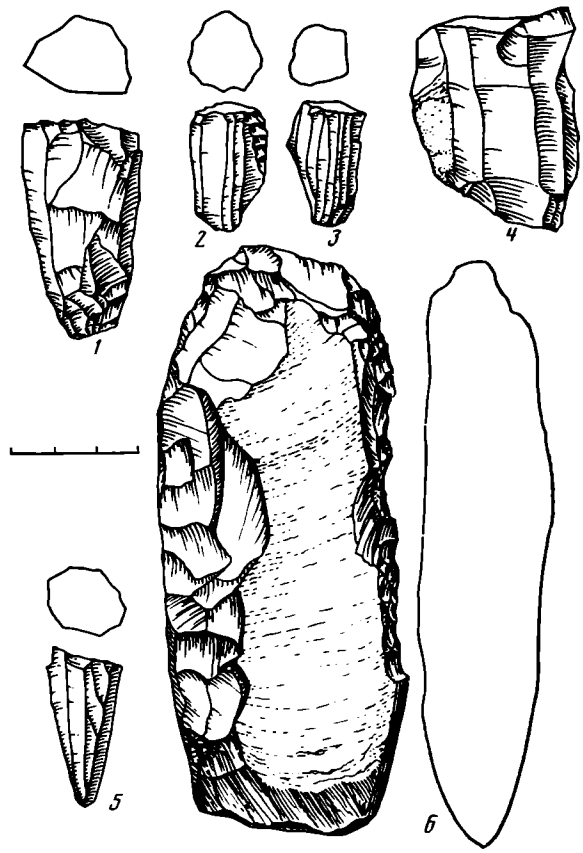


Рис. 9. Вещи из культурного слоя: *1—5* — нуклеусы; *6* — топор

дия из камня и кости, много отщепов и ножевидных пластин. Заслуживают внимания костяной скребок для чистки рыбы, фрагмент костяного острия, обломок резца бобра, окрашенный охрой, и массивный кремневый скребок с высокой спинкой (рис. 7, *9—11*). Еще два костяных орудия слишком плохо сохранились, чтобы можно было говорить об их форме.

Вероятно, могильник был значительно больше, так как обнаружено разрушенное погребение V, отдельные вещи в перекопе, у берега найдены переотложенные части черепной коробки, интенсивно окрашенной красной охрой.

Сравнительно небольшая мощность нижнего темного слоя памятника, его неравномерное распространение по вершине оза и слабая насыщенность культурными остатками позволяют думать, что слой образовался во время сооружения могильника и содержит случайно утерянные вещи, а собственно стоянки здесь не было. Только на берегу р. Кинемы существует небольшой культурный слой, оставленный кратковременными стоянками.

На территории могильника в культурном слое найдены кости животных, среди которых лось, северный олень, медведь, бобр, собака, заяц, птицы и рыбы. Сравнивая состав костных остатков, можно заметить, что некоторые животные найдены только в культурном слое и отсутствуют в ямах. К ним относятся медведь и заяц, кости птиц тоже чаще встречаются в слое и реже в ямах. Кости лося в ямах преобладают, но количество особей в культурном слое и ямах оказалось одинаковым, по шесть особей. Кости бобра тоже распределились поровну, а кости собаки в ямах встречаются чаще, чем в культурном слое. Очевидно, бобр и собака приравнивались к мясным животным, употреблялись в пищу, что нашло отражение и в погребальном обряде.

Следует отметить, что во всех ямах находились примерно одни и те же части туш животных. Лось представлен обычно кусками челюсти, зубами, встречены поясничные тела с обломанными отростками, куски су-

ставов, фаланги, но нет длинных костей, ребер, лопаток. Таким образом, в ямы помещали определенные части животных, но не самую тушу или ее мясные части. То же можно сказать о бобрах и собаках, от которых в ямах чаще встречены зубы, куски плечевой и локтевой костей. Среди них определены молодые особи. Для изготовления орудий и украшений использовали кости и зубы тех же животных, кроме того, найдены подвески из зубов куньих и зайца. Очень редки остатки медведя, кости двух особей найдены в культурном слое, в ямах их нет.

Вещественный материал из культурного слоя (рис. 8) и ям невелик, по существу соответствует могильному инвентарю, но несколько отличается от него по составу. Каменные орудия сделаны из кремня и сланца; характерные приемы обработки камня — оббивка, пикетаж, отжимная техника; широко применялись ножевидные пластины. В культурном слое найден еще один топор, по форме и размерам аналогичный топорам из погребений (рис. 9, *6*). Для изготовления таких орудий использовали подходящие куски сланца, которые обрабатывали сколами по боковым сторонам и подправляли точечной ретушью по всей поверхности, рабочий край подшлифовывали. Особенностью топоров из Попово можно считать примитивную косую шлифовку лезвия, на котором сохраняются глубокие борозды, оставленные шлифовальным камнем. Топоры имеют устойчивую форму, они узкие в плане, с вытянутым обухом, срезанным на конце, со слегка приподнятой спинкой и сечением в виде неправильного овала. Четвертое рубящее орудие сделано из кремневого желвака, по краям обработано крупными сколами, подправлено ретушью. В плане орудие подквадратное, с широким обухом, оформленным длинными поперечными сколами. О применении таких орудий наряду со сланцевыми топорами можно судить по находке аналогичного предмета во время раскопок М. Е. Фосс [1, с. 230, рис. 114, *6*].

Остальной каменный инвентарь состоит из пластин серого или светлого кремня, орудий из пластин или составных с их применением. Из пяти нуклеусов, найденных в культурном слое, три имеют дополнительную обработку мелкими долевыми или поперечными сколами, их могли использовать как клинья, например, при раскалывании костей. Во всяком случае нет никаких следов, которые говорили бы об обработке камня на территории могильника. Орудия состоят из наконечников стрел, скребков, резцов, пластин с ретушью.

Наконечники стрел представлены тремя экземплярами, из них два найдены в ямах и один в слое. Все орудия сделаны из ножевидных пластин, ретушью обработано острие со стороны брюшка; у экземпляра из слоя сохранилась черешковая часть, обработанная мелкой ретушью по краям. Судя по всему, наконечники имели листовидную форму и ретушь только по концам. Еще один такой же наконечник найден во время раскопок М. Е. Фосс.

Скребков найдено девять экземпляров, из них шесть концевых на массивных пластинах, один оформлен на боковой стороне пластины, два сделаны из отщепов. Характерной чертой этих орудий является их массивность, высокая спинка, забитость рабочего края. Они распределились таким образом: пять найдены в ритуальных ямах, четыре — в культурном слое неподалеку от ям.

Резцов найдено только четыре экземпляра; похоже, что все они сделаны из расколотых нуклеусов. У двух орудий по два резцовых боковых скола, у одного орудия — один скол и один резец имеет три скола и дополнительную притупляющую ретушь у основания. Такая же ретушь у одного двойного резца.

Некоторые ножевидные пластины применялись, по-видимому, в качестве режущих орудий без дополнительной обработки, о чем говорят следы сработанности по длинным сторонам. Ровные части пластин могли служить вкладышами составных орудий. Иногда они достигали значительного размера, например в составном орудии из погребения I сохранился вкладыш длиной 27 мм. Судя по этому примеру, вкладыши-пластины дополнительной обработке не подвергались. Среди многочисленных состав-

ных орудий, найденных недавно на стоянке Нижнее Веретье, известны вкладыши разного размера, в том числе и короткие обломки пластин, которые иногда называют сечениями; дополнительной ретуши на них нет.

Изделий из кости в культурном слое найдено немного, среди них 10 подвесок разной степени сохранности. Пять подвесок из расколотых коренных зубов лося обнаружены рядом с остатками человеческого костяка, где было, по всей видимости, еще одно погребение (рис. 2, кв. С-21). Четыре подвески оказались рассеянными в северо-западной части раскопа и выброшены из перекопа. Среди них медвежий клык, расколотый коренной зуб лося, резец бобра и кость, обработанная срезами. Все подвески окрашены охрой и вместе с подвеской из резца лося, найденной у ног погребения II, могли происходить из разрушенной верхней части этого погребения. Всего на территории могильника найдено, таким образом, 30 подвесок; все они могут быть уверенно связаны с погребениями или ямами, где оказалось два экземпляра. Просто потерянных вещей подобного рода не было.

Вне погребений и ям найдено три орудия из кости и рога: острие из расколотой трубчатой кости, скребок с нарезками по краю и роговое лезвие-вставка из тех, которые вставлялись в роговые муфты. В мезолитической стоянке Нижнее Веретье найдена серия таких вставок разной формы, а также муфта.

Сравнение находок, сделанных в погребениях, ямах и культурном слое, показывает, что единый по характеру вещественный материал памятника распределен по его территории соответственно назначению. Погребения и ямы могут рассматриваться как одновременные закрытые комплексы. При сравнении очевидна разница в составе вещей, сопровождавших погребенного и находившихся в могиле, и теми, которые обнаружены в ямах, связанных с погребальным обрядом. Как видим, умершего сопровождают орудия охоты в виде острий и гарпунов, топоры, кинжал или нож в качестве личного оружия, украшения из зубов животных. В ямах найдены только бытовые орудия — скребки, резцы, костяные орудия бытового назначения, кремневые наконечники стрел. Последние могли попасть вместе с частями туш животных. Так, М. Е. Фосс отмечала, что во время расчистки темной ямы был найден скелет небольшого животного, может быть зайца, и рядом упоминавшийся выше наконечник стрелы из ножевидной пластины. Не исключено, что орудия служили при разделке туш животных и рыбы во время погребального обряда и затем оставлены в ямах.

Место для сооружения могильника выбрано специально на сухом возвышении в отдалении от больших постоянных стоянок, которые здесь, конечно, были. Рядом на берегу реки обнаружен незначительный культурный слой, который свидетельствует о кратковременном пребывании людей в мезолитическое время. Можно с уверенностью говорить о том, что исследованные погребения не были сделаны в культурном слое стоянки, что получило такое широкое распространение в лесной полосе в эпоху неолита на территории, занятой племенами с ямочно-гребенчатой керамикой. Сейчас известен целый ряд могильников и отдельных погребений, расположенных на неолитической стоянке и совершенных в культурном слое.

Одним из первых был открыт могильник на Языковской стоянке, где шесть погребений без вещей располагались под культурным слоем неолитического времени [2, с. 220]. Несколько позже исследован могильник на стоянке Кубенино, расположенной на том же восточном берегу оз. Лача, что и могильник Попово. Здесь четыре погребения с сопровождающими вещами находились под культурным слоем неолитической стоянки [3, с. 75]. Большой могильник открыт на Караваевской стоянке [4; 5, с. 149—154]. В настоящее время погребения известны на многих неолитических стоянках от Прибалтики до Оки [6, с. 80—100; 7, с. 114—122; 8; 9, с. 43]. Их связь со стоянками и расположение в культурном слое представляет устойчивую традицию в обряде погребения. Население, оставившее могильник Попово, придерживалось других правил и хоронило своих умерших не на стоянках, а за их пределами. Такая черта

более свойственна немногим известным сейчас могильникам эпохи мезолита, таким, как Звейниеки в Латвии и Оленеостровский на Онежском озере. Сходство в деталях погребального обряда дополняется некоторыми общими чертами сопровождающего инвентаря, что позволяет проводить сравнение между названными могильниками и рассматриваемым памятником.

По археологическому материалу достоверно устанавливаются только такие стороны погребального обряда, как посыпание тела умершего красной краской, снабжение его орудиями труда и охоты, остатки тризны, если она имела место. Остальные стороны остаются неизвестными, поскольку не находят отражения в материальной культуре. Применение краски в погребальном обряде известно уже в верхнем палеолите Европы, получило широкое распространение в более поздние периоды. В лесной зоне это частое явление в мезолите и неолите, в эпоху бронзы особенно распространенное на юге. Многие исследователи пытались понять и объяснить происхождение этого обычая, дать ему убедительное объяснение. Основываясь на этнографических наблюдениях, Л. Я. Штернберг писал о том, что «кровь и волосы универсально считались основными элементами жизни; принесение их в жертву рассматривалось либо как средство оживить покойника, либо как ценный для него дар в дальнейшей жизни» [10, с. 205]. Видимо, универсальность представлений объясняет широкое распространение обычая во времени и пространстве.

В работе, посвященной истокам погребального обряда в Европе, немецкий исследователь М. Эберт подробно остановился на вопросе об отношении первобытного человека к смерти, что имело самое прямое отношение к погребальному обряду. По его мнению, прекращение жизнедеятельности не признавалось родственниками и соплеменниками как факт смерти, они продолжали видеть в умершем представителя жившего индивида, поэтому продолжали заботиться о нем и придумывали средство для возвращения ему жизненных сил, а красная краска олицетворяла для них оживляющую силу крови [11, с. 1—7]. А. П. Окладников на примере Китойского могильника сопоставил красную краску в погребальном ритуале с «кровью мертвых», которая рассматривается не только как средство, обеспечивающее новую жизнь, но также как способ воскрешения мертвых [12, с. 408]. Другое мнение, высказанное некоторыми исследователями, сводится к мысли о том, что охра означает огонь, символизирует погребальный костер. По мнению Н. Н. Гуриной, охра означала и огонь и кровь, красная краска была символом жизни [13, с. 230].

Представление о дальнейшей жизни умершего послужило причиной, по которой сородичи снабжали его всем необходимым для новой жизни — оружием, одеждой. У ряда народов в древности и даже в недалеком прошлом было принято оставлять умершему его жилище, как поступали, например, до недавнего времени лопари, оставляя жилище-куда покойного [14, с. 318, с. 318; 15, с. 84]. В. И. Равдоникасом было высказано мнение, что в сущности могила представляет собой жилище для мертвого [16, с. 116]. Что касается подвесок из зубов животных, то это обычное явление для многих могильников; их считают украшениями или амулетами, которые носили, подвешивая или нашивая на костюм [8, с. 26]. Интересное объяснение обычая носить пояса с нашитыми на них зубами животных принадлежит А. П. Окладникову, который, ссылаясь на этнографические наблюдения М. В. Степановой, сделал вывод, что зубы таких животных, как лось, бобр, кабан, могли свидетельствовать об охотничьей добыче, быть признаком возмужалости юноши, добывшего зверя, наконец, имели лечебное назначение [12, с. 400—408]. В рассматриваемом могильнике преобладают подвески из зубов собаки, которая не могла быть охотничьей добычей, поэтому не исключено, что они играли роль охранительных оберегов. Обычай ношения собачьих зубов имеет древнее происхождение. В могильнике Звейниеки зубы собак и других хищников использовали как подвески в погребениях II группы, которая, по мнению исследователя этого могильника Ф. А. Загорскиса, относится к мезолиту или раннему неолиту [17, с. 22]. Интересно отметить, что в Оленеостров-

ском могильнике подвески из зубов собаки совершенно отсутствуют, хотя там найдено значительное количество зубов лося, резцы бобра и клыки медведя [13, с. 153—157], которые исключительно редки как в Попово, так и в Нижнем Веретье.

Таким образом, засыпание тела умершего красной краской, сопровождение его в другую жизнь необходимыми вещами, в том числе поясами или ожерельями из зубов животных,— явление, достаточно широко распространенное. Оно вызвано известной универсальностью представлений первобытного человека о смерти, связано с его жизненным опытом, зависимостью от природы, продиктовано самим образом жизни. Так как этот обряд захоронения отражал духовные представления первобытных людей, он мог возникнуть естественным образом в разных местах, как полагают многие исследователи [10, с. 294; 18, с. 1173].

В то же время в погребальном обряде рассматриваемого могильника нужно отметить такое интересное явление, как ямы с остатками туш животных, что является, по всей видимости, своеобразной погребальной тризной. Как пишет Л. Я. Штернберг, ссылаясь при этом на Геродота, тризна, т. е. пиршество при похоронах, встречается «одинаково у многих исторических народов, как и у современных первобытных племен» [10, с. 209]. И хотя самые ранние письменные сообщения об этой стороне обряда захоронения известны со скифского времени, не исключено более раннее возникновение этого обычая, что подтверждают данные археологии. Могильник Попово представляет редкий пример какого-то варианта погребальной тризны, относящийся еще к эпохе мезолита.

Нечто подобное отмечено в Оленеостровском могильнике, где около двух погребений из исследованных раскопками 177 были обнаружены ритуальные сооружения. В одном случае в 50 см от правой руки погребенного (№ 25) находилась яма конической формы, размером 30×40 см, заполненная охрой и мелкими костями животных со следами обжига. В другом случае у ног погребенного (№ 27) обнаружено сооружение из камней, выложенных кругом в виде очага, заполненного охрой, что, по мнению Н. Н. Гуриной, символизировало огонь, а само сооружение имитировало костер [13, с. 230, 282]. Особенности погребального обряда, связанные с тризной, устройством ритуальных ям или костров, остатками костей животных и птиц в ямах позволяют говорить о сходных традициях у населения, оставившего Оленеостровский могильник и Попово, а также о возможной этнической близости двух групп населения.

Определяя возраст могильника Попово, можно сразу сказать, что уже по формальному признаку — абсолютному отсутствию керамики — он относится к эпохе мезолита. Но поскольку в любой могильник посуду могли и не ставить, остановимся на сравнительном анализе найденных здесь изделий из камня и кости.

Население, оставившее могильник, широко использовало отжимную технику, ножевидные пластины и составные орудия с их применением. Такая техника характерна для мезолита и исчезает в начале неолита. Что касается топоров из сланца, то нужно вспомнить, что некоторое время их употребление в эпоху мезолита многие исследователи ставили под сомнение. Теперь многочисленные новые материалы свидетельствуют о том, что рубящее орудие было довольно ранним изобретением человека, которое получило распространение в мезолите Европы в связи с образованием лесов [19, с. 175; 20, табл. I, IX; 21, 15—16]. Топоры, найденные в Попово, по форме и обработке архаичны, наибольшее сходство имеют с орудиями мезолитической стоянки Андозеро М [22, с. 22], а также Нижнего Веретья.

Костяные и роговые орудия, найденные на могильнике, также подтверждают мезолитический возраст памятника. Так, роговая вставка составного орудия, кинжал из метаподия лося, костяные скребки для чистки рыбы неоднократно встречены на стоянке Нижнее Веретье. По составу остеологических остатков, которые дают представление о составе охотничьей добычи, эти памятники также очень близки. В культурном отношении могильник, бесспорно, близок стоянке Нижнее Веретье, что позво-

ляет предполагать этническое единство населения, оставившего эти памятники. Территориальная близость подтверждает и в известной степени объясняет их сходство.

Датировка могильника может быть установлена по аналогии со стоянкой Нижнее Веретье, для которой получена и исследована пыльцевая колонка. По определению Н. А. Хотинского, культурный слой стоянки относится к бореальному периоду, для которого приняты даты 8000—6000 лет до н. э., с некоторыми отклонениями у разных исследователей. Эта общая и достаточно широкая дата может быть принята для могильника Попово и стоянки, хотя не исключено, что их разделяет определенный промежуток времени. Есть основания считать, что могильник моложе стоянки; во всяком случае его нельзя рассматривать как место захоронения умерших, связанное именно с этой стоянкой.

Рассматривая материалы могильника на фоне других памятников эпохи мезолита, известных сейчас в лесной полосе Европейской части СССР, нужно отметить его несомненное сходство с культурой кунда. Это относится к топорам, которые могут быть сопоставлены с подобными орудиями стоянки Кунда (тип IV по Р. Индреко) [23, рис. 47]. Костяные скребки для рыбы известны не только в Кунде, но также на стоянке Звейниеки II, в слое, соответствующем культуре кунда[5]. Составное орудие из погребения I могильника Попово с пазом и упором для привязывания не имеет аналогии в Нижнем Веретье, хотя здесь известно уже много составных орудий. В то же время среди коллекции из Пярну (разрушенного памятника культуры кунда) встречены подобные составные ножи или кинжалы с упорами для привязывания [23, рис. 7,8]. Орудия этого рода в Попово, по-видимому, не случайны, так как из раскопок М. Е. Фосс происходит фрагмент второго орудия, которое было принято за гарпун [1, с. 230].

В Карелии на многих стоянках мезолитического времени найдены рубящие орудия из сланца, в раннее время применялась также техника пикетажа, но топоры, как правило, имеют иную форму, отличную от орудий из могильника Попово. Наиболее близкое по форме орудие известно на стоянке Повенецкая III, которая по высотным данным датируется серединой VII тысячелетия до н. э. [21, с. 95—96], что в общих чертах подтверждает датировку могильника бореалом, точнее VII тысячелетием до н. э. Таким образом, обращение к археологическим материалам на смежных территориях приводит к выводу, что наибольшее сходство рассматриваемые материалы имеют с рядом памятников культуры кунда. Круг аналогий могильнику Попово можно расширить, упомянув некоторое сходство топоров с орудиями культуры суомусярви в Финляндии, при этом ближе всего они стоят к материалам одной из ее ранних стоянок — Антреа, где кроме сланцевых орудий найдены изделия из кости и рога, в том числе нож или кинжал с пазом для вкладышей, роговые тесла-вставки [20, табл. I—III], т. е. орудия, по форме и назначению сходные с находками из Попово. По определению В. Лухо, который опирается на аналогии вещей из Антреа ранним стоянкам культуры маглемозе и геологическую датировку культурного слоя памятника, время его существования относится к раннему бореалу, а возможно, к переходному времени от пребореала к бореалу [20, с. 33—34]. Другие исследователи датируют Антреа более поздним периодом — второй половиной бореала [24 с. 224—225; 25, с. 11]. Таким образом, подтверждается общая хронология могильника Попово. На основании сходства с памятниками, датированными по пыльцевым и радиокарбоновым данным, геологическому положению культурного слоя, а в отдельных случаях по высотным данным, рассматриваемый могильник следует также отнести к бореальному периоду.

Обращаясь к вопросу о культурной принадлежности могильника, следует отметить его исключительную близость по характеру вещественного

[5] Коллекция Института истории ЛатССР. Пользуясь случаем, благодарю Ф. А. Загорскиса за предоставленную возможность ознакомиться с материалом стоянки.

Таблица 1

Сведения о погребениях могильника Попово

№	Пол	Ориентация	Глубина ямы, см	Размеры ямы, м	Охра в погребении	Вещи в погребении	№ ритуальной ямы
I	М.	З	55	1,9×0,7	+	+	1, 2
II	–	В	50	–	+	+	3, 4, 5
III	М.	В	40	–	+	+	6, 9
IV	Ж.	В	45	1,8×0,6	+	–	7, 8

Таблица 2

Сведения о ритуальных ямах

№	Размеры, м	Глубина от современной поверхности, м	Кости животных	Вещи
1	2,1×2.8	1,2	+	+
2	2,2×1,8	1.0	+	+
3	1,6×1,6	0.7	+	–
4	1,1×1,4	0.7	+	+
5	1.8×2.1	0.6	+	+
6	1,1×1,4	0.5	–	+
7	1,4×	0,9	+	+
8	1,2×1,6	0,4	+	–
9	0,7×0,7	0,4	–	–

материала стоянке Нижнее Веретье и некоторым другим памятникам Восточного Прионежья, изученным в меньшей степени, таким, как Погостище I на р. Модлоне в бассейне оз. Воже [26, с. 47], Сухое на р. Ковже, отдельным находкам из разрушенных стоянок[6]. Все эти находки имеют сходство с материалами культуры кунда. В свое время Р. Индреко была выдвинута гипотеза о распространении этой культуры на огромной территории, вплоть до Урала [27, рис. 7], что пока не подтверждается фактическим материалом. Несколько меньшую территорию отводит культуре кунда С. Козловский, который ограничивает ее восточные пределы озерами Воже—Лача. Последняя точка зрения заслуживает внимания и всесторонней проверки с привлечением всего, сейчас уже значительного нового материала, что не входит в задачу настоящей работы. Предварительно можно сказать, что население, оставившее памятники с костяным и каменным инвентарем и существовавшее в Восточном Прионежье в бореальное время, имело много общего в характере материальной культуры, способах охоты и ведения хозяйства, выборе мест поселений и других деталях хозяйственной деятельности с населением, известным как культура кунда в Прибалтике и маглемозе в Дании.

Как известно, вопрос о первоначальном заселении севера Европейской части СССР связан с проблемой первых этнических образований и дальнейшим формированием здесь древнейшего финно-угорского населения. Для решения такого круга вопросов необходимо прежде всего изучение памятников эпохи мезолита, поэтому важное значение имеет антропологический материал, особенно если он может быть уверенно датирован. До сих пор единственным памятником с хорошо сохранившимся антропологическим материалом являлся Оленеостровский могильник, о времени существования которого долгое время спорили и который теперь большинство исследователей относит к мезолиту [28, с. 33; 21, с. 65; 29]. В связи с этим становится ясным важное значение могильника Попово с его небольшой антропологической серией, хронология и культурная принадлежность которой устанавливается достаточно твердо по археологическому материалу.

Во время подготовки настоящей статьи к печати количество исследованных погребений могильника увеличилось до семи, считая одно разрушенное полностью и другое — частично (V и II). Остальные сохранились достаточно хорошо, что позволило специалистам в области палеоантропологии сделать следующее заключение. Мужчина из погребения VI в

[6] Коллекции Вологодского краеведческого музея.

возрасте 40—45 лет отличался высоким ростом и массивностью скелета при общей грациальности черепа и мелких зубах. По мнению А. А. Зубова, это бесспорно европеоид без каких-либо признаков монголоидности. То же относится к ребенку в возрасте 7—8 лет из погребения VII. Как отметила Н. Н. Мамонова, длина тела и пропорции в обоих случаях более характерны для европеоидов. В погребениях I и III захоронены мужчины, в погребении IV — женщина (табл. 1 и 2). По определению И. И. Гохмана, они являются европеоидами с четко выраженными расовыми признаками, отличаются высокорослостью (170 см и более), по антропологическому типу обнаруживают сходство с населением, представленным в мезолите Латвии и отчасти Украины.

Хотя антропологическая серия невелика, она позволяет говорить о проникновении на север Европейской части СССР европеоидного населения в бореальное время, вскоре после сложения здесь природной обстановки, способствовавшей освоению этих территорий человеком. Есть основания считать, что именно это население составило основу для дальнейших этнических образований на Севере.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
2. *Бадер О. Н.* Неолитические погребения на Верхней Волге.— СА, 1937, № 3.
3. *Фосс М. Е.* Погребения на стоянке Кубенино.— Тр. ГИМ, 1938, вып. 8.
4. *Брюсов А. Я.* Отчет о раскопках 1938—1939 гг.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.
5. *Брюсов А. Я.* Караваевская стоянка.— В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Вологодск. книжн. изд-во, 1961.
6. *Jaanits L. J.* Neue Gräberfunde auf dem spatneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland.— SMYA, 1957, № 58.
7. *Цветкова И. К.* Стоянка Черная Гора.— КСИИМК, 1959, № 75.
8. *Цветкова И. К.* Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная гора.— В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969.
9. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.
10. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии.— Л., 1936.
11. *Ebert M.* Die Anfange des europaischen Totenkultes.— Praehistorische Zeitschrieft, 1922, B. XIII—XIV.
12. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, 1950, № 18.
13. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник.— МИА, 1956, № 47.
14. *Харузин Н.* Русские лопари. М., 1890.
15. *Сало У.* Доисторическое прошлое Финляндии и его археологическая картина в свете аналогий представляемых лапландской культурой. Slovenska archeologia. Bratislava, 1978, t. XXVI-1.
16. *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Ч. II. Л.: Наука, 1947.
17. *Загорскис Ф. А.* Типология и хронология погребений могильника каменного века Звейниеки. Резюме.— Arheologija un etnografija. Рига, 1974, № XI.
18. *Häusler A.* Die Grabsitten der mesolithischen und neolithischen Jager- und Fischergruppen auf dem Gebiet der UdSSR. Halle, 1962.
19. *Кларк Г. Д.* Доисторическая Европа. М.: Изд-во иностр. лит., 1953.
20. *Luho V.* Die Suomusjarvi-kultur.— SMYA, 1967, № 66.
21. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. I. Л.: Наука, 1978.
22. *Ошибкина С. В.* Мезолитическая стоянка Андозеро.— КСИА АН СССР, 1979, № 157.
23. *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
24. *Clark G. D.* The earlier stone age settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.
25. *Siiriäinen A.* Studies Relating to Shore Displacement and Stone Age chronologie in Finnland. Helsinki, 1974.
26. *Брюсов А. Я.* Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области.— МИА, 1951, № 20.
27. *Indreko R.* Mesolithische und frühneolithische Kulturen in Osteuropa und Westsibirien. Stockholm, 1964.
28. *Филатова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
29. *Zagorskis F.* Das Spatmesolithikum in Lettland. In: The mesolithic in Europe. Warsawa, 1973.

S. V. Oshibkina

THE POPOVO MESOLITHIC BURIAL GROUND ON THE KINEMA RIVER

Summary

The author describes a Mesolithic burial ground, suggests its probable dating and interprets the burial rite. In the four burials examined there were three skeletons oriented to the east and one to the west. The bodies lay on their backs and were covered with red paint. Two were well preserved and two damaged. All the burials contained Mesolithic tools and ornaments. Faunal remains (bones of an elk, a beaver and a dog) and utensils were found in the ritual pits at the burial sites. The suggested dating to mid-7th millennium B. C. is partly based on analogies from the nearby Nizhneye Veretye site and a number of monuments in the Baltic region, Karelia and Finland.

АНФИМОВ Н. В., ШАРАФУТДИНОВА Э. С.

ПОСЕЛЕНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКОЕ НА КУБАНИ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК КОБЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

До последнего времени памятники кобяковской культуры были известны лишь в дельте правобережной части Дона. Это четыре поселения: Кобяково, Нижнегниловское, Хапры и Сафьяново [1, 2]. Они локализуются небольшой, но компактной группой, выделяющейся среди памятников (в том числе и поселений) срубной культуры Нижнего Подонья.

Кобяковская культура относится к финальному периоду эпохи поздней бронзы и синхронна белозерскому этапу, памятники (поселения и погребения) которого занимают степи Северного Причерноморья, а их восточная граница проходит в северо-восточном Приазовье под Ждановом, не достигая Подонья. Собственно белозерские памятники, давшие название последнему этапу позднебронзового века, образуют четкую локальную группу (белозерский тип, если не культура), существенно отличающуюся по некоторым из ведущих признаков от позднесрубных северопричерноморских памятников предшествующего, сабатиновского этапа (последние составляют, по сути, локальный вариант позднесрубной культуры).

В Нижнем Подонье позднесрубные памятники белозерского этапа представлены поселениями, в керамическом комплексе которых содержатся характерные для этого периода в степной зоне четко профилированные горшки с валиком на плечах, концы которого зачастую не сомкнуты — керамика так называемого ивановского типа (но в этих памятниках отсутствует лощеная кубковая посуда, характерная в целом для собственно белозерских памятников Северного Причерноморья и для кобяковских). К таким памятникам относятся поселение Потайновское на правобережье Дона под Цимлянском и поселения у хут. Веселого на Нижнем Маныче, обследованные соответственно А. А. Миллером и В. В. Гольмстен [2, с. 65—69, 76], а также поселения в левобережье близ донской дельты (материал хранится в Ростовском областном музее и не опубликован).

Два впускных курганных погребения из разных могильников нижнедонского левобережья — на нижнем Маныче (одно из них опубликовано) [3, с. 168 сл.] — по обряду и типу металлических изделий тоже относятся к этому финальному периоду бронзового века. Поскольку указанные погребения, находящиеся в левобережье, отделены от кобяковских поселений правобережья не только Доном, но и значительным расстоянием (30 и 120 км), между этими двумя группами памятников отсутствует связь [1].

Первоначальное предположение о южных северокавказских истоках кобяковской культуры [1, с. 21—23; 4, с. 16] нашло свое подтверждение в материалах поселения у с. Красногвардейское (бывш. с. Николаевское, Адыгейская АО) под Краснодаром, обнаруженного при исследовании Николаевского протомеотского могильника Н. В. Анфимовым в 1962 г. [5, с. 103 сл.; 6, с. 170 сл.].

[1] Вероятно, часть нижнедонских позднесрубных погребений (костяки ориентированы на Восток, инвентарь или отсутствует, или представлен сосудом баночной формы) принадлежит этому же белозерскому этапу. Отсутствие в позднесрубных погребениях этого региона горшков с валиком на плечиках (то же и в степном Поволжье) затрудняет вычленение этого этапа по захоронениям, за исключением тех редких случаев, когда в них содержатся металлические изделия — характерные ножи.

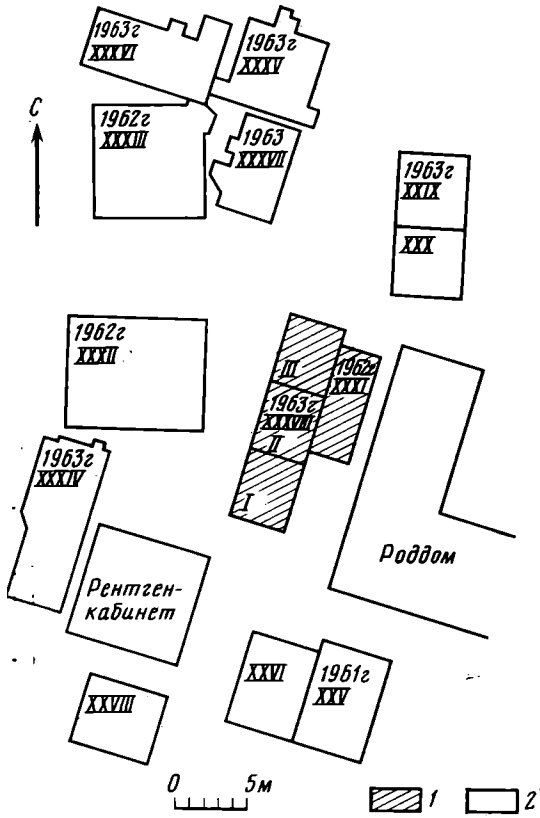


Рис. 1. План раскопок на территории с. Красногвардейское. *1* — раскопы поселения эпохи поздней бронзы; *2* — раскопы могильника раннего железного века

Село Красногвардейское находится в 45—50 км к востоку от Краснодара, на левой надпойменной террасе р. Кубани, на берегу Тшикского водохранилища (ныне левый берег большого Краснодарского водохранилища). До постройки первого водохранилища (1940 г.) вдоль левой террасы протекала р. Псенафа. Могильник расположен в западной части села, на территории районной больницы, в 250 м от края террасы. К юго-западу местность несколько понижается и переходит в широкую западину. Площадь могильника занята больничными постройками и садом.

На территории этого грунтового могильника на площади XXXI [2] (рис. 1) был прослежен культурный слой с керамикой, аналогичной кобяковской в дельте Дона. На следующий год раскоп расширили (площадь XXXVIII), что позволило установить здесь остатки поселения кобяковской культуры эпохи поздней бронзы. Участок с культурным слоем располагался с западной стороны роддома. Вскрытая площадь поселения составила 81 м^2.

Культурный слой сверху был перекрыт наносным грунтом, состоящим из строительного мусора толщиной до 0,3 м. Самой насыщенной была северная часть исследованного участка, начиная с глубины 0,7 до 1,0 м от уровня современной поверхности. Культурные остатки представляли собой обломки сосудов и костей животных, куски обожженной глиняной обмазки и гальки. Всего обнаружено около 400 фрагментов сосудов и 118 обломков костей животных.

Площадь всего поселения в процессе раскопок установить не представлялось возможным. Поскольку насыщенность слоя культурными остатками увеличивалась с юга на север, можно предполагать, что территория поселения простиралась к северу и востоку от площади XXXVIII, где проходила современная канава шириной 3,5 м. На соседних исследованных площадях (рис. 1) культурный слой не прослеживается, так как был снесен прорезавшими его погребениями Николаевского могильника; в засыпи могил встречались те же фрагменты сосудов эпохи поздней бронзы.

Сосуды из поселения принадлежат к типам, которые по форме и орнаменту довольно резко отличаются от посуды перекрывавшего поселение могильника, и какой-либо прямой преемственности здесь не прослеживается.

Материал поселения однотипный и одновременный, это единство позволяет говорить, что памятник однослойный.

[2] Раскопки поселения, как и перекрывавшего его могильника, осуществлялись отдельными участками, названными «площади», которые имели прямоугольную форму и были пронумерованы римскими цифрами (см. чертеж на рис. 1). Каждая из этих площадей разделялась в свою очередь на квадраты для более дробной фиксации находок.

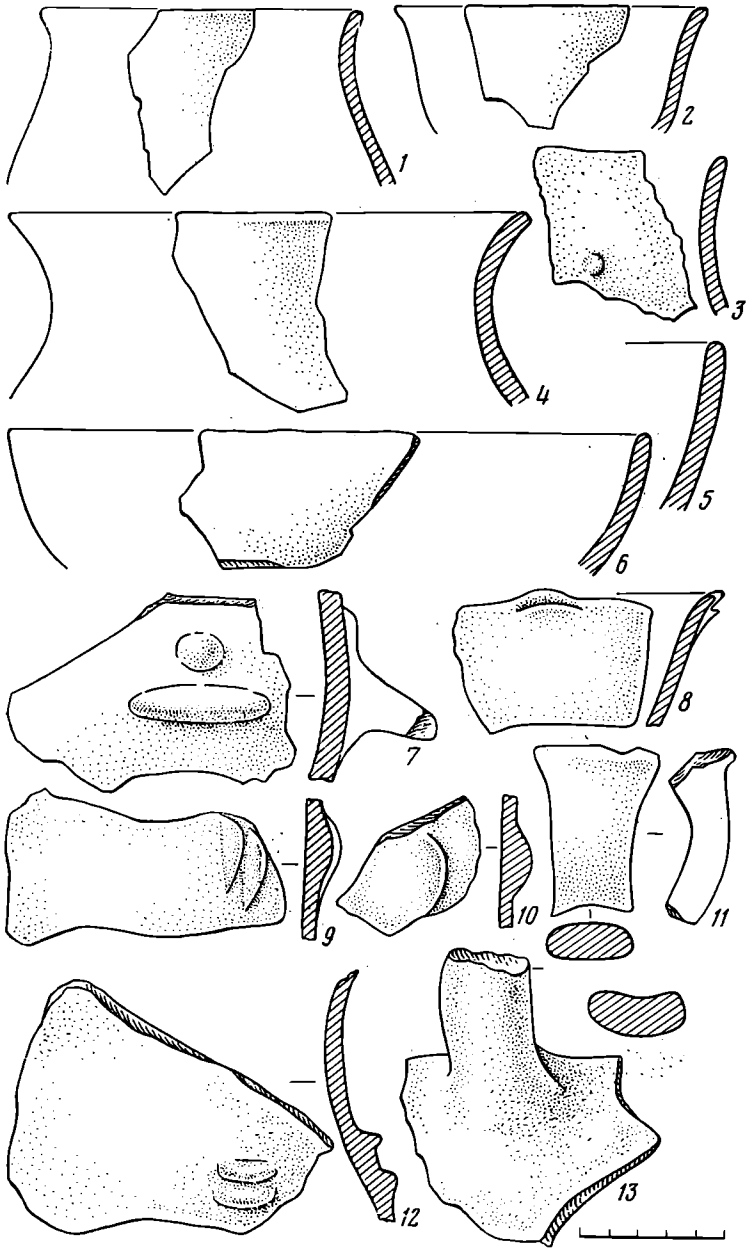


Рис. 2. Поселение. Кухонная посуда: *1*, *3*, *7*, *9* — горшки. Столовая посуда: *2* — чаша; *4*, *12* — кувшины; *5*, *6*, *8*, *10* — миски; 11 — черпачок; *13* — фрагмент большого сосуда с ручкой

В керамике представлены те же группы и типы сосудов, что и на кобяковских поселениях Нижнего Дона. Группа кухонной посуды — горшки; группа столовой посуды — кубки, кувшины, чаши, черпаки и миски. Обломки сосудов этих типов встречались по всему вскрытому участку и по всей глубине слоя. Мотивы орнаментации и техника ее исполнения типично кобяковские. Имеющиеся отличия локальны, о чем будет сказано ниже.

Сосуды, как правило, тщательно сформованы; их наружная поверхность заглажена, на столовых формах нередко слегка лощеная. Фрагменты с орнаментом составляют довольно большой процент. В глиняном тесте всей керамики из Красногвардейского присутствует, особенно в столовой посуде, небольшая примесь слюды.

Горшки плавно профилированы, дно обычно с небольшой четкой закраиной (рис. 2, *1*, *3*; 3, *1—12*, *14—16*). Цвет поверхности серый, желтый или розовато-кирпичный. Иногда снаружи на стенках встречались тонкие налепные полоски глины, уложенные горизонтально или беспорядочно.

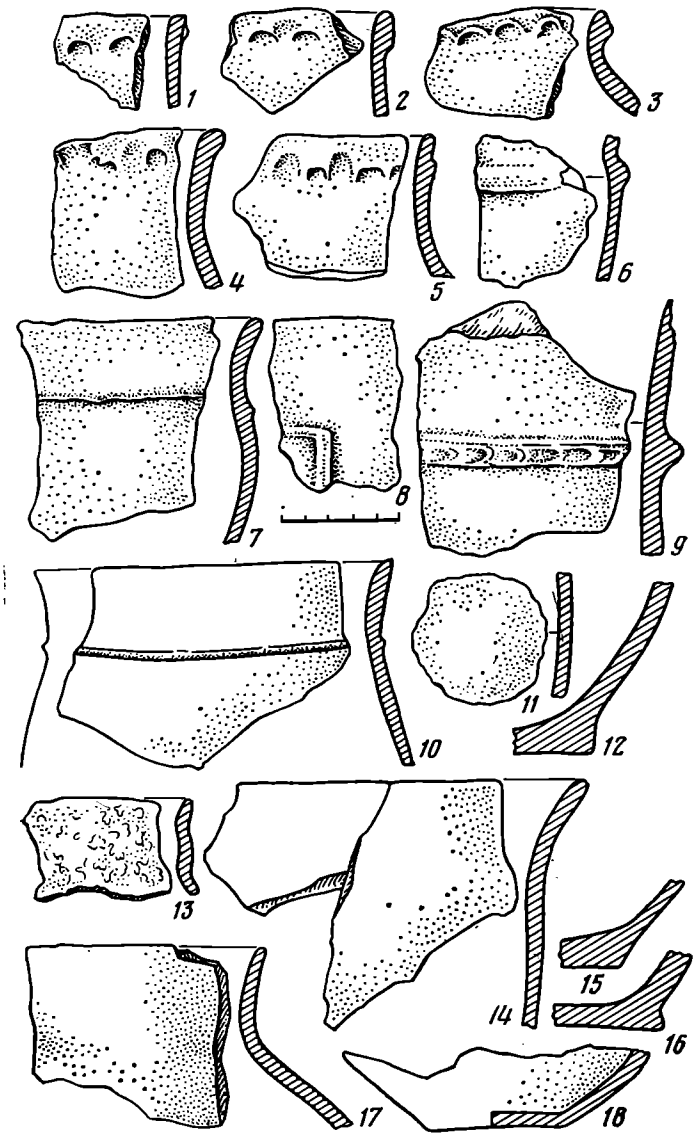


Рис. 3. Поселение. Кухонная посуда: *1—10*, *12—16* — горшки; *11* — поделка из стенки сосуда. Столовая посуда; *17*, *18* — кувшины

Орнамент рельефный либо углубленный. Рельефный: гладкий валик, в сечении круглый или треугольный (очень небольшой), концы иногда свисают под прямым углом (рис. 3, *6—8*, *10*); реже встречается крупный валик, расчлененный пальцевыми (?) вмятинами (рис. 3, *9*). Этот вид орнаментации характерен для кобяковских горшков Нижнего Дона. Валик опоясывает плечики сосуда. Но изредка на слабопрофилированных сосудах расчлененный валик располагается под краем венчика (рис. 3, *3*). Такой орнамент сближается с узором из вдавлин, нанесенных под утолщенным краем венчика (как бы псевдовалик) (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *5*). Среди обнаруженных орнаментированных сосудов (во фрагментах) этот тип орнаментации (как и украшение плечиков валиком) составляет 20%. Изредка на горшках встречались парные продолговатые горизонтальные или вертикальные налепы (рис. 2, *9*). Один фрагмент стенки с двумя круглыми налепами принадлежал довольно крупному сосуду.

Поверхность столовой посуды темного, серого и розоватого цвета; качество лощения, как и на кобяковской керамике, среднее (рис. 2, *2*, *4—6*; 3, *17*, *18*; 4; 5).

Кубки и кувшины покрыты нарядным узором, исполненным в разной технике: четкими отпечатками веревочки — 36% (рис. 4, *1—4*, *8*, *10*, *11*,

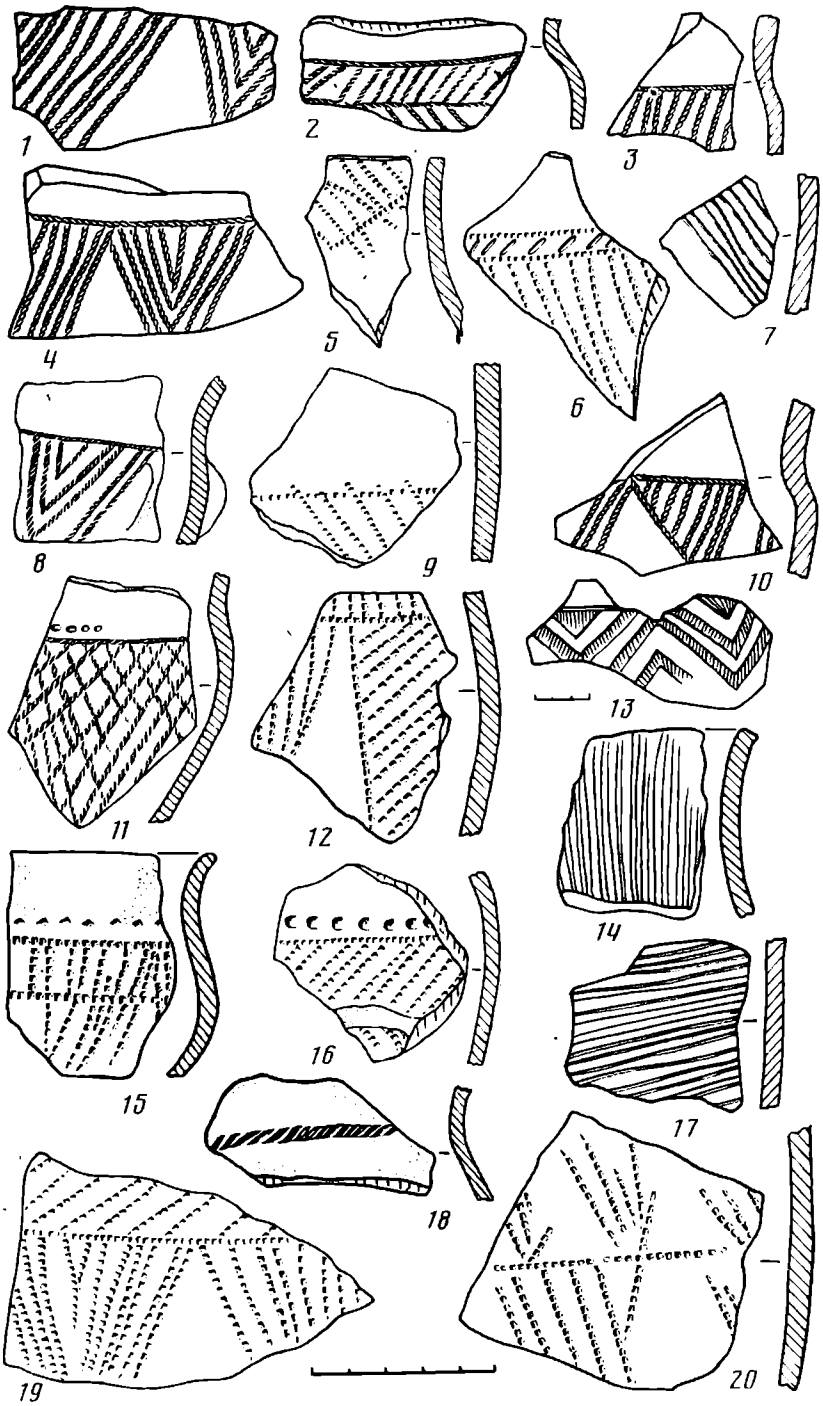


Рис. 4. Поселение. Столовая посуда: *1*, *4—6*, *9*, *12—14*, *17—20* — кувшины; *2*, *3*, *7*, *8*, *10*, *11*, *15*, *16* — кубки

18; 5, *1—3*, *5—7*, *10*, *14*), реже зубчатым штампом — 20% (рис. 4, *5*, *6*, *9*, *12*, *15*, *16*, *19*, *20*) и врезными линиями — 8% (рис. 4, *7*, *13*, *14*, *17*). Сохранившиеся на фрагментах узоры представляют собой композиции из одного-двух рядов. Обычно это свисающие треугольники, заполненные косой, реже прямой штриховкой, сеткой и вложенными углами. Иногда над этими треугольниками располагаются косо заштрихованные горизонтальные широкие ленты либо треугольники снизу окаймляются зигзагообразными лентами с прямой штриховкой. Этот геометрический орнамент нередко, как и на кобяковской посуде Дона, дополняется круглыми, овальными или треугольными углублениями либо отпечатками полой трубочки.

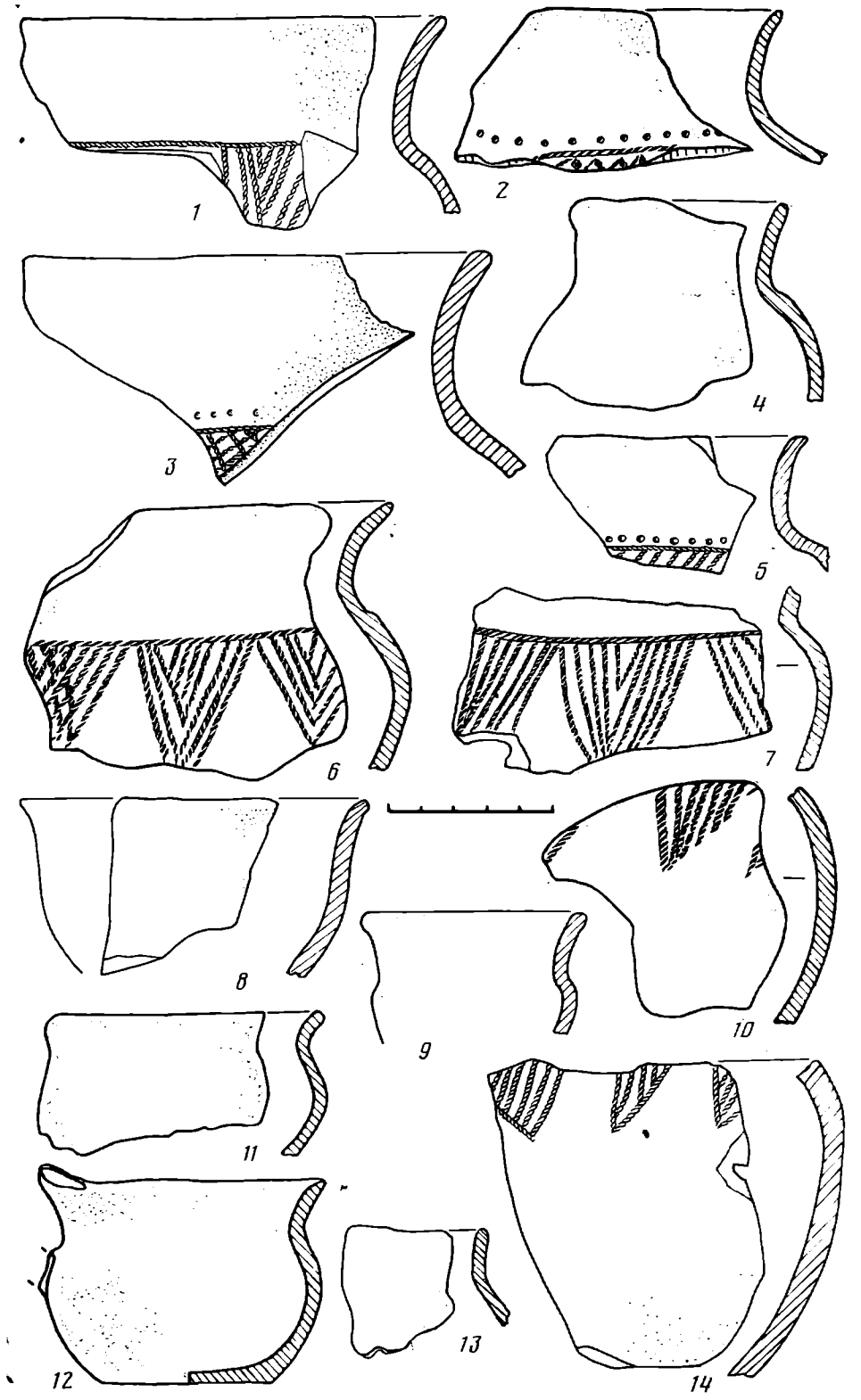


Рис. 5. Поселение. Столовая посуда: *1—7, 10, 14* — кувшины; *8, 9, 11* — чаши; *12* — черпак; *13* — кубок

Другим, менее распространенным видом орнамента на столовой посуде являются продолговатые налепы, одиночные или парные, поставленные горизонтально или вертикально; иногда они сочетаются с веревочным узором (рис. 2, *8*, *10*, *12*; 4, *8*).

На немногочисленных чашах (3 фр.) и черпаках (1 фр.) орнамент не встречен (рис. 2, *2*; 5, *8*, *9*, *11*, *12*).

Обломки трех ручек с овальным сечением принадлежали к более крупным формам, чем обычные черпаки, у которых ручки с таким же сечением (рис. 2, *11*, *13*).

Среди керамических обломков содержались фрагменты венчиков и стенок от бракованных сосудов и круглая поделка из стенки сосуда (рис. 3, *11*, *13*); подобные находки характерны и для поселений донской дельты.

Кухонная посуда нового памятника отличается от соответствующей кобяковской посуды из поселений на Нижнем Дону отсутствием орнаментации в виде различных вдавлений и обработки поверхности расчесами. Украшение зубчатым штампом на столовой посуде из поселения у с. Красногвардейское встречается чаще, чем на той же группе керамики из поселений на Нижнем Дону. На кухонной посуде из Красногвардейского этот вид орнамента не обнаружен, а в донской дельте на кухонных горшках встречен как исключение.

В культурном слое исследуемого участка строительные остатки отсутствовали, но обнаружено несколько небольших обломков обожженной глины светлого оттенка с плоской стороной, происходящие, видимо, от печей или стен. Найденная в слое мелкая и крупная галька могла быть конструктивной деталью глинобитных печей, как это известно в Прикубанье для позднего, меотского времени.

Наряду с керамикой в слое поселения встречено сравнительно много костей домашних животных. Преобладают кости коровы (10—13 особей), второе место занимают кости овцы (5 особей) и лошади (4—5 особей); кости собаки (обломок нижней челюсти) и свиньи (обломок лопатки) единичны. Основная масса трубчатых костей расколота.

Керамика из Красногвардейского несколько отличается от кобяковской посуды из донской дельты. Речь идет об определенных типах орнаментации, имеющей аналогии в керамическом материале поселений кобанской культуры, синхронных кобяковским памятникам Дона.

Это касается расчлененного валика под самым краем венчика и близкого ему мотива орнамента из крупных вмятин по утолщенному краю устья (рис. 3, *1—5*), украшающих кухонную посуду и встречающихся на керамике из верхнего слоя Алхасте [7, табл. III, *5*; 8, рис. 9] и в Бамутском поселении [9, рис. 4, *4*, *9—12*]. Такой тип орнамента известен на кобанской керамике конца эпохи бронзы — начала раннего железа, что как будто позволяет несколько завысить верхнюю дату Красногвардейского, не забывая, однако, об отсутствии железных изделий в кобяковской культуре, а также то, что Красногвардейское поселение перекрыто протомеотским могильником VIII—VII вв. до н. э.

Вместе с тем сосуды из верхнего слоя Алхасты украшались гладким и расчлененным валиком [8, рис. 11; 10, с. 159, рис. 20, *4*] того типа, который распространен на кобяковской посуде Нижнего Дона и Красногвардейского и вообще на кухонной керамике финального периода позднебронзового века. Кроме того, в керамике Красногвардейского, как и в алхастинской [7, с. 169], встречены ручки, относящиеся как к черпакам, так и к другим более крупным сосудам (рис. 2, *7*, *11*, *13*; 5, *12*).

В свое время Е. И. Крупнов среди алхастинской керамики верхнего слоя, датируемого в целом VIII—VII вв. до н. э. («культура II»), справедливо выделил — по мотивам врезного геометрического узора на одних сосудах и по орнаменту из налепных шишечек и гладкого валика на других — керамику доскифского времени. Исследователь не без оснований сопоставил ее с нижнедонской посудой поселений Кобяковского и Нижнегниловского, но ошибочно — со срубной керамикой Ляпичевского [8, с. 17—22, рис. 8, *11—15*].

С поселениями Змейское, Алхасты и Сержень-Юрт керамика Красногвардейского перекликается такими типами рельефной орнаментации, как парные продолговатые налепы, стоящие косо, вертикально или горизонтально, шишечки и, может быть, как в Сержень-Юрте, расчлененный валик у края устья [11, с. 19; 12, рис. 11, *2*, *3*; 13, с. 79; 14, с. 71). В кобанских поселениях, особенно в Алхасты и Сержень-Юрте — более

восточных, такие узоры широко распространены. В Красногвардейском эта орнаментация встречается реже, но несколько чаще и разнообразнее, чем в дельте Дона.

Указанные локальные особенности посуды Красногвардейского не влияют на основную черту памятников кобяковской культуры Нижнего Дона и Кубани, четко сохраняющих специфику своего керамического комплекса,— это веревочный узор на столовой посуде, мотивы которого такие же, как и на узорах, выполненных врезными линиями и зубчатым штампом. Эта черта отличает обе группы кобяковских поселений от степных памятников поздней бронзы и кобанских, однако имеется сходство по ряду других характеристик. Гладкий валик на плечах кухонных горшков также свойственен кобяковской-нижнедонской и красногвардейской посуде (изредка встречается в Алхасты).

Кубки, кувшины, черпаки и миски — типы керамики, общие в целом для столовой посуды кобяковских и кобанских поселений (Змейское, Алхасте, Бамут, Айвазовское), на последних формы этих типов вычурнее и разнообразнее. Общим для обеих культур оказываются в целом и геометрический врезной узор, а также некоторые его мотивы (свисающие заштрихованные треугольники и зигзагообразные ленты), ставшие ведущими в кобяковской орнаментике Дона и Кубани. Но в кобяковском орнаменте отсутствуют такие кобанские мотивы и приемы, как ромбы, каннелюры, инкрустация белой пастой.

В свете сказанного представляется, что генезис кобяковской культуры Дона и Кубани по-прежнему следует рассматривать как результат смешения поздних элементов северокавказской культуры (веревочный орнамент и его мотивы в керамике из курганов в Кабардинском парке и из Верхнего Акбаша [15, с. 244, табл. I; VI, *1*, *2*, *6*, рис. 42, *1*; 16, с. 53, *56*, *57*, *62*, рис. 9, *47*, *49*, *54*; 13, *86*, *93*; 18, *3*; 20, *23*, *25*, *26*; 24, *1*; 25, *9*; *48*, *11*]) с кобанской культурой конца бронзового века и степной позднесрубной культурой того же периода [1; с. 21—23; 2, с. 69]. Кобяковская керамика проще кобанской, но ярче посуды степных поселений.

Учитывая, что самые западные памятники кобанской культуры X—VIII вв. до н. э. представлены поселениями в Закубанье на р. Уруп, можно примерно определить территорию формирования кобяковской культуры, т. е. прародину донских «кобяковцев». Это, по-видимому, район между притоками Кубани — Уруп и Белая, включая устья последней и Лабы (между которыми и располагается Красногвардейское поселение), а также какая-то часть степного правобережья Кубани.

Очевидно, что Красногвардейское — не единственное поселение на Кубани, и вопрос о границах распространения кобяковской культуры ставится следующим образом. Либо это два региона: Кубань и дельта Дона, т. е. мы имеем дело с процессом миграции, когда в дельту Дона переселилась лишь группа кобяковского населения с Кубани; либо ареал этой культуры значительно шире и охватывает степную зону от донской дельты до бассейна Кубани, а на западе примыкает к азовскому побережью. В любом случае имело место продвижение населения с юга на север. Эта территория бассейна Кубани с восточным Приазовьем — регион с плодородными землями, изобилующий реками и лиманами, богатыми рыбой, а в поймах с мягкими удобными почвами и сочными заливными лугами; он был очень удобен не только для ведения оседлого, земледельческо-скотоводческого хозяйства, но и для значительного развития рыболовства. Последнее широко развито у «кобяковцев» донской дельты, где природные условия в какой-то мере близки. Это, очевидно, и заставило их, двигаясь на север, поселиться именно здесь, выбрав при этом участки коренного высокого берега, т. е. естественно защищенные.

Выявление границ кобяковской культуры в любом из двух указанных выше случаев дает территорию, граничащую со степными позднесрубными племенами. Памятники этого культурного круга с керамикой так называемого ивановского типа известны по материалам поселений вплоть до низовьев Маныча и приведены выше. Южнее, в северо-западном Пред-

кавказье, по рекам Бейсуг, Кирпили и др., открыты немногочисленные срубные погребения позднего типа.

Один из путей дальнейшего изучения материала связан с установлением хронологического соотношения памятников кобяковской культуры и позднесрубной в Задонье и на Кубани, а также самих кобяковских памятников Дона и Кубани между собой. Возможно, что на каком-то участке территории между Нижним Доном и Кубанью памятники позднесрубной и кобяковской культур частично синхронны, и это скорее присуще северной части региона, где познесрубных памятников как будто больше.

В отношении поселений кобяковской культуры можно сказать, что, поскольку на Кубани имеются отличия в керамике — присутствие в орнаменте некоторых кобанских элементов, часть которых характерна и для начала раннего железного века,— то, вероятно, на Кубани эти поселения существовали несколько дольше, чем в донской дельте. Может быть, это объясняется киммерийским движением, охватившим северопричерноморские степи.

Значение памятников кобяковской культуры на Кубани состоит в том, что они, а также указанные нами немногочисленные курганные погребения позднесрубного облика (неглубоко в насыпи, костяки сильно скорчены, головой на Восток и Запад без инвентаря либо сопровождаются сосудом баночной формы) заполняют хронологическую лакуну (поздний бронзовый век) в этом регионе Предкавказья, где эпоха бронзы до сих пор была представлена ранним и средним периодом (ямная, майкопская и катакомбная культуры).

Ареал прикубанского металлургического очага позднебронзового века непосредственно примыкает с юга к территории Красногвардейского поселения, занимая левобережье Кубани вместе с побережьем Черного моря до Сочи, т. е. Закубанье. Не исключено, что прикубанский металлургический очаг может оказаться как-то связанным с кобяковской культурой.

Керамика степного типа, украшенная по плечикам валиком, в этот период распространяется не только носителями культуры, но и в результате межплеменных контактов. Неудивительно поэтому ее присутствие к юго-востоку от Прикубанья, уже в горных районах, например в Каменномостском могильнике [17, с. 103, 104] и в каякентско-хорочоевской культуре [18, рис. 7, *5—7*; 17, *2*; 19, *1—2*; 23, *6*, *7*, *13*; 24, *9*] а также в Западном Закавказье [19, с. 60, 61].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шарафутдинова Э. С.* Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону.— СА, 1973, № 2.
2. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура).— САИ, 1980, вып. В1—11.
3. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона.— СА, 1978, № 3.
4. *Шарафутдинова Э. С.* Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1971.
5. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского.— Сб. МАА, т. II. Майкоп, 1961.
6. *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177.
7. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники Ассинского ущелья.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.
8. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи.— Тр. ГИМ, 1948, вып. XVII.
9. *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, 1972, № 2.
10. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
11. *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1961.
12. *Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии.— КСИА АН СССР, 1963, № 94.
13. *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.— КСИА АН СССР, 1964, № 98.
14. *Козенкова В. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г.— КСИА АН СССР, 1965, № 103.

15. *Дегген-Ковалевский Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3.
16. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 93.
17. *Батчаев В. М.* К вопросу о датировке Каменномостского могильника.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала: Дагестанский ФАН СССР, 1974.
18. *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М.: Наука, 1969.
19. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.

N. V. Anfimov, E. S. Sharafutdinova

THE KRASNOGVARDEISKOE SETTLEMENT ON THE KUBAN RIVER — A NEW MONUMENT OF THE KOBYAKOVO CULTURE

Summary

Up till now the Kobyakovo Late Bronze culture settlements were found predominantly in the lower reaches of the Don. They differed from the neighbouring Late Timber-Grave culture settelments and were synchronous to the Belosersk period of this culture in the Northern Circumpontic area. E. Sharafutdinova relates the Kobyakovo culture to the Bronze Age culture in the North-Western Caucasus. Her hypothesis is supported by archaeological investigations of a settlement at Krasnogvardeiskoe village in the Adigei Autonomous Region. The diggings were begun back in 1962 by N. V. Anfimov on the left bank of the Kuban, to the east of Krasnodar. All in all, 81 sq. m. were dug. The settelment lay beneath a 8th-7th-century B. C. burial ground, unrelated to it. Archaeological materials were represented by pottery sherds and faunal remains. There were ceramic pots (Figs. 2, 1, 3; 3, 1-12, 14-16), beakers and jugs (Fig. 4), dipper-like vessels (Figs. 2, 11, 13), bowls and dippers (Figs. 2, 2; 5, 8, 9, 11, 12). Their forms, ornamental motifs and techniques were typical of the Kobyakovo culture, though a considerable number of vessels had local cogged patterns. Besides, there were sherds with superimposed ornaments resembling those of the Koban culture (Zmeiskoe, Alkhaste, Serzhen-yurt, Bamut). The authors have compared the Krasnogvardeiskoe and the Koban ceramics and have concluded that the Kobyakovo culture had emerged as a result of blending of later elements of the North Caucasian culture with the Koban culture and the late steppe Timber-Grave culture. This process is dated to the end of the Bronze Age, i. e., to the turn of the 1st millennium B. C.

КОРЕНЯКО В. А., ЛУКЬЯШКО С. И.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДОНА

В предлагаемой работе рассматриваются несколько погребений, представляющих несомненный интерес для изучения эпохи скифской архаики. Эти погребения были открыты при раскопках курганов на левом берегу Нижнего Дона, в Азовском районе Ростовской области, во время работ Азово-Донецкой археологической экспедиции [1] (рис. 1).

В 1976 г. раскапывалась курганная группа, расположенная вдоль водораздела рек Дона и Кагальника у с. Высочино. В группе преобладали курганы позднесарматского и средневекового времени. В двух курганах, насыпанных в бронзовом веке, были обнаружены впускные погребения раннескифского времени.

В восточном поле **кургана 6** было исследовано погребение 4. Оно было впущено в материк и находилось на глубине 1,45 м от центрального репера, контуры могильной конструкции выявить не удалось. Скелет взрослого мужчины [2] лежал на правом боку вытянуто, головой на восток — северо-восток. Череп лежал на правом виске, лицевой частью на север. Правая рука вытянута. Левая рука согнута в локте, кисть перед

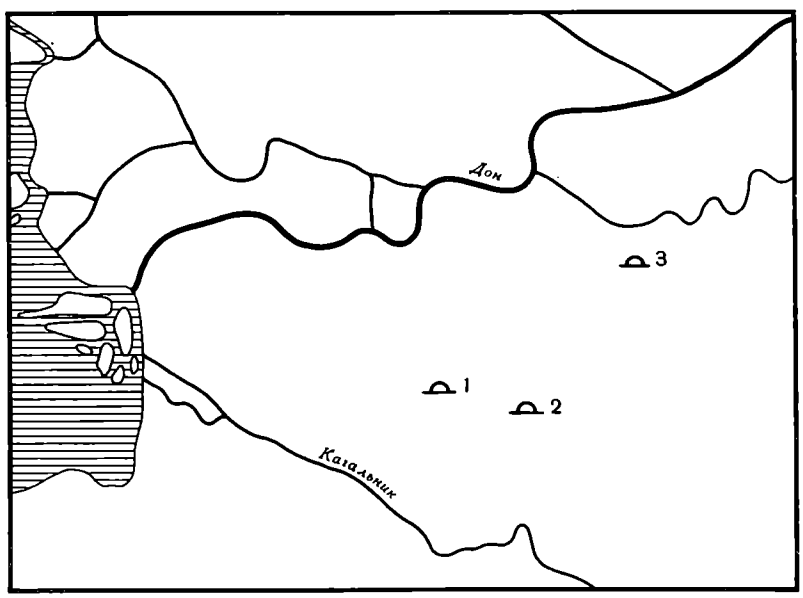


Рис. 1. Картосхема расположения памятников раннескифского времени на левобережье донской дельты. *1* — Новоалександровка, *2* — Высочино, *3* — Койсуг

тазом. У затылочной части черепа найдены кости животного (барана или овцы). За спиной прослеживалось обширное пятно древесного тлена, в пределах которого располагались железный колчанный крючок, костя-

[1] Экспедиция была организована Институтом археологии АН СССР, Ростовским университетом, Ростовским педагогическим институтом и Азовским краеведческим музеем (начальник экспедиции К. Ф. Смирнов). Раскопками курганов в Азовском районе руководил С. И. Лукьяшко. Материалы раскопок хранятся в Азовском краеведческом музее.

[2] Антропологические материалы специалистами не изучались. Половозрастные определения принадлежат автору раскопок.

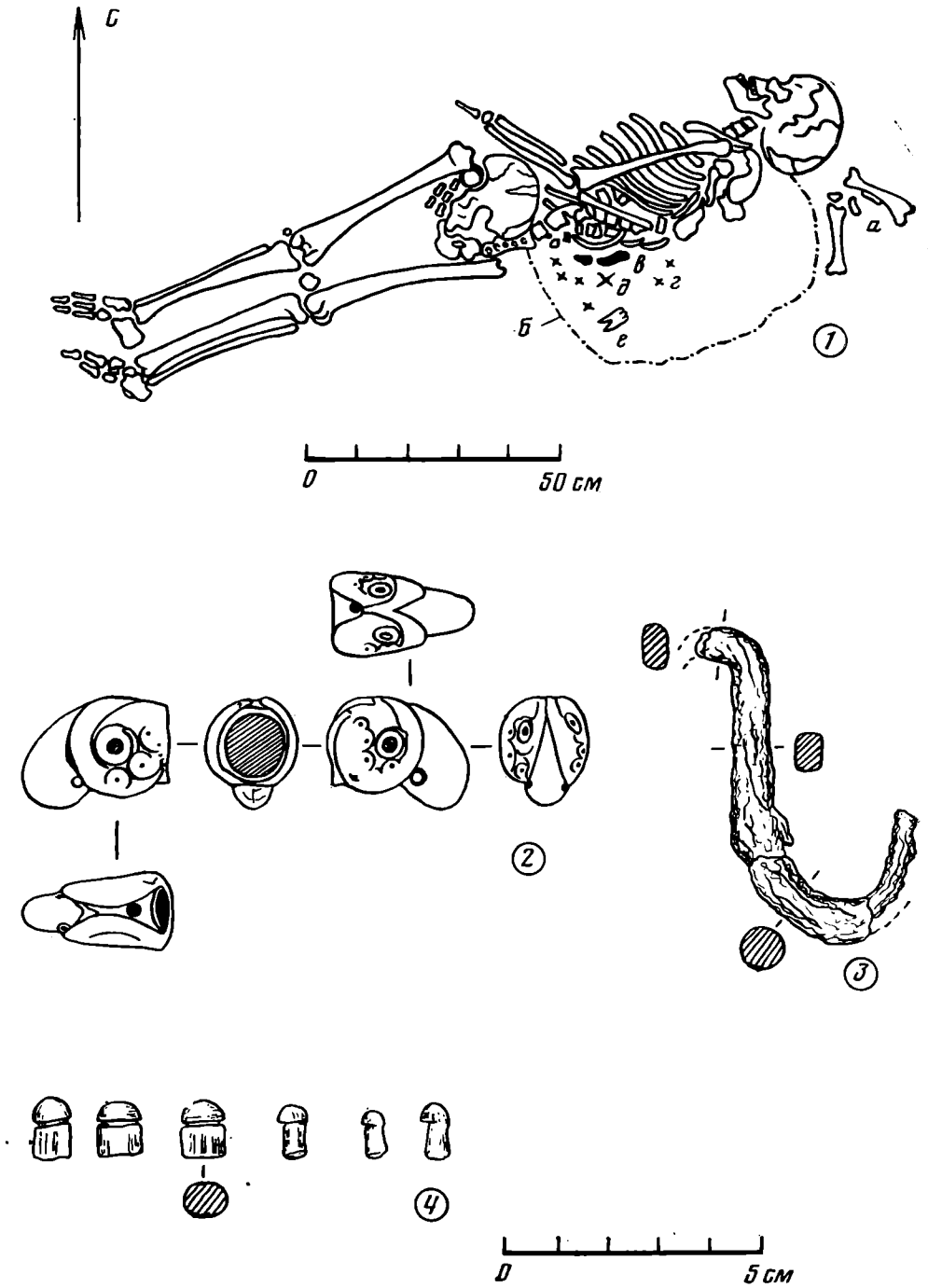


Рис. 2. Высочино, кург. 6, погр. 4. *1* — план (*а* — кости животного; *б* — граница древесного тлена; *в* — остатки колчанного крючка; *г* — застежки; *д* — наконечник; *е* — зуб животного); *2* — костяной зооморфный наконечник; *3* — колчанный крючок; *4* — костяные застежки

ной зооморфный наконечник, шесть костяных грибовидных застежек и зуб крупного животного (рис. 2, *1*).

Костяной наконечник имел вид головы грифо-барана, трактованной очень схематично. Голова круглая, сдавленная с боков. Глаза обозначены круглым рельефным валиком со сквозным отверстием в центре (зрачки). Клюв, резко загибаясь, соединяется с головой, образуя сквозное отверстие. В насадочной части (втулке) имеются два стопорных отверстия, видимо, для штифтов или заклепок. Рога изображены низким рельефом, на их поверхность нанесен циркульный орнамент. Длина изделия 3, ширина 1,8 см; диаметр насадочного углубления в торце наконечника 1 см (рис. 2, *2*).

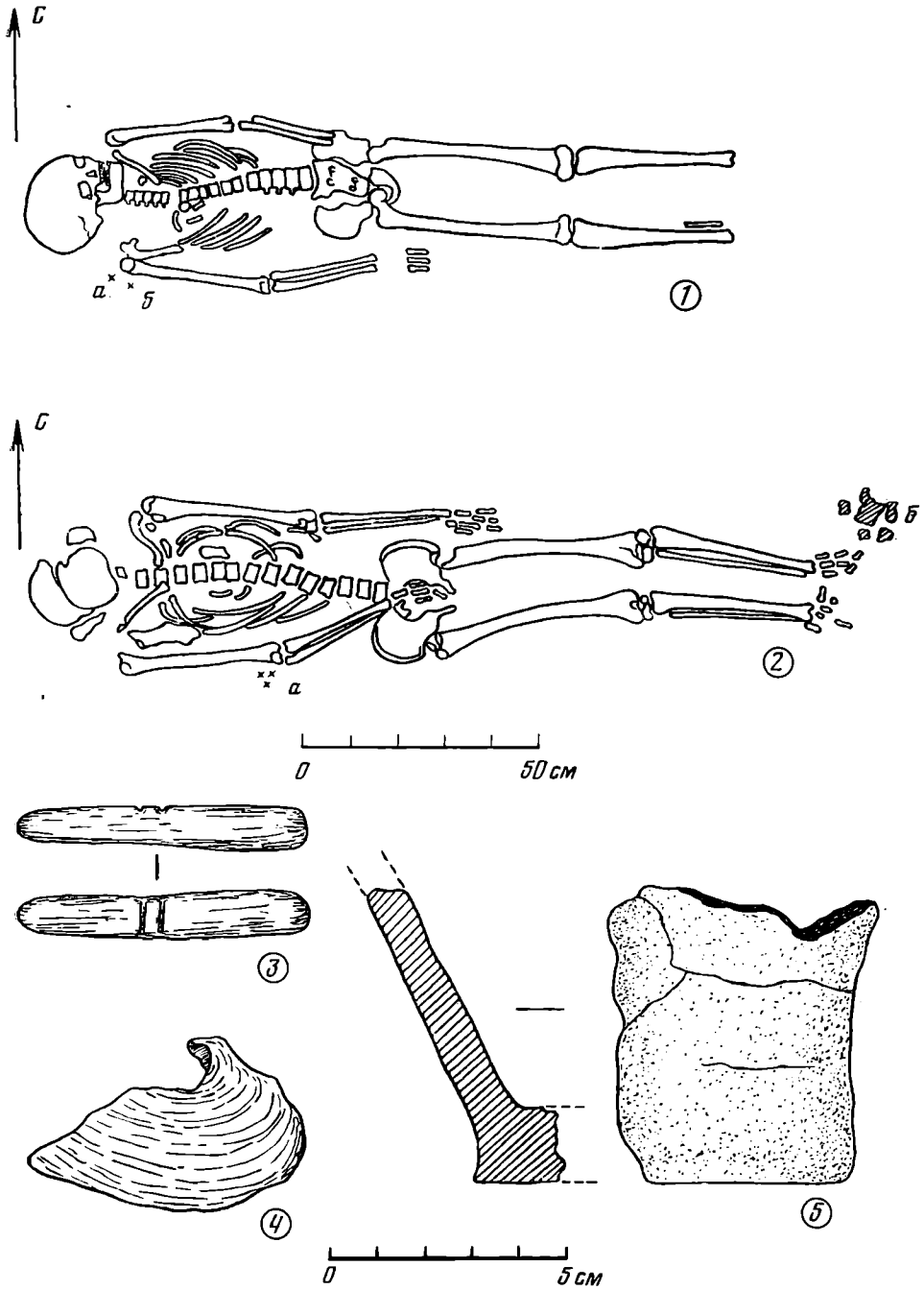


Рис. 3. Высочино, кург. 7, погр. 2 и 4. *1* — план погр. 2 (*а* — створка раковины, *б* — застежка); *2* — план погр. 4 (*а* — наконечники стрел; *б* — фрагменты сосуда); *3* — костяная застежка; *4* — створка раковины; *5* — фрагмент сосуда

Костяные застежки небольшие, имеют вид коротких цилиндриков с полусферическими (грибовидными) окончаниями. Три застежки сделаны более тщательно, грибовидная шляпка отделена от стерженька кольцевой ложбинкой. Длина 1,2—1,3 см, диаметр поперечного сечения 0,8—0,9 см. Три других, сделанные менее тщательно, имеют длину 1,0—1,2 см; диаметр поперечного сечения 0,4—0,6 см (рис. 2, *4*).

Железный колчанный крючок (рис. 2, *3*) сильно корродирован и сохранился плохо. Он имеет вид согнутого стержня с подпрямоугольным поперечным сечением 0,8×0,6 см. В месте сгиба поперечное сечение круглое, диаметром 0,8 см. Длина крючка 6,5 см. Верхний конец крючка, видимо, образовывавший кольцо, разрушен.

Наибольший интерес в инвентаре погребения представляют изделия из резной кости, на анализе и датировке которых мы остановится ниже.

К раннескифскому времени относятся и два захоронения из **кургана 7** у с. Высочино.

Погребение 2 было впущено в северо-западную полу кургана, глубина от центрального репера 0,69 м. Форма могилы не прослеживалась. Скелет, принадлежавший молодому человеку (до 18 лет, судя по несросшимся эпифизам длинных костей), лежал на спине вытянуто, головой на запад. Череп слегка наклонен на левый висок. Правая рука вытянута вдоль тела, левая слегка согнута в локте (рис. 3, *1*). У правого плеча найдены створки раковины (рис. 3, *4*) и костяная застежка. Застежка имеет вид палочки с округлыми концами. Примерно посредине сделаны две поперечные канавки-нарезки. Длина застежки 6,2 см; поперечное сечение 1,1—0,9 см (рис. 3, *3*).

Погребение 4 находилось в западной части кургана 7 на глубине 0,78 м. Форма могилы, впущенной в насыпь, не прослеживалась. Погребенный (взрослый мужчина) лежал на спине вытянуто, головой на запад. Правая рука слегка согнута в локтевом суставе, кости кисти находились на тазе. Левая рука вытянута вдоль тела (рис. 3, *2*). У костей стоп лежали обломки лепного толстостенного плоскодонного сосуда (рис. 3, *5*). Поверхность светло-серая, с внутренней стороны — следы закопченности. Тесто в изломе серое, с примесью мелкого песка. У локтевого сустава правой руки находились наконечники стрел: 2 бронзовых и 7 железных. Наконечники относятся к следующим разновидностям.

1. Бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник с овальной головкой и очень короткой втулкой. Одна из лопастей переходит в шип. Длина наконечника 3,2, ширина головки 0,8 см (рис. 4, *1*). Наконечник сопоставим с 6-м типом втульчатых наконечников по классификации К. Ф. Смирнова, который считает, что они датируются VII—VI вв. до н. э. (возможно, не позднее первой половины VI в. до н. э.) [1, с. 42, табл. 1, *Б 34*, *В 17*]. В классификации А. И. Мелюковой подобные наконечники выделены в 4-й тип 1 отдела I хронологической группы (вторая половина или конец VII — первая половина VI в. до н. э.) [2, с. 16—18, 28, рис. 1]. Небольшое количество двухлопастных наконечников 4-го типа, по мнению А. И. Мелюковой, имеется и в комплектах II хронологической группы (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.) [2, с. 21]. Оба автора считают, что наконечники этого вида довольно малочисленны.

2. Бронзовый втульчатый наконечник с выступающей втулкой и трехгранной сводчатой головкой. Длина наконечника 2,1 см (рис. 4, *2*). По классификации К. Ф. Смирнова, этот экземпляр можно сравнить с наконечниками типов 3, 5Б и 5В отдела III [1, с. 52, 53, табл. IV]. Сам наконечник маловыразителен. Аналогий ему в савроматских памятниках немного; датируются они широко (основная масса в пределах VI—V вв. до н. э.), но наибольшее сходство наблюдается с наконечниками из комплексов второй половины VI—V вв. до н. э. [2, с. 112, 113, 118—120, 124, 127, 128, 130, рис. 13Е, 14, *18*, 18, *В4*, 19А, 19Б, 22, 25, 26, 28]. По классификации А. И. Мелюковой, наконечник можно отнести ко 2-му типу III отдела причем можно отметить признаки, характерные для I хронологической группы (варианты 1—5), датируемые главным образом VI в. до н. э. [2, с. 19, 22, 28, рис. 1].

3—9. Семь втульчатых железных наконечников стрел очень плохой сохранности. Головки профилированы слабо, втулки выступают. Среди наконечников по форме головки выделяются один двухлопастной (рис. 4, *3*), четыре трехгранных (рис. 4, *4—7*), один трехлопастной (рис. 4, *8*). Один наконечник корродирован наиболее сильно и прикипел к трехлопастному, так что форма головки не восстанавливается. Длина наконечников 5,2—3,3 см. Втульчатые железные наконечники стрел в скифо-савроматское время очень редки. В сводке К. Ф. Смирнова фигурирует лишь один двухлопастной железный втульчатый наконечник 1-го типа, датируемый второй половиной VI в. до н. э. [1, с. 39, 113, рис. 14, *В1*]. Трехлопастных наконечников в поволжских савроматских памятниках

почти не найдено (находка в Блюменфельдском кургане А 12 датируется началом V в. до н. э. [1, с. 47, 116, рис. 16Б, *71*]. Аналогии трехгранным наконечникам данного вида имеются в савроматских могилах конца VI — начала V в. до н. э. [1, с. 51, 116, 124, рис. 16Б, *72—75*; 22, *А 1—7*]. Железные наконечники описанных разновидностей известны в Северном Причерноморье: двухлопастные — в предскифское время и в памятниках I и II хронологических групп [2, с. 18, 22, 23, табл. 1, *Б 25—27*; табл. 6, *М*, *Н*, *О 14*; табл. 7, *А*, *1*], трехлопастные — в комплексах II хронологической группы [2, с. 22, 23, рис. 7, *Б 15*, *Д 11*]. Как отмечает А. И. Мелюкова [2, с. 19], «трехлопастные и трехгранные стрелы VII—VI вв. до н. э. в Скифии, как и на савроматской территории, только бронзовые».

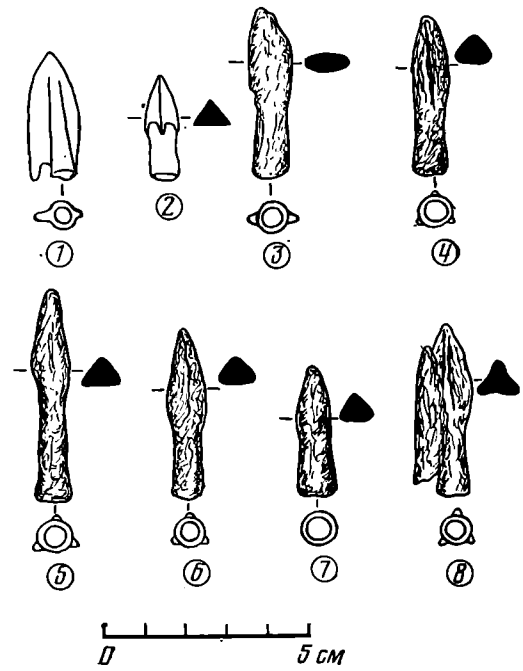


Рис. 4. Высочино, кург. 7, погр. 4. Наконечники стрел

Приведенные датировки аналогичным наконечникам стрел образуют довольно широкий хронологический диапазон в пределах конца VII—V в. до н. э. Если учесть взаимное наложение имеющихся в литературе датировок, то время, когда наконечники данных типов могли быть собраны вместе, наиболее обоснованно можно определить как вторую половину VI в. до н. э.

В 1977 г. были предприняты раскопки курганной группы у с. Новоалександровка [3, с. 127]. Здесь в кургане 7, сооруженном в эпоху средней бронзы, обнаружено погребение 8, впущенное в центральную часть насыпи на глубину 2,05 м от центрального репера (рис. 5). Могильная яма имела удлиненно-округлую в плане форму и была ориентирована длинной осью по линии запад — восток. Длина ямы 3,30 м. В западной части яма значительно шире (до 1,65 м), чем в восточной (0,95—1,03 м). Вдоль южной стенки могилы прослеживалась ступенька шириной 0,10—0,15 и высотой 0,20 м от дна. Яма заполнена темным рыхлым суглинком. Юго-западная часть могилы нарушена норой животного. В заполнении западной части ямы встречались куски истлевшей древесины, видимо, остатки перекрытия. В заполнении восточной части ямы на 0,50 м выше дна найден бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с шипом на втулке. По дну могилы и под скелетом фиксировались пятна тлена от растительной подстилки, а под черепом — следы меловой посыпки. Скелет взрослого мужчины находился в восточной половине могилы, ближе к южной стенке. Он лежал на спине вытянуто, головой на запад. Череп наклонен на левый висок, лицевой частью на север. Руки вытянуты вдоль тела. Между правой бедренной костью и южной стенкой могилы, на дне ямы и частично на ступеньке обнаружены остатки футляра, наполненного стрелами с бронзовыми втульчатыми наконечниками различных типов. Наконечники лежали остриями на восток, сохраняя первоначальное положение, лишь несколько наконечников смещено. У нижнего края футляра, т. е. несколько восточнее наконечников стрел, лежали четыре крупные костяные застежки с грибовидными головками и выделенными цилиндрическими основаниями, плоско срезанными на конце (рис. 6, *4*). Длина застежек в среднем 2,0 см; диаметр основания 0,8—1,0 см. Примерно у верхнего края футляра лежали шесть костяных застежек с грибовидными шляпками, меньшего размера и с ножками иной формы — сужающимися на концах. Длина застежек этого вида 1,4—1,5 см (рис. 6, *5*). На двух из

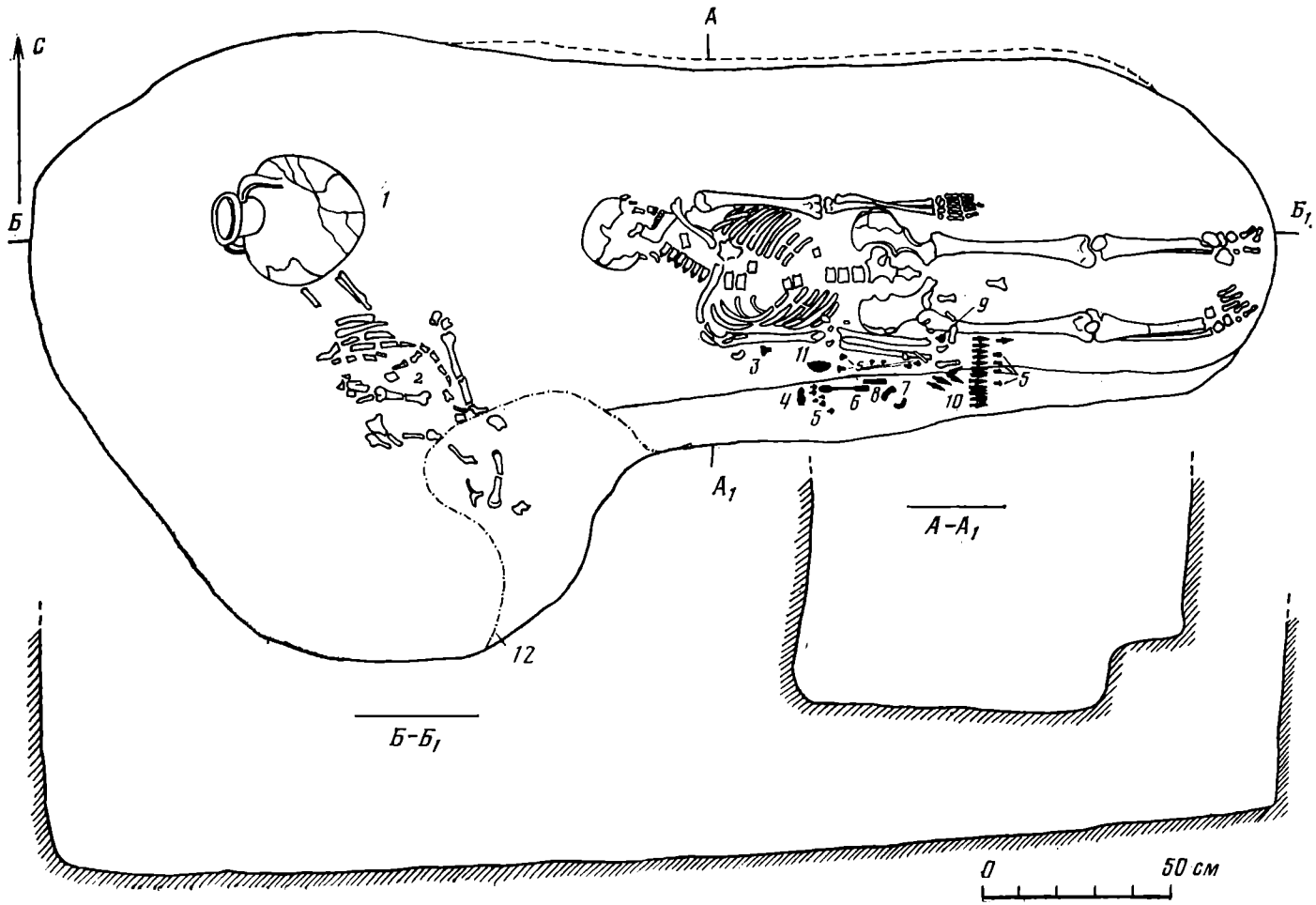


Рис. 5. Новоалександровка, кург. 7, погр. 8. План и разрезы погребения. *1* — амфора; *2* — кости животного; *3* — муфта или обойма; *4* — наконечник; *5*, *8* — застежки; *6* — ложечка; *7* — обломки колчанного крючка; *9* — бронзовая подвеска; *10* — наконечники стрел; *11* — кремневый отщеп; *12* — границы поры животного

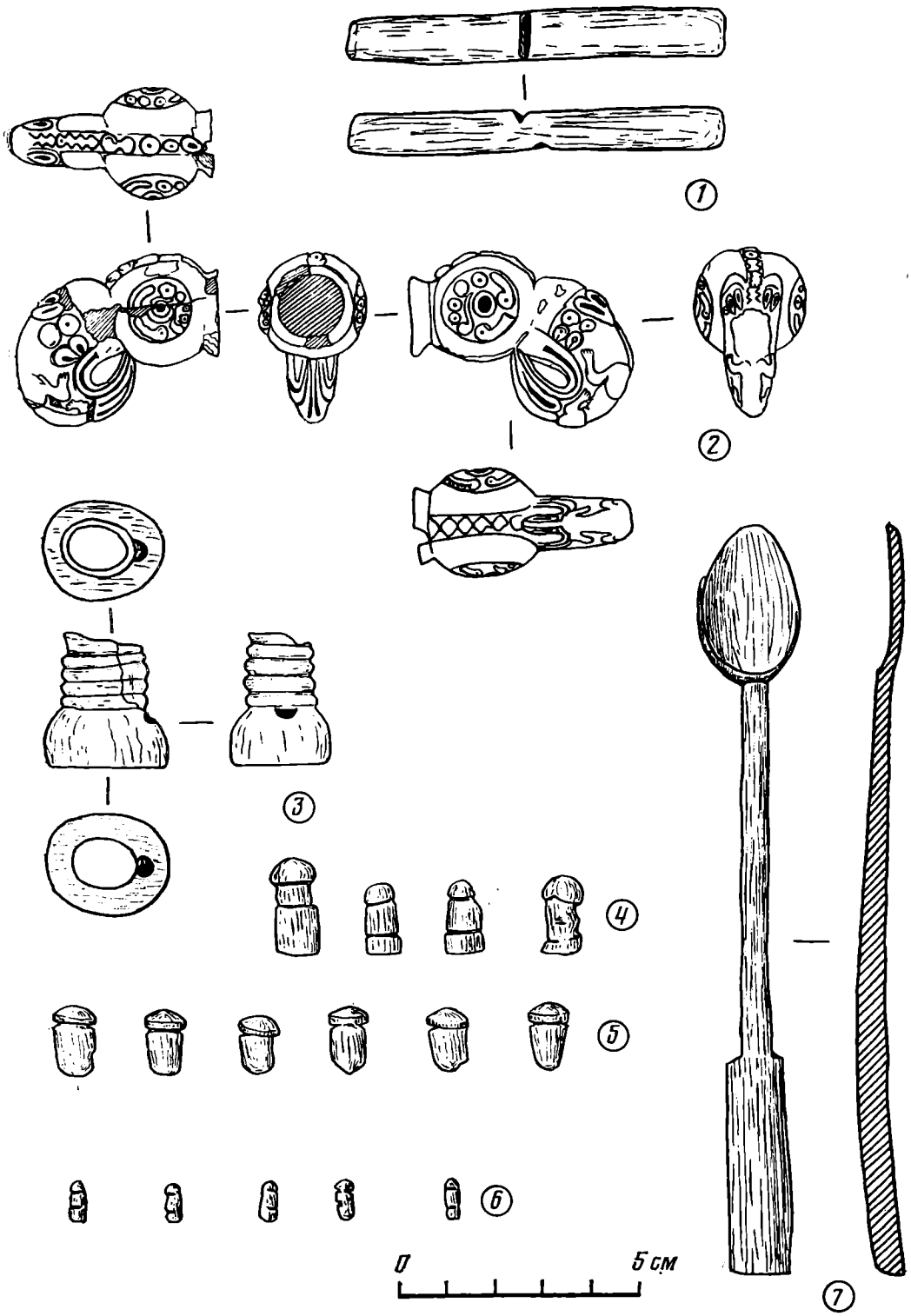


Рис. 6. Новоалександровка, кург. 7, погр. 8. Изделия из кости. *1*, *4*, *5*, *6* — застежки; *2* — зооморфный наконечник; *3* — муфта или обойма; *7* — ложечка

этих предметов были заметны пятна зеленого окисла от какого-то бронзового или медного изделия. Южнее костей правой руки, вдоль них, обнаружены шесть совсем маленьких (длиной в среднем 0,9 см) костяных застежек, имевших форму цилиндрических стерженьков с двумя нарезками для крепления (рис. 6, *6*). Между запястьем правой руки и верхушкой правого бедра помещена бронзовая каплевидная подвеска с остатками кожаного тлена на поверхности. Высота подвески 2,2, диаметр 1,7 см (рис. 7, *2*). Немного южнее локтевого сустава правой руки находился необработанный кремневый отщеп размерами 6,5×3,5×0,8 см (рис. 7, *1*).

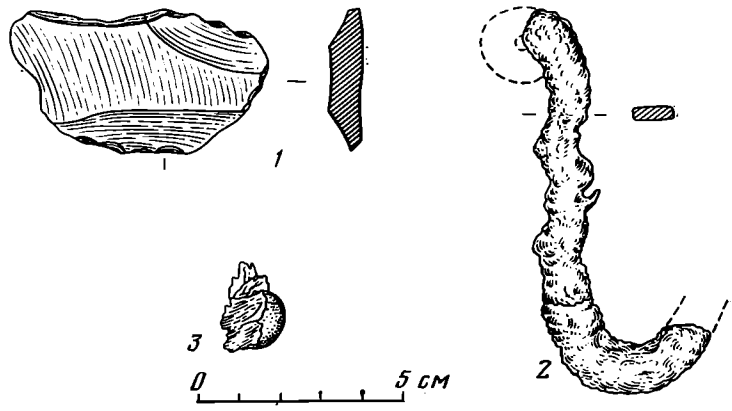


Рис. 7. Новоалександровка, кург. 7, погр. 8. *1* — кремневый отщеп; *2* — колчанный крючок; *3* — бронзовая подвеска

На ступеньке южнее локтевой и лучевой костей правой руки лежали фрагменты сильно корродированного и распавшегося железного колчанного крючка. Он изготовлен из округлого в сечении стержня, один конец которого загнут, а второй имел петлю для крепления к поясу. Длина крючка 9,2 см; диаметр поперечного сечения в среднем 1,2 см (рис. 7, *3*). Западнее остатков крючка, рядом с ними, лежала костяная ложечка. Сама ложечка эллипсовидной формы, с невысоким бортиком и довольно длинной стержневидной, круглой в поперечном сечении ручкой с резким расширением на конце. Поверхность ложечки заполирована. Длина ее 15,9 см (рис. 6, *7*). Между фрагментами колчанного крючка и ложечкой найдена костяная застежка в виде округлого в сечении стержня с двумя нарезками-выемками посредине (рис. 6, *1*). Длина застежки 8,0 см; диаметр поперечного сечения 1,0 см.

Западнее костяной ложечки найден костяной предмет (навершие или наконечник), выполненный в зверином стиле (рис. 6, *2*). Он имеет вид сильно схематизированной головы грифона с массивным, резко загнутым клювом. Конец клюва примыкает к основанию, образуя сквозное отверстие. Вдоль головы сверху, частично заходя на клюв, проходит рельефный гребень, вырезанный в виде ряда округлых выпуклин. Глаза трактованы довольно сложно. Центр глаза (зрачок) — сквозное отверстие, окруженное узким кольцевым валиком, который в свою очередь окружен широким кольцом, внутри которого помещены по кругу семь фигур разного вида. Среди них одна круглая и три кольцевидные выпуклости (значение каждой из них в отдельности выяснить невозможно). Две фигуры имеют вид запятых, их наиболее обоснованно можно считать чрезвычайно схематизированными изображениями голов хищной птицы или, что менее вероятно, также сильно схематизированными изображениями конечностей животного. Округлая выпуклость с длинным изогнутым отростком наиболее вероятно представляет собой сильно схематизированное изображение ноги животного. Смысл сочетания этих фигур на кольцевидном пространстве вокруг глаза (или зрачка глаза) грифона не ясен. Цель и смысл помещения именно в это пространство каждой фигуры в отдельности также трудно объяснить. Возможно, эти простые фигуры или часть из них составляли более сложные. Так, если представить, что округлая выпуклость с длинным изогнутым отростком представляет собой изображение вытянутой вперед (по часовой стрелке) передней конечности животного, то следующие по часовой стрелке фигуры можно условно определить так: первые две или три окружности — шея, последние одна или две окружности — голова, фигура в виде запятой — клюв. Если предмет перевернуть «вверх ногами», то отдельные фигуры можно интерпретировать следующим образом: «передняя нога животного» оказывается отведенной назад, под тело животного; четыре круглые фигуры — туловище животного; следующая за ними фигура в виде запятой — длинный загнутый хвост; вторая фигура в виде запятой, расположенная против часовой стрелки ря-

дом с «передней ногой»,— морда животного. Сильная схематизация изображений делает эти допущения совершенно условными и надуманными. Представляется столь же вероятным, что размещенные по кругу семь фигур имели самостоятельные значения и не собирались в какой-либо один сильно схематизированный по форме образ.

Нижняя половина и конец верхней половины клюва моделированы характерным для скифской архаики способом: продольными, параллельными друг другу желобками. Основную площадь верхней половины клюва занимает дополнительное изображение животного, очевидно, хищника семейства кошачьих. Изображение выполнено, как и все остальные детали изделия, в технике низкого рельефа с выемкой фона. Животное свернулось соответственно изгибу клюва в полукольцо, мордой к основанию клюва. Морда животного непропорционально большая, изображена в виде симметрично (квадратом) расположенных круглых выступов с углублениями в центре. На месте затылка и ушей — двухлепестковая или сердцевидная фигура. Конечности согнуты и поджаты (в соответствии с позой зверя — припавшего к земле или ползущего), трактованы очень упрощенно. Массивный длинный хвост вытянут вдоль загнутого конца клюва. Торцовая часть предмета представляет собой короткую усеченно-коническую втулку. Диаметр насадочного отверстия 1,7 см. Длина предмета 4,0, ширина — 2,9—2,0 см.

К анализу навершия и других предметов из резной кости мы вернемся ниже.

У правой плечевой кости лежало костяное изделие вроде обоймы или муфты. Оно представляет собой трубку с поперечными валиками или каннелюрами на поверхности (конец обломан), с округлым полусферическим расширением на конце. Длина предмета (сохранившейся части) 2,9 см; диаметр трубки 1,9—1,6 см; диаметр расширенной части 2,6—2,1 см. В изделии имеется продольное большое отверстие диаметром 1,4—1,1 см и боковое отверстие диаметром 0,25 см (рис. 6, *3*).

В западной части могилы рядом с костями части туши барана или овцы лежала устьем на запад амфора. Она изготовлена из чистой коричневой глины с примесью мелких блесток слюды. Горло невысокое, слегка расширяющееся кверху. Горизонтальное (поперечное) сечение горла к венчику приобретает вид квадрата с закругленными углами. Высокий выступающий венчик подчеркнут снизу острым предметом. Ниже венчика на 1 см имеется полоса горизонтальных рельефных бороздок. Небольшие аккуратные ручки, имеющие овальное поперечное сечение, укреплены немного ниже венчика и наклонно поставлены на покатые плечики. Тулово четко отделено от горла, имеет яйцевидную форму и округлые раздутые очертания. Высота амфоры 57 см; высота горла 7,7; высота венчика 2,7; диаметр устья 14,2; диаметр горла внизу 12; наибольший диаметр тулова 36,7; диаметр ножки 9,3; толщина стенок около 1 см (рис. 8).

Датирующим предметом в погребении является прежде всего амфора. По форме она в наибольшей степени приближается к самосским амфорам, которые, по мнению И. Б. Зеест, в Северном Причерноморье «наиболее характерны для комплексов второй половины VI и начала V в. до н. э.) [4, с. 70,137; табл. 1, *3*). Амфора из новоалександровского погребения сближается с известными самосскими экземплярами по следующим признакам: 1) широкий округлый корпус; 2) пухлый венчик, подчеркнутый снизу острым инструментом; 3) ножка сформована в виде низкого расширяющегося книзу поддона с четко обозначенными гранями; 4) стенки довольно тонкие, хорошо заглажена их внешняя поверхность, нет утолщения стенок в нижней части; 5) ручки имеют овальное поперечное сечение.

Осмотревший амфору И. Б. Брашинский считает, что она может быть датирована скорее всего второй половиной VI в. до н. э. или даже началом V в. до н. э., но не раньше середины VI в. до н. э.[3].

Интерес представляют бронзовые наконечники стрел. Все они (общим количеством 72) — втульчатые. Из них двухлопастных 46, трехлопастных

[3] Выражаем И. Б. Брашинскому благодарность.

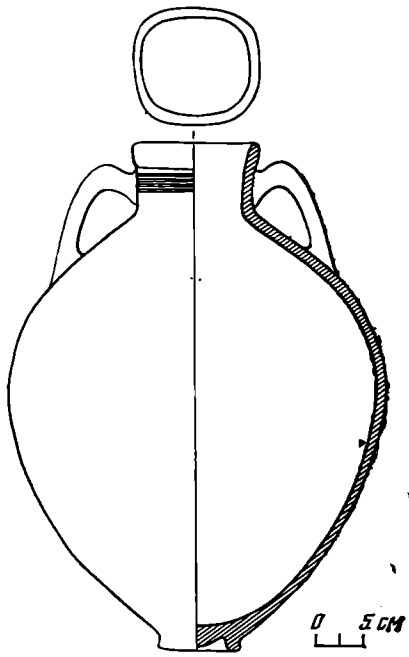


Рис. 8. Новоалександровка, кург. 7, погр. 8. Амфора

26. Наконечники распределяются по следующим разновидностям (необходимо учесть, что форма головок большинства наконечников стрел недостаточно выразительна то ли по причине плохой сохранности, то ли из-за технологии изготовления).

1. Двухлопастные наконечники с симметрично-ромбической головкой, недлинной и переходящей в ребро выступающей втулкой и боковым шипом (4 экз.). Длина наконечников 4,1—3,6 см (рис. 9, *1—4*). По классификации А. И. Мелюковой, они относятся ко 2-му варианту 1-го типа двухлопастных стрел, находки которых сделаны в памятниках I хронологической группы [2, с. 17, 18, 28, рис. 1, табл. 1]. По схеме К. Ф. Смирнова, наконечники этой разновидности можно отнести к варианту Б типа 5, характерному главным образом для VII—VI вв. до н. э. [1, с. 41, табл. 1].

2. Двухлопастные наконечники с асимметрично-ромбической головкой и выступающей, но недлинной втулкой, переходящей в ребро и снабженной боковым шипом (2 экз. длиной 4,3 и 3,7 см; рис. 9, *5*, *6*). Наконечники сопоставляются с 3-м вариантом 1-го типа по А. И. Мелюковой [2, с. 18, 28, рис. 1], встреченным в памятниках преимущественно I и реже II хронологической группы [2, с. 17, 20, табл. I, II]. Подобные наконечники К. Ф. Смирнов выделяет в вариант А типа 5 (VII—VI вв. до н. э.) [1, с. 41, табл. 1].

3. Двухлопастной наконечник с овальной или лавролистной головкой, выступающей втулкой, переходящей в ребро, без бокового шипа. Обнаружен один экземпляр этого вида длиной 3,7 см (рис. 9, *7*). По классификации А. И. Мелюковой, это 1-й или, может быть, 4-й вариант 2-го типа двухлопастных наконечников (I и отчасти II хронологическая группа) [2, с. 17, 18, 20, 28, рис. 1, табл. I, II]. По классификации К. Ф. Смирнова, наконечник можно отнести к 3-му типу двухлопастных наконечников («узкая ланцетовидная головка»), причем к вариантам, характерным для VII—VI вв. до н. э. [1, с. 40, 41, табл. 1].

4. Двухлопастные наконечники с овальной (лавролистной) головкой, выступающей и переходящей в ребро втулкой и боковым шипом (8. экз.). Длина варьирует в пределах 4,4—3,4 см (рис. 9, *8—15*). По схеме А. И. Мелюковой, они сходны с двухлопастными наконечниками 2-го варианта 2-го типа, обнаруженными в памятниках преимущественно I хронологической группы [2, с. 17, 18, 28, рис. 1, табл. 1]. По классификации К. Ф. Смирнова, в которой различные виды наконечников с овальной головкой выделены в типы по некоторым, иногда трудно устанавливаемым особенностям очертаний головки, публикуемые экземпляры можно отнести к 1-му («овальная или лавролистная головка») [1, с. 38—40, табл. 1], 3-му («узкая ланцетовидная головка») [1, с. 40, 41, табл. 1] или 5-му (вариант Б, «симметрично-ромбовидная головка») [1, с. 41, 42, табл. 1] типам.

Все они характерны главным образом для VII—VI вв. до н. э. [1, с. 38—42].

5. Двухлопастные наконечники стрел с остролистной головкой, наибольшая ширина которой приходится на основание; втулка выступающая, переходящая в ребро, с боковым шипом (26 экз.). Длина их 4,0—3,1 см (рис. 9, *16—32*; 10, *1—9*). По схеме А. И. Мелюковой, их следует отнести ко 2-му или 3-му варианту 3-го типа, распространенным в VII—VI вв. до н. э. [2, с. 18, 28, рис. 1]. По классификации К. Ф. Смирнова, они мо-

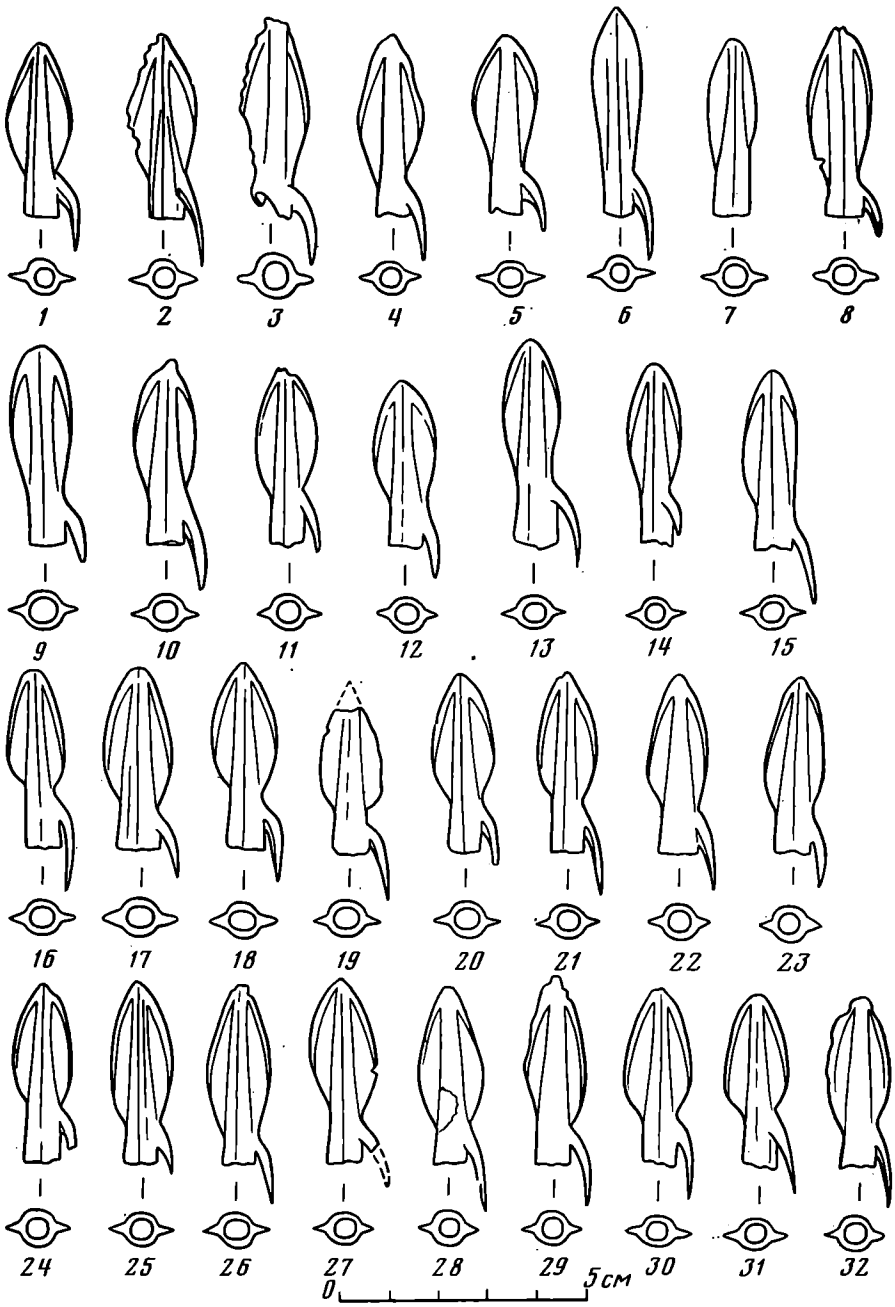


Рис. 9. Новоалександровка, кург. 7, погр. 8. Наконечники стрел

гут быть сопоставлены с двухлопастными наконечниками 1-го или 3-го типа [1, с. 38—41, табл. 1].

6. Пять наконечников имеют недлинную выступающую втулку с боковым шипом и головку листовидной (овальной) или округло-ромбической формы. При этом головка в месте наибольшего расширения четко разделена на две части. Нижняя половина головки плоская, двухлопастная. Верхняя, ударная часть головки имеет четырехгранную, ромбическую в сечении форму (рис. 10, *10—14*). Длина наконечников 3,6—3,4 см. В савроматских памятниках точных аналогий этим экземплярам нет. А. И. Мелюкова выделяет подобные им наконечники в 3-й вариант 2-го типа I отдела, довольно редкий и обнаруженный преимущественно в могилах I хронологической группы [2, с. 17, 18, 28, рис. 1, табл. I]. В частности, очень похожие наконечники были найдены в кургане 1 у с. Осняги и в кургане 4 у с. Аксютинцы [2, табл. 6, В I; 7, табл. XIX, *14*].

7. Трехлопастные наконечники стрел с узкой остролистной головкой (наибольшая ширина у основания) и выступающей втулкой; все наконечники, кроме одного, имеют на втулке боковой шип (19 экз.). Длина на-

конечников 4,3—3,4 см (рис. 10, *15—33*). Они сопоставляются с трехлопастными скифскими наконечниками, выделяемыми А. И. Мелюковой во 2-й тип II отдела. При этом по такому признаку, как узкая и довольно длинная головка, публикуемым находкам наиболее близки не 1—4-й варианты, характерные для I хронологической группы, а 5—7-й варианты, появляющиеся в памятниках второй половины VI — первой половины V в. до н. э. [2, с. 19, 21, 28, рис. 1]. По классификации К. Ф. Смирнова, новоалександровские наконечники стрел, главным образом из-за недостаточно четких очертаний головки, могут сравниваться с 1 (лавролистная головка), 2 (трапециевидная головка) или 3 (сводчатая головка с косо срезанными внизу лопастями) типами. Эти типы характерны для конца VII — начала V в. до н. э. [1, с. 44—46, табл. II]. Единственный для савроматской территории трехлопастной наконечник стрелы с трапециевидной головкой обнаружен в комплексе второй половины VI в. до н. э. [1, с. 45, рис. 14, *А2*], а в Северном Причерноморье, как считает К. Ф. Смирнов, их следует датировать в основном концом VI — началом V в. до н. э. [1, с. 45].

8. Трехлопастной наконечник с выступающей недлинной втулкой, боковым шипом, сводчатой вытянутой головкой и четко выраженными, косо срезаннымп внизу лопастями (рис. 10, *34*). Длина 3,9 см. По классификации А. И. Мелюковой, этот наконечник можно отнести ко 2-му типу отдела II (скорее всего 4-й вариант) [2, с. 28, рис. 1]. К. Ф. Смирнов выделяет подобные экземпляры в 3-й тип трехлопастных наконечников, датирующийся концом VII — началом V в. до н. э. [1, с. 45,46, табл. II].

9. Трехлопастные наконечники с выступающей недлинной втулкой без бокового шипа и со сводчатой головкой, лопасти которой косо подрезаны, образуя шипы (6 экз. длиной 3,8—3,3 см; рис. 10, *35—40*). По схеме А. И. Мелюковой, они должны быть отнесены к 6-му варианту 3-го типа II отдела, встречающемуся в памятниках I и II хронологических групп, но чаще в комплексах II группы (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.) [2, с. 17, 19, 20, 28, рис. 1, табл. I, II. По этому поводу А. И. Мелюкова замечает: «Отсутствие стрел 3-го типа в памятниках, которые датируются концом VII в. до н. э., дает основание предполагать, что эти наконечники стрел появились и распространились только в начале VI в. до н. э.» [2, с. 19].

По классификации К. Ф. Смирнова, подобные наконечники сопоставляются с трехлопастными наконечниками типа 6 А. Судя по погребениям савроматов Поволжья с наиболее полным колчанным набором, самые похожие наконечники стрел распространяются со второй половины VI в. до н. э. [1, с. 46—48, рис. 13—15, 21А, 23—28, табл. II].

Подводя итог анализу новоалександровского комплекса наконечников стрел, необходимо сказать, что в целом набор архаичен: преобладают двухлопастные наконечники стрел, распространенные главным образом со второй половины или конца VII по VI в. до н. э. В то же время имеются трехлопастные наконечники таких форм (это касается прежде всего последней разновидности), которые вряд ли могли распространиться уже в начале VI в. до н. э. и тем более в VII в. до н. э. Взаимоналожение принятых А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирновым датировок типов стрел, аналогичных публикуемым, говорит о том, что наиболее вероятная дата соединения в один набор наконечников всех девяти разновидностей — середина или вторая половина VI в. до н. э. Можно предположить, что такое соединение отражает отмеченную А. И. Мелюковой «смену форм, господствующих в колчанных наборах», которая «произошла где-то во второй половине VI в. до н. э.» [2, с. 21]. Эта дата хорошо согласовывается с датировкой амфоры, которая, строго говоря, является основной датирующей находкой комплекса.

Не противоречат этой дате и остальные находки. Наиболее выразительными из них (за исключением костяных наконечника и застежек, на которых мы остановимся ниже) являются железный колчанный крючок и костяная ложечка. Типология таких находок разработана слабо, прежде всего для Скифии. Что касается территории савроматов, то имеющиеся

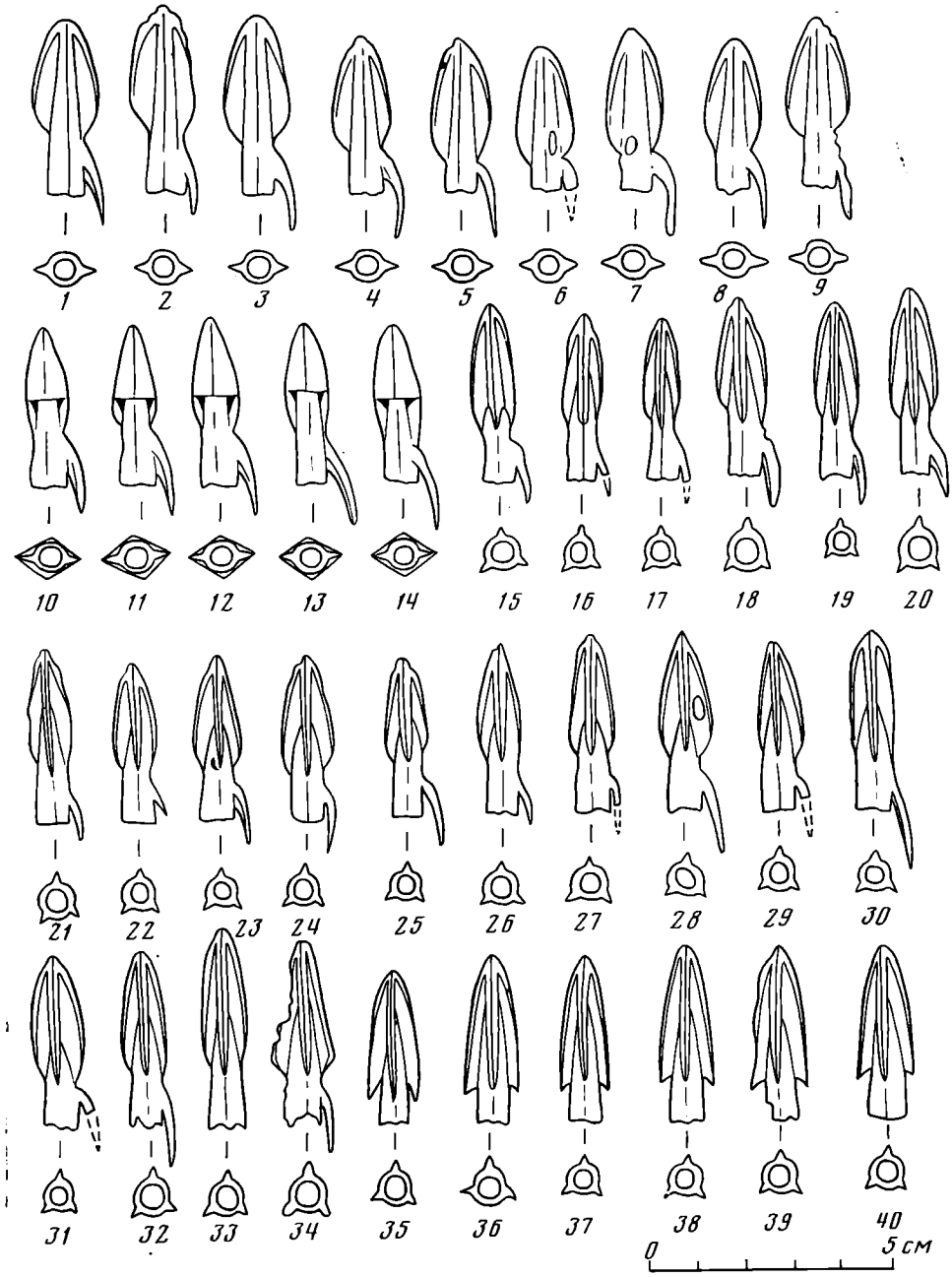


Рис. 10. Новоалександровка, кург. 7, погр. 8. Наконечники стрел

аналогии датируются временем не ранее VI в. н. э.; причем если говорить о VI в. до н. э., то речь должна идти не о его начале, а скорее о второй половине. Так, колчанный крючок из новоалександровского погребения наиболее близок крючкам из погребения в кургане 10 Новокумакского мотильника (вторая половина VI в. до н. э.) и из погребения 2 кургана 2 Мечет-Сая (конец VI — начало V в. до н. э.) [1, рис. 10, *9*, *10*; 5, с. 297, рис. 5, *4В*].

Костяные ложечки у савроматов известны с начала VI в. до н. э., но новоалександровская ложечка имеет относительно простую форму и лишена орнамента — эти признаки характерны для несколько более позднего времени [5, с. 160, 161]. В Северном Причерноморье наблюдений над такими вещами почти не производилось, и материал этот в раннескифских памятниках скуден. В. А. Ильинская в одной из последних работ назвала лишь три находки костяных ложечек [6, с. 114].

Погребения у с. Высочино (кург. 6, погр. 4; кург. 7, погр. 2 и 4) и у с. Новоалександровка, по-видимому, совершены примерно в одно время.

Об этом говорит сходство многих черт погребального обряда и близость инвентаря. Стержневидные застежки обнаружены в новоалександровской могиле и в погребении 2 кургана 7 у с. Высочино. Зооморфные наконечники и грибовидные застежки найдены в новоалександровском комплексе и в погребении 4 кургана 6 у с. Высочино. Датировка погребения 4 в кургане 7 у с. Высочино, как можно предположить по наконечникам стрел, также определяется второй половиной VI в. до н. э.

Публикуемые предметы из резной кости находят себе аналогии главным образом в памятниках раннескифской эпохи украинской степи и лесостепи, где они встречаются порознь или в сочетании.

Стержневидные застежки («палочки», как их называют в некоторых археологических публикациях) найдены как в северопричерноморских, так и в савроматских [1, рис. 9, *13*] памятниках. Еще шире, пожалуй, были распространены их прототипы, обнаруживаемые в культурных комплексах времени перехода от бронзы к железу [7, с. 328, табл. XLI, XLII; 8, с. 180]. Нижнедонские экземпляры имеют упрощенную форму, встречающуюся в памятниках вплоть до IV в. до н. э. [9, с. 55].

Небольшие застежки с полусферическими (грибовидными) окончаниями, по-видимому, появляются лишь в раннескифское время. Ареал их значительно у́же. За исключением немногочисленных находок на Северном Кавказе [10, с. 53, 55, 62, рис. 17, *16*; 11, с. 197, 198, 201—203, рис. 2, *4*, *15*; 3, *26*], они встречены главным образом в Северном Причерноморье. Наиболее западными пунктами их распространения являются находки в Западной Подолии [12, с. 43, 44, табл. 8, *2*; 13, с. 150] и в погребении у с. Старые Куконешты, в котором были обнаружены и стержневидная, и грибовидные застежки [14, с. 239—241, рис. 1, 10—12].

Что касается основного ареала раннескифских аналогий — украинской степи и лесостепи, то костяные стержневидные застежки имеются в погребениях Старшой Могилы [13, табл. II, 1], курганов 406, 432 и 447 у с. Журовки [6, табл. VIII, *7*; XII, *4*, *14*], курганов у сел Гришинцы и Пруссы [13, с. 97]. В погребениях курганов 406 и 432 у с. Журовки обнаружены также костяные предметы [*6*, табл. IX, *2*; XII, *6*], напоминающие обойму или муфту из новоалександровского погребения.

Костяные застежки с полусферическими окончаниями (именуемые нередко в публикациях «грибками» и «гвоздиками») обнаружены в кургане 3 у с. Серогозы [15, с. 84, 85, рис. 9], в погребении 12 кургана 5 на Никопольском курганном поле [16, с. 109, рис. 8, *4*), в погребении на Кировском поселении [17, с. 14, рис. 8], в кургане 13 у хут. Поповки [13, табл. II, *21*].

Вещи того и другого вида вместе происходят из темиргоринского погребения [18, с. 261—265], из кургана у с. Луки [13, табл. XLVIII, *19*, *25—27*] и из кургана в урочище Дарьевка (6, табл. XXXIV, *7—17*). Дарьевский и темиргоринский комплексы очень близки публикуемым погребениям, особенно новоалександровскому, по подбору инвентаря. В обоих случаях были обнаружены зооморфные костяные навершия или наконечники [13, табл. XXXIV, *4*; 18, с. 264, рис. 2, *1*]. В погребении из кургана в урочище Дарьевка найдена также костяная ложечка [13, табл. XXXIV, *2*], правда, иной формы, чем в новоалександровском погребении.

В низовьях Дона известен пока единственный аналогичный комплекс раннескифской резной кости — погребение 3 в кургане 5 расположенного неподалеку (рис. 1) Койсугского могильника [8, с. 169, 171, 180, 181 рис. 3].

Существует определение стержневидных застежек как застежек крышки колчана, грибовидных поделок — как застежек или украшений кожаной обшивки колчана, а зооморфных втульчатых предметов — как наконечников, укращающих верхний конец лука [1, с. 33; 13, с. 96, 97, 149; 6, с. 104, 105]. Взаимное расположение таких вещей в новоалександровском погребении подтверждает эти предположения, хотя и нет возможности из-за частичной потревоженности погребения и смещенности находок дать полную реконструкцию футляра. Если учесть, что зооморфное изделие, по-видимому, украшало лук, и принять во внимание наблюдения

В. А. Ильинской[4] над количеством стрел и шириной полосы, которой они располагаются в скифских погребениях [13, с. 96], можно предположить, что в новоалександровское погребение в качестве футляра для сагайдачного набора был помещен не колчан, а горит.

Зооморфные наконечники из погребения 4 в кургане 6 у с. Высочино и погребения у с. Новоалександровка представляют значительный интерес. Несмотря на одинаковое назначение и некоторые общие черты исполнения (форма головы и клюва, трактовка глаза), они во многом различны. Изделие в виде головки грифо-барана из Высочина довольно просто по стилю и технике выполнения. Оно может быть сопоставлено с многочисленными изображениями грифо-барана, бытующими в эпоху скифской архаики. По мнению А. И. Шкурко, образ грифо-барана, связанный с саккызско-келермесской группой изделий звериного стиля, появляется после возвращения скифов из переднеазиатских походов, претерпевает сильную схематизацию во второй половине VI в. до н. э. и исчезает на рубеже VI и V в. до н. э. [19, с. 6—8].

Новоалександровская находка отличается гораздо большей сложностью и тонкостью работы. Хотя сам принцип помещения дополнительных изображений на основное широко воплощался в искусстве скифо-сибирского звериного стиля, они редко встречаются на мелких изделиях из резной кости. Вероятно, достаточно полной аналогией новоалександровскому наконечнику может служить лишь костяная головка грифо-барана из погребения на Темир-Горе. Дополнительные изображения на ней были определены Э. В. Яковенко как изображения копытных — коней и лося [20, с. 128, 129]. В дополнительном изображении на головке орлиного грифона из Новоалександровки уверенно угадывается хищник семейства кошачьих. Но при этом стилистическая близость темиргоринской и новоалександровской находок, на наш взгляд, очень велика. Это относится к сходной моделировке головы и особенно клюва, к наличию дополнительных зооморфных изображений, к общим приемам схематизации зооморфных изображений. Такие признаки дополнительного изображения на новоалександровском наконечнике, как моделировка туловища, передача глаз и передней части морды сочетанием округлых фигур, трактовка уха сердцевидной фигурой, находят многочисленные соответствия в раннескифском искусстве звериного стиля. Основное изображение — голова орлиного грифона — имеет ряд более или менее убедительных аналогий в памятниках этого круга. К сожалению, малочисленность памятников скифской архаики в степи заставляет ограничиться этими замечаниями.

Убедительное сходство публикуемых погребений, и прежде всего новоалександровского, с комплексами Темир-Горы, Дарьевки и др., в качестве дат которых различные авторы называют вторую половину VII, конец VII, рубеж VII—VI или самое начало VI в. до н. э., интересно в связи с находкой набора стрел и особенно амфоры, хорошо датирующихся временем не ранее середины VI в. до н. э. Раскопанные в низовьях Дона захоронения с архаическими образцами скифской резной кости, по-видимому, не могут датироваться временем ранее VI в. до н. э., точнее, временем до возвращения скифов из Передней Азии. Показательно в этом отношении погребение на поселении у г. Константиновска-на-Дону. После предварительной публикации [21, с. 106] в литературе появились утверждения о его датировке VII в. до н. э. или, во всяком случае, временем не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э. Упор делался на то, что это время до скифского возвращения, следовательно, костяная пластина с изображениями животных — свидетельство о возникновении скифского звериного стиля до переднеазиатских походов [6, с. 94; 22, с. 139, 140]. Анализ полных материалов константиновского погребения показал, что наиболее обоснованно датировать его VI в. до н. э., временем после возвращения скифов из Передней Азии [23, с. 170—177]. Константиновское

[4] В. А. Ильинская указала, что при нахождении в погребениях остатков полного колчана количество наконечников равняется 52, а полоса их расположения не превышает по ширине 12 см. В новоалександровском погребении 72 наконечника располагались полосой около 20 см в ширину.

погребение — древнейшее в группе нижнедонских могил с изделиями из резной кости в архаическом скифском стиле. В группу эту входят, кроме него, койсугское погребение и могилы в курганах у сел Высочино и Новоалександровки, которые, безусловно, представляют большой интерес для изучения раннескифской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964.
3. *Лукьяшко С. И., Головкова Н. Н., Обозный В. И., Гамаюнов А. К.* Раскопки курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы.— АО-1977. М., 1978.
4. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
5. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
6. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наукова думка, 1975.
7. *Членова Н. Л.* Памятники I тыс. до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности.— В кн.: Искусство и археология Ирана. М.: Наука, 1971.
8. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона.— СА, 1978, № 3.
9. *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д: Ростовск. книжн. изд-во, 1962.
10. *Егоров Н. М.* Могильник скифского времени у г. Минеральные Воды.— КСИИМК, 1955, вып. 58.
11. *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— СА, 1974, № 2.
12. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Поднестровья.— МИА, 1958, № 64.
13. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка, 1968.
14. *Дергачев В. А.* Раннескифское погребение на Среднем Пруте.— СА, 1979, № 3.
15. *Браун Ф. А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.— ИАК, вып. 19. СПб., 1906.
16. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— МИА, 1962, № 115.
17. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
18. *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе.— СА, 1972, № 3.
19. *Шкурко А. И.* Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1975.
20. *Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
21. *Киляшко В. Я.* Раскопки Константиновского поселения.— АО-1968. М., 1969.
22. *Либеров П. Д.* Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
23. *Киляшко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновка-на-Дону.— СА, 1976, № 1.

V. A. Korenyako, S. I. Lukyayashko

NEW MATERIALS ON EARLY SCYTHIAN HABITAT ON THE LEFT BANK OF THE LOWER DON

Summary

Four mound burials of early Scythian times (second half of the 6th century B. C.) were studied in 1976 and 1977 in the lower reaches of the Don (Rostov Region, Asov District, Vysochino and Novo-Alexandrovka villages). Arrowheads, carved bone objects, an ancient Greek amphora and other objects were discovered. These mounds form part of a series of early Scythian burials in the lower Don region.

ВИННИКОВ А. З.

КЕРАМИКА ДОНСКИХ СЛАВЯН КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Памятники донских славян конца I тысячелетия н. э., занимающие территорию Верхнего и Среднего Подонья, известны в литературе как памятники «боршевской» или «роменско-боршевской» культуры. Их исследование позволило ответить на многие, но далеко не на все вопросы истории донских славян. До сих пор остается окончательно нерешенной проблема происхождения донских славян, место их среди других восточнославянских группировок, взаимоотношения их с соседями. Для решения этих и других вопросов большое значение имеет керамика.

Интересные и важные сведения о керамике донских славян находятся в работах П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова [1, с. 35; 2], А. Н. Москаленко [3, с. 25—29, 98—110], И. И. Ляпушкина [4, с. 32], отдельные замечания о боршевской керамике Подонья мы встречаем у И. П. Русановой [5; 6, с. 200], О. В. Сухобокова [7, с. 75 и сл.], Т. Н. Никольской [8, с. 65], С. А. Изюмовой [9] и у других авторов.

В настоящее время на Среднем и Верхнем Дону имеется ряд славянских поселений конца I тысячелетия н. э., раскопанных в достаточной степени для изучения их керамических коллекций. Это прежде всего группа поселений, расположенных на Среднем Дону: Титчихинское городище (на горе «Трудень»), Большое и Малое Боршевские городища, Архангельское (Голышевское) городище. Среди них необходимо отметить городище Титчиха, на котором раскопано более 7000 м². На Верхнем Дону раскапывалось Воргольское городище. Интересная керамическая коллекция получена с поселений, расположенных на р. Воронеж,— Кузнецовского городища, Михайловского кордона и Белгорского городища (рис. 1).

В настоящей статье мы рассматриваем лепную керамику донских славян и керамику других этнических групп, проживавших в славянской среде. Импортная керамика, представленная гончарной посудой, в данной статье не рассматривается.

Любой исследуемый керамический комплекс требует выработки единых критериев, принципов его классификации. К сожалению, в археологической литературе применительно к средневековой керамике не выработано единых критериев ее классификации.

За основу классификации боршевской керамики Подонья мы берем функциональную направленность того или иного керамического изделия и делим всю ее на группы: горшки, миски, сковородки, сырницы, противни, кувшины и керамика специального назначения (светильники и маленькие сосудики).

Наиболее многочисленна группа **горшков.** Она составляет 71—76,5% всей керамики. На основании профилировки сосудов и соотношения различных его частей диаметра горла ($Д_1$), диаметра дна ($Д_2$) и высоты ($Н_1$), диаметра наиболее широкой части ($Д_3$), расстояния от верха венчика до наиболее широкой части сосуда ($Н_2$) среди горшков можно выделить девять типов. Внутри одного типа по особенностям оформления верхней части сосудов (форма венчика, плечиков) выделяются подтипы. Выделенные типы горшков проверены на корреляционном графике по методу, предложенному И. П. Русановой для средневековой керамики [6, с. 10] (рис. 2).

1-й тип (рис. 3, *1—3*). Эти горшки с вытянутым туловом, сравнительно узким горлом и дном. Высота плеч составляет $^1/_4 - ^1/_3$ общей высоты.

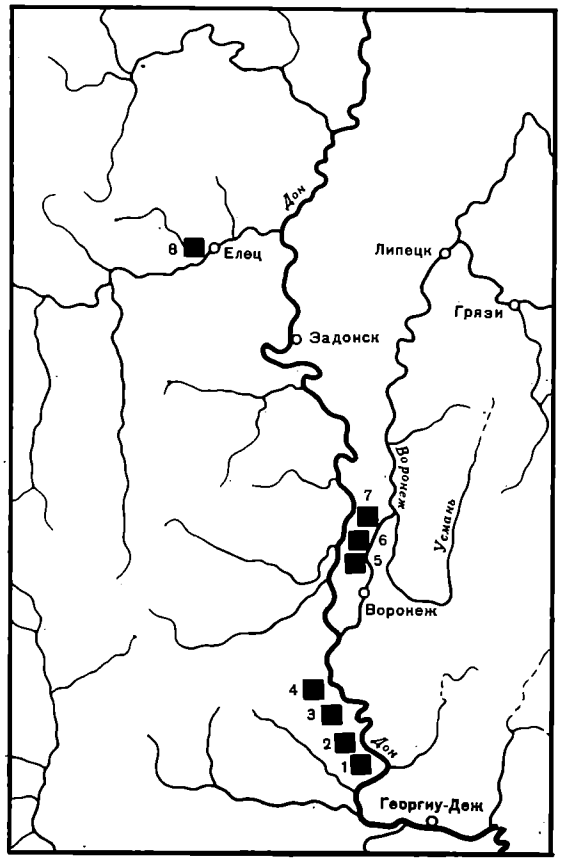


Рис. 1. Схема расположения поселений донских славян, подвергавшихся раскопкам. *1* — Титчихинское городище; *2* — Архангельское; *3* — Малое Боршевское; *4* — Большое Боршевское; *5* — Кузнецовское; *6* — Михайловский кордон; *7* — Белогорское; *8* — Воргольское

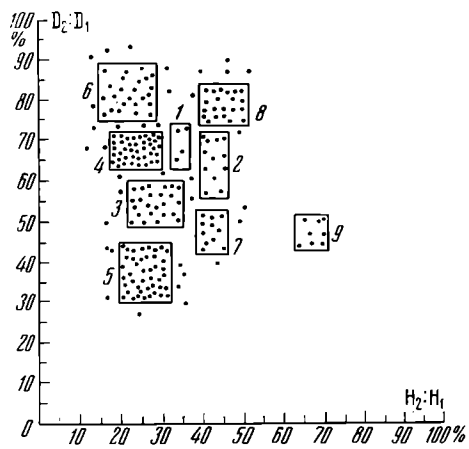


Рис. 2. График пропорций горшков донских славян

Тесто довольно плотное с мелкими примесями шамота. Поверхности сосудов темно-коричневые, иногда серые, заглаженные чаще всего травой, от которой остались мелкие бороздки. Орнаментированы они только по верху плоского венчика вдавлениями какого-либо острого предмета или округлой палочкой. Горшки 1-го типа встречены на Титчихинском городище, где составляют около 6% от общего количества горшков (рис. 4).

2-й тип (рис. 3, *4—8*). Горшки эти сходны с горшками 1-го типа, но имеют некоторые отличия в пропорциях. У них более овальная форма, наибольшее расширение тулова приходится ближе к середине общей высоты.

Изготовлялись они из глины с примесью мелкого шамота, дресвы. Обжиг неровный, поверхности пятнистые. Почти у 85% горшков 2-го типа края венчиков орнаментированы пальцевыми защипами, вдавлениями округлой палочкой или каким-либо острым предметом. На Титчихинском городище горшки 2-го типа составляет 9%. Встречены они и на Большом Боршевском городище — 6% (рис. 4).

3-й тип. Горшки с коническим туловом и высоко поднятыми плечиками. По составу теста горшки 3-го типа аналогичны вышеописанным. Среди горшков 3-го типа можно выделить два подтипа.

Подтип а. Сосуды с удлиненной, плавно отгибающейся шейкой со слегка утолщенным венчиком. Это утолщение создает некоторое подобие валика, на который наносился орнамент (рис. 3, *9—11*).

Подтип б. Горшки с несколько укороченной прямой шейкой с плоским венчиком. Эти сосуды имеют лучшую обработку поверхностей и чаще, чем другие, орнаментированы (рис. 3, *12—13*). Горшки 3-го типа составляют 13—15% количества горшков, лишь на Малом Боршевском их несколько больше — 20% (рис. 4). В среднем 58% горшков 3-го типа имеет орнамент. Сосуды несколько лучшей выделки иногда орнаментировались веревочным штампом по тулову. Остальные горшки орнаментированы только по верху венчика вдавливаниями пальцев, палочкой, ногтем, каким-либо острым предметом.

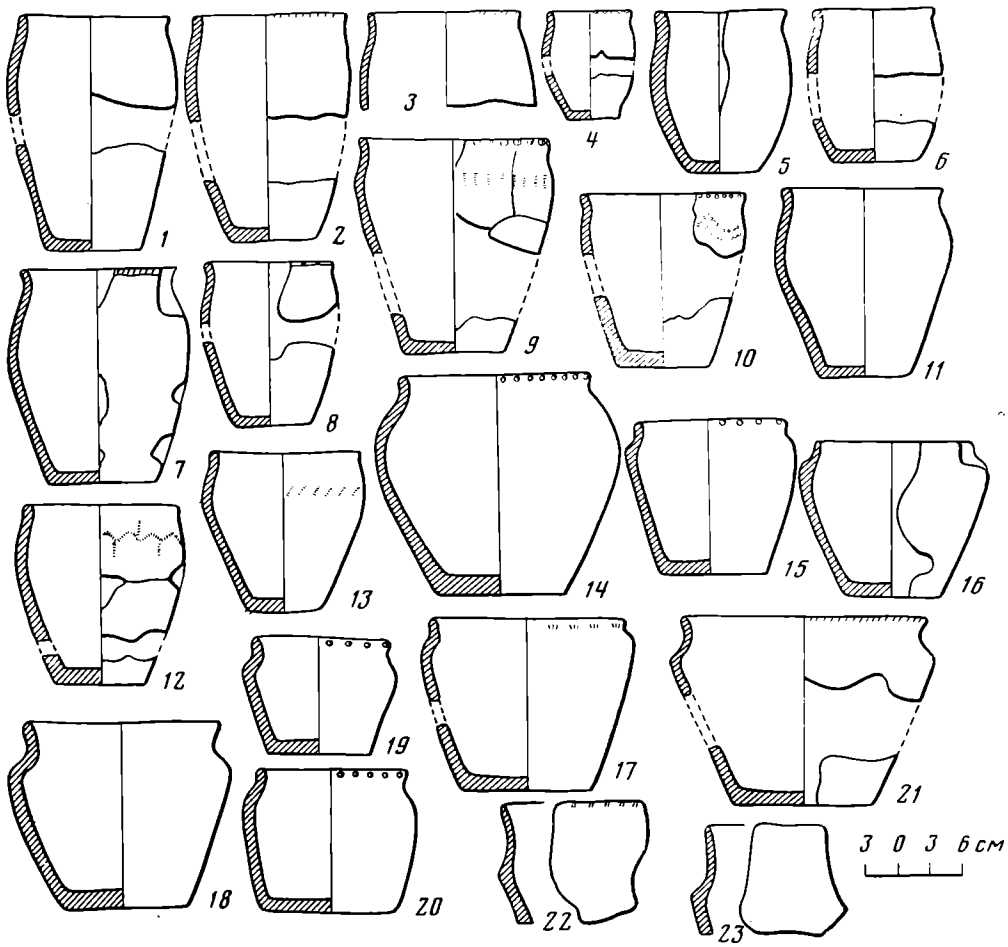


Рис. 3. Горшки. *1—3* — тип 1; *4—8* — тип 2; *9—13* — тип 3: *9—11* — подтип а; *12—13* — подтип б; *14—23* — тип 4: *14—17* — подтип а; *18—20* — подтип б; *21—23* — подтип в (*1*, *2*, *4—7*, *9*, *11*, *13*, *14*, *16*, *18—20* — Титчихинское; *3*, *8*, *21* — Большое Боршевское; *17* — Воргольское, *22*, *23* — Архангельское городища)

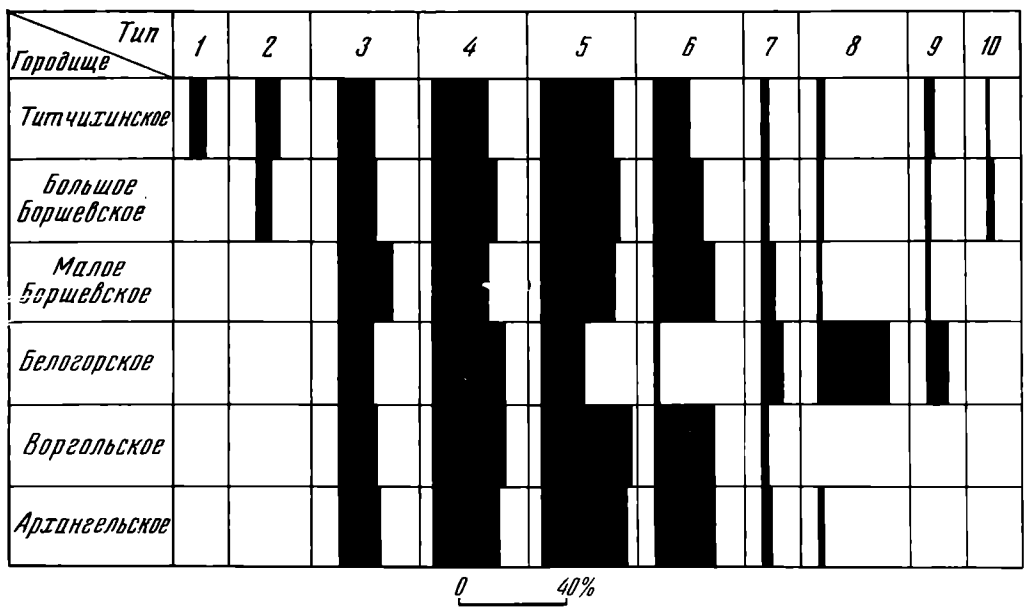


Рис. 4. Соотношение отдельных типов горшков на поселениях донских славян (%)

4-й тип. Горшки приземистой формы, с широким дном и горлом. По форме верхней части горшки 4-го типа делятся на три подтипа.

Подтип а. Горшки с короткой почти прямой шейкой и крутыми почти остроугольными плечиками (рис. 3, *14—17*).

Подтип б. Горшки с высокими округлыми плечиками и с короткой резко отогнутой наружу шейкой (рис. 3, *18—20*).

Подтип в. Горшки, у которых плечико представляет собой хорошо выраженное острое ребро. Встречены они главным образом на Большом Боршевском и Архангельском городищах (рис. 3, *21—23*).

Тесто горшков 4-го типа характеризуется примесью шамота и крупного песка. Поверхности горшков очень бугристые, заглажены обычно пальцами, обжиг неравномерный. У некоторых сосудов наиболее бугристой бывает верхняя часть. Встречаются сосуды несколько лучшей выделки, с тщательно обработанными поверхностями. На внутренней поверхности в верхней части и снаружи у многих горшков заметны следы нагара, накипи. Горшки худшей выделки орнаментированы только по верху венчика вдавлениями пальца или ногтя, пальцевыми защипами. Горшки лучшей обработки орнаментированы не только по венчику, но и по тулову ногтевыми вдавлениями, вдавлениями веревочки, намотанной на палочку, в различных комбинациях. Горшки 4-го типа встречены на всех славянских памятниках Подонья, подвергавшихся раскопкам, и составляют 21—27% (рис. 4).

5-й тип. Это конусовидные сосуды удлиненных пропорций. У них узкое дно и широкое горло.

По форме верхней части сосуда горшки 5-го типа можно разделить на три подтипа.

Подтип а. Горшки с короткой прямой шейкой (рис. 5, *1—3*).

Подтип б. Горшки с короткой резко отогнутой шейкой (до 40—45°), с плавно очерченными плечиками. У некоторых сосудов этого подтипа венчики в верхней части с наружной стороны имеют некоторое утолщение, образовавшееся в результате вертикального заглаживания внутренней поверхности сосуда (рис. 5, *4—6*).

Подтип в. Горшки с резко выступающими плечиками, слегка отогнутой шейкой (рис. 5, *7*, *8*).

Горшки 5-го типа бывают самых различных размеров — от небольших кухонных до довольно крупных тарных. Цвет их коричневый или темно-серый, поверхности бугристые, заглажены пальцами, реже травой. В тесте имеются примеси крупного шамота и песка. Горшки 5-го типа орнаментированы по верху венчика пальцевыми защипами, вдавлениями пальца, ногтевыми вдавлениями, вдавлениями палочки или острым предметом. Орнамент располагался или на верхней плоскости венчика, или на его наружной поверхности. Нередко встречается и веревочный орнамент по тулову. В одном случае (Титчихинское городище) плечики сосуда были украшены вдавлениями треугольного штампа. Горшки 5-го типа составляют 21—34% всех горшков, встреченных на славянских памятниках Подонья. Лишь на Белогорском городище их несколько меньше — 16% (рис. 4).

6-й тип (рис. 5, *9—15*). По своим контурам эти горшки похожи на горшки 4-го типа, только несколько удлиненных пропорций. У этих горшков короткая, почти прямая шейка и хорошо выраженные высоко приподнятые плечики. Большинство их вылеплено из грубого плохо промешанного теста с примесью крупного шамота и песка. Довольно часто в тесте горшков 6-го типа встречается растительная примесь, вследствие чего тесто горшков бывает пористым. В результате заглаживания пальцами на поверхности сосудов остались или полосы, или глубокие вмятины. Приемы орнаментации те же, что и у горшков 3-го типа. Имеются горшки, отличающиеся от большинства лучшей обработкой поверхностей, более плотным тестом, более мелкими примесями. Они лучше обожжены, излом однослойный, красного цвета. Горшки 6-го типа составляют 13—22%. На Белогорском городище их меньше— лишь 2% (рис. 4).

7-й тип (рис. 5, *16—20*). Характерной чертой горшков этого типа яв-

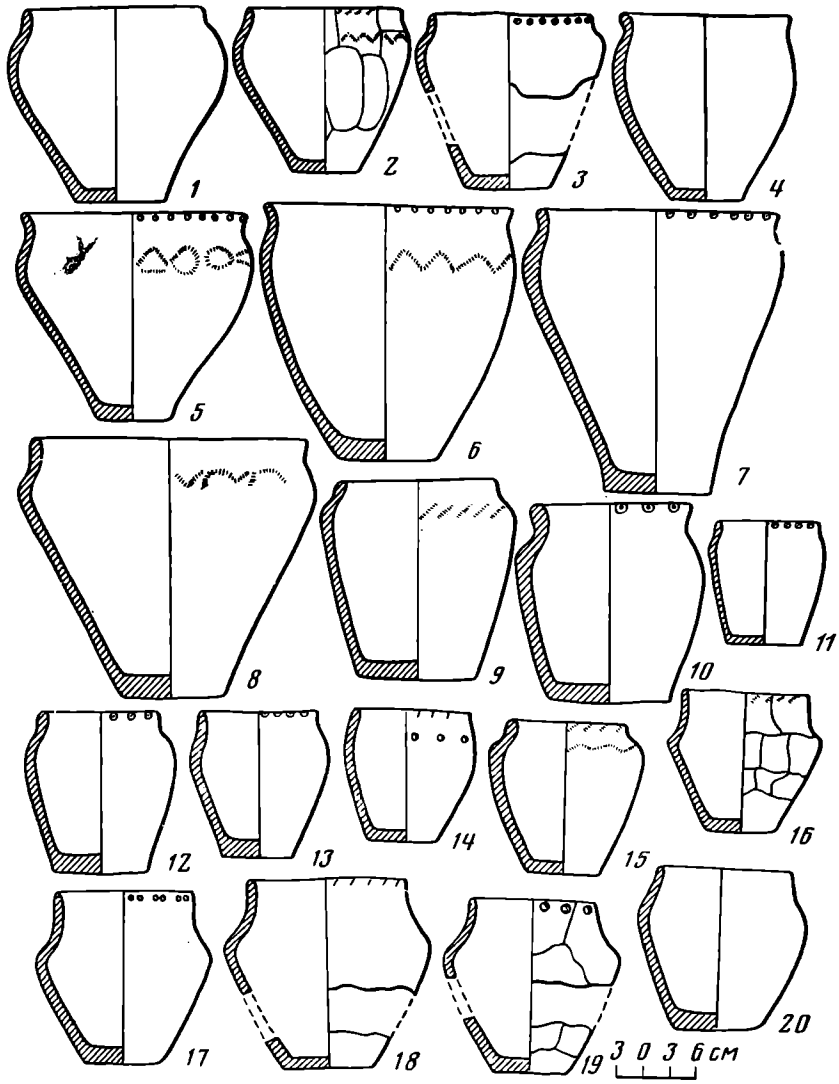


Рис. 5. Горшки. *1—8* — тип 5; *1—3* — подтип а; *4—6* — подтип б; *7—8* — подтип в; *9—15* — тип 6; *16—20* — тип 7 (*1, 2, 5—7, 9—14, 16—18* — Титчихинское; *8, 15* — Большое Боршевское; *4, 19* — Малое Боршевское; *3, 20* — Белогорское городища)

ляется короткое усеченно-коническое тулово и высокая, почти вертикальная шейка.

В технологическом отношении горшки 7-го типа сделаны несколько лучше, чем горшки ранее рассмотренных форм. Они изготовлялись без крупных примесей, тесто плотное, обжиг ровный. Как правило, они серого цвета. На некоторых сосудах прослеживается лощение поверхностей и видны следы правки их на примитивном гончарном круге. Но встречаются на Титчихинском и Большом Боршевском городищах, хотя в очень незначительном количестве, горшки с примесями крупного шамота, с бугристыми плохо заглаженными поверхностями.

Лучшие в технологическом отношении сосуды почти совсем не орнаментированы. Лишь два из них имеют орнамент из вдавлений зубчатого штампа. На горшках худшей выделки орнаментация встречается чаще, и большинство их орнаментировано только по верху венчика пальцевыми или ногтевыми вдавлениями или концом прямоугольной палочки. В нескольких случаях встречен орнамент, выполненный веревочкой, намотанной на палочку.

Горшки 7-го типа составляют очень незначительный процент на боршевских памятниках (3—5%), лишь на Белогорском городище он несколько выше — 8%. Причем здесь эти горшки почти все имеют подлощенные поверхности (рис. 4).

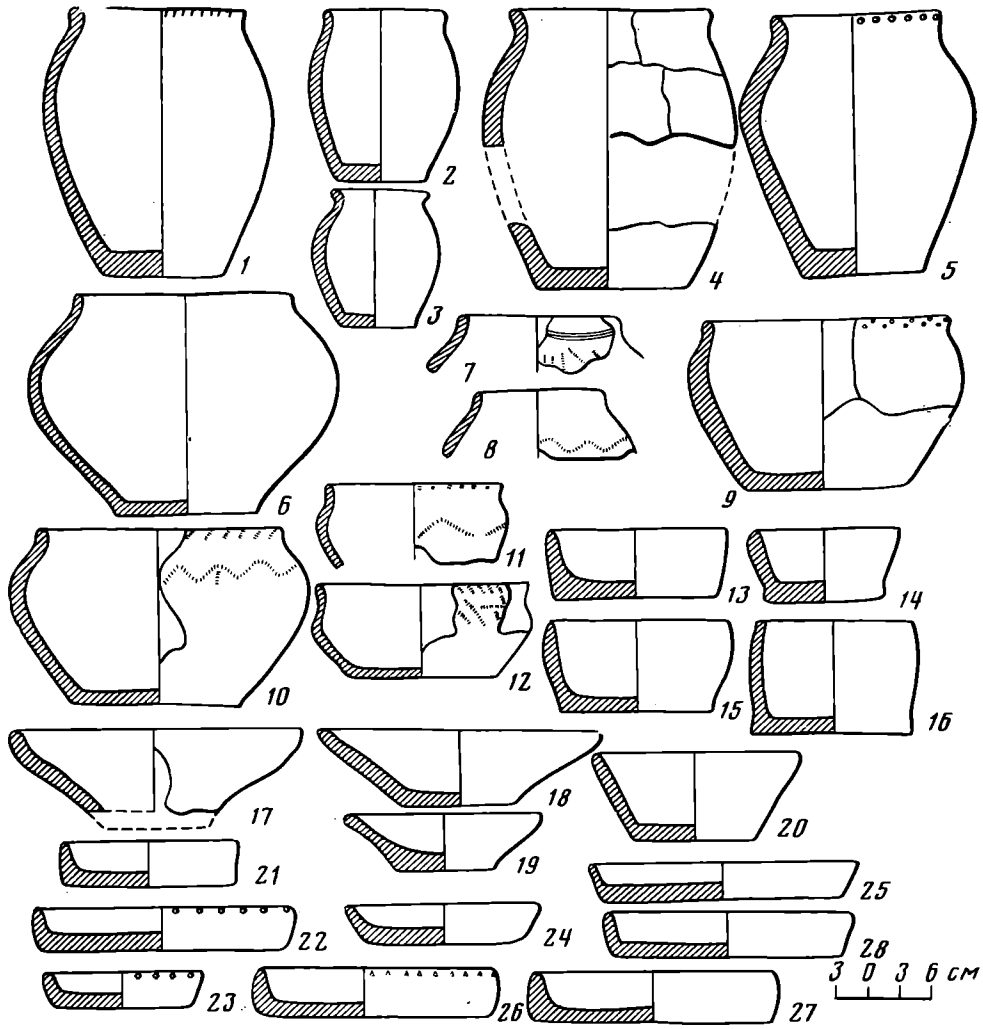


Рис. 6. Керамика донских славян. Горшки: *1—5* — тип 8; *6—8* — тип 9; миски; *9—11* — тип 1; *12* — тип 2; *13—16* — тип 3; *17—20* — тип 4; сковородки: *21* — тип 1; *22—25* — тип 2; *26—28* — тип 3 (*1—3, 6, 9, 10, 12—15, 17, 18, 21, 22, 27* — Титчихинское; *4, 5, 11, 26, 28* — Белогорское; *7, 8, 16, 20, 25* — Большое Боршевское; *19, 23, 24* — Малое Боршевское городища)

8-й тип (рис. 6, *1—5*). Горшки яйцевидной формы, расширяющиеся в средней части, с резко (почти на 45°) отогнутым наружу или коротким прямым венчиком. Изготовлялись они из плотного, хорошо промешанного теста с очень мелкими примесями шамота и песка. Отдельные сосуды имеют в составе теста крупные примеси шамота, песка, что создает некоторую бугристость поверхностей. Орнаментация этих горшков самая разнообразная: вдавления пальца и округлой палочкой по верху венчика, насечки ножом и по венчику, и по тулову, вдавления веревочного штампа в различных комбинациях. Этот тип горшков на поселениях, расположенных на Дону, не получил широкого распространения (3%). На Белогорском городище горшки 8-го типа являются одним из ведущих типов. Здесь они составляют 26% горшковидных сосудов (рис. 4). Тулово большинства из них (75%) покрывалось линейным орнаментом, на некоторых поперечный линейный орнамент пересекается продольным, образуя, таким образом, довольно густую сетку. Верх венчика многих из них украшен или наколами гребенчатого штампа, которые не встречаются на посуде с донских городищ, или различными насечками, столь характерными для славянской посуды Подонья. Рассматриваемые горшки были изготовлены от руки и слегка подправлены на круге.

9-й тип (рис. 6, *6—8*). Горшки с почти шаровидным туловом. Изготовлялись они из глины с примесью очень мелкого шамота и песка. Тесто плотное, поверхности очень тщательно заглажены. Часть сосудов имеет

следы правки на примитивном гончарном круге. Лишь в одном случае (на Титчихинском городище) встречен сосуд описанной формы, изготовленный из теста с примесью крупного шамота. Горшки 9-го типа орнаментированы только веревочным штампом, и лишь упомянутый выше горшок с Титчихинского городища орнаментирован вдавлениями пальца по верху венчика. Горшки 9-го типа, как и 8-го, на донской группе поселений встречены в незначительном количестве (1—3%), а на Белогорском городище несколько больше — около 9% (рис. 4).

Обнаруженные на поселениях боршевского типа **миски** имеют весьма характерные пропорции. Диаметр горла не менее чем в 1,5 раза больше диаметра дна и равен (или больше) высоты сосуда. Миски составляют 12—15% всей керамики донских славян. Они очень разнообразны по форме, тесту и орнаментации. Не всегда можно сказать что-либо определенное о способе употребления мискообразных сосудов. Они могли служить и в качестве столовой посуды, и в качестве кухонной. Среди мисок мы различаем несколько типов.

1-й тип (рис. 6, *9—11*). Миски этого типа имеют широкое открытое горло, несколько превышающее высоту сосуда. По оформлению венчиков они бывают самые различные и во многом похожи на горшковидные сосуды, но отличаются от горшков не только своей формой, пропорциями, но и лучшей выделкой и заглаживанием стенок, хорошим обжигом и более частым орнаментированием тулова. Как правило, они серого цвета. В тесте имеются очень мелкие примеси шамота, песка. В некоторых случаях встречается примесь мела. На поверхностях некоторых мисок от заглаживания пальцами остались довольно глубокие вмятины. У крупных мисок можно заметить следы нагара, накипи. Вероятно, они применялись в качестве кухонной посуды.

Миски этого типа составляют более 50% всех мисок донских славян, а на Белогорском городище это почти единственный тип мискообразных сосудов (95%).

2-й тип (рис. 6, *12*). Для них характерна остроребериость. Ребро в большинстве случаев располагается выше середины сосуда. У большинства остроребериых мисок поверхность бугристая и черного цвета, в тесте примесь шамота. Часть мисок имеет заглаженные поверхности. Миски 2-го типа встречены только на Титчихинском (16%) и Большом Боршевском (5%) городищах.

3-й тип (рис. 1, *13—16*). Это небольшие мисочки с прямыми стенками, почти баночной формы. Они изготовлялись из хорошо промешанного глиняного теста с мелкими примесями. У них хорошо заглажены поверхности с элементами лощения. Одна из таких мисочек, найденная на Титчихинском городище, сделана из нижней части горшковидного сосуда. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков обратили внимание на то, что эти миски не имеют никакой орнаментации по венчику, край которого «всегда закруглен и тщательно сглажен», и высказали предположение о возможности использования этих мисок для питья [1, с. 36]. Они встречены на Титчихинском городище (14%), Большом Боршевском (13%), Белогорском (5%).

4-й тип (рис. 6, *17—20*). К 4-му типу относятся миски с высокими, сильно отогнутыми стенками. Высота этих мисок 10—15 см, диаметр горла 20—25 см. У них красный или темно-красный цвет поверхностей. Иногда они орнаментировались по верху венчика пальцевыми вдавлениями. Находки обломков этих мисок со следами нагара и копоти в очагах некоторых жилищ дают нам возможность предполагать использование их в качестве кухонной посуды. Миски 4-го типа встречены на Титчихинском, Большом и Малом городищах, где они составляют 13—14% всех мисок.

Довольно частой находкой на славянских поселениях Подонья являются сковородки. Они составляют 3—10% от общего количества керамических изделий и встречены главным образом в очагах и на полу жилищ. Целых сковородок имеется немного, но специфика их формы дает возможность даже из незначительного фрагмента графически реконструиро-

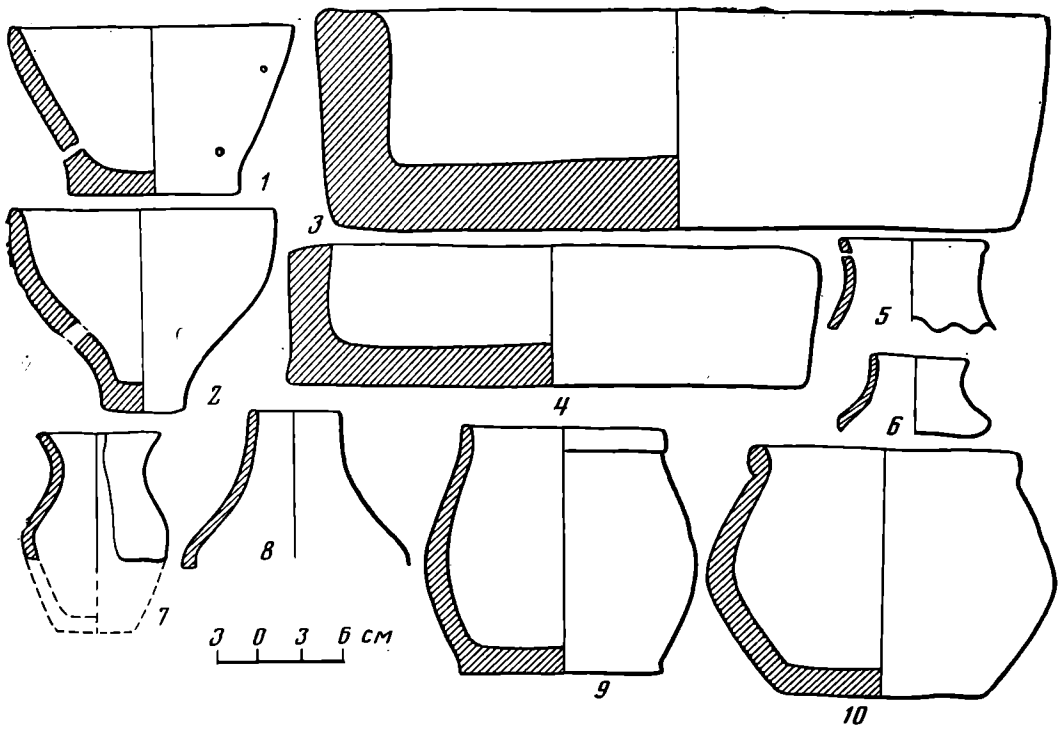


Рис. 7. Керамика донских славян. *1—2* — сырницы; *3—4* — противни; *5—8* — кувшины; *9—10* — мордовская керамика (*1* — Малое Боршевское; *2*, *3*, *9*, *10* — Титчихинское; *4*, *5—8* — Белогорское городища)

вать целую. Они бывают самых разных размеров: диаметр 12—28, высота 1—6 см. Лепились, как правило, из теста с примесью крупного шамота, иногда с включением и растительных примесей. Для сковородок характерно сильно прокаленное дно — следствие длительного пребывания на огне.

Сковородки можно разделить на три типа.

1-й тип. Стенки и дно образуют почти прямой угол (рис. 6, *21*).

2-й тип. Стенки располагаются по отношению к дну почти под углом 45° (рис. 6, *22—25*).

3-й тип. Сковородки с округлыми боками (рис. 6, *26—28*).

Внутри этой керамической группы можно выделить и тарелки. Тарелки не имеют прокаленности днищ, как сковородки; они отличаются более тщательной выделкой, более аккуратным заглаживанием поверхностей, на тарелках чаще можно встретить орнамент вдавлениями пальца, пальцевыми защипами, округлыми ямками. Во всех случаях орнамент располагается только по краю венчика.

Сырницы составляют 1,5—4% всего лепного керамического комплекса донских славян.

Это большие миски с плавно отогнутыми стенками (рис. 7, *1*, *2*). Что эти сосуды действительно предназначались для изготовления сыра (точнее, творога), свидетельствует сделанное у дна круглое отверстие, служившее для стекания сыворотки. Близкие по форме сосуды, предназначаемые также для изготовления творога, встречены нами во время обследования гончарного производства в с. Оськино Хохольского р-на Воронежской обл. Сырницы отличаются толстостенностью. «Толстостенность этой посуды объясняется необходимостью придать ей значительную прочность, способную выдержать груз, лежащий сверху на ее содержимом» [1, с. 36]. Излом стенок сырниц красный, поверхность коричневая. Обработаны они очень плохо, заглажены только пальцами, отчего на поверхностях образовались вмятины. Обломки сырниц встречены почти в каждом жилище. Некоторые сырницы орнаментированы по верху венчика различными вдавлениями.

Противни составляют около 3% от всей керамики. Это большие полукруглые блюда диаметром до 60 см, с высокими (до 10 см) вертикаль-

ными стенками (рис. 7, *3*, *4*). Противни вылеплены из теста с большим количеством растительной примеси, которая при обжиге выгорела, отчего образовались большие пустоты. Противни использовались для выпечки хлеба, сушки зерна в зимних условиях в помещениях. Очень интересный противень — «блюдо» было найдено во 2-й полуземлянке Большого Боршевского городища. Определить точные его размеры ввиду плохой сохранности не удалось, но в поперечнике оно было не менее 60 см, толщина днища — 4—5, высота вертикальных стенок 10, их толщина 2,5 см. Как предполагают П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, блюдо стояло на столбиках над очагом и представляло собой «нечто вроде жаровни, на которой можно было печь мясо, хлеб, лепешки, а на слабом огне сушить разные материалы, заготовленные про запас» [1, с. 37].

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков подчеркивали, что кувшины не характерны для донских городищ [1, с. 95]. Дальнейшие раскопки подтвердили это. Они в очень незначительном количестве, буквально в нескольких экземплярах, встречены на Титчихинском городище, совершенно неизвестны в материалах Большого и Малого Боршевских городищ.

На городищах, расположенных на р. Воронеж, кувшинообразные сосуды представлены в несколько большем количестве. На Белогорском городище они составляют около 5% от всей керамики (рис. 7, *5—8*). Это довольно грубые сосуды, вылепленные из теста с примесью шамота и песка, с плохо обработанными бугристыми поверхностями. Они небольших размеров .Высота их колеблется от 13 до 20 см. Наиболее широкая — средняя часть сосуда. В этом месте стенки иногда имеют резкий изгиб, что создает впечатление остроребернности.

К керамике специального назначения мы относим **светильники и маленькие сосудики**, которые найдены только на Титчихинском городище. Они представляют собой неглубокие небольшие блюдца на короткой ножке. Светильники не орнаментировались. Лишь в одном случае найдена ножка, орнаментированная веревочкой, намотанной на палочку.

Нередкой находкой на Титчихинском городище являются маленькие толстостенные сосудики, которые составляют менее 1% от всей керамики, найденной на городище. Некоторые из них использовались в качестве светильников. Они имеют на внутренних поверхностях следы нагара. Большинство же маленьких сосудиков использовалось, вероятно, в качестве детских игрушек.

Следует остановиться еще на одной группе керамики, встреченной на славянских поселениях Подонья,— мордовской (финской) посуде, представленной только горшками (рис. 7, *9—10*). Они вылеплены из теста с примесью очень измельченного шамота. В целом по своим технологическим данным эти горшки мало чем отличаются от славянской посуды. Финская керамика встречена на Титчихинском городище, где она составляет 1,4% всех горшков, есть она и на Большом Боршевском городище. На других поселениях боршевской культуры эта керамика не выявлена. Изготовлялась она на месте, в пользу этого говорит орнаментация некоторых сосудов веревочным орнаментом. По мнению А. Н. Москаленко, финская керамика свидетельствует о проникновении финно-угорского (мордовского) населения в славянскую среду [3, с. 160].

Вопросы типологического развития славянской лепной керамики второй половины I тысячелетия в литературе рассматривались неоднократно [5, с. 10—16; 11, с. 6—8; 12; 13, с. 324—325, рис. 2]. И. П. Русанова прослеживает развитие керамики пражского типа до первых форм гончарной посуды древнерусского облика. Изменения в форме горшков, по ее мнению, в основном выражаются в развитии плечиков, которые приобретают более или менее выраженный характер в керамике VIII в., что является одним из характерных признаков славянской керамики конца I тысячелетия н. э. [14, с. 148]. Хотя раскопки городищ донских славян дали значительные керамические коллекции, мы располагаем сравнительно небольшими данными для рассмотрения этого вопроса.

Титчихинское городище является наиболее изученным славянским памятником в бассейне Дона, в материалах которого нашли наиболее

полное выражение те черты, которые характеризуют материальную культуру донских славян, в том числе и керамическое производство. Но стратиграфическое изменение керамики на данном городище удается проследить лишь там, где культурный слой не нарушен и имеет толщину около 1 м. Вместе с тем нужно учитывать и то обстоятельство, что на Титчихинском городище из раскопанных 46 жилищ лишь четыре были заброшены в процессе существования поселка. Поэтому в большинстве жилищ мы застаем керамический комплекс, характерный для населения поселка в последний период его существования. В то же время в отдельных жилищах встречены датирующие вещи, главным образом IX—X вв. Причем горшков первых двух типов ни в одном из этих жилищ нет. Лишь в 11-м и 27-м жилищах, которые были заброшены еще во время существования поселения, встречены фрагменты горшков 1-го и 2-го типов. А. Н. Москаленко датирует 11-е и 27-е жилища более ранним временем, чем остальные [3, с. 39]. Горшки 1-го и 2-го типов распространены исключительно на мысовой части городища, причем подавляющее большинство их (92%) залегает в нижней части культурного слоя (рис. 8).

Как же можно датировать этот относительно ранний керамический комплекс Титчихинского городища? А. Н. Москаленко датирует в целом поселение IX—X в. Подавляющее большинство изделий из металла, украшений, встреченных при раскопках Титчихинского городища, бытовали в восточнославянском мире достаточно широко по времени — VIII—X вв. н. э. Но при этом следует обратить внимание на то, что в нижней части культурного слоя мыса, т. е. там, где встречены горшки 1-го и 2-го типов, практически нет керамики салтово-маяцкого типа (менее 0,2%). Известно, что салтовская керамика лишь в IX в. появляется на памятниках роменской [4, с. 133] и боршевской [3, с. 160] групп. Горшки 1-го и 2-го типов, вероятно, можно датировать более ранним временем, чем IX в. Подобная керамика кроме Титчихинского и Большого Боршевского городищ известна и на ряде других пунктов в бассейне р. Дона. У с. Ярлуково в Липецкой обл. на поселении эпохи бронзы открыто раннеславянское жилище с керамическим комплексом, предшествующим боршевской керамике [15]. На основании аналогий этих сосудов с раннеславянской керамикой типа Корчак этот керамический комплекс датируется VII—VIII вв. На «Лысой горе» под г. Воронежем, на территории известного в литературе Лысогорского могильника, расположено селище. Могильник датируется IX—X вв., а селище, следовательно, еще более ранним временем. Большая часть слоя поселения была использована на насыпку курганов; не случайно в насыпях многих раскопанных курганов встречено большое количество керамики и костей, а под насыпью курганов нередко попадаются хозяйственные ямы. В обнажении мыса, на котором располагается могильник и селище, была обнаружена полуземлянка, в которой были собраны обломки слабопрофилированных горшков, с короткой, несколько отогнутой наружу шейкой, украшенных только по верху венчика [16, с. 143]. Лишь один из них орнаментирован по тулову налепными шишечками и вдавлениями пальца по краю венчика. Налепные шишечки на тулове не характерны не только для боршевской керамики, но и для посуды других синхронных славянских памятников. Этот орнамент встречается на керамике более раннего времени и в более западных районах славянского мира.

Таким образом, в бассейне Верхнего и Среднего Дона к настоящему времени наметился определенный круг памятников, керамика которых предшествует классической боршевской.

Горшки 3-го— 5-го типов распространены на Титчихинском городище более равномерно и широко. В нижней части культурного слоя они встречены в весьма незначительном количестве. А на глубине 1 и 2 штыков, т. е. в верхней части культурного слоя, эта цифра заметно возрастает (рис. 8).

Горшки 6-го типа найдены в основном на плато в первых двух штыках культурного слоя (рис. 8).

Горшки 7-го типа на Титчихинском городище распространены сравнительно равномерно на всей площади поселения. Нет их лишь в нижней части культурного слоя мыса (рис. 8).

Горшки 8-го и 9-го типов, напоминающие по форме салтово-маяцкую посуду [17, с. 221], изготовлялись по славянской технологии и украшались типично славянским орнаментом. Это свидетельствует о ее местном производстве. Они также встречены по всей раскопанной площади поселения, за исключением нижней части культурного слоя мыса (рис. 8). Кроме того, на Титчихинском городище встречено несколько фрагментов от горшков рассматриваемых форм явно не местного производства. Здесь же встречено несколько фрагментов, сочетающих типично салтовскую технологию изготовления (правка на круге, тесто) и славянский орнамент. Часть горшков 8-го и 9-го типов использовалась в качестве тарной посуды. У донских славян не было специальной тарной керамики. И вероятно, славяне восполнили этот недостаток, переняв ряд керамических форм у салтовцев, и стали изготовлять их своими традиционными приемами.

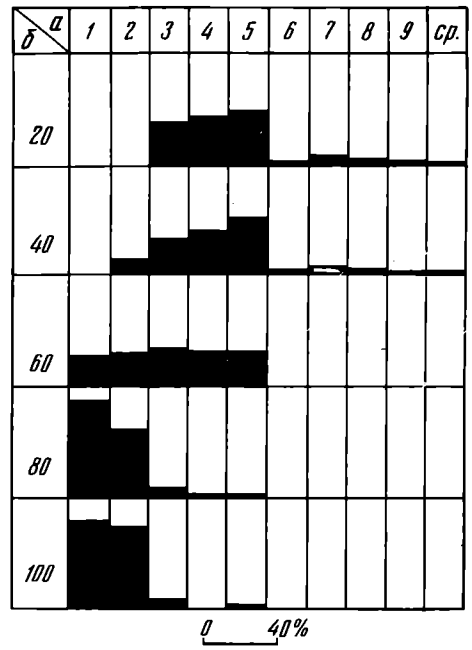


Рис. 8. Соотношение типов горшков в слоях Титчихинского городища (%). *а* — тип; *б* — глубина в см.; *ф* — финские (мордовские)

Горшки 8-го и 9-го типов на Белогорском городище представляют собой обычную керамику, характерную для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры [18, с. 14, рис. 5]. Во время довоенных раскопок на Кузнецовском городище обнаружен лепной горшок яйцевидной формы, правленный на круге. По своим технологическим данным этот горшок не выделяется из круга рассматриваемой славянской посуды, но орнаментирован он несколько необычно. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков заметили, что он напоминает болгарскую керамику [1, с. 96, табл. XV]. На близость этого горшка алано-болгарской керамике указала и С. А. Плетнева [17, с. 225]. Горшки 8-го и 9-го типов на Белогорском и Кузнецовском городищах изготовлялись салтовцами, попавшими в славянскую среду и жившими с ними на одном поселении. Не исключено, что и славяне пользовались этой керамикой [19].

Таким образом, основные группы и типы керамики встречены на всех славянских поселениях Подонья, но наблюдается некоторая разница в их процентном соотношении на отдельных памятниках и в технологии производства. В этом отношении весьма показательным является керамика Малого Боршевского городища, которая отличается лучшим качеством глиняного теста, более тщательной обработкой поверхностей. Этот памятник датируется X в., возможно, только его второй половиной, и, очевидно, его керамика отражает определенный этап развития керамического производства донских славян, выразившийся в некотором его технологическом усовершенствовании [20, 21]. Кроме того, наблюдается специфика в керамике Белогорского городища, обусловленная проникновением на р. Воронеж алано-болгарского населения.

Горшки всех типов, кроме 1-го и 2-го, доживают до конца существования боршевской культуры на Дону. Об этом довольно красноречиво свидетельствуют материалы Малого Боршевского городища, где встречены все типы горшков, кроме 1-го и 2-го.

Почти все группы и типы керамических изделий донских славян находят себе аналогии на тех или иных памятниках восточных славян.

Трудно указать прямые аналогии керамики 1-го и 2-го типов, но ближе всего к ним стоит керамика некоторых раннеславянских поселений Правобережья Днепра [5, с. 40, рис. 42, 3; 22; 10, с. 64, табл. 12; с. 66, табл. 14; 23, с. 96, рис. 36, 1, 2].

Горшки 3-го типа довольно широко бытовали в восточнославянском мире. Будучи широко распространены в бассейне Верхней Оки [8, с. 68, рис. 29, 3], на памятниках роменского типа [4, с. 35, рис. 19], на ряде поселений Днепровского Правобережья [24, с. 215; 23, с. 95, рис. 36, 1], они не везде одинаковы и не везде бытовали одновременно. В Правобережье Днепра эти горшки встречены главным образом в керамических комплексах не позже IX в. Это хорошо прослеживается по материалам городища Хотомель. А на донских памятниках этот тип горшков встречается в самом конце X в.

Горшки 4-го типа за пределами распространения памятников боршевского типа встречены в Саркеле [17, с. 328, рис. 13, 2, 7, 10], на некоторых поселениях Молдавии [25, с. 365, табл. 59, 3] и бассейна Верхней Оки [9, с. 155, рис. 2]. На памятниках роменского типа среди сосудов, которые И. И. Ляпушкин объединил в группу мискообразных, можно выделить несколько сосудов близких 4-му типу горшков донских славян [4, с. 43, рис. 24, 4].

Горшки 5-го типа широко представлены на соседних славянских памятниках роменского типа. И. И. Ляпушкин пишет, что особенности профилировки этих сосудов связаны с их назначением. Узкодонные, плохо устойчивые горшки, вероятно, нижней своей частью закапывались в землю, и в таких условиях в них хранились различные продукты [26, с. 122]. Но на боршевских поселениях горшки 5-го типа использовались не только для хранения продуктов. Большинство их предназначалось для приготовления пищи. На Правобережье Днепра высокие горшки с узким дном найдены на поселении Буки, керамика которого в целом принадлежит к типу Луки-Райковецкой. И. П. Русанова подчеркивает ее несомненную близость роменско-боршевской керамике [27, с. 51].

Горшки 6-го типа, как и горшки 4-го типа, в большей степени характерны для донских славян, нежели для других районов восточнославянского мира. Аналогичные горшки встречены на Верхней Оке [9, с. 155, рис. 2, 13], в Саркеле-Белой Веже [17, с. 227, рис. 12]. На роменских памятниках горшки 6-го типа нами не выявлены.

Относительно горшков с высокой почти прямой шейкой (7-й тип) в литературе укрепилось мнение, что это одна из ведущих форм роменско-боршевской керамики [2, с. 83; 28, с. 77]. Некоторые исследователи связывают эту форму горшков с так называемой волынцевской культурой [29, с. 52—53]. Несмотря на различное истолкование памятников волынцевского типа, почти все исследователи сходятся на том, что в основных своих чертах эта культура славянская и горшки с высокой прямой шейкой являются неотъемлемой частью керамического комплекса славян Левобережья Днепра. Не случайно они составляют около 25% всех горшков, найденных на Новотроицком городище. Но если взять только один из признаков, характеризующих этот тип,— высокую цилиндрическую шейку, то необходимо отметить, что эти горшки были очень широко распространены в восточнославянском мире и они далеко не везде одинаковы [8, с. 68, рис. 29; 25, с. 208, 366, табл. 60, 4; 30, с. 74, рис. 37]. Наблюдаются различия в технологии их изготовления, в орнаментации и даже в форме. На памятниках роменского типа рассматриваемые горшки имеют гладкую поверхность, некоторые сосуды покрыты сплошным лощением или в виде вертикальных полос [31, с. 238—240]. Большинство их орнаментировано линейно-волнистым орнаментом, реже они орнаментированы вдавлениями веревочки, намотанной на палочку. Ближе всего к этой керамике стоят аналогичные сосуды с некоторых правобережных памятников, особенно Каневского поселения, на что в литературе обращалось внимание [2, с. 83]. Что касается территории Дона, т. е. памятников боршевского типа, то необходимо отметить: во-первых, что горшки 7-го типа никак нельзя назвать основным типом посуды донских славян;

во-вторых, они выделяются и технологией производства. Лишь горшки Белогорского городища в некоторой степени напоминают роменские.

Миски 1-го типа были широко распространены у восточных славян в конце I тысячелетия н. э. Встречаются они у роменцев [3, с. 39, 43, рис. 23], у славянского населения Верховья Оки [9, с. 155, рис. 2, 11, 15], в Саркеле [17, с. 228, рис. 13]. Причем как у роменцев, так и у боршевцев это один из ведущих типов мискообразной посуды.

Миски 2-го типа являются, вероятно, пережиточным явлением каких-то более ранних форм. Миски 3-го типа, как и миски 4-го типа, характерны лишь для донских славян. На роменских памятниках они не встречены. Можно назвать лишь несколько памятников далеко на западе, где встречены миски близкие 4-му типу [24, с. 215, рис. 4, 3; 32, с. 43, рис. 4, 3—4].

Весьма интересным типом посуды являются сырницы. За пределами распространения памятников боршевского типа сырницы аналогичных форм обнаружены на ряде славянских поселений конца I тысячелетия н. э. на территории Молдавии [25, с. 365, табл. 59, 4], где они, как и вся вообще глиняная посуда IX—X вв., изготовлены на гончарном круге. На памятниках роменской группы, в частности на наиболее изученном Новотроицком городище, они совершенно отсутствуют, нет их, судя по опубликованным материалам, и на Верхней Оке.

Светильники в достаточно большом количестве представлены на салтово-маяцких памятниках [17, с. 253, рис. 38]. По всей видимости, появление этого вида керамических изделий следует связывать с влиянием культуры южного— степного населения.

Исследуемая нами керамика донских славян конца I тысячелетия н. э., как и вся их материальная и духовная культура, не является чем-то обособленным в лесостепной зоне восточнославянского мира. Изучение керамики боршевских памятников действительно приводит к мысли о неразрывной связи их с культурой соседних восточнославянских группировок. Вместе с тем керамический комплекс боршевских памятников имеет и некоторые существенные отличия, прежде всего от роменских памятников. Во-первых, есть некоторая разница в ассортименте посуды. Во-вторых, на роменских памятниках горшкообразные сосуды, за исключением нескольких сосудов 3-го типа с Новотроицкого городища [4, с. 33, рис. 18, 3], имеют более удлиненные пропорции в отличие от боршевских. В-третьих, некоторые отличия имеются и в технологии изготовления роменской и боршевской керамики. Гончарный круг на роменских памятниках, хотя и примитивный, стал применяться, судя по широко распространенной линейно-волнистой орнаментации посуды, в IX в. На донских памятниках, у боршевцев, даже в X в. гончарный круг практически не применялся, хотя и донские славяне, вероятно, через салтовцев были с ним знакомы. В-четвертых, в связи с влиянием салтово-маяцкого керамического производства на славянское необходимо отметить появление у донских славян некоторых форм сосудов, которые восполнили пробел в ассортименте посуды.

В данной статье мы не останавливаемся специально на орнаментации боршевской керамики, так как ей посвящена специальная статья [33]. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на следующее. Одной из характерных черт для роменской и боршевской керамики, и это отмечают все исследователи, является наличие орнамента из вдавлений веревочки, намотанной на палочку [1]. И. И. Ляпушкин, приводя аналогии орнаменту веревочным штампом керамике Новотроицкого городища, указал на ранние памятники верховьев Оки [4, с. 34].

П. Н. Третьяков, анализируя материалы раскопок поселений бассейна

---

[1] На правобережных памятниках типа Луки-Райковецкой этот орнамент встречается крайне редко. На поселении Хотомель найдено всего три фрагмента с отпечатками веревочками [5, с. 43]. На одном из поселений в Побужье П. И. Хавлюком обнаружено шесть фрагментов, украшенных вдавлениями веревочки, намотанной на палочку [34, с. 118, рис. 3]. Отдельные черепки с веревочным орнаментом обнаружены на ряде других поселений, но это не меняет общей картины.

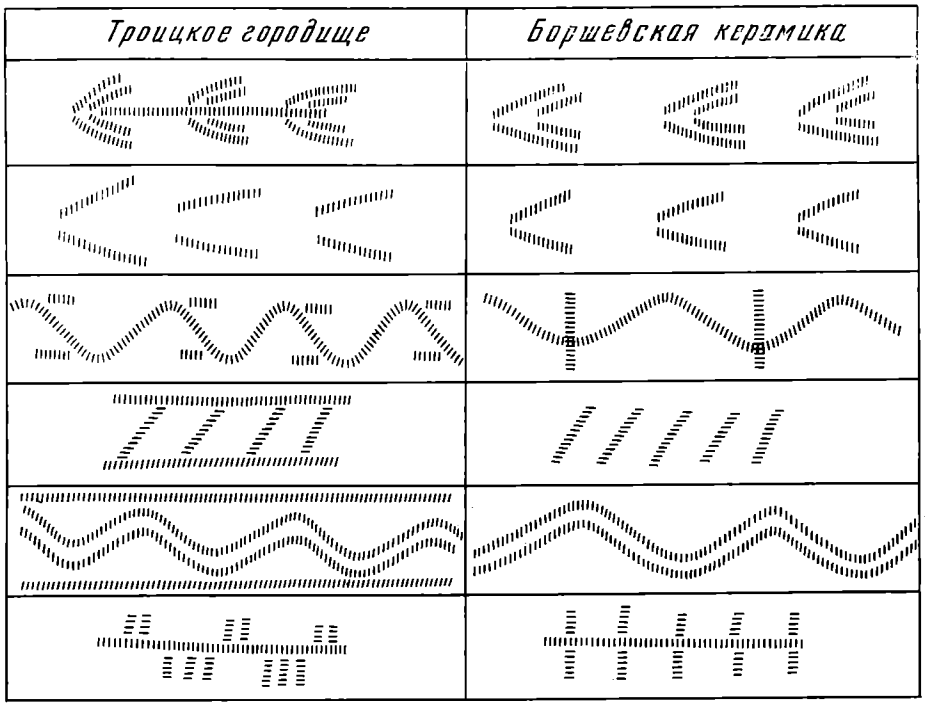


Рис. 9. Типы орнаментов веревочным штампом на керамике Троицкого городища (по И. Г. Розенфельдт) и боршевской керамике

Верхней Оки, относящихся главным образом ко времени, предшествующему роменско-боршевским памятникам (Синьковское городище, Огубское, Дешовское, Никола-Ленивцев, Троицкое и др.), подчеркнул, что именно эта группа памятников содержит те элементы (веревочный орнамент), которые столь характерны для более поздней роменско-боршевской керамики [2, с. 85 и сл.]. Следует подчеркнуть, что как на памятниках роменско-боршевского типа, так и более ранних в Верховьях Оки орнамент веревочкой, намотанной на палочку, является одним из главных (хотя далеко не единственным) орнаментальных приемов. В то же время почти все орнаментальные композиции, выполненные веревочным штампом, встреченные на памятниках боршевской группы, встречаются в той или иной комбинации на Троицком городище (рис. 9). На посуде Троицкого городища, как и на боршевских сосудах, веревочный штамп наносился на посуду главным образом профилированных форм, и в основном лишь в верхней его части. Иногда этим орнаментом покрывался верх венчика сосуда.

И. Г. Розенфельдт, говоря по поводу этих общих моментов в орнаментации дьяковской и роменско-боршевской керамики, подчеркивает, что «сходство посуды, находимой на дьяковских и верхнеокских городищах, с одной стороны, и на памятниках роменской (роменско-боршевской.— *А. В.*) культуры — с другой, позволяет предположить наличие общих этнических компонентов в среде населения, оставившего эти памятники» [35, с. 39—41]. Говорить о прямой преемственности керамики роменско-боршевской и позднедьяковской лишь на основе общих моментов в орнаментации посуды мы, конечно, не можем. Во-первых, нет ничего общего в формах посуды, в технологии. Во-вторых, Троицкое городище доживает до VI в., а первые памятники боршевского типа, содержащие керамику, орнаментированную веревочным штампом, относятся, вероятно, не ранее чем к IX в. На Титчихинском городище керамика с веревочным орнаментом содержится главным образом в верхней части культурного слоя.

Боршевская керамика Подонья имеет много общего со славянской керамикой других территорий, и истоки ее лежат в раннеславянской

культуре пражского типа. Оформление ее специфических черт связано с проникновением в этот район отдельных групп населения из бассейна Оки и прилегающих к нему районов, а также влиянием салтовской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефименко П. П. и Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, № 8.
2. *Третьяков П. Н.* Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки.— СА, 1969, № 4.
3. *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1965.
4. *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, 1958, № 74.
5. *Русанова И. П.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян.— СА, 1958, № 4.
6. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука, 1976.
7. *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка, 1975.
8. *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, № 72.
9. *Изюмова С. А.* Курганский могильник VIII—X вв. около дер. Западной.— СА, 1964, № 2.
10. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1-25. М., 1973.
11. *Кухаренко Ю. В.* Средневековые памятники Полесья.— САИ, вып. Е1-57. М., 1961.
12. *Шовкопляс А. М.* Раннеславянская керамика с горы Кисилевки.— МИА, 1963, № 108.
13. *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь.— ВДИ, 1939, № 1.
14. *Русанова И. П.* О керамике раннесредневековых памятников верхнего и среднего Поднепровья.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
15. *Комаров К. И.* Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону.— КСИА АН СССР, 1972, № 129.
16. *Москаленко А. Н.* Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего Дона.— В кн.: Славянский сборник, № 1. Вып. истор. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1958.
17. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
18. *Плетнева С. А.* Средневековые поселения верховьев Северского Донца.— КСИИМК, 1960, № 79.
19. *Винников А. З.* Славянское городище на Белой горе под г. Воронежем.— В кн.: Из истории Воронежского края, выпуск шестой. Воронеж, 1977.
20. *Винников А. З.* Керамика Малого Боршевского городища.— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1972, вып. 4.
21. *Пряхин А. Д., Винников А. З.* Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон.— В кн.: Археология Восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980.
22. *Русанова И. П.* Керамика раннеславянских поселений Житомирщины.— AR, 1968, t. XX, № 5.
23. *Кухаренко Ю. В.* Раскопки на городище и селище Хотомель.— КСИИМК, 1957, № 68.
24. *Смирнова Г. И.* Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской области.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
25. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— МИА, 1960, № 89.
26. *Ляпушкин И. И.* Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв.— КСИИМК, 1946, XII.
27. *Русанова И. П.* Жилище VIII—IX вв. у с. Буки на Житомирщине.— КСИА АН СССР, 1971, № 125.
28. *Ляпушкин И. И.* К вопросу о памятниках волынцевского типа.— СА, 1959, т. XXIX—XXX.
29. *Березовец Д. Т.* Дослідження слов'янских пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр.— АП УРСР, 1955, т. V.
30. *Мезенцева Г. Г.* Канівске поселения полян. Київ: Наукова думка, 1965.
31. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104.
32. *Берняковіч К. В.* Исследования древнеславянского поселения VIII—X вв. в г. Ужгороде.— КСИА АН УССР, 1954, № 3.
33. *Винников А. З.* Орнаментация боршевской керамики.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
34. *Хавлюк И. П.* Славянские поселения VIII — начала IX веков на Южном Буге.— Археологический сборник. Л., 1962, вып. 4.
35. *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища.— МИА, 1971, № 184.

A. Z. Vinnikov

SLAVIC CERAMICS FROM THE DON BASIN, END OF 1st MILLENNIUM A. D.

Summary

Monuments of the Slavs in the upper and middle reaches of the Don date back to the end of the 1st millennium A. D. are known as the Borshevo or Romny-Borshevo culture.

Ceramics of the Borshevo culture are divided according to form into several groups, such as pots (which is the most numerous group subdivided into types according to the relation between pot elements, and sub-types according to rim form), basins, frying-pans, jugs, vessels for cheese-making, dripping-pans and objects of other purposes. Almost all have analogies among East-Slavic ceramics, the result of the migration from the Oka basin and the influence of the Saltovo culture.

БУРОВ В. А.

ВЕЧЕВАЯ ПЛОЩАДЬ НЕРЕВСКОГО КОНЦА ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Археологическое изучение Новгорода, которое ведется уже 50 лет, дало много важных сведений по топографии древнего города [1—12]. Но каждый полевой сезон приносит новые и новые открытия, дающие возможность представить планировку средневекового Новгорода все в более полном виде. Одно из таких открытий было сделано в 1979 г. в ходе шурфовки на территории Кремлевского парка[1]. Оно позволило внести ряд уточнений в существующее представление о топографии южной части Неревского конца XV—XVII вв. (рис. 1) [8, с. 213].

Основой для внесения корректив в топографию этой части города послужила неожиданная находка мостовой в шурфе, заложенном на расстоянии 40 м к югу от перекрестка древних улиц Розважи и Великой (в 19 м к югу от проезжей части современной Садовой улицы и в 70 м севернее рва Малого земляного города XVI в.) (рис. 2). Мостовая прослежена в пределах шурфа на протяжении 12 м. Зафиксировано пять ярусов. Ширина ее составила 3,9 м для второго-третьего ярусов и 4,8 м для четвертого яруса. Направление с запада на восток. Улица шла под углом к выявленным ранее древним мостовым Розваже и Щерковой. Судя по направлению, она должна пересечь Щеркову недалеко от перекрестка современных Садовой, Ленинградской улиц и улицы Горького[2]. Открытая мостовая примыкала под прямым углом к Великой улице — основной магистрали Неревского конца. По другую сторону Великой она не имела продолжения. Там находилась усадьба, о чем свидетельствует перекоп шириной 0,7 м вдоль восточных торцов плах Великой улицы (канава от частокола) и раскрытый на уровне четвертого яруса Великой фрагмент нижнего венца сруба на месте предполагавшегося перекрестка. К северу от улицы также находилась усадьба — там прослежен частокол. К югу в пределах шурфа выявлено три яруса настилов, образовывавших сплошное мощение.

Первый ярус настила залегал на глубине 0,5 м от современной поверхности, включал сгнившие доски толщиной 0,10—0,15 м. Второй ярус — на глубине 1,55 м (рис. 2, I). Конструктивно он был связан с мостовой третьего яруса Великой улицы и одновременен второму ярусу Великой, а также третьему ярусу неизвестной мостовой. Его дендрохронологическая дата — 1464 г.[3]. От него остались лаги, которые почти под прямым углом опирались одним концом на западный край мостовой третьего яруса Великой, а в середине — на стулья (вертикально поставленные бревна). Длина лаг неизвестна (уходят в профиль шурфа),

[1] Раскопки проводились Новгородским государственным объединенным музеем-заповедником в рамках Новгородской археологической экспедиции в связи с предполагаемым созданием в северной части Кремлевского парка музеефицированного археологического раскопа. Руководили работами Б. Д. Ершевский и В. А. Буров. Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность директору музея Л. И. Ярош и руководителю Новгородской экспедиции члену-кор. АН СССР В. Л. Янину, оказавшим большую помощь в организации раскопок.

[2] На опубликованном в 1961 г. С. Н. Орловым плане участка Неревского конца (рис. 1) Щеркова улица нанесена пунктиром условно. Однако в докторской диссертации (ч. II — приложение) дается точная привязка ее настилов, прослеженных в траншее Кремлевского парка. Эти данные мы и используем в своей статье.

[3] Все дендрохронологические даты установлены в лаборатории Института археологии АН СССР. Выражаем признательность Б. А. Колчину и А. Ф. Урьевой.

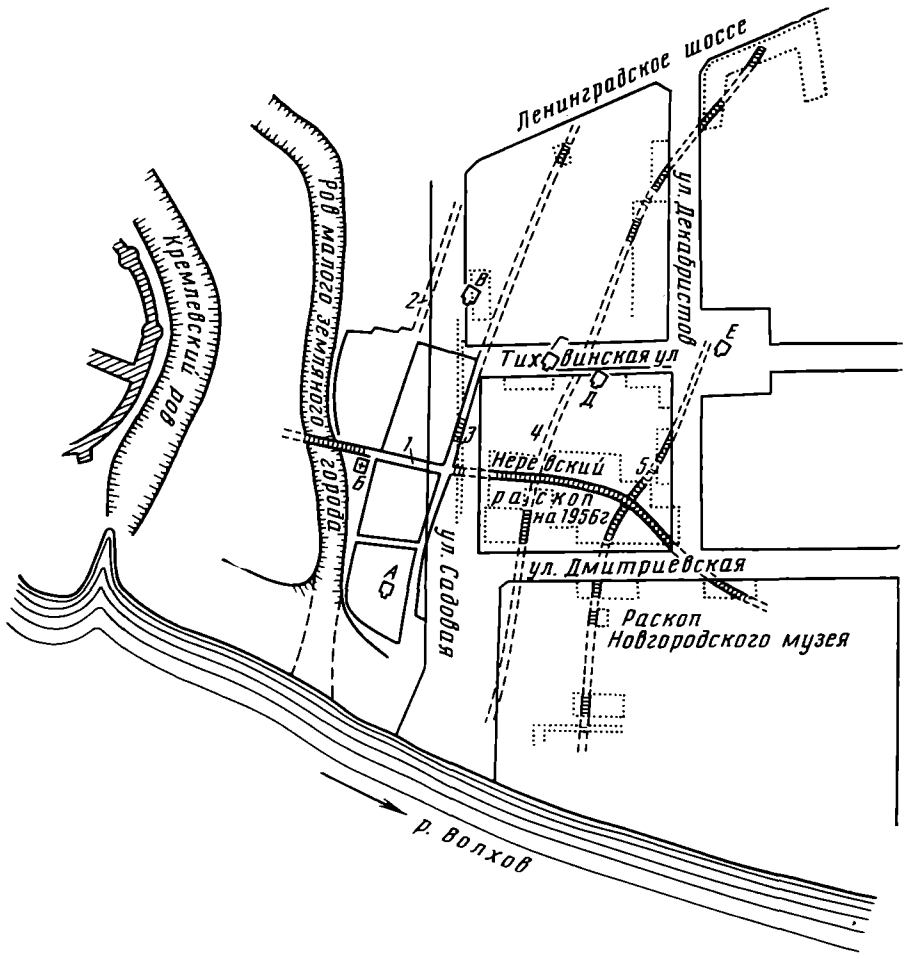


Рис. 1. План основных улиц участка Неревского конца, прилегающего к северной стороне кремля (XV—XVII вв.), по С. Н. Орлову. Условные обозначения: *1* — Великая улица; *2* — Щеркова; *3* — Розважа; *4* — Козмодемьянская; *5* — Холопья; *А* — Николо-Розважский монастырь; *Б* — часовня на месте церкви Сорока мучеников; *В* — церковь Спаса Преображения; *Г* — церковь Козмы и Демьяна; *Д* — церковь Саввы; *Е* — церковь Козмы и Демьяна на Холопьей улице

ширина 0,1 м, толщина 0,08—0,10 м. Диаметр стульев 0,08 м. Поверх лаг укладывались плахи. Сохранились две плахи толщиной 0,10—0,15 м, шириной 0,3 м, длиной 2,20 м. Третий ярус мощения располагался непосредственно под вторым ярусом. Он состоял из плах шириной 0,3 м. О его конструкции сказать что-либо пока трудно, так как раскопки ниже не велись. Датируется он 1446—1448 гг. (рис. 2, II).

Та же система мощеного пространства выявлена и в другом шурфе А на расстоянии 45 м к югу от неизвестной мостовой. Здесь на глубине 1—1,2 м от современной поверхности раскрыты фрагменты двух настилов шириной 2,8 и 4,4 м (рис. 3). Они производили впечатление двух мостовых, уложенных рядом параллельно друг другу. Настилы состояли из плах 0,2—0,3 и 0,3—0,4 м толщиной 0,10—0,15 м. В профилях зафиксировано еще два яруса более поздних настилов. Верхний залегал на глубине 0,4—0,5 м от поверхности земли. Колодец № 2 глубиной 1,4 м дал основание говорить, что мощение на данном участке существовало и в более раннее время.

Три яруса мощеных участков, прослеженных на значительном удалении один от другого почти на одинаковых отметках, свидетельствуют о существовании здесь к северу от новгородского детинца, вблизи рва Малого земляного города XVI в., значительной мощеной территории уже в середине XV в. Это вполне соответствует наличию прямоугольника незастроенного пространства, который неизменно присутствует на планах XVIII в. (1701, 1740, 1762 гг.) [13—15] (рис. 4). План части Новгорода

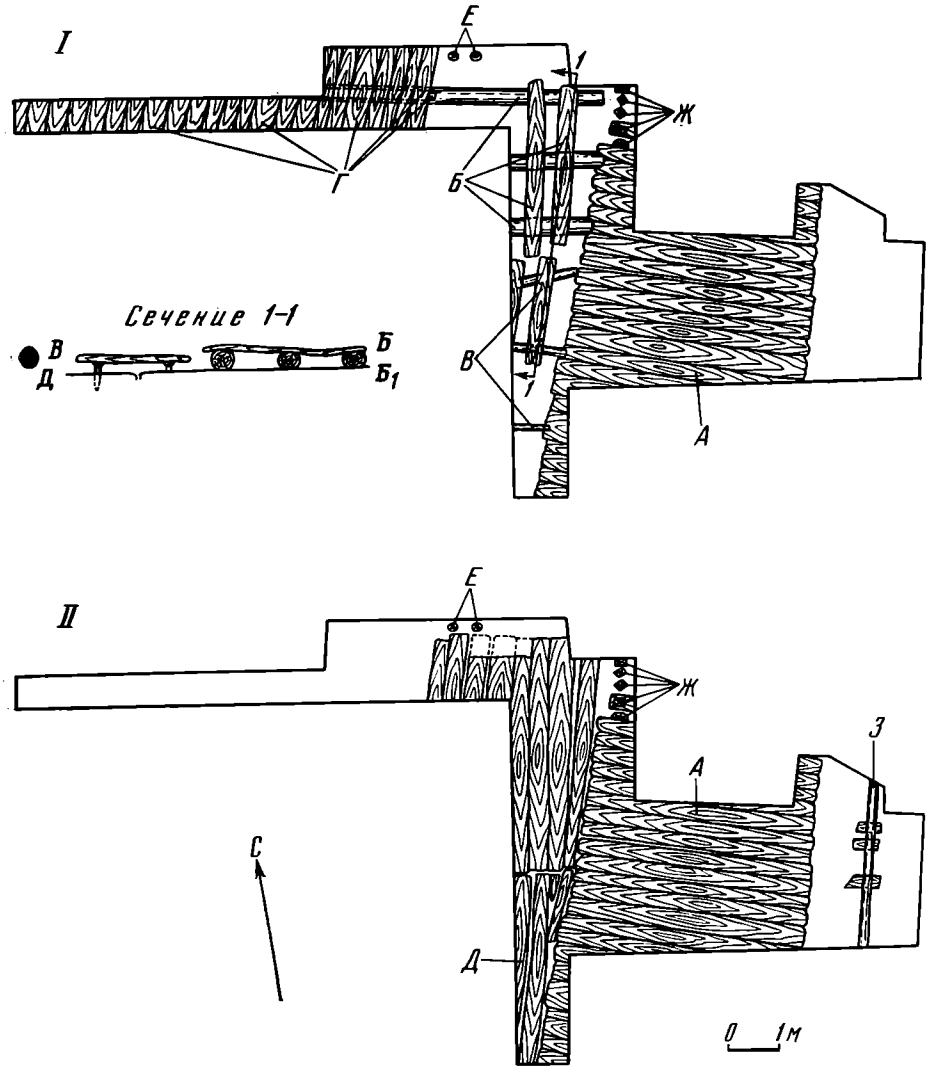


Рис. 2. Шурф Б. I, II — планы перекрестка Великой улицы и неизвестной мостовой. Условные обозначения: *А* — третий ярус Великой улицы; *Б* — третий ярус неизвестной мостовой; $Б_1$ — четвертый ярус неизвестной мостовой; *В* — мощение; *Г* — второй ярус неизвестной мостовой; *Д* — мощение; *Е* — частокол; *Ж* — сваи фундамента постройки XIX в.; *З* — нижний венец сруба

1695 г. прямо указывает, что здесь располагалась площадь (рис. 5). По стоявшей на ней избе она называлась Стрелецкой [16]. Площадь перед Малым земляным городом вполне отчетливо видна и на Знаменской иконе конца XVI в. [17, с. 145—150; 18, с. 12, прорись]. И на Знаменской иконе, и на плане 1695 г. площадь находится на продолжении Великой улицы (по плану — к западу от мостовой). И там и здесь рядом с площадью ров и стена земляного города делают изгиб под прямым углом. Наконец, по соседству с площадью, на некотором удалении от нее, стоит Николо-Розважский монастырь. Он представлен в виде церквушки и оконтурен деревянной стеной.

Теперь если сопоставить все эти данные с результатами раскопок, то нетрудно заметить полное совпадение всех топографических ориентиров: 1) близость рва Малого земляного города; 2) ров, хотя и заплыл, контуры его искажены, тем не менее излучина рва начинается как раз напротив нашего шурфа А. Изгиб рва, который показан на плане, иконе, легко реконструировать; 3) все мощеные участки примыкают к Великой улице с запада; 4) Николо-Розважский монастырь находится рядом с местом раскопок. Его остатки частично проследил С. Н. Орлов [10]; 5) на плане 1695 г. именно одна из улиц ограничивает площадь с севера и не имеет продолжения по другую сторону Великой. Если все наши

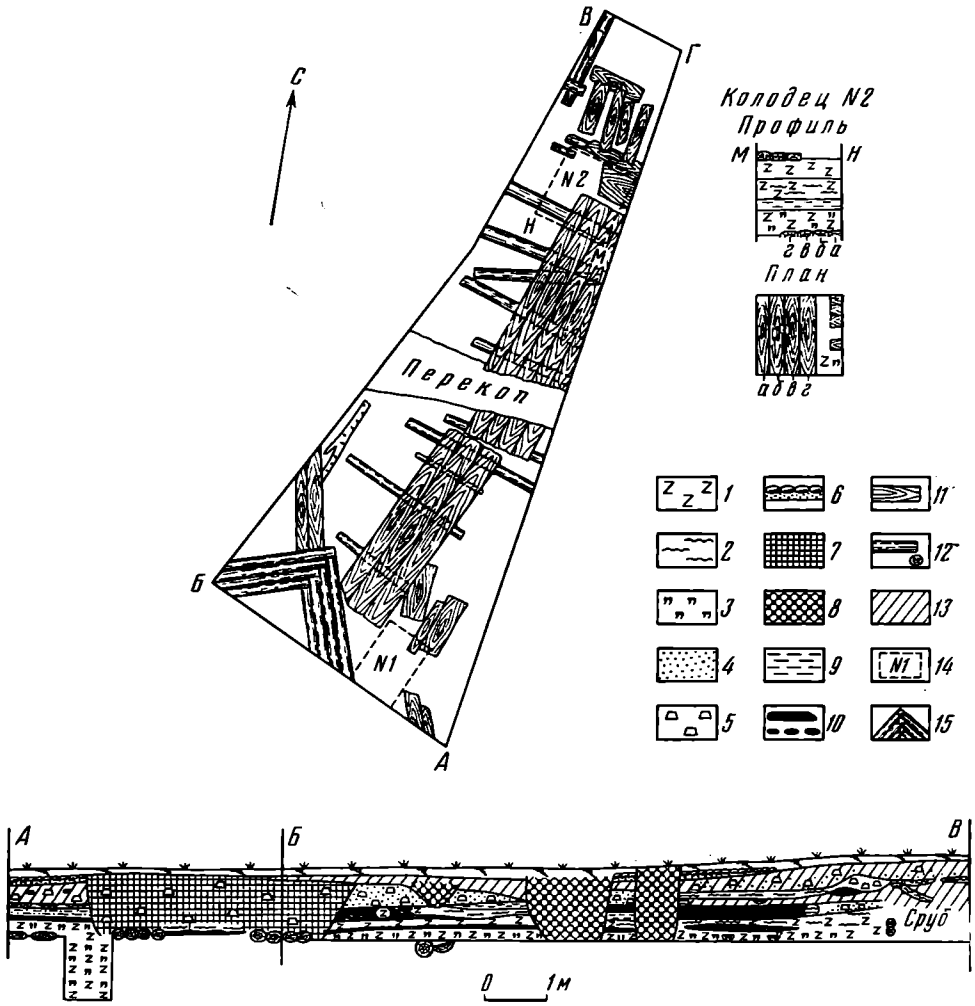


Рис. 3. Шурф А. План, профили. Условные обозначения: *1* — щепа; *2* — истлевшее дерево; *3* — навоз; *4* — песок; *5* — битый кирпич; *6* — булыжная мостовая; *7* — известь; *8* — перекоп; *9* — глина; *10* — уголь, сгоревшее дерево; *11* — плахи; *12* — бревна, лаги; *13* — земля; *14* — колодец; *15* — лежни фундамента постройки XIX в.

наблюдения справедливы, то нам остается лишь признать в открытой мостовой (шурф Б) улицу, проходящую по северной окраине площади, а мощеные участки считать фрагментами площади. Промеры площади и прилегающих дворов, приложенные к плану 1695 г., позволяют проверить наши предварительные выводы.

Для этого на план современного города в районе Кремлевского парка к северу от детинца мы нанесем все известные к настоящему времени постройки из камня, выявленные археологически, а также фрагменты мостовых, прежде всего Великую улицу. Она начиналась у Федоровской башни детинца и через ров шла в Неревский конец. На протяжении 130 м 28 ярусов мостовой Великой изучены Неревским раскопом 1951—1962 гг., который вскрыл также Козмодемьянскую и Холопью улицы, пересекавшие Великую (рис. 6). Тогда же в 50 м южнее Козмодемьянской был прослежен перекресток Великой и Розважи [19, вклейка]. В Кремлевском парке зафиксирована трасса Великой улицы у рва земляного города, выявлено направление Щерковой улицы на протяжении 117 м. Для нас представляют интерес остатки каменных построек Николо-Розважского монастыря (№ 1 и 2), церкви Сорока мучеников (№ 3) — [8, 10, 11]. Наконец, нанесем фрагмент мостовой, вскрытой в шурфе Б, и мощение шурфа А.

Но приступить к локализации площади можно лишь тогда, когда мы определим размер сажени, лежащей в основе промеров 1695 г. Как из-

вестно, в XVII в. применялись два вида сажени: прямая (152 и 176 см) и косая (216 и 248 см) [20]. Контрольная привязка дворов подьячего Саввы Михайлова, Артемона Маврина, Семена Скобелицина, Захария Вестова, известных по плану 1695 г., и привязка построек Николо-Розважского монастыря свидетельствуют о том, что при составлении промеров в 1695 г. использовалась косая сажень 248 см. При этой сажени все интересующие нас дворы и постройки точно ложатся на план. Точкой отсчета служит перекресток Розважи и Великой улиц: «...дворъ приказные полаты подьячего Савы Михайлова; по лицу по проезжей Большой улице (Великой — *В. Б.*) 12 саженъ съ полусаженью (31 м; здесь и далее в скобках нами приводится перевод в метрах — *В. Б.*), в длину по Розваже улице къ реке Волхову 13 саженъ съ аршиномъ (32,96 м). Возле того дворъ новгородца Семена Скобельцына: въ длину 12 саженъ с аршиномъ (30,48 м), а поперегъ съ лица къ монастырю по проезжей улице 12 саженъ безъ четверти сажени (29,15 м). Дворъ старого Московского полку полковника Захарья Вестова черезъ проезжую улицу отъ монастыря въ 2 саженяхъ съ полуаршиномъ (5,32 м), а ото рву за 4 сажени (9,92 м); мерою съ лица 12 саженъ съ аршиномъ (30,48 м), длиною 12 саженъ (29,76 м). Съ нимъ смежно дворъ Артемона Маврина; по лицу 14 саженъ съ полусаженью (35,96 м); въ длину по Большой проезжей улице, что въ Неревской конец, 14 саженъ с аршиномъ (35,44 м)». «Отъ Артемона двора Маврина до рву 9 саженъ (22,32 м); а на средине того места часовня каменная длиною и поперегъ 3 сажени безъ аршина (6,72 м)». «...монастырь по лицу ото рву къ святымъ воротамъ 10 саженъ (24,8 м), а святые ворота шириною и съ стенами 4 сажени съ аршиномъ (10,64 м); отъ воротъ того жъ монастыря до каменныхъ келей, что подле трапезы, 10 саженъ (24,8 м); а отъ монастырской ограды каменные кельи до проезжей улицы Розважи мерою 5 саженъ (12,4 м). Итого ото рву до проезжие Розважи улицы 29 саженъ съ аршиномъ (72,64 м). По Розваже улице внизъ къ реке Волхову кельи, и трапеза, и церковъ, и олтарь мерою 20 саженъ (49,6 м); отъ олтаря до городовые стены ограды монастырской 18 саженъ (44,64 м). Итого 38 саженъ (94,24 м). От Розважи улицы подле городовые стены ко рву мерою 26 саженъ безъ чети сажени (63,87 м). Подле рву отъ городовые стены 27 саженъ с полусаженью (68,2 м)» [16, с. 6, 7].

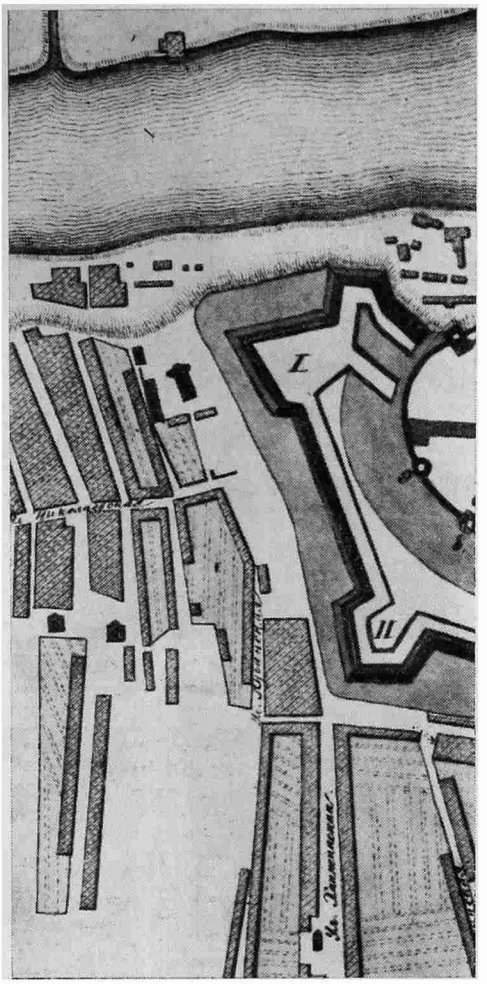


Рис. 4. Фрагмент плана Новгорода 1701 г.

Одновременно получают расшифровку развалы построек, выявленных С. Н. Орловым на месте Николо-Розважского монастыря. Постройка № 1 — Святые ворота с колокольней. Постройка № 2 — церковь Николая Чудотворца.

Ее расположение на восточной половине монастыря подтверждает как план 1695 г., так и опись Новгорода 1632 г.: «Монастырь Никольской на Розваже. А в нем церковь Николы чюдотворца каменая, стоит против земляного Меньшого валу, что от реки Волхова у самого рва» [21, с. 236].

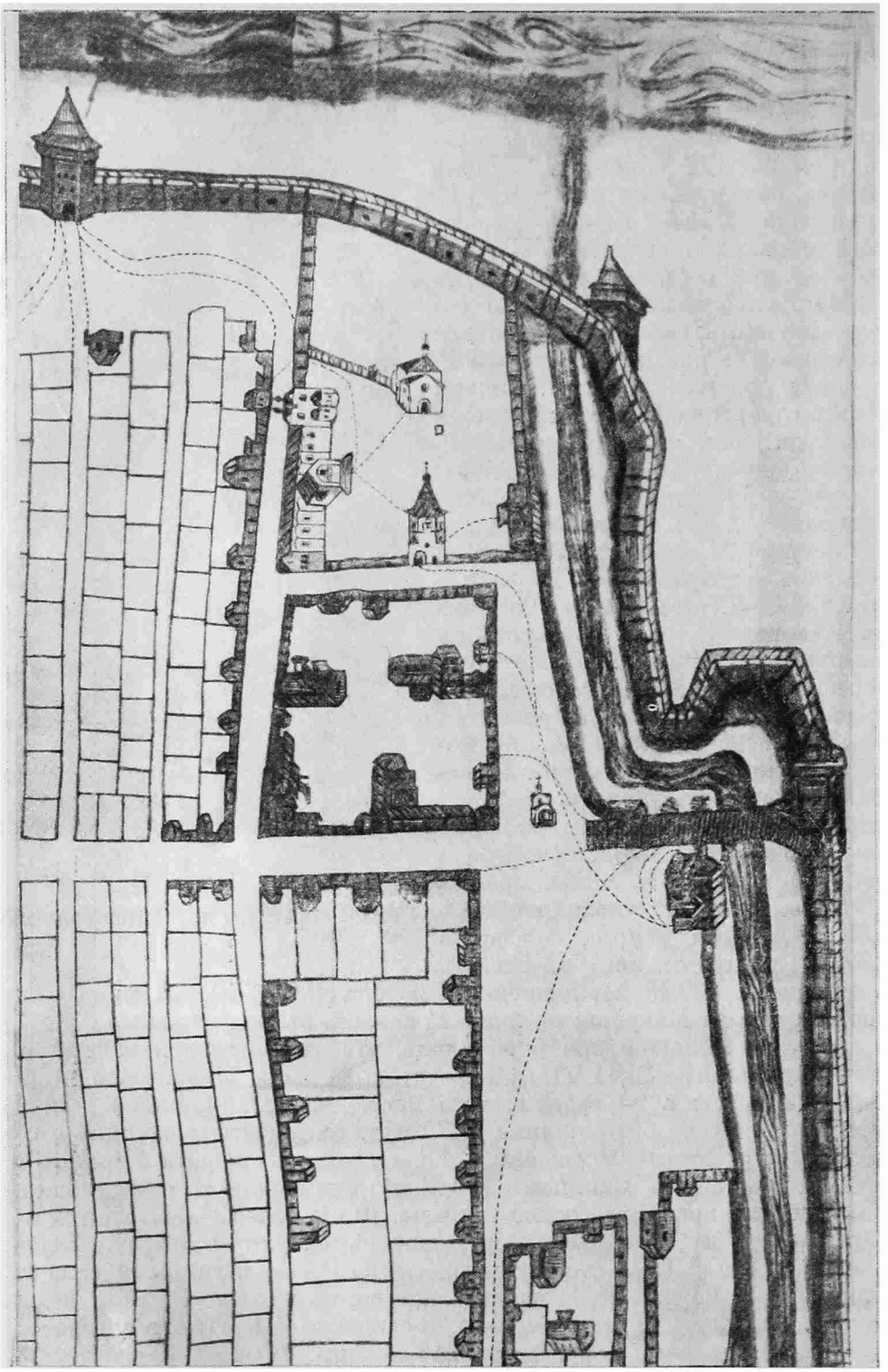


Рис. 5. План южной части Неревского конца 1695 г.

Как видим, все четыре двора и постройки Николо-Розважского монастыря на плане города прочно заняли свои места. О точности данной локализации свидетельствует и контрольная проверка расположения монастырских Святых ворот. Они оказались напротив двора полковника Захария Вестова. Напомним, что документы, приложенные к чертежу 1695 г., рассказывают о конфликте между монастырем и полковником. Монахи писали в жалобе, отправленной в Москву: «А ныне въ томъ дворе живетъ полковникъ Захарей Вестов; а на немъ напротив монастырскихъ святыхъ каменныхъ воротъ и на нихъ колокольни, въ которые

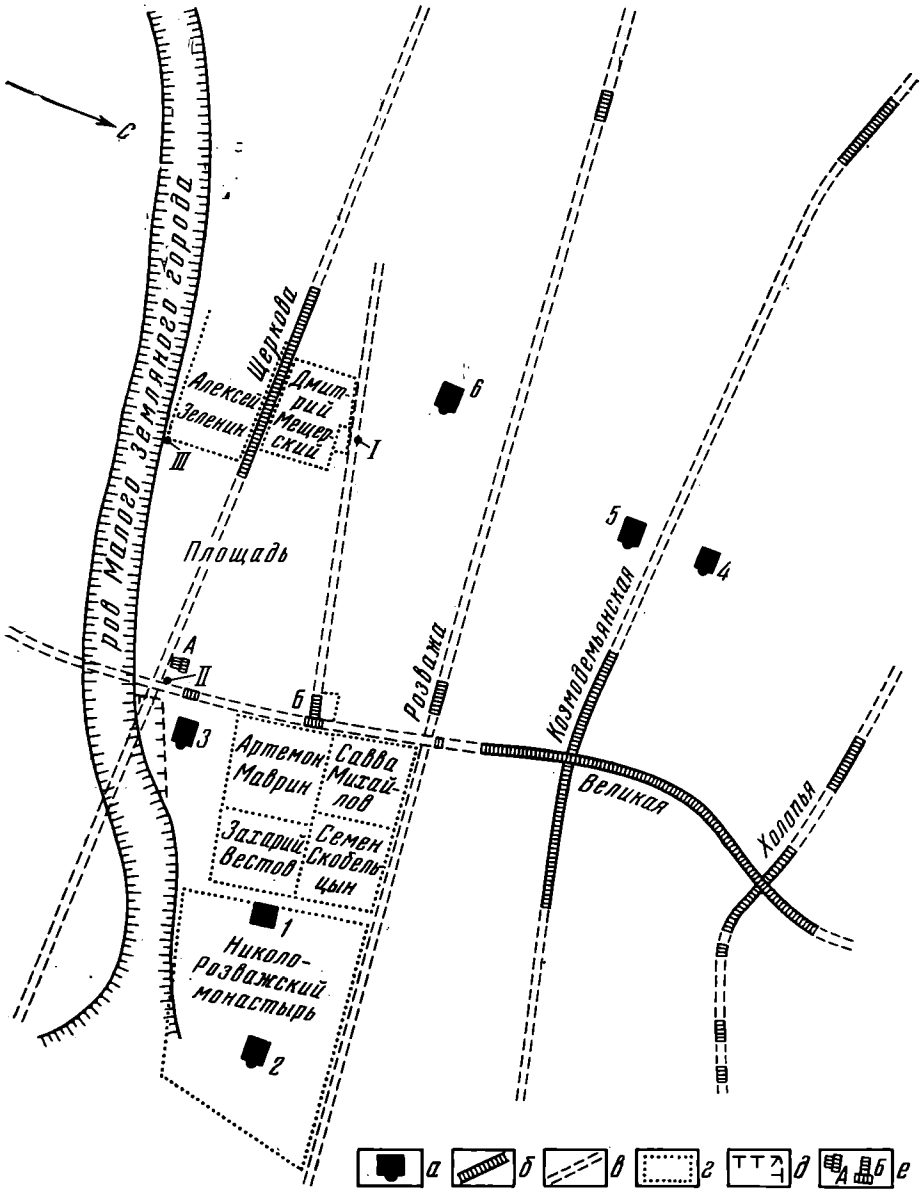


Рис. 6. План южной части Неревского конца XV—XVII вв. по данным археологии и письменных источников. Условные обозначения: *а* — каменные постройки, прослеженные археологически (*1* — Святые ворота Николо-Розважского монастыря; *2* — церковь Николая Чудотворца Николо-Розважского монастыря; *3* — часовня на месте церкви Сорока мучеников; *4* — церковь Саввы; *5* — церковь Козмы и Демьяна; *6* — церковь Спаса Преображения); *б* — фрагменты мостовых, прослеженных археологически; *в* — предполагаемая трасса мостовых, определенная по направлению выявленных настилов улиц; *г* — частокольная ограда; *д* — реконструируемая трасса изгиба рва Малого земляного города; *е* — шурфы А и Б. Римские цифры I, II, III — контрольные точки промеров площади

ворота на праздникъ великого святителя Николая Чюдотворца честнаго его рождества приходятъ в тотъ монастырь Новгороцкие митрополиты со святыми иконами, и со кресты, и со освященнымъ соборомъ, и со множествомъ народа грацкаго молитися по вся годы июля въ 29-мъ числе. **А противъ техъ воротъ черезъ переулок въ дву саженяхъ** (выделено мною.— *В. Б.*) стоитъ ево полковникова конюшня, а подле ее поварня, и ис тои поварни въ тотъ переулокъ мечютъ всякой худой соръ и льютъ воду, а ис конюшни конской пометъ ... И оттого намъ, богомолцомъ твоимъ, въ монастыре повреждение, а отъ мясного жаренья ис поварни отъ духовъ же соблазны, и отъ той же поварни и отъ бани и, отчево, боже сохрани, опасно тому монастырю и пожогу для того, что промежъ того монастыря и техъ хороминъ только переулокъ двусаженой...»

[16, с. 15, 18]. Попутно отметим, что благодаря этому конфликту и был «учинен чертеж» данного участка города. Монахи жаловались, что земля перед их монастырем ранее принадлежала протопопам Софийского собора, затем отнята подьячими и продана. Они напоминали о заслугах обители во время оккупации Новгорода шведами в 1611 г.

Таким образом, локализация четырех дворов и территории Николо-Розважского монастыря показывает, что при промерах в 1695 г. действительно применяли сажень, равную 248 см. Теперь остается провести промеры площади и установить ее границы. «А противъ съезжей избы площадь мерою отъ Артемонова двора Маврина до двора стрельца Фетки Федорова 44 (сажень, или 109,12 м — *В. Б.*)». Откладываем 109,12 м по трассе мостовой, открытой в шурфе Б, получаем точку I — рис. 6. «Отъ мосту мимо часовни и лавокъ до двора вдовой попадьи Овдотьи (двор попадьи находился напротив, к северу от шурфа Б; на плане 1695 г. он расположен напротив двора Артемона Маврина — *В. Б.*) по мере 22 сажени съ полусаженью (55,8 м)» — точка II. Мост, о котором идет речь, как видно из рисунка 1695 г., начинался у излома рва. Точка II приходится как раз на это место. «Подле рву подьячего отъ Алексеева двора Зеленина черезъ мостъ и проезжихъ воротъ 38 саженъ (94,24 м)» — точка III. Делаем контрольный промер между точками I и III, получаем 72 м. Расхождение с планом на 2,50 м: «... отъ Феткина двора черезъ улицу Ширкову до рву 28 (пропущено слово сажень, т. е. 69,44 м.— *В. Б.*)». На западной оконечности площади наносим контуры дворов князя Дмитрия Васильевича Мещерского и двор подьячего Алексея Зеленина, разъединенных Щерковой улицей: «Подле той площади противъ двора подьячего Алексея Зеленина черезъ проезжую улицу дворъ князь Дмитрея княжъ Васильева сына Мещерского; съ лица 10 саженъ съ полусаженью (26,04 м), длиною 14 саженъ (34,72 м), а въ тотъ дворъ вшелъ стрелецкий дворъ длинникомъ двумя безъ четверти (4,35 м), поперечникомъ пятью саженьми (12,4 м)».

Итак, данные археологии, графические и письменные источники с небольшими, вполне допустимыми расхождениями подтверждают наш вывод о том, что шурфы 1979 г. затронули площадь. Но самое главное — площадь не оказалась московским новообразованием, а продатировалась эпохой новгородской независимости. Нахождение площади напротив церкви Сорока мучеников (№ 3 по С. Н. Орлову), по-видимому, объясняет ее назначение. Из летописи известно, что рядом с этим храмом собиралось вече Неревского конца: «... и съзвониша вече у святого Николы ониполовице (жители Торговой стороны.— *В. Б.*) и чресъ нощъ, а Неревьскыи конецъ у святых 40, такоже копяще люди на Твердислава» [22, с. 259]. Следовательно, имеются основания полагать, что раскопки в Кремлевском парке 1979 г. затронули фрагменты кончанской площади, центра политической жизни Неревского конца. Причем обращает на себя внимание нахождение ее в пределах древнейшего ядра этого района Новгорода, которое в ходе наблюдений за мощностью культурного слоя локализовано на пространстве от детинца на юге до ул. Декабристов на севере, между линией ул. Комарова (ранее Тихвинская) на западе и линией Дмитриевской улицы на востоке [23, с. 231]. Дальнейшие исследования должны уточнить размеры площади эпохи Новгородской республики, продатировать ее древнейшие настилы. Вполне возможно, что габариты ее менялись во времени в связи с расширением состава веча.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическое изучение Новгорода. / Под ред. Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М.: Наука, 1978.
2. *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
3. *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М.: Наука, 1967.
4. *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 123.
5. *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— МИА, 1956, № 55.
6. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.

7. *Кушнир И. И.* К топографии древнего Новгорода.— СА, 1975, № 3.
8. *Орлов С. Н.* К топографии древнего Новгорода.— СА, 1961, № 4.
9. *Орлов С. Н.* К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода.— Уч. зап. НГПИ, т. 1, вып. 1, 1965.
10. *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X—XVI вв.— В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М.: Наука, 1964.
11. *Орлов С. Н.* Топография Новгорода Великого, ч. I—II. Докт. дис. Новгород, 1966. ГБЛ, Дд, 68—7/57.
12. *Полубояринова М. Д.* Раскопки церкви Саввы Освященного в Новгороде.— СА, 1965, № 1.
13. *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб., 1861.
14. *Янин В. Л.* Из истории ранних попыток перепланировки Новгорода в XVIII в.— В кн.: Русский город, вып. 2. М.: Изд-во МГУ, 1979.
15. *Воробьев А. В.* План Новгорода 1762 г.— НИС, 1959, вып. 9.
16. *Греков Б. Д.* План части Новгорода конца XVII века. Л., 1926.
17. *Горностаев И. И.* План Новгорода на иконе Знамения божьей матери в Новгородском Знаменском соборе.— Известия Археологического Общества. СПб., 1865, т. V.
18. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1975.
19. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... 1-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1965.
20. *Каменцева Е. И.* Историческая метрология. М., 1978.
21. *Воробьев А. В.* Некоторые сведения о топографии Новгорода по архивным документам XVII века.— НИС, 1961, вып. 10.
22. Новгородская первая летопись. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
23. *Ершевский Б. Д.* Археологические наблюдения в Новгороде в 1969—1974 гг.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.

V. A. Burov

THE VECHE SQUARE IN ANCIENT NOVGOROD

Summary

Two test holes (A and B) were made in 1979 in what is now the Kremlin park which revealed a wooden pavement of the 15th-18th centuries. According to 1695 Novgorod map it was part of a square at the Church of the Forty Martyrs, which served as the meeting place of the veche, the popular assemble of the Nerevsky district of Novgorod.

АЙБАБИН А. И.

О ПРОИЗВОДСТВЕ ПОЯСНЫХ НАБОРОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ХЕРСОНЕ

О производстве в раннесредневековом Херсоне (Херсонесе) деталей поясных наборов известно немного. Отчасти это объясняется тем, что до сих пор полностью не опубликованы материалы IV—IX вв., полученные в результате раскопок на территории города и городского некрополя. По мнению А. Л. Якобсона, поясные пряжки почти всех типов (за исключением крестовидных) ввозились в Херсон в V—VII вв. из метрополии [1, с. 281, 301]. По словам Д. Л. Талиса, в IV—VI вв. в Херсоне в большом количестве изготовлялись поясные пряжки, а во второй половине VI—IX вв. вследствие упадка металлообрабатывающего ремесла в городе прекратилось производство поясных украшений [2, с. 57, 62]. По сообщению В. И. Кадеева, химический состав найденных в Херсонесе остатков литейного производства (слитков и полуфабрикатов) и пряжек типа «Сиракузы» (рис. 1, *5*) идентичен. Он предположил, что упомянутые пряжки отливали в городских мастерских, начиная с позднеримского времени [3, с. 36, 37; 4, с. 60]. Однако пряжки типа «Сиракузы» вошли в моду на территории северопричерноморских владений Византии не ранее второй половины VII в. [5, с. 116, 118, табл. II, 29; *6*, с. 236]. Видимо, тогда же по византийским образцам их стали делать и в Херсоне. И. Вернер в двух своих статьях опубликовал фотографии отлитой из бронзы матрицы для изготовления поясных наконечников, обнаруженной в 1904 г. в Херсонесе [7, с. 59] и хранящейся в Эрмитаже. По его мнению, в Херсонес матрицу привезли в VII в. из Константинополя [8, с. 73, табл. 7, *2*; 9, с. 123, табл. IX, *1*]. Та же самая матрица очень кратко описана в каталоге выставки «Искусство Византии в собраниях СССР» [10, с. 121, № 171].

При изучении хранящихся в фондах Херсонесского музея и ГИМ вещей, найденных на территории Херсона, были выявлены бракованные пряжки и отлитые из бронзы матрицы, с помощью которых делали детали поясных наборов. Публикации этих материалов и более полному переизданию эрмитажной матрицы и посвящена данная работа [1].

Эрмитажная матрица (инв. № Х 100; рис. 1, *1*; 2) состоит из двух отлитых целиком частей: четырехугольного основания и рельефного выступа с килевидными концами. Длина основания 6,3, ширина 2,7, толщина 0,6 см; длина выступающей части 5,7, наибольшая ширина 2,1, толщина 0,3 см. Матрица украшена выполненными при отливке и подправленными резцом волнистыми линиями и треугольными, круглыми и имеющими форму запятой гнездами, скомпонованными в растительный узор с крестовидной фигурой в центре. На крестовинах изображены небольшие кустики, а по сторонам боковых крестовин — схематизированные пальметы. Матрица неоднократно использовалась в производстве. На это указывает сильная затертость на поверхности одного края матрицы. На оборотной стороне основания имеются глубокие царапины. Наконечники, изготовленные с помощью такой матрицы, нам не известны. О датировке матрицы и о происхождении образца, по которому ее отлили, можно судить по декору матрицы. Аналогичный кустик, но выполненный

[1] Выражаю свою признательность сотрудникам Эрмитажа, ГИМ и Херсонесского музея А. В. Банк, Н. В. Пятышевой, Л. Г. Колесниковой, Т. И. Костромичевой и А. В. Шевченко, а также В. Н. Даниленко за предоставленные материалы.

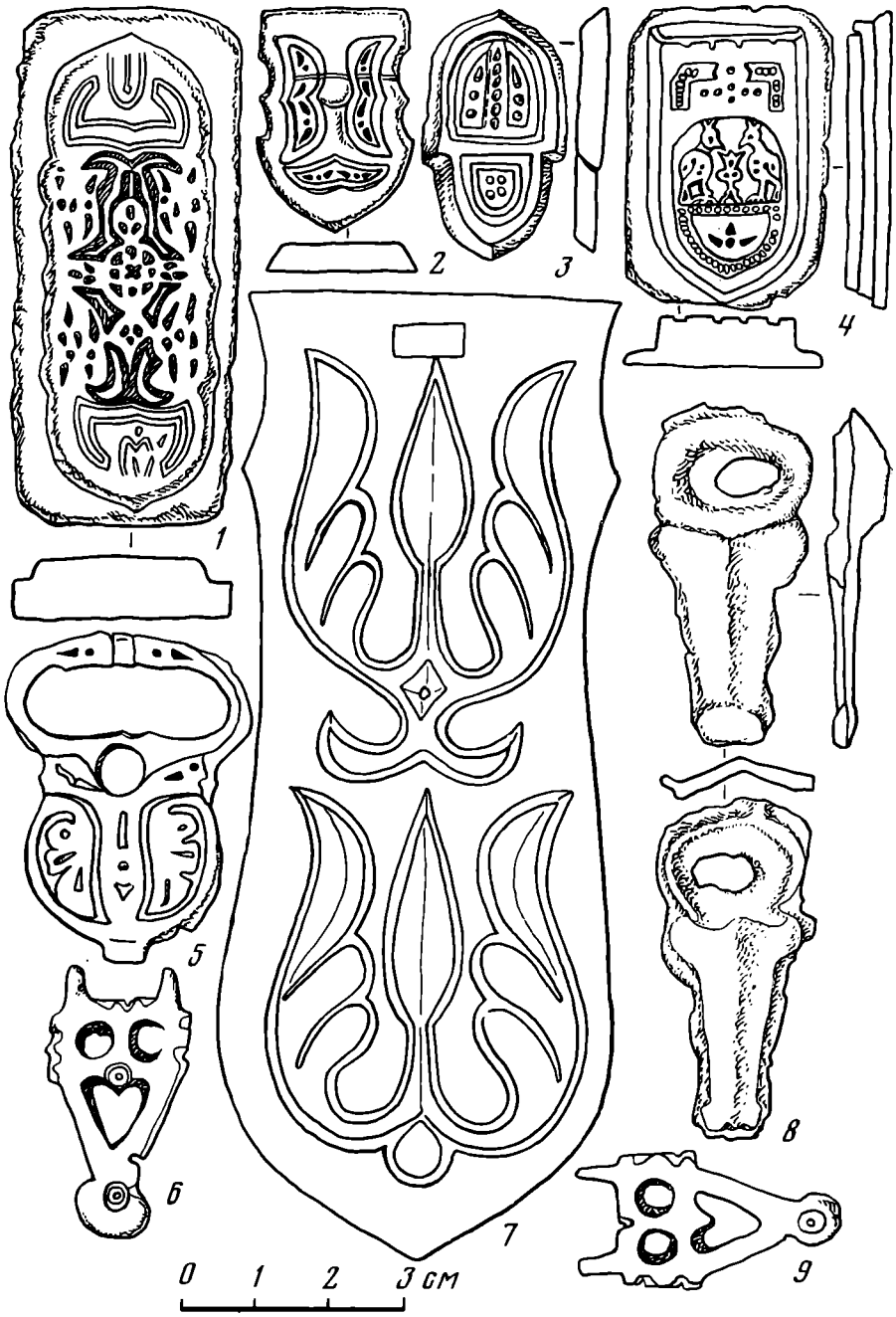


Рис. 1. Херсон — *1—6*, *8*, *9*; Перещепина — *7*

в технике глубокой гравировки, характерен для византийских золотых и серебряных поясных наборов конца VI—VII вв. [11, с. 186, табл. V, *5*; 9, табл. VIII, 6, C, с. 123, 125; 12, с. 31, рис. 4; 13, p. 41, 42, pL. XXXIV, B, C]. Пальметы с сопоставленными лепестками по форме и расположению лепестков близки пальметам, украшающим золотые наконечники ремней второй половины VII в. из Перещепина [14, с. 129, 130, т. VIII, 3] (рис. 1, *7*) и конца VI—VII вв. из Константинополя [13, с. 41, 42, табл. XXXIV, Д], бронзовые матрицы для изготовления поясных блях из погребения ювелира в Кунсентмартоне [8, с. 72, табл. 5, 10, 12]. Более реалистично исполненный вариант подобной пальметы выгравирован на золотом кресте VII в. из Кастел Трозино [9, с. 123, рис. 14, а]. Приведенные факты подтверждают вывод И. Вернера о том, что рассматриваемая матрица отлита в VII в. по византийскому образцу [8, с. 73].

Об условиях находки херсонской матрицы, хранящейся в ГИМе (инв. № 2358), ничего не известно. Она куплена для музея в 1891 г.

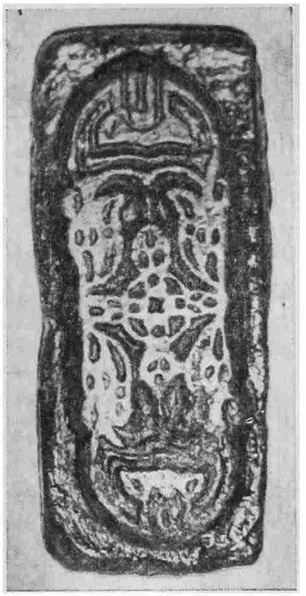


Рис. 2. Отлитая из бронзы матрица из Херсона, VII в.

Рис. 3. Отлитая из бронзы матрица из Херсона, VII в.

Рис. 4. Отлитая из бронзы матрица из Херсона, VII в.

Рис. 2

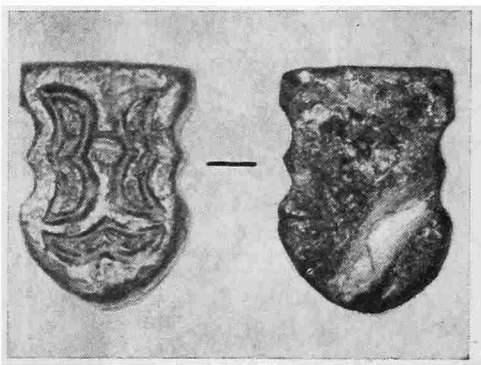


Рис. 3

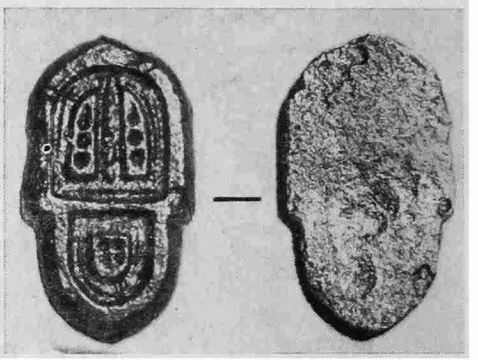


Рис. 4

Матрица служила для изготовления килевидного поясного наконечника с волнистыми боковыми сторонами (рис. 1, *2*; 3). Длина матрицы 2,7, ширина 1,9, толщина 0,5 см. Об использовании матрицы в производстве свидетельствует затертость на ее поверхности. Однако наконечники, сделанные с помощью данной матрицы, пока не найдены. По форме ей близок большой поясной наконечник из Малой Азии [15, с. 30, 68, табл. XXII, *1*]. Основной элемент декора публикуемой матрицы — выполненная при отливке рельефная З-образная фигура — применялся в орнаментации поясных бляшек, получивших распространение в Придунавье во второй половине VII в. [16, табл. 261, 6а, 7а; 17, табл. VI; 18, табл. IV; 1, *2*; 19, табл. XXXV, *7*, *8*, LIX, *1*; 20, с. 297, рис. 1, *49*. Аналогичный орнаментальный элемент имеется и на описанной выше эрмитажной матрице (рис. 1, *1*; 2), и на золотых бляшках из Кастел Трозино [21, рис. 64]. Видимо, рассматриваемая матрица датируется VII в.

В Херсонесском музее хранятся две матрицы. Одна из них в настоящее время лишена паспорта. Она предназначалась для изготовления бляшек, которые можно разделить на две килевидные части. Нижняя часть у́же и короче верхней (рис. 1, *3*; 4). Длина матрицы 3,3, ширина 1,9, толщина 0,5 см. При отливке верхнюю часть украсили двумя рельефными полусегментовидными фигурами с круглыми углублениями. Края матрицы повреждены. Ее лицевая поверхность слегка затерта, а на оборотной стороне видны небольшие выбоины. Вероятно, матрица использовалась в производстве. В Крыму не найдены бляшки, сделанные с помощью

этой матрицы. Литые матрицы, аналогичные по форме публикуемой херсонесской, обнаружены в погребениях ювелиров в Кунсентмартоне и в Фенлаке в Подунавье, которые обычно датируются VII в. [17, табл. IV; 22, с. 178, 179, обр. 222, 4; 8, с. 71, 72, табл. 5, 8, 10; 15, S. 30]. Еще одна подобная матрица хранится в Киевском историческом музее [23, рис. 7 б]. В архиве отсутствуют какие-либо данные об ее происхождении. Двухчастные килевидные поясные бляшки встречены в Подунавье в аварских погребениях (Новый Кнежевец, Кунагота, Фенекпуста, Игар, Деск, Яношхида, Чакберени) [15, табл. XXIII, *2*; 16, табл. 261, 6а; 22, с. 171, обр. 219, 7; 24, табл. LXIII, *9*, LXV, *4*, *5*; 25, t. XII *1*; 26, рис. 174, *4*; 27, с. 476, табл. XXII, *16—18*), на территории Византии (Константинополь, Акалан) [13, табл. XXXIV, B; 22, обр. 231], в Вознесенске [28, табл. III, *16*] и в могиле 118 в Суук-Су [29, рис. 126]. Упомянутые византийские поясные бляшки, равно как и большинство придунайских могил, содержащих однотипные бляшки, принято датировать концом VI — первой половиной VII в. [9, с. 121; 13, с. 41, 42; 19, с. 280, 288, 289; 15, с. 31; 22, с. 183; 25, с. 57; 30, с. 192]. Погребения в Фенекпусте Л. Баркоци отнес к первой половине VI в. [24, с. 305—311]. Третья находка в Игаре датируется концом VII в. [31, с. 232, 233]. А. К. Амброз, сопоставив инвентарь погребений I аварской группы (в нее входят и интересующие нас погребения в Кунсентмартоне, Фенлаке, Кунаготе и Новом Кнежевце) с материалами из Суук-Су, относит дату могил I аварской группы ко второй половине VII в. [32, с. 123; 33, с. 88, 90, 91]. Могильник Фенекпуста, по его мнению, в основном одновременен погребениям этой группы [35, с. 226]. Таким образом, приведенные датированные аналогии позволяют предположить, что данная херсонская матрица была отлита во второй половине VII в.

Вторая хранящаяся в Херсонесском музее матрица (рис. 1, *4*; инв. № 23/36687) была найдена в 1965 г. в портовом районе Херсона в помещении 35 в слое 4 (руководитель раскопок В. Н. Даниленко) [36, с. 195, рис. 141]. Матрица состоит из двух отлитых целиком частей: основания и рельефного выступа с килевидным краем. Длина основания 4, ширина 2,6, толщина 0,2 см; длина выступающей части 3,6, ширина 1,8, толщина 0,45 см. Матрица декорирована сделанными при отливке и подправленными резцом угловидными и овальными углублениями. В овальном медальоне выполнены две птицы (павлины?). Между птицами стоит ваза, из которой пьет одна из них. На поверхности матрицы видна затертость. Матрица использовалась для изготовления поясных наконечников. Поскольку она находилась в слое, содержавшем разновременные материалы и монеты IV, IX и X вв. [37, с. 31], то попытаемся датировать матрицу по аналогиям и ее декору. Близкая по форме и орнаменту (но без пластинчатого основания) матрица происходит из погребения ювелира в Адони [16, с. 291, 292, табл. 284, *11*; 38, табл. 82]. З. Вински отнес это погребение к первой половине VII в. [15, с. 30]. Изображения птиц, смотрящих на чашу или вазу или пьющих из одного из упомянутых сосудов, а в некоторых случаях клюющих кустик, имеются на византийской матрице первой половины VII в. из Адалии [9, с. 127, табл. IX, *2*], на поясных наконечниках начала VII в. из Сирии [13, с. 42, 43, табл. XXXV, *43*], на серьгах VII в. из Константинополя, Мерсина, Фенекпусты и хранящихся в собраниях Британского и Венгерского национального музеев [13, с. 68, 69, табл. XLVII, 87, 90; 16, табл. 281, *4*; 24, с. 255, табл. LV, *3*, *4*; 40, табл. V, *276*, *277*; 41, рис. 104, *6*, с. 293] и на рельефах V—VII вв. из Египта [10, с. 156; 42, с. 38]. Штампованные поясные бляшки и наконечники с подобным декором встречены в Подунавье в могилах 549 в Чико, 140 в Кернье и 53 в Кишкереш Похибью [16, табл. 238, *1—10*; 43, с. 44, табл. III, *23*, *24*, XXVI, *4*; 44, рис. 5, *2—8*]. Перечисленные бляшки и наконечники и рассматриваемую херсонскую матрицу следует датировать по имитациям серебряных византийских монет второй половины VII в. из могилы 53 в Кишкереш Похибью [44, с. 297, 301].

Публикуемые херсонские матрицы, так же как и придунайские и византийские, использовались для тиснения из тонких пластин из цветных металлов поясных бляшек и наконечников с рельефным орнаментом. Для облегчения снятия готовой вещи с матрицы боковые стороны последней сделаны наклонными. Для той же цели предназначены широкие основания у матриц из Херсона (рис. 1, *1*, *4*; 2) и Адалии. В технике тиснения сделаны многие происходящие из Подунавья однотипные бляшки. Бронзовые матрицы могли употреблять и для оттискивания отпечатка на глиняной форме, в которой отливали идентичные матрицы.

И. Вернер и Д. Ласло отмечали, что в каждом раскопанном в Придунавье погребении ювелира содержался своеобразный набор матриц, отлитых по деталям византийских, аварских и германских поясных наборов. По мнению И. Вернера и Д. Ласло, владельцами таких наборов матриц были странствующие ювелиры, старавшиеся сбыть свою продукцию в различных регионах [8, с. 71—74; 38, с. 76]. Быть может, образцы, по которым отлиты херсонские матрицы, или сами матрицы попали в Херсон со странствующими ювелирами.

В Херсоне найдены две створки литейных форм [1, рис. 178, *4*, *5*, с. 328], вырезанные из местного известняка. В процессе использования лицевая поверхность форм покрылась розовой патиной. В одной форме отливали прямоугольные пряжки, а в другой — пряжки, близкие по форме салтовским пряжкам III типа [6, с. 231, рис. 2, *20*] (рис. 5, *1*, *2*). Прямоугольные пряжки встречены в Подунавье в погребениях второй половины VII—VIII вв. [31, табл. XXXV, 59, с. 154, 155, 188; 45, рис. 9, 128, 1, с. 148—150; 46, рис. 3, 9, 1, с. 233, 235, 236; 26, рис. 140, *1*; 190, *3*; 47, рис. 5, *41*, *2*, *8*, *90*, *1*, 13, *168*, *1*, с. 108—110; 48, табл. LXII, А, *4*, с. 145, 153, 154] и в Поднепровье в новосенжарском погребении второй половины VII в. [49, рис. 2, *1*].

В фондах Херсонесского музея хранятся найденные во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича бронзовые бракованные пряжки. У цельнолитой пряжки с овальным выпуклым в сечении кольцом и трапециевидным щитком при отливке испортили отверстие кольца и не получились отверстия для язычка, полукруглые выступы в месте перехода щитка в кольцо и завершение щитка (рис. 1, 8). По конструкции и форме эту пряжку следует включить в большую группу цельнолитых пряжек с выпуклым в сечении кольцом. По форме кольца пряжки делятся на два варианта (овальные и В-образные), по форме щитка на шесть вариантов (прямоугольные, с вогнутыми сторонами, с овальной тыльной стороной, треугольные, трапециевидные и овальные). Пряжки с трапециевидным щитком по форме его завершения делятся на три варианта (раздвоенное, полукруглое и кольцевидное). Многие пряжки данного типа обтянуты золотой фольгой. В археологической литературе высказываются противоречивые мнения о датировке некоторых групп цельнолитых пряжек [32, с. 115, 116, табл. III, *54*, рис. 10, *1—5*; 50, с. 35—37, рис. 1, *11*, *12*; 51, с. 63, рис. 1, *28*, *29*, *31*; 52, с. 21, рис. 1, *62*, *63*; 53, с. 100, рис. Бирск. В, *1*, *2*). В настоящей работе рассматривается хронология цельнолитых пряжек только тех вариантов, к которым можно отнести публикуемую пряжку из Херсона. Эту пряжку должны были отлить со щитком, либо с полукруглым, либо с раздвоенным завершением (рис. 1, *8*). Цельнолитые пряжки с овальным кольцом и щитком с полукруглым завершением обнаружены в Подболотье [54, табл. XII, *6*] и на территории Веслянского I могильника в могиле 14 с вещами, бытовавшими в VI в. (по Э. А. Савельевой) или в конце VI—VII в. (по Р. Д. Голдиной) [55, с. 93, 96, рис. 1, *8*; 56, рис. 1, *68*, *224*]. Пряжка с овальным кольцом и щитком с раздвоенным завершением (рис. 5, *6*) извлечена из погребения всадника, разрушенного у высоты «Сахарная Головка» [57, с. *187*, *188*, рис. 11]. Датировку названного погребения попытаемся определить по находившемуся там инвентарю. Удила с двойными кольцами на концах (рис. 5, *7*) по форме близки найденным вместе с поясными пряжками и бляшками второй половины VII в. в могилах 88 (Бирск) и 17 Петропавловский могильник [5, с. 113,

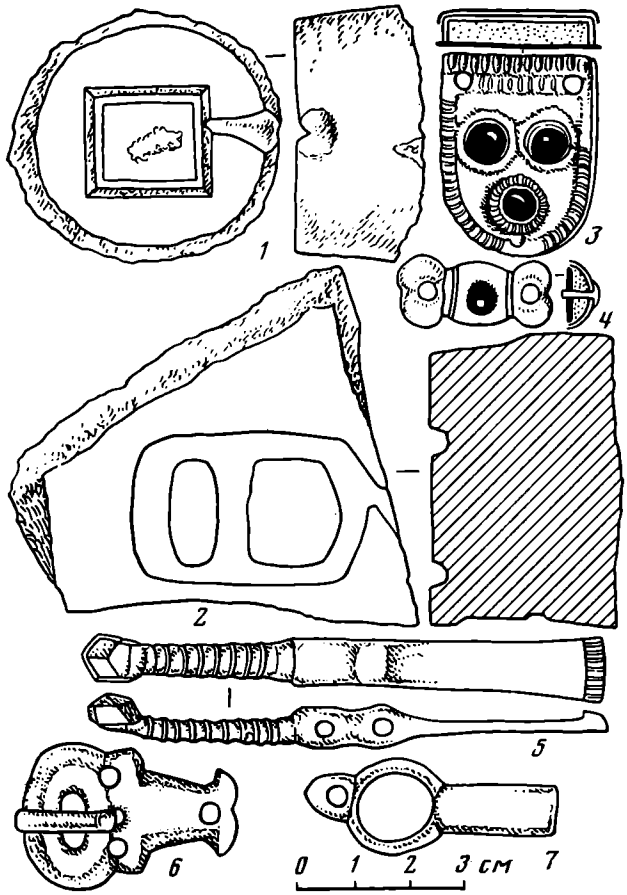


Рис. 5. Херсон — *1*, *2*; Сахарная Головка — *3—7*

табл. III, *51*, *52*, *61*; 58, рис. 29, *1—4*, *6*, с. 97; 59, с. 20, 43, 44, 46, табл. II, *2*, *5*, *17*; III, *6*, *9—12*, *14—16*, *18*, *19*; VII, *8*] и с костяной обкладкой луки седла VII в. в конском захоронении 11 в Дюрсо [33, с. 97, рис, 2, *23*; 60, с. 218, 219, рис. 3, *23*, 4, *5—8*; 61, табл. XXI, *6*, *7*]. Псалии с многогранной головкой, двумя отверстиями в средней утолщенной части и с расширенной нижней частью (рис. 5, *5*) подобны псалиям, обнаруженным в могиле 4 (в Кудырге) вместе с поясными бляшками первой половины VIII в. [20, рис. 1, *82*; 62, табл. X, *9*, *14—20*]. Аналогичные изделия найдены в могиле в Кисловодской котловине, содержавшей кости трех скелетов и вещи V — первой половины VI в. [62, рис. 3, *1—18*; 4, *5*, с. 263—265; 63, рис. 1, *41*, с. 43, 45], а также в конских захоронениях 3 и 4 (на р. Дюрсо). Псалии из захоронения 3 были вставлены в двухкольчатые удила описанного выше типа [60, рис. 2, *5*, с. 212], которые, вероятно, вошли в употребление не ранее второй половины VII в. Захоронение коня 4, по мнению А. В. Дмитриева, связано с погребением V в. [60, рис. 3, *16*; 7, с. 213, 214, 221—223]. Видимо, псалии интересующего нас типа бытовали весьма длительное время в V—VIII вв. В. В. Борисова полагает, что деталями конской сбруи являлись и происходившие из рассматриваемого погребения штампованные из тонкой бронзовой пластины и обтянутые золотой фольгой бляхи [57, рис. 11, с. 189]. В середине они были заполнены пастой. Все бляхи имели основание из тонкой пластины. К ремню бляхи крепились с помощью заклепок. Четыре трехчастные бляхи (рис. 5, *4*) декорированы одной вставкой зеленого стекла, а две продолговатые (рис. 5, *3*) — тремя вставками зеленого стекла. Бляхи, подобные трехчастным, имеются среди инвентаря упоминавшейся выше кисловодской катакомбы [62, с. 264, рис. 3, *8*). В Одесском археологическом музее хранятся две бляхи (якобы происходящие из Керчи), полностью аналогичные продолговатым бляхам из погребения у высоты «Сахарная Голов-

ка»[2] [64, с. 488, 489, табл. 269а]. По технике изготовления, конструкции и форме этим бляхам близки и некоторые накладки на сбруйные ремни из состава перещепинского комплекса второй половины VII в. [65, рис. 52]. Судя по датировке блях и удил, погребение всадника у высоты «Сахарная Головка» можно отнести ко второй половине VII в. Видимо, в Херсоне однотипные пряжки отливали тогда же.

На щитке другой пряжки из фондов Херсонесского музея (типа «Коринф») при отливке не получилось круглое отверстие (рис. 1, *б*). Еще одна пряжка типа «Коринф» с подобным дефектом найдена в Скалистом в склепе 129 с салтовской серьгой. Очевидно, обе пряжки изготовлены в херсонской мастерской во второй половине VIII—IX в.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основание говорить о производстве в Херсоне в VII в. деталей византийских поясных наборов, во второй половине VII в. пряжек типа «Сиракузы» и цельнолитых пряжек с овальным кольцом и трапециевидным щитком, во второй половине VII—VIII в. прямоугольных пряжек (по придунайскому образцу), а во второй половине VIII—IX в. пряжек типа «Коринф» и близких салтовским III типа. Приведенные факты свидетельствуют о сохранении в VII—VIII вв. контактов Херсона с Византией и Придунавьем.

Сейчас довольно сложно определить местонахождение городских ювелирных мастерских. Во время раскопок Р. Х. Лепера в 1910—1912 гг. в северо-восточной части Херсона, в III квартале, в помещениях XI и 26, обнаружили форму для отливки металлических вещей (в фондах музея не сохранилась), тигли и шлаки. Однако стратиграфия заполнения обоих помещений, содержавшего такой разновременный материал, как фрагменты чернолаковых, краснолаковых и поливных сосудов, в ходе раскопок не изучалась [66; 67, с. 88—96]. Поэтому уже невозможно выяснить датировку мастерских, функционировавших в упомянутых помещениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63.
2. *Талис Д. Л.* Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья.— ВВ. 1961, т. XVIII.
3. *Кадеев В. И.* Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса.— СХМ. 1963, вып. III.
4. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1970.
5. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. 1.— СА, 1971, № 2.
6. *Айбабин А. И.* Салтовские поясные наборы из Крыма — СА, 1977, № 1.
7. ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
8. *Werner J.* Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten.— In: Antikvariskt Arkiv, 1970, t. 38.
9. *Werner J.* Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden.— In: Atti del convegno internazionale sul tema: La civilta dei Longobardi in Europa. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei, 1974.
10. *Банк А. В., Бессонова М. В.* Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки, М.: Искусство. 1977.
11. *Werner J.* Zwei byzantinische Pektoralkreuze aus Ägypten.— In: Seminarium Kondakovianum. t. I. Prague, 1936.
12. *Ross M. C.* A small Byzantine treasure found at Antioch-On-The – Orontes.– Archaeology, 1952, № 1.
13. *Ross M. C.* Catalogue of the Byzantine and early medieval antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. V. II. Washington, 1965.
14. *Мацулевич Л. А.* Большая пряжка перещепинского клада и псевдопряжки.— Seminarium Kondakovianum, t. I. Прага, 1927.
15. *Vinski Z.* Kasnoantički strosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata.— In: Vjesnik za arheologÿu i historÿu dalmatinsku, LXIX/1967. Split. 1974.
16. *Hampel J.* Althümer des frühen Mittelatters in Ungarn. B. II, III. Braunschweig, 1905.
17. *Fettich N.* Das Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn.— AH, 1926, t. I.
18. *Marosi A., Fettich N.* Trouvaittes avares de Dunapentele.— AH, 1936, t. XVIII.

[2] Фонды ОАМ, инв. № 43793/1-2.

19. *László G.* Etudes Archéologiques sur L'histoire de La société des avars.— AH, 1955, t. XXXIV.
20. *Амброз А. К.*— СА, 1973, № 2.— Рец. на кн.: *Erdélyi J., Oitozi Gening W.* Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969.
21. *Venturi A.* Storia dell'arte Italia. T. II. Milano, 1902.
22. *Мавродиновъ Н.* Прабългарската художествена индустрия.— В кн.: Мадара. Кн. II. София, 1936.
23. *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, XVII.
24. *Barkocri L.* A 6th century cemetery from kesthely — Fenékpusta.— AAH, 1968, t. XX, fasc. 1—4.
25. *Edrélyi J.* A jánoshidai avar Kori temetö.— Régészeti füzetek. Ser. II — 1. szám. Magyar Nemzeti Múzeum, Történeti múzeum, 1958.
26. *Fettich N.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Pilismarót — Basahac. Budapest, 1965.
27. *Csallány D.* Der awarische Gürtel.— AAH, 1962, t. XIV, fasc. 3—4.
28. *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенскі на Запоріжжі.— Археологія, 1950, т. III.
29. *Репников Н. И.* Некоторые могильники области Крымских готов.— ЗООИД, 1907, т. XXVII.
30. *Kovrig J.* Contribution au problème de l'occupation de la Hongrie par les avars.— AAH, 1955, t. VI.
31. *Kovrig J.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alatlyán.— AH. 1963, t. XL.
32. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, ч. 2 — СА, 1971, № 3.
33. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
34. *Амброз А. К.*— СА, 1973, № 4.— Рец. на кн.: Salamon A., Erdélyi J. Das völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest, 1977.
35. *Кропоткин В. В.* Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей.— In: Berichte über den II. Internationalen Kongress für Slawische Archäologie. Berlin, 1973, B. III.
36. Отчет объединенной экспедиции о раскопках в Херсонесе в 1965.— Архив ХМ, д. 1189.
37. *Гилевич А. М.* Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965—1966 гг.— АДСВ, 1973.
38. *László G.* The art of the Migration Period. Budapest, 1974.
39. *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1896.
40. *Dalton O. M.* Catalogue of early christian antiquities and objects from Christian East in the Britisch Museum. London, 1901.
41. *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.— М.: Советский художник, 1966.
42. *Быстрикова М.* Коптский рельеф V—VI веков.— СГЭ, 1976, вып. XI.
43. *Salamon A., Erdélyi J.* Das völkereanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest, 1971.
44. *Török G.* The kisköros Pohibuj — Mackó — Dülö cemetery.— In: Avarfinds in the Hungarian National Museum. Budapest, 1975.
45. *Kovrig J.* The Dévaványa cemetery.— In: Avar finds in the Hungarian National Museum, Budapest, 1975.
46. *Kovrig J.* The Tiszaderzs cemetery.— In: Avar finds... .
47. *Garam E.* The Szebény I—III cemetery.— In: Avar finds... .
48. *Kiss A.* Avar cemeteries in County Baranya. Budapest, 1977.
49. *Смиленко А. Т.* Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
50. *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1968, № 10.
51. *Засецкая И. П.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи.— СА. 1978, № 1.
52. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV веках. М.: Наука, 1977.
53. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.— КСИА АН СССР, № 158.
54. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, вып. Е1—2, М., 1979.
55. *Савельева Э. А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника.— КСИА АН СССР, 1979, № 158.
56. *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье.— КСИА АН СССР, 1979, № 158.
57. *Борисова В. В.* Могильник у высоты «Сахарная Головка».— ХСб., 1959, V.
58. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
59. *Семенов В. А.* Петропавловский могильник.— В кн.: Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
60. *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.— СА, 1979, № 4.
61. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.: Наука, 1965.
62. *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.— СА, 1976, № 3.

63. *Афанасьев Г. Е.* Хронология могильника Мокрая Балка.— КСИА АН СССР, 1979, № 158.
64. *Pósta B.* Archaeologische studien auf Russischem Boden. Budapest — Leipzig, 1905, Bd. II.
65. *Бобринский А. А.* Перещепинский клад.— МАР, 1914, 34.
66. *Лепер Р. Х.* Опись находок 1921 г. Архив ХМ, д. 104, № 1959.
67. *Лепер Р. Х.* Третий квартал северо-восточной части Херсонеса.— ХСб., 1931, III.

A. I. Aibabin

THE PRODUCTION OF BELT ORNAMENTS IN EARLY MIDDLE-AGES CHERSON

Summary

Reproduced here are four bronze stamping-moulds (Figs. 1, *1-4*; *2-4*); defective belt ornaments (Fig. 1, *6*, *8*, *9*), and two bronze moulds (Fig. 5, *1*; *2*) from the Chersonese Museum, the Hermitage and the State Historical Museum in Moscow. All these objects were found on the territory of ancient Chersonese in Sevastopol. The stamping-moulds were made in the 7th century on Byzantine patterns and were used for stamping belt ornaments out of thin plates of non-ferrous metals (Fig. 1, *1-4*; *2-4*). Available materials suggest that in the second half of the 7th century belt-buckles of the Syracuse type (Fig. 1, *5*) and trapeze unitcast buckles (Figs. 1, *8*; 5, *6*) were produced in Chersonese, while rectangular buckles (Fig. 5, *1*) were typical of the second half of the 7th and the 8th century; buckles of the Corinth type (Fig. 1, *6*, *9*) and of the Saltovo-III type belonged to the second half of the 8th and the 9th centuries. These finds testify to contacts with Byzantium and the Danube region throughout the 7th-8th centuries.

ИВАНОВ В. А.

ГОРОДИЩЕ ПЕТЕР-ТАУ (ЮЛДАШЕВСКОЕ)

В литературе памятник известен с конца XIX в. после публикации Ф. Д. Нефедовым результатов его небольших раскопок в 1893—1894 гг. [1, с. 52]. Позднее в разные годы на городище экспедициями Уральского (В. Ф. Генинг), Башкирского (С. М. Васюткин, В. С. Горбунов) университетов и Башкирского филиала АН СССР (Б. Б. Агеев, А. Х. Пшеничнюк, В. А. Иванов) было заложено несколько шурфов и раскопов и собрана значительная коллекция керамики, позволившая исследователям интерпретировать его как памятник ананьинско-пьяноборско-бахмутинского времени [2, с. 16; 3]. Однако полной публикации всех материалов городища, кроме его выходных данных и результатов исследования вала цитадели [4, № 81; 5, № 12; 6, 3 рис. 4, *2*], до сих пор нет. Это обстоятельство и побудило автора собрать и ввести в научный оборот весь известный на сегодняшний день материал по городищу Петер-Тау, тем более что, как показали наши полевые наблюдения 1978 г., к настоящему времени 40% территории памятника разрушено карьером для добычи гравия и дальнейшие широкие исследования на нем едва ли целесообразны.

Городище расположено в 2,5—3 км к СЗ от с. Юлдашево Илишевского р-на БАССР, в устье р. Сюнь, на высоком (до 50 м) мысу под названием Бурун, или Петер-Тау (рис. 1). С напольной стороны городище было укреплено двойной системой валов и рвов, а северо-западная оконечность мыса окружена кольцевым валом, образующим цитадель.

В настоящее время вторая (со стороны поля) линия укреплений полностью снесена карьером, северный край которого задел и внешний склон вала цитадели (рис. 1). Кроме того, во время работ по поднятию проходящей по юго-восточному краю городища проселочной дороги, был серьезно потревожен культурный слой по обеим сторонам дороги и снесена часть (10 м) внешнего вала. За 6 лет раскопок (1969 — Б. Б. Агеев; 1970 — А. Х. Пшеничнюк; 1972 — С. М. Васюткин; 1971, 1974, 1978 — В. А. Иванов) на городище было вскрыто 450 м² площади и исследованы внешний вал и кольцевой вал цитадели (В. А. Иванов).

Разрез кольцевого вала цитадели выявил две разновременные насыпи. Малая, ранняя насыпь возведена непосредственно на древней почве и состоит из рыхлого черного гумуса, а сверху усилена гравием и тонким слоем прокаленной глины. Следов рва перед ранним валом не обнаружено. В основании вала выявлены три канавки, идущие параллельно вдоль насыпи; вероятно, это следы полностью истлевших бревен, некогда составлявших фундамент вала [3, рис. 4, *2*]. Перекрывающая раннюю более мощная насыпь, явно бахмутинского времени, состоит из культурного слоя, насыщенного золой, костями и фрагментами керамики пьяноборского (чегандинского) типа.

В 1978 г. нами был исследован внешний, самый большой вал городища.

Разрез вала производился методом послойного вскрытия его насыпи на участке шириной в 2 м. Стратиграфия вала показывает, что насыпь возводилась в несколько приемов. Первоначально на древней почве, мощность которой 20—50 см, была сооружена небольшая насыпь шириной по основанию 8,5 м, высотой 1,3 м, состоящая из черного гумуса мощностью до 50 см, перекрытого сверху слоем гумуса с обильными вкраплениями красной глины. Ширина этого слоя 6,5 м, мощность до 70 см.

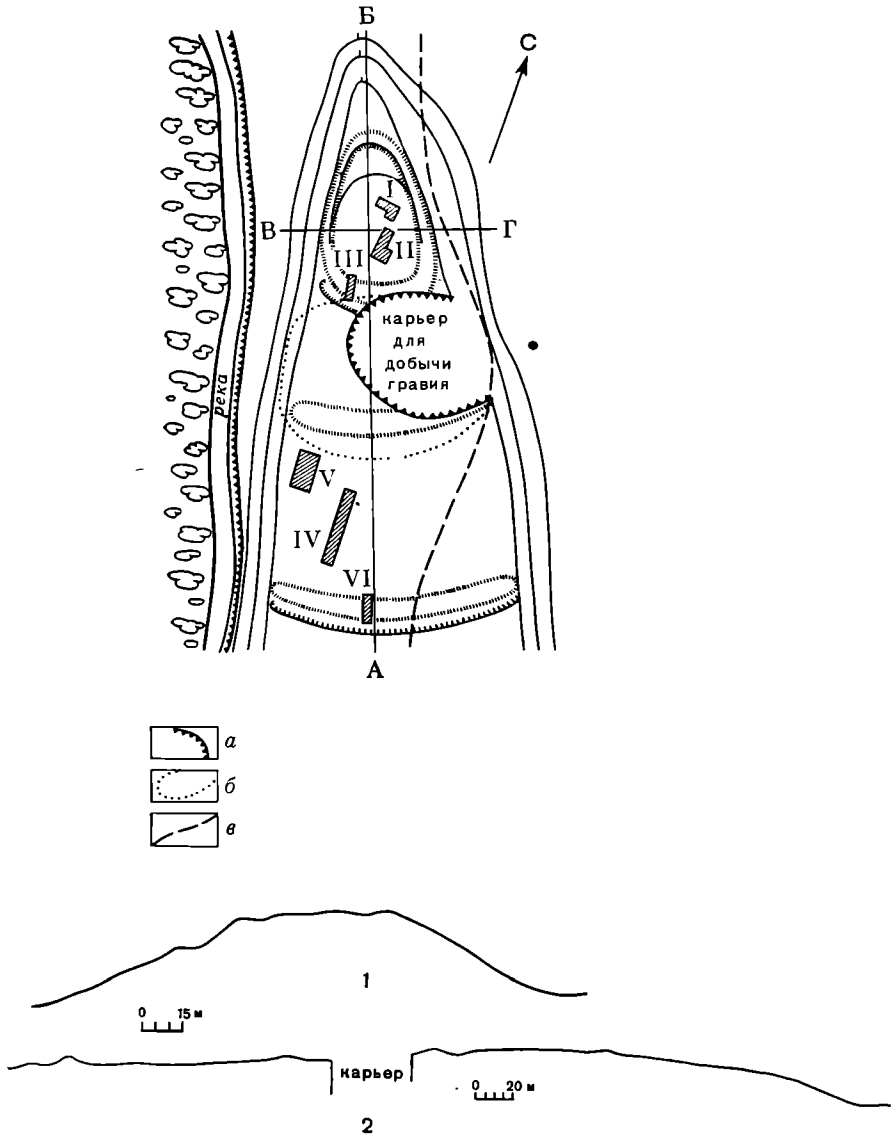


Рис. 1. План городища Петер-Тау и сечение по линиям А-Б (*2*) и В-Г (*1*). *а* — граница карьера в 1971 г.; *б* — граница карьера в 1978 г.; *в* — проселочная дорога. I — раскоп С. М. Васюткина, II, III, V, VI — В. А. Иванова, IV — А. Х. Пшеничнюка

Внешний склон насыпи был засыпан слоем чистого гравия шириной 4,5 м и мощностью от 20 см на вершине вала до 1 м у его основания (рис. 2). Затем сверху эта насыпь была перекрыта мощным слоем гумуса, содержащего гравий и немногочисленные культурные остатки. По внешнему склону этой насыпи на глубине 85 см от современной поверхности прослеживается полоса погребенного древнего дерна темно-серого цвета. Мощность дернового слоя 10—15 см, и прослеживается он от подножия до вершины вала. На этом же уровне по внутреннему склону насыпи выявлены остатки жердей или бревен в виде горизонтальных полос угля (рис. 2, *а*). Позже насыпь вала была перекрыта еще одним слоем гумуса, содержащего гравий и культурные остатки. Ширина всей насыпи по основанию 15,5 м, высота от уровня материка 3 м (рис. 2). В целом складывается впечатление, что вначале насыпь вала сооружалась из стерильного грунта, взятого при рытье рва и с окружающей поверхности, а позже была дополнена грунтом, содержащим керамику и кости животных, взятых с площадки городища.

В результате исследования укреплений городища Петер-Тау история их сооружения представляется следующим образом: ранняя насыпь вала цитадели была возведена не позже конца ананьинской эпохи с конструк-

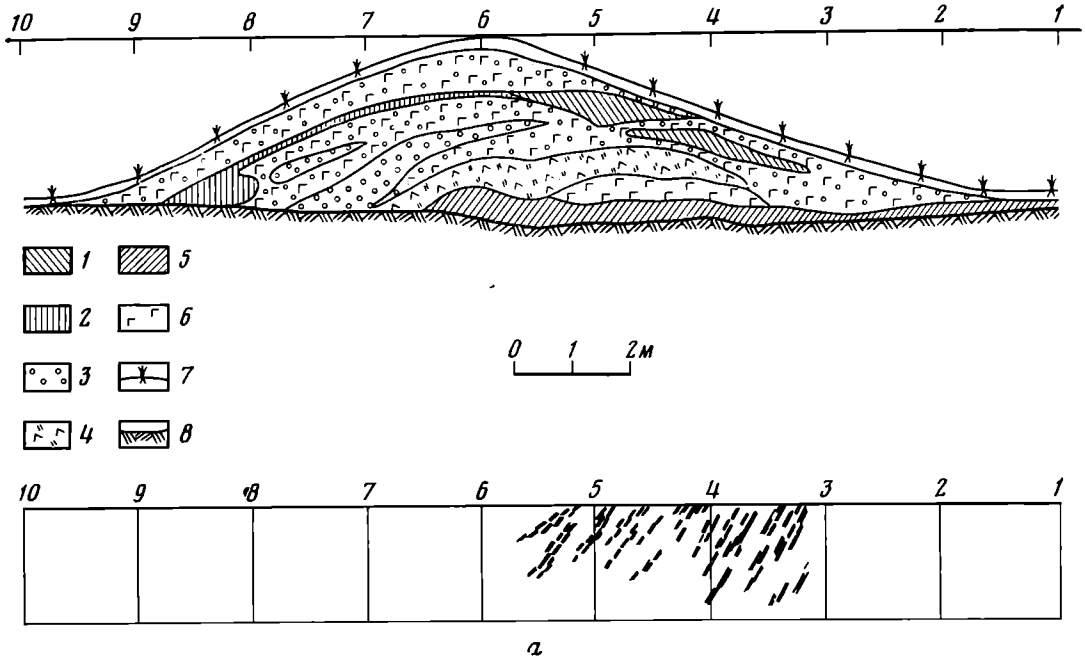


Рис. 2. Профиль внешнего вала городища Петер-Тау. *1* — древесный уголь; *2* — погребенный дерновый слой; *3* — гравий; *4* — глина; *5* — погребенная древняя почва; *6* — гумус; *7* — дерн; *8* — материк (глина, гравий). *а* — расположение остатков жердей в насыпи вала

тивными приемами, характерными для позднеананьинского населения Нижней Белой (дерево в основании вала и линза прокаленной глины по вершине). На это же указывает и тот факт, что основная масса позднеананьинской керамики городища собрана на дне карьера, разрушившего, как уже указывалось выше, внешний склон вала цитадели.

В пьяноборскую эпоху из стерильного гумуса и глины была сооружена ранняя насыпь внешнего вала, небольшая по размерам и не имевшая рва перед собой.

И, наконец, уже бахмутинское население городища усилило мощной подсыпкой из культурного слоя, оставшегося после пьяноборцев, вал цитадели и внешний вал. Собственно, тогда же северный конец мыса и был опоясан кольцевым валом [3, с. 174], а внутренний склон внешнего вала укреплен деревом.

Стратиграфия культурного слоя городища весьма проста: в раскопе V, разбитом между первой и второй линиями валов (рис. 1) под слоем дерна, достигающего мощности 20 см, покоится слой черного гумуса с культурными остатками и включениями гравия, мощность его 20—40 см. В северо-западной части раскопа под слоем гумуса прослеживается слой серого спрессованного песка мощностью от 5 до 25 см. Материк — желтая глина (рис. 3). На территории цитадели стратиграфия еще проще: дерн, гумус с чрезвычайно редкими культурными остатками и материк (гравий). Общая мощность культурного слоя на цитадели 20—25 см (С. М. Васюткин, 1972 г.).

В раскопке V (В. А. Иванов, 1978 г.) обнаружены следы пяти кострищ (три — на уровне первого штыка и два — на уровне третьего) и четыре хозяйственных ямы (рис. 3).

Кострища представляют собой пятна прокаленной почвы красного цвета с зольными или угольными вкраплениями, круглой или овальной формы, мощностью от 5 до 15 см.

Очертания хозяйственных ям выявлены при зачистке материка. Ямы несколько необычной формы: овальной (яма № 1) или подпрямоугольной, с закругленными углами (ямы № 2, 3) (рис. 3). Яма № 1, 132×72 см, углублена в материк на 30 см. Стенки вертикальные, дно ровное. Заполнена гумусом с небольшими вкраплениями угля. На дне ямы в противоположных ее концах обнаружены развалы двух сосудов.

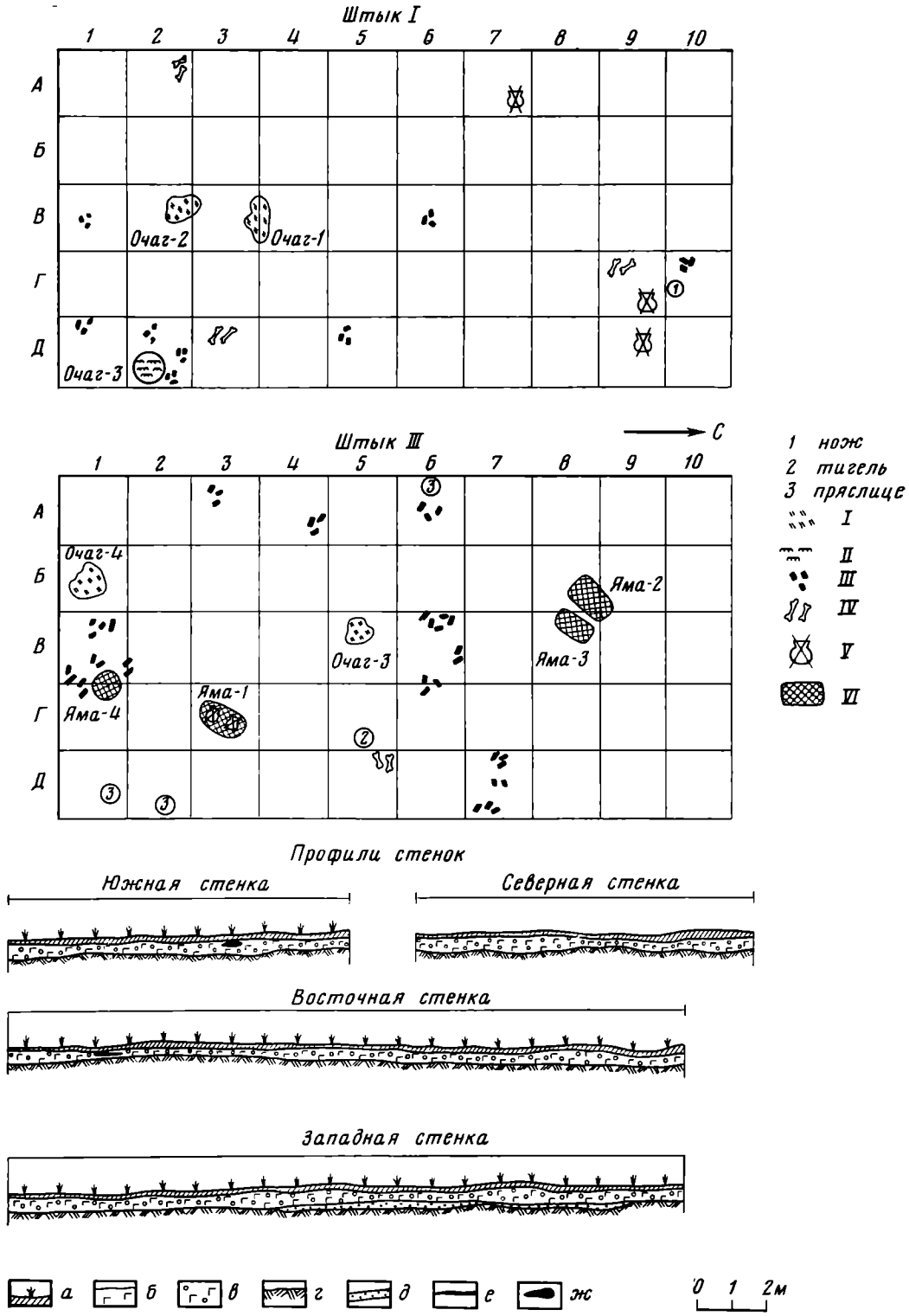


Рис. 3. План и профиль раскопа 1978 г. I — очажное пятно; II — зола; III — уголь; IV — скопление костей; V — развал сосуда; VI — заполнение ям. *а* — дерн; *б* — гумус; *в* — гумус с гравием; *г* — материк; *д* — песок; *е* — зола; *ж* — прокаленная глина

Первый сосуд (южный конец ямы) представляет собой круглодонный, по-видимому, горшок с наклонной внутрь шейкой, слегка приостренным венчиком и примесью песка в тесте. По плечикам украшен насечками в виде горизонтальной «елочки» (рис. 4, 9). Диаметр сосуда по венчику 14 см.

Сосуд, обнаруженный в северном конце ямы,— глубокая плоскодонная миска или банка с резко оттогнутым наружу загругленным венчи-

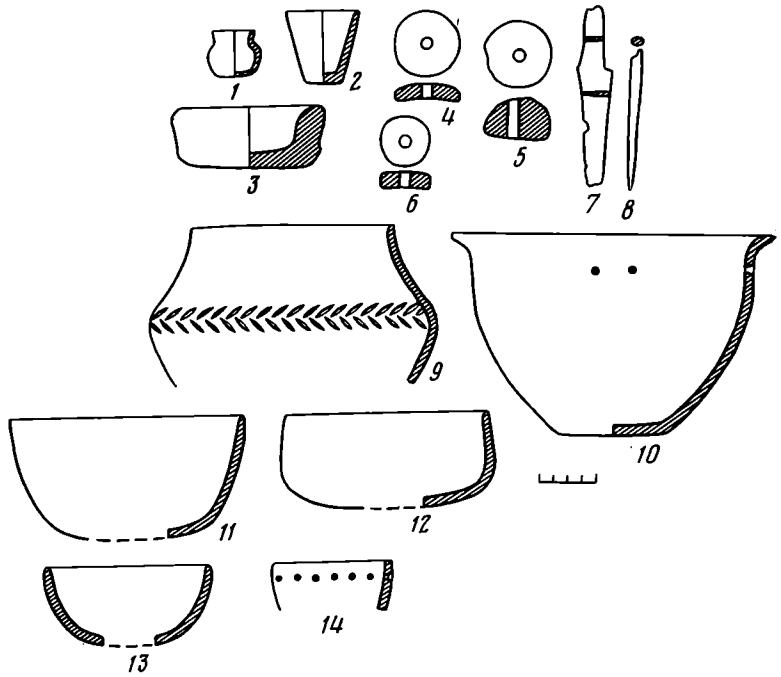


Рис. 4. Керамика и отдельные находки с городища Петер-Тау, *7* — железо; *8* — кость; остальное — глина

ком. Диаметр сосуда по устью 23 см, диаметр дна 8 см, высота 14,2 см. В тесте — песок. Орнамент отсутствует, только на шейке имеются два сквозных отверстия (рис. 4, *10*). Как мы увидим ниже, оба сосуда по форме, примеси и орнаментации (рис. 4, *9*) являются частью бахмутинского керамического комплекса, обильно представленного на городище.

Размеры ямы № 2 — 155×72 см, дно линзовидное, наибольшая глубина 10 см. В заполнении найдены два невыразительных фрагмента стенок сосудов.

Размеры ямы № 3 — 120×65 см, углублена в материк на 20 см, стенки вертикальные, дно ровное. Вдоль стенок по периметру ямы прослеживаются остатки деревянной обкладки в виде горизонтальных прослоек угля толщиной до 2 см.

Яма № 4 круглая, диаметром 80 см, глубиной 10 см. Находок в ней нет.

Следует отметить, что форма и размеры (глубина) ям № 1—3 не совсем характерны для хозяйственных ям, а скорее напоминают могилы. Однако считать их таковыми (кенотафы) мешает отсутствие аналогий на других памятниках, в том числе и могильниках Приуралья, а также то, что бахмутинский керамический комплекс, к которому и относятся сосуды из ямы № 1, для данного городища является самым поздним. Да и керамика, обнаруженная, например, в погребениях Бирского могильника, отличается от сосудов, найденных в указанной яме [6, табл. III, IV].

Полученная в результате раскопок и сборов на дне карьера коллекция керамики городища Петер-Тау насчитывает свыше 4500 единиц, из которых по фрагментам венчиков выделено 700 сосудов[1]. Из них позднеананьинских (круглодонных с примесью раковины, украшенных пояском круглых ямок и оттисками шнура по шейке) — 46 сосудов, или 6,6% всей керамики (рис. 5, *1—4*). Пьяноборских (чегандинских) сосудов, круглодонных, с примесью раковины, украшенных пояском круглых ямок по шейке, насечками или защипами по венчику,— 336, или 48% (рис. 5, *5—18*); бахмутинских (круглодонных, с примесью песка и мелкой гальки, украшенных ямками, беспорядочно разбросанными по тулову, насечками по венчику и плечикам) — 318, или 45,5% (рис. 6 и 7). Среди последних выделяется группа из 62 сосудов (или 19,5% всей бахмутинской керамики), украшенных пояском круглых ямок по шейке в сочетании с на-

[1] Выражаю благодарность Б. Б. Агееву, С. М. Васюткину, А. Х. Пшеничнюку, предоставившим в мое распоряжение неопубликованные материалы своих раскопок.

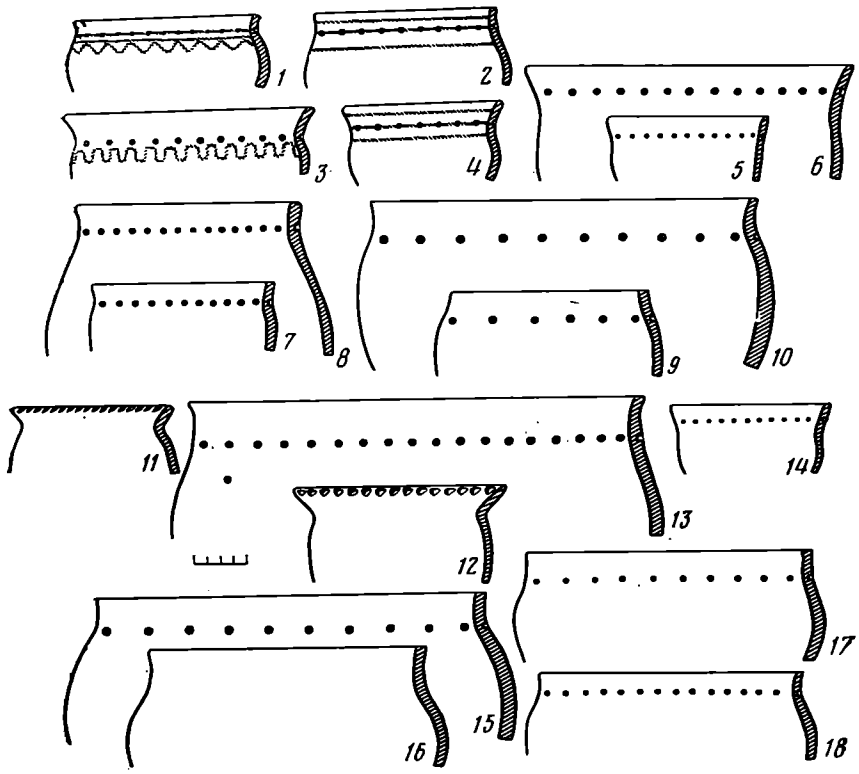


Рис. 5. Позднеананьинская (*1—4*) и пьяноборская керамика с городища Петер-Тау

сечками по венчику и плечикам (рис. 6). Такая керамика Н. А. Мажитовым отнесена к раннему или 1 типу бахмутинской керамики [7, с. 22; 6, с. 41], а В. Ф. Генингом — к бахмутинскому археолого-этническому типу [8, с. 251].

Стратиграфическая раскладка керамики из раскопок А. Х. Пшеничнюка (1970 г.) и В. А. Иванова (1978 г.), произведенных между первой (внешней) и второй линиями укреплений, где 74,2% всей бахмутинской керамики залегает в первом штыке, а 64,2% пьяноборской — во втором (табл. 1), свидетельствует о последовательной смене на городище пьяноборского населения бахмутинским. Но в этом плане весьма интересным представляется вопрос о наличии или отсутствии типологической преемственности между пьяноборским и бахмутинским керамическими комплексами.

Для его выяснения из общей массы выделенных сосудов (700 экз.) было отобрано 205 фрагментов, пригодных для обработки по разработанной В. Ф. Генингом программе [9], т. е., помимо информации о технологии изготовления, мотивах и зонах орнаментации, форме венчика, каждый из фрагментов, входящий в выборку, содержит данные не менее чем о трех — пяти параметрах сосуда (диаметр венчика, основания шейки, тулова, высота шейки и плечика), на основании которых нам удалось вычислить указатели форм верхней части отобранных сосудов. Из этой выборки выделяются: пьяноборские (чегандинские) сосуды — 102 экз. (рис. 5), бахмутинские (чандарский тип) — 90 экз. (рис. 7).

Малочисленность соответствующего ананьинского материала, а также отсутствие между ананьинской и бахмутинской культурами какой-либо прямой генетической связи позволили нам ограничиться только анализом пьяноборского и бахмутинского комплексов на предмет их типологического сравнения.

В качестве признаков для сопоставления рассматриваемых комплексов взяты средние квадратические отклонения (σ) следующих показателей, вычисленных по формулам, предложенным В. Ф. Генингом: диаметр устья сосудов (Р1), высотно-горловинный (ФБ) и широтно-горло-

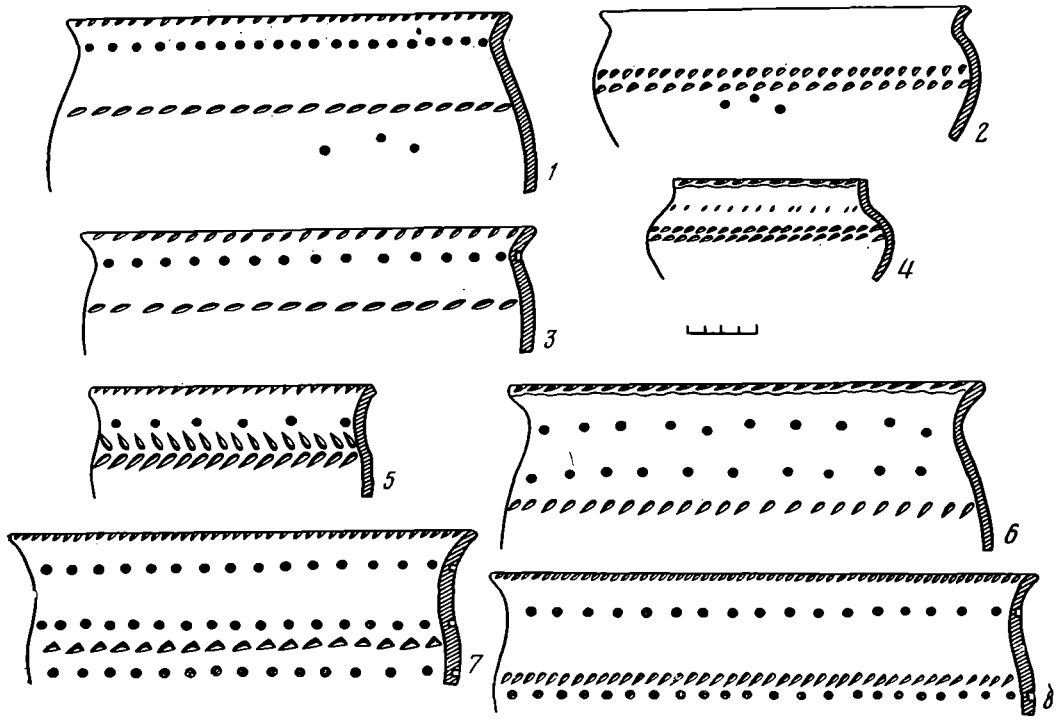


Рис. 6. Керамика раннебахмутинского типа с городища Петер-Тау

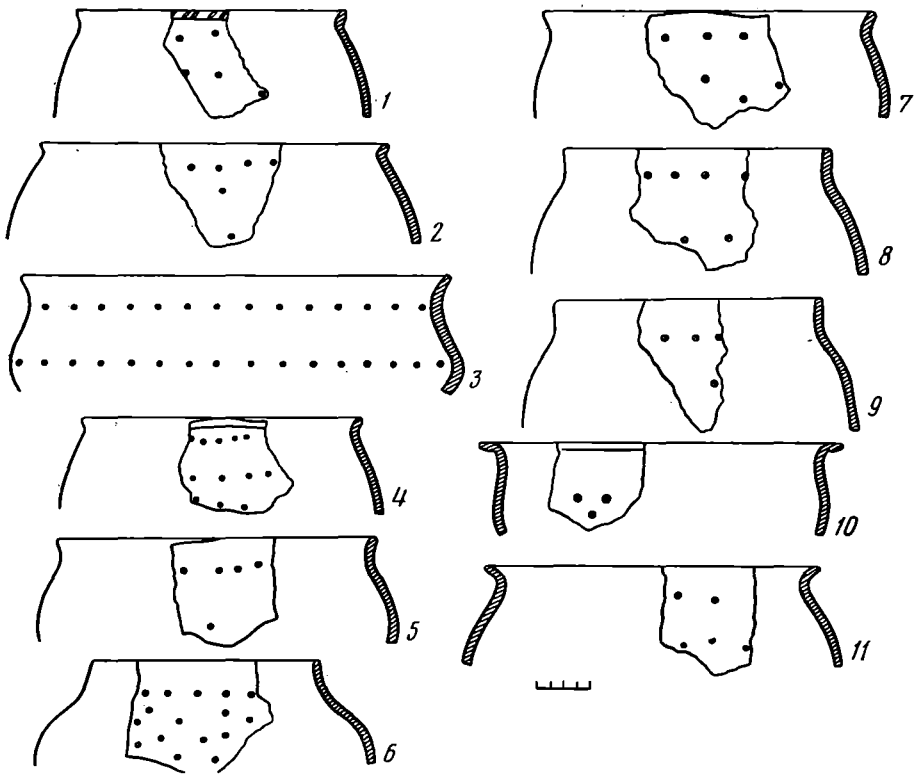


Рис. 7. Позднебахмутинская (чандарский тип) керамика с городища Петер-Тау

винный (ФВ) указатели, указатели профилировки шейки (ФГ) и выпуклости плечиков (ФЖ). Далее, формы венчиков (рис. 8) и формы сосудов, полученные в результате корреляции присутствующих на одном фрагменте указателей ФГ и ФЖ (рис. 8), примеси к глиняному тесту и зона размещения орнамента. Всего выделено 26 признаков (табл. 2).

Близость доверительных интервалов, выделенных для 14 из 26 признаков (параметры, удельный вес керамических форм в комплексах)

Таблица 1

Стратиграфия типов керамики на городище Петер-Тау
(А. Х. Пшеничнюк, 1970; В. А. Иванов, 1978), данные приведены в % *

Штык	Тип керамики			
	ананьинская	пьяноборская	бахмутинская	всего сосудов
I	0,8/15,4	23,2/32,4	76/74,2	246
II	6/77	61,7/63,2	32,3/21,4	167
III	3,6/7,6	57,1/3,4	39,3/4,4	28
Всего сосудов	13	176	252	441

* В числителе дан процент керамики относительно общего количества керамики в данном штыке, в знаменателе — процент керамики в данном штыке относительно всей керамики данного типа.

(табл. 2), свидетельствует о том, что наши выборки с точностью до 95% равноценны.

Согласно данным, приведенным в табл. 2, для пьяноборского (чегандинского) керамического комплекса характерны сосуды со средней (по номенклатуре В. Ф. Генинга) высотой горловины [9, с. 121] (σ ФБ=1,66), тогда как бахмутинские (чандарский тип) сосуды в основной своей массе низкогорлые (σ ФБ=0,88). Различаются пьяноборские и бахмутинские сосуды и по своим широтно-горловинным указателям: σ ФВ пьяноборских=0,705 (широкогорлые), бахмутинских=0,249 (очень узкогорлые).

Гораздо большее сходство пьяноборские и бахмутинские сосуды обнаруживают в степени профилировки своей верхней части. И те и другие имеют слабопрофилированные шейки (σ ФГ пьяноборских=0,184, бахмутинских=0,253) и слабовыпуклые плечики (соответственно σ ФЖ=0,46 и 0,39).

И для пьяноборского, и для бахмутинского комплексов характерно преобладание сравнительно небольших сосудов, у которых диаметр устья (Р1) равен 20—25 см (44,1% всей пьяноборской керамики и 45,5% бахмутинской), на втором месте стоят сосуды с устьем, не превышающим 20 см (соответственно 34,3 и 28, 8%). Сосуды с Р1=26—30 см составляют 17,7% пьяноборской керамики и 21,3% бахмутинской, и, наконец, крупные сосуды с Р1 более 30 см составляют соответственно 3,9 и 4,4%. Коэффициент абсолютного сходства рассматриваемых комплексов по Р1, вычисленный согласно программе В. Ф. Генинга [9, с. 132, 133], равен 94,5% (табл. 2).

Корреляция указателей ФГ и ФЖ между собой свидетельствует о том, что для обоих комплексов характерны одни и те же формы сосудов (табл. 2): круглодонные горшки с отогнутыми наружу (рис. 4, *10—12*; 6, *5*, *7*), прямыми (вертикальными) (33,3% пьяноборской керамики и 46,6% бахмутинской) (рис. 5, *15—17*; 6, *8*, *9*) (43,2 и 31,1%) или наклоненными внутрь (рис. 5, *9*; 7, *6*) (13,7 и 12,2%) шейками, колоколовидные чаши с отогнутыми наружу венчиками и невыделенными плечиками (рис. 5, *14*; 4, *10*) (2,9 и 3,3%) миски (рис. 5, *5*; 7, 10) (4,9 и 5,5%) и непрофилированные чаши (рис. 4, *11—14*) (1,96 и 1,1%).

Коэффициент абсолютного сходства по этому признаку равен 85,5% (табл. 32).

Несколько различается оформление устья сосудов: если у пьяноборских преобладает плоский (46,08%), закругленный (33,3%) или со слегка оттянутым наружу краем (Г-образный, 18,6%) венчик, то венчик бахмутинских сосудов, как правило, закруглен (63,3%) или имеет Г-образную форму (23,3%).

Коэффициент абсолютного сходства пьяноборской и бахмутинской керамики по оформлению венчика равен 60,5% (табл. 2).

Примеси к глиняному тесту хотя и различаются (табл. 2), но 16,7% бахмутинской керамики подобно пьяноборской содержит в тесте примесь толченой раковины.

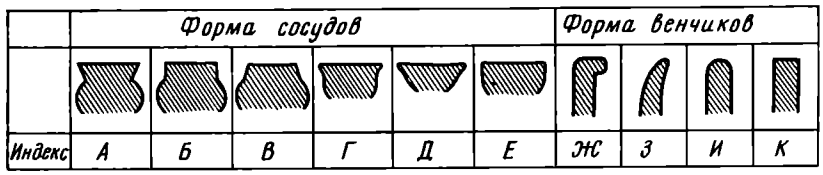


Рис. 8. Городище Петер-Тау. Формы сосудов, венчиков и их индексы

Наиболее выразительны отличия в зонах размещения и мотивах орнамента: если 77,5% пьяноборских сосудов украшены горизонтальным поясом круглых ямок по шейке (рис. 5, *5—10*, *13—18*), а 16,6% — насечками или защипами по венчику (рис. 5, *11*, *12*), то бахмутинский (чандарский) комплекс на 80,1% состоит из сосудов, украшенных круглыми или бесформенными ямками, беспорядочно разбросанными по всему тулову (рис. 7, *2*, *10*, *11*), из них 7,9% сосудов, кроме того, украшены еще и насечками по венчику (рис. 7, *1*); 16,6% бахмутинских сосудов помимо разбросанных по тулову ямок имеют еще и четко выраженный горизонтальный поясок из круглых ямок по шейке (рис. 7, *3—9*).

Как считают В. Ф. Генинг и недавно присоединившийся к нему Н. А. Мажитов, керамика чандарского типа не имеет местных приуральских корней [11, с. 54; 8, с. 265; 6, с. 43]. С одной стороны, это как будто бы и так, но в то же время трудно пройти мимо такого факта, как коэффициенты абсолютного сходства пьяноборской и бахмутинской (чандарской) керамики по размерам, ассортименту форм и оформлению венчиков, равные соответственно 94,5, 85,5 и 60,5%. А кроме того, как уже указывалось выше, близкое значение имеют указатели профилировки шейки и плечиков (ФГ и ФЖ) сосудов из рассматриваемых комплексов, да и в орнаментике довольно ясно проступают общие элементы (насечки по венчику, пояски ямок по шейке).

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что вывод об отсутствии у чандарской керамики местных корней звучит излишне категорично, тем более что в Западной Сибири, как отмечает В. Ф. Генинг, керамика с ямочными наколами по тулову составляет на поселениях 30—35% общего количества и отличается от чандарской наличием ямок с «жемчужинами», формой, примесью [8, с. 265, рис. 12].

Кроме керамики на городище были обнаружены фрагменты плоскодонного глиняного тигля с вертикальными стенками и закругленным венчиком (рис. 4, *3*), глиняные пряслица (рис. 4, *4—6*), обломок железного черешкового ножа (рис. 4, *7*) и костяной проколки (рис. 4, *8*).

Тигель, по всей вероятности, следует связывать с пьяноборским керамическим комплексом, так как известные в настоящее время ананьинские тигли имеют другую форму [12, рис. 1—10], а подобный же плоскодонный с вертикальными стенками тигель, но только меньшего размера, был найден нами в 1978 г. на однослойном пьяноборском городище Серёнькино.

Обращает на себя внимание также плоскодонный глиняный «стаканчик» (рис. 4, *2*) и миниатюрный плоскодонный горшочек с примесью раковины в тесте (рис. 4, *1*).

Анализ керамики позволяет отнести время возникновения городища Петер-Тау к самому концу ананьинской эпохи, о чем свидетельствуют фрагменты от 46 позднеананьинских сосудов (рис. 5, *1—4*). Поскольку эта керамика встречена во всей современной площади городища, установить его первоначальные размеры не представляется возможным. Ясно только, что уже в позднеананьинское время существовала ранняя насыпь вала, ограждавшего северо-западную оконечность мыса (внешний вал цитадели), затем в пьяноборскую эпоху, вероятно, возникла вторая, ныне уничтоженная карьером, и внешняя линия укреплений. Последняя в бахмутинское время была усилена слоем гумуса, взятого с площадки городища, и укреплена внутри жердями.

Таблица 2

Признаки для определения степени сходства пьяноборского и бахмутинского (чандарского) керамических комплексов городища Петер-Тау

№ п. п.	Признаки		Керамика				Абсолютное сходство, %	
			пьяноборская		бахмутинская			
				доверительный интервал (Р)		доверительный интервал (Р)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1 *	σ-указателей формы	ФБ	1,66	–	0,88	—	–	
2		ФВ	0,705	–	0,249	–	–	–
3		ФГ	0,184	–	0,253	–	–	
4		ФЖ	0,46	–	0,39	–	–	
5	Параметры (Р1)	20 см	34,3%	±0,092	28,8%	±0,092	28,8	
6		20–25 см	44,1%	±0,096	45,5%	±0,1	44,1	44,5
7		26–30 см	17,68%	±0,074	21,3%	±0,078	17,68	
8		30 см	3,92%	±0,037	4,4%	±0,041	3,92	
9	Форма сосуда	А **	33,3%	±0,09	46,6%	±0,1	33,3	
10		Б	43,2%	±0,1	31,1%	±0,096	31,1	
11		В	13,7%	±0,06	12,2%	±0,067	12,2	85,5
12		Г	2,9%	±0,031	3,3%	±0,036	2,9	
13		Д	4,9%	±0,041	5,5%	±0,046	4,9	
14		Е	1,96%	±0,026	1,1%	±0,021	1,1	
15	Форма венчика	Ж	18,6%	±0,041	23,3%	±0,045	18,6	
16		З	1,96%	±0,014	6,66%	±0,027	1,96	60,5
17		И	33,3%	±0,049	63,3%	±0,052	33,3%	
18		К	46,08%	±0,052	6,66%	±0,027	6,66	
19	Примесь	Раковина	100%	–	16,7%	–	16,7	
20		Песок, галька	–	–	73,3%	–	–	16,7
21	Зона орнаментации	Венчик	16,6%	±0,072	2,2%	±0,029	2,2	
22		Шейка	77,5%	±0,08	1,1%	±0,019	1,1	3,3
23		Венчик, тулово	–	–	7,9%	±0,054	–	
24		Шейка, тулово	–	–	16,6%	±0,076	–	
25		Тулово	–	–	72,2%	±0,092	–	
26		Неорнаментированные	5,9%	±0,045	–	—	–	

* Признаки 1—14 и 21—26 определялись по выборке в 102 пьяноборских сосудах и 90 бахмутинских, признаки 15—20 — по всем выделенным сосудам (336 пьяноборских и 318 бахмутинских).

** Индексы форм сосудов и венчиков даны в соответствии с таблицей на рис. 8.

Таким образом, разрез внешнего вала городища Петер-Тау дает нам первое представление о конструкции оборонительных сооружений раннесредневековых поселений Южного Приуралья. А сравнительный анализ пьяноборской и бахмутинской (чандарской) керамики на предмет их абсолютного сходства, средний коэффициент которого (X) равен 52,1%, указывает на наличие между ними явной генетической преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1893 и 1894 гг.— МАВГР, 1899, т. 3.
2. *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.— ВАУ, 1970, № 10.
3. *Иванов В. А.* Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии.— СА, 1978, № 1.
4. *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 2.— ВАУ, 1971, № 11.
5. Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. Бадер О. Н. М.: Наука, 1976.
6. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
7. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.

8. *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
9. *Генинг В. Ф.* Программа для статистической обработки керамики из археологических раскопок.— СА, 1973, № 1.
10. *Ковалевская В. Б.* Применение статистических методов к изучению массового археологического материала.— В кн.: Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.
11. *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье.— ВАУ, 1967, № 7.
12. *Кузьминых С. В.* Об ананьинской обработке бронзы.— В кн.: Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского НИИ при Совете Министров Марийской АССР, 1977.

V. A. Ivanov

THE PITER-TAU (YULDASHEVO) FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The Piter-tau fortified settelment is situated at Yuldashevo village in the Bashkirian ASSR, at the mouth of the River Syun. It has been known since the end of the 19th century and has been dated, on the basis of the vast ceramic collection, to the Ananino-Pyany Bor-Bakhmutino period.

The author sums up the results of the diggings and of the pottery statistical analysis. A comparison of Pyany Bor and Bakhmutino ceramics revealed 52.1 per cent of absolute identity and points to their genetic continuity.

ОВЧИННИКОВА Б. Б.

ПОГРЕБЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВОИНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

С 1973 г. группа Уральского университета в составе Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР проводит исследования на могильнике Аймырлыг 3. Могильник расположен в Центральной Туве, на левом берегу р. Чаа-Холь, правого притока Енисея, в 5 км к северу от нового поселка Чаа-Холь.

Установлено, что еще в гунно-сарматскую эпоху на этом месте уже производили захоронения. Продолжали хоронить здесь и в последующие времена. Среди вскрытых захоронений, совершенных в средневековый период, особый интерес вызывает курган № 1 из группы V. Это могила воина, в которой обнаружен наиболее полный набор воинского снаряжения.

Конструкция кургана подобна конструкциям тюркских курганов на могильнике Аймырлыг 3. До расчистки сооружение представляло собой сильно задернованную каменную насыпь овальной формы, диаметром 8, высотой 0,5—0,7 м. После расчистки размеры его не изменились, но вскрылось много новых камней, заполняющих эту насыпь и уходящих вглубь. На этой стадии исследования стало возможным четко выявить основу сооружения, представленную округлой цилиндрической выкладкой диаметром 6, высотой 0,6—0,7 м. Внешняя стенка ее гладкая и выложена из двух-четырех камней, плотно подогнанных друг к другу по принципу «перевязки швов» (рис. 1). Какой-либо системы внутреннего заполнения уловить не удалось. При разборке внутренней площадки сооружения на уровне основания камней кладки, в центре ее, находилось незначительное скопление камней. Под ними обнаружен материковый слой. Севернее этого скопления располагалась иная выкладка из более крупных камней, уходящих вглубь. Так обнаружился провал над могилой, размеры которого по линии ЗВ—СЮ—2,1×1 м. На глубине 0,7—0,8 м камни, уложенные горизонтально, заполнили могилу сплошным пластом. При вскрытии могилы встречены кости лошади, копыто. На глубине 0,9—1 м от поверхности найден костяк лошади, уложенной на камни на животе с подогнутыми ногами; мордой лошадь ориентирована на запад (рис. 2, *1*). Череп приподнят и покоится на столбике из камней с поворотом на север (возможно, смещен). В зубах лошади железные двукольчатые удила с железными эсовидными псалиями с «сапожком» на концах (рис. 3, *16*). На лошади находились остатки деревянного седла плохой сохранности (рис. 2, *1*). Рядом с седлом, в 0,2 м левее костяка, в стенке могильной ямы торчало железное тесло с несомкнутой втулкой (рис. 3, *12*). На крупе и под лошадью обнаружены стремена с пластинчатой петлей для путлища (рис. 3, *18*) и железная подпружная пряжка с вертлюгом (рис. 3, *15*), а рядом железное кольцо. Кроме костей лошади здесь же встречены отдельные кости барана. К северу от остова лошади находился заслон из плотно уложенных камней (рис. 1, *3*). После того как были убраны камни, обнаружилась «решетка» из березовых кольев, закрывающая вход в подбой, где покоился погребенный. Кроме березовых кольев свод подбоя фиксировался по бокам вертикально установленными каменными плитами. Высота подбоя достигала 0,6—0,7 м, длина — 2,20, ширина — около 1 м. Лошадь, как оказалось, лежала на приступке высотой 0,1—0,2 м.

За разделительной стенкой в подбое лежал скелет погребенного взрос-

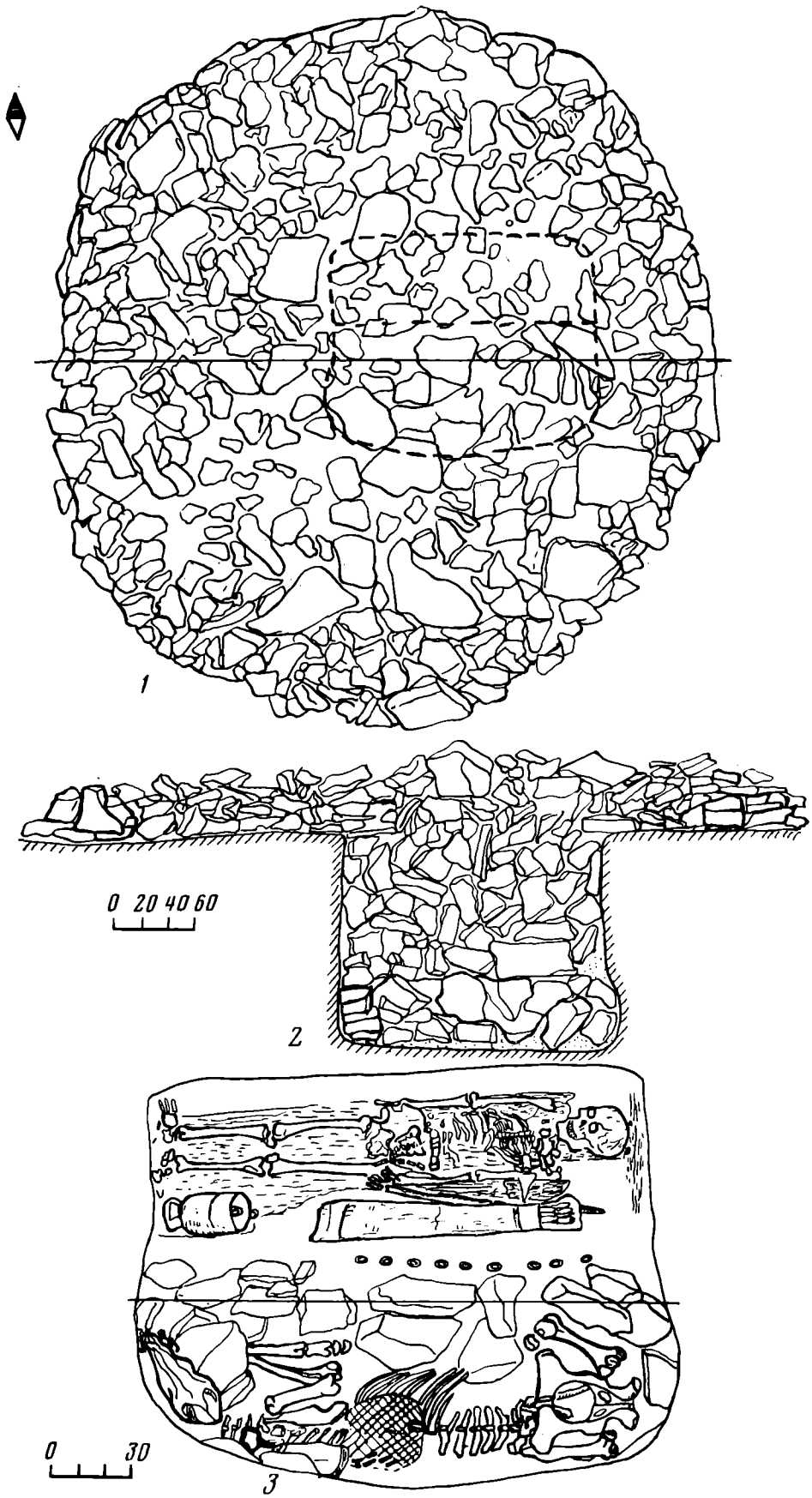


Рис. 1. Планы и разрез кургана 1 группы V могильника Аймырлыг 3. *1* — план основы сооружения; *2* — разрез кургана; *3* — план погребения

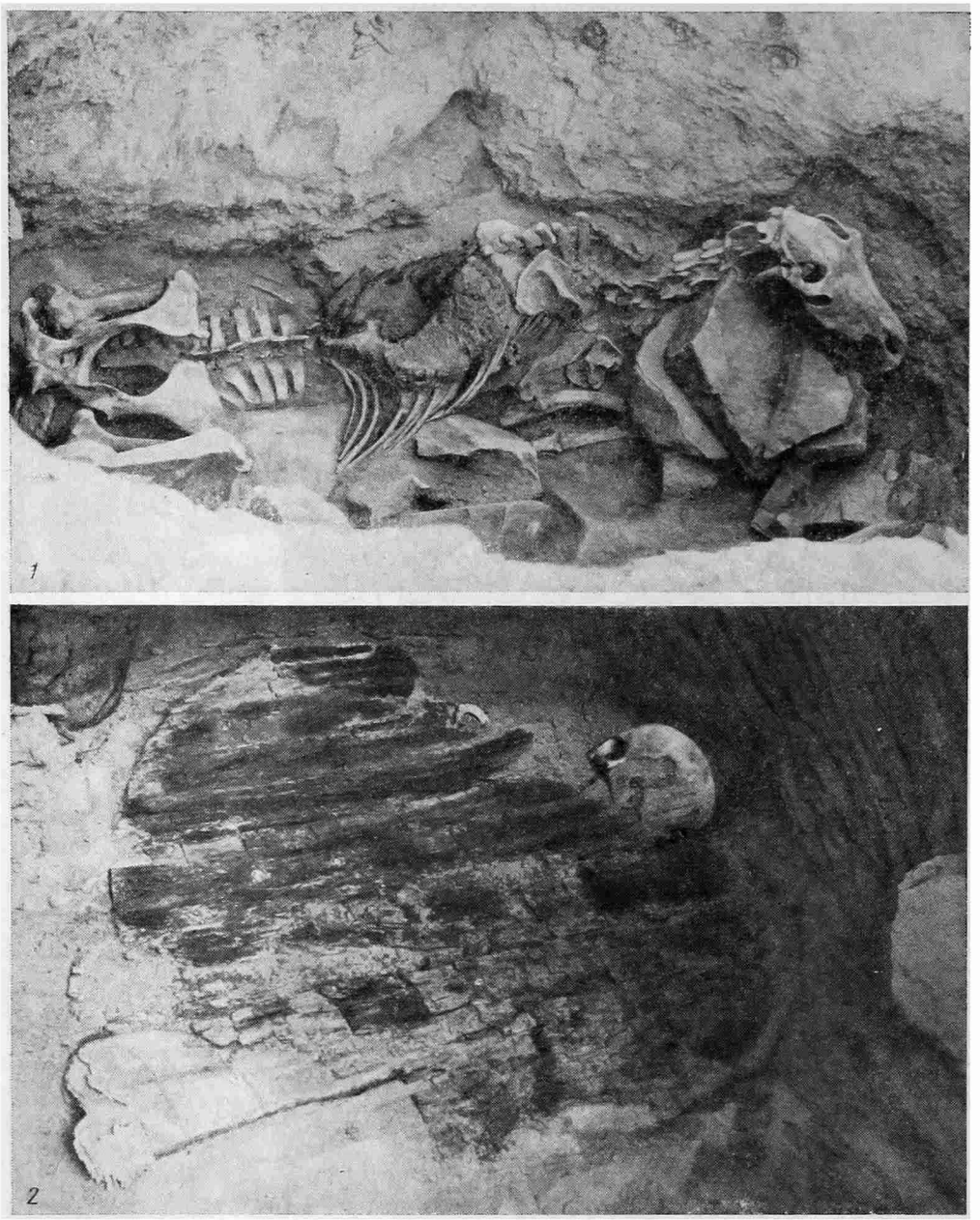


Рис. 2. Захоронения лошади и воина. *1* — костяк лошади с остатками седла; *2* — щит и колчан на скелете воина

лого мужчины вытянуто на спине, головой на восток. Помещен погребенный в «гробу», сплетенном из золотистых ветвей пустынной акации. Об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся плетенка, выстилающая восточную и северную стенки подбоя, а также дно могилы. Остатки плетенки обнаружены и в покрытии человека сверху. В прерывающихся частях этого покрытия можно было заметить фрагменты деревянных плах от щита. После снятия покрытия обнаружился полуистлевший деревянный круглый щит, который дополнительно прикрывал тело погребенного от лба до колен (рис. 2, *2*; 4, *2*). Под щитом, вдоль левой руки, находился берестяной колчан со стрелами (рис. 2, *2*). Наконечники стрел железные, располагались на «щитке» колчана (рис. 3, *22*; 3, *8—11*). На корпусе колчана в середине обнаружена костяная пряжка, по форме напоминающая пряжку от пут. Под колчаном лежал железный палаш с остатками деревянных ножен плохой сохранности (рис. 3, *21*). Рядом с палашом, ближе к человеку, в области его пояса, находились кусочки шелка и кожи, спаянные с бронзовыми пряжками и бляшками от пояса. На

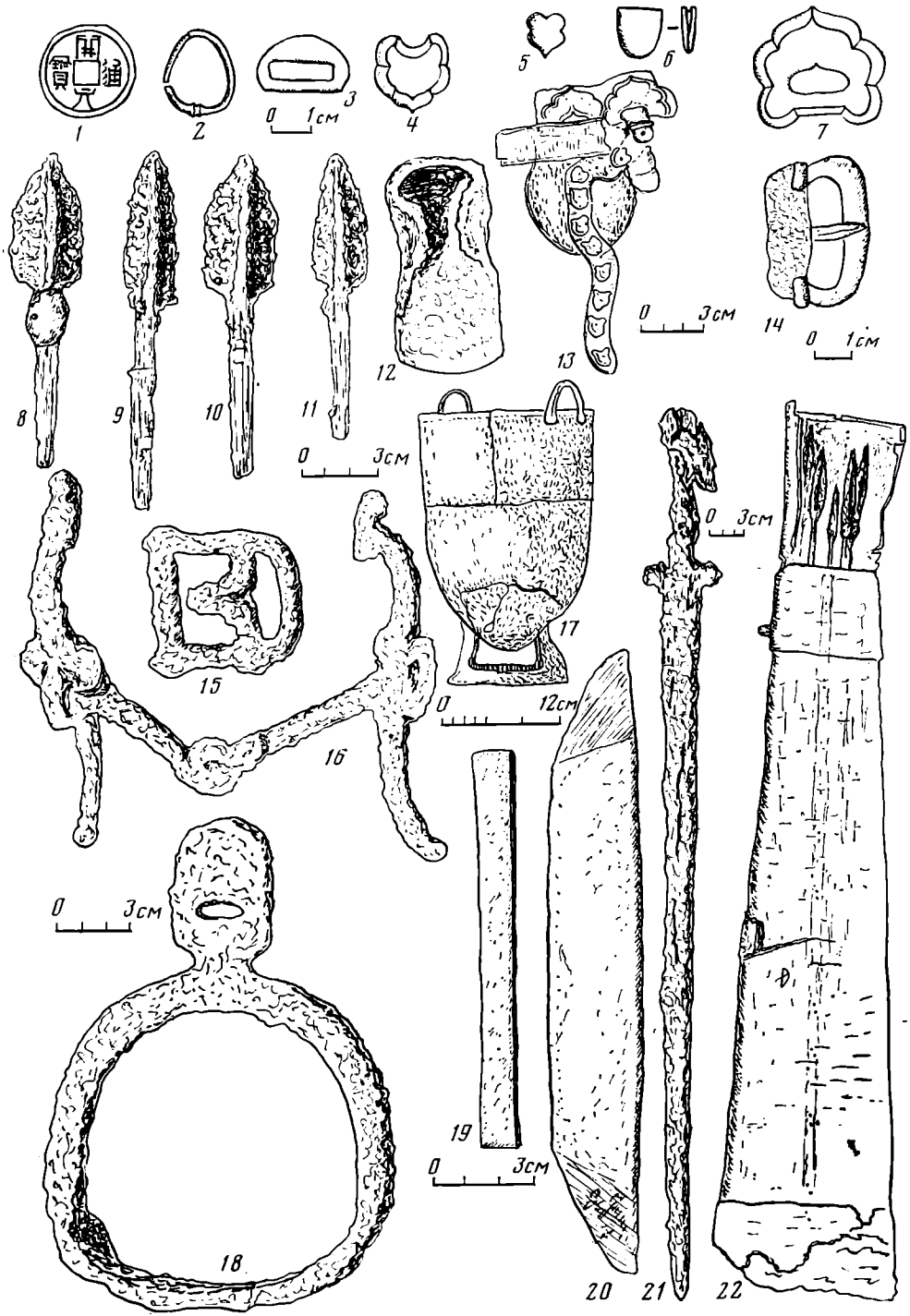


Рис. 3. Предметы из захоронения воина с конем. *1—7* — бронза; *8—12* — железо; *13* — реконструкция фрагмента пояса с мешочком и подвесным ремешком (кожа, бронза); *14* — бронза, железо; *15—18*, *21* — железо; *19*, *20* — кость; *22* — береста

тазовой кости погребенного располагался целый сверток смятой кожи и шелка, очевидно, фрагменты одежды. Здесь же, чуть выше, лежал наборный кожаный пояс, украшенный бронзовыми бляхами (рис. 3, *3*, *4*, *7*). От пояса, слева, спускался узенький ремешок с малыми фигурными бляшками (рис. 3, *13*; 3, *5*). Справа еще один ремешок и кожаный мешочек, в котором при вскрытии обнаружены бронзовая монета с легендой «Кайюань тунбао» (рис. 3, *1*) и четыре маленьких камня (размерами до сантимера), завернутых в шелковую тряпочку, которая была завязана на четыре узелка. Среди этих камней два халцедона, один окисленный медный колчедан с пленками медной зелени и один камень представлял

собой известковое стяжение[1]. Кроме того, отдельно в мешочке находился еще один камень побольше (размером 2×3 см) — это либо натечное пещерное образование, либо природный минерал. В мешочке обнаружен также обожженный деревянный предмет размером 4×2 см, обмотанный тоненьким кожаным ремешком. Все эти миниатюрные вещи имеют явно ритуальный характер. Возле мешочка найдены накладки на лук и распорка, кроме того, кусочки дерева от составных частей лука (рис. 3, *19*, *20*). Возле височной кости черепа, слева, обнаружена бронзовая серьга (рис. 3, *2*). В ногах погребенного лежал железный клепаный котел на полом поддоне с прорезью (рис. 3, *17*).

Обряд погребения и сопроводительный инвентарь рассматриваемого захоронения типичны для древнетюркских памятников Енисея. Вместе с тем хотелось бы более подробно остановиться на характеристике вещевого комплекса с целью датировки и отметить ряд своеобразных черт могилы воина из погребения 1 могильника Аймырлыг 3.

Как упоминалось выше, спутник погребенного — лошадь была захоронена оседланной. Сохранившиеся части седла позволили заметить, что его полки — с глубоким вырезом спереди и сзади, ввиду чего лопасти выражены достаточно четко (рис. 2, *1*). Здесь же обнаружены остатки железной накладки, предназначенной, вероятно, для скрепления частей седла. Поверхность седла сохранила остатки покрытия темным лаком. Подобные седла встречены и в других курганах могильника Аймырлыг 3. Аналогии такому типу седел известны в тюркских погребениях могильника Кокэль (курган 2). С. И. Вайнштейн, исследователь этого памятника, относит их к VIII в. н. э. [1]. Но проанализировав особенности инвентарей курганов могильника Кокэль, Л. Р. Кызласов пришел к выводу, что седла подобного типа относятся к более позднему времени — к IX—X вв. [2, с. 137—138]. Вместе с остатками седла встречены и железные стремена с характерным пластинчатым ушком с прорезью для путлища (рис. 3, *18*). Форма ушка трапециевидная с округлым верхом, боковые стороны чуть загнуты вовнутрь, а место сочленения с дужкой заужено. Корпус слегка вытянут кверху, овальной формы, с глубокой вогнутой скругленной подножкой. Согласно классификации А. К. Амброза [3], этот тип стремян употреблялся не ранее периода Второго Тюркского каганата (680—745 гг.). Подтверждением тому служат также стремена из курганов Монгун-тайги, датируемые этим же периодом [4, с. 29]. Продолжают бытовать они и во времена господства в Туве Уйгурского каганата [5, с. 62—64] (745—840 гг.). В комплекс конского снаряжения кургана 1 группы V могильника Аймырлыг 3 входит также и железная подпружная пряжка (рис. 3, *15*). Она подпрямоугольно-рамчатая, с одним закругленным концом и с язычком на вертлюге. Дата распространения подобного типа пряжек широка — VI—IX вв. [5, с. 20, рис. 3, с. 64, рис. 64], но по материалам, полученным при раскопках тюркских курганов на Аймырлыге 3, железные подпружные пряжки с вертлюгом сосуществуют только со стременами с пластинчатой петлей, с седлами, покрытыми лаком, а также эсовидными псалиями, о которых речь пойдет ниже. Следовательно, можно предположить, что железные пряжки с вертлюгом употреблялись одновременно с указанными выше типами вещей. От узды сохранились только двукольчатые удила с эсовидными псалиями с «сапожком» на конце и со скобой в середине (рис. 3, *16*). Такие удила с S-образными псалиями достаточно хорошо известны в тюркских погребениях VIII—IX вв. на Алтае [6, с. 82, 83, рис. 16, *5*]. Таким образом, конское снаряжение из могилы воина с Аймырлыга 3 находит себе параллели в тюркских погребениях VIII—IX вв., исследованных на Алтае и в Туве.

Что же касается вещей, сопровождающих воина, то как раз они и позволяют нам выделить некоторое своеобразие захоронения, подчеркивающее индивидуальность погребенного. Обнаруженный при покойном берестяной колчан хорошо известен в погребениях тюркоязычных племен

---

[1] Консультация по определению камней дана доцентом Свердловского горного института О. А. Суставовым.

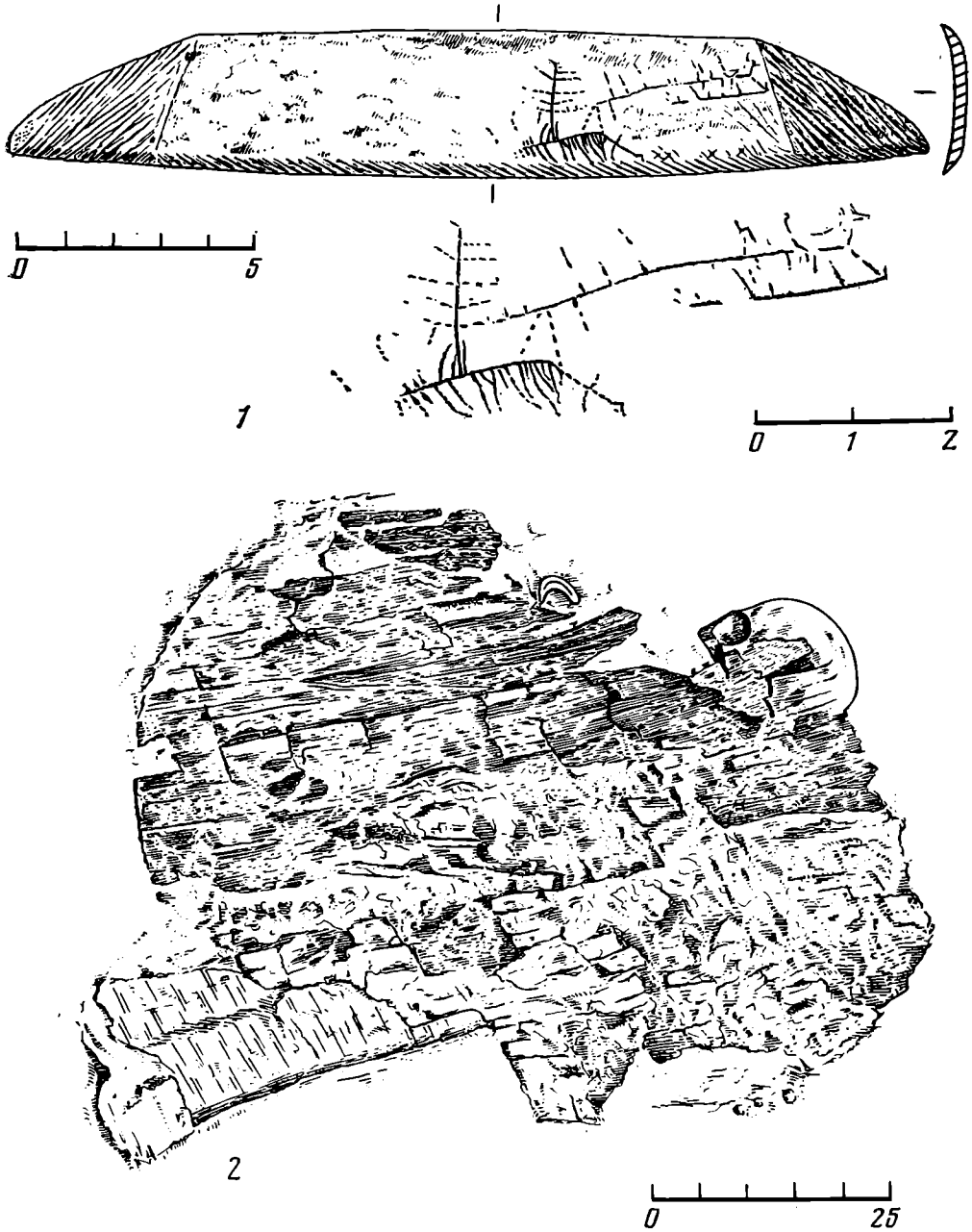


Рис. 4. Детали погребения. *1* — роговая центральная накладка лука и рисунок на ней; *2* — щит и колчан, прикрывавшие грудь погребенного воина

Саяно-Алтая [6, с. 30; 5, табл. II, рис. 88]. Некоторые исследователи именуют подобный тип колчанов «колчаны с карманом» и относят их появление в Туве к периоду позднее VIII в. [7, с. 324]. Нам кажется более удачным термин «щиток», функцией которого являлось не закрывать, а огораживать. На нашем колчане «щиток», на котором располагались наконечники стрел, был окрашен (теперь в едва заметный) красный цвет. На лицевой стороне корпуса колчана, в середине, находится знак, выполненный прорезью в виде лука и стрелы (рис. 3, *22*). Возможно, это знак владельца. Он напоминает тувинские тамги из собраний Л. Р. Кызласова [8, с. 112] и абсолютно схож с некоторыми тамгами XVII в. из Сибири, собранными Ю. Б. Симченко [9, с. 202, табл. 122, *5*, *6*, с. 219, табл. VI, 46, с. 93, табл. 50, *22*]. Находящиеся в колчане стрелы (более 10 шт.) весьма однотипны. Они трехлопастные с роговыми свистульками на черешках. Большая часть их с отверстиями в лопастях (рис. 3, *8—11*). Такие наконечники стрел характерны для воинов тюркских племен и широко распространены в VI—X вв. [5, с. 76, табл. II,

30, 84]. Особенностью лука погребенного является совмещение трапециевидных боковых серединных накладок с центральной костяной «лопаточкой»-распоркой (рис. 3, *19, 20*). Подобные накладки с центральной «лопаточкой» существовали у гуннов, но у тюркских луков IV—VIII вв. этих «лопаточек» мы не встречаем. А появляются они вновь только с приходом уйгуров в Туву в 750—751 гг. [5]. Поэтому лук из рассматриваемого погребения несомненно относится к типу «уйгурских» луков. Особенностью лука является также и то, что на верхней отшлифованной поверхности левой накладки нанесен рисунок. Он процарапан, вероятно, каким-то тонким острым орудием. Линии рисунка сплошные и пунктирные. Поворачивая накладку так, как если бы тетива лука располагалась перед смотрящим, можно четко увидеть дерево с отходящими от него корнями (рис. 4, *1*). Далее чуть выше и правее идет длинная линия с отростками, кончающаяся «флагом» (?) или шкурой (?). Справа, на заштрихованном конце накладки, едва заметно изображение, похожее на птицу. Естественно, при дальнейшем углубленном изучении этого изображения и вообще всего рисунка появятся и другие трактовки его. Казалось бы, место для нанесения рисунка выбрано не совсем удачно, ведь луковые накладки заклеивались берестой и постоянно подвергались трению. И тем не менее нам известны уже многие находки серединных накладок луков, на которых встречены рисунки [10, с 129, 132], а порой и древнетюркские надписи[2]. Тенденция эта была замечена и для более раннего шурмакского периода в истории Тувы [11, с. 145].

Интересен также поясной набор погребенного, который свидетельствует о том, что хозяин его был воином. Пояс украшен бронзовыми бляхами сердцевидной формы (рис. 3, *4, 7*) с фестончатым краем, с прорезью и без прорези. В прорезь бляшек продеты подвесные ремешки с миниатюрными бляшками и наконечниками (рис. 3, *13*, 3, *5, 6*). Подобные пояса, по классификации А. К. Амброза, относятся ко второй половине VIII—IX в. [12, с. 126, 127]. Они известны в погребениях таких памятников, как Капчалы I и II; Монгун-Тайга в курганах IV, V, VIII, XXVI, XXXVI; Кокэль, курганы 2, 22, 47. Наборные пояса, по мнению ряда исследователей, отражают место воина в дружинной иерархии. Так было уже во времена гуннов, потом перенято китайцами, которые строго следили «за тем, чтобы количество поясных украшений отражало военную или административную иерархию» [13, с. 44; 14, с. 144]. В. Б. Ковалевская пишет даже о том, что наборный пояс делался по заказу (для крупных военачальников или дружинников), мастер мыслил его как сложную систему символов с определенной смысловой нагрузкой [14]. Похоже, что такой наборный пояс нам встретился и в кургане могильника Аймырлыг 3. На наш взгляд, к его набору, кроме подвесных ремешков, мешочка с амулетами и железного кинжала (очень плохой сохранности), относится также и палаш, который мог подвешиваться к поясу воина. Палаш имеет совершенно прямой клинок длиной 74 см. Рукоятка составляет одну линию с клинком, как бы продолжая его, имея общую длину около метра. Небольшое перекрестие находится под прямым углом к клинку и сохранилось неполностью (рис. 3, *21*). Клинок однолезвийный, но конец его заострен и раскован на два лезвия. Такое оружие, выполняющее функции колящего и рубящего одновременно, принято называть палашами [15, с. 34]. Поэтому настоящую находку мы считаем экземпляром тюркского палаша. Подобный вид оружия встречается и позже, в эпоху древнехакасской экспансии в Туве (мечи из курганов в долине р. Хемчик) [16, с. 111, 112].

Уникальной находкой (и дополнительным подтверждением того, что погребенный был воином) является деревянный округлый щит (рис. 2, *2*; 4, *2*). Диаметр его 78 см. Изготовлен он из пяти досок, каждая шириной 15—18 см, толщиной не более 1 см. С внутренней стороны доски соединялись поперечной деревянной перекладиной, которая, вероятно,

---

[2] Могильник Аймырлыг I, группа VIII, кург. 52. Раскопки А. М. Мандельштама и Б. Б. Овчинниковой в 1971 г.

служила одновременно и рукоятью. Этот щит подтверждает краткие сведения письменных источников о подобном защитном вооружении: «Щиты, чтобы отражать стрелы, делают так: расколов дерево, соединяют поперечиной. Стрелы не могут прорвать такой щит» [17, с. 60]. Наш щит близок также к среднеазиатскому щиту VIII в., найденному в Согде. Правда, согдийский щит был меньше по размерам и по краю его шла металлическая окоека, но он также, как и наш, был изготовлен из отдельных деревянных дощечек. Согдийский щит был слегка выгнутым [18, с. 125], а тюркский — прямой. Это отличает оба щита от древнерусских круглых щитов, которые были заметно выпуклыми. Но главное отличие еще и в том, что у древнерусских щитов посредине имелись металлические умбоны [19, с. 68]. Щиты древних южносибирских народов, очевидно, умбонов не имели. Это позволяет предположить, что древние тюрки, возможно, не пользовались щитом в поединке с рубящим оружием, ибо вряд ли такой щит мог противостоять удару сабли или палаша.

И еще об одной редкой находке хотелось бы упомянуть. В ногах воина лежал железный клепаный котел с ручками на полом поддоне с прорезью (рис. 3, *17*). Котел подобного типа обнаружен на Алтае (Курай IV, курган 1) [20, с. 301—304]. В Туве аналогичный котел встречен в кургане 25 могильника Саглы-Бажи V [21, с. 107, с. 110, рис. 50, *28*], в котором кроме котла были найдены трехконцевые сбруйные бляхи [21, с. 110, рис. 50, *3*, *4*], появляющиеся в IX—X вв. [22, рис. 1, *31*; 5, с. 98, табл. III, *34*]. На этой территории близкие котлы бытуют со времени господства уйгуров [5, с. 64, табл. II, *8*].

Итак, судя по инвентарю, находящемуся в кургане 1 из группы V могильника Аймырлыг 3, можно заключить, что данное захоронение тюркского воина относится ко второй половине VIII—IX в., т. е. к уйгурскому периоду в истории Тувы. Монета найденного типа (рис. 3, *1*) датирующего значения, на наш взгляд, не имеет. Мы можем по ней судить лишь об одном: что данное захоронение было совершено не ранее VII в., так как известно, что подобные монеты находились в обращении с VII в. до начала XX в. Материал, полученный при вскрытии могилы воина на Аймырлыге, в какой-то степени может служить дополнительным источником по истории тюркских племен Тувы. Анализируя конструкцию могильного сооружения и сопровождающий инвентарь погребенных всадника и коня, заметим, что они отражают черты, характерные как для древнетюркских, так и для уйгурских племен. В устойчивый обряд погребения человека с конем, характерный для тюрок тугю, вносится новый элемент — захоронение человека в подбое в легком гробу, чего ранее, в VI—VIII вв., мы не наблюдаем. В этом, как нам кажется, проявилось влияние уйгуров в период их владычества (745—840 гг.). Пока трудно сказать, какую функцию выполняла такая конструктивная особенность могил, как подбой, у древних тюрок тугю в Туве в VIII—IX вв. Либо это было просто желание отгородить погребенного от коня (что маловероятно); либо, согласно религиозным представлениям уйгуров, исповедующих на этом этапе манихейство, в этом отразилось стремление не осквернять землю прикосновением покойного; либо сложное устройство могилы было проявлением социальной дифференциации и т. д. Поскольку в сознании древних тюрок существовала идея загробной жизни как продолжения реальной жизни, то соответственно этому в погребальном обряде должно было проявляться то реальное место, которое человек занимал на иерархической лестнице, к какой социальной группе он относился при жизни. Судя по конструкции могилы, а также насыщенному специфическому набору инвентаря (щит, палаш, наборный пояс, котел и т. п.), можно предположить, что погребенный воин с могильника Аймырлыг 3 был выше рангом по сравнению с рядовыми воинами, погребенными в этом же могильнике. Известно, что местная военная аристократия с приходом завоевателей находилась в непосредственном подчинении новым властям, которые стремились унифицировать культуру с целью политического объединения. Именно высший военный состав должен был служить выразителем идей и взглядов тех, в чьем подчинении он оказал-

ся. Поэтому военная знать была первой, кто принял чужеземные религиозные верования, на которые в данном случае опиралась существующая уйгурская военная держава.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.— СЭ, 1966, № 3.
2. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979.
3. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV—VIII вв.).— СА, 1973, № 4.
4. *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге.— Тр. ТКАЭ, 1960, т. 1.
5. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
6. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Наука, 1965.
7. *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— Тр. ТКАЭЭ, 1966, т. II.
8. *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности.— СА, 1966, № 3.
9. *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в. М.: Наука, 1965.
10. История Киргизии. Фрунзе, 1963, т. 1.
11. *Стамбульник Э. У.* Новые памятники изобразительного искусства послескифского времени из Центральной Тувы.— Тез. докл. всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979.
12. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 3.
13. *Руденко С. И.* Культура гуннов и ноинульские курганы. М., 1962.
14. *Ковалевская В. Б.* К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
15. *Киселев С. В.* Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан: Хакасское областное гос. изд-во, 1951.
16. *Нечаева Л. Г.* Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты.— Тр. ТКАЭЭ, 1966, т. II.
17. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
18. *Распопова В. И.* Щит с горы Муг.— КСИА АН СССР, 1973, № 136.
19. *Рабинович М. Г.* Из истории русского оружия IX—XV вв.— Тр. ИЭ, 1947, т. I.
20. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири.— МИА, 1949, № 9.
21. *Грач А. Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы.— КСИА АН СССР, 1968, № 114.
22. *Левашова В. П.* Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, 1951, № 24.

B. B. Ovchinnikova

ANCIENT TURKIC WARRIOR'S BURIAL IN CENTRAL TUVA

Summary

The author describes a burial mound of a warrior and his horse in Central Tuva (Ai-myrlyg-III burial) which was shaft-and-chamber tomb. The buried warrior was placed in a wicker acacia coffin and separated from his horse by a birch «fence». Among the objects found in the grave were a shield, a quiver and arrows, a broadsword, a riverted iron cauldron, a leather belt with bronze decorations and a small leather sack with a Chinese coin and some ritual objects. Stirrips, curb-bits and a saddle were found near the horse's skeleton. The author dates the burial to the 8th-9th centuries, citing a number of analogies in support and hypothesises on the social status of the buried.

Заметки

ЖИЛИН М. Г.

О ДАТИРОВКЕ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СТОЯНКИ ПЛЕЩЕЕВО I

Стоянка Плещеево I находится в Переславском районе Ярославской области, в 0,8 км к юго-юго-востоку от стоянки Польцо и р. Векса, в 0,2 км к западу-юго-западу от развилки узкоколейной железной дороги Переславль — Вёкса. Она располагается на мысу древнего берега Плещеева озера. Поверхность стоянки задернована, поросла молодым сосняком, южная часть ее нарушена при строительстве узкоколейной железной дороги. Памятник открыт А. Л. Никитиным в 1957 г. [1], частично раскопан им же в 1964 г. [2] (вскрыто 32 м^2: основной раскоп — траншея 2×10 м и два шурфа 2×4 и 2×2 м), опубликован в 1978 г. [3, с. 249—251].

При сопоставлении данных, приведенных в публикации и в отчетах, бросаются в глаза определенные несоответствия. Так, в публикации приведена следующая стратиграфия основного раскопа: «1. 0 — 0,35 м — хорошо развитый подзол без находок; 2. 0,35 — 0,59 м — ярко-оранжевый песок с угольками, редкими кремневыми орудиями и керамикой; 3. 0,59 м и ниже — слоистые пески озерных отложений» [3, с. 250]. На продольном разрезе основного раскопа 1964 г. стратиграфия выглядит так [2]: 1 — почвенно-растительный слой 0,08—0,18 м; 2 — эоловые пески (подпочва) 0,30—0,50 м; 3 — песок материка.

Слой с находками здесь вообще не указан. В публикации и отчете за 1964 г. говорится, что керамика залегала преимущественно в нижней части культурного слоя [2; 3, с. 250], а в отчете за 1957 г. написано, что было установлено залегание керамики несколько выше уровня залегания кремневых орудий [1]. В статье А. Л. Никитин пишет, что основной раскоп был, видимо, впущен в неглубокую впадину наземного жилища [3, с. 250], однако ни каких-либо признаков жилища, ни следов этой впадины ни на плане, ни на разрезе раскопа 1964 г. не зафиксировано. Более того, судя по разрезу, мощность наслоений одинакова по всему раскопу, редкие находки рассеяны довольно равномерно по его площади [2]. Наличие жилища в публикации подтверждается дифференциацией находок. Так, А. Л. Никитин указывает, что все наконечники стрел и пластины с ретушью найдены за пределами впадины [3, с. 250], однако один наконечник стрелы отмечен на плане основного раскопа 1964 г. в непосредственной близости от фрагмента керамики [2]. Изучение коллекции из основного раскопа 1964 г.[1] показало, что там имеются и пластины с ретушью. Подобные несоответствия поставили под сомнение данные, приведенные в статье А. Л. Никитина. Что же касается выводов исследователя, они также неправдоподобны. Керамика, отнесенная А. Л. Никитиным к эпохе бронзы, поразительно похожа на некоторые типы керамики верхневолжской культуры; «микролитический» кремневый инвентарь, как указывает А. Л. Никитин, «согласно типологической классификации Л. В. Кольцова относящийся к позднему мезолиту» [3, с. 251], содержит некоторые типы орудий (например, наконечник стрелы, ретушированный по периметру на брюшке, а по одному

[1] Материал хранится в Гос. Эрмитаже, оп. хр. 124.

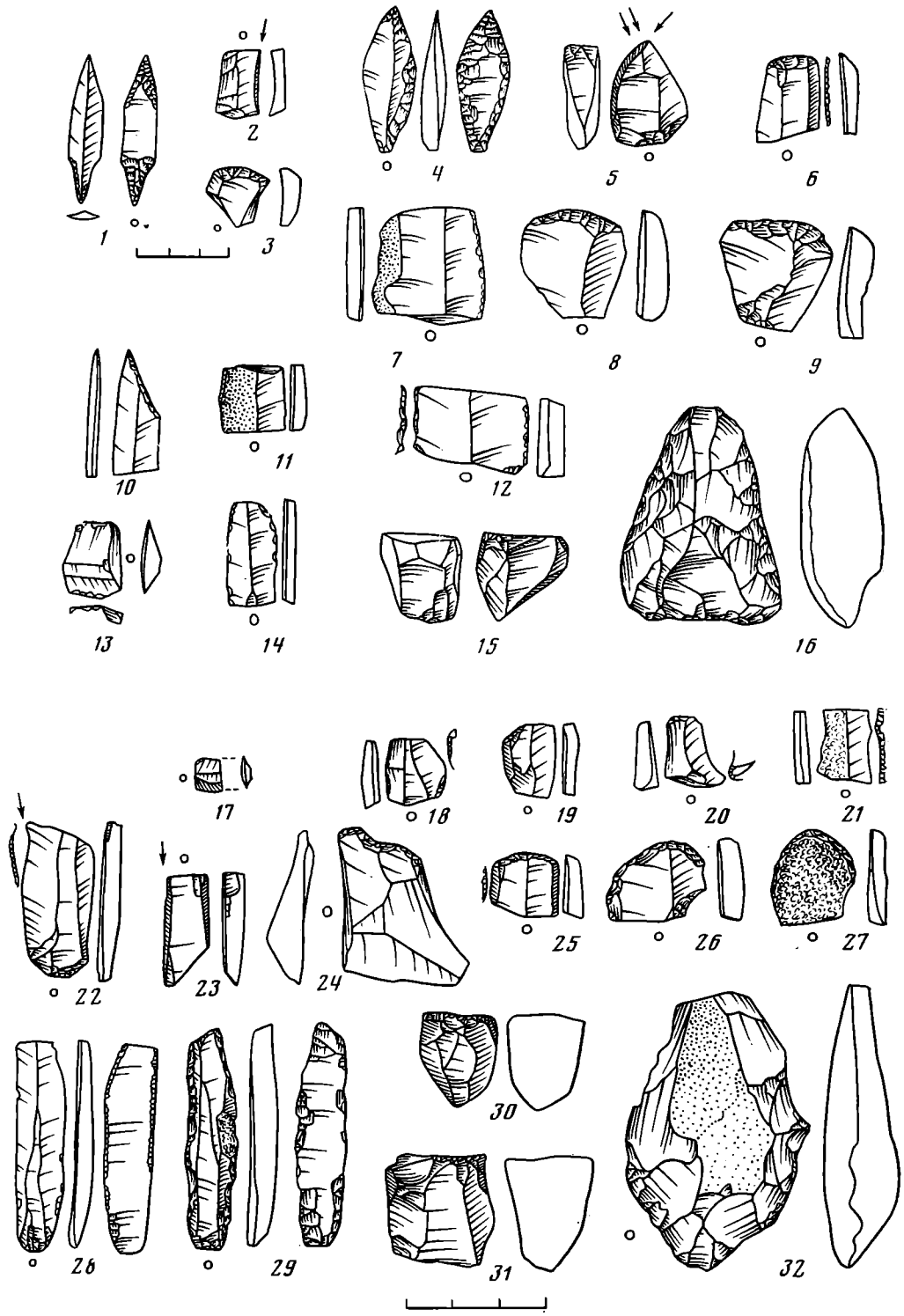


Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки Плещеево I: *1—3* — из сборов А. Л. Никитина 1957 г.; *4—16* — из раскопок А. Л. Никитина 1964; *17—32* — из контрольной прирезки 1979 г.

краю и на спинке,— рис. 1, *4*), которые Л. В. Кольцов не относил к позднему мезолиту.

Такое положение вещей требовало проведения дополнительных раскопок стоянки Плещеево I для выяснения стратиграфии памятника, наличия жилища эпохи бронзы, связи кремневого инвентаря с керамикой и проверки выводов А. Л. Никитина. Эти раскопки и были проведены летом 1979 г. под руководством Д. А. Крайнова [4]. Нами зачищены стенки основного раскопа А. Л. Никитина, после чего к его южной части

(где прослежен наиболее мощный слой рыжего песка с находками) прирезано по пять квадратов 1×1 м к западной и восточной стенкам и шесть таких же квадратов к южной стенке. Установлена следующая стратиграфия: 1 — дерн — 0,05 м; 2 — почвенный горизонт В — 0,13 м; 3 — серовато-желтый, местами рыжий песок — 0,22 м; 4 — заиленный песок с ортзандами.

Находки начали встречаться с глубины 0,12 м, наибольшее их количество обнаружено в верхней части серовато-желтого песка на глубине 0,15 — 0,25 м. Глубже 0,30 м находок не встречено. Бо́льшая часть фрагментов керамики найдена на глубине 0,15—0,25 м, т. е. на той же глубине, что и основная часть кремневого инвентаря. Никаких следов жилищной впадины или других признаков, указывающих на наличие здесь жилища, не обнаружено. Редкие находки залегали довольно равномерно, не́ образуя компактных скоплений. Несколько больше их отмечалось в юго-западной части прирезки.

В южной части контрольной прирезки прослежена яма, появившаяся на глубине 0,16 м в виде неправильно-округлого пятна на контакте почвенного горизонта В и желтого песка. Диаметр ее около 1,30 м, глубина 0,18 м, дно котлообразное, неровное, стенки довольно пологие. Заполнение ямы — серый песок. В северо-западной части ямы на глубине 0,02—0,04 м от ее дневной поверхности обнаружено несколько мелких фрагментов от одного сосуда поздняковской культуры. Яма опущена из почвенного горизонта В в желтый песок, являющийся культурным слоем стоянки, дно ямы не достигло материкового песка. Стратиграфически эта яма датируется несомненно более поздним временем, чем культурный слой стоянки, и с ним не связана. За пределами ямы ни одного фрагмента поздняковской керамики не найдено, не встречено и кремневых изделий, которые можно было бы отнести к поздняковской культуре. Среди находок А. Л. Никитина также нет ни одного поздняковского изделия.

Керамика, обнаруженная в контрольной прирезке (рис. 2, *9*, *10*), изготовлена из глины с органической примесью, толщина стенок 7 мм, орнамент разреженный, выполнен узким и коротким гребенчатым штампом, поставленным наклонно; на внутренней поверхности фрагментов заметны расчесы. Все семь фрагментов, вероятно, принадлежат одному сосуду. Абсолютно аналогична описанной керамика из основного раскопа А. Л. Никитина [2], представленная 11 фрагментами, вероятно, от того же сосуда (рис. 2, *5—8*). Кремневый инвентарь из контрольной прирезки включает: два одноплощадочных (рис. 1, *30, 31*), один аморфный нуклеус и два нуклевидных куска; 11 пластин; 97 отщепов; оббитый кусок сланца и 22 орудия, среди которых два подокруглых скребка на отщепах (рис. 1, *26*, *27*) и один концевой скребок-нож на пластине (рис. 1, *25*); два ножа на пластинах (рис. 1, *21*, *28*); два вкладыша из сечений пластин (рис. 1, *17, 18*); дублированное сверло на пластине, обработанное крутой ретушью на спинке и подправленное плоской на брюшке (рис. 1, *29*); скобель на отщепе (рис. 1, *24*); два угловых микроскребка — один на сечении пластины (рис. 1, *19*), другой на отщепе, двойной (рис. 1, *20*); два угловых резца на пластинах (рис. 1, *22*, *23*), причем один на пластине с ретушью; двусторонне оббитая по краям заготовка, вероятно, рубящего орудия (рис. 1, *32*); два отбойника из галек и отщепы с нерегулярной ретушью. На некоторых пластинах хорошо заметны следы работы в виде выкрошенности на краях.

Поскольку в публикации А. Л. Никитина кремневый инвентарь описан очень кратко, а некоторые типы изделий не упомянуты вообще, будет уместно для полноты картины дать описание и этого материала. Из сборов 1957 г. происходят следующие орудия [1]: черешковый наконечник стрелы на пластине (черешок и кончик пера обработаны плоской ретушью на брюшке, края черешка еще подправлены и мелкой ретушью на спинке — рис. 1, *1*); боковой резец на углу сломанной пластины (рис. 1, *2*); краевой отщеп резца; концевой скребок на отщепе (рис. 1, *3*); заготовка клиновидного нуклеуса; отщепы кремня и четыре фрагмента керамики, вероятно, от одного сосуда (органическая примесь в тесте, толщина сте-

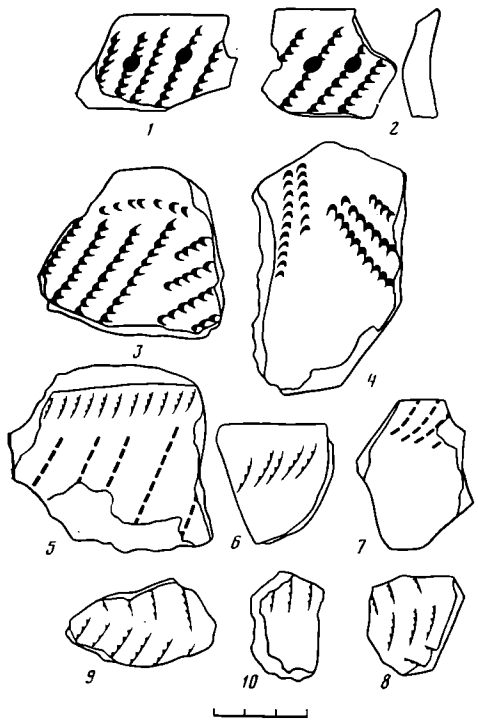


Рис. 2. Керамика стоянки Плещеево I: *1—4* — из сборов А. Л. Никитина 1957 г.; *5—8* — из раскопок А. Л. Никитина 1964 г.; *9*, *10* — из контрольной прирезки 1979 г.

нок 7 мм, венчик слегка отогнут наружу и скошен внутрь). Все фрагменты орнаментированы оттисками отступающей лопаточки, причем оттиски на разных фрагментах абсолютно тождественны; на перегибе венчика поверх оттисков лопаточки нанесен ряд редких ямок (рис. 2, *1—4*) [1].

В 1964 г. обнаружены следующие находки [2]: три нуклевидных куска и три нуклеуса, из которых два аморфные от отщепов, а третий подконический от пластин и отщепов, первоначально одноплощадочный, затем основание его отсечено сколом и с получившейся площадки сколото три мелкие пластинки (рис. 1, *15*). Найдено 12 ножевидных пластин без вторичной обработки, две ребристые пластины и 25 кремневых орудий: концевой скребок — нож на пластине (рис. 1, *6*), два концевых скребка на отщепах (рис. 1, *8*, *9*), обломок такого же скребка, четыре аморфных скребка на отщепах, грубый срединный резец на отщепе (рис. 1, *5*), четыре вкладыша из сечений пластин — низкий, средний и два высоких (рис. 1, *7*, *12—14*), края их сработаны, углы затуплены и выкрошены. Интересно острие со скошенным крутой ретушью концом на пластине (рис. 1, *10*) и сечение пластины с обработанным мелкой крутой ретушью углом (рис. 1, *11*). Коллекцию дополняют сверло из пластины, практически лишенное вторичной обработки, но с четкими следами работы на конце и двусторонне оббитое долотовидное орудие треугольной формы с намеченным желобком (рис. 1, *16*). Особо следует отметить листовидный наконечник стрелы на пластине, обработанный по периметру пологой ретушью на брюшке и подправленный полукрутой ретушью по одному краю на спинке (рис. 1, *4*). Помимо этого найдена одна пластина с ретушью и шесть отщепов с ретушью, отщепы кремня и описанные выше 11 фрагментов керамики.

Керамика и кремневый инвентарь на стоянке Плещеево I залегают в одном и том же слое, на одинаковых глубинах, рядом друг с другом. Анализ стратиграфии и планиграфии памятника позволяет говорить об одновременности керамики и кремневого инвентаря из культурного слоя стоянки, а также и разных типов орудий, составляющих этот инвентарь, что подтверждается и типологическим анализом находок.

Для кремневого инвентаря стоянки Плещеево I характерны следующие черты: наконечники стрел на пластинах с частичной вторичной обработкой; концевые, подокруглые, аморфные скребки и микроскребки; резцы на углу сломанной пластины и срединного типа; вкладыши из сечений пластин; сверла на пластинах; пластины со скошенным концом; двусторонне оббитые рубящие орудия, в том числе долотовидное; различные пластины и отщепы с ретушью; мелкие нуклеусы от пластин и отщепов; отбойники. Орудий, сделанных на пластинах и на отщепах, примерно поровну.

Несмотря на сходство отдельных орудий с мезолитическими, весь комплекс кремневых орудий данной стоянки не находит аналогий среди мезолитических памятников Волго-Окского бассейна. Аналогии всему комплексу кремневых орудий стоянки Плещеево I имеются только среди памятников верхневолжской культуры [5, с. 42—62; 6, с. 146—157]

Керамика, совершенно аналогичная описанной, встречается также только на памятниках верхневолжской культуры [5], причем именно с таким кремневым инвентарем. В эпоху бронзы подобная керамика в Волго-Окском бассейне неизвестна. Наиболее близкие аналогии прослеживаются в материалах стоянок Кухмарь I и III [8, 10], Торговище I и II [10], Ивановская III, V, VII [7—10]. На стоянке Польцо также есть такая керамика и кремневые изделия, причем, как неоднократно отмечалось Д. А. Крайновым, эти находки встречаются в верхневолжских слоях и залегают в основании культурных напластований, под слоями с ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой [8, 11].

Таким образом, стоянку Плещеево I следует отнести к ранненеолитической верхневолжской культуре. Серия радиоуглеродных дат, полученных со стоянок верхневолжской культуры [12], позволяет датировать стоянку Плещеево I концом V — первой половиной IV тысячелетия до н. э., что хорошо увязывается и с древней историей Плещеева озера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин А. Л.* Отчет об археологической разведке 1957 г. в Переславском районе Ярославской области.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 1637.
2. *Никитин А. Л.* Отчет о полевых исследованиях в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 4178.
3. *Никитин А. Л.* Стоянка Плещеево I.— СА, 1978, № 4.
4. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1979 г. (см. *Крайнов Д. А., Жилин М. Г.* Раскопки стоянки Плещеево I в 1979 г.).— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 7548.
5. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.
6. *Сидоров В. В.* Давыдковская стоянка на р. Яхроме.— СА, 1973, № 2.
7. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1972 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 4801.
8. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 5033.
9. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1974 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 5992.
10. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 6903.
11. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 7548.
12. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА АН СССР, 1978, № 153.

МОЛЧАНОВ А. А.

ЕЩЕ РАЗ О ТАМАНСКОМ БРОНЗОВОМ «БРАКТЕАТЕ»

Появление каждого нового памятника X — первой половины XI в. с изображением княжеского знака имеет важное значение для решения вопроса о происхождении и начальной эволюции знаменитой родовой тамги князей Рюриковичей. Так называемый «брактеат» с княжеским знаком из находок на Тамани, известный уже давно, казалось бы, не принадлежит к числу новых памятников. Однако исправление предложенной для него в свое время неверной атрибуции представляет несомненный интерес для исследователя раннего периода истории русской княжеской геральдики домонгольского времени.

Таманский «брактеат» (хранится в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея, инв. № 71775) был издан впервые А. В. Орешниковым. Исследователь отнес его ко второй половине XI в., основываясь на сходстве знака со знаком на печати, ошибочно приписывавшейся тогда князю Всеволоду — Кириллу Ольговичу [1, с. 85, табл. I, 17; VI, 10] [1]. В «Указателе изображений на таблицах», которым снабжена книга А. В. Орешникова, составленном уже после смерти автора, «бракте-

[1] Об ошибочности атрибуции указанной печати и общих причинах неудачи в исследованиях булл данного типа см. работу В. Л. Янина [2, с. 138—143].

ат», видимо, на том же основании отнесен тмутараканскому князю Олегу — Михаилу Святославичу, отцу Всеволода — Кирилла Ольговича [1, с. 93—94].

Специальное исследование посвятил «брактеату» Н. В. Энговатов [3, с. 103—107]. Взяв знак «брактеата» (рис. 1) в зеркальном отражении и усматривая в нем тамгу князя Всеволода — Кирилла Ольговича, он в соответствии с этим поставил перед собой задачу прочитать в полустертой, неразборчивой надписи вокруг знака характерную для русских княжеских булл конца XI — первой половины XII в. (печатей с русской благопожелательной надписью) формулу типа «Господи, помози рабу своему...» и имя «Кирил», что и постарался выполнить с помощью всевозможных палеографических натяжек. В результате у него получился следующий текст: «помози ми гсди (т. е. господи.— *А. М.*) Кирилу». Несостоятельность такого способа прочтения очевидна.

Таманский «брактеат» представляет собой круглую тонкую бронзовую пластинку с частично обломанными краями, изображение княжеского лично-родового знака и круговая надпись на которой оттиснуты штампом так, что они проступают на обеих сторонах ее, отчего этот предмет неизвестного в точности назначения и получил в литературе свое условное название. Правильное положение его при рассматривании с полной определенностью помогают выяснить сохранившиеся на одной из сторон остатки припоя, с помощью которого пластинка-«брактеат» первоначально прикреплялась к какому-то другому металлическому предмету. Служить же матрицей для оттискивания изображения на мягком материале, например на воске, «брактеат» не мог, так как сам имеет характер не слишком четкого оттиска. Таким образом обнаруживается, что Н. В. Энговатов исходил в своей интерпретации надписи из ее зеркальной прорисовки.

Что касается датировки «брактеата», основывающейся на начертании его знака, то следует заметить, что близость последнего знаку на печати, ошибочно приписанной сначала Н. П. Лихачевым [4, с. 205], а вслед за ним А. В. Орешниковым [5, с. 105] и Б. А. Рыбаковым [6, с. 233] князю Всеволоду — Кириллу Ольговичу [2, с. 217, табл. 67, № 289], лишь кажущаяся. Знак «брактеата» отличается от знака на указанной печати, как и от всех других позднейших лично-родовых тамг князей Рюриковичей, начиная со второй половины XI в., одной существенной особенностью своей графики. Дело в том, что важнейшей характерной чертой знаков X — первой половины XI в. является присутствие «нижнего угла» — треугольного или закругленного выступа, который отмечается и у знака «брактеата». И более поздние, «линейно-геометризованные» тамги — двузубцы и трезубцы всегда имеют нижний отросток или же отростки той или иной формы, но только не такой архаической, как у известных нам княжеских знаков, начиная со Святослава Игоревича и кончая Ярославом Мудрым [ср.: 2, с. 36—41]. В этом отношении знак «брактеата» ближе всего стоит к знаку на монетах Святополка Окаянного, являясь в схематическом виде его точным зеркальным отражением. Отсюда неизбежно вытекает предположение о принадлежности его одному из братьев Святополка, а именно, принимая во внимание место находки «брактеата», Мстиславу Тмутараканскому. Сходство начертания букв в легендах древнейших русских монет конца X — начала XI в. и в надписи на «брактеате», подмеченное Н. В. Энговатовым [3, с. 106—107], заставляя датировать данный памятник первой половиной XI в., говорит в пользу такого предположения.

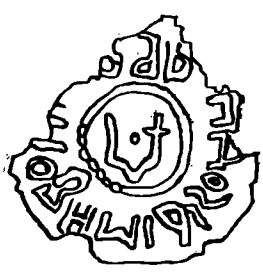


Рис. 1. Таманский брактеат

Правда, одно время Мстиславу приписывался совсем иной знак — на костяном налучье из раскопок на Тамани, изданный, однако, только в прорисовке [6, с. 241, 242, рис. 41, прорисовка по фото А. П. Круглова]. Не имея возможности познакомиться с ним в подлиннике, мы не можем быть уверены в точности его воспроизведения. В прорисовке, изданной Б. А. Ры-

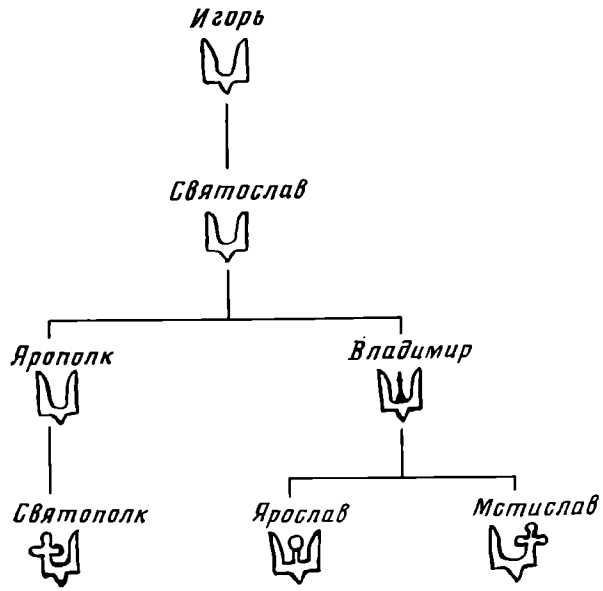


Рис. 2. Генеалогическая таблица древнейших лично-родовых знаков князей Рюриковичей (X — первая половина XI в.)

баковым, он очень похож на хорошо известный знак Владимира Святославича, отличаясь от него лишь четко выделенным ромбическим навершием на центральном зубце, что и послужило основанием для отнесения его одному из сыновей Владимира. Однако, быть может, данный знак является просто еще одним вариантом начертания знака того же Владимира Святославича или, что всего вероятней, Ярослава Мудрого, несколько искаженным рисовальщиком, слишком сильно утрировавшим форму навершия среднего зубца [2].

Кстати, примерно то же самое можно предположить и в отношении знака на известной печати князя Изяслава Владимировича, происходящей из новгородских раскопок [8, с. 39—46, рис. 11; 9, с. 157, 158, № 42, табл. V; 10, с. 229, 230, 233, рис. 64, 1]. Как известно, знаки киевских князей X — первой половины XI в.— Святослава Игоревича, Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого — не имеют строгого и абсолютного единообразия в деталях своего начертания. Они встречаются как в «парадном», так и в более упрощенном варианте. Все зависит от размеров предметов, на которых они изображались, материала, из которого эти предметы изготовлялись, технологии изготовления последних и степени декоративно-орнаментальной разработки графической композиции тамги. И для того чтобы можно было определить индивидуальную принадлежность того или иного княжеского знака, к его «конструктивной основе» добавлялся существенный и достаточно характерный дополнительный элемент. Знак же на печати Изяслава Владимировича не обнаруживает никакого четкого и принципиального отличия от многочисленных вариантов начертания тамги Владимира Святославича. Не случайно В. Л. Янин, чтобы выявить его конкретную индивидуальность, при переиздании его прорисовки в «Корпусе древнерусских булл» присоединяет к его левому зубцу букву «О» из круговой надписи в качестве добавочного элемента [2, с. 40, 41, рис. 4, с. 166, № 2], чего он не делал при первом ее издании, когда роль такого добавочного элемента для отличия от знака Владимира Святославича отводил тому крохотному крестику на вершине среднего зубца, который никак не воспринимается (что почувствовал и В. Л. Янин) как отчетливый индивидуальный признак особого варианта княжеского лично-родового знака. Так что знак

[2] Характерно, что, упоминая о находке налучья, державший его в собственных руках В. В. Мавродин говорит об изображенной на нем тамге Ярослава [7, с. 244].

на печати Изяслава Полоцкого принадлежит, скорее всего, не ему самому, а его отцу и сюзерену — Владимиру Святославичу.

Закономерности эволюции лично-родовых знаков князей Рюриковичей и принципы их наследования, в частности, в ранний период, остаются до сих пор малоизученными и недостаточно ясными. Несомненно только, что они не были всегда одинаковыми и изменялись в зависимости от исторических судеб княжеского рода. Во всяком случае киевские князья X в.— Святослав Игоревич и его отец Игорь (а следовательно, и их предшественник и родич Олег и даже, может быть, легендарный Рюрик) имели, по-видимому, совершенно одинаковый знак, так как его схема еще у Святослава остается предельно простой (см. рис. 2). Толчком же к видоизменению первоначально единственного княжеского родового знака (и одновременно единой государственной эмблемы «империи Рюриковичей») и применению «системы отпятнышей» послужили, надо полагать, первые отступления от вполне легитимного порядка перехода власти внутри княжеской семьи к очередному наследнику и возникновению феодальных усобиц между сыновьями сначала Святослава Игоревича, а затем Владимира Святославича.

Любопытно, что знаки многочисленных сыновей Владимира Святославича, сидевших по уделам, а также и тех князей — представителей следующего поколения, которые имели самостоятельные столы до середины XI в., нам неизвестны. От X — первой половины XI в. достоверно известны тамги лишь князей, занимавших киевский стол: Святослава, Владимира, Святополка и Ярослава (присвоение двумя последними индивидуальных знаков еще до занятия ими киевского стола связано, несомненно, с выдвижением претензий на него[3]). Весьма возможно, что в этот период княжеские знаки принадлежали на Руси лишь правителям стольного Киева, т. е. исключительно верховным государям всех русских земель. В таких условиях Мстислав Тмутараканский (умер в 1036 г.) остается в первой половине XI в. единственным удельным князем, кто мог бы официально иметь свой знак на равных правах с киевским князем, располагая для этого всеми законными основаниями после раздела с братом Ярославом русских земель в 1026 т. Начать же пользоваться своим собственным знаком Мстислав мог уже на самом первом этапе борьбы с ним — в 1023 или 1024 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.
2. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1. М., 1970.
3. *Энговатов Н. В.* Таманский брактеат Всеволода (Кирилла) Ольговича.— НСф. 1963, т. 1.
4. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930.
5. *Орешников А. В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам.— Изв. АН СССР. Сер. VII. Отдел гуманит. наук, 1930.
6. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, 1940, т. VI.
7. *Мавродин В. В.* По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани.— ПИДО, 1935, № 9, 10.
8. *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века.— КСИИМК, 1955, № 57.
9. *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, 1956, № 55.
10. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М.: Наука, 1966.
11. *Молчанов А. А.* К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1973, № 3.

[3] Ср. выпуск монет с собственными тамгами Святополком в Турове и Ярославом в Новгороде [11, с. 80, 82, 84, 85].

ГОЛУБЕВА Л. А.

НОВЫЕ СКАНДИНАВСКИЕ НАХОДКИ В БЕЛОЗЕРЬЕ

Изделия стран Балтийского региона в Белозерье немногочисленны, а вещи скандинавского происхождения единичны [1, с. 285—295, рис. 1, *2*; 2, рис. 12, *4*, 13, *1*, *3*, *7—11*; 3, рис. 13, *7*]. Поэтому несомненный интерес представляют найденные в 1978 г. при раскопках поселения X в. «Крутик» у дер. Городище Кирилловского р-на Вологодской обл., в 6 км от р. Шексны (раскопки автора), бронзовые изделия: большая игла от кольцевидной фибулы — застежки мужского плаща и наконечник ножен меча (рис. 1, *1*, *2*).

Последняя находка особенно важна. Наконечник литой, ажурный, прекрасной выделки и сохранности, размером 7,8×4,1 см. Рисунок одинаков на обеих сторонах. Он выполнен в стиле Борре и представляет собой сочетание образа птицы и зверя. Контуры тулова птицы переданы переплетающимися в петли и кольца лентами. Хвост трехперый; верхняя часть крыльев украшена ложной зернью. В верхней части туловища две лапки зверя, вцепившиеся в рамку наконечника. По размерам, рисунку и прекрасному качеству литья наконечник может быть отнесен к выделенной П. Паульсеном первой скандинавской группе наконечников с мотивом птицы «чистых форм» скандинавского (шведского) происхождения [4, с. 17, 18, рис. 5—7, карта 1 на с. 180].

По находкам в мужских погребениях с мечами и другим инвентарем наконечники датируются второй половиной X в. Паульсен подчеркивает близость наконечников этой группы к скандинавской же, но восходящей к первой половине X в. группе наконечников с мотивом четвероногого зверя, увенчанных изображением мужской головы с выпученными глазами и пышными усами. Схематичное изображение такой головы видим и на навершиях наконечников рассматриваемой группы. В сводке Паульсена, составленной в 1953 г., перечислены 12 наконечников. Из них семь найдены в материковой Швеции и на островах Готланд и Эланд, два в Норвегии и по одному в Исландии, Дании и ФРГ (рис. 2).

На территории СССР такие наконечники по археологической литературе не были известны. Сходный ажурный наконечник из могилы 8 близ Линкунена в окрестностях Калининграда хранился ранее в Кенигсбергском музее [5, табл. 14, *1*]. Он справедливо отнесен Паульсеном к одному из пяти поздних наконечников группы (XI в.), уже отклонившихся от совершенной формы или изменивших рисунок, в котором исчезли черты зверя, а образ птицы превратился в орнаментальную схему, образованную переплетением лент.

В 70-е годы найдено (помимо Белозерья) еще два наконечника «чистых форм»: на Гнездовском селище [6, с. 78] в 1970 г. и в Новгороде [7, с. 45] в 1977 г. Наконечник из Гнездовского селища, опубликованный Т. А. Пушкиной [8, с. 289, рис. 2, 5], обнаружен в верхнем перепаханном слое. Последний насыщен изделиями X в., хотя включает

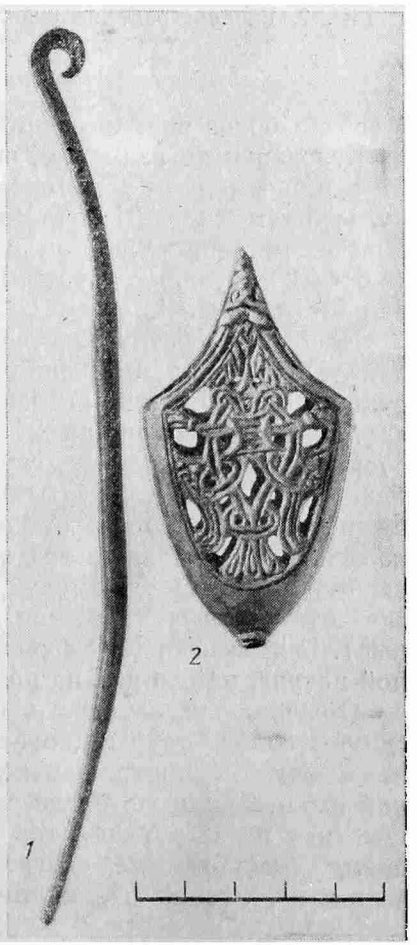


Рис. 1. *1* — бронзовая игла фибулы; *2* — наконечник ножен меча

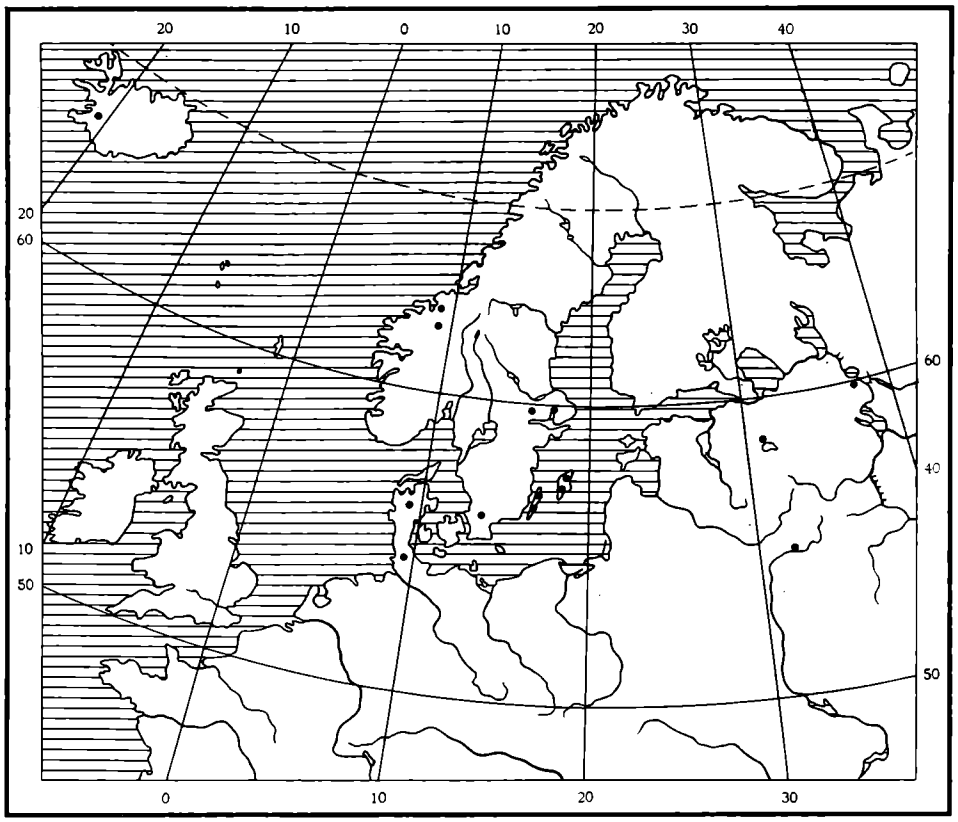


Рис. 2. Распространение скандинавских наконечников с мотивом птицы «чистых форм» (по П. Паульсену с дополнениями)

в себя и более поздние вещи. Наконечник совершенно сходен с находкой из Белозерья по размерам, оформлению ободка и деталям рисунка.

Наконечник из Новгорода обнаружен на IV Троицком раскопе в культурном слое 21 пласта, датирующегося 20—30-ми годами XI в. При сходстве рисунка он отличен от первых двух находок размерами (6,5×4,2 см), более коротким навершием и рубчатым орнаментом в верхней части ободка [1].

Необычны обстоятельства находки наконечника в дер. Городище. Он, как и бронзовая игла фибулы, обнаружен не на самом поселении, а в некотором удалении от него к северу, где культурный слой отсутствовал. Здесь на площади 24 м² обнаружено четыре очага в виде ям с обожженными стенками, глубиной до 0,8 м и размерами по верхнему краю до 1,8×1,4 м, вырытых в материке и заполненных обгоревшими камнями. В заполнении ям найдены железные изделия: половина пружинных ножниц, оригинальные треугольные пластинчатые и калачевидное кресала, призматический замочек, фитильная трубочка, стеклянные бусины — глазчатая и мозаичная, три обломка тиглей, льячка и формочка (глиняные). В ямах собрано свыше 500 обломков лепной керамики, тождественной посуде, найденной на поселении. Дата всех находок — X в.

Подобное устройство очагов неизвестно на «Крутике» и Белоозере, где бытовали круглые, овальные или прямоугольные очаги, сложенные из камней на поверхности или вокруг неглубокой (до 0,2 м) чашевидной ямки. Такие же очаги служили иногда для производственных целей, хотя как на «Крутике», так и на Белоозере обнаружены горны. В то же время «углубленные очаги» известны на Тимеровском и Гнездовском селищах [2], а также в Скандинавии.

[1] Благодарю Б. А. Колчина за сведения об этой находке.
[2] Любезное сообщение Е. В. Каменецкой.

Можно предположить, что очаги были сооружены на месте временной стоянки какой-то группы людей, чуждой обитателям поселка (воинов-торговцев?). Примечательно, что все три наконечника найдены там, где в X в. бывали скандинавы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубева Л. А.* Белоозерская весь и ее западные соседи в X — начале XI в.— Скандинавский сборник. Таллин, 1964, т. VIII.
2. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973.
3. *Тухтина Н. В.* Новый памятник веси на реке Суде.— Ежегодник государственного Исторического музея 1965—1966. М., 1970.
4. *Paulsen P.* Schwertorbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953.
5. *Berth von zur Muhlen.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen.— In: Bonner Hefte zur Voreschichte, Bonn, 1975, № 9.
6. *Авдусин Д. А.* Работы Смоленской экспедиции.— АО — 1970. М., 1971.
7. *Янин В. Л., Колчин Б. А., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С.* Новгородская экспедиция.— АО — 1977. М., 1978.
8. *Пушкина Т. А.* Скандинавские вещи из Гнездовского поселения.— СА, 1981, № 3.

БЕЛЫЙ А. В., МАНУЧАРЯН А. А.

ПЕЧАТЬ-ПЕРСТЕНЬ С АРМЯНСКОЙ НАДПИСЬЮ ИЗ КРЫМА

В 1978 г. при сельскохозяйственных земляных работах у с. Богатырь Бахчисарайского р-на на территории совхоза «Ароматный» был разрушен позднесредневековый могильник. В Бахчисарайский историко-архитектурный музей переданы найденные во время этих работ серебряный перстень с армянской надписью на сердоликовой вставке, серебряные пуговицы и две серебряные монеты Крымского ханства: Селим-Гирея II (1743—1748) и Крым-Гирея (1758—1764, 1768—1769), происходящие из разрушенных погребений.

Бахчисарайским музеем проведены небольшие охранные раскопки могильника. Он находится в 300—350 м к северу от с. Богатырь, в небольшой долине, ограниченной с севера и юго-запада невысокими холмами на правом берегу ручья — левого притока р. Бельбек. Могильник представляет собой большое христианское кладбище, где археолог-любитель М. И. Скубетов зафиксировал в 1914 г. 165 известняковых надгробий, окружавших развалины одноапсидного храма, в том числе одно с полустертой греческой надписью [1, с. 44] и пять с армянскими, которые датированы 1731, 1737 и 1777 гг. [2, 213—215]. Большинство надгробных памятников сохранялось, по данным Н. И. Репникова, до Великой Отечественной войны [3, л. 256—258]. В настоящее время все надгробия, а также остатки храма совершенно исчезли.

Работами 1978 г. на могильнике зачищено несколько грунтовых могил, облицованных плитами из местного песчаника. Они ориентированы по оси восток — запад с небольшим отклонением к юго-западу. Погребенные лежали на спине, головами на запад. Судя по немногочисленному инвентарю (мелкие серебряные украшения, стеклянная бусина), монетам и надписям на надгробиях, могильник у с. Богатырь можно датировать XVIII в., хотя не исключено, что его возникновение относится к более раннему времени. Могильник, по всей вероятности, функционировал

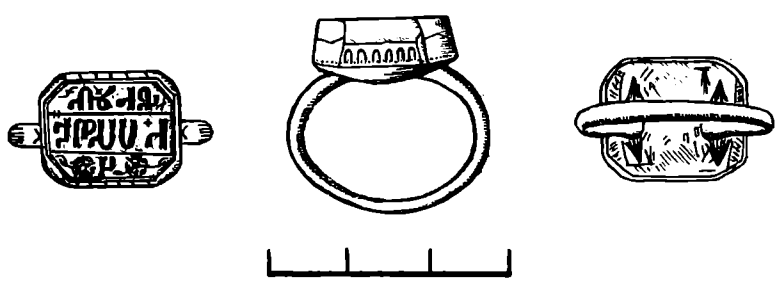


Рис. 1. Печать-перстень с армянской надписью из Крыма

Рис. 2. Надпись на сердоликовой вставке перстня

до 1778 г. и был заброшен после вывода А. В. Суворовым основной массы христианского населения из Крыма в Россию, в том числе и греческих жителей с. Богатырь [4, с. 6, 7, прим. 4]. Появление армянских погребений, о чем свидетельствуют армянские надписи на надгробиях и перстне, очевидно, следует связывать с армянами, переселившимися из Армении в Крым в начале XVII в. в связи с движением джелалиев и осевших помимо Восточного Крыма, в Гезлеве, Бахчисарае и других населенных пунктах юго-западной части полуострова [5, с. 103—105].

Серебряный перстень-печать с армянской надписью, обнаруженный в могильнике у с. Богатырь,— единственная находка подобного рода на территории Крыма (рис. 1). Он состоит из свального кольца размером 24×12 мм, припаянного к прямоугольному щитку. Углы последнего срезаны и щиток сделан восьмигранным. По бортику щиток опоясан выпуклым зубчатым орнаментом. Кольцо в сечении овальное (3×2 мм), в месте спайки концы его слегка расширены. Кольцо и щиток украшены гравировкой, в отдельных местах не сохранившейся. Вставка для надписи изготовлена из темно-красного сердолика (карнеола) [1]. На тщательно отполированной поверхности камня вырезана трехстрочная армянская надпись ՔՐ ԾՌ ԻՍՍՊԷԿ (ՔՐԻՍՏՈՍԻ ԾԱՌԱՅ ԻՍՍՊԷԿ) в зеркальном отображении, разделенная двумя горизонтальными черточками и заключенная в двойную прямоугольную рамку со срезанными углами (рис. 2). Нижняя строка украшена двумя пятилепестковыми розетками.

Сердолик является одним из наиболее распространенных минералов, использовавшихся для инкрустации украшений, а также при изготовлении гемм. В связи с этим представляют интерес данные армянского историка XVII в. Аракела Даврижеци, который в своем сочинении раскрывает символику драгоценных камней в понятии армян. В частности, он сообщает, что сердолик предохраняет его владельца при разрушении домов и обвале стен. «Камень этот охотно покупают османы, персы и все жители Румелии. Они вырезают на нем имя свое и вставляют в перстень» [7, с. 450]. Таким образом, историк описывает точно такой перстень, каким является перстень-печать, обнаруженный в могильнике у с. Богатырь.

Судя по надписи с указанием личного имени (слуга Христа Исапэк), печать предназначалась для индивидуального пользования, т. е. представляла не учреждение, а личность. Выражение «слуга Христа» показывает, что владелец печати Исапэк был духовным лицом. Это традиционная формулировка, распространенная в армянской эпиграфике XIII—XIX вв. Из того, что он являлся владельцем индивидуальной печати следует, что сан у него был достаточно высоким.

Палеографические особенности надписи указывают на позднее средневековье, в частности рисунок букв Ա, Է, Ր, Ք с толстыми и подчеркнуто изогнутыми ответвлениями, сильно выраженная разность величины стволов буквы Ղ.

Буквы ՔՐ̄ являются сокращенным обозначением родительного падежа имени Христа (QRISTOSI). Буквы ԾՌ̄ (ČR) содержат слово ԾԱՌԱՅ (ČARAJ — слуга). В сокращении это слово могло быть написано первой

[1] По определению кандидата геолого-минералогических наук В. А. Супрычева, сердолик не крымский и, возможно, происходит из Йемена или Деканского плоскогорья Индии [6, с. 34].

и последней буквами, как это делается в виде правила в армянской эпиграфике и древних рукописях. Хотя в сокращенном виде в надписях оно и не встречается, необходимость такого написания, вероятно, была вызвана ограниченностью места на печати, а форма сокращения — необычностью сокращенного написания этого слова.

Имя Исапэк не армянского происхождения, по смыслу содержит имя Иисус и пэк (правильнее бек) от арабского слова князь [8, с. 390]. Это имя в армянской действительности встречается исключительно в XVII в. [9 т. I, с. 552, 610, т. II, с. 26, 210, 211, 261] и вместе с палеографическими особенностями может служить основанием для датировки [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латышев В. В.* Новые христианские греческие надписи из Крыма.— ИТУАК, 1918, № 54.
2. *Кучук-Иоаннесов Х. И.* Армянские надписи из Крыма.— ИТУАК, 1915, № 52.
3. *Репников Н. И.* Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. Рукопись.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 10, д. 9.
4. *Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.— ИТУАК, 1920, № 57.
5. *Микаелян В. А.* На Крымской земле. Ереван, 1974.
6. *Патканов К. П.* Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. СПб., 1873.
7. *Аракел Даврижеци.* Книга историй. М., 1973.
8. *Ачарян Р.* Словарь армянских личных имен. Т. II. Ереван, 1944 (на арм. яз.).
9. Памятные записи армянских рукописей XVII века. Т. I (1601—1620 гг.) / Сост. *Акобян В., Иоаннисян А.* Ереван, 1974. Т. II (1621—1640 гг.). Ереван, 1978 (на древнеарм. яз.).

[2] Аналогичные печати обнаружены также в Армении, хранятся в Гос. историческом музее Армении. Все они датируются XVI—XVII вв.

ГАМЗАТОВ Г. Г.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ТЕРСКО-СУЛАКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

В сентябре 1979 г. Чирюртовский отряд ДАЭ провел разведки на территории Терско-Сулакского междуречья. В результате этих работ были обнаружены остатки четырех позднесредневековых поселений (рис. 1).

Сигитминское поселение (рис. 2) расположено на правом берегу Сулака, между Сигитминским и Верхнечирюртовским городищами. С трех сторон оно ограничено обрывистыми склонами берега и глубокими оврагами. Размеры поселения 550—600×100—150 м. По периметру площадки прослеживаются остатки жилищ в виде зольно-угольных пятен, в пределах которых найдены фрагменты керамики. Центральная часть поселения оставалась свободной от застройки. Возможно, она использовалась для загона скота. Такая планировка поселений известна, например, в древностях башкир [1, с. 100]. Пятна жилищ имеют овальные или округлые очертания диаметром 4—6 м. В некоторых прослеживается место очага, занимавшего срединное положение. Очевидно, жилища принадлежали к типу юрт или легких турлучных построек.

Сигитминское поселение является однослойным памятником. Керамика представлена в основном обломками красноглиняных золотоордынских сосудов с линейным или волнистым орнаментом, а также без орнамента (горшки, кувшины, чаши). Такая керамика характерна и для центральных районов Золотой Орды, в частности для Поволжья [2, с. 120] (рис. 3, *1—21*). Кроме того, встречаются отдельные фрагменты поливной зеленой керамики без росписи и керамики с черной росписью под бирюзовой прозрачной поливой (рис. 3, *22—24*). Такая керамика имеет аналогии на Маджарском, Царевском и Селитренном городищах [3, с. 102, 108], а также в Хорезме [4, с. 315—326].

Городище Исти-Су расположено на левом берегу р. Сулак, напротив

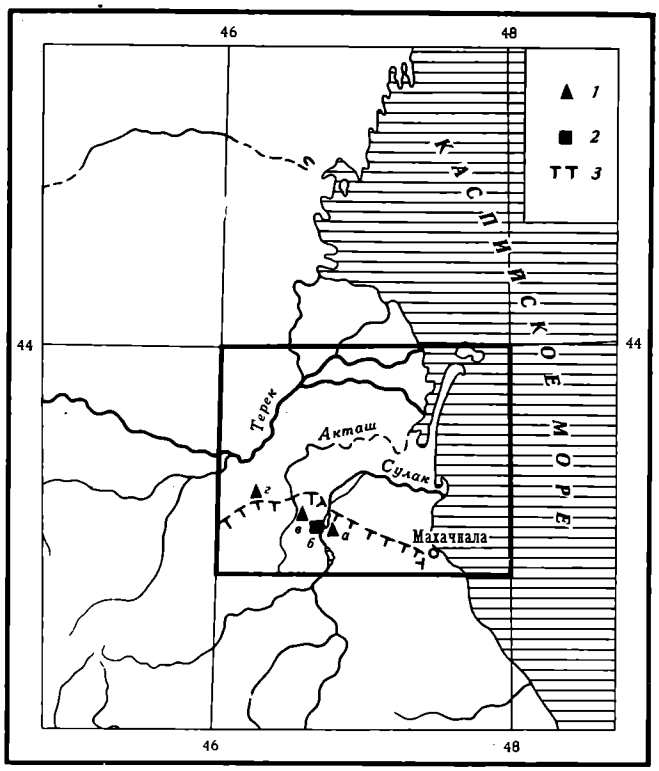


Рис. 1. Позднесредневековые поселения в Дагестане. *1* — поселения; *2* — городища; *3* — граница предгорий. *А* — Сигитминское поселение; *Б* — городище Исти-Су; *В* — Акташское поселение; *Г* — Бараганчинское поселение

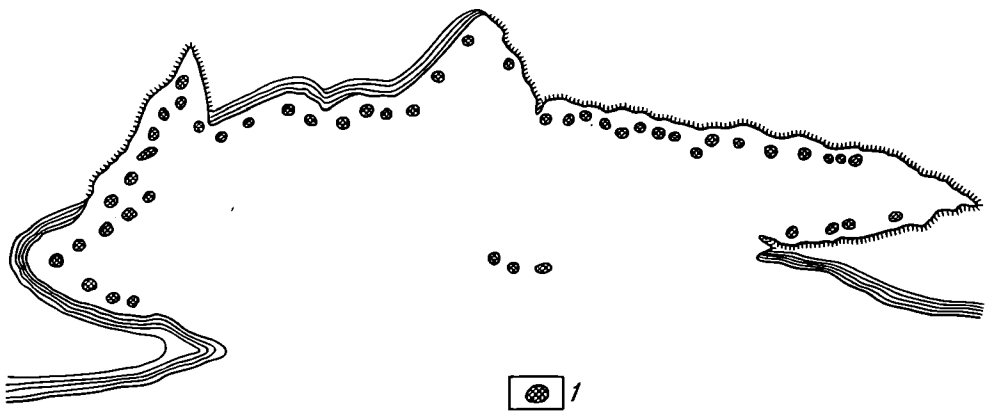


Рис. 2. План Сигитминского поселения. *1* — остатки жилищ — скопления угля, золы, обломков костей и керамики

Сигитминского поселения. Оно занимает ровную площадку надпойменной террасы, размерами 300×100 м, ограничено с севера глубоким оврагом, а с юга — обрывом высотой до 60 м. Впервые памятник был обследован в 1955 г. разведками в районе строительства Чирюртовской ГЭС [5, л. 123].

Городище имело двухчастную структуру: прослеживаются цитадель, ограниченная с востока выходами кладки, и шахристан, огражденный с западной стороны оборонительной стеной, сохранившейся в виде валообразной полосы с выходами кладки на отдельных участках. За стеной шахристана также попадаются обломки керамической посуды и прослеживаются пятна обожженности, позволяющие предположить наличие посада. По-видимому, трехчастная структура поселения возникла в более поздний период, так как за пределами укреплений встречается только позднесредневековая керамика.

Городище Исти-Су является двухслойным памятником. Нижний слой с характерной сероглиняной керамикой, датирующийся VII—IX вв. [6,

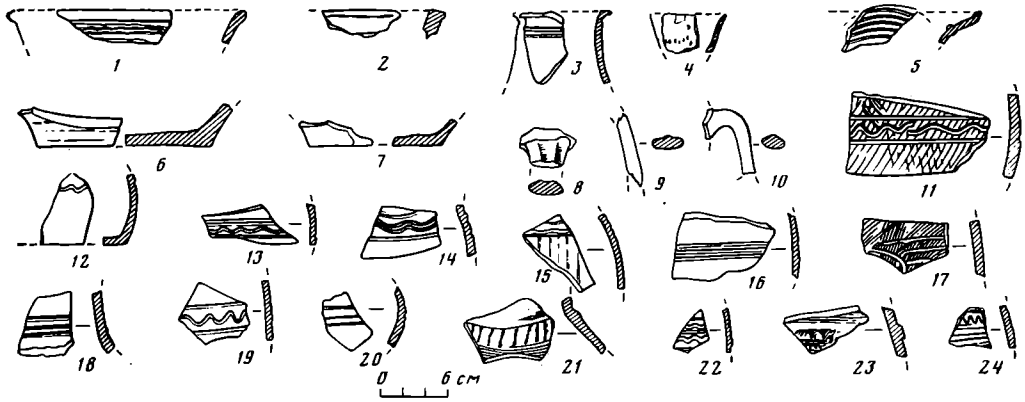


Рис. 3. Керамика с Сигитминского поселения. *1—21* — обломки неполивной посуды; *22—24* — обломки поливной посуды

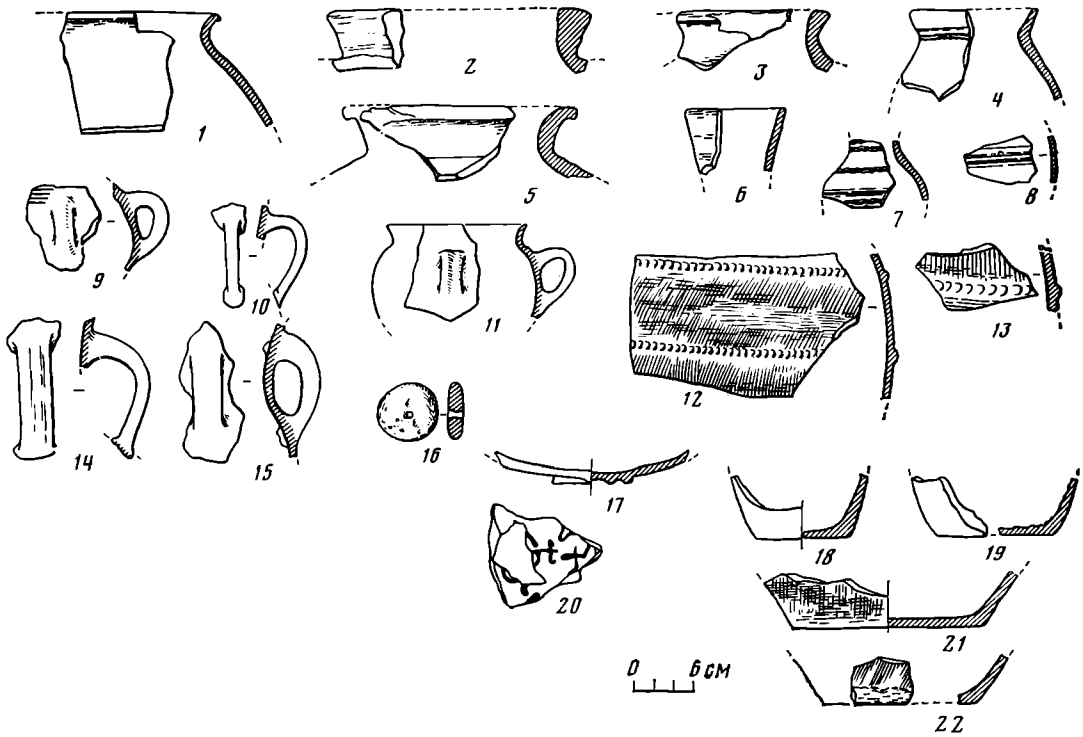


Рис. 4. Керамика золотоордынского времени с городища Исти-Су. *1—19*, *21*, *22* — обломки неполивной посуды; *20* — фрагмент поливной посуды

с. 204), перекрыт позднесредневековыми отложениями, насыщенными красноглиняной и поливной керамикой XIV—XVI вв. Обломки неполивной керамики — основной подъемный материал городища. Как и на Сигитминском поселении, она украшена волнистым и линейным орнаментом. Кроме того, встречены обломки сосудов, орнаментированные налепным валиком (рис. 4, *1—19*, *21*, *22*). Аналогичная керамика характерна и для районов Поволжья [2, с. 120].

Поливная керамика представлена единичными обломками сосудов с бирюзовой прозрачной поливой и черной росписью (рис. 4, *20*). Такая посуда типична для городищ золотоордынского Поволжья [3, с. 102], а также для позднесредневековых памятников Средней Азии, Армении и Ирана [4, с. 315—326; 7, с. 86—90].

Таким образом, мы можем выделить два периода функционирования городища Исти-Су: 1) хазарский (VII—IX вв.), 2) позднесредневековый (XIV—XVI вв.). По-видимому укрепления возникли еще в хазарское время. Однако они могли использоваться и во второй период жизни поселе-

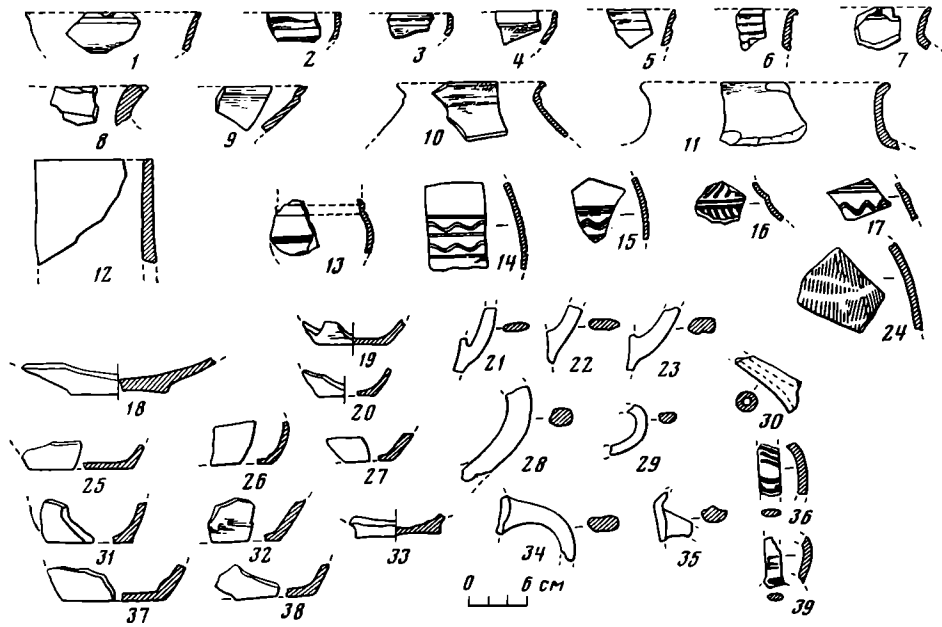


Рис. 5. Керамика с Акташского поселения. *1—15, 17, 35, 38, 37* — обломки неполивной посуды; *16, 36, 39* — обломки поливной посуды

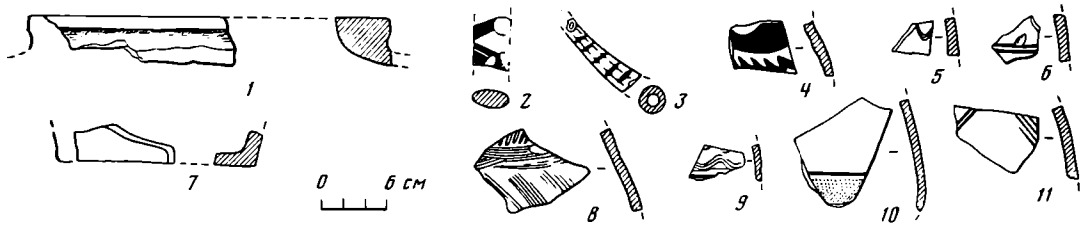


Рис. 6. Керамика золотоордынского времени с Бараганчинского поселения. *1, 5—11* — обломки неполивной посуды; *2—4* — обломки поливной посуды

ния, так как золотоордынский материал попадается на всей площади памятника.

Акташское поселение расположено на правом берегу р. Акташ. Оно ограничено с запада крутым и извилистым берегом реки, а с востока — склонами небольшого хребта. Поверхность поселения представляет собой ровную пойменную террасу размерами 500×300 м. По обрывистым склонам прослеживается культурный слой, достигающий местами 0,5 м. Поселение однослойное. Керамика представлена красноглиняной неполивной керамикой золотоордынского времени с линейным и волнистым орнаментом (рис. 5, *1—15, 17—35, 37, 39*), а также керамикой с черной росписью под прозрачной бирюзовой поливой (рис. 5, *16, 36, 39*).

Бараганчинское поселение расположено на расстоянии 2 км к северо-востоку от Бараганчи Хасавюртовского р-на. Площадь поселения более 1 км^2. Культурный слой поселения испорчен плантажной распашкой. Подъемный материал относится к хазарскому и золотоордынскому времени. Хазарский период характеризуется обломками сероглиняной керамики, золотоордынский — красноглиняной (рис. 6).

Таким образом, среди памятников золотоордынского времени на территории Терско-Сулакского междуречья преобладают неукрепленные поселения. Укрепления Исти-Су возникли, как отмечалось выше, в хазарское время. Известно, что монгольские города, как правило, не имели укреплений [8, с. 75], однако здесь древние стены, как это было в Дербенте [9, с. 77—79], могли использоваться и в XIV—XVI вв.

Характерной особенностью упомянутых памятников является то, что они располагаются в районе предгорий. Такую же картину мы наблюдаем и в VII—IX вв. [6 с. 200—216; 8, с. 63—74]. Это объясняется,

по-видимому, близостью воды и большим количеством надпойменных и пойменных террас, удобных для земледелия, скотоводства и садоводства. Очевидно, как и в хазарскую эпоху, население оседало на землю и начало активно ее осваивать.

Керамика XIV—XVI вв. аналогична на всех поселениях и полностью характеризует памятники Северного Дагестана. Ее типологическая близость с керамикой Поволжья и других областей, находившихся под властью монголов, свидетельствует о тесных связях Терско-Сулакского междуречья с центральными золотоордынскими землями и высокоразвитыми странами Средней Азии и Закавказья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I, Уфа: Башкнигоиздат, 1957.
2. *Михальченко С. Е.* Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья.— СА, 1973, № 3.
3. *Булатов Н. М.* Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов.— СА, 1968, № 4.
4. *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— Тр. ХЭ, 1959, IV.
5. *Канивец В. И., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П.* Отчет об археологических работах в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, 1158.
6. *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2.
7. *Кверфельд Э. К.* Керамика Ближнего Востока. Л.: Изд-во ГЭ, 1947.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Наука, 1973.
9. *Гамзатов Г. Г.* Внутренняя структура Дербента в послемонгольский период.— X Крупновские чтения по археолгии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.
10. *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии.— СА, 1975, № 3.

ШИШКИН К. В.

АЭРОМЕТОД КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ОЛЬВИИ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ

Аэрометод в изучении исторической топографии археологических памятников занимает особое место [1, 2] [1], так как в отличие от глазомерных и инструментальных топографических планов дает возможность вскрыть невидимую в поле древнюю ситуацию, повышая одновременно точность и взаимное положение контуров до их действительного положения на местности [3, с. 116—121].

Целью исследования является наглядное доказательство существования этих невидимых в поле признаков, но проявившихся на аэроснимках, попытка камерального их интерпретирования и последующего переноса этих признаков для изучения их в других районах. Для этого обратимся к работе А. Н. Карасева «Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города», опубликованный в МИА, № 50 за 1956 г. В ней в хронологической последовательности опубликованы планы: И. И. Кеппена — 1821 г., И. Бламберга — 1822 г., А. С. Уварова — 1848 г., К. Прудиуса — между 1861 и 1873 гг., И. М. Муравьева-Апостола — 1823 г. и план А. Чиркова — 1863 г.

Все эти планы выполнены полуинструментально, т. е. общая ситуация сделана графически в поле с помощью кипрегеля и мензулы, а детали зарисованы на глаз, что неизбежно ведет к определенной субъективности их передачи. Важной для нас характерной чертой всех планов является

[1] В указанных работах широко представлена библиография по применению аэрометода в археологии, которая в данной статье не приводится.

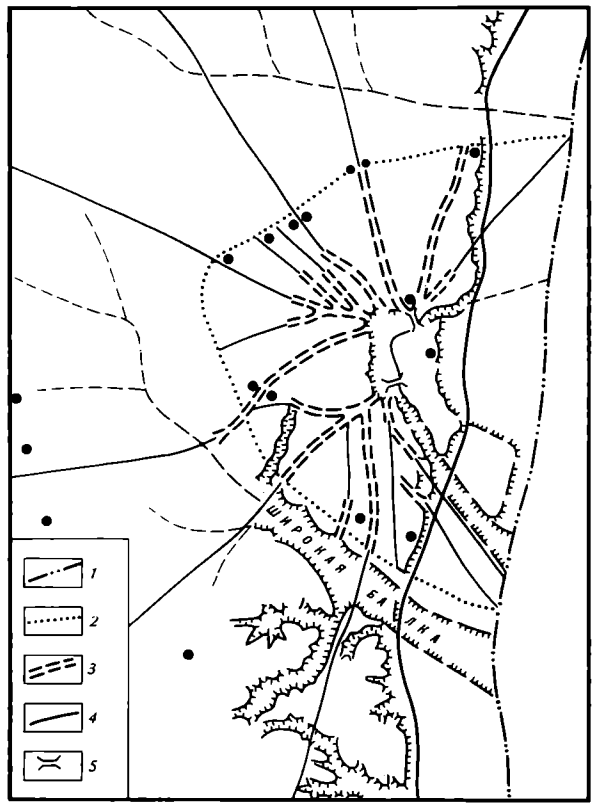


Рис. 1. Сводный план ситуации района Ольвии (по А. Н. Карасеву). *1* — предполагаемая древняя береговая линия; *2* — предполагаемая внешняя оборонительная линия; *3* — древние дороги, выраженные микрорельефом (углублениями); *4* — современная береговая линия и предполагаемые участки дорог; *5* — мост-плотина через ров

выделение всеми авторами с различной точностью и подробностью микрорельефа, составляющего основу видимой древней культурной топографии, изобразившейся на аэроснимке. А. Н. Карасев дает глубокий анализ всех планов и на его основе воссоздает синтетический описательный план, приближающий нас к действительности. В его работе на рис. 11 представлена сеть дорог древней Ольвии, восстановленная по старым планам. В нашей статье этот план с некоторыми упрощениями дан на рис. 1.

Заметим, что все микроуглубления в виде ровных по ширине ложбинок, показанные на плане Уварова, есть и на снимке. Они правильно интерпретированы А. Н. Карасевым как следы древних дорог, расходящихся от ворот Ольвии. Дорога, идущая на запад от южных ворот, на плане не показана. Она пропущена Уваровым, так как выход ее от ворот, как показывает аэроснимок, затерян в поздних земляных выработках. На аэроснимке (рис. 2) древние дороги выглядят мощными темными линиями. И чем дальше они уходят от города, тем слабее становятся, поскольку интенсивность движения с удалением от города, некрополя и земельных наделов падала. А видимый на снимке признак есть прямое отражение динамики развития дороги в каждой ее точке.

Как правильно отметил А. Н. Карасев, древние дороги у Ольвии представляют собой корытообразное углубление, образованное в результате постоянного многовекового выбивания и выдувания сначала чернозема, а затем и лёсса. Такие искусственные углубления в лёссовых толщах Китая, например, достигают глубины нескольких метров. Несколько меньшие подобные углубления широко известны в предгорьях Средней Азии, на Кавказе, Перекопе и в других местах, указывая на интенсивное долговременное функционирование дорог. Наиболее тяжелые частицы лёссовой пыли, оседая рядом с дорогой, образуют на фоне чернозема светлый ореол, который часто хорошо заметен на фотоизображении. Корытообразные же углубления постепенно заносятся верхними частицами чернозема и потому на перепаханной поверхности читаются темными полосами. В момент составления планов в поле видимые углубления от дорог оборвались в местах их исчезновения. На снимках же они продолжают читаться, что говорит об эффекте обобщения и фотографирования [4, с. 199—203]. Правда, при составлении планов они не были интерпретированы их авторами как древние дороги, это уже заслуга А. Н. Карасева.

Указанные выше признаки древних дорог не могут относиться ко времени дореволюционной колонизации южных степей хотя бы потому, что античная колонизация хронологически примерно в восемь раз длиннее ее. Во много раз была слабее и интенсивность движения по дорогам от с. Парутино по сравнению с Ольвией. Это видно из сравнения плана А. С. Уварова (VIIIA) с аэроснимком [5, с. 20, рис. 7]. По отношению к Ольвии с. Парутино, бывш. Ильинское, сместилось к северу. Соответственно сместились и направления дорог. Поэтому дороги эти не совпадают, за исключением отдельных участков. Современная планировка не соответствует ни древней, ни дореволюционной. Следовательно, обе системы находятся в одинаковых условиях — на фоне пашни. Однако в отличие от античной дореволюционная планировка как полей, так и дорог едва уловима в местах ее наиболее интенсивной эксплуатации, т. е. ближе к селу.

Итак, признаки древних дорог на аэроснимке следующие: 1) темная по отношению к общему фону слегка размытая линия, слабеющая по мере падения интенсивности движения по ней в древности; заметим, что все ныне действующие грунтовые дороги изображаются белым тоном; 2) в местах длительной и интенсивной эксплуатации дорог в древности при условии близкого залегания осветленных грунтов темная линия может сопровождаться светлым ореолом; 3) значительная разработанность дороги на спусках со временем превращается в промоины и овраги, поэтому прямым признаком бывшего следа древней дороги на крутых склонах является промоина или овраг, направление стока которого не совпадает с естественным; 4) значительная продолжительность линии; 5) обязательность смысловой нагрузки; 6) нарастание интенсивности линии и ее обрыв у берега или балки всегда указывает на место бывшего населенного пункта, а степень интенсивности косвенно указывает на его значительность.

Для исключения возможной ошибки необходимо пользоваться всем комплексом признаков. Ведь ров или тектонический разлом тоже читаются на снимке темными линиями, однако несут другую смысловую нагрузку, выраженную в направлениях, изгибах и т. д.

Рассматривая аэроснимок, нетрудно заметить, что на фоне современных прямоугольных полей видны светлые, слегка размытые полосы с темным ореолом, пересекающиеся под прямыми, иногда тупыми углами. В результате создается подпрямоугольная структура из площадей в 1—5 га. Особенно хорошо это заметно в левом нижнем углу снимка (рис. 2). Полосы эти не сопряжены с рельефом — ветвистая структура балок хорошо читается, но зато сопряжены с древними дорогами: дороги идут параллельно полосам, исчезая в них, либо у дорог полосы изменяют направление или заканчиваются, упираясь в них.

Признак полос — светлая линия с темным ореолом — является прямым следствием обратного профиля дороги, т. е. в древности эти полосы должны были представлять собою земляные валики, отсыпанные из смежных параллельных канав. Светлый грунт со дна канавок на вершине валика и дает осветленную полосу с темным ореолом от засыпанных гумусом канавок. О том, что это так, говорит гребнеобразная система развивающихся промоин во вторичных ответвлениях У-образного оврага, две главные ветви которого сливаются у берега Бугского лимана, в 4 км южнее Широкой балки (рис. 3). Промоины врезаются в концы темных полос, т. е. развиваются по микроуглублениям, вверх по склону.

Подобные структуры землепользования наблюдались мною при изучении аэроснимков Боспорского царства, тяготея к античным городам, местами в районе левобережья Днепра вниз от Каменского городища, где они обширны и хорошо развиты.

Поэтому нельзя не прийти к выводу, что мы видим перед собой систему античного землепользования, поскольку о более позднем земледелии в широких масштабах в этих районах упоминаний нет.

В отличие от Херсонеса земельные наделы Ольвии не имеют строгой планировки, дающей возможность по снимку четко выделить надел,

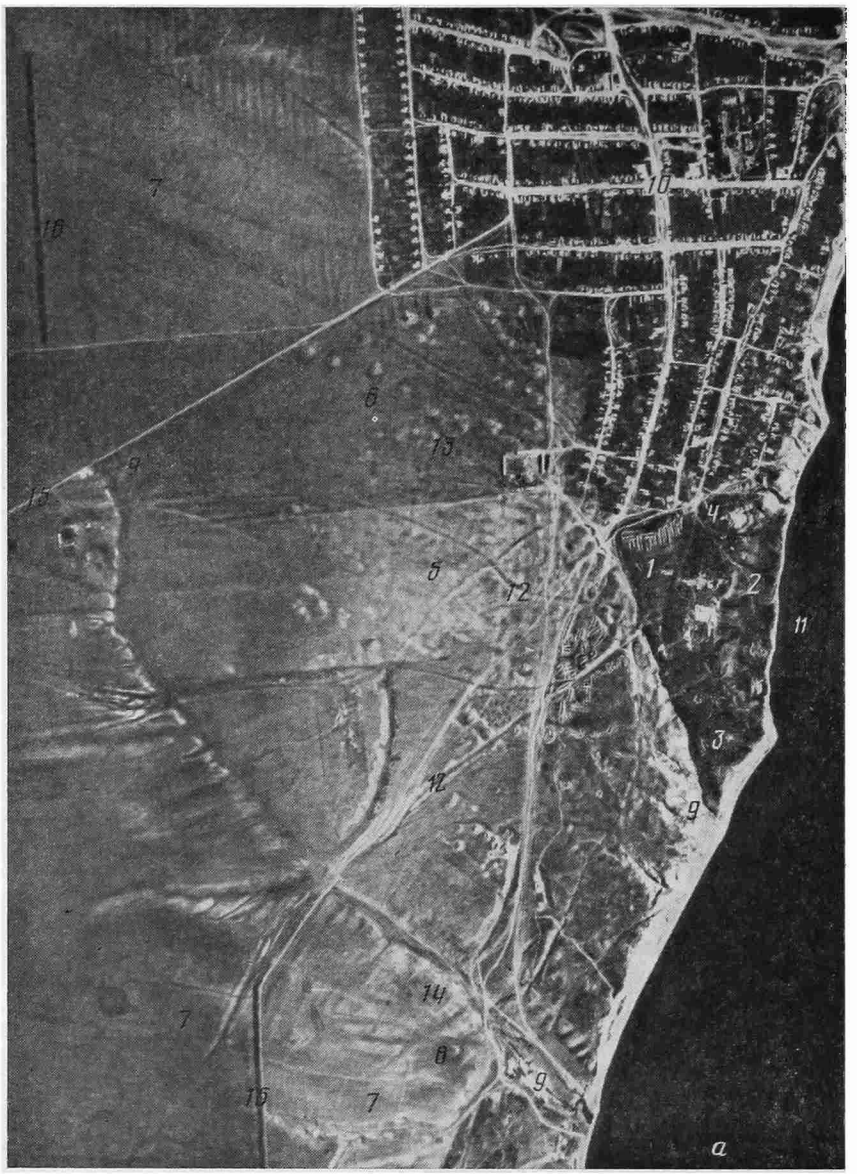
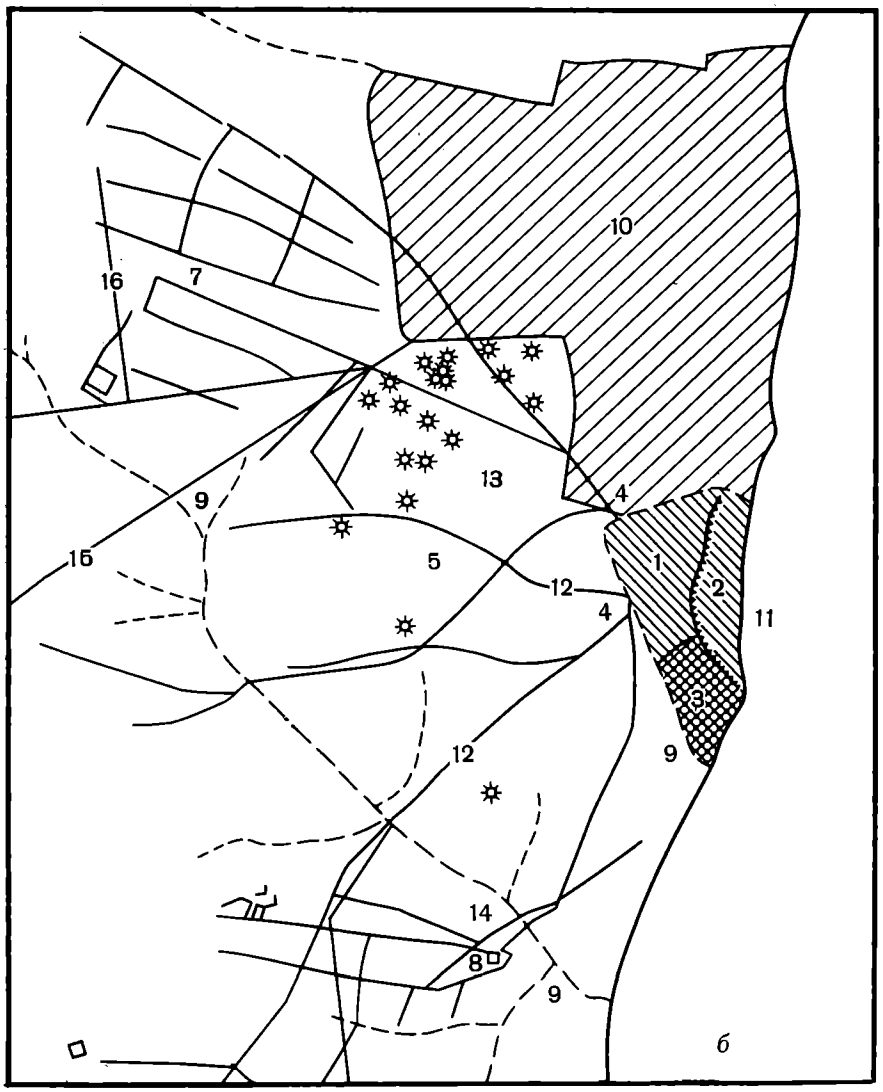


Рис. 2. Аэрофотоснимок Ольвии и ее окрестностей (*а*) и его расшифровка (*б*). *1* — изображение города раннего периода; *2* — нижний город; *3* — город римского времени; *4* — северные ворота; *5* и *13* — ранний некрополь — крупная пятнистость образована расплывшимися курганами, ныне урочище «Ста могил», *6* — основные курганы в северной части некрополя; *7* — античная размежевка полей; *8* — предполагаемые усадьбы; *9* — современные балки; *10* — с. Парутино; *11* — лиман; *12* — древние дороги, выраженные микрорельефом (углублениями); *14* — четкая, мелкая подпрямоугольная планировка — признаки бывш. деревни XIX в.; *15* — современные дороги; *16* — лесополоса

внутреннюю его планировку и усадьбу, хотя признаки усадеб наблюдаются и здесь в виде слабовыраженных светлых прямоугольников размером примерно 50×50 м. Впрочем, все здесь сказанное требует еще и полевого подтверждения, что представляется весьма сложным. С близкого расстояния увидеть слабую разницу в тоне почвы почти невозможно. Поэтому до сих пор о наличии и планировке земельных угодий Ольвии ничего не известно.

Пространство, заключенное между Бугским, Днепровско-Бугским и Березанским лиманами, представляет собой единый массив — хору Ольвии. Изучение береговой линии этого массива по аэроснимкам на основании ольвийских материалов позволило вскрыть систему городищ, поселений и усадеб античного времени, систему дорог, некрополей и полей, примыкающих к ним.



Основным признаком для обнаружения поселений явились следы древних дорог. Там, где они с напольной стороны подходили к береговой линии, всегда отыскивались следы поселения, иногда со рвом. На небольшом удалении от поселений, с напольной стороны, там, где подходят дороги, всегда можно увидеть компактный участок зернистой структуры, подобный ольвийскому некрополю. Последующая проверка по опубликованным и современным разведывательным данным подтвердила это: поселения и могильники совпали с известными. Кроме того, аэрометод существенно дополнил полевые данные, во многом уточнил подробности, расширил и углубил их.

Так, например, у И. В. Фабрициус в «Археологической карте Причерноморья Украинской ССР» [6] под пунктом 146 значится: «Солончаки (б. Аджигиол, Аджиголь), село». В пояснении указывается, «что Чирков снял план, а Гошкевич (ЛМ, 1913, с. 11) указывал, что южнее села, на крутом, высоком берегу Днепровско-Бугского лимана, находится городище размером более одного га, с валом. С юга обрыв 32 м, с востока и запада валы стоят над оврагами; с севера сохранились следы рва. Въезд заметен в С-З углу со стороны степи» [6, с. 546]. Далее, под № 147 читаем: «Днепровское (б. Сары-Камыши), село. Между ними и Аджиголем в одном км от Бугского маяка на берегу Днепровско-Бугского лимана находится городище (см. рис. 21), с материалом греческим, римским и средневековым».

Все описанные признаки хорошо отождествляются с их изображением на снимке. К сожалению, это единственные, кроме Ольвии, хорошие описания привязок памятников. Остальные настолько общи, что среди плот-

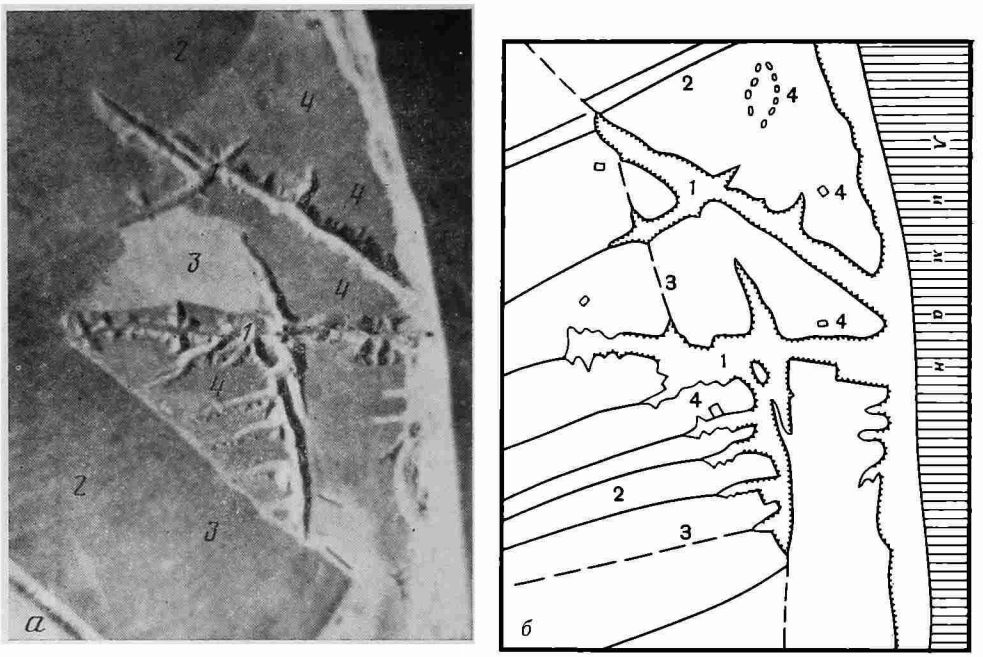


Рис. 3. Аэрофотоснимок (*а*) и расшифровка с него системы прямолинейных оврагов, развившихся на основе микроуглублений древних дорог и размежевок полей (*б*). *1* — овраги; на продолжении их за вершинами видны слабые следы древних дорог и размежеваний (*2*, *3*); *4* — примеры признаков погребенных построек

но расположенных по побережью памятников невозможно выделить необходимый. Кстати, замечу, что многие археологи, особенно в прошлом, грешили неточной привязкой, что затрудняет или исключает его повторную находку. Так, последние опубликованные исследования Ф. М. Штительмана [7, с. 255, рис. 1] на правом берегу Бугского, начиная от Ст. Богдановки и Днепровского лиманов, кончая Куцурубом, дают 20 городищ и поселений. Аэрометодом выявлено 45. Причем почти за каждым поселением выявлен могильник (всего 31). По левому берегу Бугского лимана, от северной окраины с. Лиманы до с. Александровка у Штительмана [7, 255, рис. 1], на карте насчитывается 6 поселений, аэрометодом выявлено 18, из них половина с могильниками. Исследования проводились по топографическим снимкам масштаба 1 : 40 000, на которых мелкие детали и незначительные могильники теряются. По берегу Березанского лимана на юг до параллели с. Куцуруб (район Очакова не обследовался) аэрометодом определено 27 поселений и 12 могильников.

Выявленная в районе Ольвии характерная структура античного землепользования распространяется вдоль побережья Бугского и Днепровско-Бугского лиманов и вглубь от 3 до 12 км по линии, указанной на рис. 4. Если считать, что в период расцвета античного землепользования площадь введенных в оборот земель была наибольшей, то можно предположить, что аэрометод позволил выявить земельный кадастр Ольвийского государства, равный 29 тыс. га.

Из различной четкости прорисовки системы античного землепользования в различных местах следует ее неоднородность в пространстве и времени. Местами, особенно к северу от Очакова, наблюдается неоднократная перепланировка участков. Взаимное влияние природных и хозяйственных факторов в районе береговой полосы происходило и происходит наиболее интенсивно. В результате этого часть оврагов имеет, как уже отмечалось, искусственное происхождение. Их достаточно легко отличить, поскольку рост их часто идет не по естественным водостокам, а уклоняется по искусственным заглублениям. Эти элементы, как правило, прямолинейны и сопряжены логически между собой под прямыми или тупыми углами.

Значительная часть памятников подвержена береговой эрозии. О ее динамике и масштабах можно судить по сопряжению искусственных

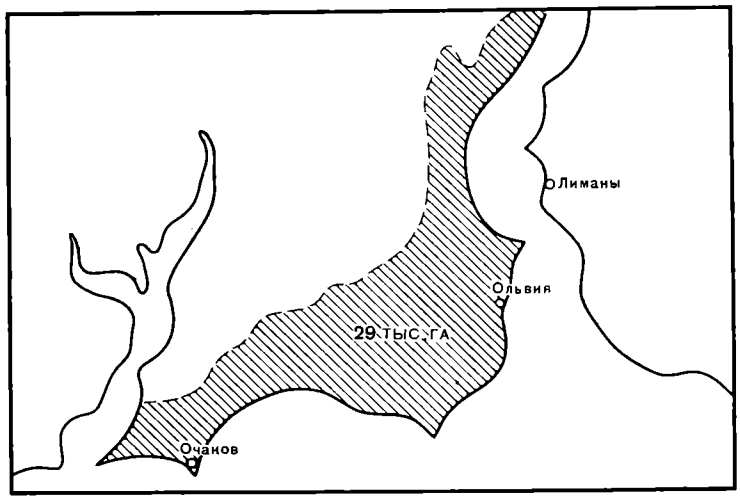


Рис. 4. Схема распространения интенсивного античного землепользования, составленная по признакам размежевания на аэрофотосъемке

оврагов с городищами, поселениями и между собой. Если рассматривать тот же овраг (рис. 4) под углом этих рассуждений, то получается, что второстепенные ветви его произошли по вине античного хозяйства, а главное, доантичного, поскольку они не вписываются в нее и не имеют естественного происхождения. Точка схода двух главных ветвей находится уже на акватории лимана. Направление и величина оврагов несут смысловую нагрузку — это дороги, идущие к доантичному поселению. Анализ общей картины побережья показывает, что примерно треть античных памятников поглощена береговой эрозией.

В южной части бухт сел Богдановки и Козырки сохранились под водой остатки дамб, возможно, античных причалов. На площади между западной окраиной с. Парутино и Парутинской балкой видны следы поздней планировки (дореволюционной), перекрывающей античную. Следы дорог, идущих из южных ворот Ольвии на юго-запад и запад, пересекают межи земельных наделов. Это может говорить только о том, что за некрополем дороги изменили свое первоначальное направление в поздний период существования Ольвии, когда сельское хозяйство было подорвано и наделы перестали функционировать, что и послужило причиной спрямления дорог. С поздними дорогами на планах они не совпадают.

Представилась возможность уяснить смысл пунктирной линии, указанной А. С. Уваровым на его плане. Как отмечает А. Н. Карасев: «По линии Д, пишет Уваров, видны еще следы рва и кое-где остатки стены, почти везде развалившейся или разобранной. Самые заметные остатки стены сохранились близ Волошской могилы». Волошская могила на плане Уварова не показана. Но если предположить, что это урочище четырех могил [5, рис. 8], где на снимке четко видны расходящиеся от кургана в указанных направлениях линии, то это как раз внутренняя граница участков, которая вполне могла быть укреплена стеной. Участок линии, идущей за Широкой балкой, снимком не подтверждается; он не вписывается в систему земельных наделов, сечет их. Видимо, Уваровым за остатки линии были приняты поперечные межи наделов, совпадающие по направлению с этой линией выше слияния верховий двух балок, южнее не существующей ныне дер. Широкой. А поскольку заманчиво было найти внешнюю оборонительную линию города, то воображение подсказало соединить линии. Остальную часть линии можно проследить по уже выше отмеченной мною границе, а по линии от северного кургана С к лиману — по рядовой меже между наделами. Значение линии как оборонительной сомнительно, так как логичнее замк-

нуть верховья балок, используя сами балки в качестве оборонительной линии.

Внешняя граница некрополя снимком не подтверждается. Это значит, что на этой линии не существовало ни стен, ни рвов, а были только курганы. А. Н. Карасев указывает на плане Уварова участок, где на западной окраине некрополя три кургана соединены грядой, считая, что это остатки оборонительной стены. Снимок предполагаемую стену не подтверждает, а курганы объединены валом в подпрямоугольное оборонительное сооружение, видимо, созданное в позднее время. Где проходила береговая линия, на мой взгляд, сказать трудно, так как прямолинейное восстановление коротких отрезков глазомерно снятых дорог, участвующих в построении фигуры для определения береговой линии, весьма шаткая основа для точных измерений.

Камеральный анализ топографического снимка (в 1 см 250 м) Ольвии без полевого обследования на территории города и некрополя, перегруженных мелкими деталями, которые к тому же повреждены многочисленными поздними раскопами, затрудняет надежное чтение и интерпретацию древних элементов планировки, поэтому ограничимся общими наблюдениями. Так, например, своей четкостью выделяется южная часть города римского времени. Здесь застройка мельче и плотнее, видны основные черты планировки. В северо-западный угол верхней части города вписана прямоугольная планировка раннего времени. Основные элементы планировки читаются и в нижнем городе. Район к югу от южных ворот Ольвии занят четким, а значит, более поздним микровсхолмлением, вероятно, римским могильником. По окраинам некрополя улавливаются следы планировок земельных наделов, перекрытых могилами. Вероятно, разрастаясь, некрополь постепенно закрывал их. Многие курганы расположены группами, возможно, это родовые могильники. Группа из четырех курганов, показанная на плане Уварова (VIII-А, рис. 7) с северной стороны главной дороги, идущей из южных ворот, между Ольвией и Широкой балкой носит явно оборонительный характер, так как с напольной ее стороны сделан широкий короткий ров, а курганы объединены насыпью до северной дороги.

Таким образом, сопоставление первых планов Ольвии и синтетических выводов по ним А. Н. Карасева с аэрофотоизображением показало следующее: *1* — более чем за сто лет со времени, когда создавались первые планы Ольвии, многие видимые тогда на местности археологические детали исчезли, поэтому эти планы важны как полевой контроль при камеральном дешифрировании снимков; *2* — на этом примере наглядно выделены признаки древних дорог на аэроснимках, несмотря на их полевую неуловимость; *3* — выделены признаки земельных наделов и усадеб, позволяющие начать широкое полевое исследование хоры Ольвии; *4* — на примере некрополя Ольвии получены признаки курганных и бескурганных могильников; *5* — впервые на обширной территории с использованием перечисленных признаков получены основные элементы древней топографии: поселения, могильники, дорожная сеть, система землепользования; *6* — впервые определен земельный кадастр Ольвийского государства, равный 29 тыс. га.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дойель Л.* Полет в прошлое. М.: Наука, 1979.
2. *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, 1969.
3. *Шишкин К. В.* Применение аэросъемки для исследования археологических памятников.— СА, 1966, № 3.
4. *Шишкин К. В.* Про використання аерофотозйомки в археології. Археологія, 1964, VII.
5. *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города.— МИА, 1956, № 50.
6. *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951.
7. *Штительман Ф. М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50.

Критика и библиография

Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978, 160 с., 59 рис., Тираж 4800 экз.

Продолжая публикацию материалов раскопок средневековых городов на территории Белоруссии, Институт истории Академии наук БССР издал монографию Г. В. Штыхова о городах Полоцкой земли. Оперативность появления этой книги, вышедшей всего через три года после издания предыдущей монографии Г. В. Штыхова о древнем Полоцке [1], нельзя не приветствовать [1].

Новая работа Г. В. Штыхова является непосредственным продолжением предыдущей. Она разделена на четыре главы, имеются введение и заключение. В первой главе рассмотрены проблемы расселения славян в Северной Белоруссии, предпосылки образования городов и некоторые вопросы их становления, проблема переноса города и вопросы локализации известных по письменным источникам населенных пунктов. Вторая и третья главы посвящены соответственно городам Подвинья и Верхнего Поднепровья. В последней главе рассмотрены вопросы хозяйственной деятельности, жизни, быта и культуры горожан. В заключении коротко суммированы основные итоги исследования, а также внесены некоторые дополнения (вплоть до результатов исследований, проведенных в год выхода книги из печати!).

Фактически исследование Г. В. Штыхова состоит из двух больших частей: анализ конкретного материала (главы 2 и 3) и обобщающие разделы (главы 1 и 4). В отличие от предыдущей монографии, новая книга Г. В. Штыхова носит преимущественно проблемный характер, хотя в ряде разделов автор «привязан» к раскопам, ямам в них и проч. (например, с. 34, 35 и др.). В целом Г. В. Штыхов все же опускает подробную публикацию материалов раскопок, отсылая читателя к более ранним статьям и заметкам. Основное внимание уделяется общим вопросам предыстории и начальной истории средневекового города в Северной Белоруссии. Поэтому было бы целесообразно рассмотреть проблемные сюжеты после изложения обзоров по отдельным городам.

В обширном круге проблем истории средневекового города Г. В. Штыхов выделил две: генезис города и городская культура (как материальная, так и духовная). Именно они составили основную задачу исследования. При этом Г. В. Штыхов осторожен в выборе исходного материала для исследования, ограничиваясь лишь 14 «археологическими» комплексами городского типа (с. 20—25).

Рассматривая генезис древнерусских городов Полоцкой земли, Г. В. Штыхов поднимает ряд актуальных вопросов. Можно лишь пожалеть, что этому разделу работы не хватает целостности. Рассмотрение проблемы идет по отдельным, хотя и достаточно важным сюжетам: происхождение городов, соотношение догородских поселений с городом, соотношение городов между собой и их удельный вес в масштабах княжества, перенос городов и проч. Сами по себе эти сюжеты характеризуют лишь отдельные «звенья» в общей «цепочке» проблемы. Может быть, именно поэтому в решении вопросов генезиса города отсутствует динамика, свойственная реальному историческому процессу.

Г. В. Штыхов представляет становление города в Полоцкой земле следующим образом: укрепленные поселки — предшественники городов — возникают в Подвинье в процессе расселения славян в IX в., а возможно, и несколько ранее. Среди этих укрепленных поселений быстро выделяется Полоцк. В связи с установлением даней возникают другие пункты, зависевшие от Полоцка (Витебск, Лукомль). По-

[1] Научно-литературная рецензия на книгу Г. В. Штыхова, написанная В. А. и Вал. А. Булкиными, опубликована в журнале «Неман», 1980, № 3.

степенно укрепленные пункты обрастают посадскими поселениями, становятся центрами ремесла и торговли и превращаются в города. Города могли возникать и из укрепленных опорных пунктов на границах княжества (с. 14).

Полагаем, что становление города представляется Г. В. Штыхову излишне линейно-эволюционным. На деле этот процесс был значительно сложнее и динамичнее, что отчетливо прослеживается на примере Витебска. По Г. В. Штыхову, культурная стратиграфия и историческая топография Витебска выглядят следующим образом: «На замковой горе на рубеже н. э. находилось городище днепро-двинской культуры... В третьей четверти I тысячелетия н. э. возникли поселения: одно у подножия Замковой горы при устье Витьбы, другое ... на берегу Западной Двины, возле Пилатова ручья ... Замковая гора продолжала использоваться как городище-убежище ... В IX — начале X в. на горе располагался укрепленный центр Витебска ... В западной части Верхнего замка на мысу находилось другое поселение... Третье поселение ... на берегу Западной Двины ограничивалось руслом ручья. С конца X в. территория Витебска значительно увеличилась... Вероятно, Витебск как город сложился из отдельных, предшествовавших ему поселений кривичей IX — начала X в. ... С конца X в. начинает заселяться Узгорье... В XII в. детинец занимал всю площадь, известную под названием Верхнего замка» (с. 41).

К сожалению, большая часть материалов из раскопок Витебска пока не введена в научный оборот. Однако даже по приведенным Г. В. Штыховым данным выявляется несколько иная топографическая картина развития Витебска. Слой с лепной керамикой IX—X вв. надежно выявлен только на Нижнем замке (с. 37—39). Там же фиксируется слой, содержавший лепную и круговую керамику. Менее отчетливо последний прослежен на Верхнем замке (у подножия Замковой горы, в устье Витьбы), а также на Узгорье (с. 39, 40). Датирующие находки, связанные со слоем, содержавшим лепную и круговую керамику, происходят в основном из раскопок на Нижнем замке: глиняные диски от вертикального ткацкого стана IX—X вв., ланцетовидные наконечники стрел, бусы IX — третьей четверти XI в., обрезок диргема VIII—IX вв. Из случайных находок к этому времени относится диргем IX в. из Узгорья, с берега Западной Двины (с. 34—37, 40, 117, рис. 50). Слой XII—XIII вв. в Витебске зафиксирован на значительной территории (до 35 га), но при этом на Нижнем замке «слой XII—XIII вв. сравнительно тонок и беден находками» (с. 37). Г. В. Штыхов объясняет это близостью раскопов к Благовещенской церкви начала XII в., где могло не быть жилой застройки. Однако слой XII—XIII вв. невыразителен, по данным Г. В. Штыхова, и в раскопах, удаленных от церкви на 35 м и более (раскопы IV и V). В то же время на Верхнем замке слой XI—XIII вв. достигает мощности не менее 2,5 м (с. 33). По-видимому, эти наблюдения фиксируют не простое разрастание поселения на Верхнем замке и слияние его с окружающими поселками, а первоначальное значительное расширение в X в. поселения с центром на Нижнем замке и последующее перемещение центра города с Нижнего замка на Верхний. Правда, остается открытым вопрос о хронологии Замковой Горы, полностью уничтоженной, но, судя по публикации А. Н. Лявданского [2, с. 94, табл. X, *14, 17—19*], достоверно средневековые материалы там относятся к времени не ранее XII—XIII вв.[2].

Непрямолинейным было, по-видимому, и топографическое развитие Лукомля. Г. В. Штыхов фиксирует постепенное разрастание славянского поселка, появление около городища открытых поселений и превращение последних в городские посады (с. 52, 53). Однако существенно, что после гибели в пожаре X в. укрепленного поселка в Лукомле (с. 44) его оборонительные сооружения не возобновлялись, но зато произошло резкое расширение площади неукрепленного поселения. Возобновление же интенсивного отложения слоя на городище относится лишь к XII—XIII вв. (с. 45).

Материалы раскопок в Лукомле позволяют поставить также вопрос о соотношении раннегородского и предгородского поселений. Среди материалов раскопок Лу-

---

[2] Существенно дополнить картину формирования топографии Витебска позволяет выполненная уже после сдачи рецензии в редакцию диссертация О. Н. Левко [3], материалы которой показывают, что первоначальное поселение возникло на Двинской возвышенности, ограниченной оврагами и Западной Двиной, затем территория его расширяется на значительную часть Верхнего и Нижнего замка и большую часть Узгорья, а в XI в. происходит коренная перепланировка территории, приводящая к формированию Верхнего и Нижнего замка.

комля X—XI вв. присутствуют предметы, связываемые с североевропейским кругом древностей (о понятии «североевропейский круг древностей» см. [4, 5]), отсутствующие в слоях городища IX—X вв. В то же время в слое пожара на городище найдены четыре ланцетовидных наконечника стрел [6, с. 325, 326, рис. 4 на с. 329], а еще один аналогичный наконечник «был с наружной стороны вала под дерном» (с. 44). Возможно, эти находки указывают на причину гибели городища. Во всяком случае, древнейшие города в Полоцкой земле, по-видимому, далеко не всегда являлись непосредственными преемниками догородских укрепленных поселков кривичей, как это считает Г. В. Штыхов. Кстати, как будто бы и материалы Полоцка не позволяют однозначно связывать происхождение города с развитием догородского поселения (ср. 1, с. 24, 25 и 4, с. 310—312).

Материалы раскопок других городов Полоцкой земли (Усвяты, Браслав, Герсике, Кукенойс, Друцк, Заславль, Логойск, Орша, Копысь, Борисов), привлекавшиеся Г. В. Штыховым, меньше по объему. Их характеристика в целом не вызывает возражений. Можно лишь сделать несколько замечаний уточняющего порядка. Так, следовало бы осторожнее интерпретировать материалы раскопок Герсике и Кукенойса. В Герсике материальная культура древнерусского города почти не представлена, домостроительство и основные находки имеют типично прибалтийский облик, а древнерусские вещи единичны [7]. По-видимому, вхождение Герсике в состав Полоцкой земли, не отразившееся в археологии, явилось малозначительным эпизодом в истории поселения [8]. В то же время в Кукенойсе отчетливо представлено домостроительство древнерусского типа, многочисленны предметы русского происхождения [9, с. 4, 5]. По-видимому, население города было смешанным по составу.

Может быть, целесообразно было бы проанализировать тот факт, что ряд городов (Витебск, Усвяты, Орша, Копысь) разделял судьбы Полоцкой земли не на всем протяжении ее истории.

Специально следует остановиться на вопросе о перенесении городов, выделенном Г. В. Штыховым в особый раздел. В последнее время эта проблема стала особенно актуальна, показателем чему явилась недавняя дискуссия между Л. В. Алексеевым и Д. А. Авдусиным [10, с. 83—103; 11, с. 42—49]. Г. В. Штыхов определяет «перенос городов» следующим образом: «Под перенесением города мы будем понимать такое изменение его исторической топографии, когда город оказался на новом месте, вне первоначального своего местоположения, где поселение городского типа прекращает свое существование. Перенесенными могут быть отдельные части города, его посады, детинец, торг. Это случаи частичного перенесения городов. Передвижение поселений могло быть в пределах территории города. Это — один из вариантов перенесения его частей, при котором более существенное значение имело изменение расположения... детинца. Другой вариант — возникновение на некотором расстоянии ... от города поселения на новом месте, к которому переходят как название, так и функции старого города» (с. 20). Таким образом, в понятие «перенос города» Г. В. Штыховым объединены и существенные изменения, знаменующие собой важнейшие вехи в исторических судьбах города, и отдельные, локальные перемещения составных частей городской топографической структуры, в целом не оказавшие принципиального влияния на историческое развитие поселения.

По мнению историков градостроительства, топографическая структура поселения отражает социальную структуру жившей в нем общины [12, с. 8]. Изменения в социальной структуре влекли за собой принципиальные изменения в топографии, т. е. последние являлись материальным выражением социальных перемен. Иными словами, «перенос города» — лишь один из вариантов общего изменения топографической структуры поселения, отражающего происшедшие изменения в социальной структуре.

Детальное рассмотрение топографических различий между городами Полоцкой земли, к сожалению, затруднено, так как по большинству памятников в публикациях отсутствуют сводные планы и имеются только словесные описания. Можно наметить только некоторые общие черты сходства и различия топографических структур.

Поселения «кривичей» на месте будущих городов представлены городищами с примыкающими к ним небольшими селищами (Полоцк, комплекс на р. Менка, Витебск, Лукомль, Усвят — «Юрьевы горы»?, Заславль — «Вал»?).

Поселения X—XI вв. по своей топографической структуре распадаются на три группы: неукрепленные (Лукомль), состоящие только из укрепленной части (Заславль — «Замэчек») и имеющие двухчленную топографическую структуру — небольшое укрепление и примыкающая к нему обширная неукрепленная часть (ориентировочное соотношение площадей укрепленной и неукрепленной частей: для Полоцка — 1 : 15, для комплекса на Менке — 1 : 30). Неясным остается вопрос о топографии Браслава, неукрепленная часть которого, если она имелась, осталась необследованной, а датировка времени появления укреплений на городище неясна [13, с. 95—106], и Витебска, где из-за уничтожения Замковой Горы наличие укрепленной части поселения для X—XI вв. не может быть однозначно установлено. Но судя по старым планам Витебска, даже при наличии укрепленного центра площадь последнего не превышала 7—10% площади всего поселения.

В топографической структуре поселений языческого времени существенное место занимал курганный некрополь. (Полоцк, Витебск, Лукомль, Браслав?) [4, с. 312].

Поселения XI—XIII вв., как правило, состоят из укрепленной и неукрепленной частей. Укрепленная часть имела либо одну линию оборонительных сооружений (Полоцк, Старо-Борисов, Усвяты — «Юрьевы Горы», Браслав, Заславль — «Вал», Логойск, Копысь), либо две — детинец и окольный город (Витебск, Друцк, Минск на Свислочи?, Орша?). Соотношение площадей укрепленной и неукрепленной частей поселения меняется в пользу укрепленной (Старо-Борисов 1 : 4, Полоцк — приблизительно 1 : 8, Витебск — 4 : 6 : 25 и др.; сведения о соотношении площадей городов XII—XIII вв. взяты по данным Г. В. Штыхова; см.: с. 124, табл. 3). Единственным исключением является Лукомль, сохранивший топографическую структуру предшествующего времени. Никаких сведений о наличии здесь укреплений вплоть до XIV в. нет.

Топографические различия между группами разновременных поселений соответствуют различиям между ними и во всем облике материальной культуры.

Поселения «кривичей» VIII—X вв., безусловно, не были городами — центрами ремесла и торговли (с. 13—14). Поселения X—XI вв., судя по составу находок и значительным размерам, представляют собой, очевидно, не рядовые поселки. Г. В. Штыхов считает их городами в социально-экономическом отношении (с. 26, 41, 53, 140, 141). Вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться. В топографии Полоцка, Витебска, Лукомля, комплекса на Менке не отразилась классовая стратификация общества. Топографическая структура их с преобладанием неукрепленной части и подчиненной ролью укрепленной, в сочетании с наличием предметов североевропейских типов, позволяет отнести эти поселения к группе открытых торгово-ремесленных поселений, являющихся одной из разновидностей протогородских образований [14, с. 138—140].

Особое место занимает городище «Замэчек», социальное значение которого хорошо определяется самоназванием памятника. Г. В. Штыхов справедливо, хотя и предположительно, интерпретировал «Замэчек» как «укрепленный двор феодала» (с. 86). Не исключено, что именно «Замэчек» являлся «городом» Изяслава и Рогнеды — древнейшим Изяславлем, основанным в конце X в., а собственно древнерусский город Изяславль («Вал»), возникший позднее, с течением времени воспринял от «Замэчека» его название.

Поселения XI—XIII вв., в топографии которых доминирующее положение занимала укрепленная часть (нередко сложная по своей структуре), справедливо рассматриваются Г. В. Штыховым как города по своим социально-экономическим функциям, что вытекает из всего облика материальной культуры, типичной для древнерусских городов домонгольского времени.

Все рассмотренные в работе Г. В. Штыхова памятники укладываются в намеченную ранее схему периодизации средневековых городов на территории Белоруссии (таблица).

Как видно из таблицы, все протогородские поселения возникали на месте предгородских поселков VIII—X вв. Однако топографическая структура и общий облик материальной культуры протогородов в основном не связаны с топографией и материальной культурой памятников предшествующего времени, а само появление протогородских поселений как будто бы связано не с преемственным развитием «поселков кривичей», но, напротив, с гибелью последних (Лукомль, Браслав, Полоцк?).

Периодизация средневековых городов Полоцкой земли
(по материалам Г. В. Штыхова)

Город	Предгородской период VIII—IX вв.	Периоды городской истории		
		варяжский X—XI вв.	древнерусский XI—XIII вв.	литовский XIII—XV вв.
Полоцк (городище)	+	+		
Минск (на Менке)	+	+		
Заславль (Замэчек)		+		
Витебск (Нижний замок)	+	+		
Лукомль	+	+	+	+
Браслав	?	+	+	+
Усвяты (Юрьевы горы)	+	?	+	
Старо-Борисов	?		+	
Заславль (Вал)	+		+	+
Витебск (Верхний замок)			+	+
Орша			+	+
Полоцк (Верхний замок – Великий посад)			+	+
Минск (на Свислочи)			+	+
Друцк			+	+
Логойск			+	+
Копысь			+	+
Борисов				+
Усвяты (Замковая гора)				+

Древнейшие случаи «переноса городов», по Г. В. Штыхову, соответствуют рубежу «варяжского» и «древнерусского» периодов, когда на смену открытым торгово-ремесленным поселениям приходят поселения с развитой городской топографической структурой. Единственным поселением, сохранившим в древнерусское время топографию протогорода, является Лукомль, но показательно, что он оказался единственным из древнерусских городов Полоцкой земли, так и не ставшим в период феодальной раздробленности самостоятельным удельным центром. Сохранению архаичной структуры Лукомля способствовало также сравнительно безопасное расположение его в центре Полоцкой земли.

Вопрос о средневековых городах на территории Полоцкой земли после XIII в. в работе Г. В. Штыхова специально не рассматривается. Однако показательно, что позднейшие «переносы городов» по Г. В. Штыхову (XIII—XIV вв.) соответствуют рубежу «древнерусского» и «литовского» периодов. Очевидно, что «перенос городов» является и в это время наиболее ярким и заметным проявлением существенных изменений в топографической структуре, отразивших принципиальные изменения социально-экономического характера.

В целом намеченная периодизация средневековых городов на территории Белоруссии соответствует основным вехам общеисторической периодизации: «варяжский» период соответствует эпохе становления феодализма, «древнерусский» — эпохе раннего феодализма, «литовский» — эпохе развитого феодализма.

Анализу городской культуры (материальной и духовной) посвящена последняя глава рецензируемой монографии. Она открывается разделами, суммирующими сведения о хозяйственной деятельности населения городов. Г. В. Штыхов приводит сводку находок различных типов (как местных, так и привозных), рассматривает вопросы технологии изготовления изделий из металла, кости, кожи, камня, глины. Особым сюжетом рассмотрена проблема гончарных клейм. Внимание уделено также роли сельского хозяйства и промыслов в жизни горожан. К сожалению, из поля зрения автора выпали проблемы как определения относительного уровня развития ремесла и культуры разных городов Полоцкой земли, так и определения места их в культуре древней Руси.

Интересен раздел, посвященный демографическим проблемам, хотя автор чрезвычайно осторожен в выводах, учитывая ограниченные интерпретационные возможности имеющегося в его распоряжении материала. Может быть, слишком суммарно рассмотрены вопросы домостроительства и системы оборонительных сооружений городов (с. 120—130). Сводка по городским некрополям исчерпывающая, хотя имею-

щиеся в настоящее время в распоряжении материалы, к сожалению, невелики (с. 130—133). Вопросы городской культуры изложены в обзорном разделе и специально не анализировались.

В качестве мелкого замечания укажем на неудобное для читателя размещение иллюстраций, отстоящих от текстового комментария подчас на 20 стр. и более (рис. 3, 4, 6, 7, 53 и др.).

Одной из самых больших удач рецензируемой книги явились разделы о Минске (с. 63—81). Теперь, после исследований Г. В. Штыхова, вопрос о первоначальном Минске можно, по-видимому [3], считать окончательно решенным в пользу поселения на Менке. При этом существенно, что для X—XI вв. Г. В. Штыхов фиксирует площадь поселения, равную 30 га (с. 66). Если это наблюдение справедливо, Минск является уникальным памятником, превосходящим своими размерами одновременно Полоцк, Витебск и большинство городов Руси X—XI вв. Выводы Г. В. Штыхова о первоначальном Минске можно было бы существенно подкрепить рассмотрением вопроса о соотношении его с округой. Поселение на Менке занимает центральное положение в реконструируемой Л. В. Алексеевым Минской волости [15, с. 36, 37, рис. 5, с. 76, 77, рис. 12], в то время как Минск на Свислочи находится на ее северной окраине. Вообще анализ соотношения городов и округи мог бы существенно усилить аргументацию Г. В. Штыхова. Хочется пожелать автору успешно завершить исследования древнейшего Минска и так же оперативно ввести материалы раскопок в научный оборот, как это было сделано с материалами раскопок городов Полоцкой земли.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. IX—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975.
2. *Ляуданскі А.* Археалагічныя доследы у Віцебскаі акрузе.— Працы археолёгічнаї камісіі. Т. II. Менск, 1930.
3. *Левко О. Н.* Витебск XIV—XVIII вв. (по археологическим данным). Автореф. канд. дис.: Л.: ЛГУ, 1980.
4. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии.— СА, 1979, № 1.
5. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова. (Археологические данные к проблеме происхождения города).— КСИА АН СССР, 1980, № 160.
6. *Штыхов Г. В.* Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг.— В кн.: Древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1969.
7. *Baloža F.* Jersika. Un tai 1939. gadā izdaritie izrakumi. Riga, 1940.
8. *Калнынь В. Е.* Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI—XIII вв.— Уч. зап. Латв. ГУ. Рига, 1964, т. 64.
9. *Мугуревич Э. С., Стубавс А. Я.* Экономические связи населения низовьев Даугавы с Русью в период раннего феодализма (X—XII вв.).— Тезисы докладов и сообщений по истории экономических связей Прибалтики с Россией. Рига: Зинатне, 1966.
10. *Алексеев Л. В.* О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии).— СА, 1977, № 1.
11. *Авдусин Д. А.* О Гнездове и Смоленске.— Вестн. МГУ, 1979, № 4.
12. *Мокеев Г. Я.* Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян.— Архитектурное наследство, 1975, № 23.
13. *Алексеев Л. В.* Раскопки древнего Браслава.— КСИА АН СССР, 1960, № 81.
14. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: ЛГУ, 1978.
15. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.

Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. с. 132

В монографии М. Д. Полубояриновой на основе обширного исторического и археологического материала освещен широкий круг разнообразных вопросов, связанных с пребыванием русских людей в Золотой Орде. Небольшая по объему книга содержит факты, важные для понимания исторических судеб населения обширной территории русских земель периода татаро-монгольского ига. Письменные источни-

[3] После сдачи рецензии в редакцию Г. В. Штыхов и В. Е. Соболь любезно ознакомили одного из авторов с материалами своих раскопок комплекса на Менке и Минского замчища, хранящимися в Институте истории АН Белорусской ССР. Это позволило убедиться в справедливости хронологического соотношения памятников, предложенного в монографии Г. В. Штыхова.

ки и археологические материалы взаимно дополняют друг друга при воссоздании общей картины жизни различных слоев русского населения.

Свою задачу автор отчетливо сформулировала во введении, подчеркнув специфику двух видов источников, обусловившую разделение работы на две неравные по своему объему части. Среди разнообразных письменных источников в первой части исследованы русские летописи, записки иностранных путешественников, актовые материалы и произведения агиографии. В основу второй части книги положены преимущественно результаты исследований Поволжской экспедиции, дополненные старыми археологическими находками. М. Д. Полубояринова впервые при изучении золотоордынских материалов осуществила опыт использования данных археологии для характеристики отдельных социальных групп и соотнесла полученные в итоге этого результаты с известиями письменных источников.

Вторая часть исследования представляет собой прежде всего свод памятников материальной культуры, тщательно собранных и подвергнутых научной обработке, свод, который теперь не вправе игнорировать ни один историк русской культуры XIII — первой половины XV в. Археологические материалы проанализированы М. Д. Полубояриновой как свидетельство пребывания русских на золотоордынской территории. Но они содержат гораздо больше информации, отражая духовные запросы и эстетические вкусы русского населения, оказавшегося связанным с Золотой Ордой. Это обстоятельство существенно повышает ценность книги не только для историков, но и для этнографов, а также для исследователей средневекового искусства, особенно металлопластики.

Произведения древнерусского искусства малых форм являются не только образцами художественного ремесла, не только имеют ценность как реплики не сохранившихся памятников древности, некогда пользовавшихся широкой популярностью, но в значительной мере отражают вкусы заказчиков и покупателей (если речь идет о массовой продукции, ориентированной на спрос рынка). Рассмотренный в книге материал сгруппирован по топографическому принципу — подразделен на вещи, происходящие с Поволжья, Северного Кавказа и Крыма. Подавляющее большинство вещей происходит с памятников Поволжья: Селитренное, Царевское и Водянское городища, Увек, Березовка, Наровчат. М. Д. Полубояринова с ювелирной точностью описывает и анализирует все виды находок. Часть не сохранившихся вещей, обнаруженных в середине прошлого столетия в Новом Сарае раскопками А. В. Терещенко, реконструирована автором книги на основании описей и дневников того времени. Этот ныне сравнительно редко используемый исследователями прием в свое время применял Д. В. Айналов при конкретизации сведений литературных источников и довел его до высокой степени совершенства. Показательно, что модели реконструированных М. Д. Полубояриновой произведений медного литья из находок А. В. Терещенко имеют киевское происхождение. Выполнение этих моделей в основном относится к концу XII — первой половине XIII в. Аналогичная продукция имела распространение преимущественно в районе Приднепровья и в западнорусских землях, тогда как на северо-востоке Руси такие находки редки. На киевское происхождение уведенных в Золотую Орду ремесленников или владельцев выполненных ими изделий указывает и находка глиняных крестиков. Что касается более поздних воспроизведений киевских оригиналов в литье, то оно помимо золотоордынских находок известно и в центральных областях Руси. Естественно, что гораздо подробнее документированы результаты новых археологических раскопок, прежде всего Водянского городища. Сведения о северокавказских и крымских находках более фрагментарны.

В медное литье в большинстве случаев проникали самые популярные сюжеты. Но не со всеми интерпретациями М. Д. Полубояриновой можно безоговорочно согласиться. Так, изображение тронной Богоматери на бронзовом энколпионе XIII в. из Увека (с. 97, рис. 26) представляет реплику не алтарной мозаики собора Киево-Печерского монастыря, как когда-то предполагал Н. П. Кондаков, а «наместной иконы», принесенной в XI в. из Константинополя и бывшей одной из главных реликвий Печерского монастыря. Ее воспроизведение уже в 1073 г. украсило лист Трирской Псалтири, а также печерский донаторский портрет, разновидностью которого является известная икона Свенской Богоматери. В более схематизированной форме воспроизводит ее и изданный М. Д. Полубояриновой энколпион.

Отмечая «демократический» характер большинства анализировавшихся предметов и приняв во внимание типологическую принадлежность находок к до-

монгольскому кругу древностей, М. Д. Полубояринова увидела в этом свидетельство отношения оторванных от своей родной земли людей к вынесенным на чужбину реликвиям, и это весьма вероятно. Существенной представляется также постановка вопроса о происхождении поздних воспроизведений, повторяющих старые образцы. Тщательно проанализирована керамика.

Результаты исследования письменных и археологических источников суммированы в заключении. Важным является вывод о характере деятельности русских ремесленников в Золотой Орде. Археологические следы пребывания в Орде мастеров, как и русских людей вообще, позволяют М. Д. Полубояриновой расширить круг источников, представленных текстами исторических хроник и записок путешественников. Изученные и систематизированные материалы не только помогают охарактеризовать положение представителей всех сословий русских в Золотой Орде, но во многих случаях открывают совершенно новые страницы русской культуры. Вместе с тем они показывают, какова была эта «эпоха продуктивного существования» для Руси, якобы после 1262 г. по существу освободившейся от монгольского ига [1, с. 202, 398]. Книга «Русские люди в Золотой Орде» содержит скрытую полемику с положениями Л. Н. Гумилева, плохо согласующимися с археологическими материалами. Доверять последним больше оснований не только у М. Д. Полубояриновой, но и у ее читателей. Не приходится сомневаться в том, что книга «Русские люди в Золотой Орде» по праву займет свое место среди работ о культуре средневековой Руси наиболее тяжелого периода ее истории.

Пуцко В. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970.

Новая книга о пещере Ласко

(Leroi-Gourhan Arl., Allain J. Lascaux inconnu. XII suppléments à «Gallia Préhistoire». Paris, 1979. 382 с.)

Открытие и исследование пещеры Ласко стало большим событием не только в первобытной археологии, но и в истории культуры XX столетия в целом. Из нескольких десятков пещер Франции и Испании, украшенных росписями и гравировками палеолитического человека, считанные единицы — Нио, Альтамира, Фон де Гом — содержат столь же значительное количество изображений, как Ласко. Среди росписей этой пещеры немало шедевров, почти сразу же после их открытия занявших прочное место в курсах всеобщей истории искусств. До 1940 г., когда вслед за своей собакой четыре мальчика проникли в узкий лаз, ведущий в глубь пещеры, она в течение тысячелетий была недоступна для человека. Это обеспечило прекрасную сохранность изображений. В закупоренном помещении не было перепадов температуры, туда летом не проникал теплый воздух, а из-за резкого опускания хода пещеры там не концентрировались пары. Благодаря всему этому росписи, закрепленные на стенах натеками кальцита, уцелели в первозданном виде. Наконец, к изучению этого комплекса первобытного искусства археологи приступили, уже имея за плечами полувековой опыт работы на сходных объектах, тогда как исследования Альтамиры, Нио, Фон де Гом знаменовали собой самое начало этой сложной работы.

Открытие пещеры, находящейся на левом берегу Везера, в 2 км к юго-востоку от г. Монтиньяк в департаменте Дордонь, совпало с тяжелыми годами фашистской оккупации Франции. Поэтому, хотя уже через 8 дней после находки в Ласко побывал глава французского палеолитоведения Анри Брейль, исследования там развернулись почти 10 лет спустя. В 1948 г. в Ласко были установлены стальные двери и кондиционер. С 1949 г. начались раскопки и в пещеру стали пускать туристов. В 1960 г. было замечено, что на изображениях появились какие-то зеленые пятна: изменение режима пещеры, посещение ее сотнями экскурсантов пагубно отразилось на сохранности росписей. Ласко пришлось закрыть для туристов и провести специальные исследования для выяснения природы «зеленой болезни». Оказалось, что это водоросли, питающиеся бактериями и минеральными солями, занесенными посетителями пещеры. Обработка ее стен смесью трех антибиотиков

и формальдегидом с детергентом дала хороший результат — водоросли исчезли. Теперь в пещеру пускают по 4—5 человек в день по особому разрешению.

А. Брейль изучал пещеру уже в весьма преклонном возрасте. Ему помогали его ученики С. Блан и А. Глори. Он предложил свою классификацию палеолитических изображений Ласко, но материалы его исследований не были сведены воедино. Чтобы создать монографию о пещере и следах пребывания в ней палеолитического человека, требовалась огромная работа коллектива ученых самых разных специальностей.

О Ласко накопилась уже большая литература. Великолепно оформлена книга о росписях пещеры, выпущенная известным издателем Альбертом Скира. Английский художник Фернанд Уиделс выполнил серию высококачественных фотографий и подготовил их для воспроизведения в печати так, как готовят слайды с картин. Эти фото сопровождали текст молодой, недавно трагически погибшей исследовательницы палеолита Аннет Ламинг-Эмперер и предисловия ведущих специалистов по палеолитическому искусству Анри Брейля и Андре Леруа-Гурана. Переведенные на ряд языков книги о Ласко познакомили с этим памятником самые широкие круги читателей (на русском языке см. [1, с. 53—80]), но не представляли собой научные монографии в строгом смысле слова.

И вот, наконец, давно ожидаемая монография перед нами. Это объемистый том большого формата, богато иллюстрированный (387 фотографий, рисунков, прорисей с гравировок, планов, разрезов и т. д.).

На переплете книги стоят имена двух основных авторов — Арлетт Леруа-Гуран и Жака Аллена, но в действительности авторов больше. 18 имен перечислено на титуле, о многих других людях, помогавших в подготовке монографии, сказано в предисловии.

Книга посвящена памяти ученика Брейля аббата Андре Глори (1906—1966) — известного специалиста по палеолиту. Именно он должен был издать монографию о Ласко и вел там в 1952—1963 гг. большие работы, сначала вместе с Брейлем, а потом самостоятельно. Достаточно сказать, что он лично снял копии с 1500 гравюр, занявшие 117 м² калек. Завершить свои исследования Глори не успел, но его дневниковые записи, наброски и прежде всего графическая документация использованы его преемниками — авторами рецензируемой книги. В ней помещена и биография А. Глори, составленная Лионелем Балу.

Второй очерк вводного раздела монографии написан Максом Сараде и касается процесса консервации пещеры.

Далее следует часть I — о пещере как таковой, состоящая из нескольких очерков. Брижжит и Жиль Делюк составили хронику работ в Ласко с момента открытия до 1949 г., т. е. до начала исследований, подробно освещенных в книге в дальнейшем изложении.

Жан Вуве дал геологическую характеристику пещеры и остановился на вопросе о генезисе карста в этом районе. Пещера приурочена к третичным известнякам. Наслоения в ней достигают 8 м.

Клод Бассье рассказал о принципах переноса на плоскость полевых чертежей и таблиц книги сложной конфигурации изогнутых неровных стен пещеры.

Подробный обзор наблюдений над стратиграфией пещеры, разнообразных деталей, отмеченных в ходе раскопок, характеристику отдельных участков пещеры («Апсида», «Неф», «Колодец» и др.) по записям А. Брейля, А. Глори и С. Блана подготовила Арлетт Леруа-Гуран. Ею же совместно с Мишелем Жераром проведены пыльцевые анализы (вывод из них тот, что использование пещеры человеком связано со второй половиной интерстадиала Ласко), а совместно с Жаком Эвеном дана сводка имеющихся датировок, как выдвинутых на основе типологического анализа находок в пещере и стиля палеолитических изображений, так и радиоуглеродных. Даты по C^{14} таковы: 15 516±50, 17 190±140, 16 000±500, 8060±75, 8510±100, 9070±90, 7510±650, 8660±360 от наших дней. Авторы полагают, что основная масса изображений и культурных остатков в Ласко относится к периоду от 14 500 до 15 000 лет до н. э., что согласуется и с палинологическими данными.

Вторая часть книги посвящена следам пребывания в пещере палеолитического человека. Жак Аллен детально охарактеризовал кремневые и костяные орудия, найденные при раскопках. Важно было решить, представляют собой эти материалы археологический комплекс, отражающий более или менее одновременное использование пещеры человеком (момент создания росписей и гравировок), или это следы

многократных посещений (до, одновременно и после превращения пещеры в святилище). Автор склоняется к первому решению и расценивает все находки как раннемадленские, непосредственно связанные с памятниками искусства. Напомню, что датировка А. Брейля была иной: он говорил о перигордийском возрасте находок. Ближайшую аналогию кремневому инвентарю Ласко Ж. Аллен видит в одном из слоев пещеры Верхнее Ложери, содержавшем большое число пластинок с притупленным краем и орудий в виде разносторонних треугольников. Для определения возраста культурных слоев Ласко существенны и такие изделия, как рога северного оленя со следами двойного пиления и костяная игла с ушком. И то и другое указывает на период мадлена. На некоторых костяных предметах есть орнамент, по мнению автора, стилистически не чуждый гравировкам и росписям в пещере.

Из частных наблюдений над материалами раскопок особенно интересны два. Установлено, что скопление резцов в слое приурочено к тем участкам пещеры, где есть гравировки, тогда как близ росписей резцов не находят. С пластинками с притупленным краем, видимо, прямо связаны находки следов клея, с помощью которого эти пластинки закрепляли в пазах вкладышевых орудий.

В статье Брижжит и Жиля Деллюк рассмотрена проблема освещения темной пещеры при создании росписей. Описаны лампы-жировики, в изобилии найденные в Ласко (в основном со слабыми следами обработки). Были проведены эксперименты по изготовлению таких ламп и их использованию. Ламп так много и некоторые из них сделаны столь небрежно, что возникает предположение: только часть из них служила долгий срок художникам, работавшим в пещере. Остальные принесли люди, приходившие туда ненадолго — на поклонение.

Иветт Таборен дала определение раковин из отложений пещеры, а Жан Бушю — остатков фауны Ласко. Больше всего здесь костей северного оленя. Кости благородного оленя и косули немногочисленны, что характерно для того интерстадиала Ласко, о котором говорят и палинологические данные. Существенно, что состав фауны из раскопок не совпадает с сюжетами росписей и гравировок: там преобладают фигуры лошадей и быков, а изображений северного оленя как раз очень мало. Это лишнее предостережение тем из археологов и искусствоведов, кто всегда хочет видеть прямую зависимость искусства от экономического базиса.

Интересны две взаимосвязанных статьи — Клода Куро и Аннет Ламинг-Эмперер о кусках минеральной краски со следами утилизации, найденных при раскопках, и О. Балле, А. Боке, Р. Буше, Ж. Коей, А. Корню о химическом составе красочного порошка, применявшегося при росписи пещеры. Авторы приходят к выводу, что палеолитические художники порой работали с помощью заранее смешанных красок, тогда как создание изображений путем нанесения на стену пещеры одной чистой краски за другой вряд ли было возможно. Иногда краски накладывали на эскиз, сделанный гравировкой.

Арлетт Леруа-Гуран, Фриц Швейнгрубер и Мишель Жирар сообщают об остатках дерева из Ласко. В пещере удивительно хорошо сохранились не только угли, но и куски дерева и смола. Авторы с сожалением признают, что в ходе раскопок на эти остатки не обращалось должного внимания, из-за чего были упущены важные данные и о Ласко как памятнике первобытного искусства. Высказывается предположение, что ямки, прослеженные в полу пещеры, не потревоженном с мадленского времени, скорее всего указывают на помосты, строившиеся для росписи стен. С возведением помостов, может быть, связаны и щепки из культурного слоя. Сохранились и скрученные волокна растения — предположительно куски веревки, скреплявшей леса.

В третьей части книги речь идет непосредственно о памятниках искусства. Дени Виалу дал описание изображений в осевом коридоре пещеры и в так называемой «Апсиде». Этот самый большой раздел в книге (свыше 100 с.) сопровождается многочисленными фотографиями и прорисями гравировок, выполненными еще А. Глори. Основное внимание уделено не всемирно известным росписям Ласко («единорог», «китайские лошади» и т. д.), а гравировкам на поверхности известняка (на кальците их нет). Среди них сотни набросков, трудночитаемые или совсем не читаемые переплетения линий. Иллюстрации не производят столь же сильного впечатления, как фото в книге о Ласко, выпущенной Альбертом Скира, но и задача рецензируемого издания иная. Перед нами не альбом отдельных наиболее ярких произведений искусства, рассчитанный на широкого читателя, а научная публикация памятника с должной документацией.

Два других участка пещеры — «Неф» и «Боковой коридор кошачьих» — охарактеризованы в статье известного специалиста по искусству палеолита Андре Леруа-Гурана. Ему же принадлежит заключительная статья о животных, запечатленных на росписях и гравировках, и о загадочных знаках на стенах пещеры.

Основной вопрос, занимающий автора: созданы росписи и гравировки Ласко в разное время, так что отдельные фигуры никак друг с другом не связаны, или все они появились в результате продуманного оформления пещерного святилища за относительно короткий отрезок времени, когда каждая фигура помещалась на своем, строго определенном месте и соотнесена с другими изображениями? Как известно, А. Брейль выделял в Ласко 13 серий росписей разного времени: 1) оттиск руки в конце осевого коридора; 2) маленькие фигурки животных, выполненные тонкими красно-желтыми линиями; 3) коричневые силуэты лошадей; 4) красные силуэты лошадей и бизонов; 5) фигуры лошадей цвета дубленой кожи и т. д., и говорил, что в пещере работало не менее восьми поколений художников. В пользу этого могут свидетельствовать случаи перекрывания одних изображений другими (например, фигура пораженного шестью дротиками бизона перекрыла фигуру жеребой кобылы, ряд росписей подновлен с помощью гравировки). А. Глори на основании ских раскопок писал о 10—15 слоях, отражающих неоднократное посещение пещеры.

Мнение А. Леруа-Гурана иное: для него Ласко — это «ансамбль», комплекс взаимосвязанных произведений искусства, созданный по заранее продуманному плану за сравнительно короткое время. Впоследствии в этот пещерный храм люди могли приходить много раз (откуда и прослойки, отмеченные Глори), подновлять некоторые поблекшие росписи, но система их оставалась незыблемой. Разностильность изображений объясняется тем, что они выполнены на разных по характеру поверхности участках скалы, несколькими одновременно работавшими художниками, и тем, что это образы разных мифических персонажей. Перекрывание одних рисунков другими объясняется не их разновременностью или равнодушием палеолитического художника к созданиям своих предшественников, а особым пониманием композиции в ту эпоху, чуждым для нас, воспитанных на искусстве совершенно другого характера.

Данные о кремневом и костяном инвентаре Ласко, достаточно едином, о фауне и пыльце из пещеры как будто подкрепляют точку зрения Леруа-Гурана о единовременном создании росписей и гравировок святилища.

Авторов книги не убеждают старые гипотезы об отразившихся в изображениях пещеры охотничьей магии (линии на фигурах зверей якобы обозначают сразившее их оружие) и магии плодородия (фигуры беременных животных), идея о битве трех кланов, запечатленной символически (если в росписях показаны их тотемы — птица, носорог и зубр), предположение о шамане с жезлом, увенчанным фигурой птицы, подобным сибирским шаманским жезлам, изображенном на стене «Колодца», и т. д. И Андре Леруа-Гуран, и его соавторы пытаются подойти к комплексу произведений искусства в Ласко не с привычными отмычками, годными для любой пещеры, а дифференцированно, выявляя специфику отдельных участков святилища. Отмечается, например, что основная масса изображений оленей приурочена к так называемой «Апсиде». Там же сосредоточены и клавиформы (видимо, схематические фигуры людей), которые расцениваются в книге как свидетельства южных влияний.

В Ласко много знаков в виде четырехугольников размером до 15×50 см. Брейль называл их гербами и считал, что это эмблемы отдельных племен. Выяснено, что «гербы» полностью отсутствуют в «Зале быков» и «Переходе» и очень многочисленны в остальных частях пещеры.

По-прежнему загадочен «Колодец» — провал в полу пещеры с отложениями мощностью 6 м и изображением убитого быком человека на стене. В 1949 г. Брейль вел там раскопки, надеясь найти могилу того человека, о чьей гибели на охоте рассказывает рисунок. Могилы здесь не оказалось. Авторы отмечают, что в колодце найдено больше каменных ламп и роговых наконечников, чем на остальных участках пещеры.

Центр древнего святилища, по мнению А. Леруа-Гурана и его соавторов,— это «Колодец», «Апсида», особенно насыщенные гравировками, и нависающий над ними свод с наиболее известными произведениями искусства Ласко.

Изучая такой сложный комплекс, как Ласко, созданный людьми, отделенными от нас 15 тыс. лет, трудно рассчитывать на расшифровку всех без исключения изображений, на объяснение каждой детали на них, на раскрытие всех сторон

мировоззрения наших предков. Предложенную в книге интерпретацию Ласко нельзя считать единственно возможной, истиной в последней инстанции. Многочисленные пересекающиеся друг с другом, трудно читаемые гравировки противоречат идее о тщательно продуманном единовременном украшении святилища. В этом случае следовало ожидать неизмеримо более ясного соотношения фигур, предполагающего их однозначное прочтение. Некоторые наблюдения А. Брейля не отменены новейшими исследованиями и требуют более четкого истолкования. Но бесспорно, проделанная работа представляет собой шаг вперед по сравнению с исследованиями Брейля. Особенно важны наблюдения над различиями в составе изображений в отдельных частях пещеры и в находках в культурном слое тех же участков.

Завершает книгу краткое заключение (на двух страницах), принадлежащее всем авторам, полагающим, что их выводы совпали, подтвердив тезис о единстве Ласко как памятника искусства. Рядом тот же текст дан в переводе на английский, немецкий и русский языки. Советским археологам приятно, что их французские коллеги сделали по отношению к ним этот жест вежливости. К сожалению, З. А. Абрамова, корректировавшая русский перевод, видимо, стеснялась сильно править переводчика-француза и текст местами оказался невнятным.

Авторы назвали свою книгу не «Ласко», а «Неизвестное Ласко». Действительно, основной упор в ней сделан не на памятники, вошедшие в учебники, а на моменты, слабо освещенные в предшествующих публикациях. Результат впечатляющий: Ласко выглядит для нас теперь во многом по-новому. Неизмеримо больше узнали мы о самой пещере, о ее отложениях, фауне, рядовых находках, о гравировках на ее стенах, о своеобразии отдельных частей пещеры.

Разумеется, тема далеко не исчерпана. Комплекс росписей и гравировок рассмотрен вне связи с другими аналогичными памятниками (ранее как параллели назывались недалеко расположенная пещера Сержак, отчасти Фон де Гом, Альтамира, Портель, Пасьега и др.). Но те, кто будут обращаться к Ласко впоследствии, конечно, станут исходить из материалов, суммированных в рецензируемой книге. Это большой вклад в науку о палеолите и первобытном искусстве.

Хотелось бы, чтобы со временем советские ученые подготовили аналогичное издание о Каповой пещере, используя материалы работ О. Н. Бадера (как использованы в книге о Ласко материалы А. Глори), привлекая данные спелеологов, палинологов, палеонтологов, всесторонне анализируя росписи пещеры.

Формозов А. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова З. А.* Ласко — памятник палеолитического наскального искусства.— В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971.

Girard C. Les industries maustériennes de la grotte de l'Hyène à Arcy-sur-Cure (Yohne). XIe Supplément à «Gallia Préhistoire». Paris, 1978, 17 табл., 84 илл.

Знаменитые палеолитические памятники, расположенные в коммуне Арси-сюр-Кюр (деп. Йонна), были открыты еще в конце прошлого века А. Пара. Раскопки некоторых из них, и в частности грота Гиены, грота Северного Оленя (вместе с галереей Шопфлена), грота Медведя и грота Бизона, проводились в течение 1948—1958 гг. А. Леруа-Гураном [1—3]. Наибольшую известность получили гроты Гиены и Северного Оленя, многослойные стоянки с мустьерскими и верхнепалеолитическими индустриями. До недавнего времени археологические материалы этих памятников оставались почти неопубликованными.

Суммарное описание археологических находок дано в некоторых работах А. Леруа-Гурана, а также на их основе в монографии Г. П. Григорьева [4, с. 91, 92]. И вот теперь вышла в свет монография французской исследовательницы палеолита К. Жирар, посвященная изучению мустьерских индустрий грота Гиены. Книга состоит из шести глав, заключения и дополнения.

В главе I приводится весьма краткая литолого-стратиграфическая и палинологическая характеристика отложений грота, дается его сжатое геоморфологическое описание, излагаются фаунистические и антропологические материалы. Здесь следует отметить, что естественнонаучное изучение памятника проводилось в 50-х и начале

60-х годов. Новые данные, например по датировке отложений, их литологии и стратиграфии, в рецензируемой работе отсутствуют.

В гроте выделено 30 литологических горизонтов. В монографии рассматриваются лишь горизонты 30—22 (рисс-вюрмские) и горизонты 21—14 (или, по-другому, IVб$_7$—IVб$_1$, IVa), которые датируются первой половиной вюрма. Практически все горизонты содержат находки. Мустьерские индустрии обнаружены в горизонтах 21—14.

Обращает на себя внимание наличие в слоях (№ 30—22) глинистых и песчано-глинистых материалов. В слоях 21—17 (IVб$_7$—IVб$_3$) глинистый субстрат преобладает над грубыми фракциями, в частности щебнем. Противоположная картина установлена для слоев 15 (IVб$_1$) и 14 (IVa). В слое 16 (IVб$_2$) обломочный материал отсутствует. Любопытно, что в слое IVб$_1$ наряду с обильным щебнем обнаружены гальки, куски пирита, обломки известняка шаровидной формы. Согласно К. Жирар, эти предметы были принесены в грот человеком (с. 19). Но никаких конкретных доказательств в пользу данного предположения она не приводит. Нельзя исключить и другие пути проникновения указанных предметов в зону осадконакопления (действие водных потоков, поступление через карстовые каналы), тем более что в некоторых других горизонтах обнаружены гальки, присутствие которых К. Жирар не связывает с деятельностью человека. Важно было провести тщательный осмотр поверхностей изделий и разностей щебня на предмет их естественной деформации. Не исключено, что некоторые зубчато-выемчатые формы являются ее продуктом.

Более удачно и доказательно в главе I приводятся данные по литологии, палинологии и фауне и дается реконструкция климатических условий в периоды накопления мустьерских отложений. Существенным упущением следует, несомненно, считать отсутствие каких-либо сведений о геологическом возрасте последних.

Заключительный параграф главы I (этнографическое описание образа жизни обитателей грота) следовало бы поместить в конце монографии. В нем К. Жирар, со ссылкой на А. Леруа-Гурана, излагает суждения о существовании в течение всего мустьерского времени жилищ из костей животных, о жилой планировке пространства грота, о наличии эстетического вкуса у его обитателей и т. п. Все эти рассуждения носят отвлеченный характер. К тому же данные наблюдения А. Леруа-Гурана, конечно, нуждаются в дополнениях. Здесь особенно важны данные о планиграфии культурных слоев, что позволило бы поставить вопрос о производственной и хозяйственной деятельности древних людей.

Во главе II автор излагает методические основы своего подхода к изучению каменных орудий, принципы используемых классификаций, знакомит с принятой ею терминологией. Анализ материала, согласно К. Жирар, следует проводить по трем направлениям: 1) изучение сырья; 2) изучение первичной обработки; 3) изучение вторичной обработки. Она придерживается получившей известное распространение точки зрения о влиянии сырья на технику расщепления и вторичную обработку. Указывается, что бесформенные нуклеусы чаще всего получались при использовании обломков кремнистой породы шаровидной формы. Разделяет она и мнение о том, что форма исходной заготовки часто предопределяет и форму орудия. Эти наблюдения и выводы К. Жирар, безусловно, весьма интересны. Однако тема сырья в ее монографии (как, впрочем, и в публикациях других авторов) разработана неполно. Сейчас уже недостаточно ограничиваться лишь списком горных пород, из которых древние люди изготавливали свои орудия. Для понимания существа технологии изготовления и формы изделий необходимо знать структурно-текстурные, физические и механические свойства пород, а также детально изучить морфологию исходных заготовок (естественных кусков и сколов).

В начале методической части главы излагаются принципы описания и классификации нуклеусов. Выделение основных категорий нуклеусов осуществляется с учетом количества ударных площадок (нуклеусы одноплощадочные, двухплощадочные и полиэдрические). Правда, последняя категория выделена по морфологическим признакам. На деле это многоплощадочные, но более грубые нуклеусы. Одноплощадочные нуклеусы разделяются на простые и сложные (с круговой площадкой). К сложным К. Жирар относит нуклеусы двойные пирамидальные, леваллуазские и дисковидные. Однако критерии, предложенные для их выделения, вызывают возражение. Изображенный на рис. 13 дисковидный нуклеус скорее всего является леваллуазским черепаховидным, а все двойные пирамидальные (рис. 13, 14) правильнее было бы отнести к дисковидным двусторонним.

Позволим себе высказать несогласие с общепринятой точкой зрения, по которой дисковидные нуклеусы относятся к категории одноплощадочных. На деле, у них имеется несколько площадок [5, с. 69, 70]. Сказанное подтверждается тем, что участки, слагающие окружность так называемой круговой площадки, далеко не равноценны по углу между двумя смежными плоскостями, своей форме, рельефу, степени и характеру подготовки и т. д. Важно при этом учитывать и кинематический момент: в процессе раскалывания нуклеуса переход к новой площадке означает его поворот в руках и соответствующий угол наклона. Сейчас в палеолитоведении нет такой классификации нуклеусов, которая отвечала бы строгим методическим принципам. Для ее создания, кроме иных причин, существуют и объективные трудности. По нашему мнению, классификация нуклеусов должна строиться по какому-то одному принципу: с учетом или формы, или системы, или приемов раскалывания. Так, неприемлемым кажется сочетание в одном ряду таких наименований, как одноплощадочный, дисковидный и леваллуазский нуклеусы, поскольку они выделены на основе разных критериев. Целесообразно также фиксировать площадки основные и вспомогательные, необходимые для подправки или подготовки поверхности скалывания нуклеуса. Важными признаками следует считать тип и характер ударных площадок, степень истощенности и рельеф тыльной поверхности. Методика описания нуклеусов и их классификация, предложенные К. Жирар, не содержат каких-либо нововведений и, кроме того, являются непоследовательными и неполными. Отметим попутно, что в работах некоторых советских исследователей, например В. П. Любина [6, с. 16—38], И. И. Коробкова [7, с. 76—110], В. Н. Гладилина [8, с. 7—20], Г. П. Григорьева [5, с. 68—74], Р. Х. Сулейманова [9, с. 30, 31, 77—123], В. Е. Щелинского [10, с. 7—10], вопросам типологии и технологии раскалывания нуклеусов уделяется существенное внимание.

Более удачной в рассматриваемой главе следует признать методику описания сколов. Приводятся метрические показатели (модули), фиксирующие градации длины, ширины, а также отношения длины к ширине. Здесь К. Жирар использует соответствующие разработки А. Леруа-Гурана [11, с. 250, 251]. Однако не лишне использовать еще один важный показатель — массивность сколов, который ввел в практику анализа индустрий Н. К. Анисюткин [12, с. 5—8]. Среди метрических показателей обращают на себя внимание модули пластинчатых сколов: удлиненных отщепов, пластинчатых отщепов и пластин (соотношение длины к ширине соответственно $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$). Однако типологического, в данном случае качественного, определения данной категории К. Жирар, к сожалению, не дает. Далее она излагает признаки для описания ударных площадок и ударных бугорков. Кроме самой общей классификации всех площадок стоило бы привести и классификацию фасетированных площадок, что сделано, например, В. П. Любиным [6, с. 43—45]. Весьма подробно описываются отщепы с корочным покрытием, и в том числе изделия с обушком. Признаки, которые при этом предлагаются, довольно разнообразны [13, с. 119, 120]. Среди прочих автор использует такой важный признак, как направление скошенности обушка вправо или влево. В соответствии с аккомодационно-функциональной нормой оптимальной является правая скошенность обушка. Однако не во всех случаях ножи с естественным обушком выделяются типологически строго. Нередко это отщепы с пологим необработанным скатом на тыльной поверхности.

В отдельном разделе рассматривается система технических индексов в соответствии с рекомендациями Ф. Борда. Предложено два индекса пластин: а) общий (с учетом продолговатых, пластинчатых отщепов и пластин) и б) узкий (пластинчатые отщепы и пластины). Надо отметить, что индекс пластин, введенный в свое время Ф. Бордом, неудачно фиксирует морфологию пластин. Нельзя не согласиться с В. П. Любиным, который отстаивает индекс собственно пластин, т. е. сколов с параллельной огранкой спинки, и предлагает отчленить их от продолговатых и пластинчатых отщепов [6, с. 38—40]. В главах III и IV, где проводится описание материала, путаница с применением термина «пластина» налицо. Автор обходит стороной такую важную типологическую единицу, как заготовки. Кроме учета соответствующих параметров здесь необходим детальный морфологический анализ всех элементов предмета. Опыты по изготовлению и использованию орудий показывают, что среди заготовок выделяются заготовки как таковые и заготовки-орудия, т. е. сколы, которые без всякой дополнительной обработки могут быть использованы в работе [14, с. 8—12].

Последний раздел главы посвящен изложению методики изучения вторичной

обработки. Она состоит из двух звеньев: а) описание изделий; б) их статистический анализ. При этом К. Жирар использует методические принципы, разработанные Ф. Бордом и М. Бургоном. Среди предложенных для описания орудий признаков заслуживают внимания такие, как угол наклона ретуши, кривизны лезвий у скребел, асимметричных проколок и выемчатых орудий, глубина выемок у последних, степень выпуклости рабочих лезвий скребков и др. Способы измерения этих признаков показаны на графических схемах (рис. 15—17). Однако при изучении выемчатых, а также зубчатых орудий важно, по нашему мнению, учитывать и такие признаки, как характер и степень выраженности ретуши, ее локализация, форма зубчиков и др. Использование зубчато-выемчатых изделий в операциях резания, пиления, скобления убедительно показывает, что подлинными орудиями являются те, у которых имеется острое, а не забитое крутое лезвие. В последнем случае сминающая ретушь нередко заходит на поверхность спинки или брюшка отщепа.

В рассматриваемом параграфе практически ничего не сказано о классификации ретуши, ее основных признаках. К. Жирар использует принципы описания ретуши, введенные Ф. Бордом. Совершенно очевидно, что классификация Ф. Борда, несмотря на ее несомненные достоинства, не исчерпывает все важнейшие признаки ретуши. Это наглядно показывают разработки Ж. Лапласа [15, с. 91—143], А. Эйнзелена де Брокура [16, с. 16—18], А. де Люмлея [17, с. 396], В. П. Любина [6, с. 41—186] и др. Как нам представляется, при анализе ретуши важно учитывать такие показатели, как форма, угол наклона ретуши, глубина и величина фасеток, степень срезания края изделия, степень проникновения ретуши на поверхность, регулярность ретуши, ее локализация, внешние контуры фасеток, целевое назначение ретуши.

Вопросы вторичной обработки, и прежде всего ретуши, отнюдь не исчерпали себя. И едва ли сейчас оправданно выбирать какую-то одну частную классификацию, игнорируя другие разработки.

Главы III и IV посвящены описанию индустрий из довюрмских и вюрмских отложений грота. Очень важно, что К. Жирар провела анализ изделий из домустьерских слоев (глава III). В слое 30 преобладают отщепы и их фрагменты. Большой процент составляют и пластины. Нуклеусы достаточно грубые. Орудия маловыразительны и немногочисленны. Среди орудий первое место принадлежит выемчатым формам. Отмечено 37 сколов со следами повреждения. Изделия из слоя 29 имеют более развитый облик. К тому же они не окатаны. Как и в предыдущем, в этом слое много пластинчатых сколов. Обнаружено два невыразительных бифаса и 8 скребел. Изделия из слоев 28—22 автор разделила на три группы: 1) изделия заметно окатанные и патинизированные; 2) изделия не окатанные, но сильно патинизированные; 3) изделия не окатанные, слегка патинизированные. В первой группе много зубчато-выемчатых орудий и отщепов с частичной ретушью. В двух последних группах предметов гораздо меньше. Резко сокращается и число указанных орудий. В индустрии этих слоев пластины столь же многочисленны.

В главе IV анализируются мустьерские изделия. Описание их проводится по слоям. Слой IVб$_7$ (21) беден находками. В слоях IVб$_6$, IVб$_5$, IVб$_4$, IVб$_3$ число их заметно возрастает. В слое IVб$_6$ у нуклеусов отмечены преимущественно необработанные площадки. Среди отщепов преобладают укороченные формы (то же и в слое IVб$_4$). Пластин очень мало. В слоях IVб$_5$ и IVб$_3$, наоборот, больше удлиненных отщепов. Пластин и пластинчатых отщепов практически нет. Скребла разных типов отмечены в каждом слое. Интересно, что для слоя IVб$_4$ установлен самый высокий процент изделий из кремня (33,4), хотя изделия из кремнистой породы преобладают. Во всех индустриях указанных слоев есть зубчато-выемчатые формы, ножи с обушком, скребки, резцы, проколки (особенно в IVб$_3$). Леваллуазские сколы и нуклеусы везде редки. Лишь в слое IVб$_3$ обнаружено 13 подобных сколов. В слое IVб$_3$ общее число изделий, в том числе и зубчато-выемчатых, заметно уменьшается. Особенно насыщенными оказались два верхних слоя — IVб$_1$ и IVа. Нуклеусов и сколов леваллуа хотя и мало, но они имеют весьма характерный облик. Многочисленную серию составляют зубчато-выемчатые формы, скребки, скребла, ножи с естественным обушком и отщепы с нерегулярной ретушью.

Прежде всего отметим, что описание изделий из домустьерских и мустьерских слоев проводится автором по единой схеме. Вначале дается процентное соотношение изделий из разных горных пород, затем описываются нуклеусы, сколы (первичная обработка) и после — орудия (вторичная обработка). Приводятся технические и типологические индексы, типолисты, гистограммы и кумулятивные графики. Изуче-

ние изделий осуществляется по категориям и типам. С методической точки зрения такой принцип описания материала кажется наиболее целесообразным. Статистические данные, несомненно, усиливают строгость анализа. При описании орудий указываются углы наклона ретуши и кривизны рабочих лезвий скребел и выемчатых изделий. Однако качественный анализ изделий проведен недостаточно. Удивляет вообще краткость их описания. Получить более или менее ясное представление, например, о морфологии нуклеусов и технике расщепления невозможно. Встречается и терминологическая нечеткость. Так, в приведенном списке типов нуклеусов из слоя IVб$_4$ нет призматических форм, однако в тексте указано, что «призматические удлиненные формы преобладают над шаровидными» (с. 90). Неудачно выражение «нуклеус в виде треугольной удлиненной призмы». Остается непонятным, идет ли речь просто о нуклеусах призматической формы или о таковых с негативами пластинчатых снятий. Читатель не получает представления о специфических и общих деталях в оформлении орудий как в пределах разных типов, так и одного типа. Слабое внимание уделено описанию вторичной обработки, и прежде всего ретуши. Индексы кривизны рабочих лезвий и углы наклона ретуши не были обобщены и воспринимаются не более как формальные элементы описания. Недооценка качественного анализа изделий неизбежно привела автора к завышению числа отдельных типов орудий, и в частности ножей с обушком, зубчато-выемчатых форм и отщепов с частичной ретушью. Непонятно также, почему многие невыразительные пластинчатые отщепы зачислены ею в разряд пластин. Упущением следует считать и отсутствие в конце каждого раздела, посвященного описанию орудий, краткого обобщения изложенных данных. Приходится сожалеть, что К. Жирар уклонилась от обсуждения вопроса об археологическом возрасте индустрий из слоев 30—22.

Глава V посвящена сравнению индустрий мустьерских слоев. Она во многом интересна. Выделены две группы: с одной стороны, это индустрии из слоев IVб$_6$, IVб$_5$, IVб$_4$, IVб$_3$, а с другой — индустрии из слоев IVб$_2$, IVб$_1$, IVа. Разделение проведено как на основе технико-типологических показателей, так и с учетом литологических характеристик (слои глинистые; слои глинистые со щебнем). С таким подходом нельзя не согласиться. Вначале индустрии сравниваются по линии исходного сырья. Сделан скрупулезный подсчет изделий из разных горных пород для всех слоев. Затем осуществляется сравнение индустрий по показателям техники раскалывания. При обзоре нуклеусов учитываются прежде всего их размеры и форма. Любопытно, что в верхних мустьерских слоях нуклеусов шаровидной формы гораздо больше, чем нуклеусов прямоугольных очертаний. Реже здесь встречаются и дисковидные нуклеусы. Аналогичная процедура проведена и в отношении снятий. Указывается, что кверху их размеры уменьшаются. В то же время сокращается число сколов с фасетированными площадками и увеличивается угол скошенности ударных площадок. Уменьшается и количество леваллуазских отщепов. Все эти интересные факты требуют своего объяснения, но оно в работе отсутствует. Уменьшение размеров нуклеусов от нижних слоев к верхним, согласно К. Жирар, можно объяснить двояким путем: 1) древние мастера предпочитали выбирать мелкие куски камня; 2) они преднамеренно доводили нуклеусы до сильного истощения (с. 180). Думается, что оба варианта вполне реальны.

Весьма детально автор прослеживает частоту встречаемости от слоя к слою различных типов орудий. Так, в верхних мустьерских слоях скребел в процентном отношении меньше, чем в нижних слоях. Кверху увеличивается число скребел с крутой и полукрутой ретушью. Зубчато-выемчатые орудия особенно многочисленны вверху, т. е. в отложениях с глиной и щебнем. Напротив, в слоях IVб$_6$ — IVб$_2$, где глинистая фракция преобладает, их гораздо меньше. Думается, что это не случайно. Исключить здесь полностью роль естественных факторов, по всей видимости, будет неосмотрительно. Конечно, можно прибегнуть к более удобному и простому способу объяснения и видеть в этом переход к новой культурной фации.

Последний, пятый раздел главы посвящен обзору «технико-экономических» показателей индустрий. Речь здесь идет о частоте распределения нуклеусов, сколов и орудий на отщепах из разных горных пород по слоям. Прослеживается также взаимосвязь типов сырья, с одной стороны, и некоторых признаков ретуши — с другой. Вторым существенным показателем являются заготовки — их число, размеры, формы и типы. Преобладают удлиненные сколы. В индустриях нижних слоев 60—100% леваллуазских заготовок превращены в орудия, а в верхних — 45% заго-

товок. Интенсивней ретушировались отщепы с корочным покрытием. Третий «технико-экономический» показатель — необработанные гальки, желваки, отбойники, шаровидные предметы типа бола (метательное оружие). Однако описания всех этих предметов нет. Особенно в этом нуждаются отбойники и бола. Совершенно бесспорно, что стремление автора как-то выделить экономический аспект индустрий заслуживает одобрения. В то же время очевидно и другое: для более полной характеристики подобного рода необходимы и иные показатели, например такие, как характер распределения и концентрации тех или иных типов изделий в слое (производственные участки), функции орудий (типа деятельности) и т. п.

В главе VI автор проводит сопоставление мустьерских индустрий грота Гиены с индустриями других памятников. По технико-типологическим показателям орудия объединены в две группы индустрий: 1) индустрии из слоев IVб$_6$—IVб$_4$ и 2) индустрии из слоев IVб$_2$—IVа. Промежуточную позицию занимает инвентарь из слоя IVб$_3$. Материалы первой группы сопоставляются с инвентарем таких памятников, как Ля-Микок (слои 3—4), Ле Мустье (слой J), Пеш де ль Азе II (слой 4 С$_2$), Санта-Лючия и др. Наиболее близка к указанной группе, по мнению К. Жирар, индустрия Пеш де ль Азе II. Сравнение проводится на основе процентного соотношения скребел, ножей с обушком, скребков и других орудий, а также кумулятивных графиков. Изделия из слоя IVб$_3$ напоминают таковые из слоя Ле Мустье. Несмотря на высокий шарантский индекс индустрий из слоев IVб$_6$ и IVб$_4$, К. Жирар относит их к типичному мустье (с. 203). Орудия из слоев IVб$_1$ — Va сопоставляются с Комб-Греналем (слой 14), Абри Шадурном (слои АВ и А), Пеш де ль Азе III, Шипкой и Ябрудом (слои 9 и 5). Наиболее близкие аналогии они находят в индустриях Сан-Франческо и Турналя (р. 207). Исходя из наличия в инвентаре верхних слоев грота Гиены большого количества верхнепалеолитических форм, автор датирует его поздним мустье и относит к фации (правда, не вполне отчетливо) зубчатого мустье. Хотя сравнение индустрий друг с другом на основе статистических данных и кумулятивных графиков имеет свое положительное значение, ясно и то, что такой подход довольно односторонен. Необходимо принимать во внимание такие компоненты, как детали морфологии орудий и технологические приемы их обработки, другими словами, результаты качественного анализа. К. Жирар ограничилась традиционной процедурой, не коснувшись таких вопросов, как тип памятника, культура, культурная общность, фация, линия развития, конвергентные группы и т. п.

Важно не только отметить формальное сходство или различие индустрий, но и дать им хотя бы краткое толкование.

Говоря о взаимоотношении индустрий зубчатого мустье и верхнего палеолита в гроте Гиены, К. Жирар полностью повторяет высказывания А. Леруа-Гурана. Как известно, он не связывал индустрии верхних слоев с развитым мустье по той причине, что в них слабо представлены классические мустьерские формы. В то же время, согласно А. Леруа-Гурану, их нельзя относить и к шательперрону. Несмотря на явное сходство этих индустрий с зубчатым мустье и перигордьеном О, нецелесообразно их называть ни собственно мустьерскими, ни перигордийскими, поскольку для них не характерны острия шательперрон, а зубчатые формы представлены и в нижних слоях. К сожалению, К. Жирар этими цитатами из статей А. Леруа-Гурана и заканчивает свои суждения об археологической датировке памятников и вообще монографию. Позитивных выводов самого автора в заключительной части книги мы не находим. Отсутствие остроконечников и некоторое уменьшение скребел вовсе не говорит о том, что та или иная индустрия не является характерной мустьерской. Известно немало индустрий, где остроконечники не представлены, но это отнюдь не подрывает их мустьерский статус. Здесь надо принимать во внимание и традиции, и тип памятника, и увеличение функционального потенциала, и динамический характер деятельности древних людей. Конечно, с сугубо типологической точки зрения говорить о генетической близости зубчатого мустье и шательперрона неправомерно. Однако не всегда оправданно решать такие вопросы с позиций жестких типологических моделей. Надо иметь в виду, что каменный инвентарь стоянки не фиксирует все аспекты производственной и хозяйственной жизни того или иного коллектива, традиции, привычки, манеру изготовления орудий, тем более что природа зубчатого мустье до конца еще не ясна. Как нам представляется, сходство прежде всего надо искать не в количественном соотношении тех или иных форм, а в прогрессивном увеличении орудий верхнепалеолитического облика, бли-

зости отдельных морфологических элементов, характерных для изделий обеих хронологических групп и в функциональной преемственности.

Монография К. Жирар носит в общем описательный характер. Многие методические разработки, касающиеся описания материала, весьма интересны, хотя целый ряд их едва ли можно признать совершенным. Кроме того, следует отметить, что сейчас уже недостаточно просто опубликовать материал. Необходима эмпирическая интерпретация фактов и реконструкция культурных и хозяйственных процессов. Ведь иначе трудно понять, ради чего автор проделала скрупулезный анализ каменных орудий.

Матюхин А. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Leroi-Gourhan A.* Arcy-sur-Cure (Yonne). Compte rendu des fouilles.— Gallia, 1944, № 7.
2. *Leroi-Gourhan A.* Les Fouilles d'Arcy-sur-Cure.— Gallia préhistoire, 1962, № 4.
3. *Leroi-Gourhan (A. et Arl.)* Chronologie des grottes d Arcy-sur-Cure — Gallia préhistoire, 1965, № 7.
4. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука, 1968.
5. *Григорьев Г. П.* Проблемы леваллуа.— МИА СССР, 1972, № 185.
6. *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических индустрий.— МИА, 1965, № 131.
7. *Коробков И. И.* Нуклеусы Яштуха.— МИА, 1965, № 131.
8. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1976.
9. *Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан, 1972.
10. *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1974.
11. *Leroi-Gourhan A. et al.* La Préhistoire. Paris, 1966.
12. *Анисюткин Н. К.* Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов.— Асб.ГЭ, 1968, № 10.
13. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
14. *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1977.
15. *Laplace G.* La typologie analytique et Structural: base rationelle d'étude des industries lithiques et osseuses.— In: Banques de données archéologiques. Colloques Nationaux du Centre National de la Recherche Scientifique, Paris, 1974, № 932.
16. *Heinselin de Braucourt J.* Manuel de typologique des industries lithiques. Bruxelles, 1962.
17. *Lumley H. de, Licht M. H.* Les industries moustériennes de la grotte de l'Hortus.— In: La grotte de l'Hortus. Valflaunes. Hérault. Studies Quaternaires, mémoire № 1. Marseille, 1972.

The archaeology of Afghanistan from earliest times to the Timurid period / Ed. by Allchin F. R. and Hammond N. London — New York — San Francisco: Academic Press, 1978

Рецензируемая работа представляет собой первый опыт создания сводного труда по археологии Афганистана. Она охватывает время от древнейших времен до эпохи развитого средневековья (приблизительно до XVI в.) В создании книги принимали участие известные специалисты нескольких стран: Англии (Ф. Аллчин, С. Вулби, Д. Мак-Доуэлл), США (Р. Девис, Н. Хэммонд, Д. Шеффер), Италии (М. Таддеи) и ФРГ (К. Фишер). Работа значительна по объему (более 450 с., много иллюстраций, хотя не всегда достаточно высокого качества), завершается подробной библиографией и указателем.

Книга открывается разделом «Недавние исследования», в котором в краткой форме сообщается о тех открытиях, которые были сделаны археологами за время, прошедшее с момента представления рукописей авторами. В число важнейших открытий издатели книги (Ф. Аллчин и Н. Хэммонд) включают раскопки французских археологов на двухслойном поселении Шортугай (на берегу Амударьи, в 20 км к северо-востоку от городища Ай-Ханум). Это поселение определяется исследователями как колония или торговый пост Хараппской цивилизации. Среди других находок здесь имеется большое количество лазурита и харапнская печать с надписью. Весьма вероятно, что это поселение возникло именно в результате развития обмена,

в частности, для получения бадахшанского лазурита. Возникновение поселения относится к началу II тысячелетия до н. э.

В разделе отмечаются возобновившиеся раскопки на Над-и-Али, которые подтвердили мнение Р. Гиршмана, ранее проводившего здесь исследования, о том, что возникновение поселений и строительство цитадели относятся к доахеменидскому, видимо, мидийскому времени. Здесь же подчеркивается значение начатых Британским институтом в Афганистане раскопок на территории Старого Кандагара. Важнейшим результатом их издатели считают вывод о том, что и цитадель и практически все укрепления в своей основе также относятся к столь же раннему времени. Среди находок в Кандагаре особо отмечается глиняная табличка с клинописным текстом (ахеменидского или эламского времени).

В этом разделе упоминаются некоторые важнейшие археологические открытия на сопредельных с Афганистаном территориях (в том числе и в советских среднеазиатских республиках), существенные для понимания ряда явлений в археологии Афганистана. Кроме того, отмечается возрастание интереса к прошлому этой страны, результатом чего стало появление двух новых периодических изданий: «Afghanistan Journal» (г. Грац, Австрия) и «Afghan Studies» (Англия).

Во «Введении» редакторы книги объясняют принятую ими структуру исследования и дают краткий очерк истории археологических исследований в Афганистане. Согласно словам редакторов, они практически не меняли тексты, представленные авторами отдельных разделов. В таком подходе (наряду с положительной стороной) кроются и определенные недостатки. Можно отметить не только значительные расхождения в стиле, но и в самом подходе к материалу, в различных разделах основной акцент делается на различные категории находок и т. д.

В главе 1 — «Географический фон» — С. Вулби с исчерпывающей полнотой и завидной тщательностью приводит общий геологический обзор Афганистана. В разделах «Климат и климатические изменения» и «Естественные ресурсы» она приходит к весьма обоснованному выводу, что по крайней мере с 500 г. до н. э. здесь не наблюдается сколько-нибудь существенных климатических изменений, что, однако, не исключает незначительных температурных и аридных колебаний (с. 18). Глава снабжена большим количеством иллюстраций, в том числе «говорящих карт», показывающих географическое положение Афганистана в системе Евразии, соотношение горных районов и речных бассейнов, климатических и физиографических карт, биоклиматических зон, основных ирригационных систем.

Глава 2 — «Палеолит» — написана Р. Девисом, многие годы занимавшимся изучением каменного века Афганистана и сопредельных территорий. Кратко обрисовав историю изучения палеолита Афганистана, автор отмечает вполне вероятное существование нижнепалеолитических памятников, пока еще не выявленных археологами. Не исключено, что первые такие документальные свидетельства дадут новейшие находки в Дашт-и-Навар (провинция Газни), что, однако, требует дальнейшего тщательного геологического исследования района в сочетании с изучением каменных орудий и фаунистических остатков.

Такую же вполне справедливую осторожность проявляет автор при характеристике периода среднего палеолита (памятники Дара-и-Кур, Гар-и-Мовдех, Гусфалед, Хазар-Сум, Кара-Камар II, IV, Дашт-и-Навар). Подобно другим авторам Р. Девис отмечает, что наличие среднепалеолитических памятников в соседнем Загросе (Иран), Советской Средней Азии, Пакистане делает вполне вероятным предположение об обживании людьми времени среднего палеолита и территории Афганистана.

Зато период позднего палеолита (памятники Кара-Камар I, III, Дара-и-Калон, Ак-Купрук II, IIIA, IIIБ, Кок-Джар, Ташкурган) документируется многочисленными материалами вышеперечисленных памятников. Все они располагаются на северной подгорной равнине Гиндукуша и лишь один пункт — Ташкурган-40 — на левобережье Амударьи (с. 49). Добавим, что в новейшее время работами советско-афганской археологической экспедиции на левобережье Амударьи выявлены десятки новых пунктов с мезолитическими материалами, из которых опубликована пока лишь незначительная часть. Однако уже эти материалы, и в особенности кремневая индустрия из стоянок Ташгузар и Сиах-Риган, со всей очевидностью свидетельствуют о достаточно широком обживании человеком долины Амударьи в это время [1].

Глава 3 — «Предысторический период»,— подготовленная Д. Шеффером, посвящена обзору памятников неолитического и бронзового периодов. Неолитические материалы (памятники Гар-и-Мар, Гар-и-Аси, Дарье-и-Кур) были разделены их перво-

открывателем Л. Дюпре на две стадии: «докерамическую» и «керамическую». Однако Д. Шеффер прямо отмечает сомнения в правомерности подобного членения, основанные на личном изучении этой посуды (с. 79). В самом деле, приведенные иллюстрации этой керамики скорее всего относятся к раннесредневековому времени, свидетельствуя не о первых опытах в керамическом производстве, а о нарушении стратиграфической последовательности соответствующих культурных слоев пещеры Гар-и-Мар. Наше согласие с Д. Шеффером о необходимости уточнения хронологической принадлежности этой «неолитической» керамики отнюдь не означает признания его тезиса о принадлежности ее кочевникам. В еще большей степени вызывает сомнение его вывод об импорте стеатитовых сосудов, встреченных вместе с вышеупомянутой керамикой в североафганских пещерах с Иранского плато. Кроме общеисторических рассуждений для такого предположения нет никаких оснований, и лишь специальные анализы соответствующих образцов смогут внести ясность в проблему, из которой могут быть сделаны далеко идущие исторические выводы.

Точно так же можно согласиться с критикой, данной автором названию и конкретному ахеологическому содержанию слоя «культового козла», предложенного Л. Дюпре. Однако вызывает большие сомнения сопоставление захоронения животных в Дара-и-Кур с захоронениями козлов в Дашлы-1 (с. 83), в чем автор склонен усматривать взаимодействие кочевых пастушеских племен с оседлыми земледельцами.

В разделе «Оседлые земледельцы» автор с уверенностью предполагает наличие в Афганистане древнейших раннеземледельческих памятников типа среднеазиатского Джейтуна, ссылаясь помимо общих соображений на давно отмеченные всхолмления с кремневыми отщепами около г. Ташкургана. Возможно, эти еле выраженные в рельефе возвышения и отражают первые попытки людей каменного века перейти к оседлому образу жизни. Но если это и так, то попытки оказались неудачными: несмотря на специальные поиски, ничто не указывает на наличие в Северном Афганистане раннеземледельческих общин, что скорее всего было связано с неблагоприятными экологическими условиями. Как бы то ни было, пока остается фактом широкое обживание Бактрийской равнины лишь с эпохи бронзы, когда здесь возникают сотни оседлоземледельческих поселений.

Характеристика бронзового века Афганистана дана на примере материалов таких известных южноафганских памятников, как Мундигак, Дех-Мораси, Саид-Кала. Приходится признать, что до сих пор эталонным памятником для юга страны остается Мундигак, материалы которого изложены с исчерпывающей полнотой. Здесь автор использовал давно известные иллюстрации, приведенные в книге Ж. М. Касаля, между тем в фондах Кабульского музея хранятся фрагменты металлических изделий, терракотовых фигурок, каменных печатей, никогда еще не публиковавшихся. Думается, что введение в научный оборот неизвестных широкому кругу специалистов предметов расширило бы наши представления о конкретном характере археологического комплекса эпохи бронзы Афганистана.

Если бронзовый век южного Афганистана описан весьма пространно (с. 71—180), то для северного Афганистана отведено всего лишь несколько страниц (с. 181—184). Автор объясняет это отсутствием достаточных публикаций и основывается лишь на двух предварительных статьях В. И. Сарианиди, опубликованных в журналах «Archaeology» и «East and West». Вместе с тем в библиографическом списке, имеющемся в конце книги, учтены соответствующие работы этого же автора (до 1975 г. включительно — с. 427—428) на русском языке.

В ряде случаев Д. Шеффер неоправданно строго оценивает работы своих предшественников, указывая, например, на якобы методологические погрешности в изучении Мундигака покойным Ж. Касалем (с. 185), хотя не вполне ясно, чем они отличаются от исследований других памятников, и в первую очередь Саид-Калы.

Прежде чем перейти к рассмотрению остальных разделов книги, мы должны отметить следующее: из поля зрения авторов (и редакторов) работы совершенно выпал один чрезвычайно важный исторический период — время раннежелезного века. Это тем более странно, что в результате сравнительно недавних работ этот период (во всяком случае в северном Афганистане) освещен уже достаточно подробно. Во всяком случае, памятники так называемой восточнохоросанской культуры расписной керамики уже достаточно давно нашли отражение в специальной литературе [1, с. 107—116; 2].

Глава 4 носит название «Раннеисторический период: ахемениды и греки». Она

написана Д. В. Мак-Доуэллом и М. Таддеи и состоит из следующих разделов: «Исторический фон», «Эпиграфика», «Нумизматика», «Поселения, материальная культура, архитектура и искусство». В разделе «Исторический фон» в краткой форме (но вполне достаточной для издания подобного рода) обрисованы исторические судьбы данного региона в период от ахеменидских завоеваний на Востоке (середина VI в. до н. э.) до возникновения Кушанского царства. В этом очерке, не претендующем на оригинальность и основанном на стремлении дать достаточно твердо установленные факты, мы можем указать лишь на одну неточность: при описании завоеваний парфянского царя Митридата I последовательность событий была иной, нежели это считают авторы,— сначала им были завоеваны восточные сатрапии Греко-Бактрийского царства, и только после этого Мидия [3, с. 79 сл.]. Вызывает также сомнение тезис авторов относительно распространения власти индо-парфянских царей на Герат и особенно Мерв [ср.: 4; 5].

В следующем разделе главы рассматриваются эпиграфические памятники данного периода, найденные на территории Афганистана (арамейские, кхарошти, греческие). Отметим в связи с трактовкой авторами двух арамейских надписей из Лагмана, что им осталась неизвестной статья М. Н. Боголюбова [6], посвященная первой из них. С нашей точки зрения, наиболее удачное толкование обеих лагманских надписей принадлежит В. А. Лившицу и И. Ш. Шифману [7, с. 7—24]: перевод хорошо согласуется со свидетельствами нерративных источников (в частности, Strab. XV, 1, 50) относительно некоторых особенностей государственного устройства и функций различных категорий чиновников в Индии эпохи Маурьев.

Интересен общий нумизматический очерк: авторы рисуют убедительную картину развития монетного дела и монетного обращения на территории Афганистана в рассматриваемую эпоху. К сожалению, авторы не уделяют достаточного внимания проблеме картирования монетных находок времени после юечжийского завоевания Бактрии. Однако подобный подход к нумизматическому материалу, кажется, позволяет сделать достаточно интересные исторические выводы [8, с. 114 сл.]. Кстати, последние монетные находки не подтвердили старого и широко распространенного взгляда (разделяемого и авторами) о низком содержании серебра в монетах Герая [9, с. 56—78; 10, с. 17—75].

В следующем разделе главы, посвященном собственно археологическим материалам, в числе прочих рассматриваются и памятники монументальной архитектуры ахеменидского времени, главным образом Алтын-10 и Дахани Гуламан. Нам представляется плодотворной мысль о типологическом сходстве этих памятников монументальной архитектуры. Наибольшее внимание (что и естественно) уделяется результатам раскопок городища Ай-Ханум.

Глава 5 носит название «Домусульманский период». Она написана теми же авторами и охватывает период от возникновения Кушанского царства вплоть до мусульманского завоевания Кабула (977 г.) и Джалалабада (990 г.). Глава построена по тому же самому принципу, что и предыдущие: сначала идет раздел «Исторический фон», затем «Эпиграфика», «Нумизматика» и, наконец, «Поселения, материальная культура, архитектура и искусство». Отметим, что Д. Мак-Доуэлл и М. Таддеи полагают, что «дата Канишки», вероятнее всего, должна относиться к началу II в. н. э.

Исторический очерк весьма удачен, хотя, с нашей точки зрения, политическая история поздних Кушан может быть в настоящее время дана в более детальном виде [8, с. 130 сл.]. К сожалению, авторам остались неизвестны некоторые из работ советских исследователей, важные для разработки этого круга вопросов [11; 12].

Авторы совершенно справедливо подчеркивают, что изучение археологии Афганистана домусульманского времени долгое время велось односторонне: археологи больше интересовались памятниками монументальной архитектуры и искусства, чем реконструкцией «обыденной жизни и материальной культуры». Д. Мак-Доуэлл и М. Таддеи указывают, что на территории Афганистана в кушанскую и посткушанскую эпохи наблюдается, в частности, расцвет искусства, но какая экономическая и социальная основа этого подъема — неизвестно. Археологи раскапывают главным образом буддийские ступы, которые дают замечательные произведения искусства, но содержат чрезвычайно мало информации о жизни основных масс населения. Само изложение материала полностью подтверждает вывод: недостаточно изучены рядовые городские кварталы, производственные комплексы, не исследовано сколько-нибудь подробно ни одного сельского поселения. Ярким примером неразработанности

всех этих вопросов является тот факт, что в литературе всерьез обсуждается проблема взаимосвязи между штампованной керамикой и круглыми башнями как двумя взаимосвязанными элементами культуры. Нельзя не согласиться с авторами, когда они подчеркивают, что ничего общего между этими явлениями нет.

В целом раздел достаточно ярко и полно отражает состояние наших знаний относительно архитектуры и искусства данного периода. Мы хотели бы только подчеркнуть, что в проблеме истолкования функции храма в Сурх-Котале нет того противоречия, которое иногда видят: либо храм огня, либо храм династийного культа. В иранской религиозной традиции (а нет оснований сомневаться в том, что Сурх-Котал воплощает эту традицию) культ огня и царский культ тесно связаны: достаточно вспомнить коронационные огни Сасанидского Ирана. Аналогичная практика засвидетельствована и для Парфии. По всей видимости, явление того же порядка представляет и культ, существовавший в Сурх-Котале [13, с. 212—218].

Необходимо отметить не совсем корректное употребление авторами термина «гандхарское искусство». В сущности, они обозначают этим термином все те локальные варианты развития местного искусства (от Бактрии до Индии), для которых характерно сочетание буддийской религиозной традиции и пережитков эллинистической художественной формы. Думается, однако, что сейчас есть основания рассматривать эти искусства более дифференцированно.

Две последние главы книги написаны К. Фишером и носят названия: «От начала ислама до монгольского завоевания» и «От монголов к моголам». Нет оснований сомневаться в высокой ценности этих разделов, в эрудиции автора и глубине его наблюдений, но при всем том обе главы имеют мало общего с археологией, это чрезвычайно интересные очерки истории искусства, главным образом монументальной архитектуры.

Подводя итоги, мы можем сказать, что данная работа в высшей степени полезна, в ней обобщены основные факты по археологии Афганистана и важнейшие их толкования. Вместе с тем эта работа в яркой и наглядной форме показала ограниченность наших сегодняшних знаний. Выяснилось, как мало известен рядовой археологический материал, как мало мы знаем о рядовом жилище, рядовом сельском или городском поселении, о ремесленных кварталах, об орудиях труда, одним словом — как мало мы знаем о жизни трудящихся народных масс прошлого. Те горькие слова, которые Д. Мак-Доуэлл и М. Таддеи обращали только к кушанскому периоду, должны быть обращены ко всем историческим эпохам.

Кошеленко Г. А., Сарианиди В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
2. *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М., 1972.
3. *Кошеленко Г. А.* Монетное дело Парфии при Митридате I.— НЭ, 1972, т. X.
4. *Массон М. Е.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана.— ВДИ, 1953, № 4.
5. *Массон В. М.* Восточно-парфянский правитель Санабар.— Тр. ГИМ, 1957, вып. XXVI.
6. *Боголюбов М. Н.* Арамейская законодательная надпись Ашоки из Афганистана.— ВЯ, 1973, № 3.
7. *Лившиц В. А., Шифман И. Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки.— ВДИ, 1977, № 2.
8. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977.
9. *Давидович Е. А.* Первый клад тетрадрахм «Герая».— ВДИ, 1976, № 4.
10. *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.: Наука, 1979.
11. *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты.— ЭВ, 1967, № 18.
12. *Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И.* Сасаниды в правобережной Бактрии — Тохаристане в IV—V вв.— ВДИ, 1972, № 3.
13. *Кошеленко Г. А.* Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии.— В кн.: История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М.: Наука, 1971.

Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980, 65 с., 30 рис., план раскопок кургана

Многолетняя плодотворная деятельность Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой, его ближайшего сотрудника по изучению сибирских древностей, товарища и друга, нашла воплощение в целой веренице замечательных

открытий, поисков наиболее совершенных методов раскопок, творческом осмыслении многообразных археологических материалов. Идеи, подкрепленные строгой системой доказательств, высказанные в разное время в их работах, нашли многочисленных последователей и продолжают успешно развиваться в трудах их учеников. Публикации М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой ждут с большим нетерпением в широком кругу исследователей.

Одной из самых ярких творческих удач М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой в изучении Южной Сибири явились раскопки быстро ставшего знаменитым кургана Аржан в Туве. Публикации материалов этого уникального памятника посвящена рецензируемая книга М. П. Грязнова.

Автор начинает описание с картографии археологических памятников Турано-Уюкской котловины — «долины царей», богатого пастбищами высокогорного района, где расположены цепи грандиозных земляных и каменных курганов (с. 5). Три из них представляют собой плоские каменные платформы. Эти уникальные памятники не имеют себе аналогий не только в Туве. В наши дни они, к большому сожалению, подвергаются интенсивному разрушению.

Спасению одного из них, самого большого (диаметром 120 и высотой 3—4 м) кургана Аржан (Улуг-Хорум), посвятила свои работы экспедиция Тувинского НИИЯЛИ и ЛОИА АН СССР. Автор с благодарностью отмечает участие в организации и обеспечения работ Тувинского музея, ЦС ВООПИК, самоотверженный труд М. Н. Комаровой, М. Х. Маннай-оола, Л. Н. Баранова, О. Л. Пламеневской, других археологов, студентов, школьников (с. 6). Работы велись в течение четырех полевых сезонов (1971—1974 гг.).

В процессе раскопок кургана открылось грандиозное сооружение из расходящихся лучами от центра к окружности бревенчатых срубов. Вся конструкция была перекрыта деревянным накатом, окружена крепидой из каменных плит и покрыта бутовым камнем, образуя гигантскую плоскую цилиндрическую платформу (с. 10). Курган окаймляли три ряда кольцевых каменных выкладок (с. 44). Нет нужды подробно характеризовать описание погребений и находок в кургане в последующих разделах книги. Оно составлено с максимально возможной тщательностью и наглядностью и дает читателю полное представление о сложных конструктивных особенностях и общем характере памятника.

Несмотря на значительную ограбленность и многочисленные разрушения, которым подвергся курган, М. П. Грязнов сумел восстановить первоначальный облик Аржана, проследить в деталях последовательность его сооружения, совершения погребального обряда и поминальной тризны. Благодаря тщательному исследованию удалось зафиксировать большое событие в истории кочевников центральноазиатских степей. Курган был создан для погребения особо выдающегося лица, которого М. П. Грязнов называет «царем». Тысячи людей из различных племен, подчиненных «царю», похороненному в кургане Аржан, и соседних стран съехались в «долину царей» на грандиозное траурное торжество. В считанные дни была возведена огромная гробница из дерева и камня, напоминающая в плане солнечное светило с расходящимися лучами. В могилу вслед за «царем» ушли 16 человек из его близкого окружения, было погребено не менее 160 лошадей, на поминках пировало до 10 тыс. человек и было съедено 300 лошадей (с. 45, 46). Можно представить поэтому, каким авторитетом и властью пользовался при жизни аржанский владыка, ни имени, ни деяний которого не сохранила письменная история.

Упомянем не только знаменитые скифские курганы Причерноморья, где погребенные скифские «цари» (вернее же, именно цари!) сопровождались, как рассказывал Геродот, юношами на конях, но и более близкие к нам памятники той же раннесредневековой истории Японии. Известно, что такие же обычаи существовали и при погребении ранних японских императоров. Только когда жена покойного услышала стоны закопанных по грудь жертв, когда ее душу потрясло это страшное зрелище, живых людей заменили глиняные скульптуры ханива.

Интересно, что в фольклоре южносибирских аборигенов, сохраненным Н. А. Костровым, есть сюжет о добровольном погребении друга и товарища покойного героя саги. В предании рассказывается, как после похорон жена покойного, Абакай, уже была готова отправиться домой, но «к ней подошел молодой человек по имени Чайзан, друг и приятель Чайзага, назвавшийся его меньшим братом. Он объяснил Абакай, что похороны Чайзага хотя и окончены, но ей следует еще остаться на этом месте некоторое время, чтобы похоронить его, Чайзана. Некогда он дал

клятву Чайзагу лечь с ним в могилу и теперь должен исполнить свое обещание. Вместе с этим Чайзан вынул нож и зарезался. Он похоронен вместе со своим другом, и могила двух богатырей, если верить песне, и теперь еще видна на одной из высоких гор Ахтаскылья» [1, с. 235].

Раскопки кургана Аржан подняли ряд кардинальных вопросов скифской археологии, позволили существенно переосмыслить ход исторического развития в кочевом мире на заре становления.

Не случайно пристальное внимание на страницах рецензируемой книги уделено датировке кургана. Как отмечает автор, исключительную важность для хронологии Аржана представляет то, что он состоит из 29 захоронений людей и лошадей, являющихся закрытыми археологическими комплексами, синхронными с точностью до одного дня. Ценность такого памятника для вопросов датировки значительно выше, чем такого же количества погребений вне единовременного погребального комплекса. Материалы кургана представляют культуру разных общественных и этнических групп, объединенных властью умершего «царя», и могут служить основой для характеристики соответствующего хронологического этапа периодизации скифских древностей Тувы, названного автором «Аржанским» (с. 52).

Аналогии вещам, найденным в кургане Аржан, как отмечает автор, противоречивы (с. 52). В датированных комплексах на разных территориях отдельные предметы соответствуют VIII—VII, VII, VI—V вв. до н. э. Опираясь на весь комплекс археологических признаков, в том числе на серийные категории вещей, М. П. Грязнов уверенно датирует курган и выделенный аржанский этап VIII—VII вв. до н. э. (с. 54). Эта дата подтверждается данными радиоуглеродного анализа. «В лаборатории ЛОИА Ю. Н. Марков, анализируя три образца, взятых от одного ствола из вооружений Аржана (периферийную часть спила, центральную и среднюю между ними), получил соответственно даты: 800±50 лет до н. э. (2750± ±50 лет тому назад); 850±50 (2800±50); 820±50» (с. 54).

Особо следует отметить блестящую методику анализа вещественного материала как опоры для исторических выводов широкого масштаба. Этой методике на работах М. П. Грязнова учится не одно поколение советских археологов. Кстати, у нас много говорят о так называемой «новой археологии» на Западе и в Америке, но есть справедливое выражение, что «новое» есть хорошо забытое «старое». В данном случае «старое» — это достижения отечественной методики археологических исследований, с блеском разработанной еще в 30-х годах. Напомним хотя бы классические работы С. А. Теплоухова, С. И. Руденко и, конечно, М. П. Грязнова. Примером может служить тот факт, как остроумно и убедительно использовал М. П. Грязнов такой, казалось бы, на первый взгляд невыразительный материал, как удила. Именно на этот бедный, в сущности, вещественный материал опирается вся грандиозная конструкция общеисторического материала, которая дана в книге о кургане Аржан.

Конечно, не все соображения автора, высказанные по ходу аргументации датировки кургана Аржан, можно принять безоговорочно. Так, по нашему мнению, вопрос о синхронности аржанскому этапу оленных камней Тувы на основании находки обломка оленного камня из кургана Аржан нельзя считать решенным окончательно, поскольку он был использован вторично, т. е. должен относиться к предшествующему времени [2, с. 10]. Вряд ли опыт периодизации этих интересных памятников без учета многочисленных аналогичных находок на территории Монголии, предпринятый в некоторых последних работах по археологии Тувы, следует признать удачным. Как нам приходилось уже отмечать, оленные камни иногда использовались в качестве строительного материала при возведении плиточных могил, что позволяет относить их к более раннему времени, по крайней мере к «доскифской эпохе» [2, с. 10].

Во всяком случае, ни в степном Забайкалье, ни в соседней Монголии до сих пор нигде не было примера, чтобы оленные камни связаны были генетически с погребальными сооружениями так называемой культуры плиточных могил. Они везде употреблялись только как строительный материал. Изображенные же на оленных камнях металлические кинжалы имеют не «скифский», а чисто карасукский облик. Поэтому невозможно принять построения, например, Э. А. Новгородовой, которая пытается связать культуру плиточных могил с оленными камнями.

Вероятно, нуждается в объяснении «противоречивость» аналогий некоторых типов вещей из кургана Аржан и памятников с соседних территорий, относящихся

к более позднему времени. Впрочем, эти уточнения не ставят под сомнение основной вывод автора — выделение «аржанского этапа», датирующегося VIII—VII вв. до н. э. Значение этого положения для скифологии исключительно велико, поскольку заставляет пересмотреть традиционные взгляды на время сложения скифской культуры, которое было принято ограничивать в пределах VII—VI вв. н. э. Теперь стало очевидным (и это отмечает М. П. Грязнов), что культуры скифского типа сложились уже в VIII в. до н. э. Материалы Аржана, где представлен весь набор «скифской триады», демонстрируют культуру в развитой форме (с. 56).

Важным представляется, что основные культурные достижения этого времени возникли на базе перехода к новому прогрессивному типу хозяйства — кочевому скотоводству — повсеместно в степях Евразии, а не распространялись из Ирана или Причерноморья (с. 59). Не исключено, что роль кочевников Саяно-Алтая в этом процессе была даже выше, нежели собственно скифов (с. 58).

Начальную стадию в развитии культур скифского облика М. П. Грязнов предлагает называть «аржано-черногоровской фазой» в истории кочевых племен Евразийского пояса степей (с. 61).

Раскопки лишь одного кургана, проведенные на высоком методическом уровне и тщательно проанализированные, послужили основой для выводов, имеющих огромное значение. А сколько еще курганов в Туве, Монголии, на всем протяжении степной зоны, опоясывающей Евразийский материк, ждут своего исследователя! Сколько открытий предстоит совершить по уже раскопанным и введенным в науку материалам, на которые вновь открытые уникальные памятники позволят взглянуть заново!

В заключение следует сказать несколько слов о нашей науке о скифах и скифском времени в истории Евразии и Алтая в частности. Одно направление представлено трудами С. И. Руденко и М. И. Артамонова. Они развивали положение М. И. Ростовцева о взаимодействии варварского скифского мира с передовыми цивилизациями Переднего Востока и эллинского мира, и им в этом отношении бесспорно удалось сделать многое. Находки в Аржане древневосточных дорогих тканей, не говоря уже о богатейших находках в Пазырыкских курганах, с большой силой подтверждают эти выводы. Другое же направление, представленное трудами М. П. Грязнова, коренится в опыте усвоения марксистского метода советскими учеными еще в 30-х годах. Оно как бы уводит нас от поверхности в глубь явлений, ведет к пониманию глубинной закономерности развития общества и его культуры. В исследовании М. П. Грязнова о кургане Аржан дан синтез лучших достижений того и другого направлений. Это в полной мере выдающееся произведение советской исторической науки.

Окладников А. П., Худяков Ю. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костров Н. А.* Очерки быта минусинских татар.— Тр. IV АС, Казань, 1884, т. 1.
2. *Окладников А. П.* Археология Тувы (итоги и проблемы).— В кн.: Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.

Грязнов М. П. Аржан-царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980, 65 с., 30 рис., план раскопок кургана

Рассматриваемый труд принадлежит перу выдающегося советского археолога М. П. Грязнова, научный вклад которого в разработку основных проблем археологии и древней истории Сибири трудно переоценить. Раскопки Аржана — царского кургана эпохи формирования скифо-сибирской культуры в Центральной Азии, осуществленные М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом в 1971—1974 гг., являются новым достижением отечественной археологии.

Рецензируемая книга М. П. Грязнова распадается на две части. В первой описывается курган Аржан, процесс раскопок памятника, даются различные характеристики раскрытым объектам. Особая ценность раздела заключается в том, что автор, излагая результаты сложнейших раскопок памятника, снабдил их богатыми иллюстрациями и тщательно описал каждый открытый комплекс. При каждом из

объектов дано полное подробное описание состава находок. Все предметы воспроизведены в образцовой графике.

Курган древнего царя оказался неизвестной ранее конструкции: в основе его было обширное бревенчатое сооружение, центральную часть которого составил главный сруб с останками захоронений царя и его приближенных, а далее шли радиально расставленные в кольцевых рядах разнородные деревянные камеры, во многих из которых находились массовые захоронения коней. Всего в кургане удалось насчитать до 70 камер (их было больше), образующих платформу 80 м в диаметре, имевшую деревянное перекрытие. Сооружение было засыпано камнями. Помимо жены, с царем были погребены 15 человек. В кургане было положено не менее 160 верховых лошадей, так что по количеству конских жертвоприношений он уступает лишь Ульскому кургану.

Аржан подвергся сильному ограблению. О бывших в нем ценнейших заупокойных дарах можно лишь догадываться. Основную массу дошедших до нас вещей составляют принадлежности конской упряжи, преимущественно бронзовые удила со стремечковидными или круглыми петлями на концах, бронзовые, костяные и деревянные псалии в виде стержня с тремя отверстиями в середине и по концам. От уздечных наборов сохранилось большое количество разнородных бляшек из костей, зубов коней и клыков кабанов. Имеются характерные ребристые застежки. Обычны бронзовые и костяные наконечники стрел.

Среди других вещей, происходящих из кургана, известность получили замечательная бронзовая бляха в виде свернувшейся в кольцо пантеры, резная костяная головка коня, бронзовый кинжал с навершием в виде фигурки кабана и великолепные бронзовые навершия, увенчанные фигурами горных баранов.

Во второй части очерка (с. 50 и сл.) речь идет о датировке Аржана и его культурно-исторической принадлежности. Исходной позицией для М. П. Грязнова служит следующее: в скифскую эпоху на огромнейших пространствах степного пояса, протянувшегося от Карпат почти до Тихого океана, произошел переход от оседлости к кочевому скотоводству и кочевому быту, которые подняли экономику многих древних народов на более высокую ступень. Такая закономерность носит всеобщий характер (с. 51).

Концепция военной демократии как основы общественного строя даже у таких передовых кочевнических народов, как скифы Причерноморья, долго была господствующей в отечественной историографии. Однако социальные строй и политическая организация обществ скифского типа были сложнее; они вступили в пору создания ранних форм государственности, порожденной глубоким социально-экономическим расслоением кочевых объединений, ростом могучей военной аристократии. В царе Аржана, судя по его гробнице, трудно видеть «эпического героя», определеннее угадывается владыка большой кочевой державы.

Археологический комплекс Аржана позволил М. П. Грязнову выделить «аржанский этап» в истории культуры древней Тувы (с. 52). Его датировка в книге строится строго археологически. М. П. Грязнов опирается на тот факт, что вещевой набор кургана (особенно принадлежности конской упряжи) не имеет себе аналогий в хорошо датированных памятниках VII—VI вв. до н. э. в Туве, на Алтае, в Казахстане и Причерноморье. Отсюда делается справедливое заключение, что аржанский этап необходимо относить к более раннему времени, не позже начала или середины VII в., вероятно, к VIII — VII вв. до н. э. (с. 54). Такая хронология Аржана еще раз подтверждается данными о возрасте свиты предскифских памятников Северного Причерноморья, в которых нашлись в большом количестве вещи, имеющие точные аналогии в аржанских материалах (с. 58).

Поучительным и весьма важным для нас служит следующее наблюдение автора, все прочнее подтверждаемое и новыми открытиями на юге Европейской части СССР: «Если для датировки Аржана обратиться к рассмотрению типов найденных в нем вещей, то, как это ни странно, ближайшие аналогии им найдутся не в степях Азии, а далеко на западе, в степях Причерноморья. Набор бронзовых и костяных наконечников стрел почти полностью совпадает со стрелами Высокой Могилы Запорожья и других памятников VIII—VII вв. до н. э. Многочисленные бляшки разных форм, вырезанные из клыков кабана, находят себе аналогии только в Северном Причерноморье. Разные их варианты, иногда совершенно подобные аржанским, найдены в комплексах Веселой Долины на Северском Донце, Субботовского городища на Днепре... Все комплексы VIII—VII вв.: в более поздних памятниках скифского

времени подобные вещи неизвестны» (с. 55). Огромная протяженность так ярко проявившихся контактов, главные импульсы которых идут с востока на запад, говорит, по-видимому, о весьма важных процессах, происходивших в истории кочевых народов раннего периода. Эта проблема нуждается в углубленном изучении.

Необходимо остановиться на погрешности, имеющейся в книге. Так, в одном случае находим в ней следующее утверждение: «Памятники VIII—VII вв. до н. э. степей Причерноморья принято считать киммерийскими и называть предскифскими, или доскифскими. Только А. А. Иессен в 1954 г. счел возможным отнести эти памятники (типа Черногоровки и Высокой Могилы) к начальному этапу скифской культуры, не решая вопроса их этнической принадлежности» (с. 56). В другом месте это положение раскрывается еще яснее: «Интересны сопоставления памятников аржанского этапа с памятниками Северного Причерноморья. В последнем скифская эпоха также начинается с раннескифского времени — VII—VI вв. до н. э. Однако в 70-е годы все определеннее выявляется характерная группа курганов и могил VIII—VII вв. Исследователи называют их то киммерийскими, то предскифскими, не решаясь, видимо, причислять к скифским, хотя еще более 20 лет тому назад А. А. Иессен заявил, «что резкий перелом в хозяйстве и быту населения нашего юга произошел раньше появления известных нам богатых погребений скифских племенных вождей». Вслед за Иессеном и мы этап VIII—VII вв. в Северном Причерноморье, характеризуемый памятниками типа Черногоровки, Высокой Могилы и др., будем считать и называть начальным в развитии скифской культуры Северного Причерноморья, а аржанский в Туве — начальным в развитии культуры ранних кочевников Саяно-Алтая» (с. 58).

Суть погрешности в данном случае заключается в том, что памятники типа Черногоровки, Камышевахи, Малой Цимбалки, круг которых к северу от Черного моря и от Кавказа ныне сильно разросся, будто бы был выделен А. А. Иессеном, отнесшим их к предскифскому периоду, к VIII—VII вв. до н. э. Однако известно, что А. А. Иессен был противником взглядов, согласно которым захоронения подобного рода следует относить к доскифской поре. Доскифскими он считал только памятники новочеркасского типа, в составе вещей из которых имелись бронзовые удила с двукольчатыми концами и сопровождающие их трехпетельчатые бронзовые же псалии с одним концом в виде изогнутой лопасти. Ведущим признаком курганов черногоровского типа он считал наличие бронзовых удил со стремечковидными концами. Все такие памятники относились без исключения к началу собственно скифского периода: «Все сказанное позволяет придти к выводу, что поздняя группа комплексов, содержащих бронзовые удила III типа (с стремечковидными концами.— *А. Т.*) должна быть относима к VI в. до н. э.... Намеченная нами выше более ранняя группа комплексов с удилами III типа (Малая Цимбалка и др.), очевидно, должна быть отнесена к концу или ко второй половине VII в.» [1, с. 102]. В другом случае А. А. Иессен выразился еще категоричнее: «К этой же группе следует отнести открытое В. А. Городцовым в Черногоровке б. Изюмского уезда погребение с удилами того же типа, но несколько более архаичными, чем в Келермесе, и парой слегка изогнутых бронзовых псалиев с тремя отверстиями. Точно такой же уздечный набор имеется из Верхне-Кобанского могильника в собрании Ольшевского. Сюда же относится и комплекс погребения в малом кургане, раскопанном И. Е. Забелиным в 1868 г. около кургана Цимбалка близ Большой Белозерки...» А. А. Иессен сближает их с Келермесом: «Вся эта группа, как мне представляется, должна датироваться второй половиной VII в. и рубежом VII—VI вв. до н. э. Насколько рано в VII в. следует искать нижний хронологический предел этой группы, покажут будущие исследования. Называть время бытования этой предкелермесской группы доскифским или предскифским совершенно нет оснований, так как для VII в. скифы в Северном Причерноморье засвидетельствованы, и весь исторический процесс связан с окончательной консолидацией скифского общества и широким распространением «скифской» культуры [2, с. 119]. В своих взглядах на группу могил черногоровского типа А. А. Иессен оставался во всех случаях неизменным.

Черногоровская группа выделилась, как и новочеркасская, в начале 50-х годов. Получив определение предскифской, она была датирована тем же временем, что и новочеркасская — VIII — началом VII в. до н. э. Существование двух различных по своему характеру культурных групп на одной и той же территории в степях Европейской части СССР в течение многих лет оставалось совершенно непонятным и

необъяснимым. Их относительная, а вместе с тем и предположительная абсолютная хронология стали определяться лишь с начала 70-х годов, причем оказалось, что могилы черногоровского типа являются более ранними, чем новочеркасские. При датировке новочеркасской ступени VIII — ранним VII в. до н. э., как ее в общем всегда датировал А. А. Иессен, черногоровскую группу памятников следует, очевидно, относить к IX в. до н. э. В пользу такой хронологии ступеней предскифского периода говорит еще и ряд других факторов [3: с. 186 и сл.].

Мы остановились несколько подробнее на вопросах периодизации и хронологии предскифского периода, так как их правильное решение существенно влияет на определение относительной и абсолютной хронологии Аржана. Связи Аржана протянулись не вообще к любым предскифским памятникам Причерноморья, что неоднократно подчеркнуто в работе М. П. Грязнова, а к совершенно определенным, выделенным в качестве черногоровских. Связи эти как-то сохранялись и в «новочеркасскую» пору, к которой относятся Чернышевский, Зольный, Носачевский и Белоградецкий курганы, но они были уже сильно приглушенными. При определении возраста Аржана следует ориентироваться преимущественно на памятники черногоровской ступени, относящейся к более раннему времени, чем памятники новочеркасской группы: если последние датируются в основном VIII в., то аржанскую ступень следует относить приблизительно к IX в. до н. э. Дальнейшие поиски, способствующие уточнению возраста Аржана, следует считать актуальнейшей задачей.

Главная ценность нового труда М. П. Грязнова в том, что он безукоризненно доказал более раннюю дату Аржана по отношению к другим памятникам и провинциям культур скифо-сибирского типа и вместе с тем выявил, что истоки этих культур лежат на востоке, а не на западе — не в Передней Азии и не в Причерноморье, как в течение последних десятилетий утверждают многие исследователи (с. 58, 59). Хронологическое соотношение аржанской ступени и древнейших скифских памятников в Причерноморье определяется следующим образом: первая минимум на 150 лет старше вторых.

Тереножкин А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э., на юге Европейской части СССР.— СА, XVIII, 1953.
2. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, М., 1954.
3. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.

Clavel-Levеque M. Marseille grecque. La dynamique d'un umperialism marchand./Ed. Laffitt J. Marseille, 1977, 209 с., с илл.

Книга М. Клавель-Левек посвящена истории Массалии — одной из крупнейших греческих колоний в западном Средиземноморье. Исследование охватывает период с VII в. до н. э., времени проникновения греков в южную Галлию, и кончая 49 г. до н. э., когда Массалия попадает под власть Рима. В первой части книги — «Развитие экспансии» автор рассматривает начальный период массалиотской истории со времени основания Массалии фокейцами. Город с самого начала возник как эмпорий, непременным условием существования которого был торговый обмен, определивший торговую и колониальную экспансию Массалии и способствовавший утверждению и победе «массалиотского империализма». Развитию массалиотского эмпория, динамике торговли, колониальной экспансии, становлению «империализма» посвящены отдельные разделы, причем «империализм» рассматривается в рамках колонизационной деятельности расширения территории Массалии. Во второй части — «Стабилизация жизни города в условиях олигархии» внимание М. Клавель-Левек обращено на внутреннее развитие Массалии. Две главы посвящены вопросам экономики: эволюция монетного дела и динамика градостроительства. Они рассматриваются как показатели возросшего могущества города. Основное внимание исследовательницы обращено на политическую историю Массалии и ее взаимоотношения с соседними государствами и народностями. Последняя часть книги — «Массалия и

ускорение развития галльских племен» посвящена экономическому и культурному развитию галлов.

В начале исследования автор обращает внимание на своеобразие Массалии по сравнению с греческими колониями в Северном Причерноморье, Великой Греции и Сицилии. Это своеобразие обусловливалось небольшими размерами подвластной ей территории, а также местоположением города, определившим преимущественное развитие торговли. Другой особенностью Массалии было ее политическое устройство: в течение всего известного нам периода власть находилась в руках потомственной аристократии и была, по всей видимости, достаточно прочной, так как в дошедших до нас источниках нет даже намека на какую-либо политическую борьбу.

На основании находок в Провансе и Лангедоке, относящихся к периоду, предшествовавшему основанию Массалии, М. Клавель-Левек делает вывод о доколонизационной торговле родосцев, фокейцев и этрусков в данном регионе. Это свидетельствует о возросшем интересе перечисленных народов к новым, богатым металлами землям и доказывает существование торгового обмена между греками и местными племенами до основания Массалии (около 600 г. до н. э.). Колония возникла, по мнению автора, в результате соперничества между греками и семитами, а также с целью установить связи с северными частями Европы. Далее исследовательница тщательно анализирует греческую привозную керамику VI в., обнаруженную в Массалии, и на основании полученной хронологической таблицы делает вывод о том, что торговля Фокеи с Массалией не прервалась в результате падения метрополии (в 540 г. она была взята персидским полководцем Гарпагом); конец взаимным торговым контактам положило ионийское восстание (восстание 499—495 гг. ряда малоазийских городов, среди которых была и Фокея, против персов, окончившееся неудачей). Автор рассматривает «перераспределение греческого импорта» (распределение привозных греческих предметов непосредственно из Массалии) в областях, населенных варварами. Наиболее часто греческая керамика встречается в Провансе, где отправным пунктом была Массалия в Лангедоке (Агатэ), в Каталонии (Эмпорион),— именно в этих районах находилась, как полагает автор, «массалиотская торговая империя». Что касается внутренних районов Кельтики, то появление там греческой керамики связано, по мнению исследовательницы, с торговлей металлами, прежде всего оловом, которое поступало в Массалию либо морским путем из Тартесса, либо через внутренние районы Галлии (по водным путям Сена — Сона — Рона или Луара — Гаронна). В результате этой торговли была создана целая сеть колоний — сначала фокейцами (Майнакэ, Эмпорион, Алалия и Элея), а после битвы при Алалии (около 535 г., окончившейся победой фокейцев над коалицией карфагенян и этрусков, но сильно подорвавшей морское могущество победителей) колонии выводились уже массалиотами. К тому же довольно скоро фокейские колонии и Роде, основанные родосцами, попали в сферу влияния Массалии.

В следующем разделе М. Клавель-Левек говорит о стабилизации экономики Массалии после периода упадка, продолжавшегося с середины до конца V в. О причинах упадка известно мало; возможно, полагает автор, он был вызван торговой конкуренцией Карфагена; во всяком случае, в этот период массалиотская торговля замирает и сведения о Массалии почти отсутствуют. О начале нового подъема в экономике города свидетельствует большое количество аттической и серой массалиотской керамики, весьма распространенной в южных районах Галлии и нередкой в более северных ее областях. Об этом же свидетельствует и введение массалиотской монеты в начале V в. до н. э. (тип Ориоль — на аверсе изображение грифонов, львов, Горгоны, различных героев и божеств, среди которых наиболее часто встречаются изображения Афины и Артемиды, на реверсе — четырехугольная вдавленность). Во внутренних областях Кельтики греческие изделия менее многочисленны по сравнению с этрусскими, но и они почти исчезают к началу IV в., что связано с миграциями кельтских племен (вероятно, повлекших за собой разрушение уже установившихся торговых связей.— *Е. Ш.*). Несколько иным было положение в Иберии, где возросла роль Эмпориона, начавшего одновременно с Массалией и по ее образцу чеканить монету, вытеснившую даже на время массалиотскую во внутреннем обмене Эмпориона с туземными племенами.

В эллинистическую эпоху вновь усилилась экспансия Массалии. В основе этой экспансии лежит развитие торговли (экспедиция Евтимена к берегам Сенегала (?) и Пифея на крайний север Ойкумены). Расширяется зона распространения массалиотской монеты, развивается торговля с районами, куда раньше влияние Масса-

лии не проникало: с западными и северными областями Иберии, где центром торговли был Эмпорион и откуда иберо-пуническая керамика попадала в Лангедок; с Великой Грецией, откуда вывозили предметы роскоши; с Африкой, что подтверждает папирус II в. до н. э., описывающий экспедицию в страну Пунт, причем среди ее участников упоминается житель Массалии (к сожалению, автор ничего не сообщает об этом источнике), находки в Галлии кораллов и немногочисленных египетских предметов также свидетельствуют о наличии торговли. Что касается Кельтики, то здесь, по выражению автора, «торговля перемещается с берегов Рейна непосредственно в Галлию» (важнейшее значение приобретают центры транзитной торговли, расположенные в центральных районах Галлии.— *Е. Ш.*), что связано, по мнению исследовательницы, с утверждением империализма у арвернов и быстрым развитием у них городских центров, а также с усилением могущества кельтской аристократии, которая стала основным потребителем предметов роскоши. Если исключить торговлю с Африкой, которая не приобрела широкого размаха, то в целом характер массалиотской торговли не изменился: обмен происходил между районами, где цивилизация достигла достаточно высокого уровня развития, и областями, этого уровня не достигшими. Начиная с середины II в., отмечает М. Клавель-Левек, усиливалось проникновение на рынки Галлии италийских товаров, результатом чего было сосуществование массалиотского и римского «империализма». Постепенно италийская торговая конкуренция усиливалась, и Массалии удавалось сохранять господствующее положение только благодаря обширному внутреннему рынку. Доказательством экспансии Массалии служит также «диаспора» массалиотов, чему мы находим подтверждение, как считает автор, в надписях из Афин, Сиракуз, Делоса, Родоса.

Об укреплении «империализма» свидетельствует также, по мнению автора, колониальная экспансия Массалии и расширение территорий, непосредственно ей принадлежавших. М. Клавель-Левек прослеживает развитие массалиотской субколонизации, относя к субколониям: Ольвию (локализуя ее в районе Йера и датируя момент ее основания началом IV в.), Антиполис (конец VI в.), Никею (II в.). Автор считает, что субколонии были не столько военными фортами, сколько пунктами посреднической торговли с местными племенами, и в этом вопросе она расходится с мнением Ф. Бенуа и Ф. Вийяра [1, 2]. Кроме этих поселений автор отмечает еще Роданусию (местоположение и дата ее основания неизвестны), возможно, Арелатэ, Агатэ (VI в.), которая была очень удачно расположена на путях, ведущих в глубь страны. В Испании местонахождения и время основания массалиотских колоний неизвестны: Роде была основана родосцами (VI в.), Гемероскопейон, Майнаке и Эмпорион — фокейцами. Одновременно с колониальной экспансией шло также расширение хоры Массалии, размеры которой значительно возросли к середине II в. до н. э. Исследовательница отмечает, что статус массалиотских колоний не был одинаков: некоторые из них не управлялись Массалией и могли чеканить собственную монету.

В следующем разделе автор анализирует развитие монетного дела в Массалии, в связи с чем привлекается большой нумизматический материал. М. Клавель-Левек делает вывод, что монета Массалии, а также Элеи имела в качестве эталона фокейскую монету. Появление и увеличение количества медной и менее качественной серебряной монеты (середина IV в.), постепенно вытеснившей так называемую «тяжелую драхму» (около 3,8 г.), трактуется исследовательницей не как свидетельство упадка экономики Массалии, а как приспособление ее монетного дела к нуждам местной торговли.

На основании данных последних раскопок, М. Клавель-Левек прослеживает изменение территории Массалии на протяжении нескольких столетий. Наиболее быстрый рост городской территории происходит в III—II вв., когда площадь, ограниченная крепостными стенами, достигала 50 га. Автор обращает внимание на то, что и последние раскопки не обнаружили в городе общественных зданий, за исключением построенных в римское время (впрочем, сооружения гроков, как оговаривается исследовательница, могли быть деревянными).

В следующей части дается довольно подробная характеристика политического устройства города, которое реконструируется автором по произведениям Страбона и Цицерона. Специфика Массалии, по мнению М. Клавель-Левек, заключалась в противоречии между аристократией по рождению (колонисты, прибывшие из Фокеи) и людьми, разбогатевшими в результате торговых операций,— прослойкой многочис-

ленной, но не обладавшей вначале никакими политическими правами. Противоречие находило выражение в борьбе между группировками, в результате которой нувориши добились некоторых успехов: наиболее богатые из них получили право занимать высшие посты, входить в «совет шестисот». Что касается демоса, ему изменения не дали ничего. Он никак не участвовал в политической жизни города, и это позволило автору назвать (опираясь на сообщение Страбона) политический строй Массалии олигархией, сохранявшейся без изменения вплоть до римского завоевания. Наряду с отсутствием в Массалии борьбы между демосом и аристократией, автор выделяет еще одну характерную особенность политической жизни города — он никогда не знал тирании. Таким образом, «Массалия могла являть собой образец порядка, стабильности и консерватизма, совершенствующихся вместе с развитием империалистической политики» (с. 122). Все это позволило М. Клавель-Левек прийти к заключению: колониальная экспансия, расширение хоры и постоянная угроза городу со стороны варваров обеспечивали внутреннее единство и играли роль тормоза в развитии классовых противоречий.

Эти построения, однако, не всегда имеют доказательства. Так, вполне вероятно, что основное противоречие внутренней жизни города заключалось в противоречии между потомственной аристократией, стоящей у власти, и нуворишами, не обладавшими никакими политическими правами, но бесспорных доказательств пока нет. Тем не менее на основании этого предположения делается ряд выводов о политических реформах в городе, которые прошли в два этапа: на первом сыновьям было запрещено наследовать должности, занимаемые их отцами (этот этап автор связывает с первым периодом процветания города), на втором наиболее богатые граждане получили доступ к высшим должностям (это связывается с началом чеканки собственно массалиотской монеты). Построения М. Клавель-Левек представляются весьма интересными, но лишь у Аристотеля находят себе косвенные подтверждения [Aristot. Polit., VI, 4, 1321, с. 342, 343]. То же можно сказать и в связи с проблемой борьбы в Массалии между демосом и аристократией. М. Клавель-Левек полагает, что ярко выраженных противоречий (исследовательница называет их классовым антагонизмом, что вряд ли оправдано, поскольку понятие «класс» в таком контексте оказывается размытым) не было, и это заключение основано исключительно на отсутствии в источниках свидетельств борьбы.

Следующий раздел посвящен анализу отношений Массалии с ближайшими соседями — Карфагеном, Римом и галлами. В архаическую эпоху город был достаточно силен, чтобы противостоять как Карфагену, так и кельто-лигурам. Отношения с местными племенами определялись в первую очередь ростом могущества города. Основываясь на данных Юстина, автор отмечает, что эти отношения были в данный период важнейшими для «выживания» Массалии. После дружного натиска кельто-лигурских племен, который продолжался, как полагает автор, до середины VI в., до морских побед над Карфагеном, и отразив который Массалия значительно усилилась, в отношениях с местными племенами наступает улучшение. Так как массалиотская колониальная экспансия только начиналась и не охватила еще большой территории, противоречия между Карфагеном и Массалией в эту эпоху обнаруживались только на море. С этрусками у массалиотов никогда не было серьезных конфликтов. Вопрос о взаимоотношениях Массалии и Рима в архаический период остается открытым, так как сведения о связях между городами чрезвычайно скудны. Почти ничего неизвестно о Массалии на протяжении всей классической эпохи. Если верить сообщению Юстина, в начале IV в. город подвергся мощному натиску кельтских племен, но Массалия, как полагает автор, сохранила независимость ценой большого выкупа. Сопоставляя эти данные со сведениями о взятии Рима галлами в 390 г., М. Клавель-Левек предполагает, что два города, которым угрожала одна и та же опасность, могли заключить нечто вроде союза. Последующий период отмечен усилением Массалии: возрождением «оловянных путей» и значительным ростом территории города. Во внешнеполитическом плане этот период, продолжавшийся до 150 г. до н. э., характеризуется дружественными отношениями между Римом и Массалией. Рим, будучи слабым на море, нуждался в массалиотском флоте. Он не раз оказывал помощь Массалии во время столкновения с туземными племенами. Массалия же в свою очередь была естественным союзником Рима во время его конфликта с Карфагеном, так как завоевания последнего в Испании затрагивали ее интересы. По мере проникновения римского влияния на юг Галлии отношения между бывшими союзниками начинают портиться, и Масса-

лия понемногу попадает в зависимость от Рима. В результате вторжения кимвров и тевтонов, создавшего угрозу не только владениям Массалии, но самому ее существованию, эта зависимость усиливается. Во время Гражданских войн Массалия пыталась оказать поддержку Помпею, но в конце концов была осаждена Цезарем и в 49 г. до н. э. капитулировала. Она сохраняла статут свободного города и не подчинялась власти проконсула, но лишилась своего флота, арсенала, городской казны, почти всех территориальных владений. Таким образом, 49 г. до н. э. явился годом конца Массалии как независимого полиса, тогда же резко ослабло греческое влияние на западе Средиземноморья.

Этот раздел представляется очень удачным. В книге дается подробный анализ отношений Массалии со своими соседями, при этом привлекается большое количество источников, в том числе мало или совсем не используемых. Внешняя политика Массалии исследуется на разных этапах существования города. Кроме того, на основании своеобразной интерпретации источников Клавель-Левек приходит к заключению, что карфагеняне не закрывали Гибралтарский пролив для греческих судов (большинство исследователей делают прямо противоположный вывод, опираясь на свидетельства Страбона и Пиндара [8, с. 181; 10, с. 4; 11], так как торговая активность греков на западе Средиземноморья была незначительной и не представляла угрозы интересам Карфагена.

Следующая глава посвящена влиянию Массалии на социально-экономическое и культурное развитие галльских племен. В зависимости от зоны обитания и политической обстановки внутри самих племен это влияние было различным. В неодинаковой степени сказывалось оно и в разных социальных слоях. М. Клевель-Левек обнаруживает экономическое влияние в области ремесленного и сельскохозяйственного производства, что подтверждается последними раскопками. Массалия играла главную роль в торговле с галлами, и этот обмен имел важное значение в экономике Галлии, вступившей в денежную стадию развития хозяйства. Первые собственно галльские монеты появились в IV в. до н. э. у арвернов и белгов. Постепенно, по мере втягивания в торговый обмен, у других племен также налаживается чеканка монеты по греческим образцам. Возникновение монетного дела способствовало, по мнению автора, экономической и торговой интеграции кельтских племен, которая приносила выгоду прежде всего правящим классам, богатевшим благодаря торговле и совместной с массалиотами эксплуатации внутреннего рынка.

Исследовательница подробно останавливается на проблемах урбанизации, отмечая, что процесс отделения города от деревни начался в Галлии еще в конце гальштадтского периода, задолго до проникновения греков. Именно поэтому структура городского управления здесь развивалась путем, не похожим на греческий. Напротив, в градостроительстве греческое влияние заметно, особенно на юге Галлии. Оно обнаруживается прежде всего в технике возведения каменных построек, но в меньшей степени в городской планировке и полностью отсутствует в архитектуре местных храмов и святилищ. Что же касается общественных зданий, то их здесь, по мнению исследовательницы, никогда не существовало.

В сфере религиозных представлений почти нет свидетельств проникновения кельтских или лигурийских культов в Массалию. Напротив, у местных племен большой популярностью пользовались греческие божества (особенно Афродита, Геракл, Артемида Эфесская и Аполлон Дельфийский; наличие культа двух последних, бывших покровителями города, является, как полагает автор, результатом влияния Массалии). Одновременно М. Клавель-Левек отмечает появление в более позднюю эпоху религиозного синкретизма. С влиянием греков, по мнению автора, связано возникновение искусства кельто-лигуров и появление письменности (за исключением письменности иберов, которая возникла, по всей вероятности, под влиянием финикийской [3, с. 172]. Предположение о религиозном синкретизме, возникшем в результате взаимовлияния греческой и кельтской мифологии, чрезвычайно интересно, но, к сожалению, исследовательница останавливается на нем неоправданно кратко. Что же касается непосредственного влияния Массалии на возникновение кельтско-лигурийского искусства, с этим положением согласиться нельзя. Искусство возникает на раннем этапе развития человеческого общества, а кельтские народы достигли к рассматриваемому времени уже относительно высокой ступени развития. Но нельзя не признать, что греческие каноны оказали заметное влияние на кельтское изобразительное искусство, особенно в скульптуре.

М. Клавель-Левек выдвигает тезис о «деварваризации» Галлии (под которой,

судя по всему, подразумевается приобщение местных племен к античной цивилизации). В основном «деварваризация» затронула экономику, и в результате значительно увеличилось ремесленное производство, многие племена перешли к новым социально-экономическим формам, расширился торговый обмен, а вследствие этого Кельтика втянулась в обширные средиземноморские связи. В этом плане, указывает автор, Массалия ускорила внутреннюю эволюцию туземных племен, сыграв определенную роль в усилении могущества местной аристократии. Эта первая фаза «деварваризации» не только подготовила почву для проникновения римлян, но и создала условия, позволившие Галлии с момента завоевания вступить в новую фазу «деварваризации».

М. Клавель-Левек верно характеризует процесс, который неуклонно происходил в Галлии, но глубина его сильно преувеличивается автором. Греческое влияние было ощутимым лишь в южных районах Галлии, более северные ее области оставались в стороне от античной цивилизации, и приобщение к ней здесь произошло гораздо позже — уже после римского завоевания. В южных районах Испании, культура которых в книге не рассматривается, к тому же преобладало финикийское влияние. Подобное преувеличение греческого культурного влияния встречается и у некоторых испанских исследователей [13, 14]. Но цивилизующая роль Массалии несомненна, особенно на юге Галлии и Иберии. К сожалению, последней в работе уделяется мало внимания.

Таким образом, в работе М. Клавель-Левек перед нами проходит история греческой Массалии с момента основания и до фактической потери независимости. Надо отметить, что такая широта хронологического охвата (около шести столетий) редко встречается в работах историков (это относится и к истории Массалии, см. [1, 4, 5]). В небольшой по объему книге дается тщательный анализ всей жизни Массалии: ее экономики, политического строя, культуры. Анализируется динамика исторического развития Массалии, причем на разных этапах: определяющими могли быть различные факторы в архаическую эпоху — торговый обмен с местными племенами, в классическую — массалиотская субколонизация в Иберии и Галлии, в эпоху эллинизма — противостояние великим державам (Карфагену, а впоследствии Риму). Важным является выявление двух характерных особенностей Массалии: экономически она представляла собой эмпорий, политически — олигархию.

В книге М. Клавель-Левек имеется ряд спорных положений. Прежде всего нам кажется неоправданно модернизаторским подход ко многим явлениям. Так, автор часто употребляет термин «империализм» — массалиотский, карфагенский, римский, даже «империализм» арвернов. Исследовательница обозначает им внешнюю политику, проводимую перечисленными государствами. Но обозначение это представляется нам не совсем точным. Карфаген, Массалия и арверны находились на разных этапах исторического развития, поэтому сущность их внешней политики, в чем-то похожей, была несомненно различной, обусловливалась разными задачами.

Подобным же образом можно говорить и о торговой интеграции галльских племен. К тому времени в Галлии не создалось одного или нескольких прочных государств, поэтому уместнее было бы говорить о стабильных торговых связях, о предпосылках складывания внутреннего рынка и внутриэкономической общности наиболее развитых племен. Несколько поспешным представляется вывод о массалиотской торговой империи, так как местные племена сохраняли независимость, а целый ряд колоний не управлялся непосредственно Массалией, обладая определенной экономической и политической самостоятельностью. Впрочем, модернизаторская терминология употребляется многими современными авторами [2, с. 95, 135; 4, с. 35, 50, 65; 6].

К сожалению, в книге мало внимания уделено доколонизационной торговле фокейцев, родосцев и этрусков. Поэтому не совсем понятен вывод об основании Массалии в результате соперничества между греками и семитами. Другие исследователи [1, с. 30; 4, с. 29; 7, с. 203] представляют основание фокейцами Массалии следствием заинтересованности в торговле с местными племенами, так как доколонизационная торговля с ними оправдала себя. Важно, что торговля Массалии с малоазийскими городами не прекратилась и после падения Фокеи, что обосновано тщательным анализом привозной керамики. Кстати, большинство исследователей полагают, что падение Фокеи положило конец торговым связям между колонией и метрополией.

М. Клавель-Левек (как и другие авторы) указывает на существование в Кель-

тике «оловянных путей». Исследовательница отмечает, что именно в процессе торговли металлами фокейцы и массалиоты создали сеть колоний; эти поселения были не военными форпостами Массалии, как считает Ф. Вийяр [2, с. 110], а скорее «конечными станциями» транзитной торговли.

Очень важен раздел, посвященный возникновению и развитию монетного дела в Массалии. Но вывод о том, что введение монетного чекана способствовало стабилизации экономики города, кажется спорным: ведь именно развитие экономики на определенной стадии вызывает потребность в появлении монеты, а не наоборот.

Интересна наметившаяся связь между развитием массалиотской торговли и расширением колониальной экспансии Массалии. В доказательство М. Клавель-Левек приводит две известные нам «сверхдальние» экспедиции Евтимена и Пифея. Вывод о диаспоре массалиотов, сделанный исследовательницей на основании эпиграфического материала (обычно этому факту не придавали значения), позволяет лучше представить масштабы торговой деятельности Массалии. Не менее интересны наблюдения о массалиотской торговле с Африкой, о существовании которой свидетельствуют данные археологии и папирологии. Важно изменение характера торговли с внутренней Кельтикой, зафиксированное расположением важнейших торговых центров в центральных районах Галлии, а не на ее восточных рубежах, как прежде. Это последнее обстоятельство, как нам кажется, можно скорее объяснить не возникновением «империализма» у арвернов, как полагает автор, а первостепенным значением сухопутных путей через Галлию после гибели Тартесса и упадка морского оловянного пути вокруг Испании. Развитие в Кельтике городских центров и усиление могущества местной аристократии, ставшей основным потребителем предметов роскоши, явились следствием развития торговли с туземными племенами, так как наиболее быстро росли города, расположенные вблизи или на перекрестках оловянных путей.

Кажется спорным вывод М. Клавель-Левек о том, что характер массалиотской торговли не изменился на протяжении всего рассматриваемого периода. Очевидно, что со временем он стал более целенаправленным: предметы роскоши поставлялись в обмен на драгоценные металлы. Кроме того, с созданием сети массалиотских колоний в торговые связи втягивались все более обширные районы.

М. Клавель-Левек подробно характеризует массалиотскую субколонизацию как дальнейшее развитие массалиотского «империализма» (вероятно,— следствие расширения торговых связей Массалии). На основании исключительно археологического материала указывается местоположение (иногда предположительное) и дата основания той или иной колонии. При этом встречаются расхождения с датировкой, приводимой другими исследователями [1, с. 30, 32, 101—110; 2, с. 112; 8, с. 184—192; 9, с. 519—535], что объясняется скудостью археологического материала. К сожалению, автором не рассматриваются массалиотские колонии в Испании.

Расширение территории Массалии также подробно прослежено на основании данных археологии. Этот момент обычно не привлекает внимания исследователей, хотя, безусловно, свидетельствует об усилении города.

Что касается роли Массалии в социально-экономическом и культурном развитии галльских племен, в построениях М. Клавель-Левек заметна тенденция (как, в прочем и у некоторых других французских ученых [1, 2]) к преувеличению цивилизующей роли Массалии.

Подводя итог всему сказанному, нам хотелось бы отметить, что, рассматривая Массалию как эмпорий, в основании и существовании которого главную роль играла торговля, автор ставит торговый обмен на первое место в деятельности основателей Массалии и фокейцев и тем самым указывает на торговый характер фокейской колонизации, который признается сейчас большинством современных исследователей. В целом книга вызывает безусловный интерес, в ней обобщен и проанализирован большой материал, привлечен широкий круг источников, в том числе мало используемых; выдвигается ряд интересных, хотя подчас спорных положений (они не всегда раскрываются исследовательницей с достаточной полнотой из-за ограниченного объема книги), охватывается большой хронологический период и различные аспекты жизни города. Все это позволило автору воссоздать многие страницы истории греческой Массалии.

Штейн Е. Э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Benoit F.* Récherches sur l'Héllénisation du Midi de la Gaule, Aix-en-Provence, 1965.
2. *Villard F.* La céramique grecque de Marseille. Paris, 1960.
3. *Козловская В. И.* Древнейшая письменность иберов и ее средиземноморские связи.— ВДИ, 1971, № 3.
4. *Mossé Cl.* La colonisation dans l'Antiquité. Paris, 1970.
5. *Jullian C.* Histoire de la Gaule. V. 1. Paris, 1908.
6. *Starr Ch. J.* The Economic and Social Growth of Early Greece. New York, 1977.
7. *Boardman J.* The Greeks Overseas. Manchester, 1973.
8. *Blanco Freijeiro A.* La colonisación de la Península ibérica en el primo milenio antes de Cristo.— In: Las raízes de España. Madrid, 1967.
9. *García y Bellido A.* Colonizacion Focea.— In: Menéndez Pidal. Historia de España. Madrid, 1952, t. I, № 2.
10. *Carpenter R.* The Greeks in Spain. London — New York, 1925.
11. *Циркин Ю. Б.* Фокейцы на Западе (VII—IV вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1968.
12. *Филипп Ян.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1966.
13. Historia de España por L. Pericót García. T. 1. Barcelona, 1958.
14. *Caro Baroja A.* España primitiva y romana. Barcelona, 1957.

Хроника

ЛЕБЕДЕВ Ю. С., САМОХИНА Т. М.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРУЕМЫХ СООРУЖЕНИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ И ЭКСПОЗИЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Для создания временных укрытий при проведении полевых археологических работ, а также для защиты и экспозиции руинированных архитектурно-археологических памятников широкое применение могут найти легкие трансформируемые сооружения. За рубежом такие конструкции повсеместно используются для создания различного назначения защитных укрытий, временных сооружений, павильонов. На рис. 1 [1] показано трансформируемое тентовое покрытие над развалинами аббатства Бад-Херсфильд в г. Мангейме (ФРГ). Оно представляет собой мембрану из синтетической ткани, которая разворачивается с помощью автоматического устройства и также легко может быть упаковано. Опорой служит мачта, установленная вне сооружения. Такого рода покрытия могут иметь разнообразную форму и практически любые габариты. Помимо упомянутого, в настоящее время используются на практике покрытия, создаваемые на основе трансформируемых пневматических, каркасных и других конструкций. Для условий трансформирования и хранения они складываются в компактные формы и могут быть доставлены к месту назначения любым видом транспорта. Монтаж в эксплуатационное положение производится при помощи несложных приспособлений.

Установленные в месте проведения археологических раскопок сооружения обеспечат надежную защиту памятников от атмосферных воздействий. При этом полезная площадь может быть реализована сразу при монтаже сооружения или постепенно увеличиваться в процессе раскопок. Сооружения такого типа могут быть использованы также в качестве временного жилья членов экспедиции, административных помещений, столовой и т. д. Широкое применение трансформируемые сооружения могут найти для защиты от разрушающих воздействий окружающей среды (атмосферных, механических, биологических и т. д.) фрагментов руинированных архитектурно-археологических памятников, а также для организации их постоянной экспозиции.

Как известно, на территории нашей страны в городах и за их пределами имеется немалое количество архитектурно-археологических памятников, сохранившихся лишь в виде фрагментов древних сооружений, представляющих большую историческую и архитектурно-художественную ценность. Это, как правило, постройки, сохранившиеся преимущественно в своих нижних частях (фундаменты, конструкции полов и основания стен). Использование в таких случаях трансформируемых сооружений позволяет быстро, за несколько часов, установить надежное защитное укрытие.

Для организации музейного показа фрагментов древних сооружений и их дальнейшего исследования в отдельных случаях строятся специальные павильоны. При этом обеспечивается лучшая сохранность памятника, остатки древних сооружений не нуждаются в специальных консервационных мероприятиях, искажающих их исторический облик. К настоящему времени накоплен обширный материал по использованию павильонов для защиты отдельных архитектурно-археологических объектов за рубежом — в Венгрии, Италии, Франции (например, [2, с. 73, 88] и др. В решении специальной комиссии Министерства культуры СССР и АН СССР в 1967 г. отмечалось, что павильонный метод защиты является наиболее эффективным для сохранения памятников археологии. Тем не менее в отечественной практике этот метод защиты не получил широкого распространения. Можно отметить лишь павильоны из железобетона в «Бесовых следках» в Карелии и в музее-заповеднике в с. Костенки под Воронежом [3, с. 77—112].

При разработке конструкций защитных павильонов для музейного показа остатков древних сооружений, особенно в условиях города, перед архитектором стоит задача сочетания остатков сооружений древней архитектуры с современной. Использование трансформируемых сооружений благодаря многообразию их форм может дать интересные архитектурные решения (например, укрытие руинированного архитектурно-археологического объекта, рис. 2).

Применение трансформируемых конструкций перспективно и при проведении реставрационных работ. Как известно, на период проведения реставрации на памятниках архитектуры (которые иногда затягиваются на годы) для защиты от атмосферных воздействий используются различные навесы, защитные стенки, сколачивае-

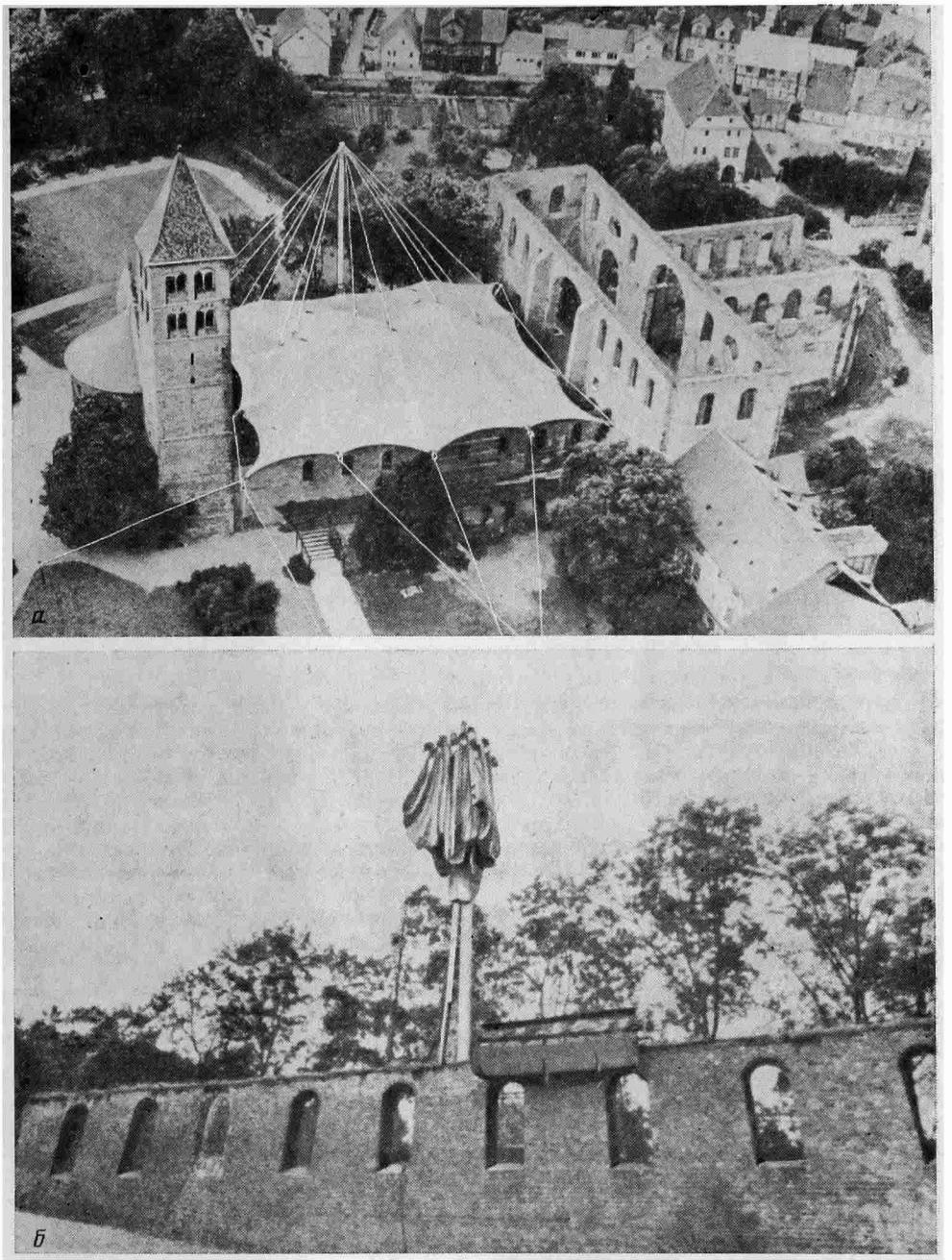


Рис. 1. Использование трансформируемых тентовых покрытий для сохранения памятников архитектуры за рубежом. Руины аббатства в Мангейме (ФРГ). (Архитектор Ф. Отто и др.): *а* — покрытие развернутое, *б* — покрытие в собранном виде

мые из досок, шифера, стеклопластика и других материалов. Однако эти укрытия чаще всего не эстетичны, не удобны в эксплуатации и не обеспечивают в полной мере защиту памятника от атмосферных воздействий. Использование трансформируемых конструкций, обеспечивая надежную защиту, позволило бы при этом снизить трудозатраты на проведение работ (в результате многократной оборачиваемости таких конструкций), повысить культуру труда, а также улучшить внешний облик реставрируемого объекта при проведении работ, что особенно важно в условиях города.

В секторе технических проблем и истории строительной техники Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры разрабатываются конструктивные системы различного вида трансформируемых сооружений [4, 5]. Благодаря некоторым конструктивным особенностям, малому весу покрытия, а также простоте изготовления и монтажа широкое применение при решении указанных выше вопросов могут найти, в частности, трансформируемые из плоскости складчатые сооружения. Эти сооружения в эксплуатационном состоянии представляют собой различные по форме и габаритам складчатые оболочки.

На рис. 3, *а*, *б* и *в* показана трансформируемая складчатая арочно-цилиндри-

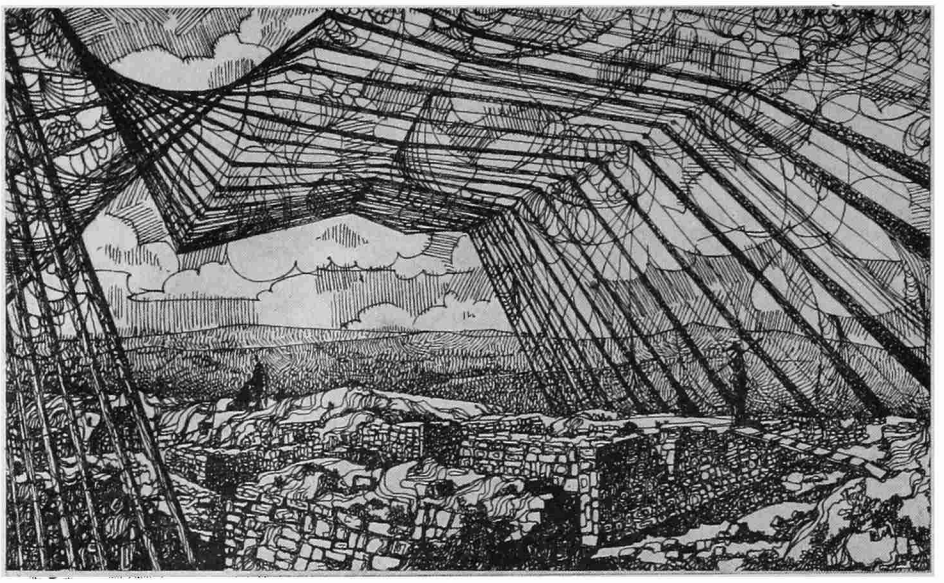


Рис. 2. Трансформируемое укрытие вантово-реечного типа для защиты и экспозиции руинированного архитектурно-археологического объекта (архитектурное предложение А. Лебедева)

ческая оболочка (продольный и поперечный разрезы). В зависимости от габаритов сооружения, используемых транспортных средств и условий хранения покрытие может быть сложено в виде плоского шестиугольника по принципу «сложенной гармошки» либо — по поперечным складкам (рис. 3, *в*). При этом сооружение длиной 10 м в сложенном положении имеет толщину всего 20 см. Монтаж в эксплуатационное положение производятся при помощи несложных приспособлений, являющихся непосредственной принадлежностью покрытия. Защитное покрытие арочно-цилиндрического типа (рис. 3) может иметь практически любую протяженность, при этом полезная площадь может быть реализована сразу при монтаже сооружения или постепенно увеличивается в процессе раскопок. Покрытие в виде складчатого купола может обеспечить увеличение перекрываемой площади по всем направлениям одновременно.

Конструкция покрытия трансформируемых из плоскости складчатых сооружений представляет собой (рис. 4) два склеенных слоя ткани, между которыми располагаются жесткие треугольные элементы из фанеры, металла или стеклопластика.

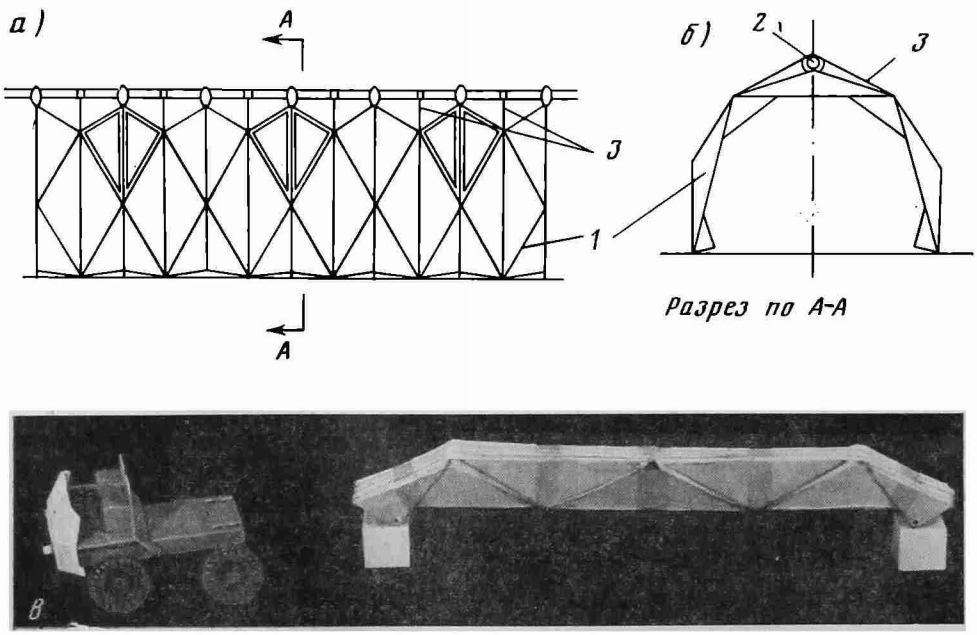


Рис. 3. Арочно-цилиндрическое трансформируемое складчатое покрытие (*а* и *б* — продольный и поперечный разрез с монтажными приспособлениями, поз. *1*, *2*, *3*, комментарий см. на рис. 4; *в* — сложенное для транспортировки или хранения)

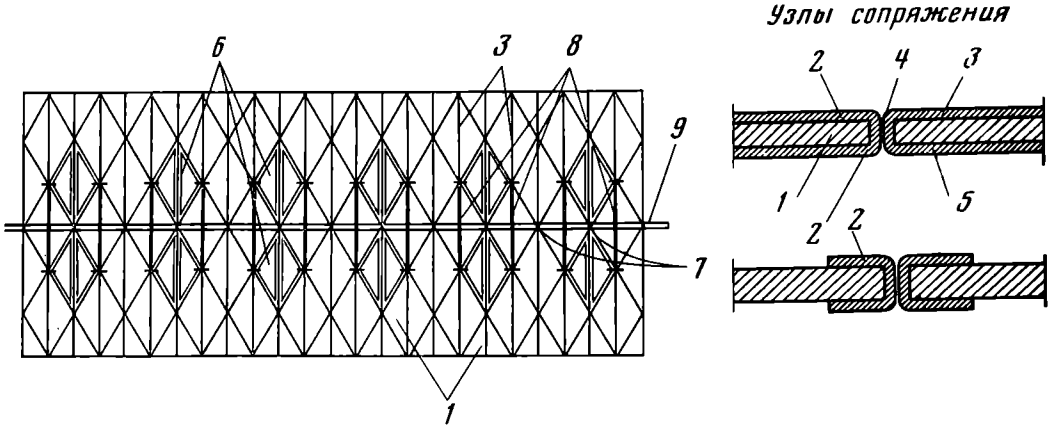


Рис. 4. Конструкции и схема изготовления покрытия трансформируемого складчатого сооружения; покрытие в плане, совмещенное с плоскостью: *1* — жесткие треугольные элементы, *2* — клей, *3* — водонепроницаемая ткань (пленка), *4* — складки, *5* — подстилающая, гибкая оболочка, *6* — оконные проемы, *7* — монтажная штанга

Полотнища ткани сшиваются (склеиваются, свариваются) в промежутках между треугольными элементами. Таким образом, ткань выполняет роль шарнира на сгибах между жесткими элементами. Верхний слой ткани должен обладать гидроизоляционными свойствами. Из имеющегося ассортимента материалов таким требованиям в наибольшей степени отвечают покрытия, выполненные из прорезиненного материала. Для этих целей используют растворы некоторых синтетических каучуков. Особенно высокой погодоустойчивостью в сочетании с необходимым комплексом физико-механических свойств (эластичностью, прочностью, стойкостью к усталостным явлениям и др.) отличаются материалы на основе хлорсульфированного полиэтилена [6].

В СССР в настоящее время на нескольких заводах строительных материалов освоен выпуск кровельной мастики «Кровлелит» на основе хлорсульфированного полиэтилена. Мастика выпускается в виде однокомпонентной системы и представляет собой раствор полимерной смеси 20—25%-ной концентрации, вулканизирующего агента, наполнителя и растворителя. Материал предназначен для устройства кровельных покрытий в климатических зонах, имеющих среднемесячную температуру не ниже 50° С, и может применяться при всех положительных температурах, существующих в климатических зонах страны. Поэтому для изготовления покрытия могут быть использованы и непрорезиненные ткани типа брезентов, на которые для обеспечения их гидроизоляции наносится тонкий слой мастики. После отвердения материал покрытия отличается высокой атмосферостойкостью, деформативностью (относительное удлинение при растяжении составляет 250% и выше), хорошим сцеплением с металлом, деревом, тканями и другими материалами. При изготовлении складчатых трансформируемых конструкций могут быть использованы различные ткани на основе хлопчатобумажных, стеклянных или синтетических волокон. Если к ограждающим конструкциям складчатых сооружений предъявляются требования в части обеспечения теплозащитных свойств, например для эксплуатации в условиях отрицательных температур, жесткие элементы складок могут выполняться из плитных теплоизоляционных материалов (полистирола, минеральной ваты) или нанесением на жесткие элементы пенополиуретана. Вес такого покрытия определяется в основном материалом, из которого изготовлены элементы складок. При использовании для их изготовления березовой фанеры толщиной 5 мм покрытие, имеющее ширину в плоскости 6 м и длину 12 м, весит 250 кг. При выполнении треугольных элементов из пенопласта вес покрытия составит 70 кг, из листовой стали толщиной 1 мм — 400 кг.

Вместо тканей с нанесенным слоем гидроизоляции для изготовления покрытия могут быть использованы полимерные пленочные материалы. На рис. 5 показан фрагмент трансформируемой арочно-цилиндрической оболочки, изготовленной с использованием пленок поливинилхлорида. Наружный слой покрытия выполнен из пленки ПВХ армированной синтетической тканью.

Перспективность использования и технико-экономический эффект от использования арочно-цилиндрических трансформируемых из плоскости складчатых сооружений состоит в возможности получения сооружения цилиндрической формы со складчатой поверхностью на прямоугольном, а также на криволинейном плане, увеличении скорости монтажа покрытий и возможности его многократного использования; обеспечивается возможность транспортировки покрытия в сложенном и компактном виде. Расход материалов по сравнению с сооружением такого же размера из железобетона снижается в 2—3 раза, по сравнению с пневматическими сооружениями — в 1,5 раза.

Изготовление трансформируемых конструкций может быть организовано в заводских условиях, на производственной базе организации или непосредственно на месте применения при наличии простых подсобных средств.

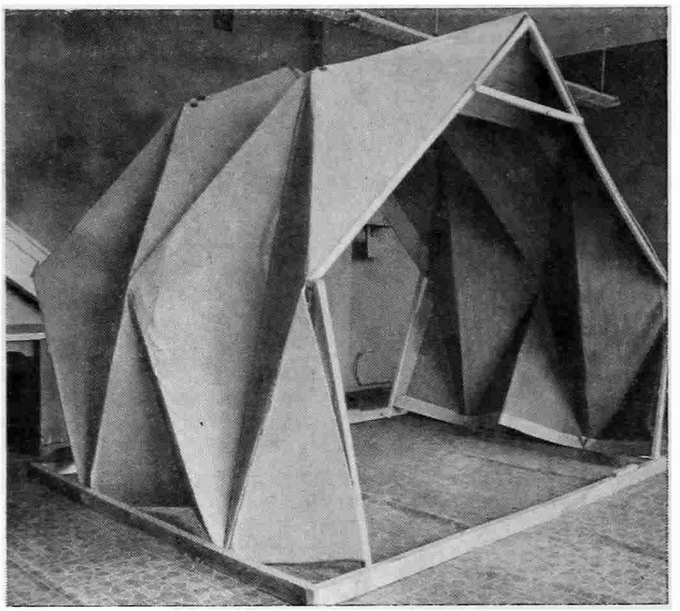


Рис. 5. Покрытие-палатка из тканепленочных синтетических материалов. Фрагмент конструкции, изготовленной на заводе

Освещенность внутри сооружения обеспечивается использованием для его изготовления светопрозрачных материалов. Может быть также при изготовлении предусмотрено устройство специальных оконных проемов (световых фонарей) (рис. 3, *б*).

Применение складчатых сооружений в качестве защитных павильонов для музейного показа памятников, имеющих стенописи, мозаики, помимо обеспечения оптимальных для каждого конкретного объекта температурно-влажностных условий, позволяет, используя конфигурацию сооружения, весьма эффективно решить вопрос направления и интенсивности светового потока, которые необходимо учитывать при экспозиции, а также для обеспечения условий сохранения декоративных элементов.

Таким образом, использование трансформируемых сооружений в практике археологических работ позволило бы решить ряд важных практических вопросов, связанных с сохранением ценных памятников истории и культуры нашей страны [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. The work of Frei Otto and his teams 1955—1976. N. Y., 1971, Il. 17.
2. *Иванова Е. К.* Рене Саржер. М.: Стройиздат, 1971.
3. *Булатов Н. М.* Принципы организации музеев-заповедников.— Тр. Ин-та культуры. М., 1975, № 28, вып. III.
4. *Колейчук В. Ф., Лебедев Ю. С.* Новые архитектурно-конструктивные структуры. М.: Стройиздат, 1978.
5. *Лебедев Ю. С., Самохина Т. М.* Мобильные трансформируемые сооружения для защиты и экспозиции археологических памятников.— В кн.: Материалы всесоюзной конференции «Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах». Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980.
6. *Ронкин Г. М.* Хлорсульфированный полиэтилен. Л.: Химия, 1971.

[1] Авторы считают своей приятной обязанностью поблагодарить кандидата исторических наук В. В. Борисову (Методический совет по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР), любезными консультациями которой мы пользовались при подготовке статьи к печати.

I ВСЕСОЮЗНАЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА МОЛОДЫХ АРХЕОЛОГОВ

С 10 по 18 декабря 1980 г., по инициативе ЦК ВЛКСМ и согласно постановлениям секретариата ЦК ВЛКСМ от 27 августа 1979 г. и Президиума Академии наук СССР от 25 октября 1979 г., на базе Эстонского Международного молодежного центра «Ноорус» (пос. Усть-Нарва, Эстонская ССР) Институтом археологии АН СССР была проведена I Всесоюзная методологическая школа молодых археологов «Проблемы реконструкции начальных этапов истории развития человечества».

Программа работы школы была разработана Оргкомитетом в октябре — ноябре 1980 г. К участию в работе школы были привлечены сотрудники Института архео-

логии АН СССР — ведущие советские специалисты в области археологии эпохи каменного, бронзового и железного веков, а также в области средневековой славянской археологии. В проведении школы принимал участие также Институт истории АН Эстонской ССР.

В работе школы участвовало 75 молодых археологов из 9 союзных и 12 автономных республик СССР, приехавших из 41 города и представлявших 21 вуз, 20 НИИ и 6 музеев. В числе слушателей на школе было 10 кандидатов исторических наук, 10 аспирантов, остальные — специалисты с высшим образованием. 3 человека окончили МГУ, 6 — ЛГУ, 4 — Киевский ГУ, 48 — прочие университеты, 16 — педагогические вузы; 12 молодых археологов работают лаборантами и старшими лаборантами, 1 — стажер, 35 — младшие научные сотрудники, 13 — старшие научные сотрудники, 5 — преподаватели и старшие преподаватели, 8 — ассистенты, 3 человека специализируются в области палеолита, 16 — мезолита и неолита, 14 — бронзового века, 14 — раннего железного века, 2 — античной археологии, 18 — средневековой археологии, 8 — археологии древней Руси. Слушателями школы опубликовано более 380 печатных работ.

Торжественное открытие I Всесоюзной школы молодых археологов состоялось 10 декабря. В качестве гостей на открытии присутствовали У. Тоом — заведующий сектором научной молодежи ЦК ЛКСМ Эстонии, В. Морозов — второй секретарь Нарвского горкома ЛКСМ Эстонии, Э. Ф. Эфендиев — директор Нарвского городского музея. Школу открыл заместитель директора Института археологии АН СССР Ю. Н. Захарук.

Работа школы велась по трем основным направлениям: методика полевых работ, методика камеральной обработки полученных в процессе полевых работ материалов и историческая интерпретация полученных в результате камеральной обработки сведений. Кроме того, в программе отводилось место для коллоквиума «Собеседование по отдельным темам».

Первым выступил Ю. Н. Захарук с лекцией «Археология как наука». В ней были затронуты важнейшие вопросы философского обоснования места археологии в системе других общественных наук. Многие выступления были посвящены основным проблемам полевой археологии. В лекции Д. Б. Шелова «Археологическая полевая практика» основной упор делался на требования, предъявляемые Отделом полевых исследований ИА АН СССР к археологам, составляющим отчет о проведенных археологических изысканиях. С огромным интересом была прослушана лекция Ю. А. Краснова «Обеспечение сохранности археологических памятников в зонах строительных работ». Важнейшие методические основы раскопок различных памятников археологии были изложены в лекциях Б. Г. Петерса «Раскопки античного многослойного памятника», В. А. Башилова «Некоторые методические принципы раскопок теллей и других многослойных поселений», Л. В. Кольцова «Некоторые методические принципы определения сезона функционирования мезолитических стоянок», Д. А. Крайнова «Методика изучения неолитических памятников центральных районов Восточной Европы», М. А. Дэвлет «Петроглифы Енисея как исторический источник», В. П. Даркевича «Методы археологического изучения древнерусских городов». С археологическими исследованиями в Эстонии в десятой пятилетке слушателей познакомил заведующий отделом археологии Института истории АН ЭССР Ю. Я. Селиранд.

Некоторым вопросам применения новых естественнонаучных методов и экспериментального моделирования в археологии были посвящены лекции И. С. Каменецкого «Система археологических понятий» и «Некоторые методические вопросы обработки археологического материала», Б. А. Колчина «Научные методы в изучении древних производств», А. А. Бобринского «Проблема происхождения гончарства по археологическим и экспериментальным данным».

Наглядным примером исторических интерпретаций полученных в результате археологических раскопок сведений явились лекции Н. Я. Мерперта «Происхождение производящего хозяйства», Г. А. Кошеленко «Экономика античного общества. Археологические материалы, историческая интерпретация», В. В. Кропоткина «Изучение товарного производства и денежного обращения у племен Восточной Европы в I тыс. н. э.», В. В. Седова «Современные проблемы археологического исследования славянского мира».

В рамках коллоквиума «Собеседования по отдельным темам» слушателям было предложено несколько сообщений, посвященных проблемам зарубежной археологии. Таковыми явились лекции Н. Я. Мерперта «Исследования советской археологической экспедиции в Ираке», В. А. Башилова «Развитие древних цивилизаций Южной Америки», В. И. Гуляева «Древние культуры индейцев Мексики и Центральной Америки».

Подводя итоги работы I Всесоюзной школы молодых археологов, заместитель директора ИА АН СССР Р. М. Мунчаев подчеркнул, что возможность проведения в дальнейшем подобных школ зависит главным образом от инициативы и пожеланий молодых археологов. Институт археологии готов их возглавить.

Гайдуков П. Г., Завьялов В. И.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО АРХЕОЛОГИИ

С 9 по 13 ноября 1981 г. в Кембридже (штат Массачусетс, США) в Пибоди-музее при Гарвардском университете состоялся первый советско-американский симпозиум по археологии.

Договоренность о проведении настоящего симпозиума была достигнута во время переговоров между рабочими группами АН СССР и Совета познавательных обществ США, состоявшихся в августе 1979 г. в Кембридже. Цель переговоров заключалась в установлении возможностей и форм сотрудничества между советскими и американскими учеными в области археологии. Стороны пришли тогда единодушно к выводу о необходимости и глубокой целесообразности научных связей между американскими и советскими археологами, желательности их осуществления между Академией Наук СССР и Советом познавательных обществ США и проведении двух совместных симпозиумов по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии: первого — в США в 1981 г., второго — в СССР в 1982 г. Было решено рассмотреть на первом симпозиуме проблемы социально-экономического и культурного развития центральной Азии и Ближнего Востока в период 6000—1000 лет до н. э. Основными областями, подлежащими рассмотрению, были признаны Месопотамия, Иран, Афганистан, Средняя Азия, а также Северо-Западная Индия.

Почему в качестве темы первого советско-американского симпозиума была предложена проблематика по археологии именно Ближнего Востока и Центральной Азии? Дело в том, что большие группы и советских и американских археологов заняты активной полевой и исследовательской работой в области ближневосточной и центральноазиатской археологии. Это и понятно. Огромная роль данной территории в сложении человеческой цивилизации хорошо известна. В нее входят как неотъемлемые части советская Средняя Азия и Южный Кавказ, где нашими учеными проведены обширные и чрезвычайно плодотворные археологические исследования и добыт огромный и разнообразный материал, без учета которого невозможно ныне изучение древневосточных цивилизаций. Кроме того, начиная с 1969 г. советскими экспедициями в Афганистане и Ираке (Месопотамии) осуществлены значительные по масштабам и результативности исследования, привлекшие к себе особое внимание всех специалистов по истории и культуре Древнего Востока.

Вместе с тем большие работы по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии в течение уже многих лет ведутся американскими учеными. До рубежа 80-х годов они работали во многих странах Ближнего Востока, а также в Индии, Пакистане и Афганистане. Особенно же широкие исследования в минувшие два десятилетия археологи США вели на смежной с нашей страной территории Ирана. Добытые ими здесь археологические материалы прямо перекликаются во многих случаях с материалами из памятников Средней Азии и Закавказья. Поэтому всестороннее сопоставление и совместное изучение этих материалов стали насущной необходимостью.

Хронологические рамки проблематики симпозиума обусловлены тем, что очерченная территория дает особо важные материалы для разработки проблем становления производящей экономики и древнейших цивилизаций. Эти процессы, имеющие общеисторическое значение, ограничены хронологически указанными датами.

В состав советской делегации были включены: заместитель директора Института археологии АН СССР и начальник археологической экспедиции АН СССР в Ираке д-р истор. наук Р. М. Мунчаев (руководитель делегации), зав. сектором неолита и бронзы ИА АН СССР д-р истор. наук Н. Я. Мерперт, зав. сектором археологии Средней Азии и Кавказа ИА АН СССР член-кор. АН ТуркмССР В. М. Массон, руководитель группы зарубежной археологии ИА АН СССР д-р истор. наук В. И. Гуляев, директор Института археологии АН УзССР д-р истор. наук А. Р. Мухамеджанов, зав. сектором этого же института д-р истор. наук У. И. Исламов, зав. сектором Института истории АН ТаджССР член-кор. АН ТаджССР Н. Н. Негматов и старший научный сотрудник Института истории АН ТуркмССР канд. истор. наук И. С. Масимов.

В состав американской делегации входили все наиболее известные ученые США, работающие в области изучения археологии Ближнего и Среднего Востока, Индии и Центральной Азии. В их числе: проф. К. Х. Ламберг-Карловский, являющийся директором Пибоди-музея и широко известным специалистом по археологии, истории и древней культуре Ирана (руководитель делегации); проф. Р. Мак-Адамс — директор Восточного института Чикагского университета, крупнейший специалист по археологии Месопотамии и Ближнего Востока; проф. Р. Дайсон — директор Пенсильванского музея и декан Пенсильванского университета, изучающий проблемы археологии Ирана и Центральной Азии; проф. Ф. Хол — руководитель кафедры археологии Йельского университета; проф. Ж. Харлан — один из известных в настоящее время палеоботаников, работающий в Иллинойском университете; проф. В. Файрсервис из Вассар-колледжа в Нью-Йорке, признанный специалист по археологии Пакистана и Индии; профессор кафедры антропологии Хантер-колледжа при Нью-Йорском городском университете Г. Джонсон, а также значительная группа молодых научных работников. Всего с американской стороны в симпозиуме приняли участие представители более 10 университетов США, а также ряда колледжей и музеев. Кроме того, с их стороны в симпозиуме участвовал Л. Левин — сотрудник Музея Онтарио в Торонто (Канада).

На семи заседаниях симпозиума заслушано и обсуждено 22 доклада, из них восемь советских и 14 американских. Рассмотрим основные их положения.

Симпозиум был открыт докладом В. И. Гуляева «Типология и структура древнейших городов Месопотамии и Мезоамерики», посвященном сравнительно-историческому анализу древнейших и совершенно независимых друг от друга форм городской организации на материалах из Старого и Нового Света. Автор на основании многочисленных фактов пришел к достаточно обоснованному выводу о том, что самой стабильной и распространенной формой территориально-политической организации для древнейших стадий развития города обоих регионов являлся город-государство, или «ном». По своему внутреннему содержанию город-государство представлял собой и в Месопотамии и в Мезоамерике иерархию различных общинных структур, составляющих сердцевину и исходный элемент любой социальной организации того времени: от «домовой общины» до «макрообщины» в виде города-государства.

Доклад Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева «Заселение Синджарской долины Месопотамии и структура ее раннеземледельческих поселений» был построен на материалах многолетних исследований Советской экспедиции в Северо-Западном Ираке. Эта часть Двуречья, лежащая в центре зоны возникновения ближневосточного земледелия и тесно связанная с его важнейшими очагами в Сиро-Палестинском районе, Южной Турции, Загросе, ранее не исследовалась, в результате чего возникал значительный разрыв между указанными очагами. Работы советской экспедиции позволили заполнить этот разрыв. Было определено, что заселение Синджарской долины началось еще в палеолите, а земледельческая экономика сложилась в конце VIII — начале VII тысячелетия до н. э., т. е. на самом раннем ее этапе. Этот период представлен в предгорной полосе замечательным докерамическим поселением Телль Магзалия с каменным, в том числе фортификационным строительством, доместицированными злаками, развитой каменной индустрией и началом использования самородной меди. Дальнейшие ступени развития освещены большими раскопками на поселениях конца VII — начала VI тысячелетия до н. э., выделенных в новую, древнейшую для самой долины культуру Телль Сотто; середины — второй половины VI тысячелетия до н. э. (хассунская культура); V тысячелетия до н. э. (халафская культура). Многообразные материалы этих раскопок позволили проследить заселение долины, эволюцию экономики и культуры, развитие основных видов производства — от керамического до металлообрабатывающего, возникновение иерархии поселений, усложнение их структуры (как и структуры создавших их коллективов) вплоть до формирования «протогородов» позднехалафского и убейдского периодов.

Доклад В. М. Массона рассматривал становление цивилизации как социально-экономический и культурный процесс. При этом в первой части доклада, учитывая ревизионистские построения ряда западных исследователей, отрицающих или принижающих роль социально-экономических факторов в историческом процессе, особое внимание было уделено тесной связи самого появления цивилизации со становлением классового общества и государства. Во второй части доклада были рассмотрены культурные инновации, характерные для цивилизации как качественно нового явления в истории культуры и формирующиеся главным образом путем культурных мутаций, ярко отражая диалектический характер культурогенеза. Принципиально важным является формирование в это время элитарной субкультуры, направленной на удовлетворение запросов правящей верхушки общества. Эти положения были проиллюстрированы на примере новых археологических материалов, происходящих из Средней Азии.

Доклад У. Исламова был посвящен изучению неолитических истоков древних цивилизаций Средней Азии. Автор рассмотрел неолитические культуры Средней Азии, четко разделяющиеся на культуры с преобладанием традиционных форм получения продуктов питания (охота, рыболовство и собирательство), которые представлены гиссарской культурой в Западном Таджикистане и комплексами кельтеминарского типа на территории степей и пустынь северной части Средней Азии, и на культурно-хозяйственную зону Южного Туркменистана, где в VI тысячелетии до н. э. формируется оседлая земледельческая культура, получившая наименование джейтунской. Докладчик показал, что именно в джейтунской культуре сформировался ряд новых культурных эталонов и стандартов, образовавших существенную часть культурной традиции, на основе которой происходило формирование на юге Средней Азии местной протогородской или раннегородской цивилизации.

Одному из аспектов развития этой раннегородской цивилизации был посвящен доклад И. С. Масимова, построенный на результатах новых полевых исследований в юго-восточной части Туркменистана, в дельте Мургаба. Здесь было открыто около 50 памятников II тысячелетия до н. э. Установлено, что первоначально данные памятники тесно связаны с культурой Алтын-депе в подгорной полосе Южного Туркменистана и, судя по всему, первые поселения были созданы именно выходцами из подгорной полосы. В середине же II тысячелетия до н. э. в культуре нижнемургабских общин происходят заметные изменения, в частности появляются новые типы печатей — плоские и цилиндрической формы с разнообразными зооморфными изображениями и сложными композициями. Аналитическая часть доклада И. С. Масимова была посвящена пространственному анализу нижнемургабских поселений, где на основе типологии и планиметрического анализа выделяется несколько групп памятников, концентрирующихся в замкнутые оазисы с иерархической структурой поселений. Центром оазисов были крупные поселения городского типа, что позволило докладчику рассматривать эти оазисы как своего рода прототип городов-государств.

В докладе Р. М. Мунчаева были рассмотрены два важных вопроса, связанных с проблемой переднеазиатско-кавказских связей в VI—III тысячелетиях до н. э. Первый из них касался связей Ближнего Востока и Закавказья в период сложения на Южном Кавказе производящего хозяйства и развития здесь раннеземледельческих культур (VI—IV тысячелетия до н. э.). В результате исследований проведенных в Закавказье за минувшие 20 лет, получены убедительные данные, свидетельствующие о несомненных связях носителей как убейдской и халафской, так и более ранних культур Месопотамии с Южным Кавказом. Второй — был посвящен вопросу о связях Ближнего Востока с Северным Кавказом в III тысячелетии до н. э. Многочисленные факты свидетельствуют о вероятном проникновении в Предкавказье в начале бронзового века отдельных групп населения Ближнего Востока. Последние сыграли определенную роль в сложении майкопской культуры и дали, по-видимому, значительный импульс развитию здесь металлургии и металлообработки.

Н. Н. Негматов в своем докладе рассмотрел формирование урбанизированных культур на территории Таджикистана в свете проблемы культурных связей. В приамударьинском очаге данный процесс протекает во II тысячелетии до н. э. в результате прямых связей, а возможно, и расселения общин из древнего центра цивилизации на юге Туркмении. Затем, к середине I тысячелетия до н. э., здесь формируются крупные центры городского типа. В очаге по среднему течению Зеравшана открыто поселение Саразм, которое, видимо, в нижних слоях дает комплексы, аналогичные геоксюрским памятникам Туркмении конца IV тысячелетия до н. э. Несмотря на это, представляется очевидным, что сложение ранних городских образований здесь, как и в очаге по средней Сырдарье, приходится на середину I тысячелетия до н. э.

Доклад А. Р. Мухамеджанова был посвящен палеоэкологическому аспекту развития древних цивилизаций Средней Азии — вопросам водообеспечения и ирригации. Докладчик показал, что первые небольшие ирригационные системы на юге Туркмении относятся по крайней мере к IV тысячелетию до н. э. В низовьях же Амударьи, в древнем Хорезме, они получили широкое распространение во второй половине II тысячелетия до н. э. К середине I тысячелетия до н. э. в связи с развитием в основных центрах оседлой культуры Средней Азии классового общества и государства появилась возможность перехода к огромным ирригационным системам. Стержневым явился тезис о взаимозависимости прогресса оросительных систем и социально-экономического развития общества. В докладе А. Р. Мухамеджанова был отражен огромный масштаб ведущихся советскими учеными работ по изучению древней ирригации Средней Азии и достигнутые значительные результаты.

Д-р Ч. Л. Редман (Государственный университет Нью-Йорка) сделал доклад методического характера, остановившись прежде всего на возможностях методики планирования археологического обследования поселений городского типа конкретных территорий. Большое внимание было уделено выбору или установлению участка обследования, причем особо подчеркивалась перспективность сплошного изучения микрорайонов. Отмечалась необходимость постоянного внимания к изменениям природной среды и влиянием их на историческое развитие, к политико-экономическому фактору и к воздействиям самого человека на окружающий ландшафт. Докладчик говорил о необходимости создания моделей подобных работ и предложил некоторые из них. Справедливо подчеркнув необходимость долгосрочного планирования и взаимодействия исследовательских учреждений различных уровней, он пришел к несколько неожиданному выводу о том, что эпоха крупномасштабных полевых исследований подходит к концу и должна смениться периодом отмеченных выше обследований микроучастков.

Доклад Х. Вейса (Йельский университет) был посвящен сравнительной характеристике южной и северной Месопотамии в период между 5000—1800 гг. до н. э. Рассмотрев основные факторы как экологического, так и исторического аспекта, автор подверг пересмотру традиционное представление о контрасте между уровнями развития южной и северной Месопотамии и заметном отставании последней. Материалы новых раскопок (Телль Лейлан в бассейне Хабура, Телль Тайя в долине Синджара и др.) позволили ему постулировать возможность существования в северной Месопотамии неизвестных ранее центров урукского периода, не уступающих по уровню развития самому Уруку и другим поселениям раннегородского типа южного Двуречья. Докладчик подчеркнул особую важность для разработки этой темы советских и американских исследований, выходящих за пределы традиционных центров древнейших культур Месопотамии и заполняющих значительные белые пятна на археологической карте Ближнего Востока.

Два доклада были основаны на анализе аккадских и эламских клинописных текстов и носили исторический характер. П. Стейнкеллер (Гарвардский университет) рассмотрел вопросы исторической географии Ирана в III тысячелетии до н. э. Он заметно уточнил локализацию эламской области Мархаши и определил ее местонахождение в районе Керамана, на юге Ирана. В докладе М. Столпера (Чикагский университет) был представлен этюд по политической истории Элама. В нем рассмотрена история династий Шимашки и ранних Суккалмахс, восстановлена последовательность правления царей на основе анализа аккадских и эламских хроник и официальных текстов.

Доклад Г. Дейлса (Университет Беркли в Калифорнии) касался конкретной категории археологических материалов — керамики культуры Мохенджодаро и Хараппы. Дав критический анализ работ своих предшественников, автор предложил с

учетом новых соответствующих материалов достаточно обоснованную типологию и классификацию керамики древнейшей цивилизации Индостана.

В докладе Р. Медоу (Гарвардский университет) был подвергнут анализу большой фаунистический материал ряда древнейших памятников Индии и особенно Пакистана (поселение Мергар) и на этом основании поставлен вопрос о процессе доместикации животных в Индостане в VIII—III тысячелетиях до н. э.

Установлению западных границ харапской цивилизации посвятил доклад Г. Посел (Пенсильванский университет). Опираясь на результаты своих разведок в северном Пакистане, докладчик поставил вопрос о взаимодействии центральных областей харапской цивилизации и ее северной периферии, представленной оседло-земледельческими общинами.

В докладе В. Самнера (Колумбийский университет) приведена характеристика поселений бассейна р. Кур в Иране от V до начала II тысячелетия до н. э. Автор выделил ряд последовательных фаз развития хозяйства и культуры в изучаемом регионе. Особое внимание обращено на появление и развитие ирригационных систем и соотношение последних с концентрацией населения в конкретных районах долины Кур. Весьма интересен также затронутый докладчиком вопрос о циклах преобладания оседлых и кочевых общин. Появление городских поселений на данной территории автор относит к III тысячелетию до н. э.

Из общей проблематики симпозиума выделялся доклад К. Крамер (Колумбийский университет), посвященный изложению результатов проведенного ею детального этнографического изучения одной небольшой деревни под названием Алиабад в Иранском Курдистане. При этом большое внимание было обращено на возможности использования сделанных наблюдений для ретроспективного анализа поселений ранних земледельцев, их структуры, хозяйства, быта и т. д., что было названо докладчиком этноархеологией.

Интересный опыт сопоставления данных археологических и геологических исследований в области Керманшаха (Западный Иран) был представлен в докладе Л. Левина (Музей Онтарио, Торонто, Канада). Автор детально проследил историю накопления аллювия в трех речных долинах области и определил его стратиграфию с выделением слоев, связанных с определенными разливами и перекрытых различными видами почвы. Каждый слой сопряжен с определенными археологическими остатками, стратиграфия которых обусловлена здесь не антропогенными, а естественными явлениями. Рост аллювия изменял не только расположение и соотношение остатков по вертикали, но и число поселков и их площадь, а следовательно, и основные показатели, необходимые для экономических, демографических и социологических заключений. Определенные слои искажались и даже стирались совсем катастрофическими событиями естественного порядка. Весьма относительно, например, отсутствие памятников на склонах гор. Уничтожение части поселка искажает представление о его характере. В других случаях археологические остатки могли быть перекрыты значительными слоями напосов. В силу этого докладчик призвал археологов к осторожности при суждениях о степени и характере заселенности конкретных областей и к обязательному учету геолого-географических данных.

Доклад И. Винтер (Пенсильванский университет) был посвящен раскопкам поселения Годин-Тепе в Иране, прежде всего его IV слою, относящемуся к раннему бронзовому веку (первая половина III тысячелетия до н. э.). В этом слое вскрыт комплекс, состоящий из прямоугольного жилого дома с сырцовыми оштукатуренными стенами, кладовых, печей, резервуаров для воды. Открыты остатки металлообрабатывающего производства. Выделена центральная часть поселка с постройками общественного характера. Массовый керамический материал IV слоя Годин-Тепе указывает на принадлежность данного комплекса к так называемой куро-аракской культуре. Такая же керамика, по сообщению докладчика, обнаружена разведками еще примерно на 15 памятниках в данном регионе. Следовательно, куро-аракская культура доходила в Иране не только до бассейна оз. Урмии, но значительно южнее.

А. Загарел (Дюкский университет) осветил в своем докладе на основании главным образом подъемных материалов развитие поселений в районе Бахтиарских гор (Иран) от палеолита до эпохи поздней бронзы. Дав подробную характеристику природно-географических условий Бахтиарских гор и собранного здесь археологического материала, докладчик пришел к заключению о независимости и определенной специфике развития культур в изучаемый период на рассматриваемой территории.

Доклад Д. Шеффер (Кливлендский университет) был посвящен итогам раскопок раннеземледельческого поселения Саид-Кала в Южном Афганистане. На этом маленьком поселении, отнесящемся к III тысячелетию до н. э., были раскопаны однокомнатные прямоугольные постройки с очагами в центре и обнаружен разнообразный археологический материал: расписная керамика, антропоморфные и зооморфные статуэтки, печати, бусы, бронзовые изделия и т. д. Автор считает, что этот поселок входил в систему поселений, центром которой было известное поселение раннегородского типа Мундигак.

В докладе А. Кемпинского (Гарвардский университет) был дан обзор памятников Палестины эпохи неолита и начала бронзового века. Особенно интересна характеристика материала из новых раскопок. Они позволяют выделить ряд своеобразных культур и наметить генетическую линию их развития. Автор, вопреки мнению Р. Амиран, справедливо считает, что развитие Палестины отличается от Месопотамии и что после расцвета в период натуфийской культуры она превратилась в далекую провинцию. Большое внимание было уделено памятникам переходного перио-

да от энеолита к бронзовому веку. Отмечено высокое развитие ремесел с концентрацией ремесленников на определенных поселениях, некоторые из которых могут считаться протогородами. Автором были продемонстрированы великолепные фигурные сосуды и изделия из слоновой кости, датируемые IV тысячелетием до н. э. Засвидетельствованы активные связи с Египтом, который оказал значительное влияние на культурное развитие Палестины в раннем бронзовом веке.

Таким образом, доклады, сделанные на симпозиуме, были посвящены широкому кругу вопросов ближневосточной и центральноазиатской археологии. Хронологически они охватили ряд последовательных периодов развития — от сложения производящей экономики до формирования и развития городов и цивилизации. Ряд докладов касался общетеоретических проблем, таких, например, как возникновение цивилизации, структура и типология раннеземледельческих поселений и первых городов, значение этнокультурных связей и т. д. Значительное внимание было уделено методике исследований и взаимодействию археологии с геологией, палеогеографией, этнографией, палеозоологией и т. д.

Симпозиум прошел в исключительно деловой обстановке. Все доклады вызвали интерес. Докладчикам было задано много вопросов. Последние касались методической стороны исследований, обоснования социальных и экономических выводов, уточнения хронологии, роли конкретных регионов в общем ходе исторического развития и т. д.

Пожалуй, наиболее оживленную дискуссию вызвали проблемы, касающиеся структуры древнейших поселений, формирования и характера ранних городов. Так, в дискуссии по докладу В .И. Гуляева подчеркивалось разнообразие форм иерархии поселений, обусловленных особенностями конкретных хозяйственных систем и их потребностями (например, контролем над ирригацией). Отмечались факторы, способствовавшие гегемонии определенных центров и перемещениям ее от одного города к другому. Интересное замечание касалось вопроса о том, что наряду с раннегородской системой в аллювиальных долинах существовала и иная система, связанная с подвижными скотоводческими обществами степных и пустынных областей, социально-экономическое развитие которых не знало гегемонии городов и базировалось на иных принципах.

Большое впечатление на американских коллег произвели результаты археологических исследований в Средней Азии, обобщенные в докладах советской делегации. Для них, в частности, были целым открытием итоги работ по изучению древней ирригации Узбекистана и других среднеазиатских республик.

Не меньший интерес вызвали результаты исследований экспедиции АН СССР в Месопотамии. По просьбе проф. Р. Мак-Адамса посвященный им доклад был в краткой форме повторен для студентов и сотрудников Восточного института Чикагского университета. Кстати, члены советской делегации выступили в Уэллсли-колледже близ Бостона с сообщениями об итогах новейших раскопок древних и средневековых памятников Средней Азии.

После завершения симпозиума советская делегация побывала в ряде научных центров США. Наиболее продуктивным было для нас пребывание в музее Пенсильванского университета (Филадельфия) и Восточном институте университета в Чикаго. В фондах последнего мы ознакомились с коллекциями ряда широко известных памятников Ближнего Востока, начиная с каменного века и вплоть до энеолита (Барда Балка, Джармо, Малафат, Матарра, Амук и др.). Выдающийся американский археолог проф. Р. Б. Брейвуд и Л. Брейвуд предоставили нам возможность работы с указанными коллекциями, а также продемонстрировали результаты своих новейших исследований на поселении VIII тысячелетия до н. э. Чайоню-тепеси в Юго-Восточной Турции.

Проведенный симпозиум полностью себя оправдал. Он оказался полезным и безусловно способствовал дальнейшей успешной разработке ряда важных проблем археологии и древней истории Ближнего Востока и Центральной Азии. Органическим продолжением сотрудничества советских и американских археологов явится второй аналогичный симпозиум, который предполагается провести в 1983 г. в Самарканде. На этом симпозиуме выступят с докладами отмеченные выше ведущие американские специалисты по археологии Ближнего Востока и Центральной Азии.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что во всех учреждениях США, где побывала советская делегация, она была встречена дружелюбно и ей повсеместно был оказан теплый прием.

Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.

ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ И НУМИЗМАТИКИ (Х. М. ФРЕН, 1782—1851)

Исполнилось 200 лет со дня рождения Х. М. Френа, стоявшего у истоков русского востоковедения, восточной археологии и нумизматики. Немец по происхождению, он был одним из тех немногих иностранцев в Российской Академии XVIII — начале XIX в., которые сроднились с Россией, возвеличили славу русской науки.

Христиан Мартин Френ родился 23 мая 1782 г. в г. Ростоке, где окончил университет под руководством знаменитого ориенталиста О. Г. Тихсена, занимаясь восточными языками, монетами и древностями. Его учитель, О. Г. Тихсен, имел связи с Российской Академией наук и даже предлагал свои услуги для описания восточных монет из русских собраний. По рекомендации Тихсена молодого Х. М. Френа пригласили в 1807 г. занять место профессора восточных языков в только что открывшемся Казанском университете. Здесь начались его исследования мусульманской нумизматики. В 1808 г. в Казани он публикует сочинение о саманидских и бувейхидских монетах, напечатанное на арабском языке, так как латинского шрифта в Казанской университетской типографии не оказалось. В Казани Х. М. Френ познакомился с несколькими большими частными коллекциями восточных монет. Среди них было много почти неизвестных еще науке золотоордынских монет. Выходит ряд его работ, описывающих эти монеты. Так было положено начало золотоордынской нумизматике — главного вклада Френа в науку.

С 1815 г. Френ — декан историко-филологического факультета Казанского университета. Но вот умирает его учитель Тихсен и кафедру в университете Ростока предлагают Френу. Тридцатипятилетний Христиан не может отказаться от соблазна вернуться в родной город и занять место своего учителя. В 1817 г. он уезжает из Казани.

По пути в Германию Х. М. Френ задержался в Петербурге Российская Академия наук просила его осмотреть ее обширные нумизматические коллекции. Монеты оказались сильнее зова родного города и Х. М. Френ остался в России навсегда. Восточные монеты сделали из немца Христиана Мартина Френа русского академика Христиана Даниловича Френа — так он теперь себя именует. Скоро Х. М. Френ стал ординарным академиком, занимаясь в Петербурге первое время главным образом минцкабинетом Академии наук. Затем он содействует организации в Академии Азиатского музея и занимает пост директора этого музея до 1842 г.

Х. М. Френ пользовался мировым авторитетом в вопросах восточной нумизматики. Его ученик П. С. Савельев писал, что через руки Х. М. Френа прошло более 3 миллионов восточных монет. Иностранные академии и университеты обращались к нему с просьбой разобрать фонды их минцкабинетов. Ростокский университетский минцкабинет тоже был описан им. Но главным нумизматическим сочинением Френа стал каталог монет Петербургской академии наук. Точность определений, огромные знания и интуиция, блестящие конъектуры сделали этот труд классическим. Принятые в нем классификация и порядок описания монет стали общеупотребительными. Х. М. Френ открыл новый не известный до селе раздел восточной нумизматики — монеты Золотой Орды. В русских собраниях хранятся сотни тысяч этих монет, представляющих множество типов дирхемов и пулов. Френ правильно определил и описал более 70% этих типов, дал хронологию правления ханов, некоторые из которых не были известны по письменным источникам, составил список монетных дворов улуса Джучи. Специальное исследование было посвящено ученым титулатуре джучидских ханов.

Важнейшим трудом Х. М. Френа в области джучидской нумизматики стала публикация коллекции Х. Фухса, вышедшая на русском языке в 1932 г. под названием «Монеты хапов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении». Под его фамилией на титульном листе этой книги было обозначено его членство в научных обществах и академиях Парижа, Лондона, Калькутты, Стокгольма, Лиссабона, Геттингена, Копенгагена, Упсалы, Турина, Мадрида и т. д.

Х. М. Френ начал регистрацию находок восточных куфических монет в России. Это его дело продолжил П. С. Савельев, А. К. Марков, Р. Р. Фасмер.

Интересовался Х. М. Френ и русской нумизматикой, делавшей тогда свои первые шаги. Его перу принадлежит исследование о происхождении слова «деньга». Он

разбирал восточные легенды на так называемых русско-татарских монетах первых выпусков Москвы при Дмитрии Донском и Василии I. Он правильно прочел на них имя и титул хана Тохтамыша. В своем отзыве на книгу Шодуара «Обозрение русских денег» Х. М. Френ дал первый обзор восточных легенд на русских деньгах. Его замечания о русских монетах показались А. В. Орешникову настолько ценными и проницательными, что он в 1896 г. привел их изложение в своем основном труде по русской нумизматике — «Русские монеты до 1547 года».

Другой сферой деятельности ученого были восточные надписи. Его внимание привлекали арабские надписи из Мальты, Дербента, Имеретии, могильные плиты из Сибири, Нахичивани, надписи, привезенные из Египта. Он собирал в Академии восточные рукописи. По его настоянию в Петербург были перевезены большие собрания восточных рукописей из Ардебиля, Ахалциха, Баязида, Эрзерума. Х. М. Френ составил их описания. Он был замечательным переводчиком и комментатором этих источников.

Такие традиционные темы русской исторической науки, как изучение сведений арабских источников о болгарах, русах, хазарах, о походах русов на Каспий и т. п., восходят к Х. М. Френу. Он первый выявил для науки и исследовал записки Ибн-Фадлана — источник, к которому постоянно обращаются историки и не менее часто археологи.

Русская археология во времена Х. М. Френа только зарождалась. Одни из первых крупных раскопок в России вне античных памятников были произведены на территории столицы Золотой Орды Нового Сарая — на Царевском городище. Френ внимательно следил за этими работами, изучал вещи, которые присылались в Петербург, читал надписи на них, определял монеты. Он написал археолого-нумизматический очерк о древнем городе Укеке — Увеке.

Когда в 1826 г. Академия объявила конкурс на сочинение по истории Золотой Орды, программу его составил Х. М. Френ. Он же дал суровую критику представленной на конкурс поверхностной книги австрийского востоковеда И. Хаммера-Пургшталя. Сам он был слишком серьезным ученым, чтобы взяться за такое сочинение. Он понимал, что эта работа займет многие десятилетия.

«Френ привил свою науку к русской почве и оставил немало последователей и подражателей»,— написал о нем его ученик и биограф П. С. Савельев. Действительно, под влиянием Х. М. Френа находились многие русские востоковеды XIX в. (В. В. Григорьев, П. С. Савельев, Н. И. Березин, В. В. Тизенгаузен и др.), и они так или иначе затронули в своих исследованиях золотоордынскую тематику.

Умер Х. М. Френ 16 августа 1851 г.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ

Советская историческая наука понесла огромную, невосполнимую потерю. 18 ноября 1981 г. скончался один из крупнейших советских историков и археологов, Герой Социалистического Труда, академик Алексей Павлович Окладников.

А. П. Окладников родился 3 октября 1908 г. в глухой таежной деревне Константиновщина на притоке Лены р. Илге в семье сельского учителя, женившегося на крестьянке. Заниматься археологией он начал в 1924 г. в краеведческом кружке при сельской школе-семилетке. В 1925 г. А. П. Окладников переехал в Иркутск, где учился сначала в педагогическом техникуме, а затем в педагогическом институте. Здесь он продолжал работать в области археологии, проводил археологические разведки и раскопки на Верхней Лене. Его учителем стал проф. Б. Э. Петри. Будучи студентом, Алексей Павлович являлся в то же время (1929—1933 гг.) ассистентом кафедры педагогики Иркутского педагогического института. Это характерная примета времени, когда была исключительно велика потребность в научных кадрах и когда способные, преданные делу молодые специалисты быстро продвигались по служебной лестнице независимо от наличия у них диплома о законченном высшем образовании. В тот же период, на рубеже 20-х и 30-х годов, Алексей Павлович работал заведующим отделом Иркутского краеведческого музея, а также в Иркутском обществе краеведения. Его археологические изыскания были тесно связаны с историческими и этнографическими, а также с массовой атеистической работой, с чтением лекций, устройством выставок. Еще в 1925 г. А. П. Окладников выезжал в Москву в качестве делегата Первого Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников.

В 1934 г. А. П. Окладников стал аспирантом Государственной академии истории материальной культуры и переехал в Ленинград. Впоследствии Алексей Павлович вспоминал, что во время вступительных экзаменов в аспирантуру он чуть не срезался на системах родства австралийцев, доскональное знание которых требовалось тогда от каждого археолога-первобытника. Но экзаменаторы поняли, что перед ними незаурядный, подающий большие надежды молодой ученый, и не стали препятствовать его поступлению.

Учителем А. П. Окладникова в Ленинграде стал П. П. Ефименко, сыгравший большую роль в формировании Алексея Павловича как ученого. П. П. Ефименко был внимательным, вдумчивым и заботливым руководителем, но в то же время человеком очень требовательным, даже жестким, не любившим баловать своих учеников. Алексей Павлович пришел в аспирантуру, имея в своем активе ряд инте-

ресных археологических открытий, сделанных в поле, и свыше 10 печатных научных работ. Атмосфера, господствовавшая в нашей археологической науке начала 30-х годов, стимулировала интерес к теории, к историческому освещению археологических памятников, но вместе с тем порой толкала молодежь к широким скороспелым обобщениям социологизаторского толка. О том, что опасность последних угрожала и Алексею Павловичу, свидетельствует его рецензия на книгу М. М. Герасимова о Мальтинской палеолитической стоянке (СГАИМК, 1932, № 3—4). И вот в подобных случаях суровая критика, которой П. П. Ефименко подвергал своих молодых учеников, сбрасывая их порой с небес на землю, но в то же время энергично поддерживая все новаторское и добротное в их работах, была полезна.

За годы аспирантуры и последующей предвоенной работы сотрудником Сектора палеолита и неолита ГАИМК А. П. Окладников опубликовал блестящую статью «Каменные рыбы» (СА, 1936, I). В результате многолетних разведок и раскопок на Ангаре, доставивших обширный археологический материал, он создал оказавшую большое влияние на всю сибирскую арехологию хронологию и периодизацию неолита и бронзового века Прибайкалья, впервые выделил этапы — исаковский, серовский, китойский, глазковский, хорошо известные теперь каждому археологу (ВДИ, 1938, I; итоговая капитальная монография: Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I—II. М.—Л., 1950; ч. III. М.—Л., 1955). Этой теме была посвящена и кандидатская диссертация Алексея Павловича «Неолитические могильники долины р. Ангары», защищенная им в Ленинградском университете в 1938 г. В те же годы им был открыт, раскопан и мастерски реконструирован интереснейший позднепалеолитический поселок Буреть в Иркутской области, состоявший из четырех жилищ (КСИИМК, 1941, вып. 10).

В 1938 и 1939 гг. Алексей Павлович обнаружил и раскопал палеолитический грот Тешик-Таш на юге Узбекистана с погребением мальчика-неандертальца. Это было настоящее «открытие века», одно из самых блестящих открытий советской археологической науки вообще, принесшее его автору после монографической публикации памятника (Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949) звание лауреата Государственной премии.

Одновременно в эти же предвоенные годы А. П. Окладников разрабатывал общие вопросы истории первобытного общества и первобытной культуры, принял участие в написании первых томов «Всемирной истории», «Истории СССР» и «Истории первобытной культуры», фундаментальных коллективных работ, подготовка которых была начата Институтом истории материальной культуры АН СССР. Для «Истории первобытной культуры» он выполнил важное исследование «К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры» (КСИИМК, 1940, вып. 5.)

В 1940 г. Алексей Павлович начал углубленную разработку истории Якутии. Он организовал и возглавил Ленскую историко-археологическую экспедицию, которая в 1940—1945 гг. систематически исследовала всё течение Лены — от верховьев до ее впадения в море Лаптевых. В результате на обширных пространствах Якутии, представлявших до того на археологических картах белое пятно, были обнаружены и изучены многочисленные памятники разных эпох. Итогом явились докторская диссертация, защищенная Алексеем Павловичем в Ленинградском университете в 1947 г. (Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. 1-е изд. Якутск, 1949; 2-е изд. М.—Л., 1955), и большое количество других книг и статей.

В середине 40-х годов А. П. Окладников уже был одним из крупнейших и известнейших деятелей советской археологической науки. Признанием этого стало награждение его в 1945 г. в числе небольшой группы самых видных советских археологов орденом «Знак Почета» за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР.

В послевоенные десятилетия Алексей Павлович, продолжая исследовать памятники Лены и Ангары, большое внимание уделил археологии и древней истории Средней Азии, Алтая, Дальнего Востока, Забайкалья и Монгольской Народной Республики. На территории Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии экспедициями, работавшими под его руководством, было открыто и изучено множество памятников каменного века. Раскопки многослойной пещеры Джебел в Западной Туркмении позволили сделать важные выводы о связи древних культур Прикаспия с Передним Востоком (Пещера Джебел. Памятники истории культуры Прикаспийских племен Туркмении.— ТЮТАКЭ, 1956, VII). В Таджикистане открыта новая и

своеобразная гиссарская культура каменного века (Исследование памятников каменного века Таджикистана.— МИА, 1958, № 66). на Алтае, в г. Горно-Алтайске, открыта и раскопана древнепалеолитическая, домустьерская стоянка Улалинка, один из древнейших памятников человеческой культуры на территории нашей страны, материалы которого очень важны для разработки проблем первого заселения Сибири человеком (Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири.— МИА, 1972, № 185).

Начиная с 1953 г. А. П. Окладников, его сотрудники и ученики развернули широкие археологические работы на Дальнем Востоке, охватившие Приморский и Хабаровский край, Амурскую область, Сахалин, Курильские острова, а частично и Чукотку. В результате было доказано, что берега Амура заселены людьми начиная с палеолита, выявлена последовательность основных культур древнего Дальнего Востока. История народов Дальнего Востока, еще недавно мало изученная, оказалась наполненной многочисленными фактами и материалами, тесно связанными с фактами и материалами древней истории соседних стран (Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, в соавторстве с А. П. Деревянко).

Многолетние археологические работы проводились под руководством А. П. Окладникова начиная с 1947 г. также в Бурятской АССР и в Читинской области. Здесь было открыто и изучено много новых палеолитических и неолитических стоянок, ряд могильников, относящихся к неолиту и к эпохе бронзы (в том числе известный Фофановский могильник), производились широкие раскопки на Иволгинском городище железного века.

Непосредственным продолжением работ в Бурятской АССР явились исследования в Монгольской Народной Республике. Начиная с 1960 г., свыше двух десятилетий А. П. Окладников руководил советско-монгольской археологической экспедицией, основной задачей которой были поиски и изучение памятников каменного века. В тесном содружестве с подготовленными им монгольскими археологами Алексей Павлович открыл множество палеолитических стоянок, впервые доказал существование в Центральной Азии типичных ашельских рубил (находки у горы Ярх), установил распространение там леваллуазской и мустьерской техники, определил основные этапы позднего палеолита Монголии (Палеолит Центральной Азии. Новосибирск, 1981).

Ленинградский период деятельности А. П. Окладникова продолжался с 1934 по 1961 г. Он был аспирантом ГАИМК, старшим научным сотрудником этого учреждения, в 1949—1951 гг. являлся заместителем директора Института истории материальной культуры АН СССР и заведующим его Ленинградским отделением, а в 1951—1961 гг. возглавлял Сектор палеолита Института, сменив на этом посту своего учителя Петра Петровича Ефименко. В 1961 г. Алексей Павлович переехал в Новосибирск, где жил и работал уже до конца жизни. В 1964 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1968 г.— действительным членом Академии наук СССР С 1966 г. А. П. Окладников возглавлял Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР.

Переезд Алексея Павловича в Новосибирск первоначально не был служебным повышением. Известны случаи, когда в результате подобного переезда исследователь сникает, теряет свое научное лицо или же, получив какие-либо почетные звания, оказывается вынужденным вернуться на старое место работы. Но тут было другое. Алексея Павловича к новой деятельности в Новосибирске подготовили предшествующие десятилетия широких и напряженных исследований именно по археологии и истории Сибири. В Сибирском отделении Академии наук полевая археологическая, собственно научная и научно-организационная деятельность Алексея Павловича, ставшего фактически главой всей сибирской археологии и истории, развернулась особенно широко. Одним из самых наглядных проявлений этой деятельности стала подготовка и публикация под руководством А. П. Окладникова пятитомной «Истории Сибири»— фундаментального коллективного обобщающего труда, впервые осветившего с последовательных марксистско-ленинских позиций прошлое Сибири начиная с каменного века и до современности. Этот труд принес в 1973 г. Алексею Павловичу вторую Государственную премию.

Предметом особой любви и особого внимания Алексея Павловича всегда являлась история первобытного искусства. Еще в довоенные годы им были открыты и изучены палеолитические женские статуэтки в Бурети, а также образцы резьбы

и скульптуры в сибирских могильниках неолита и эпохи бронзы, создана интересная и убедительная теория происхождения палеолитических женских изображений. В послевоенные десятилетия на берегах Амура им найдены неолитический сосуд с эффектным изображением человеческой личины в Вознесеновке и замечательная неолитическая женская статуэтка в с. Кондон, так называемая «Кондонская Венера», признаваемая одним из ярчайших образцов искусства каменного века. Одновременно создавались обобщающие труды, посвященные истории первобытного искусства (Утро искусства. Л., 1967). Наибольший интерес вызывали у Алексея Павловича памятники первобытного монументального искусства, древние наскальные изображения (Олень Золотые Рога. Л.—М., 1964). Первые его монографии были посвящены наскальным изображениям на берегах Лены, которые удалось расчленить на разные хронологические группы, выделив более древние и более поздние, приурочить к определенным эпохам и племенам, исторически осветить (Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959; Петроглифы Средней Лены. Л., 1972, в соавторстве с В. Д. Запорожской; Петроглифы Верхней Лены. Л., 1977). Столь же детально были исследованы петроглифы Ангары (Петроглифы Ангары. М—Л., 1966) и Алдана (Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск, 1979, в соавторстве с А. И. Мазиным). Наряду с этими обширными группами наскальных изображений в основном неолитического возраста, характеризующимися в значительной степени фигурами животных, связанными с охотничьим укладом, были обнаружены и изучены тоже в основном неолитические обширные группы петроглифов Амура. Для них характерны орнаментализм, воспроизведения своеобразных масок-личин (Лики древнего Амура: петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск, 1968; Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971). Вслед за изучением петроглифов оз. Байкал и Забайкалья (Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л., 1969; Ч. 2. Л., 1970, в соавторстве с В. Д. Запорожской) Алексей Павлович последние годы жизни особенно много занимался поисками и изучением наскальных изображений и пещерных росписей Монголии. Он выделил наиболее древний их пласт, датируемый палеолитом, и более поздние — неолитические (Центральноазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972; Петроглифы Монголии. Л., 1981). Крупный вклад внес Алексей Павлович в изучение древних наскальных изображений Алтая и бассейна Енисея.

В работах Алексея Павловича, посвященных искусству, всесторонняя монографическая публикация открытых им многочисленных памятников сочеталась с постановкой и разрешением общих принципиальных вопросов происхождения и развития первобытного искусства и идеологии. Научная репутация А. П. Окладникова-искусствоведа столь же высока, как и его научная репутация — историка и археолога.

В течение многих десятилетий А. П. Окладников уделял большое внимание проблемам первого заселения Америки человеком и древних культурных связей Сибири и Америки. Материалы для разработки этих проблем ему доставляли раскопки стоянок и могильников каменного века, изучение наскальных изображений, а также этнографические штудии. Еще к предвоенным годам относится его научная дружба с выдающимся американским знатоком этой проблематики проф. А. Хрдличкой, приезжавшим к Алексею Павловичу в Сибирь на раскопки. В 1974 г. А. П. Окладников во главе группы советских археологов, своих учеников, принял участие в совместных советско-американских археологических раскопках стоянки Анангула и других памятников на Алеутских островах; американскую часть объединенной экспедиции возглавлял проф. В. Лафлин. Работы экспедиции доставили важные материалы для выяснения древних культурных связей (VII—IV тысячелетия до н. э.) между Сибирью и Америкой (По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976, в соавторстве с Р. С. Васпльевским). Вторая совместная советско-американская археологическая экспедиция продолжала в 1975 г. раскопки уже на территории СССР, в районе оз. Байкал.

Таким образом, историко-археологическими исследованиями А. П. Окладникова были освещены огромные периоды, от палеолита до железного века, и огромные территории: Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Центральная Азия, крайний северо-запад Америки. В изучение каждой из этих эпох и территорий Алексей Павлович внес бесценный вклад. Но круг его интересов не ограничивался первобытностью. Ему принадлежит обширная монография, основанная на самостоятельном изучении документов XVII в. из сибирских архивов — «Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.)» (М.—Л., 1937). Он много занимался историей

первых русских землепроходцев в Сибири, в частности Пенды, проникшего в XVII в. со своими товарищами на Лену (Летопись Севера, 1949, вып. 1). В 1945 г. Алексей Павлович раскопал у берегов п-ова Таймыр остатки становища русской Мореходной полярной экспедиции начала XVII в., доставившие многочисленные предметы русской материальной культуры, вплоть до мореходных инструментов и шахмат (Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра. 2-е изд. М.—Л., 1957).

Приведенный здесь обзор разносторонней, исключительно напряженной научной деятельности А. П. Окладникова не претендует на исчерпывающую полноту. Его перу принадлежит много сот печатных научных работ, в том числе десятки книг. Он был блестящим стилистом, настоящим художником слова, что проявлялось не только в книгах и статьях, рассчитанных на широкие круги читателей (Открытие Сибири. М., 1979), но и в специальных археологических отчетах. Позволю себе здесь небольшое отступление. Когда читаешь, скажем, опубликованный около 100 лет назад в Записках Академии наук отчет И. С. Полякова об открытии палеолита в Костенках, видишь яркую, живую картину жизни, быта крестьян Воронежской губернии, помогавших исследователю (а иногда не желавших ему помочь), с увлечением знакомишься со всеми деталями поисков и открытия. Но в XX в. в нашей археологической литературе произошло своего рода «раздвоение» на научно-популярные книги и статьи, которые пишутся живо, увлекательно, с бытовыми подробностями, и на археологические отчеты и монографии, которые пишутся строго, выдержанно, чтобы не сказать — скучно. В работах Алексея Павловича отсутствовало такое «раздвоение». Его академические отчеты и монографии увлекают не меньше, чем его научно-популярные статьи и книги. К этому следует еще добавить, что Алексей Павлович был превосходным полемистом. Некоторые его научные противники принимали благожелательность и веселую доброту Алексея Павловича за слабость и беспомощность и обрушивались на него с несправедливой, оскорбительной критикой. Они бывали жестоко наказаны. Многие помнят, как был буквально разгромлен (ВФ, 1954, № 2) специалист по эстетике, проф. И. Б. Астахов, пытавшийся утверждать, что знаменитые на весь мир произведения палеолитического искусства являются в действительности делом рук современных фальсификаторов. Да и по сей день у некоторых археологов из Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Якутска не зажили «синяки», нанесенные полемическими ударами А. П. Окладникова.

Много сделал Алексей Павлович и в области преподавания археологии и истории. Блестящий лектор, он, начиная с 1939 г., в течение ряда лет читал в Ленинградском университете курсы по истории и археологии Сибири и Дальнего Востока, а с 1962 г. до конца жизни был профессором и заведующим кафедрой всеобщей истории Новосибирского университета. Живая, общительная, благожелательная натура Алексея Павловича (этому не противоречила его эмоциональность и вспыльчивость при быстрой отходчивости), его высокий научный авторитет, беззаветная преданность любимому делу, огромное личное обаяние и постоянная готовность отдавать свои знания и помогать предопределили то, что он всегда был окружен молодежью, что у него было много учеников: студентов, аспирантов, уже сложившихся ученых. Ученики Алексея Павловича работают в Новосибирске, Москве, Ленинграде, Кемерове, Иркутске, Владивостоке, Магадане, Улан-Удэ, Ташкенте, Самарканде, Улан-Баторе и во многих других городах.

Алексей Павлович неоднократно представлял советскую науку за рубежом. Многие его книги и статьи переведены на иностранные языки. Его международный научный авторитет был исключительно высок. Это нашло свое выражение, в частности, в том, что он был избран иностранным членом Академии наук МНР, почетным членом Венгерской Академии наук, членом-корреспондентом Британской Академии, почетным доктором Познаньского университета, был награжден венгерским орденом Труда серебряной степени и монгольским орденом Трудового Красного Знамени.

Советское правительство высоко оценило научные заслуги А. П. Окладникова. Он имел почетные звания заслуженного деятеля науки РСФСР, Таджикской ССР, Якутской АССР и Бурятской АССР, был награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами «Знак Почета» и медалями. В 1978 г. за большие заслуги в области археологии и исторической науки, подготовке научных кадров и в связи с 70-летием со дня рождения А. П. Окладникову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Комсомолец 20-х годов, коммунист с 1946 г., Алексей Павлович Окладников являл собой образец советского ученого-патриота. Его имя навсегда вписано золотыми буквами в историю отечественной науки.

Борисковский П. И.

Примечание. Наиболее полный список печатных работ А. П. Окладникова см.: Алексей Павлович Окладников. Вступительная статья Р. С. Васильевского. Библиография составлена Г. Н. Финашиной и Н. Г. Ворошиловой. М.: Наука, 1981 (АН СССР. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. истор., вып. 13). Новейшая научно-художественная биография А. П. Окладникова см.: Деревянко А. П. В поисках оленя Золотые рога. М.: Советская Россия, 1980.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕНОЖКИН

19 мая 1981 г. скончался выдающийся советский археолог, Заслуженный деятель науки УССР, лауреат Государственной премии УССР, доктор исторических наук, профессор А. И. Тереножкин.

Алексей Иванович Тереножкин родился 26 ноября 1907 г. в г. Пугачеве нынешней Саратовской области. Интересоваться археологией он начал еще в школьные годы, когда открыл в Поволжье несколько поселений срубной культуры. В 1926 г., окончив среднюю школу, Алексей Иванович поступил на археологическое отделение Высших курсов краеведения в г. Самаре, а затем перевелся на историко-археологическое отделение этнологического факультета Московского университета. Научными руководителями А. И. Тереножкина были профессора В. В. Гольмстен и В. А. Городцов.

В студенческие годы А. И. Тереножкин провел первые самостоятельные раскопки поселений срубной культуры в Поволжье, осуществил разведки в Средней Азии. Именно археология Средней Азии, в то время совсем слабо изученная, привлекала внимание молодого исследователя. С 1934 г. начинается плодотворный период археологических исследований А. И. Тереножкина в Средней Азии. Он участник и организатор ряда экспедиций в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и особенно в Узбекистане. В 1934 г. совместно с М. В. Воеводским и А. А. Потаповым им были осуществлены исследования в Хорезме, главным объектом которых явились руины средневекового города Замахшара. В 1937 г. А. И. Тереножкиным (в то время аспирантом ИИМКа) в пустынных местностях Правобережья Амударьи была впервые открыта группа выдающихся памятников домусульманского Хорезма. Этим было положено начало многолетним плодотворным работам Хорезмской археологической экспедиции.

С 1938 г. А. И. Тереножкин работал в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР в Ташкенте и Самарканде. Успешные научные изыскания были прерваны войной. Ее А. И. Тереножкин окончил в Вене, в рядах 4-й гвардейской армии. Боевой путь старшего лейтенанта Алексея Ивановича Тереножкина был отмечен орденами и медалями.

После победы А. И. Тереножкин возвращается к любимому делу. Многолетние исследования в Средней Азии были суммированы им в кандидатской диссертации «Согд и Чач», которая была защищена в 1948 г. В ней были разработаны основы археологической периодизации городища Афрасиаб — домонгольского Самарканда, являвшегося одним из главных центров среднеазиатской цивилизации. Алексей Иванович доказал, что Самарканд как большой город, в пределах городища Афраспаба, возник еще в ахеменидское время, и привел убедительные данные о сложении классового общества в Согде в ту историческую эпоху. В дни празднования 2500-летнего юбилея города А. И. Тереножкин за большие заслуги в развитии среднеазиатской археологии был удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

В конце 1948 г. А. И. Тереножкин переезжает в Киев, где становится во главе Отдела археологии раннего железного века Института археологии АН УССР. Алексей Иванович возглавлял отдел более 30 лет, и все эти годы он посвятил изучению истории и археологии предскифского периода на территории Юго-Восточной Европы. Им были открыты памятники чернолесской культуры, результаты исследования которых Алексей Иванович сообщил в монографии «Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье». За этот труд А. И. Тереножкин в 1958 г. был удостоен степени доктора исторических наук. Большое внимание уделялось исследованию памятников предскифской поры степной зоны. В 1953 г. А. И. Тереножкин выделил памятники типа Малой Цимбалки — Черногоровки, которые ранее ошибочно относились к скифской эпохе. Итогом многолетних усилий стала монография «Киммерийцы», в которой впервые с исчерпывающей полнотой исследованы памятники позднейшего предскифского периода, характерный для этого времени погребальный обряд и материальная культура. Огромное значение имеет вывод Алексея Ивановича об отсутствии генетических связей между киммерийской и скифской культурами.

Плодотворными были усилия Алексея Ивановича в области изучения скифской археологии. В числе важнейших его работ в этой отрасли науки можно назвать остропроблемную статью «Скифская культура» (МИА, 1971, № 177), ставшую своеобразной программой исследования важнейших проблем скифоведения — происхожде-

ния скифской культуры и этногеографии Скифии. Большой интерес представляют изыскания Алексея Ивановича, направленные на решение проблемы общественного строя скифов; при этом использовались не только данные археологии, но и широкие этнографические параллели. Венцом творческой деятельности Алексея Ивановича явился фундаментальный труд «Скифия VII—III вв. до н. э.», написанный совместно с В. А. Ильинской. К сожалению, вышел он уже после смерти Алексея Ивановича.

Алексей Иванович являлся инициатором выпусков и неизменным редактором серии сборников статей по археологии предскифского и скифского периодов, издаваемых Институтом археологии АН УССР. В 1977 г. в составе коллектива авторов 3-томной «Археології Української РСР» А. И. Тереножкин (совместно с В. А. Ильинской) был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии УССР за написание и редактирование основной части второго тома этого издания.

Алексей Иванович был не только кабинетным ученым. Много сил он отдал полевым исследованиям. Особенно велик его вклад в разработку современной методики раскопок больших скифских курганов: у истоков ее стоят исследования знаменитого Мелитопольского кургана, без которых были бы немыслимы дальнейшие раскопки выдающихся памятников скифов — Гайдамановой и Толстой могил, Бердянского, Мордвиновского курганов, доследование курганов Огуз и Чертомлык. С именем Алексея Ивановича связано начало широких исследований скифских памятников в зонах новостроек Юга Украины. При его участии в научный оборот были введены материалы раскопок многих сотен скифских курганов и погребений, исследованных экспедициями Института археологии АН УССР.

Алексей Иванович дорог нам, его ученикам, как заботливый учитель и воспитатель. Мы всегда будем помнить гостеприимный дом Алексея Ивановича и длительные беседы, в которых он учил нас не только археологии, но и доброму отношению к людям. Светлая память об Алексее Ивановиче Тереножкине, большом ученом и коммунисте, навсегда сохранится в наших сердцах.

МАРТА ХАНСОВНА ШМИДЕХЕЛЬМ

26 июня 1981 г. не стало Марты Хансовны Шмидехельм — старейшего археолога Прибалтики, доктора исторических наук, иностранного члена Финского археологического общества и Белостокского научного общества, жизнь и работа которой на протяжении почти 60 лет были неразрывно связаны с эстонской археологией.

М. Х. Шмидехельм родилась 10 июня 1896 г. в пос. Козе в Северной Эстонии в семье кузнеца. С 1908 г. она жила в Петербурге: после окончания в 1913 г. гимназии училась на Высших женских курсах, специализируясь по русской филологии, а позднее — по классической филологии и археологии. В 1920—1921 гг. Марта Хансовна работала в Академии истории материальной культуры, занимая должность регистратора, а затем младшего научного сотрудника. В 1921 г. М. Х. Шмидехельм поступила в Тартуский университет, где обучалась археологии у проф. А. М. Тальгрена. С 1924 г. М. Х. Шмидехельм — консерватор, а позже ассистент-консерватор в Археологическом кабинете и музее Тартуского университета, затем старший ассистент на кафедре археологии. После создания в 1947 г. Института истории Академии наук ЭССР Марта Хансовна перешла в сектор археологии, где долгие годы занимала должность старшего научного сотрудника и консультанта сектора.

Тематика научных интересов Марты Хансовны охватывает все периоды железного века Прибалтики. Долгие годы работая рядом с Х. А. Моора — крупнейшим археологом Прибалтики и лучшим знатоком ее древностей, она стала одним из ведущих специалистов по археологии и первобытной истории Прибалтийских стран. В 1956 г. Марта Хансовна успешно защитила докторскую диссертацию, в том же году за плодотворную самоотверженную научно-исследовательскую и общественную работу она была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Эстонской ССР; в 1959 г. за участие в составлении сборника «Вопросы этнической истории эстонского народа» удостоена первой премии Советской Эстонии в области науки; в 1960 г. награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Одной из первых научных тем Марты Хансовны стали древности Мазурского Поозерья. Изучением этих памятников М. Х. Шмидехельм занималась уже в 1920-е годы, опубликовав несколько статей и защитив магистерскую диссертацию.

В 1920-е годы Марта Хансовна начала исследования каменных могильников с оградками и каменных курганов с ящиками в северо-восточной Эстонии. Она впервые разработала методику полевых исследований этих памятников, чрезвычайно сложных, требующих при раскопках филигранного мастерства. Одновременно исследованию были подвергнуты синхронные поселения. Эта тема завершилась в 1955 г. изданием монографии «Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии».

Важное место в научной деятельности М. Х. Шмидехельм занимали археологические памятники юго-восточной Эстонии. В 1950—1960-е годы она изучала курганы с сожжениями второй половины I тысячелетия н. э. В процессе полевых исследований были получены новые сведения об устройстве курганов, погребальном обряде племен, оставивших эти памятники, высказаны интересные наблюдения о происхождении курганной культуры в Эстонии. Особое место в исследовании памятников юго-восточной Эстонии отводится раскопкам городища и селища Рыуге — эталонного памятника, давшего название новой археологической культуре «рыугеского типа». Полученные в результате раскопок поселения Рыуге материалы значительно обогатили наши представления о южноэстонских племенах второй половины I тысячелетия н. э. и представляют важное значение для исследователей соседней территории древнерусского государства.

Много сил и энергии отдала Марта Хансовна музейному делу в Эстонской ССР. Особо следует отметить ее самоотверженную работу по спасению археологических фондов в годы Великой Отечественной войны.

М. Х. Шмидехельм пользовалась глубоким уважением среди коллег как человек исключительно скромный и добросовестный, всегда готовый прийти на помощь. Все эстонские археологи среднего и младшего поколения ощущали ее бескорыстную помощь, пользовались добрыми советами. Труды Марты Хансовны Шмидехельм вошли в золотой фонд советской археологии. Светлая память о ней, замечательном ученом и человеке, всегда останется с нами.

Тыниссон Э. Ю.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Археологическая комиссия
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БД — Белорусские древности
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БКМ — Белгородский краеведческий музей
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЯ — Вопросы языкознания
ВФ — Вопросы философии
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КГИМ — Киевский государственный исторический музей
КГУ — Киевский государственный университет
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КЧНИИ — Карачаево-Черкасский научно-исследовательский институт
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИДР — Московское Общество Истории и Древностей Российских
МЭР — Материалы по этнографии России. Л.
НГПИ — Новгородский государственный педагогический институт
НИС — Новгородский исторический сборник
НСф.— Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПАЭ — Поволжская археологическая экспедиция
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
СЭ — Советская этнография
ТЗС — Труды по знаковым системам
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр.ГИМ — Труды Государственного Исторического музея

Тр.ТКАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Тр.ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
Уч. зап. КФАН — Ученые записки Казанского филиала АН СССР. Казань
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского гос. университета
Уч. зап. ТГУ — Ученые записки Тартуского гос. университета
ХМ — Херсонесский музей
ХСб.— Херсонесский сборник. Севастополь
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Huhgaricae. Budapest
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AR — Archeologickè Rozhledy. Praha
AsP — Asian Perspectives. The Bulletin of the Far — Eastern Prehistoric Association. Hawaii
BSEI — Bulletin de la Société des Etudes Indochinoisses. Hanoi
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society. London
SCIV — Studii şi cercetări de istirie veche. Bucureşti
SMJ — The Sarawak Museum Journal. Kuching, Sarawak
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В этом номере журнала печатаются Правила приема статей с изменением требований к оформлению библиографии в связи с Правилами, принятыми ГОСТом.

Новый порядок оформления библиографии введен с № 3 — 1981 года.

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. В тексте указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80].

Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются **на русском языке: т., рис., табл., с.**

Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой (^{1}, ^{2}, ...).

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов (Her., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и **в список цитированной литературы не вносятся.** Если используются переводные источники, тогда они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

6. **В журнале принят следующий порядок оформления списка литературы:**

Книги, сборники

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
2. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.

Для литературы на иностранных языках вместо — В кн.: писать In:

Журналы и продолжающиеся издания

(Труды, Ученые Записки, Сообщения, а также сборники типа МИА, КСИА, КСИИМК)

3. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2.
4. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 252. Сер. истории искусств, вып. 29.
5. Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83.

Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

7. Фамилия автора. Название статьи.— АО — 1969. М., 1970.
8. ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

9. Черных Е. Н.— СА, 1976, № 3.— Рец. на кн.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970.— EW, v. 23, N 1—2.

Авторефераты диссертаций

11. Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, 1968.
12. Аскаров А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1962.

Архивные материалы

13. Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис.: ИА АН СССР, 1966. Архив ИА АН СССР, р-2, № 1959.
14. Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4876.

7. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

8. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10; для раздела «Заметки» — не более 3. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

9. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16.04.82 Подписано к печати 30.06.82 Т-10537 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 87,6 тыс. Уч.-изд. л. 30,8 Бум. л. 9,5
Тираж 3272 экз. Зак. 1566

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10